

МОНГОЛЬСКАЯ ИМПЕРИЯ
И КОЧЕВОЙ МИР

МОНГОЛЬСКАЯ ИМПЕРИЯ И КОЧЕВОЙ МИР

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Институт истории, археологии и этнографии ДВО РАН

**МОНГОЛЬСКАЯ
ИМПЕРИЯ
И
КОЧЕВОЙ
МИР**

Книга 3

Ответственные редакторы
Б. В. Базаров, Н. Н. Крадин, Т. Д. Скрынникова

Улан-Удэ
Издательство БНЦ СО РАН
2008

УДК 93/99(4/5)

ББК 63.4

М77

Рецензенты:

д-р и.н. М. Н. Балдано

д-р и.н. С. В. Березницкий

д-р и.н. Д. И. Бураев

М77 **Монгольская империя и кочевой мир** (Мат-лы междунар. науч. конф-ии). Кн. 3. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2008. – 498 с.

ISBN 978-5-7925-0308-3

Монография посвящена истории Монгольской империи Чингис-хана. На широком сравнительно-историческом фоне рассматриваются проблемы типологии кочевых обществ, социально-политическая организация монгольского общества, идеологическая и правовая система Монгольской империи. Много внимания уделено рассмотрению отношений монголов с земледельческими цивилизациями. В числе авторов книги известные ученые из многих стран, специализирующиеся в области изучения кочевых обществ.

Книга будет полезна не только специалистам в области истории, археологии и этнографии кочевого мира, но и более широкому кругу читателей, интересующихся историей кочевничества, монгольской историей и историей цивилизаций, в том числе преподавателям вузов, аспирантам, студентам.

Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ (07-01-92002a/G).

УДК 93/99(4/5)

ББК 63.4

© Кол. авторов, 2008

© ИМБТ СО РАН, 2008

© Изд-во БНЦ СО РАН, 2008

ISBN 978-5-7925-0308-3

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Б. В. Базаров, Н. Н. Крадин, Т. Д. Скрынникова.</i> Введение: Кочевники и проблема происхождения государства.....	4
Часть I. ТЕОРИЯ КОЧЕВЫХ ИМПЕРИЙ	
<i>Барфилд Т.</i> Теневые империи: формирование империй на границе Китая и кочевников.....	14
<i>Гринин Л. Е.</i> О некоторых особенностях политогенеза в кочевых и варварских обществах.....	58
<i>Васютин С. А.</i> Властные системы раннесредневековых кочевников Евразии в свете теории многолинейности.....	93
<i>Роджерс Д.</i> Причины формирования государств в восточной Внутренней Азии.....	144
Часть II. ПЕРИОДИЗАЦИЯ ИСТОРИИ ВЕЛИКОЙ СТЕПИ	
<i>Ди Космо Н.</i> Образование государства и периодизация истории Внутренней Азии.....	181
<i>Энхтувшин Б.</i> Традиции государственности и история кочевников.....	227
<i>Шираиси Н.</i> Этапы кочевых государств монгольских степей.....	239
Часть III. ДРЕВНИЕ ИМПЕРИИ НОМАДОВ	
<i>Даншлов С. В.</i> Археологические культуры и кочевые империи Центральной Азии (К постановке проблемы).....	252
<i>Ямада Н.</i> Образование номадного государства Хунну.....	271
<i>Яценко С. А.</i> Донская Алания как кочевая империя (I в. – середина II в.).....	281
Часть IV. СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ИМПЕРИИ ВНУТРЕННЕЙ АЗИИ	
<i>Кляшторный С. Г.</i> Древнетюркские рунические памятники как исторический источник.....	311
<i>Савинов Д. Г.</i> Древнетюркский культурный комплекс и культурогенез.....	319
<i>Крадин Н. Н.</i> Урбанизационные процессы в кочевых империях монгольских степей.....	330
Часть V. ОСОБЕННОСТИ МОНГОЛЬСКОГО ПОЛИТОГЕНЕЗА	
<i>Франке Г.</i> Роль государства как структурного элемента в полиэтнических обществах.....	347
<i>Нанзатов Б. З.</i> Расселение и племенной состав номадов Центральной Азии в предчингисовское и чингисовское время (по данным летописей Рашид-ад-Дина).....	377
<i>Рыкин П. О.</i> Термины родства у средневековых монголов.....	444
<i>Скрынникова Т. Д.</i> Политическая организация Халхи XVI–XVII вв.....	463

Б. В. Базаров, Н. Н. Крадин, Т. Д. Скрынникова

ВВЕДЕНИЕ: КОЧЕВНИКИ И ПРОБЛЕМА ПРОИСХОЖДЕНИЯ ГОСУДАРСТВА

Данная книга подводит определенные итоги в области изучения кочевых империй. Особое внимание уделено Монгольской империи в связи с тем, что несколько лет назад прошел 800-летний юбилей создания империи Чингис-хана. Этот вопрос активно обсуждался в научном мире, привлек внимание широкой общественности разных стран, с размахом проводились различные праздничные мероприятия в государствах, в той или иной степени связывающих свою историю с кочевыми народами. В первой книге были рассмотрены наиболее популярные вопросы в монголоведческой проблематике – причины возникновения Монгольской империи, структура общества, идеологическая система монголов и др. Во второй книге авторы уделили внимание типологии властных отношений, традиционным нормам кочевого мира, осмыслению роли номадов в различных мифологемах и конструктах исторического знания.

Главная идея этой работы – обратиться еще раз к тематике происхождения и эволюции сложных форм политической организации у кочевников монгольских степей через призму общих вопросов проблематики политогенеза. Ни для кого не секрет, что проблема становления государственности относится к числу вечных вопросов науки о человеке и обществе. На эту тему написано огромное количество книг и статей. Однако в большинстве теорий процессы становления государства рассматривались, главным образом, на примере оседло-земледельческих обществ. Такое положение дел вполне объяснимо, так как именно переход к оседлости и земледелию открыл магистральный путь к цивилизации и современному обществу. Однако было бы важно знать и учитывать иные варианты социальной эволюции, поскольку игнорирование подобных особенностей нередко создавало серьезные барьеры на пути разного рода экономических, политических и культурных реформаций. Если говорить об обществах кочевников-скотоводов, то достаточно напомнить, к каким последствиям

привела насильственная модернизация кочевников в период советской индустриализации и коллективизации.

Из исследователей прошлого только выдающийся арабский мыслитель рубежа XIV–XV вв. Ибн-Хальдун включил кочевников в свою схему философии истории, а также создатели так называемой «завоевательной» теории происхождения государства XIX в. (Л. Гумплович, Ф. Оппенгеймер) считали, что первые государства возникли в результате завоевания воинственными кочевниками или викингами земледельческих обществ и установления победителями эксплуатации подчиненных. Более активно этот вопрос дискутировался в рамках марксистской науки. Сейчас очевидна схоластичность и надуманность многих вопросов дискуссии. Не один десяток копий был сломан по поводу того, что же является основой феодализма у кочевников – собственность на землю или собственность на скот. Между тем исследователи, хорошо представляющие себе особенности экологии кочевничества, понимают, что при подвижном образе жизни кочевников собственность на землю невозможна. Неравенство в землепользовании выражается в том, что богатый имеет большее количество скота и перекочевывает быстрее (так как у него больше лошадей), чтобы занять более удобные участки пастбищ.

Начиная с конца 1960-х гг. и в последующие десятилетия развернулись активные исследования в области изучения генезиса государственности. Был пересмотрен вопрос о соотношении классового и политического генезиса. Выяснилось, что сложная иерархическая организация власти возникла задолго до появления частной собственности. Это потребовало разработки нового понятийного аппарата («дофеодальное общество», «раннеклассовое общество» и др.). Следствием этого стала выработка ряда новых подходов в советской кочевниковедении. В целом период конца 1960-х – начала 1990-х гг. отличался значительным разнообразием высказанных точек зрения на характер социального строя кочевников: 1) *предклассовое* общество у кочевников; 2) *раннеклассовое* общество или *раннее государство* у кочевников; 3) *феодализм* у кочевников; 4) особый *номадный*, или *экзополитарный*, способ производства у кочевников.

В первое «постмарксистское» десятилетие фокус дискуссии несколько сместился. Наиболее актуальным как в российской науке, так и среди кочевниковедов других стран СНГ и Монголии стал вопрос,

какому уровню сложности соответствовали кочевые империи. Одни авторы поддерживают мнение о *предгосударственном* характере обществ номадов. Другие пишут о складывании у кочевников *ранней государственности*. Определенную полемику вызвал и вопрос: что является основой специфичности номадизма – внутренняя природа скотоводства, являющаяся основой так называемого номадного способа производства, или же особенности внешней адаптации кочевников к земледельческим «мир-империям». При этом в отечественную науку стали активно внедряться новые методологические подходы – теория «вождества» и «раннего государства», цивилизационный и мир-системный подходы.

В зарубежном кочевниковедении основная дискуссия развернулась по поводу того, какие факторы играли более важную роль в процессе становления надплеменных институтов у кочевников. Согласно наиболее популярной точке зрения, номадизм зависит от природной среды и соседних земледельческо-городских обществ. Кочевники нуждаются в продуктах земледелия и ремесла, и для их получения им было необходимо либо нападать на своих оседлых соседей, либо выменивать недостающую продукцию посредством торговли. Земледельцы меньше зависели от торговли и далеко не всегда шли на установление контактов. Поэтому и в первом, и во втором варианте номадам была необходима надплеменная организация. Следовательно, потребность в государственности для кочевников не была внутренне необходимой.

Один из самых важных вопросов, рассматриваемых в этой книге, – типология политических образований кочевников. Очевидно, что в истории можно найти массу самых различных вариантов социально-политических образований скотоводческих и номадных обществ от акефальных сегментарных структур нузуров Восточной Африки до могущественных степных империй Внутренней Азии.

Типология Т. Барфилда включает четыре уровня сложности: акефальные сегментированные линиджи, кланы с постоянными лидерами, но без постоянной надплеменной организации, надплеменные структуры с сильными лидерами, централизованные племенные империи. С. А. Васютин также выделяет четыре уровня сложности: акефальные и сегментарные общества (соответственно, без централизации и с централизованным управлением), сложные «вторичные» вож-

дства как без завоеванного земледельческого населения, так и с его включением в состав политики, так называемые «типичные» и «даннические» кочевые империи в форме суперсложных вожеств, «завоевательные» кочевые империи, представляющие развитые государства с элитой в лице кочевников и подчиненным оседло-городским и земледельческим населением.

Важное значение имеет решение вопроса, какими методами велось объединение в крупные политические структуры, что рассматривается в статье Д. Роджерса. Он выделил несколько стратегий, которые предполагали различные варианты подобной интеграции: включение завоеванного населения в состав своего общества и его аккумуляция (только у монголов в отношении к главным врагам), укрепление связей через конструирование общих культурных символов, новых генеалогий и религий, дарообмен и заключение браков, заложенность, создание надлокальных административных и идеологических институтов.

При этом государство у кочевников возникало только там и только тогда, когда они были вынуждены вступать во взаимодействие с более высокоорганизованными оседлыми обществами. Однако скотоводы не «заимствовали» государство у своих более цивилизованных соседей (автор против диффузионистского подхода к изучению степной государственности), а создавали свою оригинальную политическую систему, предназначенную для эффективной адаптации к более крупным и социально-экономически более высокоразвитым соседям.

Наиболее последовательно эта идея была представлена в работах Т. Барфилда, в частности в его статье о «теневых империях». Согласно Т. Барфилду, данные политики имели вторичный характер и возникали как бы в тени уже существующих цивилизаций и империй (с нашей точки зрения этот термин удачен и в том отношении, что подчеркивает **теневой** характер экономики подобных империй). Барфилд выделяет несколько вариантов теневых империй: 1) зеркальные – которые появились как «ответ» на давление со стороны оседло-земледельческих империй (хунну, тюрки и т. д.); 2) морские торговые империи (Финикия, Крит); 3) империи-хищники, создаваемые пери-

---

* Т. Барфильд использует термин *Vulture empires* – гриф (птица); данное понятие также используется для обозначения хищника, который питается падалью.

ферийными группами после гибели центрального общества (Нубия, народы маньчжурской «границы» – ляо, цзинь, цин). В классификации имеется еще одна модель – ностальгические империи, возникавшие на обломках крупных империй прошлого (государства в Китае IV–VI, X–XII вв., Каролинги в Европе), однако имперская природа и вторичный (теневого) характер ряда взятых в качестве примера обществ вызывают сомнение.

Значительный интерес представляет разработка Т. Барфилдом принципов внешнеэксплуататорской политики кочевников по отношению к Китаю. Сначала лидер использовал силу объединенных в империю племен для набегов на Китай с целью захвата добычи, которую он раздаривал своим сподвижникам. Последующие набеги правитель использовал уже как средство политического давления на Китайское правительство с целью вымогания так называемых «подарков» или установления стабильной торговли между кочевниками и земледельцами. Будучи единственным посредником между Китаем и Степью, правитель номадного общества имел возможность контролировать перераспределение получаемой из Китая добычи и тем самым усиливал свою собственную власть. Это позволяло поддерживать существование всей политической системы, которая не могла базироваться лишь на основе экстенсивной скотоводческой экономики. По мнению Л. Е. Гринина, представленному как в его разделе этой книги, так и в более ранних публикациях, подобные общества следует называть *аналогами* государства. Он понимает под последними общества, которые примерно сопоставимы с ранними и сложившимися государствами, однако в них не развиты институты власти, которые составляют собственно государственный аппарат.

Сторонники противоположной точки зрения считают, что номады могли самостоятельно создавать рудиментарную государственность. Кочевники были в той или иной степени знакомы с земледелием. Н. Ди Космо в своей статье «*Образование государства и периодизация истории Внутренней Азии*» полагает, что отправной точкой степного политогенеза является структурный кризис внутри племенного общества. Кризис мог быть вызван различными экономическими, политическими и др. причинами. Кризис приводил к милитаризации степного общества, созданию постоянных воинских подразделений и специальных дружин при степных ханах. С течением времени

это приводило к усилению вождей, выполнявших военные функции, а с появлением харизматического лидера и ритуалов, объяснявших его сакральный статус, складывались предпосылки для генезиса государственности. Централизация власти вела к территориальной экспансии и росту доходов, появлению правительственного аппарата.

Вышеизложенное не вызывает возражений. Такой сценарий был вполне вероятен. Более того, история прихода к власти Чингис-хана вполне вписывается в эту логическую модель (оставим за скобками другой распространенный вариант в истории, когда кризис приводил к развалу степной политики – но летописцы не фиксировали подобных мелочей в своих анналах). Вопрос только в том, почему кризис обязательно предполагал милитаризацию, но не интенсификацию развития земледелия внутри номадного сообщества или активизацию торговли с оседло-городскими цивилизациями. Значит, потенциал внутреннего развития был все-таки ограничен и, чтобы сохранить единство империи, нужно было привлечь внешние источники ресурсов.

Другой важный вопрос, рассматриваемый в книге, – периодизация истории монгольских степей. Необходимо отметить, что эта проблема традиционно активно обсуждалась в отечественной науке. С течением времени сложилось деление на «ранних» и «поздних» кочевников. Так называемые «ранние» кочевники (до середины I тыс. н. э.) рассматривались как догосударственные, раннеклассовые или раннефеодальные общества. Сложение зрелой государственности в форме «кочевого феодализма» произошло в период существования «поздних» кочевников – в эпоху Средневековья. В наиболее последовательном виде эта теория была сформулирована в ряде крупных коллективных изданий, таких как *«Всемирная история»*, т. II (1956 г.), *«Очерки истории СССР»* (1956 г.), *«История Сибири»*, т. I (1968 г.), *«История Казахской ССР»* (1977 г.), *«История МНР»*, выдержавшая несколько изданий, и т. д.

В зарубежной литературе этот вопрос рассматривался несколько по-иному. К. Виттфогель в знаменитой книге о киданьской империи Ляо выделил 3 модели взаимодействия между Севером и Югом: 1) при кочевых династиях Ляо (907–1125 гг.) и Юань (1206–1368 гг.) масштабы культурного взаимопроникновения между номадами и земледельцами были ограничены. Такую модель можно назвать «сопротивляющейся культурным изменениям» (culturally resistant);

2) напротив, при чжурчжэньской династии Цзинь (1115–1234 гг.) возникла ситуация, благоприятная для культурного симбиоза. К. Виттфогель определил ее как «поддающуюся культурным влияниям»; 3) маньчжурская династия Цин (1644–1911 гг.) представляла некую промежуточную форму.

К сожалению, в этой фундаментальной книге была проигнорирована роль собственно кочевых империй (хунну, тюрки, уйгуры). К. Виттфогель не включил в свою классификацию империи кочевников, которые эксплуатировали Китай на дистанции. Впоследствии этот недостаток был исправлен в концепции японского историка Тамуры Дзицудзо. Тамура выделил два больших цикла в истории Северной Евразии: (1) цикл древних империй кочевников засушливой зоны Внутренней Азии (II в. до н. э. – IX в. н. э.): хунну, сяньби, жужани, тюрки, уйгуры; (2) цикл средневековых завоевательных династий, происходивших из таежной (чжурчжэни, маньчжуры) или степной (кидани, монголы) зон (X – начало XX в.): Ляо, Цзинь, Юань, Цин. Общества первого цикла взаимодействовали с Китаем на расстоянии, государства второго – завоевывали земледельческий юг и создавали симбиотические государственные структуры с дуальной системой управления, оригинальными формами культуры и идеологии.

Ряд статей в настоящем издании посвящены развитию этой темы. Б. Энхтувшин рассматривает последовательные этапы эволюции государственности на территории монгольских степей, начиная с Хуннской державы и заканчивая Монгольской империей. Он фиксирует определенную преемственность в наличии ряда институтов (титулатура, поклонение Небу, десятичная система, символы верховной власти и др.). Н. Ширази рассматривает эволюцию кочевых империй в рамках спиральной эволюции от состояния раздробленности к фазе централизации и постепенной децентрализации. При этом каждый виток от хунну до монголов характеризуется все большим расширением дуги власти, достигнувшей максимума в XIII в. Важность идеи преемственности представлений о власти отмечал также и Д. Роджерс, который полагает, что через данный механизм можно объяснить динамику политических институтов в регионе.

Возможно, одна из самых привлекательных концепций периодизации истории степей Внутренней Азии принадлежит перу Т. Барфилда. По его мнению, можно установить синхронность процессов

роста и упадка кочевых империй и аналогичных процессов в Китае. Кочевники не стремились к непосредственному завоеванию южного соседа, они предпочитали дистанционную эксплуатацию. Развал централизованной власти в Китае приводил к кризису степи и распаду кочевых империй. Освобожденные от внешнего прессинга народы Маньчжурии создавали свои государственные образования и захватывали земледельческие области на юге. Особенно преуспели в завоеваниях кидани, чжурчжэни и маньчжуры.

Еще одна точка зрения на периодизацию истории степных империй Внутренней Азии была высказана Н. Ди Космо. На основании способа получения доходов от внешнего мира он выделил четыре этапа в истории региона: 1) период даннических империй – от хунну до жужаней (209 г. до н. э. – 551 г. н. э.); 2) период торгово-даннических империй тюрков, хазар и уйгуров (551–907 гг.), когда номады научились получать доходы от внешнего обмена; 3) период дуально-административных империй (907–1259 гг.), когда номады научились завоевывать земледельческие цивилизации (кидани, чжурчжэни, монголы до Хубилая); 4) период зрелых империй (1260–1796), которые наряду с прочими способами эксплуатации использовали методы прямого налогообложения (монголы и их западно-азиатские наследники, маньчжуры).

Тексты III и IV разделов книги посвящены древним и средневековым домонгольским империям евразийских степей. С. В. Данилов на широком историческом фоне рассматривает предпосылки формирования комплексных обществ скотоводов евразийских степей. Возникновение кочевых империй, по его мнению, было последовательным итогом многотысячелетней эволюции степных номадов. Две другие работы посвящены конкретно-историческим исследованиям уже сформировавшихся кочевых империй. В известной работе Н. Ямады сделан вывод, что хуннское общество не может быть охарактеризовано как государство. С. А. Яценко приходит к аналогичным выводам относительно донских обществ аланов первых веков после Рождества Христова. Он полагает, что это общество вполне соответствует признакам кочевых империй, но в то же время также не может считаться государством.

В работе С. Г. Кляшторного в сжатой форме показаны достижения в области изучения рунических надписей эпохи тюркских кагана-

тов. Д. Г. Савинов на примере археологических источников выделяет особый древнетюркский культурный комплекс, характеризующийся выделенной им «тюркской триадой» (вещественный комплекс, погребальный обряд с конем, каменные изваяния). В исследовании Н. Н. Крадина показана роль урбанизации в политической динамике монгольских степей.

Три последние работы V части посвящены монгольскому периоду истории Великой степи. В своей фундаментальной работе о так называемых «завоевательных» кочевых империях Г. Франке акцентирует внимание на таких базисных компонентах: соотношении китайской номенклатурной терминологии и различных племенных наименований киданей, чжурчжэней и монголов, формирование специальных институтов для усиления персональной власти правителей (например, гвардия [*кешик*] у монголов) или контроля завоеванными народами (ордо у киданей, *мэнъянь* и *моукэ* у чжурчжэней), наличие трайбалистских элементов и этнической дискриминации в пользу титульной нации в государственном аппарате, опыт использования дуальной системы управления отдельно для кочевников и земледельцев и т. д.

Б. З. Нанзатов суммировал данные «*Сборника летописей*» Рашид-ад-Дина относительно территории обитания древнемонгольских племен и их соседей, а составленные им карты демонстрируют не только дисперсность их расселения, но зачастую и смешанность их кочевания. Работа П. О. Рыкина имеет очень важное значение и посвящена такой слабо разработанной теме, как система терминов родства средневековых монголов. Автор убедительно показал наличие в системе терминов родства монголов, с одной стороны, признаков бифуркативности (точнее, бифуркативно-коллатерального типа). С другой стороны, он выделяет четкие признаки линейного родства. По всей видимости, это позволяет говорить о существовании у монголов указанного времени линейно-бифуркативной системы терминов родства.

В статье Т. Д. Скрынниковой показана эволюция политической системы монголов после гибели империи Юань – в период позднего Средневековья. Автор убедительно показывает усложнение политической системы, что было вызвано наличием опыта управления оседло-земледельческими цивилизациями. Можно говорить о возникнове-

нии в монгольском обществе этого периода новых управленческих институтов, характерных для государства. Однако в то же самое время власть не имела стабильного характера и политическая система монгольского общества имела такие же ограничения для последующего усложнения, как и предшествующие ей империи кочевников.

В целом редакторы и авторы книги надеются, что она будет с интересом встречена специалистами и послужит дальнейшим стимулом для развития кочевниковедческих исследований.

Т. Барфилд

ТЕНЕВЫЕ ИМПЕРИИ: ФОРМИРОВАНИЕ ИМПЕРИЙ НА ГРАНИЦЕ КИТАЯ И КОЧЕВНИКОВ*

Обширные империи, периодически создаваемые кочевниками-скотоводами евразийской степи, представляют существенные проблемы для исследователей организации империй. С формами экономики, основанными на мобильной форме животноводства, маленькими и рассеянными поселениями и племенной социальной организацией, эти народы-всадники являлись абсолютным контрастом по отношению к соседним оседлым цивилизациям. Довольно нехитрая технология и недостаток городских центров сделали их слабыми кандидатами на достижение организации государственного уровня, не говоря уж об имперской гегемонии. Все же начиная с III столетия до н. э. вдоль северной окраины Китая кочевники, однако, сумели создать ряд империй, которые управляли огромными территориями под властью могущественных и долговечных династий. В течение более чем 2000 лет они терроризировали и периодически завоевывали соперничающие государства в Северном Китае, Средней Азии, Иране и Восточной Европе.

Империи, созданные кочевниками в Монголии, были характерными «теневыми империями», которые возникали как вторичные явления в ответ на имперское расширение Китая. Их стабильность зависела от вымогания большого количества богатств у Китая путем грабежей, выплатой дани, пограничной торговлей и международным реэкспортом предметов роскоши – без обложения налогами степных

---

* Перевод с английского: Barfield T. The shadow empires: Imperial state formation along the Chinese-Nomad frontier. *Empires: Perspectives from Archaeology and History*. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. – P. 10–41. Работа выполнена по проекту РФНФ – МинОКН Монголии (№ 07-01-92002а/Г) «Кочевые империи монгольских степей: от Хунну до державы Чингис-хана».

кочевников. Когда Китай был централизованным и мощным, такими же были кочевые империи; когда Китай погружался в политическую анархию и экономическую депрессию, то же случалось и с объединенными степными политиями, которые процветали благодаря вымогательству.

Свидетельства такой модели прибывают с обеих сторон границы и хорошо документированы, потому что древние и средневековые китайские историки оставили детальные записи своих отношений с кочевниками к северу от Великой стены. Хотя эти записи часто являются китаеццентричными, они включают полемику при дворе о кочевых политиях Китая, записи о военных экспедициях (часто рассказы о бедствиях), доклады пограничных должностных лиц, дипломатические корреспонденции, соглашения с кочевниками, детали о торговле и других экономических отношениях. Они сохранились в значительной степени потому, что каждая новая династия в Китае рассматривала официальную историю ее предшественника как свидетельство собственного достоинства, ведя почти непрерывные записи деловых отношений Китая с его кочевыми соседями. Каждая из этих работ была сделана по главному образцу сочинений «*Ши цзи*», первой китайской великой истории династий Цинь и ранней Хань, написанной Сыма Цянем в I в. до н. э. [Watson 1993]. Он брал свой материал из записей двора и посвятил индивидуальные главы каждому из важных иностранных народов, граничащих с Китаем. Исходный материал, взятый из архивов, обычно вставлялся, образно говоря, на манер «вырезать и вставить», вместо того, чтобы быть суммированным, так что уровень деталей часто был весьма экстраординарен. Сыма Цянь писал свою работу во время правления ханьского императора Уди (ок. 140–87 гг. до н. э.), когда «проблема кочевников» была одной из самых спорных проблем при дворе. За его моделью последовал Бань Гу, автор «*Хань шу*», который завершил историю ранней династии Хань. Этот богатый материал был источником для множества важных исследований о взаимоотношениях на границе во времена Хань [Lattimore 1940, Yü 1967, Hulsewé 1979, Loewe 1967], как и в более поздние периоды, особенно династий Тан [Mackerras 1972, Shafer 1963] и Мин [Serruys 1959, 1967, Waldron 1990].

Ранние номады не оставили никаких собственных письменных источников, но есть обширный археологический материал, главным

образом памятники с погребениями, которые проливают свет на материальную культуру кочевников [Jettmar 1964, Rudenko 1970, Di Cosmo 1994, So and Bunker 1995]. Начиная с тюрков, в VIII в. мы также имеем надписи кочевников, которые дополняют картину их собственными словами [Tekin 1968], так же как и сообщения, пришедшие из некитайских источников [Bretschneider 1888, Minorski 1948]. Период Монгольской империи предоставляет нам множество сведений о кочевом образе жизни и политической организации самой большой в мире империи, включая устную историю монголов об их возвышении и могуществе [Cleaves 1982], а также более общие свидетельства современников и полученные из первых уст сообщения о кочевой жизни на персидском, латинском и китайском языках [см.: Boyle 1958, 1971, Spuler 1972].

Политическая организация кочевых государств

Исторически монгольское приграничье представляло собой самый четкий пример вторичных империй, потому как кочевники там находились перед лицом государства подавляющего размера и мощи – Китая. Проблема, перед которой оказались кочевники, была такой: когда Китай был объединен под местными династиями, Китаю ничего не было нужно от номадов и это выражалось в стенах, в пограничных гарнизонах и в периодических военных кампаниях, чтобы отрезать кочевников от Китая, политически и экономически. Разделенные на множество фрагментированных племенных групп, рассеянные на обширных расстояниях, эти кочевники не были соперниками для самого большого в мире аграрного государства, но объединенные в одну империю, они становились наиболее сильным иностранным врагом Китая. Они выступали политически равными против Китайского государства, которое было в 50–100 раз больше их по численности, а также управлялось мощным централизованным правительством с доступом к огромному потоку дохода и обладавшим постоянной армией и Великой стеной. Ключом к успеху кочевников было исключительное военное преимущество, кавалерия и имперская государственная организация, которая распределяла доход для подчинения групп номадов, вместо того чтобы его накапливать.

Степные кочевники были мастерами стрельбы из лука верхом с неограниченным запасом лошадей и развитой военной традицией,

которая, как жаловались ханьские должностные лица, осуществляла «дело грабежа и разорения» [Watson 1993, 2:196]. Они создали политическую организацию, имперскую конфедерацию, которая централизовала их военную мощь и держала племена объединенными. На низовом уровне использовались принципы племенной организации авторитетом местных племенных лидеров. Имперская надплеменная структура поддерживалась исключительной монополией на управление иностранными и военными делами. Эта структура имела три основных уровня организации. Имперское лидерство принадлежало правящему роду племени, которое основало государство. На втором уровне были наместники (governors), назначенные контролировать местное племенное лидерство и командовать региональными армиями. Связанные родственными отношениями с правителем, эти имперские назначенцы служили ключевыми связующими между центральной администрацией и местными племенными лидерами. Местные племенные лидеры составляли третий уровень организации. Они были членами местных элит каждого племени и, хотя и структурно ниже, чем имперские назначенцы, они сохраняли значительную автономию из-за близких политических связей с их собственными людьми, которые последовали бы за ними в восстании, если имперские командующие переступили бы свои полномочия [Barfield 1981].

Имперские конфедерации поддерживали уровень организации более избыточный, чем было необходимо для контроля над племенными отношениями или проблемами поголовья скота. Они появились в Монголии как структурный ответ номадов на проблемы самоорганизации для манипулирования Китаем. Ни одно племя на границе не могло эффективно иметь дело с объединенным Китаем, но империя с имперской администрацией могла владеть мощью, которую даже Китай не мог игнорировать. Первоначально объединение племен степи было результатом военного завоевания всей степи харизматическим племенным лидером. Но объединение кочевых племен Монголии путем завоевания было только первым шагом в построении эффективной империи, потому что кочевое государство не могло зависеть только от угрозы военной силы в поддержании единства; должны были быть предложены и реальные экономические выгоды. Политическая сделка была следующей: в обмен на принятие зависимых политических позиций лидеры составляющих конфедерацию племен по-

лучали доступ к китайским предметам роскоши и торговым возможностям, которые они, вероятно, не смогли бы получить для себя в одиночку. Поэтому имперская конфедерация и ее лидерство были обязаны своим длительным финансовым успехом и политической стабильностью неустанной эксплуатации ресурсов *извне* степи. Исключительный контроль над иностранными делами был центральным в их власти. Чтобы понять почему, мы должны сначала понять только, как немного всего мог использовать лидер номадов в однообразной внутренней скотоводческой экономике с низкой плотностью населения.

Экономическая организация кочевой жизни

Номадизм в Центральной Евразии всегда зависел от эксплуатации обширных, но сезонных степных полей и горных пастбищ. Так как люди не могут переваривать траву, разведение домашнего скота – эффективный способ эксплуатировать энергию такой полевой экосистемы. Стада состояли, как говорят монголы, из «пяти видов животных»: овцы, козы, лошади, крупный рогатый скот и верблюды. Из них овцы и лошади были самые важные, но в идеале должны были иметься все животные, необходимые и для пропитания, и для транспортировки, так чтобы семейство или племя могло приблизиться к самодостаточности в скотоводческом производстве. Никогда не было никакой специализации на отдельных видах (как она была развита среди верблюдоводов-бедуинов Ближнего Востока и Северной Африки), хотя пропорции каждого вида в стаде всегда отражали ограничения, наложенные местными экологическими условиями: более высокий процент крупного рогатого скота в более влажных областях, пропорционально больше коз, чем овец, в областях маргинальных районов и большее число верблюдов в пустынных краях. Более чем в любой другой скотоводческой области, кочевники Центральной Евразии полностью использовали преимущества многоцелевого использования своих животных. Степные номады не только ездили на лошадях, но и доили кобыл, ели конину (иногда пили кровь) и использовали их шкуры для изготовления кожи. Верблюд прежде всего использовался как вьючное животное, но их также доили, использовали как источник шерсти, а иногда и в пищу. Волы тянули телеги или везли грузы. Во всех случаях было небольшое экономическое разнообразие, разве

что кто-то мог лишь обменять коров на верблюдов. Все разводили одних и тех же животных и производили те же самые продукты. Это было превосходно для пропитания, но слабо обеспечивало внутреннюю экономическую базу государства.

Данная слабость состояла из структурных трудностей, с которыми лидерам кочевников приходилось иметь дело, если они желали получить доход или работу от своих рассеянных в степи подданных. В отличие от крестьян, которые были привязаны к определенным клочкам земли, кочевые народы могли перемещаться вместе со своими животными, если чувствовали давление. Даже если лидеры номадов могли бы облагать налогами своих последователей регулярно, было немного причин для этого. В отличие от зерна, которое могло легко храниться в одном-единственном месте, животные нуждались в постоянном внимании и должны были регулярно перемещаться между широко рассеянными пастбищами. Поэтому кочевые лидеры нуждались в нерегулярных поступлениях, при необходимости конкретно требуя, чтобы их подданные были готовы идти на войну по первому зову и обеспечивали себя собственным оружием, лошадьми и другой экипировкой для военных кампаний. Таким образом, экономическая основа имперской политической организации в степи коренилась не в относительно однообразной пасторальной экономике Монголии, но в эксплуатации богатств Китая. Внешняя политика всех имперских конфедераций Монголии имела единственную цель: извлекать прямые выгоды из Китая непосредственно, совершая набеги, или косвенно, через субсидии и учреждение институционализированных пограничных торговых соглашений, которые обеспечивали потребности пропитания. Без такого дохода кочевое государство разрушилось бы. Чтобы получить этот доход, кочевые правители Монголии направляли свои взоры к Китаю и делали его правителям предложения, от которых те не могли отказаться.

Стратегия внешних границ

Число кочевников, противостоящих Китаю, было небольшим, возможно около миллиона человек в целом, и они пытались вымогать у китайских династий, которые во времена Хань (202 до н. э. – 220 г. н. э.) управляли более чем 50 миллионами человек, а во времена династии Тан (618–907 н. э.) – 100 миллионами. Чтобы преуспеть, они

должны были влиять на принятие решений на самых высоких уровнях правительства, потому как китайская внешняя политика делалась при дворе, а не приграничными губернаторами или должностными лицами. В это время кочевники осуществляли террористическую стратегию «внешних границ» для увеличения своей силы. Извлекая все преимущества из своей способности внезапно ударить вглубь Китая и затем отступить, прежде чем китайцы успеют принять ответные меры, они могли угрожать границе в любое время. Причиняемые таким образом насилие и разрушения толкали китайцев к выгодным для кочевников соглашениям.

Стратегия внешней границы имела три главных элемента: насильственные набеги, чтобы ужаснуть китайский двор альтернативой войны; мир, чтобы увеличить количество субсидий и торговых привилегий, предоставленных китайцами, и намеренный отказ от оккупации китайских земель, которые они тогда должны будут защищать. Угроза насилия всегда скрывалась за самыми мирными взаимоотношениями. Чжунхан Юэ, китайский перебежчик, служивший кочевникам, когда-то предупреждал некоторых посланников династии Хань об опасности, перед которой они оказались, очень простыми строками: «Просто удостоверьтесь, что шелка и зерно, которые вы приносите хунну, нужного количества и качества, это – все. О чем еще говорить? Если товары, которые вы поставляете, подходящего количества и хорошего качества – хорошо. Но если есть какой-то недостаток или плохое качество, то, когда будет осенний урожай, мы возьмем наших лошадей и растопчем все ваши посевы!» [Watson 1993, 2:144–145].

Китайцы не имели достойного выбора, чтобы противостоять приграничному насилию. Для этого у них было три варианта: 1) защищаться, укреплять границу и игнорировать требования кочевников; 2) отвечать агрессией, собрать экспедиционную кавалерию, преследовать и атаковать кочевников в степи; 3) умиротворять кочевников дорогостоящими мирными договорами, обеспечивать их (кочевников) приграничными рынками и субсидиями. Каждый подход создавал собственный набор трудностей. Если требования номадов игнорировались, они могли бы непрерывно совершать набеги на границы, грабя, чтобы получить то, что они хотели, и наносить ущерб приграничному населению Китая. Но альтернативы агрессивным военным дей-

ствиям или умиротворению были лишь немного менее проблематичны. Казалось, отдавать «дань», кормя варваров, нарушало саму сущность китаецентристского мирового порядка, в котором китайский император считался превыше всех. Такие платежи были особенно раздражающими, так как должностные лица китайского двора признавали, что в плане населения, военной силы и экономического производства они были намного сильнее кочевников.

И все же любая предпринимаемая Китаем война против кочевников встречала серьезные препятствия. Отогнанные от границы кочевники не могли быть завоеваны, потому что были мобильны и просто скрывались из поля зрения до тех пор, пока китайские армии не отступали. Их земля не могла быть оккупирована перманентно, как непригодная для земледелия. Нападения кочевников на границы могли быть остановлены с помощью больших армий и проведения кампаний в степи, но военные действия на границе были экономически более подрывными для Китая, чем для кочевников. Это иссушало казну и напрягало крестьянство увеличением требований налогов и солдат. Для кочевников же война была дешевой. Домашние хозяйства в степи были всегда готовы предоставить лошадей, оружие и припасы по первому требованию, а награбленное в Китае окупало все вложения во много раз. Наконец, непрерывные военные действия угрожали равновесию сил при дворе, увеличивая политическое влияние военных и императора за счет гражданских бюрократов. Находясь под угрозой потери своей гегемонии, эти должностные лица настаивали на окончании агрессивных военных кампаний, утверждая, что это намного дороже, чем просто платить кочевникам, дабы те оставались в стороне. Следовательно, ни одна исконно китайская династия не была способна поддерживать агрессивную внешнюю политику против кочевников дольше, чем длилось господство одного императора¹. Китай

---

¹ Иностранцы династии, которые завоевали Северный Китай, такие как Тоба Вэй, Ляо, Цзинь, Юань и Цин (все племенного происхождения), не имели сомнений в необходимости постоянного вмешательства в политику степи. Используя политику «разделяй и властвуй», которая включала поглощение близлежащих приграничных племен, поддержание открытой торговой политики и частые карательные кампании против племенных объединений, появившихся в монгольских степях, они, в целом, были успешны в прерывании консолидационных процессов степных номадов. Это была важная состав-

замаскировал истинную природу этой политики умиротворения, изобретя сложную «систему дани», в которой большие платежи кочевникам трактовались как подарки, данные лояльным подданным, прибывшим воздать должное императору.

Как только соглашения с китайскими династиями достигались, границы переживали длительные периоды мира, потому что главная цель лидеров кочевников состояла в том, чтобы вымогать ресурсы из Китая, а не завоевывать его. Символические отношения развивались в то, что некоторые лидеры кочевников даже объединялись с Китаем, чтобы парировать походы конкурентов; когда их выдворяли из степи, кочевники все более превращались в источник вспомогательных отрядов для Китая, чтобы подавлять восстания крестьян или мятежи провинциальных губернаторов. Действительно, в свои заключительные годы китайские династии часто обнаруживали, что *только* кочевники оставались лояльными. Кочевники зависели от субсидий, поставляемых этими династиями, и их крах был фатальным ударом для любого кочевого государства в Монголии.

Циркуляция товаров и политической власти в степных империях

Поскольку кочевые государства зависели прежде всего от дохода, извлеченного из Китая различными способами, мы должны определить, почему эти товары были важны. Оседлые государства в конечном счете базировались на рабочей силе подчиненного крестьянства, с аграрной экономикой доминирующих землевладельцев, которая поддерживала сложную классовую иерархию и оплачивала затраты государственной администрации. Государства кочевников были более похожи на редистрибутивные вожества. Им недоставало сильной классовой структуры, и главные внутренние обязанности лидеров были организационными, а не экстрактивными. От них ожидали обеспе-

---

ляющая их политической организации, которая передавала военные и приграничные вопросы в руки мужского населения, компетентного в племенной политике, лишь с небольшим налетом идеологических ограничений конфуцианских бюрократов с их нерешительной политикой границы, используемой в классических китайских династиях Хань, Тан, Сун и Мин [ср.: Barfield 1989].

чения реальных выгод и престижных товаров для подчиненных племен и их лидеров. Они также имели приоритет в командовании армиями, разбирались с иностранными делами и решали споры, которые угрожали внутреннему порядку. В то время как сила могла использоваться, чтобы удерживать составляющие племена от восстаний или отделения, система зависела менее от угрозы применения силы, чем от регулярного потока внешних доходов. Первоначально эти ресурсы из Китая получали непосредственно благодаря набегам. В некоторый момент, однако, каждый здравомыслящий кочевой правитель понимал, что он нуждается и в более регулярном источнике дохода и в предметах роскоши для поддержания политической элиты и чтобы давать возможность регулярно торговать простым кочевникам. Именно в этот момент кочевники изменили свою политику от простых совершений набегов к добыванию прибыльных соглашений, которые обеспечивали их и прямыми субсидиями, и приграничными рынками.

Пограничная торговля продуктами питания

Какие товары кочевники искали и почему? Поскольку степная экономика была так неразнообразна, кочевники, естественно, обращались к своим оседлым соседям за широким ассортиментом продукции и за рынком сбыта их собственных излишков. Кочевники регулярно производили излишки вещей (лошади, молокопродукцию, мясо, шкуры и шерсть), которые были в дефиците и высоко ценимы в сельскохозяйственных сообществах. Эти сельскохозяйственные сообщества в изобилии производили зерно, изделия из металла, ткани и предметы роскоши, такие как шелк и вино, за которыми и охотились кочевники. Торговля была поэтому естественным процессом на границе, и если китайское правительство пыталось ограничивать или запрещать его, это был самый большой источник противоречий в отношениях границы.

Зерно было одним из товаров, который требовался кочевникам больше всего, но так как эта торговля была настолько заурядна, это скудно документировалось, и ученые продолжают спорить, являлось ли зерно обычной частью рациона степных кочевников. В то время в теории, скорее всего, было возможно выжить полностью на диете из молока и мяса, но исторически большинство кочевников включало

существенный компонент зерна в свой рацион. Зерно было важным источником продовольствия, потому что могло храниться долгое время и дополняло молочные и мясные продукты, обеспечиваемые животными. Зерно отчасти могло выращиваться в степи, но ранние морозы в Монголии делали его производство сомнительным. Культивирование зерна было также несовместимо с кочевыми передвижениями, хотя часть населения (или китайские пленники в некоторые периоды), возможно, занималась этой задачей. Кочевники могли путешествовать на длинные расстояния, чтобы выторговать (или получить грабежом) запасы зерна, так как они имели вьючных животных, таких как верблюды, которые могли транспортировать сыпучие грузы на длинные расстояния за низкую цену. Китайцы же экономически не могли переместить зерно по суше очень далеко – из-за отсутствия каналов или речных систем, потому что им приходилось кормить зерном волов, чтобы те тянули транспортные телеги. Было легко высчитать диапазон, в котором затраты на кормление волов превышали количество транспортируемого зерна. Те самые излишки зерна на границе Китая, которые не могли быть с выгодой вывезены центром, были экономически привлекательны для степных кочевников даже при том, что они перемещались на значительно более длинные расстояния. Верблюды, которые несли зерно, нуждались только в естественном пастбище, следовательно, их транспортный диапазон выгоды был почти неограничен.

Кроме зерна простые кочевники также интересовались другими товарами пользования, особенно обычной тканью и металлами. Льняная ткань (из пеньки, рами [китайская крапива – *прим. ред.*] или кудзу [*Pueraria hirsuta* – *прим. ред.*]) и хлопок (среднеазиатского происхождения) были полезным дополнением для войлока и шерсти, производимых кочевниками. Возможно, они были не абсолютно необходимыми, но делали, однако, жизнь легче и очень пользовались спросом. (Любой, кто когда-либо испытывал дискомфорт при попытке высушить промокшую шерсть после ливня, может оценить ценность замечены более быстро сохнувшей одежды!) Металл был наиболее стратегическим из обычных товаров, необходимых кочевникам. Особенно высоким спросом в степи (из-за инструментов и оружия) пользовалось железо, но Китай был также хорошим источником бронзы и меди.

Кочевники, конечно, имели свою собственную традицию металлургии, но китайцы производили бронзу и железо в таком количестве, что было намного проще приобрести металл у них и переработать его в степи, чем добывать и очищать руду самостоятельно. Китайские монеты также были хорошим источником металла, потому что, когда они выходили из обращения, они могли быть куплены оптом даже при том, что эта торговля часто запрещалась. Во времена Хань торговля железом с кочевниками была абсолютно запрещена, и нарушителей карали смертью – наказанию, которому подверглись 500 торговцев в столице в 121 г. до н. э., когда они (в нарушение закона) продали железные горшки делегации кочевников [Yü 1967: 119].

Пограничные рынки, где торговля с кочевниками процветала, были характерны для приграничных областей Китая. Отношения были естественными и выгодными обеим сторонам, но китайские начальники настаивали, чтобы эти рынки жестко регулировались, и в течение многих периодов времени запрещали всю торговлю со степными народами. Это происходило из-за того, что местные династии боялись потерять контроль над приграничными областями, если бы они слишком сильно интегрировались в степную экономику. Запреты на торговлю, однако, только заставляли кочевников забирать то, что они хотели, силой и превращали границу в зону постоянных набегов. Джагчид и Саймонс [Jagchid and Symons 1989] идут дальше и утверждают, что мир или война между Китаем и степью полностью зависели от того, позволял ли Китай таким рынкам быть открытыми. В то время как этот аргумент слишком упрощен, он действительно обращает внимание на тот факт, что статус пограничной торговли обычными товарами был ключевым пунктом разногласий между кочевниками Монголии и Китаем в течение столетий.

Торговля на дальние расстояния и дань в предметах роскоши

Если торговля обычными товарами составляла основную массу обменов, то на получении предметов роскоши (шелка, золота, вина и т. д.) фокусировалось большинство письменных источников. Почему кочевники были озабочены этими предметами, особенно шелком? В первых, шелк был признаком роскоши. Хотя и не совсем подходящий

для степной жизни, он был высоко ценим как знак элитного статуса. Возможно, шелк был более важен как показатель богатства. Легкий по весу и высокий в цене, он мог быть обменян на более утилитарные товары или предметы роскоши в другом месте. Шелк не был единственным товаром, в котором нуждались кочевники. Золото, атлас, драгоценные металлы, бронзовые зеркала и даже музыкальные инструменты появляются в списке подарков. И алкоголь (главным образом рисовое вино) или дрожжи, чтобы его делать, были обычными предметами торговли и давались в больших количествах как подарок лидерам кочевников. Всюду в истории степи аппетит кочевников в употреблении алкоголя был легендарен и связан с чрезмерностью [Jagchid and Huer 1979: 42–43], что привело греков к тому, чтобы говорить о питье не разбавленного водой вина как о «скифском стиле» [Herodotus 1987: 6.84.3].

Китайцы имели сильные ограничения в экспорте предметов роскоши, созданные данническими подарками, потому что двор Хань терял доход в этих сделках. Даже частная торговля с отдаленными иностранными нациями, как утверждалось, только служила иссушению реального богатства Китая для приобретения дорогих роскошных товаров, чьей ценностью была лишь их редкость. Это предубеждение против международной торговли было тесно связано с конфуцианской идеологией, которая осуждала торговцев как класс за то, что они были кровопийцами в тяжелой работе крестьян и ремесленников. Почему, они спорили, торговец должен получать больше, чем затрачивает на транспортировку товаров из одного места в другое? То, что они могли получить феноменальную прибыль, перемещая товары от областей излишка в области нехватки, было, в первую очередь, не предпринимательской способностью, а дефектом правительственной администрации, которая позволила таким нехваткам возникнуть. Этим нельзя сказать, что торговля была неважна в Китае. Многие индивидуумы, включая правительственных должностных лиц, получали прибыль от торговли, и в течение периода Хань были богатые торговые семьи, управлявшие большими предприятиями. Однако на уровне элиты такие предприятия считали противозаконными, и поэтому торговцы были отстранены от участия в государственных экзаменах, которые вели к высшим должностям, и их богатств-

во могло быть произвольно конфисковано. (Современная аналогия, которая сохраняет дух этой официальной неприязни, может быть общественное мнение к сказочно богатым торговцам наркотиками, коммерческая деятельность и мораль которых осуждаются, даже когда их деньги приветствуются.) В идеале, Китай должен был быть автаркическим: самодостаточным и самоограничивающимся. Существование класса торговцев было свидетельством того, что он не смог достигнуть этого идеала. Такие настроения являлись резким контрастом по отношению к кочевым элитам в Монголии. Они активно поощряли торговлю и пытались привлекать торговцев на свои территории, потому что скотоводческая экономика не была самодостаточной, за исключением овец или лошадей. Далекие от рассмотрения экспортной торговли как утечки национального богатства кочевники видели ее как источник процветания и стабильности.

Требование торговли и вымогание предметов роскоши увеличилось по экспоненте с объединением степи. Власть *шаньюя* как редиistribuтивного вождя хунну была защищена в значительной степени благодаря его способности извлекать доход из Китая и обезопасить там торговые привилегии. Но необходимость кочевников в таких предметах роскоши, как шелк, увеличивалась не только из-за собственного потребления. Как только они приобретали излишек этих ценных товаров, кочевники в Монголии становились центром международной экспортной торговли, которая привлекала торговцев, особенно из оазисов Средней Азии, становившихся богатыми посредниками, связывающими экономики Китая и Запада. Действительно, когда Китай при императоре Уди провел экспансию в Среднюю Азию, это, должно быть, «отрезало правую руку хунну», остановив доход Хунну, получаемый от городов-государств Туркестана [Hulsewé 1979: 217]. Разнообразие предметов, найденных в могилах кочевников в Монголии, и широкий спектр источников их изготовления обеспечивают свидетельства этого потока.

Таким образом, хотя Монголия никогда не была центром производства, но как центр извлечения ресурсов имперские конфедерации кочевников действовали как торговый насос, вытягивая избыточные товары из Китая и перераспределяя их на международных рынках. Как часто отмечалось, политическое единство степи облегчало сухо-

путную торговлю на дальние расстояния, защищая маршруты для безопасного прохода. Может быть, правильно то, что сами кочевники (а не китайцы) были источником большей части проданного по Шелковому пути. Это особенно верно, если в дополнение к товарам, перепродаваемым самими номадами, мы берем во внимание некоторое количество иностранных торговцев, которые были включены в официальные даннические визиты или тех, кто путешествовал под защитой кочевых государств, чтобы участвовать в торговле на приграничных рынках. Последнее, возможно, было особенно важно, так как богатые иностранные торговцы были меньше подвержены эксплуатации китайскими должностными лицами, когда находились под дипломатической защитой могучей кочевой империи, подобной Хунну. В то время как это лишь гипотеза для периода Хань, это достаточно документировано применительно к династии Тан в VIII–IX вв., когда тюрки и уйгуры обеспечивали защиту согдийским торговцам из Средней Азии в столице Тан Чанъане [напр. Mackerras 1969].

Двуединство

Централизованные империи в степи экономически зависели от эксплуатации преуспевающего и объединенного Китая и были структурно связаны с ним. Кочевые империи появились одновременно с объединением Китая и исчезли, когда политическая и экономическая организация Китая разрушилась. Как показывает таблица 1, существовала близкая корреляция между объединением Китая исконными китайскими династиями и возвышением имперских конфедераций в Монголии. Это было особенно верно в отношениях династии Хань и Хунну, династии Тан и Тюрков/Уйгуров. По этой причине кочевые империи в Монголии были намерены эксплуатировать, а не завоевывать Китай. Исконные китайские династии никогда не боялись замены их кочевниками, но опасались их разрушительного потенциала. За исключением Монгольской империи, иностранные династии, которые создавали королевства в Китае, все были из Маньчжурии и являлись продуктом различных племенных традиций [см., например: Barfield 1989: 85–130, 164–186].

**Циклы правления: важнейшие династии Китая
и степные империи в Монголии**

Цикл	Китайские династии		Степные империи
	Местные	Иностранные	
1	(1) Цинь и Хань (221 до н. э. – 220 н. э.) (2) Китайские династии в период распада (220–581)		ХУННУ (209 до н. э. – 155 н. э.) Сяньби (130–180)
2		(3) Тоба Вэй (386–556) и другие династии	Жужани
	(4) Суй и Тан (581–907)		ПЕРВЫЙ ТЮРКСКИЙ КАГАНАТ (552–630) ВТОРОЙ ТЮРКСКИЙ КАГАНАТ (683–734) УЙГУРСКИЙ КАГАНАТ (745–840)
	(5) Сун (960–1279)	(6) Ляо (кидани) (907–1125) (7) Цзинь (чжурчжэни) (1115–1234) (8) Юань (монголы) (1206–1368)	МОНГОЛЫ
3	(9) Мин (1368–1644)		Ойраты Восточные монголы
		(10) Цин (маньчжуры) (1616–1912)	Джунгары

Примечание. Заглавным выделены крупные кочевые империи.

Хотя набеги и грубое вымогательство, возможно, характеризовали ранние взаимодействия между империями кочевников и местными династиями в Китае, они, в конечном счете, развились в более символические отношения. Чтобы поддерживать их прибыльные торговые отношения и имперские субсидии, лидеры имперских конфедераций

оказывали военную помощь слабеющим китайским династиям, чтобы защитить их от внутренних восстаний. Самым видным примером была важность помощи уйгуров в подавлении восстания Ан Лушуня против династии Тан, когда та была на грани исчезновения в середине VIII в. [Pulleyblank 1959]. Как лидеры степной империи уйгуры послали отряды кавалерии, которые разбили тыл армии мятежников в сражении и помогли династии восстановить власть. К 840 г. уйгуры получали 500000 кусков шелка в год по китайским субсидиям [Mackerras 1972]. Поскольку они предоставляли некоторое количество лошадей ко двору ежегодно, китайцы официально считали их «данниками» – не имеющий равных пример грамотной способности оседлого мира маскировать смущающие его факты в отношениях со степью. Но, возможно, лучший способ понять имперскую конфедерацию состоит в том, чтобы рассмотреть Хунну, первую и самую устойчивую кочевую империю, которую мир когда-либо видел.

Империя Хунну

Первое политическое объединение Монголии произошло с удивительной скоростью в конце периода Борющихся царств, периода, в котором Китай был сначала временно объединен династией Цинь (221–207 гг. до н. э.), а после периода гражданской войны повторно объединен, уже более постоянно, ранней династией Хань (206 г. до н. э. – 8 г. н. э.). Почти в то же самое время степь была объединена Хунну под лидерством их *шаньюя* Маодуня (Модэ). Эта империя Хунну была чрезвычайно долговечна, доминируя над всеми степями Восточной Евразии с конца III в. до н. э. в течение середины I в. н. э., а незначительная сила сохранилась до IV века.

Хунну показывают классический пример имперской конфедерации, форму крупномасштабной политической организации, которая не могла существовать без вымогания у объединенного и преуспевающего Китая. Империя Хунну была основана их лидером Маодунем в 210 г. до н. э., одновременно с гражданскими войнами, которые восстановили объединенный Китай под династией Хань. Хотя степные кочевники не принимали никакого участия в гражданской войне, которая последовала за крахом династии Цинь в 206 г. до н. э., они действительно угрожали опустошить пограничные районы, совершая

набеги, нанося ущерб и разграбляя все, что можно было забрать. Они также составили заговор с пограничными командующими против центрального правительства. Такие набеги и интриги на границе побудили недавно основанную династию Хань напасть на Хунну в 201–200 г. до н. э., но война закончилась плачевно, когда кочевники окружили Ханьскую армию. Император вынужден был просить о мире, чтобы избежать захвата. Это было самое унижительное поражение, которое китайцы когда-либо терпели от хунну, и император отправил посланников *шаньюю* (императору номадов), чтобы договориться о мире и установить политику *хэцинь* как структуру для дальнейших отношений между двумя государствами. Политика *хэцинь* имела четыре главных условия [Yü 1967: 41–42]:

- 1) китайцы осуществляли ежегодные фиксированные платежи для хунну в товарах (который в их максимуме составлял не менее чем 100000 литров зерна, 200000 литров вина и 92000 метров шелка);
- 2) Хань давала принцессу для брака с *шаньюем*;
- 3) Хунну и Хань оценивались как равные государства;
- 4) Великая стена была официальной границей между двумя государствами.

В обмен на эти выгоды хунну согласились поддерживать мир.

Здесь мы видим реализацию стратегии внешних границ в полном расцвете, несмотря на казавшиеся китайцам столь щедрые условия соглашения, хунну все еще не были удовлетворены. После расширения их собственной власти в Монголии они возобновили свои набеги на Китай, а затем отправили посланников, ища мира. Указывая, что хунну теперь главная сила на северной границе, Маодунь потребовал новый мирный договор в письме ко двору Хань: «Все люди, которые живут, натягивая лук, теперь объединены в одну семью, и весь северный регион – в мире. Таким образом, я желаю сложить мое оружие, дать отдохнуть моим солдатам и повернуть своих лошадей к пастбищам; чтобы забыть недавнее дело [о набегах на Китай] и восстановить наш старый договор, по которому люди на границе могут обрести мир, которым они наслаждались в прежние времена, чтобы молодежь могла дорасти до зрелости, старики доживали свою жизнь в безопасности, и поколение за поколением наслаждались миром и покоем...» [Watson 1993, 2: 140–141].

Двор Хань решил, что хунну слишком сильны для атаки на них, и согласился возобновить соглашение и открыть приграничные рынки. Маодунь умер мирно в 174 г. до н. э., оставив своему сыну большую степную империю.

После смерти Маодуня хунну сделали своим ключевым требованием открытие большого числа постоянных рынков, так как выплаты системы подарков *хэцинь*, хотя были очень выгодными для политической элиты, не давали соответствующей компенсации большому числу простых кочевников, которых вынудили отказаться от совершенных набегов. Без гарантии регулярного доступа к приграничным рынкам, где простые кочевники могли обменивать живых животных или другие продукты скотоводства на зерно, ткани или металл, *шаньюй* не мог ожидать, что его люди будут соблюдать мир. Так как китайцы боялись, что настолько широко распространенные экономические связи между населением их собственной границы и кочевниками приведут к политическому низвержению, двор Хань противостоял любому увеличению в размере или численности пограничных рынков. Хунну поэтому были вынуждены вымогать увеличение торговых привилегий тем же самым путем, каким они требовали увеличения субсидий: совершая набеги на Китай или угрожая их совершать. Добыча от таких набегов поддерживала снабжение соплеменников хунну, пока Китай наконец не согласился либерализовать свою торговую политику.

Сразу же после этого пограничные рынки быстро стали важными торговыми центрами, где скапливались хунну, меняя скотоводческую продукцию на китайские товары. Теперь вместо того, чтобы запрещать торговлю, двор Хань попытался управлять ею, регулируя, какие вещи могли продаваться, так же как местоположение и время торговых ярмарок. В целом отношения между Китаем и кочевниками стали более стабильными и старая вражда была забыта: «Все хунну, начиная с шаньюя, становятся все более дружественными с Хань, прибывая и продвигаясь вдоль Великой стены» [Watson 1993, 2: 148]. Такое положение длилось вплоть до 133 г. до н. э., когда благодаря агрессивному руководству императора Уди, «воинственного императора», двор Хань резко отбросил политику *хэцинь* и предпринял неожиданную атаку на кочевников, начав более чем полувековые военные действия на границе.

Хотя политика *хэцинь* благополучно сохраняла мир на протяжении трех поколений, она всегда была непопулярной при дворе Хань, потому что обращение с Хунну как с равным государством нарушало саму сущность китаецентричного мирового порядка, взгляд, хорошо выраженный ранее Цзя И, должностным лицом при дворе императора Вэньди (пр. 179–157): «Ситуация в империи может быть описана так же как и человек, висящий вверх тормашками. Сын Неба во главе империи. Почему? Потому что он должен быть помещен на вершину. Варвары – у ног империи. Почему? Потому что они должны быть помещены на дно... Управлять варварами – власть, принадлежащая по праву императору на вершине, и предоставление дани Сыну Неба – ритуал, выполняемый вассалами на дне. Теперь же ноги помещены на вершину, а голова – на дно. Все вверх тормашками – это что-то недоступное пониманию» [Yü 1967: 11].

Император Уди был восприимчив к такой критике. Хотя его предшественники считали осуждаемую политику целесообразной, чтобы успокоить хунну и избежать неприятностей, он посчитал такую политику унижительной. Китай был империей вне конкуренции по богатству и военной мощи, способной вторгнуться в степь, нанести поражение хунну и уничтожить их власть навсегда.

Войны Уди потерпели неудачу. Хотя Китай посылал множество крупных экспедиционных войск против хунну, они не нашли ничего, что можно было завоевать, кроме пустой земли и нехватки припасов, заставлявшей китайские армии отступать через несколько месяцев каждой из кампаний. Хотя они иногда побеждали в битве войска номадов и организовали раскол среди части племен, составляющих империю Хунну, цена этих войн в людях, лошадях и деньгах была столь высока, что династия практически обанкротила себя. Не разрушили эти атаки и стабильности Хуннской империи – по иронии, вторжения только подкрепляли позицию *шаньюя* как защитника номадов от китайской агрессии. После десятилетий войны двор Хань с неохотой был вынужден констатировать, что Китай имеет не больше возможности властвовать над степными кочевниками, чем над рыбой в море. К 90 г. до н. э. китайцы оставили свои атаки на степь и приняли полностью защитную позицию, обрезав торговлю и отражая набеги [Loewe 1974].

Хунну понимали, что разрыв мирных отношений на долгий срок работает против них, и во время войны отправили посланников в Китай, запрашивая возобновления соглашений *хэцинь* как путь к восстановлению статус кво. Но Китай отказал им в предложениях о мире, настаивая на том, что любые новые мирные соглашения будут иметь место только в пределах новой структуры «даннической системы», в которой, как они сказалиномадам, хунну должны будут отдавать должное императору, посылая ко двору заложника и платя дань Китаю. Это были отношения, которые Хунну сочли неприемлемыми и решительно отклонили в 107 г. до н. э.: «Это не тот способ, которым все было создано в старом альянсе! – возразил шаньюй. – При старом договоре Хань всегда присылала нам принцессу, как и дарили шелка, продукты и прочие товары, для того чтобы поддерживать мир, в то время, когда мы воздерживались от создания неприятностей на границе. Теперь вы хотите пойти против старых порядков и заставить меня послать в заложники моего сына. Мне нечего делать с такими предложениями» [Watson 1993, 2: 157].

Все же без субсидий, торговли и с границами, слишком укрепленными для грабежей и набегов, политические позиции наследных *шаньюев* Хунну оказались подорванными. В 60 г. до н. э. спор наследников разделил хуннскую элиту на конкурирующие, не примиримые друг с другом фракции. Проигрывающий *шаньюй* Хуханье решил, что его единственным шансом на политическое выживание было бы договориться с Китаем, поэтому он нарушил традицию Хунну в 53 г. до н. э., согласившись принять требования китайцев для мира в соответствии с даннической системой. К удивлению, данническая система оказалась притворством. Взамен на формальное подчинение хунну получили даже больше подарков и лучшие приграничные рынки. Во время первого визита ко двору Хань в 51 г. до н. э. Хуханье получил 20 *цзиней* золота, 200000 монет, 77 комплектов одежды, 8000 кусков (*пи*) шелка и 6000 *цзиней* шелковой нити; его последователей снабдили 34000 *ху* риса² [Wylie 1875: 44–47].

Открытие истинной природы Ханьской системы данничества позволило Хуханье внедрить новую стратегию «внутренних границ» в

---

² В ханьское время один *пи* составлял 9,24 метра, один *ху*, или *ши*, – 19,986 литра, один *цзинь* – 244 грамма. Официально один *цзинь* приравнивался к 10000 монет [Loewe 1967, 1: 161].

степной политике. В сущности, он использовал богатство и военную защиту Хань, чтобы восстановить единство Хуннской империи. Эта стратегия отличалась от прямой сдачи Китаю, при которой лидер племени принимал китайские титулы и входил в Ханьскую административную систему, исчезая с политической сцены степи. Вместо этого Хуханье поддерживал свою автономию и избегал прямого контроля Китая, при этом требуя помощи из-за границы и даже военного содействия для поражения конкурирующих лидеров Хунну. Китайцы стремились поддерживать соперников в гражданской войне («используя варваров, чтобы бороться с варварами»), политика всегда популярная при дворе Хань, с ожиданием того, что, помогая побеждающей стороне, они смогут доминировать над своим союзником в будущем. В ближайшей перспективе подобные цели могли быть реализованы, но в отдаленной реальности китайская помощь просто позволиланомадам перестроить свою империю и снова возвратиться к своей агрессивной стратегии внешних границ. В 43 г. до н. э., после десятилетия получения китайской помощи, Хуханье как раз это и сделал, вернулся на север, на свою родину как высший правитель Хунну. «И все его люди из разных мест постепенно объединились, так что старая страна вновь стала урегулированной и спокойной» [Wylie 1875: 47–48].

Даже восстановив свое единство и власть, Хунну никогда больше не возражали против структуры даннической системы. Вместо этого они активно приступили к ее эксплуатации в своих целях. Они постоянно требовали права предоставлять «дань» и отправлять заложников ко двору, потому что получали так много прибыли. Действительно, они угрожали вторжением, если их даннические миссии не принимались и соответствующе не вознаграждались. В оставшийся период бывшей династии Хань хунну регулярно посещали китайский двор, каждый *шаньюй* по меньшей мере раз за свое правление. И во время каждого нового визита количество подарков увеличивалось [Yü 1967: 47]:

год посещения	шелковая нить	шелковая ткань
51 г. до н. э.	6000 <i>цзиней</i>	8000 <i>кусков</i>
49 г. до н. э.	8000 <i>цзиней</i>	9000 <i>кусков</i>
33 г. до н. э.	16000 <i>цзиней</i>	16000 <i>кусков</i>
25 г. до н. э.	20000 <i>цзиней</i>	20000 <i>кусков</i>
1 г. до н. э.	30000 <i>цзиней</i>	30000 <i>кусков</i>

Политика щедрых выплат дани продолжилась во время поздней Хань (25–220 г. н. э.) и распространилась, включив в себя новые сильные приграничные племенные объединения, такие как сяньби, ухуани и цяны. К 50 г. н. э., когда система уже стала регулярной, оценено, что ежегодная стоимость прямых субсидий кочевникам составляла одну треть платежной ведомости правительства Хань, или 7 процентов дохода всей империи, или товаров стоимостью в 130 миллионов долларов в современном эквиваленте [Yü 1967: 61–64].

Раздробленность данников в период поздней Хань была результатом второй гражданской войны, которая навсегда разделила империю Хунну на северную и южную ветви, начиная с 47 г. н. э. Как и в предыдущую гражданскую войну, южный *шаньюй* объединился с Китаем и применял стратегию внутренних границ, используя богатства Китая для борьбы с конкурентом. Однако, так как эта война длилась более 40 лет, победивший род южного *шаньюя* не был способен восстановить свой контроль над Северной Монголией, которая попала в руки конкурентов, кочевников сяньби. Вместо этого южный *шаньюй* поддерживал тесные связи с Китаем и был доволен тем, что степь оставалась в состоянии раздробленности, и он поддерживал контроль только непосредственно вокруг границы, чтобы доминировать над потоком товаров в степь и держать менее организованных кочевников на севере в стороне от доступа к системе.

К концу II в. н. э. отношения между династией Хань и южными Хунну стали настолько близкими, что они действовали как «варвары, охраняющие границу», защищая Китай от атак других степных племен, и не случайно «доили» династию на новые субсидии. Хотя в течение II в. н. э. южные Хунну стали настолько плотно привязаны ко двору Хань, что подверглись косвенному контролю ханьских приграничных должностных лиц, которые могли влиять на наследование лидерства, поддерживая желательных кандидатов, они никогда не теряли своей идентичности как независимого государства.

Эти отношения были столь важны, что именно кочевники обеспечили последнюю защиту от внутренних мятежников, когда Китай был ввергнут в гражданскую войну в 180 г. н. э. Но, поскольку кочевники были зависимы от преуспевающей и стабильной китайской династии, они не смогли пережить ее коллапс. Когда династия Хань разложилась окончательно в 220 г. н. э., экономика и население Китая

были опустошены. У кочевников больше не было богатых провинций, чтобы грабить, не было зависимых приграничных рынков, чтобы торговать, и их выгодные субсидии также исчезли. В таких условиях централизация оказалась невозможной и племена в Монголии вернулись в состояние анархии. Таким образом, империя, такая же могущественная и централизованная как Хунну, не появится вновь еще три столетия, до тех пор, пока тюрки не будут способны эксплуатировать Китай, вновь объединенный под главенством династий Суй и Тан в VI в., установить взаимоотношения, структурно аналогичные отношениям Хань и Хунну. Как и эти взаимоотношения, единство в степи также исчезло с падением династии Тан в конце IX в. [Barfield 1989].

Империи и теньевые империи

При сопоставлении империи Хунну с ханьским Китаем сразу же возникает вопрос: могут ли оба настолько не похожих друг на друга государства быть империями? Они были, конечно, политически сопоставимыми и управляли обширными территориями. Но в большинстве других факторов (сложность администрации, политическая централизация, урбанизация, количество населения, экономическая специализация и др.) у них нет сходств, потому что степные империи являлись второстепенным феноменом, возникавшим в ответ на формирование имперского государства в Китае и серьезно зависящим в своем существовании от эксплуатации объединенного Китая. Однако империя Хунну – не уникальный случай. Рассматривая другие примеры империй, которые обсуждались в этом сборнике, мы находим похожие острые различия между теми, что большинство ученых с легкостью назовут империями, и теми, которые в определенном плане вызывают трудности. К «первичным» империям можно отнести Ассирийскую, Персидскую Ахеменидов, Римскую, Китайскую, Инкскую, Ацтекскую (хотя она все еще находилась на стадии формирования, когда была уничтожена испанцами), Испанскую и Оттоманскую. Проблематичные случаи – Хунну, Нубия, Каролингская Европа и Португалия в Новом Свете. Но (перефразируя Толстого) в то время, как все основные империи похожи, каждая проблематичная империя проблематична по-своему. В некотором отношении все они – внешне направленные империи, но каждой из них недостает чего-то жизненно важного, что отодвигает их в сторону и делает теньевыми империями.

Первичные империи

Что такое империя и как она отличается от других видов политий? Империя – это государство, основанное при помощи завоевания, которое имеет владычество над территориями, включающими в себя части континентов или целые континенты, включает миллионы или десятки миллионов населения, с объединенной и централизованной административной системой. Государство содержит себя при помощи дани или непосредственного налогообложения компонентов или частей империи и поддерживает большую постоянную армию, вынужденную охранять обозначенные границы и внутренний порядок. Империи также разделяют набор из пяти основных внутренних характеристик.

1. Империи организованы, чтобы и администрировать, и эксплуатировать разнородность как экономическую, так и политическую, религиозную или этническую.

Хотя империи могут начинаться с гегемонии над отдельным регионом или этнической группой, все они со временем вырастают в более космополитные, с включением новых территорий и людей, очень отличных от них самих. Определенно, это характеристика, которая устанавливается единожды; элита империи может смениться или быть смещенной без необходимости крушения государственной структуры. Многочисленные династии Египта – яркий тому пример, так же как и тенденция выхода римских императоров из неитальянских регионов после окончания линии Августа. Даже в Китае можно заметить, что династии, которые своей элитой происходили из одного региона, во время формирования новой империи расширялись по всей стране в течение нескольких поколений. Эта их способность включать в себя большое число различных этнических, региональных и религиозных групп делает империи отличными от племен и региональных политий, таких как города-государства, организующие себя на основе некоторых простых сходств. Империи чувствуют себя комфортно и даже преуспевают в этой разнородности. Знаменитая фреска в Персеполе со всем множеством представителей сатрапий Персидской империи, построившихся перед Великим Царем в своих традиционных одеждах, чтобы представить дань характерной местной продукции, – физическое представление неоднородности. Конечно, это происходило не потому, что империи хорошо думали о людях,

не похожих на них, но скорее потому, что их политики были созданы, чтобы все группы были неотъемлемыми частями империи и разделяли единый политический порядок. Это было не миссионерское предприятие. Первые шаги часто были брутальными: покорить и уничтожить любые группы, противостоящие им в военном или политическом плане. Это достигалось переселением целых популяций завоеванного населения в дальние уголки империи, поселением имперских войск и иммигрантов на новых территориях и уничтожением (или поглощением) элит местных групп. Как только группы-конкуренты политически нейтрализованы, империи демонстрируют высокую терпимость к локальной вариативности (до тех пор, пока она не противоречит нормальному порядку и сборанию налогов). Успех подобных политик можно увидеть в сокращении концентрации войск и военных укреплений внутри империи и их перемещении к границе для конфронтации с соседями.

2. Империи, создавшие транспортные системы, разработанные для военного и экономического служения имперскому центру.

Усовершенствованные и поддерживаемые в хорошем состоянии транспортные системы были характеристиками всех великих империй. Ни одно место в империи не находилось в недостижимости военных из центра, и припасы, необходимые для военных операций, складировались по всей империи. Персидские, римские, китайские и инкские системы дорог имели особенно внушительные размеры. В прибрежных и речных районах империи делали крупные инвестиции в строительство портов, чтобы пользоваться морской торговлей, или системы каналов, чтобы связать реки для крупномасштабной внутренней транспортировки. В закрытых засушливых землях они создавали и поддерживали систему караван-сараев и преодоления рек, что благоприятствовало караванной торговле. Во всех случаях количество инвестиций в такую инфраструктуру находилось далеко за пределами возможностей финансирования любой отдельной части империи, особенно в малонаселенных окраинах.

Экономически такая транспортная сеть и централизованное распределение доходов позволяло имперским центрам содержать население и уровень модернизации, намного превышающий возможности удаленных районов. Там, где была возможной крупномасштабная транспортировка основных товаров потребления, имперские столицы

(иногда и две столицы) становились крупными центрами, которые препятствовали развитию всех других городских центров. Ключом здесь был водный транспорт. Импорт зерна из Египта и Северной Африки в Рим был необходим для выживания столицы. Китай потратил много средств на строительство каналов, соединяющих север и юг страны. Ацтеки преуспели в завоевании озерных регионов центральной Мексики, обеспечив быстрый рост своей столицы до размеров, впечатливших испанцев. Районы, не имевшие доступа к водному транспорту, фокусировались на наземном транспорте, таком как караванные пути, использовавшие вьючных животных. Это давало возможность для циркуляции дорогостоящих товаров (особенно предметов роскоши), но не было достаточным для поддержания огромных столиц, которые имели доступ к прибрежной или речной торговле. Такие столицы, как Куско у инков или Ниневия в Ассирии, обладали внушительной архитектурой, как имперские центры, и покрывали значительные территории, но находились в условиях более жестких лимитов, так как содержались в основном за счет земледельческого производства местных окраин.

В экономическом плане империи обеспечивали мощную экономическую интеграцию, которая способствовала развитию торговли и производства. Хотя и созданные в результате кровопролития и завоеваний, имперские государства наиболее ценились за мир, который они давали своим отдельным частям. Районы, которые страдали от постоянных локальных войн, теперь могли обратить свое внимание на торговлю, развитие и производство товаров. Рынок сбыта для таких товаров также значительно увеличивался. Уровень производства и распределения товаров достигал невиданных масштабов, включая мощную трансграничную торговлю с отдаленными народами, за предметы роскоши. Такие экономические связи удерживали вместе части империи значительно сильнее, чем любая армия. Дороги и порты, созданные, чтобы гарантировать быструю доставку войск и оружия для подавления возможных восстаний, постепенно стали жизненными линиями для гражданской торговли, которая вытеснила военную силу как ключ к поддержанию единства.

3. Империи имели развитые системы коммуникации, которые позволяли управлять подчиненными территориями непосредственно из центра.

Если торговля и налоги были жизненно важной кровью, текущей по венам империи, то развитие системы коммуникации можно сравнить с центральной нервной системой, благодаря которой центр мог контролировать периферию. Все важные политические решения в империи принимались в центре, так что быстрая доставка информации была чрезвычайно важна для выживания. Дороги, по которым двигались армии, также являлись каналом передачи информации от краев империи к центру для анализа и распоряжений. Хотя марширующая армия и была видимым знаком имперской власти, тихий полет информации в центр и инструкции из него были, возможно, более внушительными. Все империи имели своего рода почтовую систему (всегда на удивление быстро доставлявшую важные сведения), которая могла включать в себя станции смены лошадей, бегунов или скоростные лодки. В системе гонцов Персидской империи Геродот [1987: 8.98.2] наблюдал: «Кроме этой системы гонцов, нет больше ничего в мире смертных быстрее. Вот как персы организовали это: говорят, что на столько дней, сколько должно продлиться странствие, расположено столько же лошадей и людей, с интервалом в дневной переход, одна лошадь и один человек приписаны к одному дню. И его не останавливает ни снег, ни дождь от выполнения маршрута, который ему было предписано, пройти так быстро, как он может».

Но система коммуникации была чем-то большим, нежели просто способ физической доставки информации. Она требовала развитой системы хранения записей (чаще всего письменных, а иногда – как *кипу* у инков), постоянной бюрократии, которая занималась информационным потоком, и структуры для своевременного управления информацией. В дополнение к этому был общий язык администрации и образования, которым пользовались все члены имперской элиты. Этого можно было достичь несколькими путями: с помощью общей письменности или символической системы, преодолевавшей языковые отличия (китайские иероглифы, инкские *кипу*), использование общего языка имперской администрации, который разделяли все члены элиты (латинский и греческий в римском мире, арабский в исламском мире), или внедрение административного языка как *Lingua Franca*, принятой новыми правителями, даже если он не был их родным языком (латинский на послеримском Западе или персидский в Центральной Азии и Индии Моголов). Менее заметными (но не менее

важными) были внедренные империями стандартизированные меры (веса, расстояния, звука, размеров войск и денег) и общая система нумерации для записи чисел и подсчетов. Эти системы не обязательно заменяли собой локальные меры, но они служили как эталон, понятный всем в империи и означающий, что чиновники не должны отслеживать несметное число локальных вариантов.

4. Империи объявили монополию на военную силу внутри территорий, которыми они правили, и распространяли ее наружу.

Возможно, это базовое требование всех государств, но, основанные на завоеваниях и необходимости управлять огромными территориями, империи сталкивались с проблемами масштаба. Поддержание внутреннего порядка требовало содержания постоянной имперской армии, которая могла бы контролировать беспорядки в любой части империи. Но те империи, которые, расширяясь, постоянно полагались на армию для поддержания внутреннего порядка, обычно являлись кратковременными политиями. Как сказано в китайской пословице: «Можно завоевать империю верхом на лошади, но нельзя управлять ею оттуда». Поэтому успешные империи поддерживали внутренний порядок при помощи эффективного администрирования, включая исполнение всеобщего законодательства, принятого на всей территории, и централизованную систему правительства, назначающую ответственных за исполнение имперской политики. В успешных империях внутренние восстания были чрезвычайно редки и воспринимались как знак административного провала.

Внешне империи стремились расширяться намного дальше пределов других типов государств. В своих экспансионистских фазах они останавливались только по трем причинам:

1) когда они достигали границ другой империи, по силе равной их собственной (Рим/Иран);

2) когда они достигали экологической границы (пустыня, степь, горы, джунгли), которую они не могли эффективно оккупировать (Китай и монгольские степи, Рим и Сахара, арабские пустыни);

3) когда продвижение, которое могло быть осуществлено военным путем, шло вразрез с частью стратегической политики, направленной на защиту границ (Рим на Рейне), или где затраты администрации превосходили выгоды от владения землей (Китай и Центральная Азия).

Но однажды установленные, имперские границы демонстрировали поразительную устойчивость и постоянство, отчасти потому, что империи держали большое количество своих войск на границах, а не в центре. Даже уменьшающиеся империи стремились защищать всю свою территорию. Очень немногие (отмечено в Византии) постепенно отступали к центру, откуда началось развитие, когда подвергались давлению на периферии. Вместо этого империи пытались направить даже самые скудные ресурсы из центра на окраины, чтобы сдержать границу, даже с риском крушения всей системы.

5. Империи обладали неким «имперским проектом», который навязывал своеобразное единство по всей системе.

Одной из причин терпимости империй к разнородности было то, что они ожидали, что их собственная культура создаст ту общую сердцевину ценностей, которая будет доминировать над локальной вариативностью. Это обычно находило отражение в таких материальных атрибутах, как единая система мер, архитектурные стили, космология, ритуалы, искусство и мода, которые отмечали имперское присутствие даже на окраинах. Это был пример единства, которое развивалось без помощи силы и формировало то, что мы обычно определяем как цивилизацию. Это был проект, позволявший широкое соучастие и осуществляемый в серии стадий, от принуждения через возможность выбора к сотрудничеству и идентификации. Те империи, которые не пытались разработать долговременное сотрудничество и идентификацию, обычно существовали значительно меньше, чем те, которые пытались. В империях, существовавших длительное время, оставленное наследство часто переживало их политический коллапс и оставалось исторической моделью для будущего воспроизводства.

От империй к крупным государствам?

Можно утверждать, что эти определения могут быть адекватно применены к большим или крупным (large) государствам, а не только к империям. Это может быть странно, поскольку с археологической точки зрения получается, что империи были основами для больших государств, а не наоборот. Исторически – империи были горнилом, в котором реализовалась возможность существования большого государства. Действительно, сложно найти примеры больших государств,

которые не были вначале объединены в империи. Доимперские политические структуры были обычно небольшими и узкими: города-государства, региональные королевства и племена. Государства, которые расширялись в этой среде, либо сами становились империями, либо распадались на составные части. Опыт империи непосредственно изменял политическую и социальную среду и создавал возможность управлять большими территориями и населением. Имперские методы государственного управления, военной организации и идеологии были модифицированы и использованы как модели в меньших масштабах. Такие крупные государства были обычным явлением там, где империи распадались и их осколки собирались вновь в большое государство.

Только при рассмотрении современного периода большие государства, а не империи становятся обычным делом, и это скорее может быть связано с экспансией Западной Европы, где этот процесс прослеживался лучше всего, чем с любыми изменениями в других частях мира, где империи как политические структуры властвовали повсеместно (хотя не всегда самостоятельно) в Южной Азии, Китае и на Ближнем Востоке до XX столетия. Верно также и то, что с увеличением населения мира государства часто управляли большим населением (более 40 млн.), такое прежде встречалось только в самых больших империях до современного периода. В большей части исторического периода существовал порядок значительного различия между размером первичных империй и любых других типов государств.

Теневые империи

Если классические империи были первичными политиями, продуктом местного внутреннего развития, то теневые империи были вторичным феноменом. Они появлялись как ответ на формирование имперского государства где-то еще. Они не могли существовать иначе, как часть взаимодействия с имперским государством, потому что им недоставало большинства важнейших характеристик первичных империй, описанных выше. Однако в плане мощи и исторического влияния они подражали империям в своих действиях и политике, являясь в каком-то плане паразитами более крупных систем, хотя в исключительных условиях могли трансформироваться в самостоятельную первичную империю (primary empire).

Эти случаи в данном разделе представлены по меньшей мере четырьмя типами вторичных империй.

1. *Зеркальные империи*, которые появились как непосредственный ответ на формирование имперского государства у соседей. Они вырастали и рушились вместе со своими конкурентами, потому что были ответами на препятствия, созданные имперской централизацией соседей.

Имперские конфедерации кочевников – основные примеры зеркальных империй. Империя Хунну и последовавшие за ней степные политии в Монголии вырастали и рушились в тандеме с китайскими династиями, потому как были фактически к ним привязаны. Таким империям недостает внутреннего развития первичной империи: нет явных экономических классов, нет стабильной армии, ограниченная письменность и минимум бюрократии, мало специалистов в ремесле и (главное) подчиненного населения, которое можно легко эксплуатировать. Но внешне монополия степного правителя на иностранные контакты и командование очень эффективной централизованной военной силой позволяли ему распространять свою волю на степь как на цельную имперскую структуру, которая может на равных иметь дело даже с очень большими империями.

Создание и поддержание объединенной империи как ответ на имперскую экспансию соседей обнаруживается в основном среди кочевых народов и затем преимущественно в евразийской степи. Причиной этому стало то, что политическая структура номадов определялась более их отношением с окружающим миром, чем внутренней динамикой. Рассматривая случаи в юго-западной Азии, где политии были значительно меньше, Айронс наблюдал, что «среди обществ пасторальных кочевников, иерархические политические институты вырабатываются только благодаря внешним контактам с государственными обществами и никогда не развиваются только как результат внутренней динамики таких сообществ» [Irons 1979: 362].

В дополнение можно добавить, что степень иерархии отражала уровень организации их оппонентов. Грубо говоря, в истории наблюдалась волна роста политической централизации, которая прошла от Восточной Африки до степей Монголии с четырьмя увеличивающимися в сложности типами племенной организации [Barfield 1993: 17].

1. Основанные на возрастных классах акефальные сегментированные линиджи в африканском регионе близ Сахары, где племенные сообщества редко встречали государственные общества до колониальной эпохи.

2. Клань с постоянными лидерами, но без постоянной надплеменной организации в Северной Африке и Аравии, где племенные сообщества сталкивались с региональными государствами, с которыми имели симбиотические отношения.

3. Надплеменные организации с сильными лидерами, которые были частью региональной политической сети внутри больших империй, распределенные на просторах Иранского и Анатолийского плато, связывающие племена и государства как завоевателей и подчиненных.

4. Централизованные племенные империи, управляющие большими территориями в степях Центральной Евразии, Северного Китая и Ирана, поддерживаемые хищническими взаимоотношениями с оседлыми государствами соседей.

В Монголии, находясь перед лицом объединенного Китая, степные кочевники регулярно достигали уровня имперской организации. Отчасти потому, что кавалерия давала им военную мощь противостоять Китаю, но еще и по той причине, что их социальная структура (в отличие от кочевников Ближнего Востока и Восточной Африки) была иерархичной и предрасполагала к принятию притязаний имперских родов, которые объявили о своей исключительной привилегии править [Barfield 1991]. Как мы видели, степные империи, в частности Хунну, были заинтересованы не в завоевании, а в вымогательстве, и как только они устанавливали их прибыльные взаимоотношения с Китаем (мир за товары), богатство начинало течь в степь и поддерживало структуру империи.

Зеркальные империи демонстрировали по большей части слабый потенциал для трансформации в первичные империи. Единственным случаем такого перерастания была Монгольская империя, созданная Чингис-ханом в XIII в. Он также начал, желая только вымогать подарки от своих соседей, но благодаря техническим навыкам и силе своей армии, смог уничтожить их и создать настоящую империю (самую большую в мире), которая управлялась прямо из центра и опиралась на непосредственные завоевания и налогообложение оседлых

территорий. Со временем ее столица Каракорум стала центром власти во всей Евразии, но через несколько поколений распалась на части.

2. *Приморские торговые империи*, которые занимают лишь минимум территории (обычно на краях), нужной для получения экономических прибылей от торговли с другими политиями, управляемыми кем-то другим, ответственным за производство и политическую организацию.

Эта форма империи, по крайней мере до современного периода, была проблематичной, потому что стремилась к получению богатств без захвата или вымогания большой территории. Чтобы этого добиться, они стремились к монополии или к прямому контролю скорее над средствами обмена и транспорта, чем над производством. По этой причине приморскими торговыми были все морские империи, потому что это было возможно с соответствующим военным флотом и укрепленными базами для поддержания контроля над кораблями на большой территории в океане, особенно в пунктах перекрывания морских маршрутов или в ключевых пунктах погрузки. В противоположность этому – было невозможно установить такой контроль над сухопутными путями без полного доминирования над окружающей территорией. Такой контроль позволял имперским центрам накопить богатства, необходимые для финансирования военных сил, и действовать как империи в отношениях с другими государствами.

Если главной целью империи была централизация и контроль над ресурсами, чтобы использовать их для обогащения и контроля над периферией, то приморские империи могли добиться этих целей без необходимости контроля над огромными территориями и массами населения. Однако, как и паразитические степные империи, такие политии были во многих отношениях несостоятельны, уязвимы и могли пасть, если источник богатства, над которым они не имели прямого контроля, будет отрезан. Решение этих проблем сводилось либо к деволюции (стать центром торговой сети, которая не была бы автономной или не находилась в частных руках), либо к эволюции (расширяться, становясь настоящей империей, завоевывая соседние районы и население, производящее товары для торговли).

В древнем мире приморские торговые империи возникали в основном в условиях роста могущества города-государства в мире полисов. Торговая сеть финикийских городов-государств или, возмож-

но, Крита бронзового века может быть ранним примером. Древняя Афинская империя V в. до н. э. со своим набором колоний и клиентов, от которых они получали прибыль, но которыми непосредственно не управляли, – классический пример империи, основанной на торговле, а не на завоеваниях. К преимуществам Афин относились могучий флот и сеть альянсов, которые появились во время персидских войн и способствовали превращению их в центр богатства и власти. Слабость такой структуры была также очевидна, во время Пелопонесской войны Афины оказались уязвимыми к нападению с суши и блокаде торговли спартанцами и их союзниками. Рост централизации в Средиземноморье при Александре Македонском и его наследниках, затем во времена Рима положил конец таким политиям. В средневековом средиземноморском мире города-государства, такие как Венеция и Генуя, также создали торговую сеть, но не смогли достичь статуса автономии, который мог привести к созданию империй.

Дальнейшие примеры относятся к рубежу современной эпохи и включают атлантические европейские державы в Индийском и Тихом океанах. Это – португальцы и индийцы, так же как и последующие предприятия датчан и британцев. Как проясняет анализ Субрахманьяма [Subrahmanyam 2001], Португальская империя в Южной Азии на протяжении XVI и XVII столетий доминировала над прибыльной торговой сетью, несмотря на малочисленность людей и кораблей. Это господство обуславливалось не техническим превосходством (огнестрельное оружие быстро распространилось среди государств региона), но по причине того факта, что в Индийском океане не было единой власти. Когда местные соседние государства на суше решали, что теряют что-то важное, они обращались к португальцам. Турки-османы построили флот и усилили свой контроль над районом Красного моря, сасаниды в Иране перехватили порт Ормуз в Персидском заливе, и империя Моголов в Индии объединила большую часть страны и изгнала португальцев из большинства их крепостей. В дополнение – прибыль от морской торговли привлекала датчан и англичан. Впоследствии они смогли преодолеть тесную связь между государственной и частной компаниями, с государственным контролем при принятии решения к оккупации и прямым управлением эксплуатируемой территорией. Со временем эти торговые империи эволюционировали в первичные империи, в которых зависимые колонии управлялись непосредственно из Лондона или Амстердама.

3. *Империи-стервятники* создавались лидерами окраинных провинций, подчиненных государств или союзников, которые географически и культурно находились на периферии империи, но периодически захватывали центр, чтобы основать новую империю после внутреннего коллапса первой.

Периферийные регионы империи всегда воспринимались как отделенные и культурно и административно, даже когда имели сильную экономику и политические связи с империей. В какие-то периоды они формально включались в империю и оккупировались имперскими гарнизонами, в иное время управлялись напрямую, как подчиненные государства и союзники. В других случаях империи шли на компромисс со своей типичной политикой непосредственного включения и культурной ассимиляции, привилегией соправления с местными элитами, которые поддерживали значительную автономию и сохраняли свою местную социальную структуру. Они были знакомы с культурой империи, но по-прежнему сохраняли сильную связь со своей этничностью в районах, где поддерживались старые местные обычаи.

Длительное сосуществование с доминирующей империей трансформирует локальную культуру и политическую организацию. Во времена централизации участие в имперской системе позволяло сотрудничающим региональным лидерам использовать их связи с империей для победы над конкурентами, благодаря экономической и военной помощи из центра. Однако когда центр ослабляется или отступает, такие районы становятся независимыми. Это ведет к борьбе между теми региональными лидерами, которые желают вернуться к большей автономии и менее иерархической политической структуре, и теми, которые хотят применить инструменты отступившей империи, чтобы создать собственное централизованное государство. Завершение этого испытания обычно проходит в течение поколений. Если это оканчивается возникновением нового централизованного государства, то оно комбинирует элементы местной локальной культуры с административной системой, использованной в старой империи (иногда даже включая оставшихся ее служащих). Если центр был довольно слаб, особенно когда гражданские войны вызывали анархию, лидеры таких окраинных территорий могли сами захватывать контроль над центром и основывать новые имперские династии. Хотя

новая династия могла быть названа в честь окраинной родины новой элиты, ее успех зависел от поддержания своего превосходства над существовавшей администрацией старой империи, над которой они господствовали как доминирующее меньшинство. Они были, если позволите, хвостом, который вилял время от времени имперской собакой, но, даже одетые в имперские регалии, они все равно оставались хвостом, а не собакой.

Лучшим примером подчиненных на окраинах в этом разделе будет Нубия, к которой Египет относился как к части своей политической и экономической сферы. Нубия много восприняла от Египта, но оставалась культурно отличной от нижней части долины Нила. Как показывает Моркот [Morkot 2001], Нубия представляла собой египетскую окраину на верхнем Ниле, где были созданы базы для прямого контроля, но которые зависели от включения местных элит в качестве их агентов. С течением времени взаимоотношения с Египтом оказали сильное влияние на население. Они были втянуты в египетскую политику и культуру, не становясь полностью египтянами. Когда произошло затухание процесса формирования государства по египетской модели, детали чего по большей части не документированы, это привело к воцарению нубийских династий, позже правивших Египтом. Это было не совсем Нубийской империей, поскольку нубийцы лишь создали новую доминирующую группу, контролировавшую сокращающуюся Египетскую империю. Сосредоточение экономики и населения сохранялось в Египте, даже несмотря на то что Нубия стала более политически значимой, чем раньше.

Похожие примеры могут быть взяты и из развития других частей света, особенно периферийных регионов, как Маньчжурия, игравшей похожую роль в истории Китая [Barfield 1989]. Как и Нубия, Маньчжурия была слабонаселенным пограничным регионом, который находился под имперским контролем прямо и опосредованно, когда Китай был объединен такими династиями, как Хань, Тан и Мин. Те части, которые избежали контроля Китая, попали под влияние степных империй Монголии. На протяжении этих периодов маньчжурские племена оставались слабыми и неорганизованными. Однако после крушения имперской власти в Китае (и, как следствие, крушения единства монгольской степи) маньчжурские племена становятся автономными. Конкурирующие племена борются за господство в этом

вакууме, и правители становятся доминантами, создавая новую систему дуальной администрации, в которой одна ветвь (состоящая из людей племени) отвечала за отношения с племенами и войну, другая ветвь (состоящая из китайских бюрократов) – за гражданские дела. Используя это как основу, они продвинулись в районы северного Китая, ослабленного гражданской войной. В случаях успеха они основывали династии, в которых маньчжуры были доминантной элитой в империи, по-прежнему управляемой китайскими чиновниками и по китайским законам. Это была новая империя, но созданная на уже существовавшей базе. Таблица 1 показывает эту модель, регулярно повторяющуюся после каждого крушения центральной власти в Китае. Последней и наиболее успешной династией этой линии была Цин (1644–1912), которая фактически объединила весь Китай и правила им на протяжении почти трех столетий. В процессе она претерпела существенную китаизацию, так что через несколько поколений трансформировалась в мощную первичную империю, в которой Маньчжурия опять стала периферией.

4. *Ностальгические империи* основаны на воспоминаниях об организационном прошлом. Они копируют имперские традиции и внешние признаки исчезнувших империй, но сами по себе не могут соответствовать требованиям настоящей империи, таким как централизованное правление, прямой контроль над территорией, значимый имперский центр или достаточная для достижения категории империи территория (например, провинция бывшей империи).

Долгоживущие империи оставляют след на регионах, которыми управляли. Когда империи рушатся (особенно когда такое крушение приводит к политической анархии, сокращению населения и экономической депрессии), то старый имперский порядок часто ассоциируется с бывшим «золотым веком», теперь утраченным. Более важно, что память о потерянной империи сохраняет такое идеологическое влияние на население региона, и может быть использовано как могучее средство правителями, пытающимися создать новые государства или империи. Это также дает основу для строительства крупной административной системы. Например, эта тенденция была сильнейшей в Китае, где космологический миф о необходимости императора, который связывал Небо и Землю, имел такое влияние, что служил идеологическим фундаментом, использовавшимся государствами-

преемниками. Воспоминания об империях прошлого обеспечивали фундамент империям будущего, и объединенная империя сама по себе виделась как высочайшая политическая цель. Разделенный Китай воспринимался настолько немислимым, что любая группа, способная его объединить, включая даже иноземных завоевателей, например монголов, принималась как законные правители по выполнению этой миссии. Эти попытки были настолько успешными, что, в отличие от Запада, первичные империи прибывали для объединения Китая после каждого его краха [Yates 2001].

Восстановление первичной империи было, однако, чаще всего отдаленной надеждой, чем реально достижимой целью в большинство периодов. Идея империи давала идеологическую основу и административную модель для создания новой империи, но в большинстве случаев была чем-то вроде просто влиятельной фантазии, потому что материальная база испытывала недостаток, а способностям лидеров к централизации власти противостояли сильные локальные элиты. Империя Каролингов попадает в эту категорию, как и небольшие китайские государства, выраставшие в периоды смут (III–VI вв., X–XII вв.), или множество династий, считавшихся покровителями империи в Эфиопии. Империя Каролингов – особенно хороший пример, потому что не соответствует почти ни одному из списка критериев, необходимых для статуса первичной империи. Она не имела постоянно действующей армии, настоящей центральной администрации или эффективной транспортной системы и системы коммуникации. Она раздробила территорию на феодальной основе, и местную знать практически не заставляли выполнять свои обязанности. Ее столицы были небольшими и временными, их солдаты и чиновники обычно шли туда, где была пища, потому что они не могли перевозить ее с собой. Имперская архитектура была впечатляющей только на фоне крестьянских лачуг, которые ее окружали. Несмотря на это, она считалась в то время империей и продолжает занимать славное место в европейской истории. Влияние Каролингов было настолько большим, что как первая серьезная попытка возратить на Запад идею империи, смоделированную в Риме, оно создало мощный культурный всплеск и послужило потенциальным идеологическим оружием (хотя и неудачно) в попытке централизовать примитивные государства, оккупировавшие бывшие провинции западной Римской империи.

В ностальгических империях правители связывали свою законность с чем-то, чего уже не существовало, но что могло заставить подчиняться, источник силы, который серьезно недооценивался учеными, сосредоточенными только на материальных составляющих. Прimitивная борьба за власть и господство привязывалась к возвышенным целям. Содействие достигалось легко, и принятие вымысла о новой империи и императоре обеспечивало основу для строительства новой структуры. Исходя из этого, ностальгические империи необходимо рассматривать как вторичный феномен, который черпал силу в основном из символического мира культурной памяти. Единственное, что могло это погубить, – внедрение новых культурных порядков. Так, хотя идея Рима оставалась сильной на Западе, она была потеряна в Северной Африке после исламского завоевания. С этого момента ностальгические империи там основывались на исламской традиции. Таким же образом византийская традиция не пережила завоевание османов и культурную трансформацию в турецкий мир, хотя ее наследие сохранилось далеко в России, видевшей себя последовательницей византийского наследия православного христианства.

Заключение

Понимание динамики империй требует подхода к пониманию того, что они хотели получить, источники, которые обычно требуют от нас рассмотрения своих собственных предположений о том, что заставило их работать. Когда мы сравниваем первичные и вторичные империи, мы можем увидеть, что и те и другие полагаются на способность к централизации власти и поддержанию контроля на расстоянии. Первичные империи достигали этого путем построения комплексных структур, которые были самодостаточными и репродуктивными. Вторичные империи достигали того же, но без комплексности, потому что не производили свой собственный доход непосредственно.

Два из наших вторичных типов – зеркальные степные империи и приморские торговые империи – осуществляли это, развивая специальные военные технологии, которые усиливали их мощь и компенсировали малочисленность. Для степных империй это была кавалерия, для приморских империй – флот. И то и другое подразумевало военные удары на расстоянии и позволяло небольшой, но сосредото-

ченной силе атаковать и превосходить врага в выбранной точке. Степные империи использовали свою мощь для основания империй, финансировавшихся за счет вымогательства и субсидий, получаемых из Китая. Приморские империи использовали свою силу не столько для вымогательства дохода напрямую, сколько для господства над международной торговлей в свою пользу. В обоих случаях такая военная сила имела потенциал перерастания из вторичной империи в первичную, если начинала завоевывать отдаленные земли непосредственно. Это случалось редко, потому что такие империи состояли из людей, которых было немного и которые были разрознены. Их сила заключалась в способности отступить в степь или в море, не ставя под удар свою ключевую военную силу при мощном сопротивлении. Вымогательство и торговля были их стратегическими средствами. Оба этих типа империй нуждались в существовании более комплексных государств, чтобы выживать и существовать в симбиозе с могущественными первичными империями.

Империи-стервятники и ностальгические империи, в противоположность, существуют, только пробуждаясь после крушения империи. Если достаточная часть структуры не повреждена, тогда империи-стервятники способны поддержать ее существование (обычно с упрощенной организационной структурой), создавая новую империю или династии на остатках старой. Если имперская система разрушена более серьезно или ее структурная взаимосвязь совершенно исчезла, тогда попытки воссоздать ее с качеством предыдущей скорее символичны, чем реальны. Это миф, существующий в сердце ностальгической империи, но, по правде, могучий миф, воодушевляющий людей воссоздать то, что было утрачено, даже если у них нет мотиваций это сделать.

Для археологов в особенности вторичные империи, такие как Хунну, дают хороший пример могущественной, долгоживущей имперской политики, который выделяется из обычного порядка. Наше рассмотрение выделило различные типы политий, которые мы классифицировали как первичные и вторичные, и те и другие могут создавать имперские структуры, но совершенно различные. Возможно потому что империи были такими большими, в течение долгого времени к ним относились как к изолированному феномену, а не как к сферам взаимодействия. Как только процесс формирования империи запу-

щен, он оказывает не только огромное внутреннее воздействие (процесс, который был хорошо изучен), но и внешнее (процесс, которым пренебрегали). Империи влияли одна на другую и на окружающих людей даже на больших расстояниях. Создавая ли границу с племенами (Рим и Германия, Китай и Монголия) или противостоя другим империям (Рим и Иран, Китай и Центральная Азия), они динамично развивались. Большая часть этого развития не документирована в письменных источниках, но оставила археологические свидетельства. Именно к археологическим источникам мы должны обратиться, чтобы лучше понять, как функционировали империи и какое воздействие они оказывали как внутри себя, так и вовне.

Литература

Barfield T. 1981. The Hsiung-nu Imperial Confederacy: Organization and Foreign Policy. *Journal of Asian Studies* 40: 45–61.

Barfield T. 1989. *The Perilous Frontier: Nomadic Empires and China, 221 BC to AD 1757*. – Cambridge: Blackwell.

Barfield T. 1991. Tribe and State Relations: The Inner Asian Perspective. *Tribes and State Formation in the Middle East*. Ed. by P. Khoury and J. Kostiner. Berkeley: 153–185.

Barfield T. 1993. *The Nomadic Alternative*. – Englewood Cliffs. – NJ: Prentice-Hall.

Boyle J. A. [trans.] 1958. *The History of the World Conqueror* (2 vols). – Manchester: Manchester University Press.

Boyle J. A. [trans.] 1971. *The Successors of Genghis Khan (translated from the Persian of Rashid al-Din)*. – New York: Columbia University Press.

Bretschneider E. 1888. *Mediaeval researches from eastern Asiatic sources*. – London: K. Paul.

Cleaves Francis [trans.] 1982. *The Secret History of the Mongols*. – Cambridge: Harvard University Press.

Di Cosmo N. 1994. Ancient Inner Asian nomads // *Journal of Asian Studies* 53: 1092–1127.

Farquar D. 1957. Oirat-Chinese Tribute Relations, 1408–1459. *Studia altaica; Festschrift für Nikolaus Poppe*. – Wiesbaden: 60–68.

Herodotus [David Grene, trans.] 1987. *The History*. – Chicago: University of Chicago Press.

Hulsewé A. F. P. 1979. *China in Central Asia, The Early Stage: 125 B. C.–A. D. 23*. – Leiden: Brill.

Irons W. 1979. Political Stratification among Pastoral Nomads. *Pastoral Production and Society*. – Cambridge: Cambridge University Press.

- Jagchid Sechin, and Hyer P. 1979. *Mongolia's culture and society*. – Boulder, CO: Westview.
- Jagchid Sechin, and Symons V. 1989. *Peace, war, and trade along the Great Wall*. – Bloomington: Indiana University Press.
- Jettmar K. 1964. *The Art of the Steppes*. – New York: Crown.
- Lattimore O. 1940. *Inner Asian Frontiers of China*. – New York: American Geographical Society.
- Loewe M. A. N. 1967. *Records of the Han Administration* (2 vols.). – Cambridge: Cambridge University Press.
- Loewe M. A. N. 1974. The Campaigns of Han Wudi. *Chinese Ways in Warfare*. / Ed. by F. Kierman and J. Fairbank. – Cambridge: Harvard University Press.
- Mackerras C. 1969. Sino-Uighur diplomatic and trade contacts (744 to 840) // *Central Asiatic Journal* 13: 215–240.
- Mackerras C. 1972. *The Uighur Empire (744–840) According to the T'ang Dynastic Histories*. – Columbia: University of South Carolina Press.
- Minorski V. 1948. Tamim ibn Bahr's journey to the Uyghurs // *Bulletin of the School of Oriental and African Studies* 12: 275–305.
- Morkot R. 2001. Egypt and Nubia. *Empires: Perspectives from Archaeology and History*. Ed. by S. E. Alcock, T. N. D'Altroy, K. D. Morrison and C. M. Sinopoli. – Cambridge: 227–251.
- Pulleyblank E. G. 1955. *The Background of the Rebellion of An Lu-shan*. – London: London Oriental Series.
- Rudenko S. I. 1970. *Frozen Tombs of Siberia: The Pazyryk Burials of Iron Age Horsemen*. – London: Dent & Sons.
- Serruys H. 1959. *Sino-Mongol Relations During the Ming (1): The Mongols in China during the Hung-wu Period*. – Brussels: Institut Belge des Hautes Études Chinoises.
- Serruys H. 1967. *Sino-Mongol Relations During the Ming (2): The Tribute System and the Diplomatic Missions*. – Brussels: Institut Belge des Hautes Études Chinoises.
- Shafer E. 1963. *The Golden Peaches of Samarkand*. – Berkeley: University of California Press.
- So J., and E. Bunker. 1995. *Traders and raiders on China's northern frontier*. – Seattle: University of Washington Press.
- Spuler B. 1972. *History of the Mongols: Based on Eastern and Western Accounts of the Thirteenth and Fourteenth Centuries*. – Berkeley: University of California Press.
- Subrahmanyam S. 2001. Written on water: designs and dynamics in the Portuguese Estado de India. *Empires: Perspectives from Archaeology and History*. Ed. by S. E. Alcock, T. N. D'Altroy, K. D. Morrison and C. M. Sinopoli. – Cambridge: 42–69.

Tekin T. 1968. *A Grammar of Orkhon Turkic*. – Bloomington: Indiana University Press.

Waldron A. 1990. *The Great Wall of China*. – Cambridge: Cambridge University Press.

Watson B. [trans.] 1993. *Records of the Grand Historian of China* [rev. ed.] (2 vols.). – New York: Columbia University Press.

Wylie A. [trans] 1875. History of the Heung-noo in their relations with China // *Journal of the Royal Anthropological Institute* 5:5: 44–47.

Yates R. 2001. Cosmos, central authority, and communities in the early Chinese empire. *Empires: Perspectives from Archaeology and History* / Ed. by S. E. Alcock, T. N. D'Altroy, K. D. Morrison and C. M. Sinopoli. – Cambridge: 351–368.

Yü Ying-shih. 1967. *Trade and Expansion in Han China*. – Berkeley: University of California Press.

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ПОЛИТОГЕНЕЗА В КОЧЕВЫХ И ВАРВАРСКИХ ОБЩЕСТВАХ*

1. Вводные замечания

Исследования целого ряда антропологов, историков, политологов, включая и наши собственные, показали, что раннее государство не являлось единственной формой политической организации усложнившихся обществ. Известно множество исторических и этнографических примеров политий, которые по политическому устройству, структуре власти и управления существенно отличались от раннего государства, но не уступали раннегосударственным системам по размерам, социокультурной и/или политической сложности [например, Bondarenko 2000; Bondarenko, Grinin, and Korotayev 2002; Bondarenko and Korotayev 2000; Crumley 1995; 2001; Grinin 2003; Grinin *et al.* 2004; Korotayev 1995; Kradin *et al.* 2000; Kradin, Bondarenko and Barfield 2003; Kradin and Lynsha 1995; McIntosh 1999; Possehl 1998; Schaedel 1995; Бондаренко 2000, 2001; Бондаренко, Гринин, Коротаев 2006; Бондаренко, Коротаев 2002; Гиренко 1993; Гринин 2001–2006, 2006а, 2007г; Гринин и др. 2006; Гринин, Коротаев 2008; Коротаев 1995, 2000а, 2000б; Крадин, Лынша 1995; Крадин, Бондаренко 2002; Попов 1995; 2000; Штырбул 2006].

Раннее государство возникает лишь в обществе определенной социокультурной и политической сложности. Однако и в сложных социумах государство появляется не всегда, а лишь при определенных, достаточно специфических условиях, о которых ниже будет сказано. Другие же общества, достигая необходимых параметров, не образовывали государства, а развивались по иным траекториям. Эти политии в то же время по размерам, сложности и ряду других параметров

---

* Работа выполнена по проекту РГНФ – МинОКН Монголии (№ 07-01-92002а/Г) «Кочевые империи монгольских степей: от Хунну до державы Чингис-хана».

существенно превосходили типичные догосударственные образования (вроде простых вождеств, племен, общин) и длительное время составляли достаточную альтернативу раннему государству. Такие сложные негосударственные общества были названы нами **аналогами раннего государства** [Гринин 1997, 2001–2006, 2006а, 2006б, 2006в, 2006г, 2007а, 2007б, 2007в, 2007г; Гринин, Коротаев 2008; Grinin 2003, 2004а, 2004б, 2004с, 2007а, 2007б].

В целом они выполняли те же функции, что и ранние государства, а именно:

- создание минимального политического и идеологического единства и сплоченности в разросшемся обществе (группе близких обществ) для решения общих задач;
- обеспечение внешней безопасности или условий для экспансии;
- обеспечение социального порядка и перераспределение необходимого и прибавочного продукта в условиях заметного уровня развития социальной стратификации и функциональной дифференциации, а также усложнившихся задач;
- обеспечение минимального уровня управления обществом, включая нормотворчество и суд, а также выполнение населением необходимых повинностей (военной, имущественной, трудовой);
- создание условий для воспроизводства хозяйства (особенно там, где требовалась координация общих усилий).

Такие критерии, как определенный размер, необходимый объем относительно избыточного продукта, идущего на содержание слоя управляющих, а также различных элитарных слоев, достаточный уровень развития функциональной дифференциации и социальной стратификации и им подобные, можно применять только при сравнении ранних государств и принципиально догосударственных обществ. Эти критерии непродуктивно использовать при сравнении ранних государств и их аналогов, поскольку последние по всем или части этих признаков вполне сравнимы с ранним государством [см. подробнее: Grinin 2003; Гринин 2007в; Гринин, Коротаев 2008].

Ниже мы даем наши дефиниции государства и *раннего государства*, на которые ориентируемся в настоящей статье.

Государство – это категория, с помощью которой описывается система специальных (специализированных) институтов, органов и

правил, обеспечивающая внешнюю и внутреннюю политическую жизнь общества; данная система в то же время есть отделенная от населения организация власти, управления и обеспечения порядка, которая должна обладать следующими характеристиками: а) суверенностью (автономностью); б) верховностью, легитимностью и реальностью власти в рамках определенной территории и круга лиц; в) возможностью принуждать к выполнению своих требований, а также изменять отношения и нормы.

Раннее государство – понятие, которым обозначается особая форма политической организации достаточно крупного и сложного аграрно-ремесленного общества (группы обществ, территорий), определяющая его внешнюю политику и частично социальный и общественный порядок; эта политическая форма в то же время есть отделенная от населения организация власти: а) обладающая верховностью и суверенностью (или хотя бы автономностью); б) способная принуждать к выполнению своих требований; менять важные отношения и вводить новые, перераспределять ресурсы; в) построенная (в основном или в большей части) не на принципе родства¹.

2. Классификация аналогов ранних государств

Следует учитывать, что приведенные в примерах ниже аналоги сильно отличаются друг от друга по развитости и размерам. Однако во всех случаях речь идет либо об унитарных политиях, либо о прочных политических союзах с институционализированными способами объединения. Последние имели какие-либо общие верховные органы и механизмы, поддерживающие политическую устойчивость, и представляли, по крайней мере с точки зрения иных обществ, некое постоянное единство. Народы, имеющие только культурное единство, а политически способные объединяться лишь кратковременно для определенных действий (вроде африканских нуэров или некоторых этнических групп берберов Магриба), нельзя считать аналогами раннего государства.

---

¹ Необходимо отметить, что при написании этой статьи автор использовал некоторые идеи и формулировки, сделанные совместно с А. В. Коротаевым в ходе создания нашей с ним общей монографии «Макроэволюция. Генезис и эволюция Мир-Системы».

Все аналоги отличаются от ранних государств особенностями политического устройства и управления. Однако в каждом типе аналогов это проявляется по-разному. Например, в самоуправляющихся общинах недостаточно прослеживается отделение власти от населения; в конфедерациях налицо слабость централизации власти; в управляемых аристократическими кланами полициях имеется тенденция на ослабление центральной власти и концентрацию силы в руках кланов и т. п. Поэтому мы старались классифицировать аналоги по особенностям их политической формы, хотя полностью провести этот принцип достаточно трудно.

Нами выделены следующие типы и подтипы аналогов.

1. Некоторые самоуправляющиеся общины и территории, в т. ч. переселенческие (Исландия в X–XIII вв.; гражданско-храмовые общины древней Южной Аравии и др.).

2. Некоторые большие племенные союзы с достаточно сильной властью верховного вождя (короля, хана и т. п.).

3. Большие племенные союзы и конфедерации, в которых королевская власть отсутствовала.

4. Очень крупные и сильные в военном отношении объединения кочевников, внешне напоминавшие крупные государства.

5. Многие (особенно очень крупные) сложные вождества.

6. Крупные и развитые полиции, структуру которых сложно точно описать вследствие недостатка данных, которые, однако, не подходят ни под понятие «догосударственные образования», ни под определение государства (примером является цивилизация Хараппы и Мохенджо-Даро).

7. Иные, специфические, формы аналогов (такие, как некоторые тайные союзы в Африке).

Подробно они рассмотрены в других наших работах. Поэтому в настоящей статье мы остановимся только на тех типах аналогов, которые связаны с кочевыми и некоторыми варварскими обществами.

2.1. Некоторые большие племенные союзы с сильной властью верховного вождя

А. Более или менее устойчивые союзы племен, этнически однородные или имеющие крепкое моноэтническое ядро. Примером могут служить некоторые германские племенные объединения периода ве-

ликого переселения народов (бургунды, салические франки, вестготы, остготы, вандалы и др.), численность которых составляла от 80 до 150 тыс. человек [см., например: Бессмертный 1972: 40; Ле Гофф 1992: 33; Неусыхин 1968; Патрушев 2003: 14]; союзы племен некоторых галльских народов, в частности в Белгике и Аквитании [см.: Шкунаев 1989: 140]. При этом у некоторых королей варварских образований времен великого переселения народов личные дружины составляли несколько сот человек [Санников 2003].

Б. Очень крупные политии, возникшие в результате успешных войн (вроде гуннского союза Атиллы V в. н. э. [см.: Корсунский, Гюнтер 1984: 105–116; Голден 2004; Сиротенко 1975], аварского каганата хана Баяна второй половины VI в. н. э. [см.: Голден 2004]), но непрочные и этнически разнородные. Данных о структуре этих политий практически очень мало, однако кажется, что аварский каганат был более развитым и более близким к государственным образованиям, чем гуннская держава [см.: Голден 2004: 113–115], неудивительно, что он был более долговечным. Близким к такому типу был союз во главе с готским вождем Германарихом в северном Причерноморье в IV в. н. э., который состоял из многих разноязычных, чуждых друг другу племен, в том числе кочевых и земледельческих [Смирнов 1966а: 324; Щукин 2005: 206]. Даже среди самих готских племен не было достаточного единства и прочных внутренних связей [см.: Буданова 1990: 133–136], в том числе из-за своеволия аристократии [Тиханова 1958]. Но готы достигли более высокого уровня социальной стратификации и культуры, чем гунны и авары [Тиханова 1958], и они, как считает Зиньковская, стояли «между варварством и цивилизацией» [Zin'kovskaya 2004], ведь они приняли христианство в арианской его версии и использовали письменность. Впрочем, и вообще черняховская культура, на части территории которой готы располагались, имела необычно высокий для варваров уровень цивилизации, культуры и владения «высокими технологиями» [Щукин 2005: 195; о готах см. также: Сиротенко 1975: гл. I, II].

В. Промежуточным типом между аналогами, описанными в пунктах А и Б, могут служить союзы племен под руководством того или иного выдающегося лидера, состоящие из этнически близких народов, но не очень прочные, обычно распадающиеся после смерти лидера или даже при его жизни (как это случилось с союзом Маробо-

да). В I в. до н. э. – II в. н. э., например, у германцев возникали крупные союзы: свевский союз Ариовиста, союз херусков Арминия, маркоманский союз Маробода, батавский союз Цивилиса и другие [см. о них: Неусыхин 1968: 601–602; Oosten 1996; Санников 2002, 2003; Буданова 2000; Колосовская 2000].

К подобному типу следует отнести и различные (средних размеров) объединения кочевников под руководством одного лидера, иногда не переживающие смерти вождя, иногда имеющие короткие династии. Таким был, например, восточный (донской) союз половцев под руководством хана Кончака и его сына Юрия Кончаковича [см.: Плетнева 1966: 457–462]².

2.2. Большие племенные союзы и конфедерации без королевской власти

Интересный пример аналогов представляют большие племенные союзы и конфедерации, в которых королевская власть отсутствовала (не существовала вовсе или была упразднена).

А. Примерами таких племенных союзов без королевской власти могут служить саксы в Саксонии; эдуи, арверны, гельветы в Галлии. Причем необходимо особо подчеркнуть, что процессы социального и имущественного расслоения у них (особенно у галлов) зашли весьма далеко и опережали политическое развитие.

У саксов (в Саксонии) до их завоевания Карлом Великим королевская власть отсутствовала, но во главе племенных подразделений стояли герцоги. Общее военное командование осуществлял герцог, избранный по жребию [Колесницкий 1963: 186]. Политическая организация всей территории осуществлялась в форме своеобразной федерации отдельных областей. Общие дела решались на собрании представителей областей в Маркло на Везере [Колесницкий 1963]. Саксы (за исключением рабов) делились на три социальных слоя: родовую знать (эделингов-нобилей), свободных (фрилингов-*liberi*) и полусвободных литов. При этом существовали резкие различия в правовом статусе между нобиями и фрилингами [Неусыхин 1968: 608], что было юридически закреплено в Саксонской правде. В первых 20

---

² Примеры такого рода объединений кочевников см., например, в работах Н. Н. Крадина (1992, 2001а, 2002). О половцах (а также об огузах, печенегах и др.) см.: Васютин 2002: 95–96; Голден 2004.

статьях этого кодекса нобили выступают единственными носителями правовых норм [СИЭ 1969: 475].

Галлия времен завоевания Юлием Цезарем была очень богатой территорией с огромным населением (по разным подсчетам, от 5 до 10 и более млн. человек), с большим количеством городов, развитой торговлей и ремеслами.

Социальное расслоение было велико [Clark and Piggott 1970: 310–328]. По свидетельству Цезаря, простой народ был лишен политических прав, жил на положении рабов, а многие, страдая от долгов и обид, добровольно отдавались в рабство знатым [Галльская война VI: 13; см. также: Леру 2000: 125]. В то же время знатные галлы имели по несколько сот, а самые знатные по несколько (до десяти) тысяч клиентов и зависимых людей, из которых они формировали конное войско, заменявшее всеобщее ополчение и тем самым противостоящее основной массе галлов [Бессмертный 1972: 17; Галльская война I: 4]. Власть вождей слабела и переходила к выборным или назначенным магистратам [Chadwick 1987: 58]. В аристократических без королевской власти *civitas* (так римляне называли галльские политии по аналогии с названием своей собственной) имелось военное единство, а механизмы принятия политических и иных решений реализовывались через посредство одного или нескольких выборных магистратов – вергобретов [Шкунаев 1989: 139, 140, 144]. Однако привилегии аристократии были столь сильны, что она старалась свести политическую централизацию к нулю [см., например: Леру 2000: 123–127]; кроме того, постоянное соперничество, возникающее между знатыми людьми за должности магистратов, приводило к распрям и вооруженным конфликтам [Тевено 2002: 137]. Аристократия пыталась ослабить центральную власть, поскольку боялась возможности появления монархии, к которой тяготел народ. Страх перед монархией у аристократии отдельных народов галльских политий (например, эдуев) был столь велик, что аристократы шли на сговор с римлянами [см. об этом: Штаерман 1951].

Численность отдельных племенных союзов и конфедераций была очень большой. Например, число гельветов, которые стремились в 58 г. до н. э. переселиться в Западную Галлию, по разным данным, составляло от 250 тыс. до 400 тыс. [см., например: Шкунаев 1988: 503]. Кроме того, среди крупных объединений выделялись своего ро-

да гегемоны, от которых зависело много других племен. Как сообщает Цезарь [Галльская война VI: 11–12; см. также I: 31], одним из самых сильных народов в период, предшествующий вторжению римлян, были эдуи, которые, победив своих соперников за влияние в Галлии – секванов, перед вторжением римлян приобрели гегемонию в Галлии и брали заложников из других племен для обеспечения их лояльности. Тем не менее, во всех галльских общинах были сторонники как эдуев, так и секванов. Это несколько напоминает ситуацию во многих греческих полисах, жители которых делились на сторонников Афин и Спарты.

Б. Конфедерации различных по форме обществ, порой образующие весьма устойчивые и сильные с военной точки зрения политические образования. Например, конфедерации племен вроде ирокезов [об ирокезах см.: Морган 1983; Фентон 1978; Vorobyov 2000], туарегов (по крайней мере, некоторые из их конфедераций [Першиц 1968; Лот 1989; Кобищанов 1989]), печенегов [Marey 2000; Васютин 2002: 95]. Тут уместно процитировать А. М. Хазанова, что большинство «федераций» и «конфедераций» (по крайней мере, у кочевников) создавалось отнюдь не на добровольной основе [Хазанов 2002: 48].

В. Автономные территории, представляющие собой федерацию (или конфедерацию) недифференцированных, политически независимых общин, например у горцев [см.: Агларов 1988; Коротаев 1995; Korotayev 1995]³. При этом низовые члены такого союза могли представлять собой как вожества, так и безвождейские самоуправляемые общины.

Ярким примером такой конфедерации может служить Нагорный Дагестан [см.: Агларов 1988].

2.3. Государст्वоподобные объединения кочевников

Исследователей всегда привлекали очень крупные и сильные в военном отношении объединения кочевников, внешне напоминавшие

---

³ У горцев развитие часто идет не путем создания крупных территориальных или этнических образований, а по линии более четкого обособления локальных сегментов (типа общин или независимых кланов). Вследствие этого социальная и политическая организация горских народов включает сумму автономных общин, которые являются основными ячейками общества (см.: Маретина 1995: 81–82).

крупные государства. Их называют по-разному, например, Н. Н. Крадин – кочевыми империями (1992), а Т. Барфилд – имперскими конфедерациями (2006). А многие, например А. М. Хазанов [1975; 2002; 2006; Khazanov 1978], рассматривают их как государства. На наш же взгляд, их продуктивнее считать аналогами крупного раннего государства. К таким аналогам относится, например, империя Хунну, образованная под властью шаньюя Моде в конце III в. до н. э. Возможно, что в ней проживало 1–1,5 млн. человек [Крадин 2001а, 2001б]. Она была настолько сильна, что китайцы сравнивали ее со Срединной империей, то есть с Китаем [Гумилев 1993: 53]. Такие образования Н. Н. Крадин определяет как суперсложные вожества⁴.

Мы считаем, что аналогом раннего государства вполне можно считать и Скифию VI–V вв. до н. э. Скифия была крупным, иерархическим многоуровневым объединением с идеологией родового единства всего общества, с редистрибуцией (в виде дани и повинностей), обладающим военным единством. Скифия делилась на три царства во главе с царями, один из которых, по-видимому, был верховным правителем. Имеется также мнение, что в целом Скифия управлялась обособленным царским родом, который правил по принципам улусной системы [см.: Хазанов 1975: 196–199; 2002; Гуляев 2005: 239]. Цари имели собственные военные дружины. У скифов выделялись аристократия и жрецы, хотя и неясно, представляли они обособленное сословие или в организации были подобны волхвам [см., например: Гуляев 2005: 324; Мурзин 1990: 71–72]. Аристократы имели частные дружины воинов и большие богатства. Скифия, по мнению М. И. Ростовцева, А. И. Треножкина [см. по: Гуляев 2005] и некоторых других исследователей, представляла собой организованное на военный лад сложное общество, где военачальники-аристократы собирались вместе со своими дружинами по призыву царя на крупные военные мероприятия. Аристократия жила за счет доходов от собст-

---

⁴ Империю Чингис-хана мы однозначно относим к ранним государствам, хотя Н. Н. Крадин и Т. Д. Скрынникова и ее считают суперсложным вожеством (Скрынникова 1997; Skrynnikova 2004: 525; Крадин, Скрынникова 2006). Все же большинство кочевниковедов считают, что империя Чингис-хана имела государственный характер (см.: Базаров, Крадин, Скрынникова 2004: 7). См. также ст. С. А. Васютина (2004), Т. Барфилда (2004).

венного хозяйства, дани и военной добычи [см.: Гуляев 2005: 236–238]. Но в остальном жизнь общества со стороны власти регулировалась слабо. Методы управления в Скифии, по сути, оставались еще в основном традиционными, негосударственными. Она представляла собой политику, у которой внешние функции были развиты гораздо сильнее, чем внутренние (даже если к внутренним относить сбор дани). Скифия в своей организации весьма напоминает другие аналоги раннего государства, которые создавались кочевниками, например хунну, хотя, по-видимому, и уступала последним по уровню политической культуры. Таким образом, ранним государством ее считать нельзя, но, разумеется, и на обычное догосударственное общество она никак не походит.

В конце V – первой половине IV в. до н. э. при царе Атее в Скифии происходит переход к раннему государству [Мелюкова, Смирнов 1966: 220]. Атей устранил других царей, узурпировал власть и объединил всю страну от Меотиды (Азовского моря) до низовьев Дуная и даже стал продвигаться на запад, за Дунай [Мелюкова, Смирнов 1966]⁵]. Развитию государственности и укреплению царской вла-

---

⁵ По вопросу о времени возникновения государства у скифов, а также о том, имелось ли у них государство вообще, нет единой точки зрения (см., например: Смирнов 1966: 146–150; Гуляев 2005: 232–239). Например, А. М. Хазанов и В. И. Гуляев полагают, что уже в VII–V в. до н. э. существовали скифские царства (Хазанов 1975; Khazanov 1978; Гуляев 2005: 239). Мы присоединяемся к мнению тех, кто считает, что это случилось именно при царе Атее, по следующим причинам: в политическом и социальном отношении произошло устранение других царей и усиление царской власти. Б. Н. Граков (1971) указывает, что налицо также развитие царского церемониала и идеологии. Территория политики расширилась, усилилась этническая неоднородность и эксплуатация зависимого населения, а также процесс социальной стратификации. В экономическом отношении появился более прочный базис для государства в результате усилившегося процесса перехода части скифов к оседлости и расширения торговли, которую контролировала верхушка общества [Хазанов 1975; Мелюкова, Смирнов 1966: 219–220]. Косвенным свидетельством того, что государство в Скифии образовалось не в VII–VI вв., а только на рубеже IV в., служит тот факт, что именно IV в. датируются наиболее многочисленные, богатые и известные захоронения в Скифии, а для VII–VI вв. скифские памятники малочисленны и их количество существенно увеличивается только в V в. (см., например: Мурзин 1990: 51; Граков 1971: 34).

сти сильно способствовал рост торговли хлебом, особенно с Боспором (см.: Граков 1971: 38).

2.4. Сложные вожества

В связи с вышесказанным становится очевидно, что многие сложные вожества можно считать аналогами раннего государства, поскольку по размерам и сложности они не уступают малым и даже средним государствам⁶. В качестве наиболее показательного примера крупных вожеств как аналогов раннего государства стоит взять гавайцев, поскольку социальная организация на Гавайских островах была наиболее сложной из всех полинезийских и, возможно, даже из всех когда-либо известных вожеств [Earle 2000: 73; Johnson and Earle 2000: 284].

Как известно, гавайцы достигли значительных хозяйственных успехов, в частности в ирригации [см.: Earle 1997; 2000; Johnson and Earle 2000], здесь наблюдался очень высокий уровень стратификации и аккумуляции прибавочного продукта элитой [Earle 1997; 2000; Johnson and Earle 2000; Sahlins 1972a, 1972b], для них было характерно и основательное идеологическое обоснование привилегий высшего слоя. К моменту открытия их Джеймсом Куком здесь сложилась политическая система, когда сосуществовало несколько крупных вожеств, границы которых определялись отдельными островами – Кауаи, Оаху, Мауи, Гавайи [Ёрл 2002: 78]. Войны были обычным явлением. В результате удачных или неудачных войн, браков и иных политических событий время от времени политики то увеличивались, то уменьшались в размерах, иногда вовсе распадались, как это вообще свойственно вожествам. Число жителей отдельных вожеств колеба-

---

⁶ И, кстати, этот факт отмечается даже теми, кто считает такие вожества догосударственными обществами в стадильном смысле. Например, Роберт Карнейро, твердый сторонник жесткой эволюционной стадильной схемы «вожество – государство», выделяет вожества, которые включают в себя до ста поселений. При этом он пишет: «Понятие вожества, несомненно, охватывает большой диапазон уровней развития. Оно начинается с первоначального объединения нескольких общин в более крупную политическую единицу. А завершается политией, которая столь велика и сложна, что достойна называться государством» (Carneiro 1981; 2000: 55–56; Карнейро 2000: 90).

лось от 30 тыс. до 100 тыс. человек [Johnson and Earle 2000: 246]. Вождества делились на «районы» от 4 тыс. до 25 тыс. человек. Таким образом, для образования раннего государства в этих вождествах наличествовали все условия: достаточная территория с разделением на районы и большое население, высокая степень социальной стратификации и значительный прибавочный продукт, сильная власть верховного вождя и жесткая иерархия власти, развитая идеология и территориальное деление, частые войны и др. Однако государства, в нашей и целого ряда других исследователей трактовке этого типа политики, не было.

Тем не менее некоторые ученые [например: Seaton 1978: 270; Van Bakel 1996; Bargatzky 1985] считают, что на Гавайях раннее государство существовало еще до появления Кука. Разумеется, и та и другая точка зрения в большой степени основаны на предположениях, поскольку нет ни письменных источников, ни археологических данных, которые позволили бы решить, были ли эти политики (до открытия островов Куком) уже ранними государствами или сложными вождествами. Кроме того, очень многое зависит от того, что считать государством.

Исходя из вышеприведенного определения раннего государства, мы полагаем правильным присоединиться к более распространенному мнению [например: Earle 1997; 2000; Harris 1995: 152; Johnson and Earle 2000; Sahlins 1972a; Service 1975; Салинз 1999], что в тот момент (в конце XVIII в.) на Гавайях государства еще не было. Это можно аргументировать также тем, что главный принцип построения политической организации власти в гавайских вождествах был жестко связан с родственной иерархией, которая основывалась на генеалогической близости к предкам, линиджу верховного вождя и к самому вождю. Линии старших братьев и сыновей считались более высокими. Таким образом, вся политическая и социальная иерархия строилась вокруг родственных отношений, а правящие слои представляли собой эндогамные касты [см., например: Earle 1997: 34–35; Service 1975: 152–154; Van Bakel 1996; Bellwood 1987: 98–99]. Власть вождей и возможность изъятия прибавочного продукта держались на их идеологической силе и традициях. Ни в коей мере нельзя считать специфически государственными правила в виде различных *табу*, с помощью

которых гавайские вожди укрепляли и часто реализовывали свою власть; стоит учесть, что наиболее важные *табу* обеспечивали власть высшего сословия *алии* (то есть благородных) в целом. Даже дружины вождей были инструментом внешней политики (так же, как во многих образованиях кочевников), но не эксплуатации общества, как, скажем, в Древней Руси.

Еще один важный момент, согласно которому гавайские политики не подходили под определение государства (см. выше), – *недостаточная или просто слабая возможность «изменять отношения и нормы» с помощью политической власти*. Поскольку вековые традиции, обычаи и вера в особые сакральные качества вождей были важнейшей опорой власти в гавайских вождествах, постольку возможности существенно менять традиционные отношения на Гавайях почти отсутствовали. Мы имеем в виду возможности менять их коренным образом, путем реформ и политических решений. Менялся «персональный состав» вождей, изменялись границы вождеств, табу накладывались на что-то или снимались, колебались в определенных рамках нормы повинностей. Но все институты и нормы оставались в основном прежними.

Стоит отметить, что согласно нашему представлению *раннее государство – это организация власти, построенная (полностью или хотя бы в значительной части) не на принципе родства*. Словосочетание в «значительной части» означает, что в ранних государствах существует заметная социальная мобильность при формировании и пополнении слоя администраторов (по крайней мере, среднего слоя управленцев), которая в гавайских вождествах практически отсутствовала. А чем строже ограничения на вхождение в аппарат управления «со стороны», тем труднее политике перейти к собственно государственным методам управления [см.: Гринин 2007г; Grinin 2004a: 110–111].

Хотя во многих ранних государствах, подобно тому, что было в Чжоуском Китае [Крил 2001; Васильев 1993] или даже в Древней Руси, родственные отношения играли большую роль в формировании высшего слоя управителей и администраторов государства (каковыми были, например, древнерусские князья), но средние слои пополняются в основном из других страт и источников, включая и неполноправ-

ных⁷. Кроме того, с течением времени, как убедительно показали Х. Й. М. Классен и П. Скальник, значение родства в государстве падает [например, Claessen, Skalnik 1978]. В гавайских же политиях идеология родства была слишком сильна, поэтому даже средние слои состояли в основном из дальних родственников правящей линии (они часто были родственниками главных вождеских фамилий [см., например: Bellwood 1987: 98]). В любом случае попадание даже в этот слой было крайне затруднительным, если вообще возможным, поскольку он состоял из вождей же, только меньшего ранга, и их близких родственников и дальних родственников *алии* [Service 1975: 152]. Такой местный вождь мог быть членом свиты высшего вождя или его воином [Earle 1997: 44], и только нижние слои (слуги, ремесленники) состояли не из родственников (и то, по всей видимости, не полностью).

С учетом сказанного, гавайским политиям мешали стать государством следующие обстоятельства:

1. Слишком сильное социальное деление по признаку родства и, соответственно, слишком большая роль положения в родственной иерархии для занятия какого-либо заметного места в иерархии управления. Социальное положение человека определялось едва ли не по единственному критерию: генеалогической близости к старшей родственной линии [см., например: Bellwood 1987: 97–98; Claessen 1996; Sahlins 1972a]. С объединением Гавайских островов Камеамеа I (или, в другой транскрипции, Камехамеха I) в начале XIX в., уничтожением или понижением значимости побежденных вождеских родов (в том

---

⁷ В Чжоуском Китае, особая роль родственного статуса в кланах правителя во многом определялась тем, что чжоусцы были сравнительно малочисленным этносом в покоренной стране (так же, впрочем, было и во многих других государствах, например в Киевской Руси). Кроме того, на административные должности назначали не только родственников правителя, но и аристократов, имевших способности и заслуги. Многие должности были наследственными, но это вовсе не было строгой нормой. «Людей назначали на пост и повышали по службе на основе их личных качеств и способностей» (Крил 2001: 88; см. также: Васильев 1993: 187 и др.). И это, на наш взгляд, существенным образом отличает Западную Чжоу как раннее государство от Гавайев как аналогов раннего государства.

числе путем конфискации их земель) возможности для включения незнатных или недостаточно знатных людей в правящий слой возросли. В частности, приближенные нового короля получили власть и земли на завоеванных территориях, позже на службу были привлечены иностранцы и даже наделены имениями с даровой рабочей силой [см.: Тумаркин 1964: 94; 88–90; 1971: 21 и др.].

2. Запутанность родственных отношений, включая и распространение поддельных родословных, трудности изменения сложившейся системы не позволяли гавайским вождествам перераспределить властные полномочия в пользу центра. В этом плане формирование единого правящего рода и уничтожение вождеской знати подорвало возможности сопротивления центру, которое, как правило, возглавляли недовольные и обиженные вожди [см.: Sahlins 1972b], и дало возможность усилить власть центра, что было важным толчком для формирования собственно государства. Стоит также отметить, что в отличие от верховного вождя король стал менее зависеть от своих приверженцев.

3. Слишком сильная роль традиций (то есть превосходства старших родственных линий и оправдывающей его религии) и слабая роль нетрадиционных форм и способов регулирования жизни. С образованием единого государства изменилось очень многое не только в политической, но и в социальной жизни, в быте высших слоев, даже в придворном церемониале, обычаях и одежде при дворе [Эрл 2002: 79; Johnson and Earle 2000: 294].

4. Слабые возможности центра для изменения отношений в обществе, поскольку весь порядок держался на указанной идеологии сакральности и превосходства знатных родов и линий; всякие изменения подрывали не просто идеологию, но и само положение правящей группы. Также и попытки повысить нормы эксплуатации простолюдинов, если верить М. Д. Салинзу [Sahlins 1972b], наткнулись на их сопротивление и часто заканчивались восстаниями. Быстрые изменения в течение двух десятилетий в плане реформ (например, создание регулярной армии и полиции) и в плане повышения эксплуатации, в частности, при заготовках сандалового дерева [Тумаркин 1964: 102–103; 1971: 20], а также в отношении изменения религиозных обычаев и порядков наглядно показывают, чем отличается раннее государство от аналогов. Сын Камеамеа I Камеамеа II, как известно, отменил старую религию, все обряды и жертвоприношения, табу, предпри-

сал разрушить все храмы и святилища, уничтожить изображения богов [Токарев, Толстов 1956: 654]. Сервис и другие исследователи поэтому небезосновательно говорят о «гавайской культурной революции» [Service 1975: 156–158; Davenport 1969; см. также: Латушко 2006].

На Гавайях также отсутствовало самоуправление, столь обычное для ранних государств. Даже в варновой Индии самоуправление (крестьянская община) играло очень важную роль. Если самоуправление и исчезает в некоторых ранних государствах, как, например, в Египте Древнего царства, то оно заменяется именно государственным аппаратом, а не чисто сословно-кастовым делением.

В то же время величина и развитость гавайских вождеств и тем более вождества непосредственно на самом о. Гавайи дают все основания считать их аналогами ранних государств. Для доказательства этого утверждения стоит сделать некоторые сравнения. Население этого самого крупного вождества Гавайского архипелага составляло сто тысяч человек [Johnson, Earle 2000: 285], что в сто раз превосходит численность населения типичных простых вождеств, подобных тем, какие, например, были на Тробриандских островах [Johnson, Earle 2000: 267–279]⁸. По мнению Джонсона и Ёрла, только число вождей на о. Гавайи могло доходить до **тысячи человек**, то есть равнялось всему количеству жителей одного тробриандского вождества [Johnson, Earle 2000: 291]. Иными словами, здесь, очевидно, идет речь уже не столько о вождях-управленцах, сколько о касте, которую можно назвать вождеской.

3. Влияние размеров обществ на модели политогенеза

Признание многолинейности социальной эволюции ставит вопрос о том, какие силы и причины определяют выбор пути развития. Естественно, что одного определяющего фактора не существует, а всегда имеется значительное количество причин и движущих сил. Выше было указано, что существовала альтернатива социально-политической эволюции позднепервобытных обществ, которые могли развиваться не только по направлению к раннему государству, но и по

---

⁸ Некоторые исследователи говорят о населении о. Гавайи в 120 тыс. человек и называют даже еще большие цифры (см.: Wright 2006: 6).

пути создания сложных негосударственных форм. То, по какому пути могли пойти общества, зависело от многих причин [см. подробнее: Гринин 2007в, 2007г], но в немалой степени такой «выбор» определялся размерами политики, потому что, как будет показано далее, после достижения социумом определенного размера, движение именно по «государственному» пути развития становилось все более неизбежным, либо в политике начинались распадные и другие дегенерационные процессы.

Важно подчеркнуть, что в данной статье раннее государство рассматривается не как особый тип общества (социума в целом), а, прежде всего, как *особая политическая организация общества (система политических и административных институтов), возникающая, однако не всегда, а лишь при определенных условиях в обществе, которое достигло необходимого уровня развития*. Иными словами, государство рассматривается нами как особая политическая форма общества. Но нельзя не учитывать, что любая форма требует определенного «содержания». Таким «содержанием», говоря философским языком, будет общество в его определенном состоянии, а в более узком смысле это «содержание» можно рассматривать как объективные параметры и характеристики общества, о чем ниже будет сказано. Следовательно, возможности образования государства нельзя рассматривать вне количественных и качественных характеристик общества, в котором такие процессы происходят.

Сами по себе такие объективные условия еще не означают, что общество непременно превратится в государство, однако без таких условий общество однозначно государством стать не сможет. В число объективных условий в первую очередь мы включаем размер общества. Под **размером (объемом) общества** понимается, прежде всего, численность его населения. Однако важной характеристикой, влияющей на форму политики, выступает также размер территории политики, который в совокупности с количеством населения дает важнейший показатель – плотность населения. От плотности населения (с учетом, конечно, рельефа и других географических особенностей) исключительно сильно зависит интенсивность контактов внутри общества. В целом же уровень политического развития позднеримских и раннеклассовых политий находился в прямой зависимости от численности населения, организуемого той или иной политией, и плотности

контактов в ней. Чем они были выше, тем интенсивнее становилось политическое развитие и сильнее повышалась вероятность того, что возникнет именно государство, а не аналоговая ему форма. Но, разумеется, корреляция между размером общества и типом политики не является стопроцентной. Поскольку практически во всех кочевых обществах плотность населения была слишком малой, чтобы внутренние воздействия создали необходимое «давление» для устойчивой потребности в государстве, это, наряду с особенностями хозяйства и аккумуляции избыточного продукта, во многом определяло особый путь политогенеза у кочевников.

Тут важно заметить, что хотя для формирования государства требовалось наличие определенных внутренних параметров, но внешние вызовы обязательно должны были наличествовать, мало того, в абсолютном большинстве случаев именно внешние вызовы и были главным толчком для государствовгенеза (см. дальше). Таким образом, процесс возникновения государства невозможен без сильных внешних факторов. Именно поэтому аналоговые государству формы чаще рождались в обществах-изолятах (или кластерах таких уже лишь частично изолированных обществ), подобных полинезийским. С другой стороны, плотность контактов между обществами также зависит от размеров каждого из них, поскольку чем они больше, тем плотнее друг к другу находятся общества и тем интенсивнее между ними контакты. Именно усиление контактов, особенно военных, нередко приводило к увеличению размеров обществ (в результате завоеваний или объединения обществ для совместной обороны) и преодолению того порога, за которым возникновение государства становилось практически неизбежным.

Таким образом, есть прямая зависимость: чем больше население политики, тем выше (при прочих равных условиях) сложность устройства общества, поскольку новые объемы населения и территории могут требовать новых уровней иерархии и управления, равно как и наоборот, новые уровни иерархии и управления увеличивают возможности политики и ее объемы [см., например: Carneiro 1967; Feinman 1998; Johnson and Earle 2000: 2, 181; Джонсон 1986; Johnson 1981]. Рост объемов обществ вел к их усложнению и возникновению новых проблем, в том числе быстрому росту объема информации [Johnson 1978], появлению слоя управленцев и специалистов, без чего полити-

ческие образования теряли прочность [Johnson 1981]. Но, в свою очередь, усложнение политической организации позволяло той или иной политике увеличиваться в размерах (как за счет естественного прироста населения, так и за счет присоединения новых заселенных территорий), не претерпевая распада [см. прежде всего: Carneiro 1967]. Между тем именно способность противостоять процессам распада выдвигается некоторыми исследователями как характерный признак государства [Cohen 1981: 87–88; Gledhill 1994: 41], а неспособность это делать – как показатель того, что перед нами все еще крупное вождество, а точнее говоря, нестойкий аналог раннего государства (и это особенно значимо именно для кочевых конфедераций).

По вопросу о том, какие размеры считаются минимально необходимыми для ранних государств, единого мнения нет; по мнению разных авторов, минимальные размеры населения ранних государств колеблются от 2–3 тыс. до сотен тыс. человек [подробнее см., например: Feinman 1998: 97–99]. Такой разброс не в последнюю очередь объясняется тем, что некоторые ученые пытаются выстроить четкую однолинейную схему: догосударственные политики – государства. А в эту схему не вписываются крупные и вроде бы догосударственные общества, в частности большие и сложные вождества, конфедерации и прочие. Ведь, как уже было сказано, уровень стадияльно догосударственного общества политики минуют в разных формах, среди которых форма примитивного малого государства – только одна из ряда возможных. Причем в отдельных случаях негосударственные общества могут оказаться больше и сложнее, чем государственные. Для однолинейной эволюционной схемы это неразрешимое противоречие.

По нашему мнению, **интервал для населения, необходимого для образования и функционирования мельчайших государств, возникающих лишь в особых условиях** (при распаде более крупного государства либо «матричным» путем от уже имеющегося государства), можно считать **5–15 тыс. человек. Более благоприятный интервал численности 15–50 тыс. характерен для мелких государств. Еще более благоприятной для этого процесса будет численность в 50–100 тыс. человек.** Это уже нижние границы государств, которые как бы считаются средними.

Итак, можно говорить о критической массе населения, за которой эволюционные преимущества раннего государства становятся оче-

виднее, поскольку существует предел в интервале от 30 до 50 тыс. человек, за которым многие аналоги (например, сложные вождества) становятся нестабильными. Некоторые аналоги, однако, заметно перерастают такой уровень. Но в любом случае предельным критическим размером для аналога раннего государства можно считать размер в несколько сот тысяч человек, превышение которого ведет к развалу политики либо к ее трансформированию в государство. Поэтому даже аналоги среднекрупного государства очень редки. Из вышеприведенных примеров это только некоторые объединения кочевников. Население этих суперсложных вождеств, как правило, не превышало 1,5 млн. человек [Крадин 2001а: 79; 2001б: 127]. Население некоторых образований, вроде гуннской «империи» Аттилы, также могло быть очень большим, но такие политики, в отличие от хуннской, были непрочными. Такие аналоги соответствуют только меньшим из группы среднекрупных государств. Устойчивых же аналогов крупного раннего государства, мы думаем, просто не могло быть, хотя были возможны непрочные политические образования такого рода (например, ранняя исламская политика в первой половине VII в. н. э., достаточно быстро, уже при Муавии, трансформировавшаяся в государство [см., например: Большаков 1998]).

Различия в численности населения (и, соответственно, сложности устройства) ранних государств можно весьма условно и приблизительно отразить в следующей схеме:

- **мельчайшее раннее государство** – от нескольких до 15 тыс. человек;

- **мелкое (малое) раннее государство** – от 15 до 50 тыс. чел.;

- **среднее раннее государство** от 50 тыс. до 300 тыс.;

- **среднекрупное раннее государство** – от 300 тыс. до 3 млн.;

- **крупное раннее государство** – свыше 3 млн. человек.

Соответственно, и аналоги раннего государства надо подразделить на:

- аналоги **мельчайшего** раннего государства;

- аналоги **мелкого** раннего государства;

- аналоги **среднего** раннего государства;

- аналоги **среднекрупного** раннего государства;

- аналоги **крупного** раннего государства (которые, возможно, эмпирически не засвидетельствованы).

Соотношение размеров ранних государств и их аналогов см. в таблице.

Таблица

Типы ранних государств и их аналогов

Размер политики	Тип раннего государства и примеры	Тип аналогов раннего государства и примеры
От 5 до 15 тыс. чел.	Мельчайшее раннее государство (население ряда средневековых германских государств; ряд греческих полисов).	Объединения племен туарегов.
От 15 до 50 тыс. чел.	Мелкое раннее государство (типичные города-государства в Центральной Мексике накануне испанского завоевания).	Аналог мелкого раннего государства (Исландия в X в.).
От 50 до 300 тыс. чел.	Среднее раннее государство (Гавайи XIX в.).	Аналог среднего раннего государства (эдуи, арверны, гельветы в Галлии до Цезаря).
От 300 тыс. до 3 млн. чел.	Среднекрупное раннее государство (раннее государство в Польше в XI–XIV вв.).	Аналог среднекрупного раннего государства (хунну 200 г. до н. э. – 48 г. н. э.).
Свыше 3 млн. чел.	Крупное раннее государство (империя инков).	Признанных стабильных аналогов крупного раннего государства не существует.

4. Условия и модели образования государства

Из сказанного вытекают важные выводы, позволяющие более адекватно представить ход политогенеза и формирования государства.

1. Условия. Мы считаем, что надо говорить о двух типах условий, необходимых для появления государства из догосударственных политий: а) общих объективных условиях и б) особых (как объективных, так и субъективных), то есть конкретно-исторических условиях.

Общие объективные условия – это характеристики (показатели, параметры), которые уже открывают потенциальную возможность политиям трансформироваться в государство и до обретения которых обществом государство ни при каких благоприятных обстоятельствах образоваться не может. После появления у общества этих общих объективных показателей оно уже может стать государством. Но для этого нужны еще особые (объективно-субъективные) конкретно-исторические условия. Особенности географического положения (выход к морю, нахождение на важных торговых путях или, напротив, удаленность от других обществ), соответствующее окружение (например, наличие развитого, опасного или слабого соседа), производственная база, принципы организации общества, историческая ситуация, наличие или отсутствие подходящих исторических традиций, наличие или отсутствие нужного импульса и пр. могли как способствовать, так и препятствовать такой трансформации в государство. Так, на Таити и Гавайях объективные условия для образования государства появились задолго до конца XVIII в. Но только когда острова открыли европейцы, а местные правители получили возможность использовать огнестрельное оружие и другие европейские технологии, начался процесс трансформации этих полинезийских политий в государство.

2. Модели. Что случается, если у политии есть общие объективные условия для формирования государства, но недостаточно благоприятных конкретно-исторических условий? Одни из них могут топтаться на месте. Однако другие продолжают развиваться, и нередко достаточно успешно и интенсивно. Но они движутся своими особыми путями, в большей или меньшей степени отличными от формирования государства, как бы параллельным образованию государства курсом (различных вариантов такого негосударственного развития было много).

Что же касается путей к государственности, то их вариаций также было достаточно много. Однако в результате наших исследований были выделены две главные модели формирования государства:

а) **вертикальная**, то есть переход от стадияльно догосударственных политий к государству сразу или в течение достаточно короткого времени. Так могли возникать и относительно мелкие политии, в частности в результате объединения нескольких населенных пунктов в один (такой путь в Греции назывался синойкизмом). Но «вертикаль-

но» могли образовываться и крупные государства. Ярким примером такой модели является государство зулусов в начале XIX в., которое очень быстро (буквально за два-три десятилетия) из конгломерата вождеств стало империей. В конце XVIII – начале XIX в. вождь Дингисвайо объединил около 30 зулусских племен [Бюттнер 1981: 184; Риттер 1968; Service 1975: 109]. Но это была еще некрепкая полития. Преемник убитого врагами Дингисвайо знаменитый Чака (1818–1928) образовал уже большую империю площадью до 200 тыс. кв. миль, включающую около сотни племен. Естественно, что «этот переход совершался болезненно. Первобытная система бесчисленных кланов и независимых племен была разрушена ценой крови и слез. На развалинах ее была создана нация, управляемая деспотом» [Риттер 1968: 21]. От небольших вождеств еще в конце XVIII в., где вожди могли выставить для битв от 50 до 300 воинов [Gluckman 1960], в первые десятилетия XIX в. произошел переход к крупному государству, которое имело регулярную армию, по некоторым данным, вместе со вспомогательными частями насчитывающую до 50 тыс. человек [Львова 1984: 47; Давидсон 1968: 5, 1984: 161; Gluckman 1987 [1940]: 29]. При этом была изменена система местной вождеской власти и суда [Давидсон 1984: 161; Service 1975]. В какой-то мере о вертикальной модели можно говорить и в отношении образования государства Чингис-хана (до его завоеваний), сумевшего частью мирным, а частью военным путем объединить монгольские и другие вождества и племена. Конечно, сложно сказать, какие из этих структурных единиц были стадияльно догосударственными, а какие – аналоговыми политиями⁹;

---

⁹ По поводу классификации монгольских улусов существуют самые разные мнения. Б. В. Базаров, Н. Н. Крадин, Т. Д. Скрынникова в своей статье (2004: 7) суммируют эти взгляды так: некоторые кочевниковеды считают, что средневековое монгольское общество было предклассовым; другие относят его к догосударственным обществам; большинство ученых считают природу раннемонгольских улусов уже государственной. По нашему мнению, все же они скорее были аналоговыми раннему государству, особенно если исходить из мнения Дж. Флетчера, что они составляли достаточно крупную, но не во все периоды устойчивую конфедерацию племен, включавшую как собственно господствующее в ней племя монголов, так и, вероятно, немонгольские племена; в монгольских степях было еще, по крайней мере, три подобных конфедерации: татар, найманов и керитов (Флетчер 2004: 213–214, 220, 235).

б) **горизонтальная**, состоящая в образовании сначала аналогов раннего государства, а уже потом, постепенно, в течение длительного времени, в результате дальнейшего усложнения, соперничества и контактов происходило образование из этих политий государств, но обычно уже более крупных и развитых, чем мелкие ранние государства, возникшие непосредственно из политий догосударственных. Таким образом, в этой модели трансформация аналога в раннее государство происходит в рамках одной эволюционной стадии политогенеза. Причем на заключительном этапе такой переход достаточно часто происходит быстро, нередко «революционным», то есть насильственным путем. Это может быть связано как с объединением нескольких аналогов в более крупное государство, например, путем военного объединения (так происходил процесс у гавайцев), так и с изменениями внутри одного аналога (как это было у скифов).

Пути трансформации в раннее государство. Следовательно, общество может превратиться в государство:

1) со стадияльно догосударственного **уровня**, например путем синойкизма небольших общин. Такой способ был характерен и для некоторых греческих обществ [Глускина 1983: 36], и для Междуречья конца IV–III тыс. до н. э. [Дьяконов 1983: 110];

2) с уровня аналогов малого государства (например, именно на таком уровне начиналась Монгольская империя Чингис-хана)¹⁰;

3) аналогов среднего государства (например, Гавайи);

4) и даже с уровня аналогов средnekрупного государства (например, скифы в начале IV в. до н. э.).

Известны и обратные, хотя и более редкие, трансформации ранних государств в их аналоги [Коротаев 2000а, 2000б; Трепавлов 1995].

5. Особые условия для образования государства. В своих работах мы высказывали мысль о том, что возникновение любого нового эволюционного качества возможно только при наличии особых, благоприятных для этого качества условий [см., например, Гринин 2007г]. Это утверждение верно и в отношении государства. Иными словами, мы считаем, что для рождения государства, как правило, требуется появление особых, необычных, новых условий и обстоя-

---

¹⁰ Так как к моменту начала его политической карьеры конфедерация его отца уже некоторое время как распалась (Флетчер 2004: 235).

тельств, экстремальных ситуаций, связанных с резким изменением привычной жизни, необходимостью новых решений и реформ. Таки-ми обстоятельствами могут быть: завоевание или военное объедине-ние; определенные кризисы; решительное несоответствие старых спо-собов управления важным задачам, которые нельзя игнорировать; гражданское противостояние; искусственная концентрация населения или его резкий рост; ослабление или дискредитация власти в условиях появления сложных задач; выдвижение особо выдающегося лидера; какое-то важное техническое или социальное изобретение и тому по-добные факторы, включая, например, открытие новых земель [см.: Гринин 2007в; Grinin 2003].

Аналогичные мысли высказывает и Х. Дж. М. Классен. Он счита-ет, что помимо четырех основных причин возникновения государства (первые три из которых в нашем понимании и составляют общие объ-ективные условия), а именно: 1) достаточной численности населения; 2) контроля общества над определенной территорией; 3) возможности производить избыточный продукт в объеме, необходимом для содер-жания достаточного числа специалистов-управленцев; 4) наличия идеологии, которая оправдывает иерархию и неравенство, нужна еще особая (пятая) причина, играющая для всего процесса роль спусково-го крючка [Claessen 2002; Классен 2006]. Однако ценность классенов-ского подхода существенно уменьшается от того, что он пытается занижить роль военного фактора, который, на наш взгляд, среди всех остальных иницилирующих процесс образования государства причин, напротив, является важнейшим [см.: Гринин 2001–2006; 2007б, 2007в, 2007г; Grinin 2003, 2004с].

Таким образом, для превращения в государство общество в лю-бом случае должно достичь определенных размеров и уровня сложно-сти (зрелости). Однако временной разрыв между объективными и субъективными условиями появления государства может составлять целые столетия, поскольку общество становится государством только тогда, когда создаются все особые и даже необычные необходимые для этого условия. При этом степень «необычности» условий опреде-ляется особенностями самого общества или его исторического пути. С одной стороны, то, на какой стадии своего развития общество ста-нет государством, зависит в огромной степени от случайного стече-ния объективных и субъективных обстоятельств, но с другой сторо-

ны, чем больше его объем, тем выше вероятность того, что в нем отыщутся необходимые для трансформации в государство субъективные условия, включая и деятелей нужного типа.

Литература

Агларов М. А. 1988. *Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII – начале XIX в.* – М.: Наука.

Базаров Б. В., Крадин Н. Н., Скрынникова Т. Д. 2004. Введение: кочевники, монголосфера и цивилизационный процесс // *Монгольская империя и кочевой мир* / Ред. Б. В. Базаров, Н. Н. Крадин, Т. Д. Скрынникова. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН. – С. 3–18.

Барфилд Т. 2004. Монгольская модель кочевой империи // *Монгольская империя и кочевой мир* / Ред. Б. В. Базаров, Н. Н. Крадин, Т. Д. Скрынникова. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН. – С. 254–269.

Барфилд Т. Дж. 2006. Мир кочевников-скотоводов // *Раннее государство, его альтернативы и аналоги* / Ред. Л. Е. Гринин, Д. М. Бондаренко, Н. Н. Крадин, А. В. Коротаев. – Волгоград: Учитель. – С. 415–441.

Бессмертный Ю. Л. 1972. Возникновение Франции // *История Франции* / Ред. А. З. Манфред. Т 1. – М.: Наука. – С. 9–68.

Большаков О. Г. 1998. *История Халифата. 3: Между двух гражданских войн (656–696)*. – М.: Восточная литература.

Бондаренко Д. М. 2000. «Гомологические ряды» социальной эволюции и альтернативы государству в мировой истории // *Альтернативные пути к цивилизации* / Ред. Н. Н. Крадин, А. В. Коротаев, Д. М. Бондаренко, В. А. Лышца. – М.: Логос. – С. 198–206.

Бондаренко Д. М. 2001. *Доимперский Бенин: формирование и эволюция социально-политических институтов*. – М.: Институт Африки РАН.

Бондаренко Д. М., Гринин Л. Е., Коротаев А. В. 2006. Альтернативы социальной эволюции // *Раннее государство, его альтернативы и аналоги* / Ред. Л. Е. Гринин, Д. М. Бондаренко, Н. Н. Крадин, А. В. Коротаев. – Волгоград: Учитель. – С. 15–36.

Бондаренко Д. М., Коротаев А. В. 2002 (ред.). *Цивилизационные модели политогенеза*. – М.: Ин-т Африки РАН.

Буданова В. П. 1990. *Готы в эпоху Великого переселения народов*. – М.: Наука.

Буданова В. П. 2000. *Варварский мир эпохи Великого переселения народов*. – М.: Наука.

Бюттнер Т. 1981. *История Африки с древнейших времен*. – М.: Наука.

Васильев Л. С. 1993. *История Востока. Т. 1*. – М.: Высшая школа.

Васютин С. А. 2002. Типология потестарных и политических систем кочевников // *Кочевая альтернатива социальной эволюции* / Ред. Н. Н. Крадин, Д. М. Бондаренко. – М.: ЦСРИ РАН. – С. 86–98.

Васютин С. А. 2004. Монгольская империя как особая форма ранней государственности? (к дискуссии о политических системах кочевых империй). *Монгольская империя и кочевой мир* / Ред. Б. В. Базаров, Н. Н. Крадин, Т. Д. Скрынникова. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН. – С. 269–287.

Гиренко Н. М. 1993. Племя и государство: проблемы эволюции // *Ранние формы социальной стратификации. Генезис, историческая динамика, посттарно-политические функции* / Ред. В. А. Попов. – М.: Восточная литература. – С. 122–131.

Глускина Л. М. 1983. Проблемы кризиса полиса. Античная Греция // *Проблемы развития полиса. 2. Кризис полиса* / Ред. Е. С. Голубцова. – М.: Наука. – С. 5–42.

Голден П. 2004. Кипчаки средневековой Евразии: пример негосударственной адаптации в степи // *Монгольская империя и кочевой мир* / Ред. Б. В. Базаров, Н. Н. Крадин, Т. Д. Скрынникова. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН. – С. 103–134.

Граков Б. Н. 1971. *Скифы*. – М.: Изд-во МГУ.

Гринин Л. Е. 1997. Формации и цивилизации. Гл. 3 (п. 4–5) // *Философия и общество* 4: 5–62.

Гринин Л. Е. 2001–2006. Генезис государства как составная часть процесса перехода от первобытности к цивилизации (общий контекст социальной эволюции при образовании раннего государства) // *Философия и общество* 4/2001: 5–60; 2/2002: 5–74; 3/2002: 5–73; 2/2003: 5–42; 3/2003: 5–57; 1/2004: 5–44; 4/2004: 5–44; 4/2005: 5–29; 2/2006: 20–67.

Гринин Л. Е. 2006а. О стадиях эволюции государства. Проблемы теории // *История и современность* 1: 3–45.

Гринин Л. Е. 2006б. От раннего к зрелому государству // *Раннее государство, его альтернативы и аналоги* / Ред. Л. Е. Гринин, Д. М. Бондаренко, Н. Н. Крадин, А. В. Коротаев. – Волгоград: Учитель. – С. 523–556.

Гринин Л. Е. 2006в. Раннее государство и демократия // *Раннее государство, его альтернативы и аналоги* / Ред. Л. Е. Гринин, Д. М. Бондаренко, Н. Н. Крадин, А. В. Коротаев. – Волгоград: Учитель. – С. 337–386.

Гринин Л. Е. 2006г. Раннее государство и его аналоги // *Раннее государство, его альтернативы и аналоги* / Ред. Л. Е. Гринин, Д. М. Бондаренко, Н. Н. Крадин и А. В. Коротаев. – Волгоград: Учитель. – С. 85–163.

Гринин Л. Е. 2007а. Аналоги раннего государства: альтернативные пути эволюции // *Личность. Культура. Общество* 9/1: 149–169.

Гринин Л. Е. 2007б. Государство и исторический процесс: Политический срез исторического процесса. – М.: КомКнига/УРСС.

Гринин Л. Е. 2007в. Государство и исторический процесс. Эволюция государственности: от раннего государства к зрелому. – М.: КомКнига/УРСС.

Гринин Л. Е. 2007г. *Государство и исторический процесс. Эпоха образования государства: общий контекст социальной эволюции при образовании государства.* – М.: Едиториал УРСС.

Гринин Л. Е., Бондаренко Д. М., Крадин Н. Н., Коротаев А. В. 2006. (ред.). *Раннее государство, его альтернативы и аналоги.* – Волгоград: Учитель.

Гринин Л. Е., Марков А. А., Коротаев А. В. 2008. *Макроэволюция в живой природе и обществе.* – М.: ЛЕНАНД/УРСС (в печати).

Гуляев В. И. 2005. *Скифы: расцвет и падение великого царства.* – М.: Алетейа.

Гумилев Л. Н. 1993. *Хунну.* – СПб.: Тайм-Аут-Компасс.

Давидсон А. Б. 1968. Об этой книге // *Чака Зулу* / Э. Риттер. – М.: Наука. – С. 3–14.

Давидсон А. Б. 1984. Страны Южной Африки // *История Африки в XIX – начале XX в.* / Ред. В. А. Субботин. – М.: Наука. – С. 155–177.

Джонсон Г. А. 1986. Соотношение между размерами общества и системой принятия решений в нем. Древние цивилизации Востока: *Материалы II Советско-Американского симпозиума* / Ред. В. М. Масон. – Ташкент: ФАН. – С. 92–103.

Дьяконов И. М. 1983 (ред.). *История древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой формации. 1: Месопотамия.* – М.: Наука.

Ёрл Т. К. 2002. Гавайские острова (800–1824 гг.) // *Цивилизационные модели политогенеза* / Ред. Д. М. Бондаренко, А. В. Коротаев. – М.: Институт Африки РАН. – С. 77–88.

Карнейро Р. Л. 2000. Процесс или стадии: ложная дихотомия в исследовании истории возникновения государства // *Альтернативные пути к цивилизации* / Ред. Н. Н. Крадин, А. В. Коротаев, Д. М. Бондаренко, В. А. Лынша. – М.: Логос. – С. 84–94.

Кобищанов Ю. М. 1989. Туареги в истории Африки // *Туареги Ахаггара* / А. Лот. – М.: Наука. – С. 232–245.

Классен Х. Дж. М. 2006. Было ли неизбежным появление государства? // *Раннее государство, его альтернативы и аналоги* / Ред. Л. Е. Гринин, Д. М. Бондаренко, Н. Н. Крадин, А. В. Коротаев. – Волгоград: Учитель. – С. 71–84.

Колесницкий Н. Ф. 1963. Об этническом и государственном развитии средневековой Германии (VI–XIV вв.) // *Средние века* 23: 183–197.

Колосовская Ю. К. 2000. *Рим и мир племен на Дунае I–IV вв. н. э.* – М.: Наука.

Коротчаев А. В. 1995. Горы и демократия: к постановке проблемы // *Альтернативные пути к ранней государственности* / Ред. Н. Н. Крадин, В. А. Лынша. – Владивосток: Дальнаука. – С. 77–93.

Коротчаев А. В. 2000а. От государства к вождеству? От вождества к племени? (Некоторые общие тенденции эволюции южноаравийских социально-политических систем за последние три тысячи лет) // *Ранние формы социальной организации. Генезис, функционирование, историческая динамика* / Ред. В. А. Попов. – СПб.: Восточная литература. – С. 224–302.

Коротчаев А. В. 2000б. Племя как форма социально-политической организации сложных непервобытных обществ (в основном по материалам северо-восточного Йемена) // *Альтернативные пути к цивилизации* / Ред. Н. Н. Крадин, А. В. Коротчаев, Д. М. Бондаренко, В. А. Лынша. – М.: Логос. – С. 265–291.

Корсунский А. Р., Гюнтер Р. 1984. *Упадок и гибель Западной Римской империи и возникновение варварских королевств (до середины VI в.)*. – М.: Изд-во МГУ.

Крадин Н. Н. 1992. *Кочевые общества*. – Владивосток: Дальнаука.

Крадин Н. Н. 2001а. *Империя хунну*. 2-е изд. – Владивосток: Дальнаука.

Крадин Н. Н. 2001б. Кочевники в мировом историческом процессе // *Философия и общество* 2: 108–137.

Крадин Н. Н. 2002. Структура власти в кочевых империях // *Кочевая альтернатива социальной эволюции* / Ред. Н. Н. Крадин, Д. М. Бондаренко. – М.: Ин-т Африки РАН. – С. 109–125.

Крадин Н. Н., Лынша В. А. 1995 (ред.). *Альтернативные пути к ранней государственности // Мат-лы Междунар. симпозиума*. – Владивосток: Дальнаука.

Крадин Н. Н., Бондаренко Д. М. 2002 (ред.). *Кочевая альтернатива социальной эволюции*. – М.: Ин-т Африки РАН.

Крадин Н. Н., Скрынникова Т. Д. 2006. *Империя Чингис-хана*. – М.: Восточная литература.

Крил Х. Г. 2001. *Становление государственной власти в Китае. Империя Западная Чжоу*. – СПб.: Евразия.

Латушко Ю. В. 2006. *Трансформация гавайского общества (конец XVIII – середина XIX вв.)*: Авт. дис. ... канд. ист. наук. – Владивосток: ДВО РАН.

Ле Гофф Ж. 1992. *Цивилизация средневекового Запада*. – М.: Прогресс.

Леру Ф. 2000. *Друиды*. – СПб.: Евразия.

Лот А. 1989. *Туареги Ахаггара*. – М.: Наука.

Львова Э. С. 1984. *Этнография Африки*. – М.: МГУ.

Маретина С. А. 1995. К проблеме универсальности вождеств: о природе вождей у нага (Индия) // *Ранние формы политической организации: от пер-*

вобытности к государственности / Ред. В. А. Попов. – М.: Восточная литература. – С. 79–103.

[Мелюкова, А. И., Смирнов, А. П.] 1966. Киммерийцы, скифы, сарматы. *История СССР с древнейших времен до наших дней. Т. 1. Первобытнообщинный строй. Древнейшие государства Закавказья и Средней Азии. Древняя Русь* / Ред. С. А. Плетнева, Б. А. Рыбаков. – М.: Наука. – С. 214–225.

Морган Л. Г. 1983 [1851]. *Лига ходеносауни, или ирокезов.* – М.: Наука.

Мурзин В. Ю. 1990. *Происхождение скифов: основные этапы формирования скифского этноса.* – Киев: Наукова думка.

Неусыхин А. И. 1968. Дофеодальный период как переходная стадия развития от родоплеменного строя к раннефеодальному (на материалах истории Западной Европы раннего средневековья) // *Проблемы истории докапиталистических обществ* / Ред. Л. В. Данилова. – М.: Наука. – С. 569–617.

Патрушев А. И. 2003. *Германская история.* – М.: Весь мир.

Першиц А. И. 1968. Общественный строй туарегов Сахары в XIX в. // *Разложение родового строя и формирование классового общества* / Ред. А. И. Першиц. – М.: Наука. – С. 320–355.

Плетнева С. А. 1966. Кочевые народы VII–XIII вв. *История СССР с древнейших времен до наших дней. Т. 1. Первобытнообщинный строй. Древнейшие государства Закавказья и Средней Азии. Древняя Русь* / Ред. С. А. Плетнева, Б. А. Рыбаков. – М.: Наука. – С. 438–463.

Попов В. А. 1995 (ред.). *Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности.* – М.: Восточная литература.

Попов В. А. 2000 (ред.). *Ранние формы социальной организации. Генезис, функционирование, историческая динамика.* – СПб.: Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (кунсткамера) РАН.

Риттер Э. А. 1968. *Чака Зулу. Возвышение Зулусской империи.* – М.: Наука.

Салинз М. Д. 1999. *Экономика каменного века.* – М.: ОГИ.

Санников С. В. 2002. Структурно-компаративная типология древнегерманских обществ (по данным письменных источников). *Труды XL Международной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс»* / Ред. С. Г. Пятков. – Новосибирск: Изд-во НГУ. – С. 59–66.

Санников С. В. 2003. Развитие ранних форм королевской власти у германских народов: особенности политогенеза. *История и социология государства* / Ред. А. П. Деревянко. – Новосибирск: Изд-во НГУ. – С. 36–54.

СИЭ 1969. Саксонская правда. *Советская историческая энциклопедия* / Ред. Е. М. Жуков. Т. 12. – М.: Советская энциклопедия. – С. 475.

Сиротенко В. Т. 1975. *История международных отношений в Европе во второй половине IV–начале VI в.* – Пермь: Изд-во Перм. гос. ун-та.

Скрынникова Т. Д. 1997. *Харизма и власть в эпоху Чингис-хана.* – М.: Восточная литература.

Смирнов А. П. 1966а. Кочевники IV–VII в. н. э. *История СССР с древнейших времен до наших дней. 1: Первобытнообщинный строй. Древнейшие государства Закавказья и Средней Азии. Древняя Русь* / Ред. С. А. Плетнева, Б. А. Рыбаков. – М.: Наука. – С. 321–336.

Смирнов А. П. 1966б. *Скифы*. – М.: Наука.

Тевено Э. 2002. *История галлов*. – М.: Весь мир.

Тиханова М. Ф. 1958. Готы в Причерноморских степях: *Очерки истории СССР III–IX вв.* / Ред. Б. А. Рыбаков. – М.: Изд-во Академии наук. – С. 130–137.

Токарев С. А., Толстов С. П. 1956 (ред.). *Народы Австралии и Океании*. – М.: Изд-во АН СССР.

Тумаркин Д. Д. 1964. *Вторжение колонизаторов в «край вечной весны»*. – М.: Наука.

Тумаркин Д. Д. 1971. *Гавайский народ и американские колонизаторы. 1820–1865*. – М.: Наука.

Фентон У. Н. 1978. Ирокезы в истории // *Североамериканские индейцы* / Ред. Ю. П. Аверкиева. – М.: Прогресс. – С. 109–156.

Флетчер Дж. 2004. Средневековые монголы: экологические и социальные перспективы // *Монгольская империя и кочевой мир* / Ред. Б. В. Базаров, Н. Н. Крадин, Т. Д. Скрынникова. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН. – С. 212–253.

Хазанов А. М. 1975. *Социальная история скифов*. – М.: Наука.

Хазанов А. М. 2002. Кочевники евразийских степей в исторической ретроспективе // *Кочевая альтернатива социальной эволюции* / Ред. Н. Н. Крадин, Д. М. Бондаренко. – М.: Институт Африки РАН. – С. 37–58.

Хазанов А. М. 2006. Кочевники евразийских степей в исторической ретроспективе // *Раннее государство, его альтернативы и аналоги* / Ред. Л. Е. Гринин, Д. М. Бондаренко, Н. Н. Крадин, А. В. Коротаев. – Волгоград: Учитель. – С. 468–489.

Шкунаев С. В. 1988. Кельты в Западной Европе в V–I вв. до н. э. *История Европы I: Древняя Европа* / Ред. Е. С. Голубцова. С. 492–503. М.: Наука.

Шкунаев С. В. 1989. *Община и общество западных кельтов*. – М.: Наука.

Штаерман Е. М. 1951. Древняя Галлия: Обзор послевоенной буржуазной историографии // *Вестник древней истории* 35: 209–215.

Штырбул А. А. 2006. *Безгосударственные общества в эпоху государственности (III тыс. до н. э. – II тыс. н. э.)*. – Омск: Изд-во Омск. гос. пед. ун-та.

Шукин М. Б. 2005. *Готский путь (готы, Рим и черняховская культура)*. – СПб.: Изд-во СПбГУ.

Bakel M. Van. 1996. Ideological Perspectives of the Development of Kingship in the Early States of Hawaii // *Ideology and the Formation of Early States* / Ed. by H. J. M. Claessen, J. G. Oosten. – Leiden: Brill. – P. 329–345.

Bargatzky T. 1985. Person Acquisition and the Early State in Polynesia. *Development and Decline. The Evolution of Sociopolitical Organization* / Ed. by H. J. M. Claessen, P. van de Velde, E. M. Smith. – South Hadley, MA: Bergin & Garvey. – P. 290–310.

Bellwood P. 1987. *The Polynesians. Prehistory of an Island People*. – London: Thames and Hudson.

Bondarenko D. M. 2000. ‘Homologous Series’ of Social Evolution and Alternatives to the State in World History (An Introduction) // *Alternatives of Social Evolution* / Ed. by N. N. Kradin, A. V. Korotayev, D. M. Bondarenko, V. de Munck and P. K. Wason. – Vladivostok: FEB RAS. – P. 213–219.

Bondarenko D. M., Grinin L. E., Korotayev A. V. 2002. Alternative Pathways of Social Evolution. *Social Evolution & History* 1: 54–79.

Bondarenko D. M., Korotayev A. V. 2000. (Eds.). *Civilizational Models of Politogenesis*. – Moscow: Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences.

Carneiro R. L. 1967. On the Relationship Between Size of Population and Complexity of Social Organization // *Southwestern Journal of Anthropology* 23: 234–243.

Carneiro R. L. 1981. The Chiefdom: Precursor of the State. *The Transition to Statehood in the New World* / Ed. by G. D. Jones, R. R. Kautz. – Cambridge, UK – New York, NY: Cambridge University Press. – P. 37–79.

Carneiro R. L. 2000. Process vs. Stages: A False Dichotomy in Tracing the Rise of the State // *Alternatives of Social Evolution* / Ed. by N. N. Kradin, A. V. Korotayev, D. M. Bondarenko, V. de Munck, P. K. Wason. – Vladivostok: FEB RAS. – P. 52–58.

Chadwick N. 1987. *The Celts*. – London: Penguin.

Claessen H. J. M. 1996. Ideology and the Formation of Early States: Data from Polynesia // *Ideology and the Formation of Early States* / Ed. by H. J. M. Claessen, J. G. Oosten. – Leiden: Brill. – P. 339–358.

Claessen H. J. M. 2002. Was the State Inevitable? // *Social Evolution & History* 1: 101–117.

Claessen H. J. M., Skalník P. 1978. Limits: Beginning and End of the Early State // *The Early State* / Ed. by H. J. M. Claessen, P. Skalník. – The Hague: Mouton. – P. 619–636.

Clark G., Piggott S. 1970. *Prehistoric Societies*. – Harmondsworth: Penguin.

Cohen R. 1981. Evolution, Fission and Early State // *The Study of the State* / Ed. by H. J. M. Claessen and P. Skalník. – The Hague: Mouton. – P. 96–112.

Crumley C. L. 1995. Heterarchy and the Analysis of Complex Societies // *Heterarchy and the Analysis of Complex Societies* / Ed. by R. M. Ehrenreich. – Washington, DC: American Anthropological Association. – P. 1–15.

Crumley C. L. 2001. Communication, Holism, and the Evolution of Socio-political Complexity // *From Leaders to Rulers* / Ed. by J. Haas. – New York, NY: Kluwer Academic / Plenum Publishers. – P. 19–33.

Davenport W. 1969. The «Hawaiian Cultural Revolution»: Some Political and Economic Considerations // *American Anthropologist* 71: 1–20.

Earle T. K. 1997. *How Chiefs Come to Power: The Political Economy in Pre-history*. – Stanford, CA: Stanford University Press.

Earle T. K. 2000. Hawaiian Islands (A. D. 800–1824) // *Civilizational Models of Politogenesis* / Ed. by D. M. Bondarenko, A. V. Korotayev. – Moscow: Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences. – P. 73–86.

Feinman G. M. 1998. Scale and Social Organization: Perspectives on the Archaic State // *Archaic States* / Ed. by G. M. Feinman, J. Marcus. – Santa Fe, NM: School of American Research Press. – P. 95–133.

Gledhill J. 1994. *Power and its Disguises: Anthropological Perspectives on Politics*. – London – Chicago, IL: Pluto Press.

Gluckman M. 1960. Tribalism in Modern British Central Africa // *Cahiers d'Etudes Africaines* 1/1: 55–70.

Gluckman M. 1987 [1940]. The Kingdom of the Zulu of South Africa // *African Political Systems* / Ed. by M. Fortes, E. E. Evans-Pritchard. – London – New York, NY: International African Institute. – P. 25–55.

Grinin L. E. 2003. The Early State and its Analogues // *Social Evolution & History* 1: 131–176.

Grinin L. E. 2004a. Democracy and Early State // *Social Evolution & History* 3/2: 93–149.

Grinin L. E. 2004b. Early State and Democracy // *The Early State, Its Alternatives and Analogues* / Ed. by L. E. Grinin, R. L. Carneiro, D. M. Bondarenko, N. N. Kradin, A. V. Korotayev. – Volgograd: Uchitel. – P. 419–463.

Grinin L. E. 2004c. The Early State and Its Analogues: A Comparative Analysis // *The Early State, Its Alternatives and Analogues* / Ed. by L. E. Grinin, R. L. Carneiro, D. M. Bondarenko, N. N. Kradin, A. V. Korotayev. – Volgograd: Uchitel. – P. 88–136.

Grinin L. E. 2007a. Alternativity of State Formation Process: The Early State vs. State Analogues // *Third International Conference «Hierarchy and Power in the History of Civilizations» June 18–21, 2004, Moscow. Selected Papers I: Alternativity in Cultural History: Heterarchy and Homoarchy as Evolutionary Trajectories* / Ed. by D. M. Bondarenko, A. A. Nemirovskiy. – Moscow: Center for Civilizational and Regional Studies of the Russian Academy of Sciences. – P. 167–183.

Grinin L. E. 2007b. The Early State Analogues // *Social-Natural History: Selected Lectures of I–XVI Schools «Human Being and Nature: Problems of Social-Natural History» (1992–2007)* / Ed. by E. S. Kulpin. – Moscow: KomKniga/URSS. – P. 77–105.

Grinin L. E., Carneiro R. L., Bondarenko D. M., Kradin N. N., Korotayev A. V. 2004. (eds.). *The Early State, Its Alternatives and Analogues*. – Volgograd: Uchitel.

Harris M. 1995. *Cultural Anthropology*. 4th ed. – New York: Addison-Wesley.

Johnson A. W., Earle T. K. 2000. *The Evolution of Human Societies: from Foraging Group to Agrarian State*. 2nd ed. – Stanford, CA: Stanford University Press.

Johnson G. A. 1978. Information Sources and the Development of Decision Making Organizations // *Social Archaeology: Beyond Subsistence and Dating* / Ed. by C. Redman. – New York. – P. 87–112.

Johnson G. A. 1981. Monitoring Complex System Integration and Boundary Phenomena with Settlement Size Data // *Archaeological Approaches to the Study of Complexity* / Ed. by S. E. van der Leeuw. – Amsterdam: van Giffen Instituut voor Prae-en Protohistorie. – P. 144–188.

Khazanov A. M. 1978. The Early State Among the Scythians // *The Early State* / Ed. by H. J. M. Claessen, P. Skalnik. – The Hague: Mouton. – P. 425–439.

Korotayev A. 1995. Mountains and Democracy: An Introduction // *Alternative Pathways to Early State* / Ed. by N. N. Kradin, V. A. Lynsha. – Vladivostok: Dal'nauka. – P. 60–74.

Kradin N. N., Korotayev A. V., Bondarenko D. M., Munck V. de, Wason P. K. 2000. (eds.). *Alternatives of Social Evolution*. – Vladivostok: FEB RAS.

Kradin N. N., Bondarenko D. M., Barfield T. J. 2003. (eds.). *Nomadic Pathways in Social Evolution*. – Moscow: Center for Civilizational and Regional Studies RAS.

Kradin N. N., Lynsha V. A. 1995. (Eds.). *Alternative Pathways to Early State*. – Vladivostok: Dal'nauka.

Marey A. V. 2000. The Socio-Political Structure of the Pechenegs // *Alternatives of Social Evolution* / Ed. by N. N. Kradin, A. V. Korotayev, D. M. Bondarenko, V. de Munck and P. K. Wason. – Vladivostok: FEB RAS. – P. 289–293.

McIntosh S. K. 1999. Pathways to Complexity: An African Perspective // *Beyond Chiefdoms. Pathways to Complexity in Africa* / Ed. by S. K. McIntosh. – Cambridge, UK: Cambridge University Press. – P. 1–30.

Oosten J. 1996. Ideology and the Development of European Kingdoms // *Ideology and the Formation of Early States* / Ed. by H. J. M. Claessen, J. G. Oosten. – Leiden: Brill. – P. 225–247.

Possehl G. L. 1998. Sociocultural Complexity without the State: The Indus Civilization // *Archaic States* / Ed. by G. M. Feinman, J. Marcus. – Santa Fe, NM: School of American Research Press. – P. 261–292.

Sahlins M. D. 1972a. [1958]. *Social Stratification in Polynesia*. – Seattle, WA: University of Washington Press.

Sahlins M. D. 1972b. *Stone Age Economics*. – New York, NY: Aldine de Gruyter.

Schaedel R. 1995. The Temporal Variants of Proto-State Societies // *Alternative Pathways to Early State* / Ed. by N. N. Kradin, V. A. Lynsha. – Vladivostok: Dal'nauka. – P. 47–53.

Seaton L. 1978. The Early State in Hawaii // *The Early State* / Ed. by H. J. M. Claessen, P. Skalnik. – The Hague: Mouton. – P. 269–287.

Service E. R. 1975. *Origins of the State and Civilization. The Process of Cultural Evolution*. – New York, NY: Norton.

Skrynnikova T. D. 2004. Mongolian Nomadic Society of the Empire Period // *The Early State, Its Alternatives and Analogues* / Ed. by L. E. Grinin, R. L. Carneiro, D. M. Bondarenko, N. N. Kradin, A. V. Korotayev. – Volgograd: Uchitel. – P. 525–535.

Trepavlov V. V. 1995. The Nogay Alternative: From a State to a Chiefdom and Backwards // *Alternative Pathways to Early State* / Ed. by N. N. Kradin, V. A. Lynsha. – Vladivostok: Dal'nauka. – P. 144–151.

Vorobyov D. V. 2000. The Iroquois (15th–18th centuries A. D.) // *Civilizational Models of Politogenesis* / Ed. by D. M. Bondarenko, A. V. Korotayev. – Moscow: Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences. – P. 157–174.

Wright H. T. 2006. Atlas of Chiefdoms and Early States // *Structure and Dynamics* 1/4: 1–27.

Zin'kovskaya I. V. 2004. The Hermanarich Kingdom: Between Barbarity and Civilization // *Hierarchy and Power in the history of Civilizations*. Abstracts of the 3rd International Conference (Moscow, 18–24 June, 2004) / Ed. by I. V. Sledzevsky, D. M. Bondarenko, D. D. Beliaev. – Moscow: Center for Civilizational and Regional Studies, Russian Academy of Sciences. – P. 84–85.

ВЛАСТНЫЕ СИСТЕМЫ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ КОЧЕВНИКОВ ЕВРАЗИИ В СВЕТЕ ТЕОРИИ МНОГОЛИНЕЙНОСТИ*

Введение

В период раннего Средневековья, хронология которого за пределами Западной Европы может быть условно обозначена VI–XI вв., в степях Евразии существовали многочисленные потестарно-политические образования кочевников. Это были преимущественно тюркоязычные политии с включением в их состав иноэтничных кланов и линиджей кочевников, а также подчиненного оседлого населения. Исключения составляют жуань-жуани, авары, мадьяры, кидани и ряд других нетюркских этнополитических групп, создавших крупные кочевые объединения. В целом в раннее Средневековье в евразийских степях доминировали тюркские политические традиции. В связи с этим данное исследование будет в основном сосредоточено на анализе институтов власти в тюркоязычных политиях и ряде других кочевых обществ VI–XI вв., выявлении специфических черт управленческой организации и основных направлений ее эволюции в каждом рассматриваемом кочевом объединении. Главная задача – систематизировать полученные данные и разработать типологию потестарно-политических режимов кочевников раннего Средневековья.

Проблемы политогенеза кочевников неоднократно привлекали зарубежных и отечественных исследователей. В последние несколько десятилетий резко возросло число обобщающих работ, написанных на основе различных методологических концепций [см., например: Марков 1967, 1976, 1989; Bonte 1981, 1990; Масанов 1984, 1987, 1991, 1995; Khazanov 1984; Хазанов 2000, 2002; Марков, Масанов 1985;

---

* Работа выполнена по проекту РГНФ – МинОКН Монголии (№ 07-01-92002а/Г) «Кочевые империи монгольских степей: от Хунну до державы Чингис-хана».

Barfield 1989, 1993, 2000; Плетнева 1981а, 1981б; Караев 1983а; Калиновская, Марков 1985; Трепавлов 1986, 2004; Крадин 1992, 2000, 2001, 2002б, 2004; Kradin 2002; Массон 1994, 1998; Айнос 2002; Барфилд 2002; Бондаренко, Коротаев, Крадин 2002; Васютин С. А. 2002, 2005 и т. д.]. В то же время продолжают исследования конкретных обществ [например: Хазанов 1975; Грач 1980; Плетнева 1975, 1976, 1990, 1992б; Смирнов К. Ф. 1975, 1984; Скрынникова 1986, 1992, 1997, 2002, 2006; Fletcher 1986; Abu-Lughod 1989; Кадырбаев 1989; Пиков 1989, 2002; Hall 1991; Кычанов 1992, 1997, 2004; Golden 1992, 2001; Трепавлов 1993, 2001; Крадин 1996, 2000а, 2002, 2002а, 2002в; Голден 1993, 2004; Трепавлов 1993; Кляшторный, Савинов 1994, 2005; Кляшторный, Султанов 2000; Дашковский 2002; Тишкин, Дашковский 2003, 2005; Барфилд 2004; Васютин С. А. 2004б, 2007; Дашковский, Тишкин 2004; Кульпин 2004, Кульпин-Губайдуллин 2006; Флетчер 2004; Холл 2004; Кочнев 2006; Крадин, Скрынникова 2006; др.]. Среди них значительное внимание уделяется раннесредневековым обществам [Плетнева 1981б, 1986, 1992а; Малявкин 1983; Ахинжанов 1989; Новосельцев 1990, 2001; Худяков 1990, 1994, 2004а; Агаджанов 1991; Савинов 1994; Войтов 1996; Марей 2000; Кляшторный 2001г, 2003; Васютин С. А. 2004а; Васютин С. А., Пугачев 2007 и др.].

При всем разнообразии взглядов в последние 15–20 лет в российском кочевниковедении наметилось преобладание новых подходов, базирующихся на неозволюционистской теории и различных социально-антропологических разработках. Доминирование неозволюционистской концепции политогенеза в отечественной историографии в 1990-е – начале 2000-х гг. определялось целым рядом факторов. С крушением марксистской идеологии как «единственно верной» стали очевидны недостатки советской теории становления государственности. Среди них – слабая дифференцированность понятийного аппарата, его оторванность от конкретно-исторического материала. Концептуальный синтез отечественных и зарубежных подходов осуществлялся еще в работах 1970–1980 гг. и подготавливал восприятие зарубежного опыта более широким слоем исследователей. Необходимо также учесть стремление исследователей использовать творческие, менее догматизированные схемы социально-политической эволюции, опереться на апробированные российскими и зарубежными исследователями разработки, учесть вклад антропологии в изучение доинду-

стриальных обществ и особенностей политогенеза в них. Такие не-эволюционистские модели как «вождество» и «раннее государство» дают возможность выявить определенную этапность в эволюции политических институтов различных обществ, учитывать специфику и асинхронность исторического развития, раскрыть факторы политогенеза и показать обратимость процессов политической интеграции. Каждое из этих понятий обладает набором определенных признаков, но в то же время достаточно дифференцировано. Так, исследователи выделяют первичные и вторичные вождества или обращают внимание на определенную их «специализацию» (военные, теократические вождества). Одновременно существует деление на простые, сложные, суперсложные вождества [Крадин 1995]. Столь же вариативна дефиниция «раннее государство». Их осмыслению посвящены труды ведущих зарубежных и отечественных исследователей [Southall 1953; Fried 1967; Service 1971, 1975; Carneiro 1973; Claessen, Skalnik 1978; Claessen 1991; Годинер 1990; Крадин 1995; Классен 2000; др.].

Новым этапом в развитии наших представлений о политогенезе в доиндустриальных социумах стали многолинейные теории, которые ориентированы, прежде всего, на изучение уникальных черт в эволюции обществ, выявление альтернативных форм социально-политической организации, разнонаправленности процессов трансформации власти и социальных систем [Sanderson 1999; Claessen 2000; Коротаев, Крадин, Лынша 2000; Коротаев 2003; Крадин 2003, 2006, 2007; Бондаренко 2006; Бондаренко, Гринин, Коротаев 2006; Гринин 2006; Карнейро 2006; Классен 2006а, 2006б; Чэбел, Фейнман, Скальник 2006; Корякова 2007; Бурганова, Васютин, Мить 2007; др.]. Однако на анализ и оценку кочевых обществ многолинейные концепции оказывают пока незначительное влияние. Теоретические исследования последних десятилетий были в основном ориентированы на выявление общих тенденций [Плетнева 1981а, 1982; Varfield 1989, 1993, 2000; Крадин 1992, 2000, 2001; Крадин, Скрынникова 2006; Хазанов 2000, 2002; Барфилд 2002; др.]. Их результатом стали разработка модели взаимодействия кочевых и земледельческих цивилизаций, мнение о преимущественно догосударственном характере власти в аридных условиях (государство у кочевников оформляется чаще всего при завоевании степняками оседлого населения) и ограниченности процессов усложнения властных систем даже в наиболее крупных военно-

политических объединениях кочевников уровнем суперсложного вождества. Тем не менее по вопросу о существовании (или отсутствии) государственности у кочевников более или менее единого подхода выработать не удалось. Значительное число исследователей продолжает называть «государствами» самые разные политии номадов, вне зависимости от того, присутствуют в политической организации кочевого объединения государственные институты (многоступенчатая иерархия чиновников из центрального и провинциального аппарата, фискальная система, письменное право и государственный суд и т. д.) или нет. Очевидно, что управленческие системы номадных империй, как явление сложное и многогранное, не могут быть описаны с помощью однозначных дефиниций.

В связи с этим было высказано предположение о многокомпонентности властных структур в кочевых империях. В таких потестарно-политических образованиях разные управленческие институты представляли собой адаптированные друг к другу элементы архаичной (клановой), вождеской, раннегосударственной и имперской власти, с разным соотношением на определенных этапах исторического развития. Следует напомнить и о довольно продуктивной концепции «двойной политической культуры». Правда, данная концепция используется при описании посттрадиционных обществ [Крадин 2001: 157]. Мы же можем проецировать ее и на общества традиционные, в которых раннегосударственные политические практики элиты сочетались с более архаичными по своему характеру мероприятиями. Определенная внутренняя дифференциация управленческих институтов и политических мероприятий в кочевых империях позволяет говорить о разных пластах в догосударственной и раннегосударственных политических культурах номадов [Васютин С. А. 2005: 59]. Это дает возможность увидеть мир кочевых империй и менее масштабных номадных политий как более разнообразный, что, в свою очередь, ставит вопрос о необходимости типологии властных систем кочевников.

Попытка детальной типологии потестарно-политической системы кочевников мной уже предпринималась [Васютин С. А. 2002]. Были предложены семь моделей власти у кочевников:

1) кочевые суперимперии как один из видов раннегосударственных образований с жесткой военно-политической структурой, определявшей также нормы и общественной жизни (Монгольская империя с середины XIII в.);

2) кочевые ксенократические империи, представлявшие собой суперсложные вождества (империя Хунну, Жуаньжуаньское ханство, Тюркские, Уйгурский и Кыргызский каганаты);

3) этнически более или менее монолитные, но достаточно локальные образования кочевников, близкие по своим характеристикам к различным видам сложных вождеств (каганат Сеяньто, Крымское ханство, Ногайская орда);

4) созданные кочевниками политии с высокой долей подчиненного оседлого населения (Западно-тюркский и Хазарский каганаты, Дунайская Болгария в VII в., Западное Ляо, Золотая Орда);

5) децентрализованные, аморфные, не имевшие единого управленческого центра, но территориально крупные образования с многочисленными традиционными вождями – главами родоплеменных структур, некоторые из которых могли временно прогрессировать в простые вождества (печенежское, половецкое и огузское объединения);

6) локальные децентрализованные группы с родоплеменной структурой (теле, дунху, черные клобуки);

7) развитые государства, созданные кочевниками на территории земледельческих центров (завоевательные империи по Н. Н. Крадину). Следует добавить, что не всегда речь должна идти только об империях (хуннские государства на территории Китая, уйгурские ханства в Восточном Туркестане) [Васютин С. А. 2002: 94–96].

Данная схема вызвала определенные возражения со стороны специалистов [Бондаренко, Коротаев, Крадин 2002: 22–24; Крадин 2004: 22–24]. Критиками были отмечены логическое нарушение и отсутствие принципиальных различий между некоторыми моделями, с чем отчасти можно согласиться. Менее детализированная схема была предложена Н. Н. Крадиным. Она включала три типа властных систем:

1) акефальные, сегментарные, клановые и племенные образования;

2) «вторичные» племена и вождества;

3) кочевые империи и «квазиимперские» политии меньших размеров [Крадин 2004: 23].

Стоит, правда, уточнить, что Н. Н. Крадиным была предложена и отдельная типология кочевых империй, также включавшая три типа политий – «типичные», «даннические» и «завоевательные» [Крадин 1992: 166–178, 2000: 316]. Таким образом, в сумме исследователь выделял пять видов властных режимов.

Необходимо подчеркнуть, что и та и другая типология в большей или меньшей степени оставили «за бортом» целый ряд вопросов, связанных с характеристикой институтов власти у кочевников. Ограничусь здесь лишь несколькими из таких вопросов. К какой категории мы должны отнести те политические образования кочевников, которые не являлись кочевыми империями, но были государствами? Были ли все «вторичные» вождества одинаковы с точки зрения структуры управления и взаимодействия с земледельцами? Различались ли формы адаптации разных кочевых обществ в близких исходных условиях и почему? Ответить на эти вопросы возможно лишь путем сравнительного анализа политических иерархий и форм их функционирования в разных кочевых обществах. Для этого необходимо выявить основные параметры властных структур каждого кочевнического объединения, включенного в схему сравнительного анализа, верифицировать полученные данные, произвести классификацию кочевых обществ по степени сложности потестарно-политической системы, сопоставив ее с рассмотренными выше типологиями. Главная задача статьи – разработка на основе инновационных подходов и научных стратегий синтетической типологии властных институтов кочевников (преимущественно на основе материалов раннего средневековья). При этом будут учитываться высказанные ранее замечания, материалы дискуссий и обсуждений. Также будут охарактеризованы особенности процессов политогенеза у кочевников в период раннего средневековья.

Методология исследования

Методология исследования строится на синтезе неозволюционистской концепции политогенеза, теории многолинейной эволюции, мир-системного и кросс-культурного анализа. Исходя из задач статьи, главное внимание уделено многолинейным теориям, на основе которых и выявляются специфические черты властных институтов в кочевых обществах раннего средневековья. Неозволюционизм важен как

источник научных понятий и дефиниций, необходимых для описания и характеристики управленческих систем номадов. Мир-системные принципы позволяют дать более развернутую характеристику форм взаимодействия кочевников и земледельцев. Формализованное кросс-культурное сравнение дополнит картину достаточно дифференцированного в политическом отношении кочевого мира Евразии.

Стоит отметить, что подобный методологический синтез в какой-то мере отражает основные тенденции мировой историографии последних лет (или, во всяком случае, им не противоречит). В целом эти изменения в рамках разных методологических направлений во второй половине XX – начале XXI в. можно обозначить как переход от единой схемы общественной эволюции к различным ее альтернативам. Так, мир-системная концепция И. Валлерстайна первоначально развивалась как одна из теорий анализа процесса становления мировой капиталистической системы, акцентируя внимание в основном на событиях после 1500 г. [Валлерстайн 2000]. А. Г. Франк наряду с другими историками [см., например: Абу-Луход 2001] полагает, что правильнее говорить о мир-системе, которая сложилась в древности, но переживала циклы подъема и упадка. По мнению А. Г. Франка, экономические связи и до формирования капитализма составляли основу мир-системного взаимодействия [Франк 1992]. Не случайно, что многие современные специалисты поддерживают мнение о том, что монгольская экспансия привела к образованию самой мощной и обширной мир-системы в доколониальную эпоху, в рамках которой существовали благоприятные условия для развития культурных и торговых обменов [Крадин, Скрынникова 2006]. Однако в последнее время приобретает популярность и другое направление мир-системного анализа, сторонники которого говорят о многочисленных мир-системах, существовавших в истории начиная с древности. В русле этого направления разрабатывается и типология мир-систем [Чейз-Данн, Холл 2001], а это означает, что в рамках мир-системной методологии проявилось стремление к более широкому охвату исторического пространства и выявлению разнотипных моделей мир-систем.

Не менее показательна трансформация неозолуционистской концепции. Ее создатели (Э. Сервис, М. Салинз, Р. Карнейро, П. Скальник, Х. Дж. М. Классен и др.) на начальных этапах разработки концепции чаще всего исходили из наличия генеральной линии эволю-

ции, в которой выделяли несколько универсальных звеньев: локальная группа – племя – вождество – государство [Коротаев, Крадин, Лынша 2000]. Эта схема детализировалась, вводились новые уровни сложности (простые и сложные вождества, зачаточное, раннее, традиционное и национальное государство), но она по-прежнему отдавала предпочтение однолинейной схеме развития [Карнейро 2000]. Дальнейшее развитие неозволюционизма привело к фактическому признанию учеными многовариантного характера изменений в различных обществах. Исследования показали, что неиерархические общества могут не уступать в сложности жестко стратифицированным объединениям, а многочисленные объединения, занимавшие огромные территории, могли эффективно управляться и без государственных институтов. Конкретные примеры наглядно демонстрируют многообразие путей общественной эволюции, подразумевающей не только возвышение, экспансию и усложнение, но и кризис или стагнацию. В любом случае свести все к одной-двум формам не удастся. Многолинейные теории и в рамках этого направления к концу XX в. заняли доминирующее место [Бондаренко 1998; Классен 2000, 2006а; Бондаренко, Гринин, Коротаев 2006].

Принципиально не противоречат многолинейным теориям и цивилизационные концепции. Они в первую очередь обращают внимание на специфику историко-культурного развития обществ-цивилизаций и их периферии. «Цивилизационный подход... значительно обогащает механизм познания исторической реальности», так как «цивилизация... – это более широкое и емкое понятие, чем социально-экономическая формация», оно включает в себя такие черты и признаки, которые действуют на протяжении более длительного времени и – что очень важно – имеют бóльшую не только временную, но и сущностную устойчивость, поскольку не связаны напрямую с социально-экономическими факторами» [Искендеров 1996: 17]. Не случайны попытки адаптировать формационную теорию к цивилизационной с помощью конструирования формаций в рамках каждой цивилизации. Естественно, что характерные черты, факторы и хронология перехода от одной формации к другой индивидуальны для каждой цивилизации. Стоит также напомнить, что один из основателей цивилизационного подхода Арнольд Тойнби стремился выявить общие тенденции и фазы в эволюции цивилизаций [Тойнби 1991: 40–90], в

то время как современные исследователи говорят об уникальности каждой цивилизации [Мелко 2001; Уэскотт 2001; Ито 2001 и др.].

Большая дифференцированность понятийной сетки дает возможность по-новому взглянуть и на уже казалось бы решенные вопросы. В этом отношении особенно показательны разработки проблематики альтернатив и аналогов государственных систем. Учеными наглядно продемонстрировано, что наряду с государственной властью существовали политические системы, в которых отсутствовали или не играли решающей роли государственные механизмы управления, но они при этом были организованы так же сложно, как и государства [Бондаренко 2006; Бондаренко, Гринин, Коротаев, 2006; Гринин 2006; Карнейро 2006; Классен 2006а, 2006б]. Важно отметить, что отличие проявлялось не только в структурном отношении, но и в формах и направлениях трансформации властных институтов, что нельзя не учитывать при их классификации. Одни общества были способны динамично меняться, другие – воспроизводили устойчивые формы.

Таким образом, многолинейность общественного развития отражается в чрезвычайно пестрых формах социальной и политической организации, хозяйственной жизни, ментальных структур и т. д. Даже если речь идет об общих корнях зарождения той или иной традиции, в разных природно-климатических, социально-политических средах использовались различные способы адаптации. К примеру, политический опыт Тюркских каганатов сохранял свое значение на протяжении всего средневековья и получал дальнейшее развитие в судьбах Уйгурского, Хазарского, Кимакского, Караханидского каганатов, Болгарского ханства и половецких объединений. Но в разных исторических условиях этот опыт трансформировался в новые формы политической организации. Поэтому данное исследование направлено на выявление различных путей политогенеза и специфики политических систем у кочевников раннего средневековья. Попытка зафиксировать отличия в организации власти в тех или иных кочевых обществах будет проверена с помощью кросс-культурного анализа на примере 15 обществ кочевников. Данная экспертиза позволит верифицировать полученные в ходе исследования результаты.

В данной статье использованы критерии сложности обществ, разработанные Дж. Мёрдоком и К. Провостом. Эти авторы собрали информацию по 186 обществам из всех регионов мира и типологизиро-

вали их на основе критериев культурной сложности. Всего ими было выделено 10 признаков: 1) письменность и записи; 2) степень оседлости; 3) земледелие; 4) урбанизация; 5) технологическая специализация; 6) наземный транспорт; 7) деньги; 8) плотность населения; 9) уровень политической интеграции; 10) социальная стратификация. При этом каждая переменная оценена по пятибалльной шкале от 0 до 4. В итоге составленная база данных позволила выявить существенный разрыв по данным критериям между различными обществами и цивилизациями. Самый низкий уровень культурной сложности получили сегментарные общества бушменов (2 балла), тиви (2 балла), массаев (9 баллов) и др. Самый высокий уровень сложности имели традиционные государства и империи Турция (38 баллов), Россия (38 баллов), Римская держава (39 баллов), Китай (40 баллов) [Крадин 2004].

В СССР аналогичная работа проводилась Л. Б. Алаевым. Он внес важное уточнение, включая в анкету общества на разных этапах их развития, а не только в период их расцвета. Тем самым удалось получить картину динамики сложности обществ в различные исторические периоды [Алаев 1982]. Эта работа получила продолжение в исследовании Л. А. Седова и в создании Л. Б. Алаевым и А. В. Коротаяевым новой историко-социологической анкеты¹. Анкета имела целью выявление типологических черт различных обществ и цивилизаций и была вторым этапом работы, начатой в 1974 г. Авторы учли достижения и недостатки первого этапа, зарубежный опыт подобной работы и предложили свою методику создания базы данных. Ее достоинством заключалось и в том, что на вопросы анкеты отвечали специалисты, изучающие то или другое общество. Главным результатом этого исследовательского проекта должен стать «Историко-социологический атлас»².

Исходя из критериев Дж. Мёрдока и К. Провоста, Н. Н. Крадин определил уровень сложности восьми кочевых империй [2004: 24–30]. При этом Н. Н. Крадиным был взят усредненный показатель сложно-

---

¹ Алаев Л. Б., Коротаяев А. В. Историко-социологическая анкета. – М., 1996.

² Сайт «Институт востоковедения РАН» / http://www.ivran.ru/library/view_edition.

сти кочевых империй, характеризующий всю эпоху существования каждого из восьми объединений. Чтобы проследить динамику в развитии выбранных нами 15 кочевых объединений раннего Средневековья, мы сделаем несколько хронологических срезов (в зависимости от длительности существования кочевого объединения), связанных с важными этапами политической истории рассматриваемых кочевых обществ. Так например, в истории Первого Тюркского каганата выбраны 552 г. (основание империи), 570-е гг. (время наивысшего расцвета и могущества) и 603 г. (окончательный распад на Восточно-Тюркский и Западно-Тюркский каганаты).

Также мы внесли индексы для некоторых показателей базы Мёрдока, чтобы адаптировать их к историческим параметрам кочевых обществ. Например, самый высокий уровень политической интеграции в базе Мёрдока характеризовался следующим образом – «три и более уровня иерархии, например государство, разделенное на области и на районы». Понятно, что такими признаками обладали практически все кочевые империи и крупные политические образования, созданные номадами. Поэтому дифференцировать их на основе указанной характеристики не представляется возможным. Также не учитывается такой фактор политической сложности обществ как наличие государственных институтов. Именно в этой связи мы предлагаем ввести индекс 1,5 для наиболее сложноорганизованных властных систем с признаками государственности. Такой индекс может быть использован и для четвертого уровня политической интеграции («два уровня иерархии, например полития, разделенная на районы»). В тех случаях, когда в состав той или иной кочевой империи были включены территории с оседлым населением, в таблицах даются двойные показатели, учитывающие развитие городской инфраструктуры, земледелия, урбанизационные процессы. Требуют уточнения с помощью индекса и показатели социальной стратификации. В первую очередь необходимо указать на то, что стратификация в крупных объединениях кочевников охватывала не только кочевое, но и подчиненное полуоседлое и оседлое население. Особенно стоит обратить внимание на такие политические образования, которые возникли после завоевания номадами территорий с оседлыми жителями (Северный Китай, Восточный Туркестан, оазисы Средней Азии и т. д.). В последнем случае к сложной дифференциации земледельцев и горожан добавляются

кочевые страты, коллективно эксплуатирующие ресурсы оседлого населения. Важно также учесть существование в кочевых политиях, особенно имперского типа, сложной этносоциальной иерархии. Подобные иерархические структуры, хотя и не строились на классово-сословной основе, все же существенно дифференцировали лидеры и объединения кочевников. В целом просматривается три-четыре уровня подобной дифференциации: кочевая элита, преимущественно клановая, из состава которой происходила и правящая династия; племенная группа (племенные группы), составлявшая основу объединения и давшая ему название, с кочевьями, располагавшимися в центральных районах политии, а также специальными подразделениями, осуществлявшими контроль над покоренными территориями; подчиненные племена и кочевые объединения, военные ресурсы которых привлекались для походов и набегов; периферийные племена-данники. Однако в каждом конкретном случае число уровней и племенных групп могло существенно различаться.

Кросс-культурный анализ

При составлении таблиц использовались письменные источники и материалы исследований по истории кочевников раннего средневековья (в подстрочных сносках указаны публикации, на основании сведений которых составлена каждая из таблиц).

Полученные результаты, вне всякого сомнения, достаточно условны, но показывают довольно существенные различия как в сложности форм политической организации, так и в других компонентах общественных систем кочевников. Конечно, остается открытым вопрос, в какой мере эти различия касались политической организации и/или влияли на нее. Мы можем увидеть, что общества с близкой организацией власти различались по другим показателям. И все же общие высокие показатели, как правило, отражают и высокую степень политической организации.

Анализ результатов

В результате исследования специфических черт организации власти в 23 кочевых обществах раннего Средневековья удалось выявить довольно разнообразные по сложности, функциональному назначению и тенденциям эволюции потестарно-политические системы кочевников.

Таблица 1

Динамика уровня сложности Первого Тюркского каганата³

№	Важные этапы в политическом развитии Первого Тюркского каганата	Рег.	Баллы в соответствии с критериями Дж. Мёрдока										Всего
			1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	
1	552 гг.	Е	2	0	0	0	3	3	1	1	3	2	15
2	570-е гг.	Е	3 ⁴	0/4 ⁵	0/4 ⁶	0/4 ⁷	3	3	1	1	4	2	17/29
3	603 г.	Е	3	0/4	0/4	0/4	3	3	1	1	4	2	17 ⁸ /29

³ Цифровые показатели таблицы основаны на изучении письменных источников [Бичурин 1950а, 1950б; Кюннер 1961; Liu Mau-tsai 1958а, 1958б; Лю Маоцай 2002] и научных изданий [Бартольд 1963а, 1963б, 1968а, 1968б; Васютин С. А. 2002, 2004а; Восточный Туркестан... 1988; Гумилев 1961, 1993; Данилов 2004; Досымбаева 2000; Кляшторный 1986б, 1986в, 2003; Кляшторный, Савинов 1994, 2005; Кляшторный, Султанов 2000; Крадин 1992, 2004; Кызласов И. Л. 1996, 1998а, 1998б, Кычанов 1997; Могильников 1981б; Савинов 1979, 1984, 2005; Тишкин 2005; Тугушева 2000; Хазанов 2000; Худяков 1994, 2000, 2003, 2004а].

⁴ См. указание китайских источников на существование у тюрков Первого каганата письма [Бичурин 1950а: 231; 1950б: 253, 262, 271; др.; Liu Mau-tsai 1958а: 10] и датировку надписи на Бугутской стеле [Кляшторный 1997, 2003; Кляшторный, Савинов 2005; др.]. О некой «скифской письменности» у тюрков сообщают и византийские авторы. Однако большинство исследователей считают, что в Первом Тюркском каганате использовался только согдийский алфавит. Эти соображения должны учитываться и при оценке уровня письменности в Восточно-Тюркском и Западно-Тюркском каганатах.

⁵ Здесь учитывается контроль тюрков над городами Восточного Туркестана и Средней Азии.

⁶ Ирригационные формы земледелия практиковались подчиненным населением оазисов Средней Азии.

⁷ Оценка «4» должна быть дифференцирована, в связи с тем что городские общины подчиненных тюркам центров урбанизации не всегда превышали по численности 1000 человек. Однако в большинстве крупных городов, если судить по данным китайских хроник, проживало несколько тысяч и даже несколько десятков тысяч.

Таблица 2

Динамика уровня сложности Восточно-Тюркского каганата⁹

№	Важные этапы в политическом развитии Восточно-Тюркского каганата	Рег.	Баллы в соответствии с критериями Дж. Мёрдока										Всего
			1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	
1	603 г.	Е	3	0/4 ¹⁰	0/3	0/4	3	3	1	1	4	2	17/28
2	629 г.	Е	3	0	0	0	3	3	1	0	3	2	15

⁸ Эта сумма скорее учитывает общую ситуацию в каганате для территории с кочевым населением. Наряду с этим имеются контролируемые тюрками оазисы с земледельцами и городами в Восточном Туркестане и Средней Азии.

⁹ Источники [Бичурин 1950а, 1950б; Кюннер 1961; Liu Mau-t'ai 1958а, 1958б; Лю Маоцай 2002]. Научные публикации [Бартольд 1963а, 1963б, 1968а, 1968б; Васютин С. А. 2002, 2004а; Восточный Туркестан... 1988; Гумилев 1993; Кляшторный 1986б, 1986в, 2003; Кляшторный, Савинов 1994, 2005; Кляшторный, Султанов 2000; Крадин 1992, 2004; Кызласов И. Л. 1996, 1998а, 1998б, Кычанов 1997; Могильников 1981б; Попов 1994; Савинов 1979, 1984, 2005; Тугушева 2000; Хазанов 2000; Худяков 1994, 2000, 2003, 2004а].

¹⁰ С учетом владений тюрков в Восточном Туркестане.

Таблица 3

Динамика уровня сложности Западно-Тюркского каганата¹¹

№	Важные этапы в политическом развитии Западно-Тюркского каганата	Пер.	Баллы в соответствии с критериями Дж. Мёрдока										Всего
			1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	
1	603 г.	Е	3	1/4 ¹²	1/4	1/4	3/4	3	2	1/4	4	3	22/35
2	626 г.	Е	3	1/4	1/4	1/4	3/4	3	2	1/4	4	3	22/35
3	655 г.	Е	3	1/4	1	1	3/4	3	2	2	3	2	21/24

¹¹ Источники [Бичурин 1950а, 1950б; Кюннер 1961; Liu Mau-tsai 1958а, 1958б; Лю Маоцай 2002]. Научные публикации [Аитова 2000; Бартольд 1963а, 1963б, 1968а, 1968б; Барфилд 2002; Васютин С. А. 2002, 2004а; Войтов 1996; Гумилев 1993; Досымбаева 2000; Камышев 2000; Кляшторный 2003; Кляшторный, Савинов 1994, 2005; Кляшторный, Султанов 2000].

¹² Здесь учитывается контроль тюрков над городами Средней Азии, их заселение кочевниками, возникновение в Семиречье новых и развитие старых постоянных военно-административных и торговых центров.

Таблица 4

Динамика уровня сложности Второго Тюркского каганата¹³

№	Важные этапы в политическом развитии Второго Тюркского каганата	Рег.	Баллы в соответствии с критериями Дж. Мёрдока										Всего
			1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	
1	Конец 680-х гг.	Е	3	0	0	0	3	3	1	1	2	2	15
2	После 716 г.	Е	4	0	0	0	3	3	1	1	4	3	19
3	743–744 гг.	Е	4	0	0	0	3	3	1	1	3	2	17

¹³ Источники [Бичурин 1950а, 1950б; Малов 1951, 1959; Кюнер 1961; Liu Mau-tsai 1958а, 1958б; Лю Маоцай 2002] и научные издания [Бартольд 1963а, 1963б, 1968а, 1968б; Баяр 2004; Васютин С. А. 2002, 2004а; Гумилев 1961, 1993; Данилов 2004; Досымбаева 2000; Ермоленко 1998; Кляшторный 1986а, 1986б, 2003, 2004; Кляшторный, Савинов 1994, 2005; Кляшторный, Султанов 2000; Крадин 1992, 2004; Кызласов И. Л. 1996, 1998а, 1998б, Кычанов 1997; Могильников 1981б; Савинов 1979, 1984, 2005; Тишкин 2005; Трепавлов 2004; Ту-гушева 2000; Хазанов 2000; Худяков 1994, 2000, 2003, 2004а].

Таблица 5

Динамика уровня сложности Тюргешского каганата¹⁴

№	Важные этапы в политическом развитии Тюргешского каганата	Пер.	Баллы в соответствии с критериями Дж. Мёрдока										Всего
			1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	
1	Конец VII в.	Е	4	1/4	1/3	1/4	3	3	2	2	3	3	23/32
2	Ок. 729 г.	Е	4	1/4 ¹⁵	1/4	1/4	4	3	4	2	3	3	26/35
3	Ок. 756 г.	Е	4	1/4	1/3	1/3	4	3	4	2	2 ¹⁶	2	24/31

¹⁴ Источники [Бичурин 1950а, 1950б; Малов 1959; Кюннер 1961; Liu Mautsai 1958а, 1958б; Лю Маоцай 2002]. Научные публикации [Аитова 2000; Бартольд 1963а, 1963б, 1963в, 1968а, 1968б; Гумилев 1993; Камышев 2000; Кляшторный 2001а, 2001б, 2001в, 2003; Кляшторный, Савинов 1994, 2005; Кляшторный, Султанов 2000].

¹⁵ На территории Тюргешского каганата появились собственные военно-административные центры. Ставка кагана находилась в Суябе. В Навакете (Невакете) – монетный двор. Надписи на монетах на согдийском языке и тюркскими тамгами (Аитова 2000). Ряд древнетюркских надписей Таласской долины С. Г. Кляшторный относит ко времени существования Тюргешского каганата [Кляшторный 2001а, 2001б, 2001в].

¹⁶ Раскол Тюргешского каганата на племенные группы – «желтых» и «черных» тюргешей.

Таблица 6

Динамика уровня сложности Уйгурского каганата¹⁷

№	Важные этапы в политическом развитии Уйгурского каганата	Пер.	Баллы в соответствии с критериями Дж. Мёрдока										Всего
			1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	
1	745 г.	Е	4	0	1	0	3	3	1	1	2	2	17
2	783 г.	Е	4	1/3 ¹⁸	1	1/4	4	3	2	1	4	3	24/28
3	Конец 830-х гг.	Е	4	1/2	1	1/3	4	3	2	1	3	2	22/25

Таблица 7

Динамика уровня сложности Кыргызского каганата¹⁹

№	Важные этапы в политическом развитии Кыргызского каганата	Пер.	Баллы в соответствии с критериями Дж. Мёрдока										Всего
			1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	
1	Ок. 820 г.	Е	4	3	2	3	3	3	1	2	3	2	26
2	После 840 г.	Е	4	4	2	4	4	3	2	1	4	3	31

¹⁷ Источники [Бичурин 1950а, 1950б; Малов 1951, 1959; Кюнер 1961] и научные издания [Бартольд 1968а, 1968б; Гумилев 1961, 1993; Данилов 2004, 2005; Кляшторный 1986а, 1986б, 2003, 2004; Кляшторный, Савинов 1994, 2005; Кляшторный, Султанов 2000; Крадин 1992, 2004; Кычанов 1997; Худяков 1990, 1994].

¹⁸ Известно около 15 уйгурских городищ в Монголии и Туве [Данилов 2004: 56–66].

¹⁹ Источники [Бичурин 1950а, Малов 1952; Кормушин 1997] и научные издания [Бартольд 1963в, 1968а; Гумилев 1993; Кляшторный 2003; Кызласов Л. Р. 1960, 1984, 1989, 1992, Савинов 2005; Худяков 2003].

Таблица 8

Динамика уровня сложности Хазарского каганата²⁰

№	Важные этапы в политическом развитии Хазарского каганата	Per.	Баллы в соответствии с критериями Дж. Мёрдока										Всего
			1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	
1	Середина VII в.	E	3	0	0	1	3	3	2	2	2	2	18
2	760-е гг.	E	4	3	2	3	3	3	2	2	3	3	28
3	Начало IX в.	E	4	4	4	4	4	3	3	3	4 ^{1,5}	4	39
4	Середина X в.	E	4	4	4	4	4	3	3	2	3 ^{1,5}	3	36

²⁰ Источники [Константин Багрянородный 1991; Повесть временных лет] и научные исследования [Артамонов 1937, 1962; Голден 1993; Гумилев 1989; Иванов 2001; Кёстлер 2001; Новосельцев 1990, 2001; Плетнева 1976, 1992а; Поляк 2001; Ромашов 1992].

**Динамика уровня сложности Дунайской Болгарии
(Болгарского ханства)²¹ в конце VII – последней трети IX в.**

№	Важные этапы в политическом развитии Дунайской Болгарии	Per.	Баллы в соответствии с критериями Дж. Мёрдока										Всего
			1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	
1	После 681 г.	Е	3	1/3	1/4	1	3	3	1	2	3	2	20/25
2	760-е гг.	Е	4	1/4	1/4	1	3	3	2	2	4	2	22/28
3	Конец IX в.	Е	4	4	3	3	4	3	2	3	4 ^{1,5}	3	35

Таблица 10

Динамика уровня сложности Кимакского каганата²²

№	Важные этапы в политическом развитии Кимакского каганата	Per.	Баллы в соответствии с критериями Дж. Мёрдока										Всего
			1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	
1	840 г.	Е	3	1/3	1	1	3	3	2	1	3	2	20/22
2	920-е гг.	Е	4	1/4	2	1	4	3	3	1	4	3	26/29
3	Конец X в.	Е	4	1/4	3	1	4	3	3	1	4	3	27/30

²¹ Источники [Бешевлиев 1992; Патриарх Никифор 1995; Феофан Исповедник 1995] и научные исследования [Васютин, Пугачев 2007; Залеская и др. 1997; Койчева 1987; Кляшторный 2003; Кляшторный, Савинов 2005; Кляшторный, Султанов 2000; Литаврин 1981, 1987, 1992, 2001; Петрухин 2001; Седов 1995; Свердлов 1997; Теляшов 1997].

²² Источники [Кумекон 1972] и научные публикации [Бартольд 1968а; Кляшторный 2001г, 2003; Кляшторный, Савинов 1994, 2005; Кляшторный, Султанов 2000; Кумекон 2003; Савинов 1994; Тишкин 2005].

Таблица 11

**Динамика уровня сложности Печенежского объединения
в X – первой половине XI в.²³**

№	Важные этапы в политическом развитии Печенежского объединения	Пер.	Баллы в соответствии с критериями Дж. Мёрдока										Всего
			1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	
1	915 г.	Е	2	0	0	0	3	3	1	1	2	2	14
2	972 г.	Е	2	0	0	0	3	3	1	1	2	2	14
3	После 1036 г.	Е	2	0	0	0	3	3	1	1	1	2	13

Таблица 12

Динамика уровня сложности половецких объединений в XI в.²⁴

№	Важные этапы в политическом развитии половецких объединений в XI в.	Пер.	Баллы в соответствии с критериями Дж. Мёрдока										Всего
			1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	
1	1055 г.	Е	2	0	0	0	3	3	1	1	2	2	14
2	Конец XI в.	Е	2	0	0	0	3	3	1	1	3	3	16
3	1130-е гг.	Е	2	0	0	0	3	3	1	1	2	2	14

²³ Источники [Константин Багрянородный 1991; Повесть временных лет 2007] и научные исследования [Добролюбский 1986; Марей 2000; Плетнева 1958, 1981б, 1992а, 1992б; Поляк 2001].

²⁴ Источники [Повесть временных лет 2007] и научные исследования [Ахинжанов 1989; Голден 2004; Гумилев 1989; Добролюбский 1986; Кляшторный 1986, 1998, 2001г, 2003; Кляшторный, Савинов 1994, 2005; Кляшторный, Султанов 2000; Кумеков 2003; Плетнева 1958, 1975, 1981б, 1990, 1992б; Поляк 2001; Савинов 1994; Худяков 2004б].

Таблица 13

Динамика уровня сложности Караханидского каганата в X–XI вв.²⁵

№	Важные этапы в политическом развитии Караханидского каганата	Пер.	Баллы в соответствии с критериями Дж. Мёрдока										Всего
			1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	
1	840 г.	Е	3	1/4	1/4	1/3	4	3	2	2	3	2	22/30
2	Около 1000 г.	Е	4	1/4	1/4	1/4	4	3	4	3	3 ^{1.5}	3	29/38
3	1050 г. ²⁶	Е	4	4	4	4	4	3	4	3	4 ^{1.5}	4	40

Таблица 14

Динамика уровня сложности объединения огузов и Сельджукидов в конце X–XI вв.²⁷

№	Важные этапы в политическом развитии огузского объединения и Сельджукидов	Пер.	Баллы в соответствии с критериями Дж. Мёрдока										Всего
			1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	
1	Начало X в.	Е	2	0	0	0	3	3	1	1	1	1	12
2	992 г.	Е	3	0	0	1	3	3	2	1	2	1	16
3	1059 г.	Е	4	4	0/4	4	4	3	4	3	4 ^{1.5}	4	36/40

²⁵ Источники [Караев 1968, 1975] и научные публикации [Бартольд В. В. 1963а, 1963б, 1963в, 1963г; Беленицкий и др. 1973; Горячева 1983; Караев 1983а, 1983б; Кочнев 1987, 2006; Мокрынин 1983; Федоров 1983; Петров 1981, 1986].

²⁶ В данной строке даны характеристики Западного каганата караханидов.

²⁷ Источники [Садр ад-Дин 1980] и научные публикации [Агаджанов 1969, 1991; Бартольд В. В. 1963а, 1963б, 1963г; Могильников 1981а].

Динамика уровня сложности Ляо в X–XI вв.²⁸

№	Важные этапы в политическом развитии Ляо	Пер.	Баллы в соответствии с критериями Дж. Мёрдока										Всего
			1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	
1	907 г.	Е	3	1	2	1	3	3	2	2	2	2	21
2	947 г.	Е	4	1/4	2/4	1/4	4	3	4	4	3	3	29/37
3	Начало XI в.	Е	4	4	3/4	4	4	3	4	4	4 ^{1,5}	4	40/41

Ключевое значение для истории номадизма имели кочевые империи. Их различные модели охватывают более широкий спектр вариантов, чем обозначенные Н. Н. Крадиным типичные, даннические и завоевательные империи. Эта картина еще более усложняется в том случае, если рассматривать властные системы номадных империй в динамике. В одних случаях проявляются циклические моменты, в других – прослеживаются прогрессивные тенденции роста сложности и устойчивости власти. Даже в пределах одного региона (Центральная Азия) нами сделана попытка на примере Жуань-Жуаньского, Тюркских, Уйгурского, Кыргызского каганатов и империи Ляо показать, сколь неодинаковыми при внешней схожести могут быть пути трансформации политических институтов. Хотя все они, как считается исследователями, пытались использовать близкую полупериферийную модель взаимодействия с Китаем, в реальной истории происходило это весьма и весьма дифференцированно. Чтобы лучше пояснить данное утверждение, в этот список необходимо добавить и каганат Сеяньто. Правители Сеяньто в выстраивании своей политики в отношении Танского Китая изначально исходили из доктрины подчинения китайскому правителю и, одновременно, даже вопреки собственным интересам, из необходимости уничтожения расселенных китайцами в пограничной зоне тюрков. Все это говорит о том, что каганат Сеяньто и потенциально не мог перерасти в кочевую квазиимперию. Совершен-

²⁸ Источники [Е Лун-ли 1979; Материалы ... 1984] и научные публикации [Викторова 1961; Данилов 2004, 2005; Ивлиев 1983, 1986; Крадин 2002в; Кычанов 1997, 2004; Пиков 1986, 1989, 1992, 1994, 2000, 2005, 2006].

но иной пример – Кыргызский каганат. Кыргызы смогли создать в Минусе устойчивую политическую систему, с которой вынуждены были считаться и тюрки, и уйгуры. Но «рывок» к империи закончился для них полным провалом. Рассредоточив свои воинские ресурсы по просторам Тувы, Монголии, Алтая, кыргызы поставили под угрозу само существование каганата. Поэтому «пожертвовав» имперским статусом, они предпочли ограничить зону политического контроля до прилегающих к Минусинской котловине территорий. Разными были и модели политической трансформации Тюркских и Уйгурского каганатов, которые сочетали (в зависимости от периода своей истории) признаки типичных и даннических империй. Начав свое существование как типичное кочевое имперское образование, Уйгурский каганат в конечном итоге наряду с внешними данническими формами взаимодействия с подчиненными земледельцами стал образцом инновационного развития степного урбанизма и соответствующих политических практик. Ничего близкого не наблюдалось у тюрков, которые, особенно после 50-летнего пребывания под властью Тан, были противниками всего, что олицетворяло оседлую жизнь (это, правда, не мешало тюркской элите получать китайские товары).

Особый случай представляла собой киданьская империя Ляо. В истории Китая было немало варварских государств (после падения Хань и Тан), но ни одно из них не могло столь долго, как Ляо, сохранять одновременно черты и кочевой империи, и традиционного китайского государства. Этот образец окажется востребованным позже чжурчженями, монголами, маньчжурами. В то же время Ляо можно поставить в один ряд с другими государствами-империями, такими как Караханидский каганат и Сельджукский султанат. Эта форма политических образований кочевников должна быть выделена в отдельный тип и дополнительно исследована в сравнительно-историческом ракурсе. Потенциально близки к империям-государствам Тюркешский и Кимакский каганаты. Однако центробежные силы в этих объединениях оказались сильнее устойчивой линии на формирование традиционных государственных структур. Зафиксированные источниками элементы ранней государственности у тюркешей и кимаков требовали постепенного воспроизводства и «наращивания» государственной составляющей. Однако конкретно-исторические обстоятельства (военные поражения, междоусобицы, миграции) не позволили и тем и

другим реализовать потенциальную возможность создания государства. Из этого ряда выпадает Хазарский каганат, развивавшийся и в политическом, и в социальном отношении по «индивидуальной программе». Также нуждается в интерпретации и тот факт, что Аварский и Хазарский каганаты, Великая Болгария и Дунайская Болгария не являлись «кочевыми империями» (а их обычно причисляют к таковым), особенно если пользоваться систематизированным списком признаков Н. Н. Крадина. В то же время одни из них выросли в государства, а другие остались на уровне сложных вожеств. Таким образом каждое кочевое общество выбирало особую модель адаптации, что находило отражение и в разных формах политического управления.

Наконец, самую простую систему власти, опирающуюся на традиционные права кланово-племенных лидеров, демонстрируют печенежские, огузские, кыпчакско-половецкие объединения. В соответствии с предложенной в статье версией их сегментарность в какой-то мере объясняется «притяжением» отдельных племенных групп и союзов к разным земледельческим центрам-цивилизациям (Византия, Древняя Русь, Хорезм). Именно в приграничной зоне этих центров возникали объединительные импульсы, следствием которых было появление временных простых вожеств, не способных поглотить другие племенные единицы. Конечно, необходимо учесть, что в причерноморских, приволжских и прикаспийских степях возникали и более централизованные политические образования как, например, Золотая Орда. Но даже в этом государственном объединении возникали автономные центры интеграции, ориентированные на взаимодействие с земледельческими обществами (Ногайская орда, Крымский анклав и т. д.).

В целом, если развивать мир-системный взгляд на историю взаимодействия кочевников и земледельцев, то для раннего средневековья можно выделить три модели. Одна из них была представлена Т. Барфилдом [2002] как модель пропорционального усложнения кочевых политий до уровня кочевых империй параллельно с возрастающими размерами и силой оседло-земледельческого «центра». Развитие интеграционных процессов в Китае и рост численности его населения в V–VII вв. вызвали последовательное появление в степи Жуань-Жуаньского, Великого Тюркского и более локального Восточно-Тюркского каганатов. Относительно раннесредневековой истории эта

«закономерность» дважды дала сбой. В случае с Сеяньто, когда Тан была на пике своего развития. И второй раз с киданями, создавшими империю (а главное – начавшими ее создавать) в годы уже непреодолимого кризиса Танской государственности. Вторую модель олицетворяет взаимодействие Византийской империи со среднемасштабными кочевыми обществами, такими как держава Аттилы, Аварский каганат, Дунайская Болгария. По существу это была уменьшенная проекция взаимоотношений номадов и земледельцев в Центральной Азии (ресурсы Византии после середины VII в. существенно уступали китайским; у Византии и кочевых объединений не было столь протяженной границы; византийское правительство умело использовало подарки и дани-откупы для снижения интенсивности нападений номадов, а также тактику борьбы с варварами «руками варваров»). Третья модель преобладала в Средней Азии, где наряду с дистанционной эксплуатацией кочевниками земледельческих центров издавна сложилась и получила всестороннее развитие в раннесредневековый период традиция синтеза кочевого и оседлого начал.

Сопоставив результаты изучения властных институтов конкретных номадных политий с данными, выявленными на основе формального кросс-культурного анализа, мы получили следующие результаты. Во-первых, прослеживается совпадение определенных типов постарно-политических систем (сегментарное акефальной объединение, сложное вожество, суперсложное вожество и государство) с уровнями сложности кочевых обществ, выраженными в формальных цифровых показателях. Так, политически сегментированные печенежские и половецкие объединения получили по таблице Дж. Мёрдока и К. Провоста не более 16 баллов. Уровень их политической интеграции чаще всего не превышал 2 баллов и только в случае возникновения непостоянных вожеств достигал 3 баллов. Интересно, что близкие цифровые показатели имели и некоторые кочевые империи в период своего зарождения или завершения кризисов, за которыми следовал распад политики. Сумма баллов от 17 до 25 с высокой долей вероятности говорит о том, что данное объединение достигло уровня сложного или суперсложного вожества. При этом необходимо учитывать, что кочевники внешне, в отношении покоренных земледельцев и горожан (в таблицах вторые цифры) использовали более развитые социально-политические практики, а включение таких террито-

рий с оседлыми жителями дает повышение показателей и по технологиям, плотности населения, урбанизации и т. д. и в сумме может составить от 25 до 35 баллов. Это сочетание «внутренних» и «внешних» оценок кочевых обществ также дифференцирует картину их социально-политического и экономического развития. Кочевые общества с уровнем сложности более 25 баллов являются или переходными к ранней государственности (26–30 баллов) или объединениями с уже сложившимися государственными структурами (31 и более балл). Здесь, как и в предшествующем случае, важно учесть «внутренние» (только кочевые) и «внешние» (с учетом зависимого оседлого населения) параметры. Наиболее сложные формы социально-политической организации присутствуют в тех обществах, где происходит органичный синтез кочевого и оседлого начал (единая цифра 35 баллов и выше). Также стоит отметить, что введение нами индекса для показателя уровня политической интеграции (шкала расширилась от 0 до 6) дало возможность получить более вариативную картину. Прежде всего это касается тех случаев, когда наблюдается оформление у кочевников неимперских форм государственности.

В целом данное исследование потестарно-политических режимов кочевников раннего средневековья показало, что модели организации власти у кочевников существенно различались. История евразийских кочевников VI–XI вв. наглядно демонстрирует факт многообразия путей исторического развития. Наши выводы о соответствии определенных форм управления у кочевников конкретным цифровым показателем уровня сложности кочевых обществ, естественно, условны. Но использованный в статье формальный кросс-культурный подход позволяет увидеть общие тенденции и провести буквальное сопоставление кочевых объединений по ключевым показателям социальной динамики. Также она помогает скорректировать типологии Н. Н. Крадина и С. А. Васютина.

Проведенный анализ позволяет нам попытаться ответить и на ряд вопросов, указанных во введении к статье. Как соотносятся друг с другом вождества, кочевые империи и государства? Почему одни кочевые империи являются вождествами, другие – государствами? Как охарактеризовать кочевые вождества и кочевые государства, не являвшиеся империями?

Отвечая на эти вопросы, предлагаю, прежде всего, уточнить классификацию Н. Н. Крадина управленческих режимов у кочевников. В общих чертах можно обозначить следующие ступени сложности организации власти у кочевников.

– На первой ступени следует расположить *акефальные и сегментарные кочевые общества* двух типов. Первый предполагает существование в акефальных кочевых сообществах, разделенных на кланы и линиджы, традиционных клановых лидеров, власть которых опирается на обычай старшинства, традиционного авторитета. Такие акефальные общности не имели единого центра интеграции, а сеть обладателей власти была многочисленна и территориально рассредоточена (теле в середине VI в., кыпчакские объединения, огузы на рубеже X–XI вв.). Второй тип – несколько сложнее. В его рамках на сегментарном пространстве с периодичностью возникают центры интеграции, которые чаще всего следует характеризовать как первичные (простые) вождества для решения прежде всего военных задач. Правителями таких центров задействовались более сложные механизмы управления, предполагавшие опору не только на традиционное клановое право, но и на харизматические качества лидера. Однако власть в подобных образованиях была неустойчивой, не передавалась по наследству автоматически и подвергалась сомнению со стороны других вождей. Чаще всего такие вождества распадались после смерти лидера-основателя (например, половецкие объединения ханов Блуша, Шарукана и Боняка). Для характеристики акефальных и сегментарных кочевых обществ лучше всего подходит концепция Н. Э. Масанова о дисперсности и относительной концентрации в номадных образованиях [Масанов 1984, 1987, 1991; Марков, Масанов 1985]. В любом случае оба варианта первой ступени неустойчивы, подвижны и «перетекают» друг в друга. Не исключены случаи, когда в одной сегментированной этнической общности возникало сразу несколько центров интеграции (например, восемь округов печенегов во главе со старшими ханами [Константин Багрянородный 1991; Плетнева 1958, 1981б, 1992а]).

– Вторую ступень представляли собой *сложные «вторичные» вождества* – более централизованные и многочисленные объединения кочевников. Территориально их можно определить как среднemasштабные кочевые общества. Здесь, как и в первом случае, можно

выделить два типа политий номадов. Первый связан с еще неустойчивыми формами интеграции разноэтничных групп кочевников, в результате чего возникает двух- или трехступенчатая этноплеменная иерархия (например, объединение во главе с тюрками-тугю после подчинения последними племен теле (до 552 г.), каганат Сеяньто, объединение карлуков в VIII в., Великая Болгария и др.). Такие сложные вождества, как правило, трансформировались в двух направлениях: а) в ходе военной экспансии возникали более сложные и обширные кочевые империи; б) в результате разных факторов следовало завоевание сложного вождества другими кочевниками и/или миграция части населения. Второй тип включает более устойчивые сложные вождества, в которых важное значение имели механизмы политической интеграции, связанные с необходимостью контроля за подчиненным оседлым населением (например, Аварский каганат, Болгарское ханство на Дунае в конце VII – середине VIII в., Тюркешский каганат).

– Третья ступень связана с крупными политическими образованиями номадов – *кочевыми империями*. Такие кочевые государствоподобные квазиимперские политии мы склонны вслед за Н. Н. Крадиным определять как суперсложные вождества. Для подобных империй были характерны административное деление на центр и крылья, сложная многоступенчатая этноплеменная иерархия и связанная с ней пирамида власти (от кагана и его правящего рода, представители которого были высшими военачальниками и администраторами, до традиционных клановых лидеров подчиненных племен), организация войска на основе десятичной системы, строгая дисциплина в армии, необходимая для организации масштабных походов против земледельцев, дистанционная эксплуатация и пр. По внешним признакам – наличие политического центра (ставка) и «штаба» (должностная иерархия), организация военных предприятий, заключение договоров с земледельцами и торговля с ними, использование письменности в мемориально-пропагандистских целях, применение элементов фискальных практик земледельческих государств в отношении подчиненного оседлого населения – кочевые суперсложные вождества напоминали государства, но внутренняя структура управления и сама политическая деятельность в кочевых империях явно не дотягивали до государственного уровня. Взаимодействие власти и населения ограничи-

валось религиозной, военной и редистрибутивной сферами. Главным инструментом интеграции кочевников и обеспечения их товарами земледельцев оставалась армия и ее военные успехи. Власть опиралась не на разветвленный аппарат гражданских чиновников, фискальную систему, государственный суд и письменный закон, а на кочевые традиции и институт престижной экономики (распределение военной добычи, даней, даров и откупов земледельцев среди рядового населения и аристократии). Этот механизм наряду с военными удачами и сакральными функциями правителя обеспечивал ему авторитет и подчинение кочевников, но вряд ли делал власть устойчивой. Третья ступень представлена двумя формами: *типичными* и *данническими кочевыми империями*. Сразу стоит оговориться, что различия между типичными и данническими кочевыми империями достаточно условны, так как даннические отношения присутствуют и в той и в другой модели. В типичной империи номадов данничество охватывает наименее престижные группы кочевников, которые поставляли скот (тюрки поставляли дань жуань-жуаням железными изделиями), и оседлое население окраинных притаежных территорий (кыштымов). Даннические империи были ориентированы на подчинение земледельческого населения и получение с них продуктов земледелия. В истории крупных политических образований кочевников мы можем выделить отдельные периоды, когда они были ближе или к типичным, или к данническим империям. Так, в период активной экспансии (середина 550-х – 570-е гг.) тюнкам удалось захватить некоторые оазисы Восточного Туркестана и Средней Азии. В отношении этих территорий Первый Тюркский каганат выступал как данническая империя. Однако после разделения каганата в 603 г. на Западный и Восточный Восточно-Тюркский каганат стал типичной номадной квазиимперией.

– Четвертую ступень уровня сложности политических систем номадов представляют *государства*, созданные кочевниками в ходе завоевания территорий с городским и земледельческим населением. Первый тип – более или менее локальные государственные образования, где кочевники доминируют в элите, а в политической организации преобладают кочевая титулатура и традиции (Болгарское ханство первой половины – середины IX в., уйгурские ханства в Восточном Туркестане и др.). Второй – масштабные государства номадов, сочетавшие контроль земледельческих и степных районов (соответствен-

но сочетавшие налоговую и данническую практику): Ляо, Сельджукидский султанат, Караханидский каганат, Монгольская империя.

Естественно, что все восемь обозначенных форм – только модели, каждая из которых может быть дифференцирована дополнительно. Некоторые виды отличий кочевых объединений невозможно вписать в представленную типологию, но обязательно необходимо учитывать (например, различия, связанные с отсутствием городов во Втором Тюркском каганате, и создание городской инфраструктуры в виде столицы, торговых городов и укрепленных городищ в Уйгурском каганате, довольно принципиальны и позволяют увидеть в данном случае разные формы бытования типичных кочевых империй).

Также стоит учесть и разные тенденции развития кочевых политий. В раннее Средневековье, с одной стороны, в Центральной Азии воспроизводилась своеобразная «наследственная» линия – Жуань-Жуаньский, Тюркские, Уйгурский, Кыргызский каганаты. С другой стороны – наблюдалась определенная эволюция от большой суперимперии – Первый Тюркский каганат – к менее обширным образованиям конца раннего Средневековья.

Предложенная типология, сохраняя некую долю условности, дает представление о том, что формы властной организации и способы политической адаптации кочевников как в разных, так и в весьма близких природно-климатических, социальных и культурных условиях существенно отличались. При этом мы наблюдаем и должны учитывать тот факт, что при всем разнообразии потестарно-политических форм у кочевников раннего Средневековья и в целом средневекового периода наличествуют и общие механизмы функционирования власти. Нам представляется, что это результат сочетания в каждом кочевом обществе ряда базовых элементов, которые создают единое поле, если так можно сказать, «кочевой цивилизации», ее макрополитического среза. Такими базовыми элементами представляются кочевая экономика (ее организация, предполагающая дисперсность), экзополитарные формы взаимодействия кочевников с оседлым населением (преобладание в отношениях кочевого и земледельческого миров модели дистанционной эксплуатации, которая обеспечивает механизм поддержания центральной власти) и наличие в многокомпонентной системе власти универсальных архаичных пластов, «запускающих»

сходные механизмы управления и представляющих собой устойчивые ментальные установки, направленные на решение политических задач с помощью определенных традицией способов. В целом архаичные (архетипичные) установки преобладали в разных доиндустриальных обществах, что позволяет увидеть нечто общее в формах управления у кочевников с политическими институтами разной сложности. Одновременно нельзя не отметить, что полученные данные о многообразии форм политических систем у кочевников указывают на необходимость в каждом индивидуальном случае исследовать соотношение архаичных, тяготеющих к ним имперских и более рациональных государственных политических практик и стоящих за ними пластов ментальности.

Выводы

Необходимо отметить, что обозначенные в статье проблемы и вопросы требуют более детального и масштабного исследования. Представляется, что подобные изыскания будут весьма перспективными и привлекут ведущих специалистов. В целом к позитивным итогам исследования можно отнести разработку типологии властных режимов у кочевников, которая учитывает опыт предшествующих исследований и «вписывает» кочевые политии раннего Средневековья в концепцию многолинейного развития потестарно-политических и социальных форм. Предложенные в статье восемь типов кочевых объединений (четыре уровня сложности властных организаций с двумя типами в каждом: сегментарные и акефальные общества с максимальным уровнем интеграции в виде простых вождеств; сложные кочевые вождества и более устойчивые иерархические вождества, включавшие наряду с кочевниками и подчиненное оседлое население; типичные и даннические кочевые империи – суперсложные вождества; локальные и имперские государства, основанные кочевниками) – это своеобразные базовые модели, параметры которых могут уточняться применительно к каждому кочевому обществу. Общий разброс форм организации власти довольно обширен: от сегментарных родовых сообществ и политий с устойчивой тенденцией усложнения властных институтов до государственных образований. К особому типу прогрессирующей системы от вождества к зачаточному, а затем к традиционному государству следует отнести Монгольскую империю,

которая к тому же представляла собой первую средневековую мир-систему, интегрировавшую самые разнообразные традиции и формы взаимодействия кочевников и оседлого населения.

Материалы данной статьи могут быть систематизированы и в другом направлении. В рамках истории кочевников раннего Средневековья просматриваются два этапа. На первом преобладали обширные политии, которые стремились к подчинению всех кочевых групп и их включению в сложную этноплеменную иерархию. Этот этап (VI – первая половина IX в.) связан в основном с традиционными кочевыми империями (Жуань-Жуаньский, Тюркские, Уйгурский каганаты), вторичными вожествами (каганат Сеяньто, Великая Болгария) и политическими объединениями кочевников со значительной долей оседлого населения и/или включающими в свою политическую практику даннические отношения с соседними народами (Аварский каганат, Дунайская Болгария в VIII в., Хазарский каганат в VIII – середине IX в., Тюркешский и Кимакский каганаты в момент своего образования).

На втором этапе (вторая половина IX–XI в.) преобладают две модели кочевых политий. Первая модель включала созданные кочевниками государственные образования с различными формами интеграции кочевников и земледельцев (Хазарский каганат во второй половине IX – середине X в., Волжская Булгария, Уйгурские ханства, Кимакский каганат в период своего расцвета, Караханидский каганат, государство Ляо, Сельджукский султанат). Второй тип – занимавшие довольно обширные территории и многочисленные по своему кланово-племенному составу, но акефальные образования кочевников (печенеги, кыпчаки, половцы, огузы до начала XI в.)²⁹. Важно отметить, что направления эволюции данных сегментарно-акефальных обществ различались. Кыпчакско-половецкие орды в политическом отношении развивались «волнообразно», с преобладанием в определенные периоды центробежных и центростремительных тенденций. В конечном итоге ни в XI в., ни в предмонгольский и даже в период монгольской экспансии кыпчаки так и не смогли интегрироваться в крупную

---

²⁹ Необходимо также подчеркнуть, что сегментарные и акефальные кочевые общества существовали и на первом этапе, но они были включены в состав кочевых империй.

кочевую политику. В то же время в огузском объединении мы наблюдаем в XI в. наряду с сохранением доимперских традиций среди кланово-племенных групп в юго-восточном Прикаспии генезис и расцвет сельджукской империи, охватившей значительную часть Переднего и Среднего Востока. Наша условная периодизация свидетельствует о том, что единого вектора развития кочевого мира в период раннего Средневековья не было, но наблюдалось доминирование определенных тенденций.

В пространственном отношении в евразийских степях существовали регионы, где политогенез у кочевников имел определенные, более или менее устойчивые формы. В Центральной Азии на протяжении раннего Средневековья преобладали типичные и даннические кочевые империи. Кочевые суперсложные вожества с центром в монгольских степях воспроизводили полупериферийную по отношению к Китаю модель взаимодействия кочевников и земледельцев. Смена кочевых империй во многом представляла собой смену племенной политической элиты, в то время как подчиненные группы кочевого населения нередко оставались прежними. В Средней Азии и Семиречье на протяжении раннего Средневековья наблюдалась более тесная интеграция кочевников и оседлого, особенно городского, населения. Номады нередко захватывали политическую власть в городах и формировали военные контингенты. Они получали продукты ремесла и земледелия не столько путем дистанционной эксплуатации, сколько благодаря даням, рентам, налогам, контролю за торговлей, пошлинам и т. д. Естественно, что подобные политические практики вели к появлению более сложных политических систем и оформлению государственности с высокой долей участия кочевников. Еще один регион, где процессы политической эволюции номадов имели свои специфические черты, включал Нижнее Поволжье и Северное Причерноморье. Для кочевников этого региона южные земледельческие центры (Византия, Персия, Хорезм) были несколько удалены, а более северные страны земледельцев (Древняя Русь, Волжская Булгария) не располагали достаточным количеством ресурсов и необходимым уровнем централизации, чтобы создать условия для консолидации номадов в полупериферийную кочевую империю. Исключение составил только Хазарский каганат, где, по-видимому, благодаря развитию

волжской торговли и противостоянию на юге с арабами, кочевники избрали другую адаптивную модель. Она в какой-то мере будет воспроизведена золотоордынскими монголами.

Другая модель была востребована в Подунавье, где номады (авары, болгары, венгры) располагались у непосредственных границ Византийской империи и могли использовать набеги и угрозу вторжений для получения от Константинополя дани, «подарков», контрибуций. Для Византии подобная политика «откупов» в отношении варваров являлась достаточно традиционной, а доходы империи позволяли тратить часть ресурсов на выплаты кочевникам (в ином случае они шли на содержание армии). Сравнительно небольшие степные участки в Добрудже и Паннонии ограничивали приток кочевников в Подунавье, препятствуя тем самым созданию здесь крупных политических образований номадов. Поэтому в Подунавье у кочевников возникали более локальные, но при этом более консолидированные, чем в Северном Причерноморье, вождества. Расширение территории в бассейне Дуная и на Балканах возможно было только за счет территорий с оседлым славянским населением. Авары за пределами своих владений в Паннонии в основном совершали набеги и грабежи. Болгары, оказавшись в непосредственном противостоянии с византийцами, вели более или менее последовательное подчинение славян в Мезии (Мисии), Фракии, Македонии, что, с одной стороны, способствовало трансформации болгарского сложного вождества в раннее государство, а с другой – ассимиляции болгар-кочевников славянами и постепенному снижению доли кочевого населения.

В целом применение многолинейных теорий социальной эволюции, кросс-культурной и мир-системной концепций позволяет увидеть кочевой мир не только в культурном, но и в социально-политическом отношении как более дифференцированный, сложный и многообразный. Способы политической адаптации номадов существенно различались даже в пределах одного региона, не говоря уже о разных зонах степной Евразии. Эти особенности властных институтов у кочевников легли в основу представленной в данной статье типологии и выводов об основных тенденциях политического развития кочевников в период раннего средневековья.

Литература

Абу-Луход Дж. 2001. Переструктурируя мир-систему, предшествующую Новому времени. *Время мира. Альманах*. Вып. 2. Структуры истории. – Новосибирск: 449–461.

Агаджанов С. Г. 1969. *Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX–XIII вв.* – Ашхабад: Ылым.

Агаджанов С. Г. 1991. *Государство сельджукидов и Средняя Азия в XI–XII вв.* – М.: Наука.

Аитова С. М. 2000. Статистический анализ находок древнетюркских монет в Семиречье и Отрарском оазисе. *Известия Министерства образования и науки Республики Казахстан, Национальной академии наук Республики Казахстан. Сер. «Общественные науки»*. № 1: 125–130.

Айнос У. 2002. Культурный капитал, набеги за скотом и военное превосходство традиционных скотоводов. *Кочевая альтернатива социальной эволюции* / Отв. ред. Н. Н. Крадин и Д. М. Бондаренко. – М.: 99–108.

Алаев Л. Б. 1982. Опыт типологии средневековых обществ Азии. *Типы общественных отношений на Востоке в средние века* / Отв. ред. Л. Б. Алаев. – М.: 6–59.

Арабо-персидские источники о тюркских народах. 1973. – Фрунзе: Илим.

Артамонов М. И. 1937 (1936). *Очерки древнейшей истории хазар*. – Л.: Соцэкгиз.

Артамонов М. И. 1962. *История хазар*. – Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа.

Ахинжанов С. М. 1989. *Кыпчаки в истории средневекового Казахстана*. – Алма-Ата: Наука.

Бартольд В. В. 1963а. История Туркестана. *Сочинения*. Т. II. Ч. I. – М.: 107–166.

Бартольд В. В. 1963б. История культурной жизни Туркестана. *Сочинения*. Т. II. Ч. I. – М.: 167–433.

Бартольд В. В. 1963в. Киргизы. Исторический очерк. *Сочинения*. Т. II. Ч. I. – М.: 471–543.

Бартольд В. В. 1963г. Очерк истории туркменского народа. *Сочинения*. Т. II. Ч. I. – М.: 545–623.

Бартольд В. В. 1968а. Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии. *Сочинения*. Т. V. – М.: 19–192.

Бартольд В. В. 1968б. История турецко-монгольских народов. *Сочинения*. Т. V. – М.: 195–229.

Барфилд Т. 2002. Мир кочевников-скотоводов. *Кочевая альтернатива социальной эволюции* / Отв. ред. Н. Н. Крадин и Д. М. Бондаренко. – М.: 59–85.

Барфилд Т. 2004. Монгольская модель кочевой империи. *Монгольская империя и кочевой мир* / Отв. ред. Б. В. Базаров, Н. Н. Крадин, Т. Д. Скрынникова. – Улан-Удэ: 254–269.

Баяр Д. 2004. Новые археологические раскопки на памятнике Бильгэ кагана. *Археология, этнография и антропология Евразии*. № 4: 73–84.

Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г. 1973. *Средневековый город Средней Азии*. – Л.: Наука, Ленингр. отд-е.

Бешевлиев В. 1992. *Първобългарски надписи*. – София: Изд-во на Българската Академия на науките.

Бичурин Н. Я. (Иакинф). 1950. *Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена*. Т. I. – М.; Л.: Изд-во АН СССР.

Бичурин 19502а – Бичурин Н. Я. (Иакинф). 1950б. *Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена*. Т. I. М.; Л.: Изд-во АН СССР.

Бичурин, 1950б – Бичурин Н. Я. (Иакинф). 1950б. *Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена*. Т. II. М.; Л.: Изд-во АН СССР.

Бондаренко Д. М. 1998. Многолинейность социальной эволюции и альтернативы государству. *Восток*. № 1: 195–202.

Бондаренко Д. М. 2006. Гомоархия как принцип социально-политической организации (постановка понятия и введение понятие). *Раннее государство, его альтернативы и аналоги: Сб. ст.* / Отв. ред. Л. Е. Гринин, Д. М. Бондаренко, Н. Н. Крадин, А. В. Коротаев. – Волгоград: 164–183.

Бондаренко Д. М., Коротаев А. В., Крадин Н. Н. 2002. Введение: социальная эволюция, альтернативы, номадизм. *Кочевая альтернатива социальной эволюции* / Отв. ред. Н. Н. Крадин и Д. М. Бондаренко. – М.: 9–36.

Бондаренко Д. М., Гринин Л. Е., Коротаев А. В. 2006. Альтернативы социальной эволюции. *Раннее государство, его альтернативы и аналоги: Сб. ст.* / Отв. ред. Л. Е. Гринин, Д. М. Бондаренко, Н. Н. Крадин, А. В. Коротаев. – Волгоград: 15–36.

Бурганова В. Н., Васютин С. А., Мить А. А. 2007. Введение: дихотомия Запад–Восток и многообразие путей исторического развития. *Медиевистика XXI века: проблемы методологии и преподавания. Вып. III. Запад и Восток: власть, социум, ментальность, особенности исторического развития* / Науч. ред. А. А. Мить, В. Н. Бурганова. – Кемерово: 3–15.

Валлерстайн И. 2000. Миросистемный анализ. *Время мира. Альманах. Вып. I: Историческая макросоциология в XX в.* – Новосибирск: 105–123.

Васютин С. А. 2002. Типология потестарных и политарных систем кочевников. *Кочевая альтернатива социальной эволюции* / Отв. ред. Н. Н. Крадин и Д. М. Бондаренко. – М.: 86–98.

Васютин С. А. 2004а. Архаические элементы политической культуры в тюркских каганатах. *Комплексные исследования древних и традиционных*

обществ Евразии: сборник научных трудов / Отв. ред. Ю. Ф. Кирюшин, А. А. Тишкин. – Барнаул: 95–100.

Васютин С. А. 2004б. Монгольская империя как особая форма ранней государственности? (к дискуссии о политических системах кочевых империй). *Монгольская империя и кочевой мир* / Отв. ред. Б. В. Базаров, Н. Н. Крадин, Т. Д. Скрынникова. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН: 269–287.

Васютин С. А. 2005. Лики власти (к вопросу о природе власти в кочевых империях). *Монгольская империя и кочевой мир*. Кн. 2. – Улан-Удэ: 56–71.

Васютин С. А. 2007. Кочевая империя, государство и мир-система: Монгольская империя и Первый Тюркский каганат в сравнительно-историческом ракурсе. *Чингис-хан и судьбы народов Евразии-2*. – Улан-Удэ: 97–111.

Васютин С. А., Пугачев А. Ю. 2007. О роли тюрко-болгар в формировании раннесредневековой болгарской государственности (проблемы отечественной историографии и реконструкция политарных процессов). *Медиевистика XXI века: проблемы методологии и преподавания*. Вып. III. *Запад и Восток: власть, социум, ментальность, особенности исторического развития* / Науч. ред. А. А. Мить, В. Н. Бурганова. – Кемерово: 94–182.

Викторова Л. Л. 1961. Кочевой уклад в Киданьской империи. *Материалы по отделению этнографии Географического общества СССР: Доклады за 1958–1961 гг.* Ч. I. – Л.: 31–37.

Восточный Туркестан в древности и раннем Средневековье. Очерки истории. 1988. – М.: Наука.

Войтов В. Е. 1996. *Древнетюркский пантеон и модель мироздания в культово-поминальных памятниках Монголии VI–VIII вв.* – М.: Наука.

Годинер Э. С. 1990. Политическая антропология о происхождении государства. *Этнологическая наука за рубежом: проблемы, поиски, решения*. – М.: 51–78.

Голден П. Б. 1993. Государство и государственность у хазар: власть хазарских каганов. *Феномен восточного деспотизма: структура управления и власти* / Отв. ред. Н. А. Иванов. – М.: 211–233.

Голден П. 2004. Кипчаки средневековой Евразии: пример негосударственной адаптации в степи. *Монгольская империя и кочевой мир* / Отв. ред. Б. В. Базаров, Н. Н. Крадин, Т. Д. Скрынникова. – Улан-Удэ: 103–134.

Горячева О. Д. 1983. *Средневековые городские центры и архитектурные ансамбли Киргизии (Бурана, Узген, Сафид-Булан)*. – Фрунзе: Илим.

Гринин Л. Е. 2006. Раннее государство и его аналоги. *Раннее государство, его альтернативы и аналоги: Сб. ст.* / Отв. ред. Л. Е. Гринин, Д. М. Бондаренко, Н. Н. Крадин, А. В. Коротаев. – Волгоград: 85–163.

Грач А. Д. 1980. *Древние кочевники в центре Азии*. – М.: Наука.

Гумилев Л. Н. 1961. Орды и племена у древних тюрков и уйгуров. *Материалы по отделению этнографии Географического общества СССР. Ч. I. Доклады за 1958–1961 гг.* – Л.: 15–26.

- Гумилев Л. Н. 1989. *Древняя Русь и Великая степь*. – М.: Мысль.
- Гумилев Л. Н. 1993. *Древние тюрки*. – М.: Товарищество «Клышников-Комаров и К°».
- Данилов С. В. 2004. *Города в кочевых обществах Центральной Азии*. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН.
- Данилов С. В. 2005. К вопросу о традициях градостроительства кочевников Центральной Азии. *Монгольская империя и кочевой мир*. Кн. 2. – Улан-Удэ: 182–192.
- Даньшин А. В. 2006. *Государство и право Киданьской империи Великое Ляо*. – Кемерово: Кемеровский институт (филиал) ГОУ ВПО «РГТУ»; Кузбассвузиздат.
- Дашковский П. К. 2002. *Социальная структура и система мировоззрений населения Горного Алтая скифского времени*: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Барнаул.
- Дашковский П. К., Тишкин А. А. 2004. Социальная структура населения Горного Алтая в скифскую эпоху. *Монгольская империя и кочевой мир* / Отв. ред. Б. В. Базаров, Н. Н. Крадин, Т. Д. Скрынникова – Улан-Удэ: 49–76.
- Добролюбовский А. О. 1986. *Кочевники северо-западного Причерноморья в эпоху Средневековья*. – Киев: Наукова думка.
- Досымбаева А. М. 2000. Мемориальные памятники тюрков Жетысу по материалам святилище Мерке. *Известия Министерства образования и науки Республики Казахстан, Национальной академии наук Республики Казахстан. Сер. «Общественные науки»*. № 1: 64–78.
- Е Лун-ли. 1979. *История государства киданей* / Пер. с кит., введ., комм., прилож. В. С. Таскин. – М.: Наука.
- Ермоленко Л. Н. 1998. Представление древних тюрков о войне. *ALTAICA II: Сб. ст. и мат-лов*. – М.: 48–66.
- Залеская В. Н., Львова З. А., Маршак Б. И. 1997. Перещепинское сокровище. *Сокровища хана Кубрата*. – СПб.: 18–26.
- Иванов С. А. 2001. Миссия восточнохристианской церкви к славянам и кочевникам: эволюция методов. *Славяне и их соседи. Вып. 10. Славяне и кочевой мир*. – М.: 16–40.
- Ивлиев А. Л. 1983. Городища киданей. *Материалы по древней и средневековой археологии юга Дальнего Востока СССР и смежных территорий*. – Владивосток: 120–133.
- Ивлиев А. Л. 1986. Кидани на Дальнем Востоке. *Восточная Азия и соседние территории в средние века*. – Новосибирск: 21–24.
- Искендеров А. А. 1996. Историческая наука на пороге XXI века. *Вопросы истории*. № 4: 15–34.
- Ито Ш. 2001. Схема для сравнительного исследования цивилизации. *Время мира. Альманах*. Вып. 2. Структуры истории. – Новосибирск: 345–354.

- Кадырбаев А. Ш. 1989. К вопросу о государственности найманов и киданей накануне монгольского нашествия. *Маргулановские чтения: Сб. мат-лов конф-ии.* – Алма-Ата: 40–45.
- Калиновская К. П., Марков Г. Е. 1985. Скотоводы Азии и Африки. Проблемы исторической типологии. *Вестник МГУ, сер. «История».* № 5: 59–72.
- Камышев А. М. 2000. Местные подражания китайским монетам. *Известия Министерства образования и науки Республики Казахстан, Национальной академии наук Республики Казахстан. Сер. «Общественные науки».* № 1: 131–137.
- Караев О. 1968. *Арабские и персидские источники IX–XII веков о киргизах и Киргизии.* – Фрунзе.
- Караев О. К. 1975. Письменные источники о государстве Караханидов. *Страницы истории и материальной культуры Киргизстана (досоветский период).* – Фрунзе: Илим.
- Караев О. 1983а. *История Караханидского каганата (X – начало XIII вв.).* – Фрунзе: Илим.
- Караев О. 1983б. Караханиды до оформления Западного и Восточного каганатов. *Киргизия при Караханидах / Отв. ред. Е. А. Давидович.* – Фрунзе: 10–49.
- Карнейро Р. 2000. Процесс или стадия: ложная дихотомия в исследовании истории возникновения государства. *Альтернативные пути к цивилизации.* – М.: 84–94.
- Карнейро Р. Л. 2006. Теория происхождения государства. *Раннее государство, его альтернативы и аналоги: Сб. ст. / Отв. ред. Л. Е. Гринин, Д. М. Бондаренко, Н. Н. Крадин, А. В. Коротаев.* – Волгоград: 55–70.
- Кёстлер А. 2001. *Тринадцатое колено. Крушение империи хазар и ее наследие.* – СПб.: Евразия.
- Классен Х. Дж. М. 2000. Проблемы, парадоксы и перспективы неэволюционизма. *Альтернативные пути к цивилизации / Отв. ред. Н. Н. Крадин, А. В. Коротаев, Д. М. Бондаренко и В. А. Лынша.* – М.: 6–23.
- Классен Х. Дж. М. 2006а. Эволюционизм в развитии. *Раннее государство, его альтернативы и аналоги: Сб. ст. / Отв. ред. Л. Е. Гринин, Д. М. Бондаренко, Н. Н. Крадин, А. В. Коротаев.* – Волгоград: 15–36.
- Классен Х. Дж. М. 2006б. Было ли неизбежным государство? *Раннее государство, его альтернативы и аналоги: Сб. ст. / Отв. ред. Л. Е. Гринин, Д. М. Бондаренко, Н. Н. Крадин, А. В. Коротаев.* – Волгоград: 71–84.
- Кляшторный С. Г. 1986. Кипчаки в рунических памятниках. *TURCOL-JGICA 1986.* – М.: 153–164.
- Кляшторный С. Г. 1986а. Основные черты социальной структуры древнетюркских государств Центральной Азии (VI–X вв.). *Классы и сословия в докапиталистических обществах Азии: проблема социальной мобильности.* – М.: 217–228.

- Кляшторный С. Г. 1986б. Формы социальной зависимости в государствах кочевников Центральной Азии (конец I тыс. до н. э. – I тыс. н. э.). *Рабство в странах Востока в средние века.* – М.: 312–339.
- Кляшторный С. Г. 1997. «Государь Китая» в Бугутской надписи. *ALTAICA I.: Сб. ст. и мат-лов.* – М.: 64–67.
- Кляшторный С. Г. 1998. Кто были половцы. *ALTAICA II: Сб. ст. и мат-лов.* – М.: 88–928.
- Кляшторный С. Г. 2001а. Всадники Кочкорской долины. *Евразия сквозь века: Сб. науч. трудов, посв. 60-летию со дня рождения Дмитрия Глебовича Савинова.* – СПб.: 213–215.
- Кляшторный С. Г. 2001б. Древние рунические надписи на центральном Тянь-Шане. *Известия Министерства образования и науки Республики Казахстан, Национальной академии наук Республики Казахстан. Сер. «Общественные науки».* № 1: 83–87.
- Кляшторный С. Г. 2001в. Рунические памятники Таласа: проблема датировки и топографии. *Известия Министерства образования и науки Республики Казахстан, Национальной академии наук Республики Казахстан. Сер. «Общественные науки».* № 1: 88–91.
- Кляшторный С. Г. 2001г. Центральная Азия в раннее Средневековье. *История Казахстана и Центральной Азии.* – Алматы: Дайк-Пресс.
- Кляшторный С. Г. 2003. *История Центральной Азии и памятники рунического письма.* – СПб.: Изд-во СПбГУ.
- Кляшторный С. Г. 2004. Образ кагана в орхонских памятниках. *Монгольская империя и кочевой мир / Отв. ред. Б. В. Базаров, Н. Н. Крадин, Т. Д. Скрынникова.* – Улан-Удэ: 100–103.
- Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г. 1994. *Степные империи Евразии.* – СПб.: Фарн.
- Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г. 2005. *Степные империи древней Евразии.* – СПб.: Изд-во СПбГУ.
- Кляшторный С. Г., Султанов Т. И. 2000. *Государства и народы евразийских степей. Древность и средневековье.* – СПб.: Петерб. востоковедение.
- Койчева Е. 1987. О характере аристократии в раннефеодальных государствах на Балканах. *Этносоциальная и политическая структура раннефеодальных славянских государств и народностей.* – М.: Наука.
- Константин Багрянородный. 1991. *Об управлении империи.* – М.: Наука.
- Коротаев А. В. 2003. *Социальная эволюция.* – М.: Восточная литература.
- Коротаев А. В., Крадин Н. Н., Лынша В. А. 2000. Альтернативы социальной эволюции (вводные замечания). *Альтернативные пути к цивилизации / Отв. ред. Н. Н. Крадин, А. В. Коротаев и др.* – М.: 24–83.
- Кормушин И. В. 1997. *Тюркские енисейские эпитафии. Тексты и исследования.* – М.: Наука.
- Корякова Л. Н. 2007. Стратификация, иерархия, власть и становление государств в архаичных обществах (обзор основных концепций). *Медиеви-*

стика XXI века: проблемы методологии и преподавания. Вып. III. Запад и Восток: власть, социум, ментальность, особенности исторического развития / Науч. ред. А. А. Мить, В. Н. Бурганова – Кемерово: 74–93.

Кочнев Б. Д. 1987. Заметки по средневековой нумизматике Средней Азии, ч. 8 (Караханиды). *История материальной культуры Узбекистана*. Вып. 21. – Ташкент: 156–171.

Кочнев Б. Д. 2006. *Нумизматическая история Караханидского каганата (991–1209 гг.)*. Часть I. *Источниковедческое исследование*. – М.: София.

Крадин Н. Н. 1992. *Кочевые общества*. – Владивосток: Дальнаука.

Крадин Н. Н. 1995. *Вождество: современное состояние и проблемы изучения. Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности*. – М.: 11–61.

Крадин Н. Н. 1996. *Империя хунну*. – Владивосток: Дальнаука.

Крадин Н. Н. 2000. *Кочевники, мир-империи и социальная эволюция. Альтернативные пути к цивилизации* / Отв. ред. Н. Н. Крадин, А. В. Коротаев, Д. М. Бондаренко и В. А. Лынша. – М.: 314–336.

Крадин Н. Н. 2000а. *Общественный строй Жужаньского каганата. История и археология Дальнего Востока: к 70-летию Э. В. Шавкунова* / Отв. ред. Н. Н. Крадин и др. – Владивосток: Изд-во ДВГУ: 80–94.

Крадин Н. Н. 2001. *Кочевничество в современных теориях исторического процесса. Время мира. Альманах. Вып. 2: Структуры истории*. – Новосибирск: 369–396.

Крадин Н. Н. 2002. *Империя Хунну*. 2-е изд. – М.: Логос.

Крадин Н. Н. 2002а. Структура «варварской империи»: киданьская династия Ляо (907–1125). *Традиционная культура Востока Азии*. Вып. 4. – Благовещенск: 212–227.

Крадин Н. Н. 2002б. Структура власти в кочевых империях. *Кочевая альтернатива социальной эволюции* / Отв. ред. Н. Н. Крадин и Д. М. Бондаренко. – М.: 109–128.

Крадин Н. Н. 2002в. Династия Ляо как кочевая империя. *История и культура Востока Азии: Мат-лы междунар. науч. конф-ии (г. Новосибирск, 9–11 декабря 2002 г.)* / Отв. ред. С. В. Алкин. Т. I. – Новосибирск: 80–83.

Крадин Н. Н. 2003. Новые интерпретации исторического процесса. *Вестник ДВО РАН*. № 4: 72–81.

Крадин Н. Н. 2004. Комплексные общества кочевников в кросс-культурной перспективе. *Монгольская империя и кочевой мир* / Отв. ред. Б. В. Базаров, Н. Н. Крадин, Т. Д. Скрынникова. – Улан-Удэ: 20–49.

Крадин Н. Н. 2006. Археологические признаки цивилизации. *Раннее государство, его альтернативы и аналоги: Сб. ст.* / Отв. ред. Л. Е. Гринин, Д. М. Бондаренко, Н. Н. Крадин, А. В. Коротаев. – Волгоград: 184–208.

Крадин Н. Н. 2007. Современные теории исторического процесса и нумизматизм. *Медиевистика XXI века: проблемы методологии и преподавания*.

Вып. III. Запад и Восток: власть, социум, ментальность, особенности исторического развития / Науч. ред. А. А. Мить, В. Н. Бурганова – Кемерово: 16–45.

Крадин Н. Н., Скрынникова Т. Д. 2006. *Империя Чингис-хана*. – М.: Восточная литература РАН.

Кульпин Э. С. 2004. *Цивилизация Золотой Орды. Монгольская империя и кочевой мир* / Отв. ред. Б. В. Базаров, Н. Н. Крадин, Т. Д. Скрынникова. – Улан-Удэ: 167–186.

Кульпин-Губайдуллин Э. С. 2006. *Золотая Орда: Проблемы генезиса Российской государственности*.

Кумеков Б. Е. 1972. *Государство кимаков IX–XI вв. по арабским источникам*. – Алма-Ата.

Кумеков Б. Е. 2003. О древнетюркских государственных традициях в Кимаковом каганате и Кипчакском ханстве. *Известия Национальной академии наук Республики Казахстан. Сер. «Общественные науки»*. № 1: 74–77.

Кызласов И. Л. 1996. Материалы к ранней истории тюрков. I. Древнейшие свидетельства об армии. *Российская археология*. № 3: 73–89.

Кызласов И. Л. 1998а. Материалы к ранней истории тюрков. II. Древнейшие свидетельства о письменности. *Российская археология*. № 1: 71–83.

Кызласов И. Л. 1998б. Материалы к ранней истории тюрков. III. Древнейшие свидетельства о письменности. *Российская археология*. № 2: 68–86.

Кызласов И. Л. 1999. Материалы к ранней истории тюрков. IV. Образованность в эпоху рунического письма. *Российская археология*. № 4: 99–118.

Кызласов И. Л. 2001. Смена мировоззрения в Южной Сибири в раннем Средневековье. *Древние цивилизации Евразии. История и культура*. – М.: 243–270.

Кызласов И. Л. 2005. Таласские наскальные надписи. *Российская археология*. № 2: 46–55.

Кызласов Л. Р. 1960. Тува в период Тюркского каганата (VI–VIII вв.). *Вестник МГУ. Сер. IX «Исторические науки»*. № 1. М.: 51–76.

Кызласов Л. Р. 1984. *История Южной Сибири в средние века*. – М.: Высшая школа.

Кызласов Л. Р. 1989. Городская цивилизация тюркоязычных народов Южной Сибири в эпоху Средневековья. *Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций* / Отв. ред. В. М. Массон. – Алма-Ата: 400–406.

Кызласов Л. Р. 1992. *Очерки по истории Сибири и Центральной Азии*. – Красноярск: Изд-во Красноярского ун-та.

Кызласов Л. Р. 2004. Тюркско-иранские культурные взаимосвязи в эпоху Средневековья (язык, письменность, культура). *Древности Алтая*. № 12. – Горно-Алтайск: 123–133.

Кычанов Е. И. 1992. Формы ранней государственности у народов Центральной Азии. *Северная Азия и соседние территории в средние века*. – Новосибирск: 44–67.

- Кычанов Е. И. 1997. *Кочевые государства от гуннов до маньчжуров*. – М.: Восточная литература.
- Кычанов Е. И. 2004. *Властители Азии*. – М.: Восточная литература.
- Кюннер Н. В. 1961. *Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока*. – М.: Изд-во АН СССР.
- Литаврин Г. Г. 1981. К проблеме становления Болгарского государства. *Советское славяноведение*. № 4: 34–43.
- Литаврин Г. Г. 1987. Рождение государства Болгария и его борьба с Византийской империей. *Краткая история Болгарии. С древнейших времен до наших дней*. – М.: 42–58.
- Литаврин Г. Г. 1992. Болгарская зона в VII–XII вв. *История Европы*. Т. 2. Средневековая Европа. – М.: 156–162.
- Литаврин Г. Г. 2001. Славяне и протоболгары: от хана Аспаруха до князя Бориса-Михаила. *Славяне и их соседи. Вып. 10. Славяне и кочевой мир*. – М.: 6–15.
- Лю Маоцай. 2002. *Сведения о древних тюрках в средневековых китайских источниках* / Пер. с нем. В. Н. Добжанского и Л. Н. Ермоленко. Бюллетень Общества востоковедов. Приложение I. – М.: ИВ РАН.
- Малов С. Е. 1951. *Памятники древнетюркской письменности*. – М.; Л.: Изд-во АН СССР.
- Малов С. Е. 1952. *Енисейская письменность тюрков*. – М.; Л.: Изд-во АН СССР.
- Малов С. Е. 1959. *Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии*. – М.; Л.: Изд-во АН СССР.
- Маявкин А. Г. 1983. *Уйгурские государства в IX–XII вв.* – Новосибирск: Наука.
- Марей А. В. 2000. Особенности социально-политической организации печенегов. *Альтернативные пути к цивилизации* / Отв. ред. Н. Н. Крадин, А. В. Коротаев, Д. М. Бондаренко и В. А. Лынша. – М.: 337–343.
- Марков Г. Е. 1967. *Кочевники Азии (Хозяйственная и общественная структура скотоводческих народов Азии в эпохи возникновения, расцвета и заката кочевничества)*: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук.
- Марков Г. Е. 1976. *Кочевники Азии. Структура хозяйства и общественной организации*. – М.: Изд-во МГУ.
- Марков Г. Е. 1989. Теоретические проблемы нomaдизма в советской этнографической литературе. *Историография этнографического изучения народов СССР и зарубежных стран* / Отв. ред. Г. Е. Марков. – М.: 54–75.
- Марков Г. Е., Масанов Н. Э. 1985. Значение относительной концентрации и дисперсности в хозяйственной и общественной организации кочевых народов. *Вестник МГУ. Сер. 8 «История»*. № 4: 86–96.

Мартынов А. И. 1986. О древней государственности у народов южной Сибири (к постановке проблемы). *Проблемы этногенеза и этнической истории аборигенов Сибири: Сб. науч. трудов.* – Кемерово: 28–33.

Масанов Н. Э. 1984. *Проблемы социально-экономической истории Казахстана на рубеже XVIII–XIX вв.* – Алма-Ата: Наука.

Масанов Н. Э. 1987. Дисперсное состояние – всеобщий закон жизнедеятельности кочевого общества. *Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций* / Отв. ред. В. М. Массон. – Алма-Ата: 21–24.

Масанов Н. Э. 1991. *Специфика общественного развития кочевников-казахов в дореволюционный период: историко-экологические аспекты номунизма*: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук.

Масанов Н. Э. 1995. *Кочевая цивилизация казахов (основы жизнедеятельности кочевнического общества)*. – Алматы: Социнвест; М.: Горизонт.

Массон В. М. 1994. Развитие элитарных структур – прогрессивный феномен скифской эпохи. *Элитные курганы степей Евразии в скифо-сарматскую эпоху.* – СПб.: 1–8.

Массон В. М. 1998. Древние кочевники Азии: общие черты развития. *Вопросы археологии Казахстана. Вып. 2: Сб. науч. ст.* – Алматы; М.: 89–95.

Материалы 1984: *Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху* / Введ., пер. и коммент. В. С. Таскина. – М.: Наука.

Мелко М. 2001. Природа цивилизаций // *Время мира. Альманах.* Вып. 2. Структуры истории. – Новосибирск: 306–327.

Могильников В. А. 1981а. Памятники кочевников Сибири и Средней Азии X–XII вв. *Археология СССР с древнейших времен до средневековья в 20 томах: Степи Евразии в эпоху Средневековья.* – М.: 190–193.

Могильников В. А. 1981б. Тюрки. *Археология СССР с древнейших времен до средневековья в 20 томах: Степи Евразии в эпоху средневековья.* – М.: 29–43.

Мокрынин В. П. 1983. Сведения о тюркских народах в минералогическом трактате Ал-Бируни. *Киргизия при Карханидах* / Отв. ред. Е. А. Давидович. – Фрунзе: 10–49.

Мотов Ю. А. 2001. К изучению идеологии раннесредневекового населения Алтая (по материалам могильника Кудыргэ). *История и археология Семиречья: Сб. ст. и публикаций.* Вып. 2. – Алматы: 63–86.

Новосельцев А. П. 1990. *Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа.* – М.: Наука.

Новосельцев А. П. 2001. Хазарское государство и его роль в истории западной Евразии. *Славяне и их соседи. Вып. 10. Славяне и кочевой мир.* – М.: 59–72.

Нуржанов А. А., Кузнецова О. В. 2007. Тюрко-согдийский культурный комплекс в Семиречье. *Кадырбаевские чтения: Мат-лы междунар. науч. конф-ии.* – Актобе: 257–262.

Патриарх Никифор. 1995. Бrevиарий. *Свод древнейших письменных известий о славянах*. Т. II. VII–IX вв. – М.: 221–247.

Петров К. И. 1981. *Очерки социально-экономической истории Киргизии VI – начала XIII вв.* – Фрунзе: Илим.

Петров К. И. 1986. *Социально-политическая история Киргизии средних веков (исследование комплекса проблем)*: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Новосибирск.

Петрухин В. Я. 2001. К вопросу о сакральном статусе хазарского кагана: традиции и реальность. *Славяне и их соседи. Вып. 10. Славяне и кочевой мир.* – М.: 73–78.

Пиков Г. Г. 1986. О столице государства западных киданей. *Восточная Азия и соседние территории в средние века.* – Новосибирск: 24–33.

Пиков Г. Г. 1989. *Западные кидани.* – Новосибирск: Изд-во НГУ.

Пиков Г. Г. 1992. К проблеме влияния китайского права на уголовное законодательство киданей. *Северная Азия и соседние территории в средние века.* – Новосибирск: 84–93.

Пиков Г. Г. 1994. Место и роль города в кочевой империи (на примере государства Ляо). *VII Арсеньевские чтения (тезисы докладов региональной научной конференции по проблемам истории, археологии и краеведения).* – Уссурийск: 158–162.

Пиков Г. Г. 2000. Специфика конфессиональной ситуации в кочевой империи (на примере Ляо). *Чуждое – чужое – наше. Наблюдения к проблеме взаимодействия культур: Сб. науч. трудов.* – Новосибирск: 51–69.

Пиков Г. Г. 2002. Киданьское государство Ляо – кочевая империя. *Кочевая альтернатива социальной эволюции* / Отв. ред. Н. Н. Крадин и Д. М. Бондаренко. – М.: 190–203.

Пиков Г. Г. 2005. Киданьские этнонимы как отражение конструирования и эволюции этнического самосознания. *Народы Евразии. Этнос, этническое самосознание, этничность: проблемы формирования и трансформации.* – Новосибирск: 10–26.

Пиков Г. Г. 2006. Историописание в кочевых империях (X–XIII вв.). *Вестник НГУ. Сер. «История, филология»*. Т. 5. Вып. 1. – Новосибирск: 5–13.

Плетнева С. А. 1958. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях: *Мат-лы и исследования по археологии СССР*. Вып. 62. – М.; Л.

Плетнева С. А. 1975. Половецкая земля. *Древнерусские княжества X–XIII вв.* – М.: Наука.

Плетнева С. А. 1976. *Хазары.* – М.: Наука.

Плетнева С. А. 1981а. Закономерности развития кочевнических обществ в эпоху Средневековья. *Вопросы истории*. № 6: 50–63.

Плетнева С. А. 1981б. Печенеги, торки, половцы. *Степи Евразии в эпоху Средневековья.* – М.: 213–222.

Плетнева С. А. 1982. *Кочевники Средневековья: поиски исторических закономерностей*. – М.: Наука.

Плетнева С. А. 1990. *Половцы*. – М.: Наука.

Плетнева С. А. 1992а. Кочевники и раннефеодальные государства степей Восточной Европы. *История Европы с древнейших времен до наших дней: Т. II. Средневековая Европа*. – М.: 213–228.

Плетнева С. А. 1992б. Кочевое население и феодальные государства Юго-Восточной Европы в X–XIV вв. *История Европы с древнейших времен до наших дней: Т. II. Средневековая Европа*. – М.: 463–478.

Повесть временных лет // Сайт «Древнерусская литература» / Электронный адрес <http://old-russian.chat.ru>.

Поляк А. Н. 2001. Восточная Европа IX–X веков в представлении Востока. *Славяне и их соседи. Вып. 10. Славяне и кочевой мир*. – М.: 79–107.

Попова И. Ф. 1994. Военная политика ранней Тан. *Петербургское востоковедение*. Вып. 5. – СПб.: 245–266.

Пугачев А. Ю. 2005. Потестарно-политическая система Первого Болгарского царства и ее эволюция в контексте социальной антропологии. *Россия. Культура. Будущность*. Ч. 1. – Челябинск: 98–105.

Ромашов С. А. 1992. *Историческая география Хазарского каганата. Период формирования и расцвета (V–IX вв.)*: Автореф. дис. ... канд. ист. наук.

Савинов Д. Г. 1979. Об этническом аспекте образования раннеклассовых государств Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху раннего Средневековья. *Этногенез и этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий*. – Омск: 41–45.

Савинов Д. Г. 1984. *Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху*. – Л.: Изд-во ЛГУ.

Савинов Д. Г. 1994. *Государства и культурогенез на территории Южной Сибири в эпоху раннего Средневековья*. – Кемерово: Кузбассвузиздат.

Савинов Д. Г. 2005. Система социально-этнического подчинения в истории кочевников Центральной Азии и Южной Сибири. *Монгольская империя и кочевой мир*. Кн. 2. – Улан-Удэ: 31–43.

Садр ад-Дин Али ал-Хусайни. 1980. *Ахбар ад-Даулат ас-Селджукийиа («Сообщения о сельджукском государстве»)*. – М.: Главная редакция восточной литературы.

Свердлов Б. М. 1997. *Становление феодализма в славянских странах*. – СПб.: Наука.

Седов В. В. 1995. *Славяне в раннем Средневековье*. – М.: Фонд археологии.

Скрынникова Т. Д. 1986. О политической организации Халхи (вторая половина XVI–XVII в.). *MONGOLIGA: Памяти академика Бориса Яковлевича Владимирцова, 1884–1931*. – М.: 201–212.

- Скрынникова Т. Д. 1992. Потестарно-политическая культура монголов XI–XIII вв. *Средневековая культура монгольских народов*. – Новосибирск: 55–67.
- Скрынникова Т. Д. 1997. *Харизма и власть в эпоху Чингис-хана*. – М.: Восточная литература.
- Скрынникова Т. Д. 2002. Структура власти монгольских кочевников эпохи Чингис-хана. *Кочевая альтернатива социальной эволюции* / Отв. ред. Н. Н. Крадин и Д. М. Бондаренко. – М.: 204–219.
- Скрынникова Т. Д. 2006. Монгольское кочевое общество периода империи. *Раннее государство, его альтернативы и аналоги: Сб. ст.* – Волгоград: 512–522.
- Смагулов Е. А. 2000. Образ стратиграфических данных и наблюдений о топографии средневекового Туркестана. *Известия Министерства образования и науки Республики Казахстан, Национальной академии наук Республики Казахстан. Сер. «Общественные науки»*. № 1: 9–17.
- Смирнов К. Ф. 1975. *Сарматы на Илеке*. – М.: Наука.
- Смирнов К. Ф. 1984. *Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии*. – М.: Наука.
- Теляшов Р. Х. 1997. Великая Болгария – Татарстан: эстафета времен. *Сокровища хана Кубрата*. – СПб.: 27–48.
- Тишкин А. А. 2001. Социально-политическая организация населения Горного Алтая скифской эпохи (по материалам исследований 1960–1990-х гг.). *Историко-культурное наследие Северной Азии*. – Барнаул: 134–149.
- Тишкин А. А. 2005. Элита в древних и средневековых обществах скотоводов Евразии: перспективы изучения данного явления на основе археологических материалов. *Монгольская империя и кочевой мир*. Кн. 2. – Улан-Удэ: 43–56.
- Тишкин А. А., Дашковский П. К. 2003. *Социальная структура и система мировоззрений населения Алтая скифской эпохи*. – Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та.
- Тишкин А. А., Дашковский П. К. 2005. О государственности «пазырыкцев». *Теория и практика археологических исследований: Сб. науч. трудов*. – Барнаул: 50–59.
- Тойнби А. Дж. 1991. *Постижение истории*. – М.: Наука.
- Трепавлов В. В. 1986. Проблема социально-политической преемственности государственных образований кочевников в востоковедении. *Урал и проблемы региональной историографии. Феодализм. Первобытнообщинный строй*. – Свердловск: 122–125.
- Трепавлов В. В. 1993. *Государственный строй Монгольской империи XIII в.: Проблема исторической преемственности*. – М.: Наука.
- Трепавлов В. В. 2001. *История Ногайской орды*: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук.

Трепавлов В. В. 2004. Вождь и жрец в эпическом фольклоре тюрко-монгольских народов: некоторые особенности традиционной организации власти у кочевников. *Монгольская империя и кочевой мир* / Отв. ред. Б. В. Базаров, Н. Н. Крадин, Т. Д. Скрынникова. – Улан-Удэ: 76–100.

Тугушева Л. Ю. 2000. Каким богам поклонялись древние тюрки? *ALTAICA IV: Сб. ст. и мат.-лов.* – М.: 144–156.

Туякбаева Б. Т., Проскурин А. Н. 2000. О цитаделях города Туркестана. *Известия Министерства образования и науки Республики Казахстан, Национальной академии наук Республики Казахстан. Сер. «Общественные науки».* № 1: 17–27.

Уэскотт Р. 2001. Исчисление цивилизаций. *Время мира: Альманах.* Вып. 2. Структуры истории. – Новосибирск: 328–344.

Федоров М. Н. 1983. Очерк истории восточных караханидов конца X – начала XIII в. по нумизматическим данным. *Киргизия при караханидах* / Отв. ред. Е. А. Давидович. – Фрунзе: 103–140.

Федоров-Давыдов Г. А. 1966. *Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов.* – М.: Изд-во МГУ.

Федоров-Давыдов Г. А. 1987. Номады и социально-политический прогресс (на примере возникновения государства и городов Золотой Орды). *Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций.* – Алма-Ата: 202–203.

Феофан Исповедник. 1995. Хронография. *Свод древнейших письменных известий о славянах.* Т. II. VII–IX вв. – М.: 248–324.

Флетчер Дж. 2004. Средневековые монголы: экологические и социальные перспективы. *Монгольская империя и кочевой мир* / Отв. ред. Б. В. Базаров, Н. Н. Крадин, Т. Д. Скрынникова. – Улан-Удэ: 212–253.

Франк А. Г. 1992. Формационные переходы и мифологемы способов производства. *Восток.* № 2: 20–30.

Хазанов А. М. 1973. Характерные черты кочевых обществ евразийских степей. *IX Международный конгресс антропологических и этнографических наук (Чикаго, сентябрь 1973). Доклады советской делегации.*

Хазанов А. М. 1975. *Социальная история скифов. Основные проблемы развития древних кочевников евразийских степей.* – М.: Наука.

Хазанов А. М. 2000. *Кочевники и внешний мир.* Изд. 3-е. – Алматы: Дайк-Пресс.

Хазанов А. М. 2002. Кочевники евразийских степей в исторической ретроспективе. *Кочевая альтернатива социальной эволюции* / Отв. ред. Н. Н. Крадин и Д. М. Бондаренко. – М.: 37–58.

Холл Т. 2004. Монголы в мир-системной истории. *Монгольская империя и кочевой мир* / Отв. ред. Б. В. Базаров, Н. Н. Крадин, Т. Д. Скрынникова. – Улан-Удэ: 136–166.

- Худяков Ю. С. 1990. Памятники уйгурской культуры в Монголии. *Центральная Азия и соседние территории в средние века*. – Новосибирск: 84–89.
- Худяков Ю. С. 1994. Тюрки и уйгуры в Минусинской котловине. *Этнокультурные процессы в Южной Сибири и Центральной Азии в I–II тысячелетиях н. э.* – Кемерово: 85–95.
- Худяков Ю. С. 2000. К вопросу о коннице, пехоте и характере войска древних тюрков. *Российская археология*. № 4: 100–108.
- Худяков Ю. С. 2003. *История дипломатии кочевников Центральной Азии*. – Новосибирск: Изд-во НГУ.
- Худяков Ю. С. 2004а. *Древние тюрки на Енисее*. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН.
- Худяков Ю. С. 2004б. О происхождении культуры средневековых кыпчаков. *Древности Алтая*. № 12. – Горно-Алтайск: 138–153.
- Чэбел П., Фейнман Г. М., Скальник П. 2006. По ту сторону государств и империй: вождества и неформальная политика. *Раннее государство, его альтернативы и аналоги: Сб. ст. / Отв. ред. Л. Е. Гринин, Д. М. Бондаренко, Н. Н. Крадин, А. В. Коротаев*. – Волгоград: 229–243.
- Чейз-Данн К., Холл Т. Д. 2001. Две, три, много миросистем. *Время мира. Альманах*. Вып. 2. Структуры истории. – Новосибирск: 424–448.
- Эйнхард. 2000. Жизнь Карла Великого. *Историки эпохи Каролингов*. – М.: 7–34.
- Abu-Lughod J. 1989. *Before European hegemony: The World-System A. D. 1250–1350*. – New York: Oxford University press.
- Barfield T. 1989. *The Perilous Frontier: Nomadic Empires and China, 221 BC to AD 1757*. – Cambridge: Blackwell.
- Barfield T. 1993. *The Nomadic Alternative*. – Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall.
- Barfield T. 2000. The Shadow Empires: Imperial State Formation along the Chinese-Nomad Frontier. *Empires / Ed. by C. Sinopoli, T. D'Altroy, K. Morrison and S. Alcock*. – Cambridge: Cambridge University Press.
- Bonte P. 1981. Marxist Theory and Anthropological Analysis: The Study of Nomadic Pastoralist Societies. *The Anthropology of Precapitalist Societies / Ed. by J. S. Khan and J. Llobera*. – London: 22–55.
- Bonte P. 1990. French Marxist Perspectives on Nomadic Societies. *Nomads in a Changing World / Ed. by C. Salzman and J. G. Galaty*. – Naples: 49–101.
- Carneiro R. 1973. Scale Analysis, Evolutionary Sequences, and the Rating of Cultures. *A Handbook of Method in Cultural Anthropology / Ed. by R. Narrol and R. Cohen*. – New Yourk and London: 834–871.
- Claessen H. J. M. 1991. State and economy in Polynesia. *Early State Economics / Ed. by H. J. M. Claessen and P. van de Velde*. New Brunswick &. – London: 291–325.

Claessen H. J. M. 2000. *Structural Change: Evolution and Evolutionism in Cultural Anthropology*. – Leiden: Research School CNWS, Leiden University.

Claessen H. J. M., and Skalnik P. 1978 (eds.). *The Early State*. – The Hague: Mouton.

Chase-Dunn Chr. 1988. Comparing world-systems: toward a theory of semiperipheral development. *Comparative civilizations review* 19: 29–66.

Fletcher J. 1986. The Mongols: ecological and social perspectives. *Harvard Journal of Asiatic Studies* 46 (1) 11–50.

Fried M. 1967. *The Evolution of Political Society: an essay in political anthropology*. – N. Y.: Columbia Univ. Press.

Golden P. B. 1992. *An Introduction to the History of the Turkic Peoples: Ethnogenesis and State Formation in Medieval and Early Modern Eurasia and the Middle East*. – Wiesbaden: Otto Harrassowitz.

Golden P. B. 2001. *Ethnicity and State Formation in Pre-Çinggisid Turkic Eurasia*. – Bloomington, IN: Indiana University, Department of Central Eurasian Studies.

Hall T. D. 1991. Civilizational change and role of nomads. *Comparative civilizations review* 24: 34–57.

Khazanov A. M. 1984. *Nomads and the Outside World*. – Cambridge: Cambridge Univ. press.

Kradin N. N. 2002. Nomadism, Evolution, and World-Systems: Pastoral Societies in Theories of Historical Development. *Journal of World-System Research*, vol. 8, № 3: 368–388.

Liu Mau-tsai. 1958a. *Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-Türken (T'u-küe)*. B. I. Texte. – Wiesbaden: Otto Harrassowitz.

Liu Mau-tsai. 1958b. *Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-Türken (T'u-küe)*. B. II. Anmerkungen. Anhänge. Index. – Wiesbaden: Otto Harrassowitz.

Murdock G. 1967. *Ethnographic Atlas*. – Pittsburgh: The University of Pittsburgh press.

Murdock G., and Provost C. 1972. Measurement of Cultural Complexity. *Ethnology* 12 (4): 379–392.

Sanderson S. K. 1999. *Social Transformations: A General Theory of Historical Development*, expanded edition. – Lanham, MD: Rowman and Littlefield [orig. 1995, Blackwell].

Service E. 1971. *Primitive Social Organization*. 2nd ed. – N. Y.: Radmon House.

Service E. 1975. *Origins of the State and Civilization*. – N. Y.: Norton.

Southall A. 1953. *Alur Society*. – Cambridge: W. Heffer and Sons.

ПРИЧИНЫ ФОРМИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВ В ВОСТОЧНОЙ ВНУТРЕННЕЙ АЗИИ*

Введение

Степи, пустыни и горы восточной Внутренней Азии дают возможность для роста и расширения целого ряда государств и империй. Государства, которые возникли на обширной территории, охватывающей северный Китай, Монголию и прилежащие области Сибири и Восточного Казахстана, часто играли центральную роль в азиатской и мировой истории. При анализе происхождения и развития этих ранних государств и империй соединения некоторых устоявшихся позиций продолжают определять различия между известными теориями политических и культурных изменений во Внутренней Азии. Эта статья определяет несколько ключевых вопросов в проблеме и рассматривает существующие положения для каждого в контексте общих теорий формирования государств и империй.

Недавние исследования относительно формирования ранних государств и империй поднимают несколько важнейших проблем, характерных для восточной Внутренней Азии [Alcock et al. 2001; Baines and Yoffee 1998; Bondarenko and Korotayev 2000; Claessen and Oosten 1996; Richards and Van Buren 2000; Stein 1998]. Хотя эти исследования и касаются разнообразных регионов мира, но они акцентируют внимание как на внутреннем, так и на внешнем функционировании обществ, чтобы объяснить крупномасштабные изменения. В то же самое время исторические обстоятельства не могут рассматриваться просто как хроника изменений, но как активный агент, связанный с транс-

---

* Перевод с английского: Rogers D. J. The Contingencies of State Formation in Eastern Inner Asia. *Asian Perspectives*, 1997, vol. 46, № 2, p. 249–274. Работа выполнена по проекту РГНФ – МинОКН Монголии (№ 07-01-92002а/G) «Кочевые империи монгольских степей: от Хунну до державы Чингис-хана».

формациями идей, ценностей и социальных результатов. Общий результат – подход, который опирается на все более динамическое взаимодействие факторов, некоторые из них зависят от решений, принятых отдельными личностями, а другие – от стечения обстоятельств и взаимосвязи специфических исторических путей, экономических особенностей и экологических ограничений. В различных исследованиях, однако, акцент часто делается на специфических факторах, зависящих как от определенных интеллектуальных традиций, так и от доступности информации.

В исследованиях, касающихся ранних государств и империй восточной Внутренней Азии, постоянно всплывают три ключевых вопроса. Во-первых, взаимодействие с Китаем, которое обычно описывается как отношения «внутренний/внешний» с государствами Внутренней Азии, играющими периферийную роль [например: Di Cosmo 2002: 2–3]; во-вторых, непрерывность и неоднородность, что становится причиной очевидного циклического или недолгого существования ряда государств [например: Lattimore 1940: 529]; в-третьих, внутренняя организационная преемственность степных государств. Каждая проблема заметно переплетена с общей интерпретацией истории Внутренней Азии, но также содержит проблемы, обычные для изучения формирований государств и империй вообще.

Для уточнения аргументации, представленной здесь, необходимо упомянуть некоторые основные критерии того, что же составляет государство и империю. Есть множество определений для этих двух терминов [Johnson и Earle 1987: 216; Sinopoli 2001: 444, 447]. В прошлом дискуссии, обсуждающие проблемы этих определений, часто уводили анализ в сторону интерпретаций, основанных на конкретных примерах. В этой работе я использую обобщенные определения и для государства, и для империи. *Государство* – любое политическое образование, в котором власть относительно централизована и иерархична и где контроль распространяется на определенное население и территорию. Государства имеют один или более центров населения, обычно называемых городами, индивидуумы, живущие в государстве, признают его статус, политически независимый от других таких образований. *Империи* – государства, развивающиеся путем расширения, включая в состав другие государства и области, занимая в результате

большие территории со все более разнообразным населением. Эти определения могут быть не совсем четкими; однако главное здесь – исследование социальных путей, не определение их формальных черт, а анализ пределов возможностей и нестандартных комбинаций разнообразных источников власти и их альтернатив.

Взгляды на государства Внутренней Азии

Разнообразные научные стили породили совершенно различные подходы к пониманию степных политий. Непременно значимой среди традиционных взглядов была марксистская концепция, согласно которой кочевое скотоводство является основой всех государств Внутренней Азии, пройдя через такие этапы развития, как первобытный коммунизм, патриархальное общество, феодализм и, в конечном итоге, социализм, с развитием современного государства в двадцатом столетии [см., например: Potapov 1955: 17]. Другие концепции были менее похожи на марксистскую, но обычно тоже так или иначе принимали наличие некоторых стадий социальной эволюции. Другие, более ограниченные модели развития сосредоточены на скотоводстве, выделяя, например, три стадии мобильности скотоводов: чистое кочевничество, полукочевничество и оседлость [Pletneva 1982:145]. Недавние исследования позволяют несколько пересмотреть подобные взгляды, опирающиеся на свидетельства наличия феодализма европейского типа у кочевников в эпоху Монгольской империи [Bold 2001: 24; Gellner 1994: XI; Kradin 2002].

Другие значимые подходы включают модели культурных изменений во времени, полученные из письменных источников. Эти теории подчеркивают «историческую обусловленность», возникающую из уникального стечения событий [Schortman и Urban 1992: 5]. Как во многих других регионах мира, история государств восточной Внутренней Азии обычно описывается как довольно быстрая и повторяющаяся замена политических общностей, большинство из которых известно, прежде всего, из ранних письменных источников. Источники в основном акцентируют внимание на деятельности знатных родов, ведении войн и расширении или сокращении территории государств, в то время как многим другим проблемам уделяется куда меньше внимания.

Ранние письменные источники по Внутренней Азии являются основой различных интерпретаций Ди Космо [Di Cosmo 1999: 4], например, обращает внимание, что некоторые историки, рассматривающие перспективу мировой истории, часто обозначают роли степных империй как вспомогательные во взаимодействии и торговле между далеко разбросанными оседлыми цивилизациями. Таким образом, кочевые империи служили своего рода катализаторами, и имели существенное значение, но лишь как некое связующее звено для более важных процессов, происходящих где-то в других местах. Вне этой роли их значимость сведена лишь к периферийной, поскольку событиям, происходящим в таких центрах цивилизации как Ближний Восток, Китай и Европа, уделялось большее внимание [например, Chaliand 2004: XI]. Такая «второстепенность» степных империй обращала больше внимания на общие черты, нежели на их отличия, в результате чего они рассматривались как некие однородные и усредненные явления. Среди признаков, часто приписываемых степным государствам, можно отметить «неспособность противостоять местным культурным традициям, их принятие или ассимиляцию культурами, с которыми они столкнулись в своих завоеваниях» [Di Cosmo 1999: 4]. Такая ориентация по существу приуменьшает влияние, потенциал и даже организационную целостность степных политий. Хотя, например, экспансия монголов в XIII–XIV вв. рассматривается как переломный момент в азиатской истории, но при этом процессы региональной динамики все еще не до конца ясны.

Историки, работающие в интересующем нас регионе, собрали значительные данные, демонстрирующие, что некоторые ранние политические объединения могут послужить основой для изучения ряда ключевых процессов. Среди степных общностей есть множество известных политий, но в этой работе внимание акцентируется прежде всего на времени возникновения первых крупных политических образований. С учетом сложности истории Внутренней Азии детали любого подобного списка спорны. Однако цель здесь состоит не в том, чтобы полностью обобщить данные, а привлечь внимание читателя к ключевым названиям народов и примерным датам возвышения и падения выдающихся политических объединений, описанных подробно в другой литературе [Barfield 1989, 2001: 23; Idshinnorov et al.

2000; Jagchid and Symons 1989]. В изучении формирования ранних государств и появления империй преемственность начинается с Хунну, которые также имели черты экспансионистской империи (200 до н. э. – 155 н. э.). Государство Хунну – первое значительное объединение кочевников-скотоводов, на которое государства Китая были вынуждены отреагировать [Barfield 2001: 23; Christian 1998: 183; Watson 1961; Yamada 1982]. Вслед за хунну крупными централизованными политическими объединениями в Монголии в хронологическом порядке были сяньби (130–180 гг. н. э.), тоба вэй (200–400 гг. н. э.), жу-жани (380–555 гг. н. э.), Первый Тюркский каганат (552–630 гг. н. э.), Второй Тюркский каганат (683–734 гг. н. э.), уйгуры (745–840 гг. н. э.), кидани (907–1125 гг. н. э.), монголы (1206–1368 гг. н. э.) и джунгары (1625–1757 гг. н. э.). В то время как некоторые из этих объединений известны благодаря нарративным данным и археологическим памятникам, другие известны исключительно из письменных источников.

Взаимодействие с Китаем

Первая проблема – взаимоотношения Китая и степных политий – является важнейшей и имеет большое значение в рассмотрении других вопросов. обстоятельные исследования не оставляют никаких сомнений, что государства, возникшие в Китае, оказали мощное влияние на большую часть Азии, хотя и существуют различные мнения о фактической роли Китая в переустройстве степных политий, особенно после возвышения государства Хунну приблизительно в 200 г. до н. э. [Barfield 2001; Di Cosmo 2002; Jagchid and Symons 1989].

Главный сюжет, который фигурирует в большинстве интерпретаций взаимодействия Китая со степными народами, – утверждение, что кочевники-скотоводы нуждались в товарах оседлых обществ на юге, особенно в продуктах сельского хозяйства и в широком ассортименте предметов роскоши [Barfield 1989: 8; Pritsak 1981: 15–17]. Устойчивым мнением является то, что Китай, в отличие от кочевников, не интересовал продукты степных регионов, о чем свидетельствует длительная история сооружения различных стен и укреплений между Китаем и Степью [Lattimore 1976: 481]. Необходимо констатировать, что современные исследования не ограничиваются упрощенным про-

тивопоставлением двух миров, тем не менее контраст экономики и окружающей среды по-прежнему лежит в основе большинства моделей интерпретации взаимодействия Китая и Степи. Ощутимая неустойчивость окружающей среды степи и, следовательно, ограниченность экономической базы кочевников упомянуты как причины отсутствия экономического и культурного равенства [Krader 1978: 104]. Это известная дихотомия «степи и пашни» определяла взгляды в течение многих десятилетий. В традиционной историографической интерпретации и в моделях, связанных с культурным развитием, эта дихотомия оказывает сильное влияние. В случае Внутренней Азии это прослеживается в письменных источниках, восходящих к династии Чжоу (1050–256 гг. до н. э), в которых китайские авторы отзываются о народах севера весьма нелестно [Li 1973, vol. 1: 209]. Такие часто повторяющиеся представления китайцев о северных народах со временем становятся сложившимся стереотипом, значение которого влияет и на современные воззрения [Di Cosmo 1994: 1092]. Дихотомии, подобные этой, находят параллели в широком диапазоне антропологической литературы по данной тематике, в которой скотоводы рассматриваются как маргиналы, которые занимают зоны с нестабильной окружающей средой [Weissleder 1978].

В некоторых случаях, однако, дихотомия между степью и южными регионами трактовалась более осторожно. При этом подразумевалось, что в течение больше чем 2000 лет Китай и народы Степи взаимодействовали различными способами, все же ни один народ не был поглощен другим, ни в лингвистическом, ни в культурном, ни в экономическом или политическом аспектах [Barfield 1989: 2]. Даже когда монгольский хан сидел на троне Китая, создавая видимость соответствия культуре, воспринятой элитой завоевателей, различные образы жизни и язык продолжались по различным линиям. Хотя культурные контакты между Китаем и северными степями были постоянны, культурное разделение сохранялось.

Результаты культурных контактов – социально обусловленные взаимозависимые процессы, которые варьируются во времени и пространстве. В длительной истории взаимодействия между Китаем и степными государствами диапазон факторов, которые включаются в действие в различное время, широк. Хотя упомянутая дихотомия может быть в обиходе, она не подходит как средство интерпретации,

потому что ни Китай, ни степные полинии не были постоянными ни в своей организации, ни в социальной мотивации, ни географически в различные периоды времени. Аналогично, экономические критерии для дихотомии не могут быть четко разделены. Хотя часто предполагается, что земледельческая продукция Китая была необходима для поддержки кочевых обществ, степные районы не были заняты исключительно скотоводством, на определенном уровне у них также было развито «дополнительное» земледелие [Dawson 1955:100; Honeychurch и Amartuvshin 2002; Minorsky 1947; Rogers et al. 2005]. В юго-восточном Казахстане, Розен и соавторы [Rosen et al. 2000] идентифицировали процесс интенсивного земледелия, связанный с периодами саков (ок. 750 – 300 г. до н. э.) и усуней (ок. 300 г. до н. э. – 200 г. н. э.). В Забайкальском регионе анализ потенциала аграрной производительности на Иволгинском городище, сделанный Крадиным [Kradin 2005], показывает, что группа оседлых земледельцев (2500–3000 чел.) могла производить существенное количество зерна и овощей, находясь в пределах основной части Хуннской империи.

Второй аспект предполагаемых отношений степных общностей с Китаем затрагивал доступ к предметам роскоши. Термин «предметы роскоши» используется здесь в довольно общем значении, означая широкий диапазон сырья и изделий, которые не были доступны кочевникам и, как считалось, имели высокую значимость: социальную, символическую или экономическую. Такие товары были, конечно, важны для государств Степи, однако Китай был только одним из нескольких источников их получения. Например, прежде чем китайцы «официально» открыли Шелковый путь в 130 г. до н. э., контакты между разнообразными культурами бронзового века и даже в более раннее время были широко распространены по всей Средней Азии и Сибири [Askarov et al. 1999: 463; Chang et al. 2002: 158]. Главные «культуры» бронзового века в Центральной Азии определялись на основе хронологии и артефактов, содержащих и несколько вещей из таких региональных групп, как Федорово/Карасук, Синташа/Петровка и т. д., и из Семиречья. Хотя свидетельств культурного разнообразия все больше, эти группы часто упоминаются вместе как андроновская культура или культурная группа. Новые свидетельства позволили провести новую интерпретацию, которая отмечает тесные связи, но признает присутствие значительного разнообразия [Frachetti 2004:

201, 203]. Характер этого разнообразия отмечен в нескольких статьях в двух недавних изданиях [Boyle и др. 2002; Jones-Bley и Zdanovich 2002]. Взаимодействие среди этих групп и культурных комплексов в Монголии и Китае наиболее вероятно осуществлялось не через формальную торговую сеть, подобно Шелковому пути, но через обширные и очень разнообразные связи [Li 2002].

Прямое свидетельство характера обменных связей в этом обширном регионе может рассматриваться через производство, стиль и фактическую торговлю бронзовыми изделиями и изделиями из медных сплавов [Linduff 2004]. Например, широко известно, что бронзовая металлургия попала в Китай посредством западных связей [Chiou-Peng 1998; Peng 1998]. Западный источник этой технологии и сырья идет из области, известной как Причерноморская металлургическая провинция, которая включает шахты на Урале и в Карпатах. Здесь технология горнодобычи была разработана по крайней мере в III тысячелетии до н. э, позже распространившись по всей Средней Азии [Chernykh 1992, 1997; Chernykh et al. 2002; Frachetti 2002: 165–166]. В Восточной степи источники меди и олова, находившиеся на Алтае и в Минусинской котловине, давали сырье для широкого распространения производства и обмена в начале II тысячелетия до н. э. Всюду в этом регионе есть значимые свидетельства источника происхождения металла, полученные на основе химического анализа и стилистических схожестей, для подтверждения существования дальних торговых связей и местного производства этих высоко ценимых товаров.

К периоду позднего бронзового века многочисленные памятники в Таримском бассейне, Синцзяне и других частях северного и западного Китая дают археологические свидетельства существования даже более интенсивного взаимодействия [Kuzmina 1998; Mei и Shell 2002]. Более поздние китайские письменные источники не оставляют сомнений в том, что государство Хунну вело войны и получало дань из отдаленных городов-государств Туркестана [Hulsewe 1979: 216–217]. Мобильность, обеспечиваемая лошадьми, верблюдами и другими выючными животными, облегчала торговлю во Внутренней Азии как в западном, так и в восточном направлении, также и с Южной Сибирью. Свидетельства этих культурных контактов и торговли предметами роскоши, так же как и повседневными изделиями, являются массовыми на археологических памятниках по всему региону, начиная с

бронзового века [например, Boyle et al. 2002; Jones-Bley и Zdanovich 2002].

Вообще, потребность или нужда в определенном типе товаров, получаемых из Китая, ассоциируется больше с процессами, связанными с функционированием и структурой степной элиты, чем с характером степной экономики. Различия в социальном статусе, фиксируемые в ряде регионов степи еще в бронзовом веке, явились основанием для последующего развития линиджей элиты. Как и в бронзовом веке, богатство было активным агентом социальной дифференциации в ранних государствах, благодаря которому возникли семьи правителей. Это же позволяло им сохранять власть. Однако присутствие подобных явлений в соседнем обществе само по себе еще недостаточно для возникновения потребности их получения с помощью силы, как и активных социальных изменений, связанных с формированием государства. Намного более вероятно, что появление линиджей элиты в бронзовом веке стало началом процесса создания и распределения богатства из многих источников, чтобы поддерживать и расширять внутренне осознанные цели как часть престижной экономики. Даже до формирования государств иностранные (экзотические) товары могли символизировать власть, привилегию и формы знания, удерживаемого вождями и другими представителями элиты общества [Helms 1988]. Из изучения культурных контактов, однако, следует, что значение торговых товаров было очень субъективно и их ценность далеко не всегда соответствовала их значимости в центре. Даже в этом случае уроки Шелкового пути показывают, что желанность различных товаров варьировалась на больших расстояниях [например, Allsen 1997]. Заграничные предметы роскоши, возможно, были особенно значимы для степных политий, которые сформировались как конфедерации или иерархические союзы, состоящие из относительно независимых сегментов. В таком типе организации поддержание конфедерации часто зависело от способности центральных элит обеспечить подчиненных доступом к предметам роскоши.

Обычно принято считать, что Китай являлся основным источником товаров и идей для степных политий, поскольку сложные политические объединения сформировались там раньше. Причины появления ранних государств как форм социальной и политической организации очень дискуссионны; однако совершенно точно, что в Китае

сложные социальные иерархии, ремесленная специализация и городские центры появились еще в глубокой древности [Lee 2002]. Государство Ся (2100–1700 г. до н. э.), которое существовало наряду с культурами Луншань и Эрлитоу, часто называют первым государством в Китае [Chang 1986: 305–307; Liu 1996: 242; Shen 2003: 290]. В Средней Азии Скифское государство возникло к VII в. до н. э. [Khazanov 1978], но в степных областях, граничащих с Китаем, первым известным централизованным политическим объединением, согласно историческим источникам, было Хунну, которое возникло не ранее 200 г. до н. э. Даже хронологическое различие подвергает сомнению любую возможную связь между этими двумя регионами. Однако множество деталей, доступных из письменных источников, позволили установить непосредственную причину и результат взаимоотношений, охарактеризованных Барфилдом [Barfield 2001: 10] в отношении степных политий как «теневых империй», появлявшихся и исчезающих в противовес чередующимся периодам централизации и политической анархии в Китае. Другие утверждают, что возвышение Хунну было связано с политическим и военным ответом на китайские вторжения и непосредственно не связано с объединением Китая [Di Cosmo 2002: 187–188].

Хотя государства, возникшие в Китае, ни политически, ни экономически, ни в военном плане не зависели от Хунну, их статус отличался от традиционного китайского восприятия северных народов. Фактически есть свидетельства того, что, по крайней мере, в военном отношении китайцы восприняли несколько технологий и стратегий от Хунну. Среди них были идеи кожаных доспехов и регулярной кавалерии, использующей большое количество лошадей [Chavannes 1913: XV–XVI]. Одновременно, благодаря политике *хэцинь* от 199 г. до н. э., китайцы приняли стратегию умиротворения, также пытались обучить хунну, посылая интеллектуалов, чтобы разъяснить китайские «правила поведения» [Ying-Shih Yü 1967: 10–12]. Такие формы взаимодействия подразумевают некоторое соглашение о равенстве между Хунну и китайскими государствами. В более позднее время есть много других примеров того, как степная элита использовала знание и опыт из Китая и других источников. Например, Уйгурская полития полагалась на согдийских советников с запада [Mackerras 1972: 10]. Во Втором Тюркском каганате получивший образование в Китае

главный министр Тоньюкук ответственен за создание стратегий, позволивших тюркам усиливать власть [de Rachewiltz 1970: 59]. На раннем этапе существования Монгольской империи двору Чингис-хана очень помогали уйгуры, служившие писцами и должностными лицами [Allsen 1997: 6]. Несмотря на то, что длительная история китайского искусства управлять государством, учености, огромное население, интенсивное сельское хозяйство и стабильный прибавочный продукт дают основание для естественного вывода о первостепенной важности Поднебесной для всех других государств региона, характер взаимодействия был намного более динамичным и избирательным, чем принято считать.

В большинстве случаев формирование государств во всем мире определялось внешним влиянием уже существовавших государств. Так же было и во Внутренней Азии. Степень и характер участия Китая в социальном и политическом развитии во Внутренней Азии являются чрезвычайно сложными и очень неоднозначными. Хотя Китай наряду с Месопотамией, Мексикой и Андами широко известен как регион, где развивались первичные государства, всегда необходимо правильно оценивать характер взаимодействий с окружающими регионами. Даже в некоторых первичных государствах изменения в социальной структуре неизменно имели региональные особенности [Bender 1990: 247; Price 1978; Wright 1977]. В Восточной Азии различные китайские государства в конечном счете оказали значительное влияние на окружающие территории, такие как Вьетнам, Корея и Япония. Однако степные территории к северу в значительной степени не поддавались влиянию ни китайского языка, ни системе письменности, ни календарю, ни политическим системам, ни идеологии, ни другим культурным аспектам. Возможно, главным основанием для такого культурного противопоставления «Север – Юг» являлось серьезное отличие окружающей среды в совокупности с уровнем развития различных традиций на протяжении более чем трех тысячелетий.

Хотя взаимодействие между Китаем и степными политиями не вызвало синкретизма культур, обмен и контакты обеспечили условия для возникновения некоторых степных государств. Таким образом, взаимоотношения с Китаем часто были равными или даже контролировались степными государствами. Конечно, некоторые технологии

из Китая проникли на север в степь, но что еще остается исследовать, так это траектории культурных влияний Севера на Юг [Barfield 1989: 140].

Преемственность и ее нарушение

Вторая тема касается роли преемственности и разрывности в культурных практиках среди некоторых государств, доминировавших в регионе, начиная с возвышения империи Хунну. Кроме происхождения, расцвета и краха также полезно рассмотреть механизмы преемственности в формировании государств и империй. Даже учитывая присутствие этнического и лингвистического разнообразия, нельзя не отметить преемственности в рамках данного региона. Один из эффектов последовательности – государства-преемники все более ограничены, но не детерминированы специфическими историческими событиями. Через этот механизм преемственность и разрывы в последовательности становятся все более и более важным объяснительным инструментом при рассмотрении региональной динамики. Понятия преемственности и нарушение социальных, экономических или политических институтов обеспечивают понимание того, как ранние государства и империи появлялись, а потом трансформировались в иные организационные формы. Даже с появлением новых организационных моделей различия в региональной истории показывают, что устойчивые культурные конструкции сохраняют свои особенности в течение длинного промежутка времени, нередко их называют цивилизациями [Baines и Yoffee 1998: 235; Van Buren и Richards 2000: 5; Yoffee 2005: 15–19]. Преемственность, по существу, относится к созданию наборов идей со значением, функционирующим с течением времени вне масштаба, обычно ассоциируемого с появлением и падением отдельных государств. Для восточной Внутренней Азии идея преемственности находит резонанс в недавнем исследовании Ди Космо о «традиционности», которая функционировала как «набор разнородных политических установок, весьма отдельных от “традиционных” обычаев и ритуалов, которая могла разграничивать этнические границы данного клана или племени» [1999: 7]. Идея «традиционности» подразумевает более широкое рассмотрение преемственности, через признание культурно-исторической связки, соединяющей политические институты в пределах данной конкретной области.

Общность политических институтов, социальной организации и культурных практик функционирует сквозь этнические, религиозные, лингвистические и другие культурные границы во времени и пространстве. В Южной Сибири и Северной Монголии нет недостатка археологических свидетельств появления социальных организмов, которые, возможно, служили прототипами более поздних государств. Афанасьевский культурный комплекс III тысячелетия до н. э. включает добротные поселения с одомашненными животными и может быть культурным источником для некоторых структур бронзового века в Монголии (Kuzmina 2001). Каменные монументы бронзового века Монголии включают погребения из каменных плит, курганы, названные *керексуры*, и монолитные оленные камни [Fitzhugh и др. 2005]. Эти каменные памятники – часть сложного культурного ландшафта, который подразумевал аспекты общественных ритуалов и вероятной связи кланов и элитных линиджей [Allard и Erdenebaatar 2005]. Уникальный по своей конструкции курган Аржан 1 из Южной Сибири, датированный IX в. до н. э., дает поразительный пример наличия прекрасно отлаженных социальных структур на востоке степей Внутренней Азии задолго до появления государства Хунну [Askarov и др. 1999].

Непредвиденные обстоятельства, обусловленные историей, наряду с выборочным использованием памяти являются частью индивидуальной и общественной идентичности, служат хранилищем возможностей и ограничений. Еще задолго до появления первых государств существовали иерархические структуры, лидеры которых использовали символическую преемственность, чтобы или укреплять, или опровергать притязания на власть. Эти явления происходят из традиционного подтекста, включая пересказ значимых мифических событий, генеалогическое отношение с известными предками, ассоциация с некими конкретными регионами и другими источниками для притязаний на положение и привилегии в обществе. В этом отношении стоит посмотреть на истоки государствообразования не только как на некую отправную точку, но также как на основу принуждения и, в конечном счете, учитывать систему ценностей, создавшей социальную преемственность, разрывность и разобщенность как важную составляющую часть формирования государств и империй [Joyce 2000: 67]. Это особенно значимо, когда формирование государства

предполагается как процесс интенсификации насущных потребностей, условий и целей. По существу, создание государств позволяет индивидуумам, особенно находящимся в позиции власти, реализовать личные цели. Эти цели могут рассматриваться как альтруистические или эгоистические, но обычно они базируются на культурных практиках, полученных из разнообразных источников, в том числе с длительными традициями. Таким образом, действия индивидуумов становятся контекстами инновации в пределах определенных диапазонов возможности.

Большая часть работ по истории государств и империй Внутренней Азии подчеркивают последовательную уникальность и недостаток преемственности между политическими и социальными структурами. Последовательность упомянутых ранее государств подразумевает интерпретацию, основанную на преемственности элитных линиджей, участие их в конфликтах, приводящих к появлению нового политического режима. Таким образом, причины перемен возникают как внешние факторы по отношению к данной конкретной политике. Подобные внешние факторы, такие как вторжение или другие формы кризисов, затем являются наиболее вероятными агентами, вызывающими разобщение между политиями. Однако проблема здесь не в определении причины, вызвавшей крах одного политического режима и его замену другим, но в изменчивости, свойственной непосредственно переходу и условию для анализа источников власти и их замены [например: Cioffi-Revilla 2005]. Например, после падения северных хунну в 89 г. н. э. большие группы их разномастного населения были включены в следующее Сяньбийское государство [Barfield 1089: 80; Ishjamts 1994: 155–156], другие бежали, в то время как множество групп присоединились к Южным Хунну, которые уже вступили в союз с Китаем [Parker 1894–1895: 259]. В другом случае, как сообщают письменные источники, падение Уйгурского каганата повлекло за собой разрушение его огромной столицы Хар-Балгас и перемещение его населения достаточно далеко на запад [Mackerras 1972: 124–125; Minorsky 1947: 278]. До какой степени такие различные результаты – результат стечения обстоятельств, а не закономерные изменения?

Записи китайских историков того времени, а иногда и более поздние, обычно были первыми, в которых содержалась информация,

использованная для построения вышеупомянутой очередности событий в истории культуры. То, что являлось довольно быстрой и повторяющейся заменой политических формирований, определенно поднимает ряд вопросов о преемственности, разрывности, роли внутренней организации и внешних взаимодействий. Такие итоги определенно не придают значения преемственности при подчеркивании разрывности в культурной и политической организации. Некоторые из перерывов, представленных в документальных источниках, возможно, фактически вызвали последствия, значительно менее окончательные, чем крах государства [Bronson 1988: 197]. В регионах мира с длительной письменной историей единицы времени, обычно составляющие последовательность, вращаются вокруг династических преемственностей или других событий в военной или политической истории. Египетские династии между прединастическим периодом и римским периодом – хрестоматийные примеры преемственной хронологии, известной преимущественно по нарративным данным [Richards и Wilfong 1995]. В отличие от Египта или Внутренней Азии, в регионах с редкими или короткими по времени историческими записями история становится преемственностью «культур». Это – типичное различие между дописьменной историей и историей, и определение того, что является примечательным в регионе, часто опирается на доступность письменных источников в противоположность другим формам информации. Это также серьезно зависит от теоретической ориентации и научного стиля конкретных исследователей.

Противоположная точка зрения относительно преемственности вышеназванных политий и их предположительные политические и социальные разрывности – свидетельство для важнейших форм непрерывности внутри тех же самых очевидных границ. Конечно, наиболее вероятное происходит из основной степной формы экономики – скотоводства, появившейся в бронзовом веке не позднее 1500 г. до н. э. в Монголии [Allard и Erdenebaatar 2005; Bold 2001] в комбинации с различными видами земледелия [Ди Космо 1994; Chang и др. 2002: 151; Honeychurch и Amartuvshin 2002; Ishjamts 1994: 158; Vainshtein 1980: 164]. Для усиления механизмов государственного формирования, кроме этих фундаментальных экономических сходств, государства выделялись многими схожими чертами, также способствовавшими

преемственности на протяжении значительных отрезков времени. В качестве альтернативы, формирование государства как процесс не обязательно подразумевает преемственность экономики или культурных практик, при отсутствии подобных сопутствующих факторов, эти характеристики могут вести к развитию все более сложных социальных систем. Очень важный фактор, связывающий вместе региональный подход к формированию государства, – преемственность в идеологических моделях, используемая элитами для установления законного контроля, иначе именуемая *социальной властью*.

Формы социальной власти на стадии становления ранних государств создали политическую экономику власти, обычно осуществляемую путем создания монументов, центральных мест, использования общественных символов, ритуалов, языка и прочих способов развития культурных ландшафтов [например, DeMaggais и др. 1996]. Конечно, социальная власть могла быть достигнута и иными средствами. Очевидно, принуждение и завоевание устанавливают контроль над группами и регионами. Использование силы, однако, эффективно лишь на коротком отрезке. Оно является дорогостоящим и непостоянным способом увековечить власть. Установление и поддержание социальной власти в конечном счете зависят от стратегий легитимизации власти, первоначально идет процесс объединения групп в единую конфедерацию – как это было типично среди степных политий – и позже в расширении этих государств, для включения нового населения и территорий. В проблеме преемственности критическим вопросом для археологов становится, продолжают ли в периоды перехода или краха символы и другие формы материальной культуры иметь тот же смысл или же они подвергаются процессу переосмысления. Исторические записи предоставляют примеры применения силы принуждения и легитимизации власти и как эти процессы были осуществлены в следующих друг за другом государствах.

В ранних государствах во всем мире есть существенные свидетельства использования «небесных мандатов» для оправдания власти [Kürsat-Ahlers 1996: 139–141; Trigger 2003: 87]. Всюду в истории восточной Внутренней Азии есть заметные сходства в идеологии и легитимизации властных отношений. В государстве Хунну самые ранние упоминания о царе (*шаньюе*) уже подразумевают его божественное освящение через использование титулов, вроде Великого Сына Неба

(*T'ang-li-ku't'u Shan-yü*) [Christian 1998: 195; Ishjamts 1994: 158]. Титулы наподобие этого похожи на китайские царские титулы и обычно рассматриваются как признак китайского влияния. Однако понятие богов Небес (*тенгри*) широко распространено в восточной Внутренней Азии и особенно хорошо известно из более поздней Тюркской и Монгольской религий [Heissig 1980], где они обычно трактуются как основание власти. Учитывая эти потенциальные источники для идей о сакральном лидерстве, преждевременно рассматривать Китай как единственный возможный их источник [Allsen 1996: 117]. Кроме того, версии титулов по предоставлению китайских историков могут отображать их интерпретации согласно традициям той эпохи. Фактически же, Кюрзат-Алерс [Kürsat-Ahlers 1994: 266] утверждает, что первая часть титула шаньюя Хунну происходит от слова *тенгри*, ссылаясь, таким образом, на традиционные верования степей, а не Китая. При таких обстоятельствах нет основания считать Китай единственным источником идей, так как новые идеологии власти часто создавались во время централизации власти лидера и не обязательно заимствовались у соседей [Flannery 1999: 15–17; Sahlins 1981].

Надписи тюркского и уйгурского происхождения, датирующиеся от 552 г. до 840 г. н. э., подтверждают три компонента легитимизации власти. Как описано Оллсеном [Allsen 1996: 116], они включают в себя: 1) трансляция небесного мандата бога Неба Тенгри, как наблюдалось в Империи Хунну; 2) притязания этой власти на контроль над всей степью, если не над всем миром и 3) особенная благодать (благословение), подаренная какому-то конкретному лидеру [Golden 1982; Khazanov 1993: 465–466; Mackerras 1972: 64–65, 80–81]. Особые отношения лидеров с высшими силами находят параллели с теми, что используются в шаманских традициях для достижения духовного лидерства и очевидны в ранних текстах, касающихся происхождения Тюркского государства [Eliade 1964: 189; Golden 1982: 42], Киданьской [de Rachewiltz 1970: 59] и Монгольской империй [Cleaves 1982: 176–177].

Легитимизация власти выражается также и материально в сакральной географической связи с этническим происхождением и мифическими предками. Хотя многие авторы: Голден [Golden 1982], Оллсен [Allsen 1996] и Кюрзат-Алерс [Kürsat-Ahlers 1996] – описы-

вают использование священных мест как источников легитимизации и преемственности, связывающей степные государства. Среди нескольких значимых мест действия долина реки Орхон в Центральной Монголии выделяется как ключевая область.

В традиции, которая, возможно, восходит ко времени Хунну, долина Орхона была местом имперских стоянок, священных объектов и городов. В то время как нет прямых археологических подтверждений, предполагается, что столица Хунну Лунчэн была расположена в юго-восточной части Хангайских гор около долины Орхона [Allsen 1996: 124; Ishjamts 1994: 156]. В том же самом регионе, как отмечают документальные источники, государство жужаней и Тюркский каганат имели священные места, связанные с авторитетом их правителей. Тюрки называли эту землю *Отукеньская чернь* и признавали как центральное место, необходимое для управления государством [Allsen 1996: 124; Golden 1982: 49]. Более поздние источники, упоминающие государство уйгуров (745–840 гг. н. э.), еще более показательны – достаточно посмотреть описания современников города и дворца в Орду-Балыке (Хар-Балгасе) в долине Орхона [Minorsky 1947]. Мифы о происхождении уйгуров обнаруживают глубокие связи с этим регионом. По персидским и китайским источникам, происхождение уйгуров связывается с горой Каракорум (Хархорин) и Курум (Ho-lin) в долине Орхона [Juwayni 1912–1937, vol. 1: 39–46, 191–192; 1958: 54–61, 236; Su T'ien-chüeh 1967, ch. 26: 1b–2a]. Позже кидани (907–1125 гг. н. э.) признавали духовное значение области Орхона, хотя сами и не были оттуда, их политические центры находились в южной Маньчжурии и северном Китае [Allsen 1996: 125]. Эта область по-прежнему сохраняла большое значение для различных групп монголов вплоть до их возвышения при Чингис-хане в начале XIII в. н. э., когда область Орхона снова стала играть главную политическую роль. Монголы, несомненно, знали о традиционной важности региона, когда они установили свою столицу в Хархорине (Каракоруме), в 24 км к югу от прежней столицы уйгуров и всего в 16 км от тюркского храмового комплекса в Хошо Цайдам. Даже в этом случае решение строить Хархорин не было принято поспешно. Джувейни [1912–1937, vol. 1: 39–46, 191–192; 1958: 54–61, 236] сообщает о знакомстве с археологическими древностями. Известно, что монголы выкопали в Орду-Балыке стелу и принесли ее мудрецам, чтобы те перевели китай-

ский подлинник. Перевод подтверждал, что там жил уйгурский хан, тем самым давая монголам дальнейшую связь с древними царскими традициями.

Исследование монголами древних традиций и их использование для поддержания ощущения непрерывности говорит о процессе легитимизации власти как об ограничениях и возможностях, которые появляются благодаря приобретению специализированного знания. Вместе с новой информацией это было явное изобретение традиции. Монголы не были этнически близки к уйгурам, но сохранялась значимость традиции наследования, которая бы обусловила право управлять регионом. Помимо целеустремленных усилий монголов построить наследование, другие существенные взаимосвязи происходили из традиций государства тюрок и обширной традиции степных религиозных практик, которые часто существовали параллельно с более новыми системами верований, такими как ислам, иудаизм, манихейство и несторианское христианство.

Организация порядка

Третья тема организационной преемственности широко затрагивает модели, существующие в построении и поддержании порядка. В частности, цель этого раздела статьи состоит в том, чтобы рассмотреть, как ранее рассмотренные механизмы способствуют созданию и поддержанию операционных стратегий, соответствующих конкретным историческим обстоятельствам, связанным с появлением первого государства и государств преемников. В восточной Внутренней Азии модели, составляющие основание для организационной преемственности и специфической траектории изменений, могут быть прослежены по крайней мере с появления скотоводства в бронзовом веке во II тысячелетии до н. э. [Honeychurch and Amartuvshin 2006: 259]. Даже в пределах структуры, основанной на животноводстве, разнообразные общества по всей Центральной Азии адаптировали различавшиеся системы питания к местным условиям. Это экономическое и социальное разнообразие обеспечило богатый источник роста для формирования начальных форм социальных иерархий.

Построение порядка возникает в контексте легитимизации власти и имеет следствием поддержание политического и организационного контроля над населением и территорией. Фактически порядок зависит

от согласия претензий правящей элиты на легитимность большинством населения. Это обычно воплощается в идеологии, которая включает механизмы контроля, правителя и его или ее инструментов управления, наряду с системами верований [Baines and Yoffee 2000: 14–15]. Это имеет фундаментальную важность для любой организации, для установления и институализации методов легитимизации. В случае с Внутренней Азией речь должна идти не о существующих формах социального порядка, а об источниках культурного знания, которые позволяли создавать различные варианты общественных систем – это как раз дискуссионная область предмета, особенно потому что касается роли оседлых государств. Хотя Китай часто рассматривается как универсальный источник заимствований, есть свидетельства того, что формы культурного знания, позволившего поддерживать порядок, были получены из многих источников, в том числе из древних местных традиций, которые связывали преемственностью степные политии.

Даже при наличии традиций и идеологии контроля существовал еще процесс преобразования их в последовательную государственную организацию. В степных политиях, как фактически во всех ранних государствах, построение порядка вращалось вокруг централизации управления, включая преобразование власти на основе родства к власти по должности; контроль над ключевыми ресурсами; географическое расположение административных функций; урегулирование этнических и лингвистических противоречий. Эти и другие аспекты контроля четко сформулированы в исследованиях по происхождению государства [например, Hunt and Hunt 1978: 78–79], включая иерархию и другие альтернативы, акцентированные на централизации элит [Blanton 1998: 138–139; Ehrenreich et al. 1995].

Централизованный контроль был, по существу, результатом учреждения иерархии элиты, способной объединить независимые или свободно присоединенные группы для общих целей [Spencer 1994]. В некоторых случаях группы разделяли культурные общности языка и этнической принадлежности, а иногда нет. В контексте окружающей среды и ресурсов во Внутренней Азии механизмы, вовлеченные в осуществление скачка к многогрупповой организации, обычно включали комбинацию харизматического лидерства, управления и, по меньшей мере, фиктивное распределение ресурсов, контроль над ин-

формацией и силу принуждения. Здесь проблема организационной преемственности играет роль более в переходе от одной известной политики к другой, чем в первой значительной консолидации власти под главенством Хунну. Как описывалось, наследственное лидерство было широко известно – почти наверняка еще до возникновения первых государств – лидеры, имевшие возможность привести изменения, объединяя разрозненные группы, также могли централизовать власть, изменив существовавшие традиции лидерства. Это могло быть достигнуто без необходимости изобретать новую идеологию контроля [например: Sahllins 1981]. Хотя Ди Космо [Di Cosmo 2002: 184] утверждает, что установление «полувертикальной» структуры власти было подобно социальной революции, но существование наследственного лидерства и долгих традиций неустойчивого политического подчинения указывает на менее радикальный процесс регулирования, который обычно проходил в ранних государственных формированиях [Flannery 1999: 15].

В большинстве случаев авторитарная власть (*authority*) появилась путем учреждения конфедерации и системной власти (*systemic power*) в противоположность межличностной власти (*interpersonal power*), происходящей из родственных связей [Lehman 1969: 455–456]. Многочисленные конфедерации существовали недолго; только немногие обладали всеми условиями для расширения государства с централизованным управлением. Часто играло роль харизматическое лидерство, но критическим моментом в росте государства был переход от иерархий, основанных исключительно на отношениях родства, к тем, которые включают, по крайней мере, смесь родственных отношений с должностными категориями [Di Cosmo 1999: 21; Gailey 1985]. Этот феномен может быть замечен в нескольких государствах, включая Хунну, Первый Тюркский каганат и Уйгуров [см.: Mackerras 1972: 190–194], в то время как другие общества, такие как монгольское, демонтировали существующие структуры и возложили обязанности не на родственников, а на должностных лиц из числа способных индивидуумов, лояльных к хану [Barfield 1989: 192, 197]. Даже с переходом к категориям должностных лиц смерть хана часто означала развал государства, учитывая, то, что правила наследования не предотвращали королевскую междуусобицу и гражданскую войну [см.: Sinopoli 2001: 152].

Даже в случаях эффективного централизованного лидерства подчиненные лидеры, особенно занимающие прочные положения в иерархиях местных групп, продолжали играть важные роли. Идеология власти и вассалитета не могла помешать тому, что индивидуумы внутри конфедерации из относительно независимых групп почти всегда продолжают конкурировать за положение и ресурсы. Мотивации этих индивидуумов часто шли в противоречие с целями централизованного лидерства. Для степных политий корпоративное решение конфликтных интересов, очевидно, находилось в компетенции правящих советов, с которыми королевской авторитарной власти нужно было консультироваться и которые накладывали и другие ограничения [см.: Barfield 1989: 209; Parker 1900–1901: 2]. В последующих империях, нужно отметить, местные администрации, несмотря на существование центральной власти, часто функционировали относительно автономными способами.

Для процесса централизации власти контроль над ключевыми ресурсами был важнейшим инструментом для появления и стабильности степных политий. Эти ресурсы включали способность лидеров обеспечить доступ как к первостепенным нуждам, таким как вода, пастбища и сельскохозяйственная продукция, так и к торговле разнообразными товарами. Последнее было особенно важно в плане перераспределения благ, как символический капитал, если королевские кланы хотели сохранять лояльность подчиненных. Торговля или насильственные альтернативы, как набеги и войны, предоставляли доступ к экзотическим товарам, игравшим главную роль в системе престижных предметов, предназначенных для непрерывного подтверждения и укрепления авторитета власти [Bourdieu 1977: 179–180; D'Altroy и Earl 1985; Friedman and Rowlands 1977]. Как уже говорилось выше, в восточной Внутренней Азии параметры обмена обычно определялись статусом степных политий как экономически зависимых от государств Китая. Нет сомнений в том, что приобретение престижных товаров из Китая было крайне важно; однако новые данные указывают на значительно более динамичный диапазон взаимодействий, способствующих обогащению степных политий.

Построение идеологии власти и контроль над ресурсами – часть накопления политического капитала центральными элитами в их попытках связать вместе этнически и лингвистически различные группы

населения. Хотя преемственность государств степи подразумевает замену одной этнической группы другой, данные о преемственности указывают на иную ситуацию, когда население часто перемещалось или включалось в состав государств преемников. Некоторые краткие комментарии в ранних китайских источниках о падении Хунну и возвышении государства Сяньби очень хорошо отражают это. В этом случае сообщалось, что 100 тыс. семей хунну были включены в состав нового государства и приняли этническое название сяньби [Ish-jamts 1994: 155–156]. Число 100 тыс., может быть, и чрезмерно завышено; однако главное в том, что объединение различных групп действительно происходило внутри новой политики. Другие примеры часто показывают, как политики расширяли свои территории или включали в себя перебежчиков противников [например: Golden 1992: 2].

Объединение этнических и лингвистических разнородностей в установлении порядка элитами важно, потому что такие различия есть источник противоречий конкурирующих идеологий, которые могут быть потенциально разрушительными в отношении власти. Это не означает, что ранние государства обязательно пытались ассимилировать население, но означает, что должна была существовать подходящая тактика. Типичные подходы могут быть сформулированы в четыре стратегии. Первая – *устранение разнородности (elimination of diversity)* – включает попытки создания централизованной иерархии, чтобы уничтожить часть населения или другими способами принудить его к соответствию среди включенных групп. Эта стратегия часто связывается с завоеваниями, мотивируемыми сильно идеализированными перспективами, что не было особенно распространено в Восточной Азии [например: Bronson 2000: 124], зато широко встречается во многих других регионах. Устранение разнородности может включать такие подходы, как упразднение местных иерархий лидерства, поглощение значимых культурных символов, изгнание некоторых групп или геноцид. В Монгольской и других империях процесс экспансии часто включал полное уничтожение групп населения, отказавшихся сдаться [Dawson 1955: XIII], хотя это скорее гарантировало подчинение, чем ограничивало разнородность населения. Среди 19 государств степи, упомянутых здесь, ни одно не пыталось систематически *устранять разнородности*.

Второй подход – *создание преемственности (creation continuity)* – хорошо обдуманная стратегия поиска организационных и культурных связей, чтобы сформировать некие узы, объединяющие разнообразия. Этот подход связан со стратегиями элит для легитимизации, направленными на укрепление контроля над разнородным населением и включавшими общественную символику для публики вне элиты. Уже упомянутый случай с включением хуннских семей в сяньбийскую политику может быть примером последовательного создания форм культурной преемственности путем отрицания разнородности и создания традиции. Другие возможные аспекты этого подхода предполагают образование государственных религий [например: Blanton et al. 1996: 11], а также типичный и менее решительный формальный обмен подарками и браки между центральными лидерами и элитными семьями подгрупп и новых завоеванных областей. Эти обмены были почти повсеместными в формировании альянсов, в переговорах о соглашениях и консолидации линиджей подгрупп [например, Cleaves 1982: 185].

Третья стратегия – *механизмы перекрывания (overlay mechanisms)* – подходы, включающие разнородность в некую категорию, импортируя административные структуры, которые обходят существующие системы политической и культурной организации. Согласно этой стратегии, разнородность в значительной степени игнорируется и народные массы рассматриваются как взаимозаменяемые части большого целого. Это не подразумевает, что разнообразие остается незамеченным – лишь важные составляющие организационных связей удаляются из существовавших ранее культурных сфер. Механизмы перекрывания могут фактически позволить религиозным и другим формам разнородности процветать, пока не возникают серьезные конфликты. Пример – широкое разнообразие религий, представленных в столице монголов Каракоруме, как известно из сообщений Вильяма Рубрука в 1254 г. [Dawson 1955: 184; Khazanov 1994]. В то время как это довольно простой подход, он также опасен для возникшей империи, в которой не обеспечиваются на длительный срок решения проблемы создания единства из разнородности.

Четвертый подход – *маргинальное объединение (marginal incorporation)* – стратегия, часто замечаемая в приграничных районах расширяющихся империй или в ситуациях, когда колонизация или дру-

гие формы прямого воздействия не применимы к недавно включенной области. Маргинальное объединение обычно включает в себя залоги подчинения местными лидерами и оплату дани, и это основная стратегия главенствующих империй. Существовавшие ранее иерархии элит остаются на месте, кроме, возможно, самых высших уровней, и расширяющаяся империя ничего не делает для противостояния внутреннему самоуправлению. Синополи [Sinopoli 2001: 444] утверждает, что маргинальное объединение – фактически норма для большинства ранних империй и одно из главных причин недолговечности этих организаций. Степные политики были, разумеется, менее устойчивыми при использовании стратегии маргинального объединения в определенные моменты в своих попытках к консолидации и расширению. Конфедерации хунну, тюрков и киданей дают хорошие примеры этой стратегии. Некоторые очень детальные сведения доступны из источников, касающихся расширения Монгольской империи, такие как дань золотом, серебром, жемчугом и текстилем, полученная от уйгуров, тангутов и др. [Cleaves 1982: 172, sec. 238 и 186, sec. 249; Terent'ev-Katanskii 1993: 13, 19]. Здесь проблемы разнородности, вызванные включением новой области, снова игнорируются.

Каждая из этих четырех стратегий представляет идеальный тип взаимодействия, применяемого последовательно или выборочно как часть процесса экспансии конкретного государства. Фактически, расширяющиеся государства действительно выборочно использовали эти стратегии в различных областях в зависимости от экономических условий и степени этнических различий. Логистические методы, вроде учреждения различных типов колоний, обычно применимы к любой из первых трех стратегий [Rogers 2005]. Второй вывод об этих стратегиях состоит в том, что люди, включаемые в расширяющуюся империю, почти наверняка вовлекались в формы открытого и скрытого сопротивления. Ранние документы говорят о восстаниях, но колониальные антропологи показали достаточно много других способов сопротивления контролю [Dirks 1992; Miller et al. 1989]. В поглощении культурных символов, создании традиции или других попытках узаконить контроль, например, нет никаких оснований полагать, что индивидуумы легко согласятся переписать собственную историю или переконструировать генеалогию предков. Те, кто использует подобные методы в процессе структурирования политической иерархии,

неизбежно должны иметь в виду, что тем самым создаются основания для появления организованной оппозиции. Однако успех государства зависит от того, до какой степени население становится активным участником недавно организованного порядка.

Заключение

Государства образуются разнообразными способами и по множеству причин [Adams 1988: 37; Cohen 1978: 8]. Хотя есть много причин, которые потенциально влияют на формирование и крах государств, редко когда (если вообще) существует единственная причина, не зависящая от взаимодействия с диапазоном других факторов [например: Alcock et al. 2001; Feinman and Marcus 1998; Yoffee и Cowgill 1988]. Для степных политий восточной Внутренней Азии большинство интерпретаций формирования государства и впоследствии империи связано с возможностями и конфликтами, появляющимися вследствие взаимодействия с оседлыми государствами, особенно с Китаем [Barfield 1989, 2001]. Слабость степной скотоводческой экономики рассматривалась как причина для возможной потребности приобретения земледельческой продукции, что заканчивалось зависимостью от оседлых групп населения (Kradler 1978). Новые данные дали материал для успешного оспаривания старой модели противостояния скотоводов и земледельцев [Cribb 1991: 24–25; Di Cosmo 1994; Rogers et al. 2005], хотя она и остается распространенной точкой зрения. Исследования, которые подчеркивают это экономическое противопоставление, показывают, что кочевники-скотоводы развили политическую иерархию только благодаря взаимодействию с соседними государственными сообществами [Irons 1979: 362; Khazanov 1994; 2001: 1; Kradin 2002]. С учетом ориентированной таким образом интерпретации роль внешних влияний на государства Внутренней Азии остается доминирующим объясняющим фактором. В этих интерпретациях подтверждающим аргументом для обоснования преемственности степных политий является циклическое объяснение [Barfield 2001]. Однако есть основание считать, что подобные внешние взаимодействия всегда важны, но не обосновывают фактические формы или пути трансформации социальной организации, наблюдаемой в некоторых случаях. Аргументы, приведенные в разделах этой статьи, указывают

на значительно более динамический процесс, в котором интенсификация потребностей, положений и целей элит создавала обстоятельства, которые привели в действие другие обуславливающие факторы.

Литература дает множество примеров того, как лидеры утверждали право управлять. Во многих случаях подчеркивалась преемственность прошлых культурных практик, даже если это предполагало изобретение традиций. Аналогично, существующие религиозные верования связывались с вариациями алтайского шаманизма, который включал в себя и высшего бога неба Тенгри, богиню земли Этуген и других богов, игравших роль в преемственности и легитимизации власти. Степные лидеры, использовавшие небесные ярлыки для оправдания полномочий на власть, – отнюдь не свидетельство принятия китайской имперской идеологии, как предполагал Голден [Golden 1982: 48] или де Рахевильц [de Rachewiltz 1970: 59]. Вне преемственности культурной практики существовали контакты, которые простирались во всех направлениях, что могло способствовать заимствованию иных, не китайских моделей легитимизации царской власти. Иные модели космологической сакрализации власти могли быть взяты из культур скифо-сибирского круга, государств Минусинской котловины, Тувы [Jacobson 1993; Savinov 1989; Vainshtein 1980], а также из других окружающих регионов. По большому счету подобными способами укреплялась власть в ранних цивилизациях во всем мире. Лидеры ищут пути легитимизации своего контроля и наиболее успешными кажутся те, которые преобразованы из традиционных источников с обширными культурными ценностями. Практически во всех случаях власть санкционирована богами, если только самим лидерам не приписывались черты богов [Trigger 2003: 85].

В то время как в этой работе внимание было акцентировано на образе элит, в других исследованиях делались попытки рассматривать идеологические представления и репрезентации представлений о власти индивидуумов, не принадлежащих к элите. Один путь – проследить осуществление идеологии власти через образы, выраженные материально, то есть артефакты, архитектуру и другие материальные объекты [например: Minert 1985: 190–191; Steinhardt 1988]. Именно с этой точки зрения археологические исследования должны пролить свет на некоторые вопросы, рассмотренные здесь. Ранние письменные источники показывают, что преемственность в системах веры была

материально четко выражена в культурно значимых символах, включая архитектуру, священные места и места с культурным значением, например долина реки Орхон.

Данные последовательности в культурных и экономических практиках, особенно легитимизация власти, динамика создания и поддержания порядка, становятся контекстом появления организационной преемственности. В частности, построение порядка анализируется здесь вследствие эфемерного и неустойчивого характера степных политий. Такой критический анализ играет роль в дальнейшем восприятии, которое низводит номадов – являются ли они полукочевниками или нет – до групп, существующих вне пределов влиятельных центров цивилизации. Этой точке зрения, однако, противоречат свидетельства в виде культурной преемственности, экономических моделей и стратегий, используемых появляющимися государствами, для поддержания политического и организационного контроля над народными массами. Успех политики часто зависит от того, насколько удастся найти оптимальные стратегии для преодоления этнической и лингвистической разнородности. Есть несколько путей осуществить это, спектр возможностей весьма широк – от попыток насильственной унификации до форм механического объединения. Из различных стратегий механическое объединение широко использовалось как способ получения дани, но вряд ли как нечто большее. Как метод это было наименее интеграционное решение для управления разнородным населением, но также требовало минимума бюрократии.

В некоторых случаях данные, необходимые для аргументации, просто недоступны. Любые источники информации имеют свои пределы, и хотя ранние письменные источники являются богатыми и разнообразными сводками, есть вопросы и перспективы, в которых можно преуспеть только в результате поиска новых свидетельств. Археологическая информация также имеет свои ограничения, однако есть значительный, далеко не реализованный потенциал. Отчасти это просто результат относительно малого объема работ, проведенных пока во Внутренней Азии, хотя это – также результат теоретических ориентаций и методологий. В ближайшее десятилетие подходы, вероятно способные привести к новым результатам, должны будут учитывать: 1) основные исследования методов питания, особенно данные по

земледелию; 2) региональные исследования, рассматривающее расположение памятников и их функции, также отношения городских центров и окружающих областей; 3) изучение городских центров непосредственно, особенно свидетельства ремесленной специализации и материализации власти через пространственную организацию статуса и административные функции. Применение этих подходов к обширным археологическим данным из восточной Внутренней Азии должно внести вклад в решение региональных вопросов и анализа появления и последовательности власти и общественного строя.

БЛАГОДАРНОСТИ. Огромную помощь исследованию, на котором основаны данные этой статьи, оказали директор Института истории Монгольской академии наук Ч. Далай, директор Института археологии Монгольской академии наук Д. Цэвэндорж. Варианты этой статьи были значительно улучшены в соответствии с комментариями, сделанными несколькими коллегами, особенно У. Ханичёрчем и К. Синопполи. Я также признателен за интеллектуальную поддержку, обеспеченную междисциплинарной командой ученых (Smithsonian and George Mason University), работающих над математическим моделированием в общественных науках в анализе ранних государств и империй. Некоторые из ключевых людей в этой группе – К. Коффи-Ревилла (Claudio Cioffi-Revilla), Паула Деприст (Paula DePriest), В. Фицхью (William Fitzhugh), Б. Прохлич (Bruno Prohlich), В. Ханичёрч (William Honeychurch), Ш. Льюк (Sean Luke), Д. Паркер (Dawn Parker) и М. Цветоват (Max Tsveotvat). Я ценю поддержку, обеспеченную С. Керник (Sarah Kurnick).

Литература

- Adams R. 1988. Contexts of civilizational collapse: A Mesopotamian view. *The Collapse of Ancient States and Civilizations* / Ed. by N. Yoffee and G. L. Cowgill. – Tucson: 20–43.
- Allard F. and D. Erdenebaatar. 2005. Khirigsuurs, ritual and mobility in the Bronze Age of Mongolia. *Antiquity* 79: 547–563.
- Alcock S. E., T. D'Altroy, K. Morrison, and C. Sinopoli. 2001. *Empires*. – Cambridge: Cambridge University Press.
- Allsen T. 1996. Spiritual geography and political legitimacy in the Eastern Steppe. *Ideology and the Formation of Early States* / Ed. by H. J. M. Claessen and J. G. Oosten. – Leiden: 116–135.
- Allsen T. 1997. *Commodity and Exchange in the Mongol Empire: A Cultural History of Islamic Textiles*. – Cambridge: Cambridge University Press.
- Askarov, A., Volkov V. and Ser-Odjav N. 1999. Pastoral and nomadic tribes at the beginning of the first millennium B. C. *History of Civilizations of Central*

Asia. Vol. 1. The Dawn of Civilization: Earliest Times to 700 B. C. / Ed. by A. H. Dani, and Masson V. M. – Delhi: 459–472.

Baines J., and Yoffee N. 1998. Order, legitimacy, and wealth in ancient Egypt and Mesopotamia. *Archaic States* / Ed. G. M. Feinman and J. Marcus. – Santa Fe: 199–260.

Baines J., and Yoffee N. 2000. Order, legitimacy, and wealth: Setting the terms. *Order, Legitimacy, and Wealth in Ancient States* / Ed. J. Richards and M. Van Buren. – Cambridge: 13–17.

Barfield T. 1989. *The Perilous Frontier: Nomadic Empires and China*. – Oxford: Blackwell.

Barfield T. 2001. The shadow empires: Imperial state formation along the Chinese-Nomad frontier. *Empires: Perspectives from Archaeology and History* / Ed. by S. E. Alcock, T. N. D'Altroy, K. D. Morrison, and C. M. Sinopoli. – Cambridge: 10–41.

Bender B. 1990. The dynamics of nonhierarchical societies. *The Evolution of Political Systems: Sociopolitics in Small-Scale Sedentary Societies* / Ed. S. Upham. – Cambridge: 247–263.

Blanton R. 1998. Beyond centralization: Steps toward a theory of egalitarian behavior in archaic states. *Archaic States* / Ed. G. M. Feinman and J. Marcus. – Santa Fe: 135–172.

Blanton R., Kowalewski S., and Peregrine P. 1996. A dual-processual theory for the evolution of Mesoamerican civilization. *Current Anthropology* 37(1): 1–14.

Bold Bat-Ochir. 2001. *Mongolian Nomadic Society: A Reconstruction of the 'Medieval' History of Mongolia*. – Richmond, UK: Curzon Press.

Bondarenko D. M., and Korotayev A. V. (eds.). 2000. *Civilizational Models of Politogenesis*. – Moscow: Russian Academy of Sciences, Center for Civilizational and Regional Studies.

Bourdieu P. 1977. *Outline of a Theory of Practice*. – Cambridge: Cambridge University Press.

Boyle K., Renfrew C., and Levine M. (eds.). 2002. *Ancient Interactions: East and West in Eurasia*. – Cambridge: McDonald Institute for Archaeological Research.

Bronson B. 1988. The role of barbarians in the fall of states. *The Collapse of Ancient States and Civilizations* / Ed. by N. Yoffee and G. L. Cowgill. – Tucson: 196–218.

Bronson B. 2000. Order, legitimacy, and wealth in ancient China. *Order, Legitimacy, and Wealth in Ancient States* / Eds. J. Richards, and Buren M. Van. – Cambridge: 120–127.

Chaliand G. 2004. *Nomadic Empires: From Mongolia to the Danube*. – New Brunswick, NJ: Transaction Publishers.

Chang C., Tourtellotte P. A., Baipakov K. M., and Grigoriev F. P. 2002. *The Evolution of Steppe Communities from the Bronze Age through Medieval Periods in Southeastern Kazakhstan (Zhetysu): The Kazakh-American Talgar Project 1994–2001*. – Sweet Briar, VA, and Almaty, Kazakhstan: Sweet Briar College, the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan, A. Kh. Margulan Institute of Archaeology.

Chang Kwang-Chih. 1986. *The Archaeology of Ancient China*. – New Haven: Yale University Press.

Chavannes E. 1913. *Les Documents Chinois Découverts par Aurel Stein dans les Sables du Turkestan Oriental*. – Oxford: Impr. de l'Universiter.

Chernykh E. N. 1992. *Ancient Metallurgy in the USSR: The Early Metal Age*. – Cambridge: Cambridge University Press.

Chernykh E. N. 1997. *Kargaly: Zabytyi Mir*. – Moskva: Institut Arkheologii.

Chernykh E. N., S. V. Kuz'minykh, and N. I. Merpert. 2002. Metallurgiya v tsirkumpontiiskom areale: Ot edinstva kraspadu. *Rossiiskaya Arkheologiya*, № 1: 5–23.

Chiou-Peng Tzehuey. 1998. Western Yunnan and its steppe affinities. *Archaeology, Migration and Nomadism, Linguistics. Vol. 1 of The Bronze Age and Early Iron Age Peoples of Eastern Central Asia* / Ed. V. H. Mair. – Philadelphia: 280–304.

Christian D. 1998. *A History of Russia, Central Asia and Mongolia: Inner Eurasia from Prehistory to the Mongol Empire*. – Oxford: Blackwell.

Cioffi-Revilla C. 2005. A canonical theory of origins and development of social complexity. *Mathematical Sociology* 29(2): 133–153.

Claessen H. J. M., and Oosten J. G. (eds.). 1996. *Ideology and the Formation of Early States*. – Leiden: E. J. Brill.

Cleaves F. W. (ed.). 1982. *The Secret History of the Mongols*. – Cambridge: Harvard University Press.

Cohen R. 1978. Introduction. *Origins of the State: The Anthropology of Political Evolution* / Ed. R. Cohen and E. Service. – Philadelphia: 1–20.

Cribb R. 1991. *Nomads in Archaeology*. – Cambridge: Cambridge University Press.

D'Altroy T., and Earle T. 1985. Staple finance, wealth finance, and storage in the Inca political economy. *Current Anthropology* 26(2): 187–206.

Dawson Ch. 1955. *The Mongol Mission: Narratives and Letters of the Franciscan Missionaries in Mongolia and China in the Thirteenth and Fourteenth Centuries*. – New York: Sheed and Ward.

De Marrais E., Castillo L. J., and Earle T. 1996. Ideology, materialization, and power strategies. *Current Anthropology* 37(1): 15–31.

Di Cosmo N. 1994. Ancient Inner Asian nomads: Their economic basis and its significance in Chinese history. *Journal of Asian Studies* 53: 1092–1126.

- Di Cosmo N. 1999. State formation and periodization in Inner Asian history. *Journal of World History* 10: 1–40.
- Di Cosmo N. 2002. *Ancient China and Its Enemies: The Rise of Nomadic Power in East Asian History*. – Cambridge: Cambridge University Press.
- Dirks N. B. (ed.). 1992. *Colonialism and Culture*. – Ann Arbor: University of Michigan Press.
- Ehrenreich R. M., Crumley C. L., and Levy J. E. (eds.). 1995. *Heterarchy and the Analysis of Complex Society*. – Washington: American Anthropological Association.
- Eliade M. 1964. *Shamanism: Archaic Techniques of Ecstasy*. – Princeton: Princeton University Press.
- Feinman G. M., and Marcus J. (eds.). 1998. *Archaic States*. – Santa Fe: School of American Research Press.
- Fitzhugh W., Bayarsaikhan J., and Marsh P. (eds.). 2005. *The Deer Stone Project: Anthropological Studies in Mongolia 2002–2004*. – Washington, DC: Arctic Studies Center, Smithsonian Institution.
- Flannery K. 1999. Process and agency in early state formation. *Cambridge Archaeological Journal* 9 (1): 3–21.
- Frachetti M. 2002. Bronze Age exploitation and political dynamics of the Eastern Eurasian Steppe Zone. *Ancient Interactions: East and West in Eurasia* / Eds. K. Boyle, C. Renfrew, and M. Levine. – Cambridge: 87–96.
- Frachetti M. 2004. *Bronze Age Pastoral Landscapes of Eurasia and the Nature of Social Interaction in the Mountain Steppe Zone of Eastern Kazakhstan*. Ph. D. diss. – Philadelphia: University of Pennsylvania.
- Friedman J., and Rowlands M. (eds.). 1977. *The Evolution of Social Systems*. – London: Duckworth.
- Gailey Ch. 1985. The kindness of strangers: Transformations of kinship in precapitalist class and state formation. *Culture* 5(2): 3–16.
- Gellner E. 1994. Foreword. *Khazanov A.M. Nomads and the Outside World*. 2nd ed. – Madison: IX–XXV.
- Golden P. B. 1982. Imperial ideology and the sources of unity among the pre-Cinggisid nomads of western Eurasia. *Archivum Eurasiae Medii Aevi* 2: 37–76.
- Golden P. B. 1992. *Introduction to the History of the Turkic Peoples: Ethnogenesis and State Formation in Medieval and Early Modern Eurasia and the Middle East*. – Wiesbaden: Otto Harrassowitz.
- Heissig W. 1980. *The Religions of Mongolia*. – London: Routledge and Kegan Paul.
- Helms M. 1988. *Ulysses' Sail: An Ethnographic Odyssey of Power, Knowledge, and Geographical Distance*. – Princeton: Princeton University Press.
- Honeychurch W., and Amertuvshin Ch. 2002. Pastoral production, finance, and organization of a Medieval nomadic polity in Mongolia. Paper presented at the

sixty-seventh annual meeting of the Society for American Archaeology, Denver CO.

Honeychurch W., and Amertuvshin Ch. 2006. States on horseback: The rise of Inner Asian confederations and empires. *Archaeology of Asia* / Ed. M. Stark. – Malden, MA: 255–278.

Hulsewé, A. F. P. 1979. *China in Central Asia, the Early Stage: 125 B. C.–A. D. 23.* – Leiden: Brill.

Hunt E., and Hunt R. 1978. Irrigation, conflict, and politics: A Mexican case. *Origins of the State: The Anthropology of Political Evolution* / Ed. R. Cohen and E. Service. – Philadelphia: 69–123.

Idshinnorov S., Nansalma D., Ayush Ts., and Ochirhuyag Ts. 2000. *National Museum of Mongolian History.* – Ulaan Baatar: Decom Studio.

Irons W. 1979. Political stratification among pastoral nomads. *Pastoral Production and Society.* – Cambridge: 361–374.

Ishjamts N. 1994. Nomads in eastern Central Asia. *History of Civilizations of Central Asia. Vol. 2. The Development of Sedentary and Nomadic Civilizations: 700 B.C. to A. D. 250* / Eds. J. Harmatta, B. N. Puri, and G. F. Etemadi. – Paris: 151–169.

Jacobson E. 1993. *The Deer Goddess of Ancient Siberia: A Study in the Ecology of Belief.* – Leiden: E. J. Brill.

Jagchid S. and Symons J. Van 1989. *Peace, War, and Trade along the Great Wall.* – Bloomington: Indiana University Press.

Johnson A. W., and Earle T. 1987. *The Evolution of Human Societies: From Foraging Group to Agrarian State.* – Stanford: Stanford University Press.

Jones-Bley K., and Zdanovich D. G. (eds.). 2002. *Complex Societies of Central Eurasia from the 3rd to the 1st Millennium B. C.: Regional Specifics in Light of Global Models.* Journal of Indo-European Studies Monograph Series 46. – Washington, DC: Institute for the Study of Man.

Joyce R. A. 2000. High culture, Mesoamerican civilization, and the Classic Maya tradition. *Order, Legitimacy, and Wealth in Ancient States* / Ed. J. Richards and M. Van Buren. – Cambridge: 64–76.

Juwayni 'Ata-Malik. 1912–1937. *Ta'rikh-i Jahan-Gusha* / Ed. Mirza Muhammad Qazvini. E. J. W. Gibb Memorial Series 16. – London: Luzac.

Juwayni 'Ata-Malik. 1958. *The History of the World Conqueror* / Trans. John A. Boyle. – Manchester: Manchester University Press.

Khazanov A. M. 1978. The early state among the Scythians. *The Early State* / Ed. by H. J. M. Claessen and P. Skalnik. – The Hague: 425–440.

Khazanov A. M. 1993. Muhammad and Jenghiz Khan compared. *Comparative Studies in Society and History* 35(3): 461–479.

Khazanov A. M. 1994. *Nomads and the Outside World.* 2nd ed. – Madison: University of Wisconsin Press.

- Khazanov A. M. 2001. Nomads in the history of the sedentary world. *Nomads in the Sedentary World* / Ed. by A. M. Khazanov and W. Andrer. – Richmond, UK: 1–23.
- Krader L. 1978. The origin of the state among the nomads of Asia. *The Early State* / Ed. by H. J. M. Claessen and P. Skalnik. – The Hague: 93–107.
- Kradin N. N. 2002. Nomadism, evolution and world-systems: Pastoral societies in theories of historical development. *Journal of World-Systems Research* 8(3): 368–388.
- Kradin N. N. 2005. Social and economic structure of the Xiongnu of the Trans-Baikal region. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia* 21(1): 79–86.
- Kürsat-Ahlers E. 1994. *Zur frühen Staatenbildung von Steppenvölkern*. – Berlin: Duncker and Humblot.
- Kürsat-Ahlers E. 1996. The role and contents of ideology in the early nomadic empires of the Eurasian steppes. *Ideology and the Formation of Early States* / Ed. by H. J. M. Claessen and J. G. Oosten. – Leiden: 136–152.
- Kuzmina E. E. 1998. Cultural connections of the Tarim Basin people and pastoralists of the Asian steppes in the Bronze Age. *The Bronze Age and Early Iron Age Peoples of Eastern Central Asia. Vol. 1. Archaeology, Migration and Nomadism, Linguistics* / Ed. V. H. Mair. – Philadelphia: 63–98.
- Kuzmina E. E. 2001. Andronovo. *Encyclopedia of Prehistory*. Vol. 4 / Eds. P.N. Peregrine and M. Ember. – New York: 1–21.
- Lattimore O. 1940. *Inner Asian Frontiers of China*. – New York: American Geographical Society.
- Lattimore O. 1976. Herders, farmers, urban culture. *Pastoral Production and Society*. – Cambridge: 479–490.
- Lee Yun Kuen. 2002. Building the chronology of early Chinese history. *Asian Perspectives* 41(1): 15–42.
- Lehman E. H. 1969. Toward a macrosociology of power. *American Sociological Review* 34: 453–465.
- Li Shuicheng. 2002. The interaction between northwest China and Central Asia during the second millennium B. C.: An archaeological perspective. *Ancient Interactions: East and West in Eurasia* / Eds. K. Boyle, C. Renfrew, and M. Levine. – Cambridge: 171–182.
- Li Zongtong. 1973. *Qunqiu Zuozhuan Jinju Jinyi (Annotated edition of the Qunqiu Zuozhuan)*. – Taipei: Shangwu Yinshuguan.
- Linduff K. M. (ed.). 2004. *Metallurgy in Ancient Eastern Eurasia from the Urals to the Yellow River*. – Lewiston, NY: Edwin Mellen Press.
- Liu Li. 1996. Settlement patterns, chiefdom variability, and the development of early states in North China. *Journal of Anthropological Archaeology* 15: 237–288.

Mackerras C. 1972. *The Uighur Empire According to the T'ang Dynastic Histories*. – Canberra: Australian National University.

Mei Jianjun, and Shell C. 2002. The Iron Age cultures in Xinjiang and their steppe connections. *Ancient Interactions: East and West in Eurasia* / Eds. K. Boyle, C. Renfrew, and M. Levine. – Cambridge: 213–234.

Miller D., Rowlands M., and Tilley Ch. 1989. *Domination and Resistance: One World Archaeology*. – Boston: Unwin Hyman.

Minert L. K. 1985. Drevneishie pamiatniki mongol'skogo monumental'nogo zodchestva. *Drevnie kul'tury Mongolii* / Ed. R. S. Vasil'evskii. – Novosibirsk: 184–209.

Minorsky V. 1947. Tamiñ ibn Bahr's journey to the Uyghurs. *Bulletin of the School of Oriental and African Studies* 12(1): 275–305.

Parker E. H. 1894–1895. The Turko-Scythian tribes. *China Review* 21: 100–119, 129–137, 253–267, 291–301.

Parker E. H. 1900–1901. The early Turks. *China Review* 25: 1–270.

Peng Ke. 1998. The Andronovo bronze artifacts discovered in Toqzudara County in Ili, Xinjiang. *The Bronze Age and Early Iron Age Peoples of Eastern Central Asia. Vol. 2. Genetics and Physical Anthropology, Metallurgy, Textiles, Geography and Climatology, History, and Mythology and Ethnology* / Ed. V. H. Mair. – Philadelphia: 573–580.

Pletneva S. A. 1982. *Kochevniki Srednevekovia*. – Moscow: Nauka.

Potapov L. P. 1955 (ed.). *Materialy Obedinennoi Nauchnoi Sessii, Posvishchennoi Istorii Srednei Azii i Kazakhstana v Dooktiabrskii Period*. – Tashkent: Izdatelstvo Akademii Nauk Uzbekskoi SSR.

Price B. J. 1978. Secondary state formation: An explanatory model. *Origins of the State: The Anthropology of Political Evolution* / Eds. R. Cohen and E. Service. – Philadelphia: 161–186.

Pritsak O. 1981. *The Origin of Rus': Old Scandinavian Sources Other Than the Sagas*. – Cambridge, MA: Harvard University Press.

Rachewiltz I. de 1970. Some remarks on the ideological foundations of Chingis Khan's empire. *Proceedings of the Second International Congress of Mongolists*. – Ulaan Baatar: 47–56.

Richards J., and Buren M. Van (eds.). 2000. *Order, Legitimacy, and Wealth in Ancient States*. – Cambridge: Cambridge University Press.

Richards J., and Wilfong T. (eds.). 1995. *Preserving Eternity: Modern Goals, Ancient Intentions*. – Ann Arbor: Kelsey Museum of Archaeology.

Rogers J. D. 2005 Archaeology and the interpretation of colonial encounters. *The Archaeology of Colonial Encounters: Comparative Perspectives* / Ed. by G. Stein. – Santa Fe: 331–354.

Rogers J. D., U. Erdenebat, and Gallon M. 2005. Urban centres and the emergence of empires in eastern Inner Asia. *Antiquity* 79: 801–818.

Rosen A. M., C. Chang, and Grigoriev F. P. 2000. Palaeoenvironments and economy of Iron Age Saka-Wusun agro-pastoralists in southeastern Kazakhstan. *Antiquity* 74: 611–623.

Sahlins M. 1981. *Historical Metaphors and Mythical Realities: Structure in the Early History of the Sandwich Islands Kingdom*. – Ann Arbor: Association for Social Anthropology in Oceania.

Savinov D. M. 1989. The Sayano-Altai centre of early Medieval cultures. – *Antiquity* 63: 814–826.

Schortman E. M., and Urban P. A. 1992. The place of interaction studies in archaeological thought. *Resources, Power, and Interregional Interaction* / Eds. E. M. Schortman and P. A. Urban. – New York: 3–21.

Shen Chen. 2003. Compromises and conflicts: Production and commerce in the royal cities of Eastern Zhou, China. *The Social Construction of Ancient Cities* / Eds. M. L. Smith. – Washington, DC: 290–310.

Sinopoli C. M. 2001. Empires. *Archaeology at the Millennium: A Sourcebook* / Eds. G. M. Feinman and T. D. Price. – New York: 439–471.

Spencer C. S. 1994. Factional ascendance, dimensions of leadership, and the development of centralized authority. *Factional Competition and Political Development in the New World* / Eds. E. M. Brumfiel and J. W. Fox. – Cambridge: 31–43.

Stein G. J. 1998. Heterogeneity, power, and political economy: Some current research issues in the archaeology of Old World complex societies. *Journal of Archaeological Research* 6: 1–44.

Steinhardt N. S. 1988. Imperial architecture along the Mongolian Road to Dadu. *Ars Orientalis* 18: 59–93.

Su T'ien-Chüeh. 1967. *Yüan Wen-lei*. – Taipei: Shih-chieh shu-chuü.

Terent'ev-Katanskii A. P. 1993. *Materialnaia kul'tura Si Sia*. – Moscow: Vostochnaia Literatura.

Trigger B. G. 2003. *Understanding Early Civilizations: A Comparative Study*. – Cambridge: Cambridge University Press.

Vainshtein S. I. 1980 *Nomads of South Siberia: The Pastoral Economies of Tuva*. – Cambridge: Cambridge University Press.

Van Buren M., and J. Richards. 2000. Introduction: Ideology, wealth, and the comparative study of «civilizations». *Order, Legitimacy, and Wealth in Ancient States* / Eds. J. Richards and M. Van Buren. – Cambridge: 3–13.

Watson Burton (trans.). 1961. *Records of the Grant Historian of China, translated from the Shih Chi of Ssu-ma Ch'ien. Vol. 2. The Age of Emperor Wu 140 to circa 100 B. C.* – New York: Columbia University Press.

Weissleder W. 1978 (ed.). *The Nomadic Alternative: Modes and Models of Interaction in the African-Asian Deserts and Steppes*. – The Hague: Mouton.

Wright H. T. 1977. Recent research on the origin of the state. *Annual Review of Anthropology* 6: 379–397.

Yamada Nobuo. 1982. Formation of the Hsiung-nu nomadic state. *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae* 36: 575–582.

Yoffee N. 2005. *Myths of the Archaic State: Evolution of the Earliest Cities, States, and Civilizations*. – Cambridge: Cambridge University Press.

Yoffee N., and Cowgill G. L. (eds.). 1988. *The Collapse of Ancient States and Civilizations*. – Tucson: University of Arizona Press.

Yu Ying-Shih. 1967. *Trade and Expansion in Han China: A Study in the Structure of Sino-Barbarian Economic Relations*. – Berkeley: University of California Press.

Н. Ди Космо

ОБРАЗОВАНИЕ ГОСУДАРСТВА И ПЕРИОДИЗАЦИЯ ИСТОРИИ ВНУТРЕННЕЙ АЗИИ*

Если Вам нечего сказать, кроме того, что на берегах Окса и Ефрата одни варвары сменили других варваров, в каком качестве Вы полезны публике?

(Вольтер «О методе или способе написания истории и о стиле»)

Некоторые недавние публикации по периодизации мировой истории продемонстрировали усилия историков планеты по поиску жизнеспособных критериев, которые могли бы быть применимы в обосновании систематического, последовательного и неевроцентристского взгляда на глобальную историю [Green 1992; 1995]. Представляется, что консенсус, отмеченный У. Мак-Нилом [McNeill 1995: 14], может быть достигнут благодаря понятию «междивизицизионные или кросс-культурные явления», что актуализировало бы широкие связи между различными областями мира – связи, иным способом не обнаруживаемые историками, которые исследуют отдельное общество или цивилизацию. Сеть взаимодействий, раскрытых таким образом, в конечном счете показала бы «системные» отношения, существующие между «региональными» историями, которые прежде рассматривались отдельно [о попытках мир-системного взгляда на исто-

---

* Перевод с английского: Di Cosmo N. State formation and periodization in Inner Asian history. *Journal of World History*, 1999, vol. 10, № 1, p. 1–40. Статья печатается с некоторыми сокращениями. Работа выполнена по проекту РГНФ – МиноКН Монголии (№ 07-01-92002a/G) «Кочевые империи монгольских степей: от Хунну до державы Чингис-хана».

Автор благодарен профессорам Т. Оллсену, П. Голдену, М. Россаби, К. Кафадару, Д. Граффу и П. Пердю, которые прочли версии этой статьи и сделали очень полезные замечания. Я также благодарю анонимных рецензентов за их ценные комментарии и критику.

рию Внутренней Азии см.: Abu-Lughod 1989; Hall 1991; Seaman 1991; Frank 1992; Adshead 1993].

В первой из двух статей «Форума», изданных в *American Historical Review*, Дж. Бентли предлагает периодизацию, которая подчеркивает межрегиональные и кросс-культурные процессы. Во второй П. Маннинг справедливо предупреждает нас, что значение таких терминов, как *культура* и *торговля*, все еще нуждается в уточнении [Bentley 1996; Manning 1996]. Все же аргумент Бентли о том, что исследование «процессов, выходящих за пределы индивидуальных обществ и культурных областей» – массовых миграций, военных кампаний по расширению империй и культурных взаимодействий, – должно стать основой периодизации мировой истории, является убедительной отправной точкой [Bentley 1996: 750]. Периодизации и Мак-Нила и Бентли отводят центральную роль кочевым народам в период от 1000 до 1500 гг. н. э., описанный Бентли как «период межрегиональных кочевых империй» [Там же: 766; McNeill 1963: 484–562]. Однако подобная позиция не поддерживается мировым научным сообществом историков адекватной оценкой того, как и почему кочевые народы достигли столь выдающегося положения¹. Цель этого эссе – сформулировать связанные между собой проблемы непрерывности, последовательности и изменений в истории Внутренней Азии в пределах периодизации, которая позволила бы политическим образованиям степных кочевников успешно интегрироваться в глобальный, всеохватывающий взгляд на историю².

---

¹ Маккиндер ввел понятие Евразии как «центра» мировой истории в начале XX столетия, а Макговерн в 1939 г. составил систематизированное резюме о роли Центральной Азии в мировой истории, включая материальные и культурные характеристики, искусство, религию и политическую историю от предыстории до современности. Макнил также поместил степные империи в центр первой половины второго тысячелетия [см.: Mackinder 1904; Montgomery 1939; McNeill 1963: 484–562].

² *Внутренняя Азия* – термин, который трудно определить. Главная сложность с формулировкой адекватного определения та, что некоторые историки долго препятствовали усилиям представить его как последовательный исторический концепт. Используемый в текстах главным образом людьми вне внутренней Азии, исторический нарратив, кажется, применялся по отношению к разным регионам и языкам; его географические и культурные границы

Как правило, специалисты по всемирной истории и истории «цивилизаций» представляют феномены Внутренней Азии или как «природные катастрофы», или как «внешнюю среду». Первая из этих двух аналитических моделей часто использовалась историками, изучающими Европу и другие «цивилизованные» области. Известные представления о гунне Атилле как о «биче Божьем» и апокалиптические сценарии, связанные с монгольскими завоеваниями, вызываются в воображении, например, аналогиями Ф. Броделя между кочевыми вторжениями и библейским наказанием [Braudel 1994: 164–68]. Согласно этой точке зрения, характер степных кочевых народов от их появления на исторической арене до середины семнадцатого столетия никогда не менялся: они оставались сильным, жестоким, разрушительным явлением. Их влияние на мировую историю ограничивается их более или менее губительным воздействием на развитие соседних цивилизаций: Китай, Индия, ислам и христианство. В мрачном нарративе, обозначенном как «незамеченные катастрофы» и «массовая резня», империи Внутренней Азии представлены не столько как исторический феномен, а скорее как биологические или природные явления. Эти явления не принадлежат сфере человеческой истории, но вместо этого воздействуют на нее и разрушают, таким образом влияя на ее естественное развитие. Согласно Броделю, кочевые вторжения были, по крайней мере частично, ответственны за отставание и Индии, и

остаются спорными. Здесь я использую термин *Внутренняя Азия* по отношению к региону, описанному некоторыми учеными как Большая Средняя Азия (то есть не ограниченному бывшими советскими республиками), или Центральная Евразия, или (в прошлом) Высокая Азия. Она включает регионы к северу и к востоку от Черного моря, к северу от Ирана и Гималаев, и на запад и к северу от Китая, включая Маньчжурию. Исторически эти регионы имели тенденцию становиться больше или меньше в соответствии с их политическими изменениями, которые, в свою очередь, зависели от их отношений с оседлыми государствами Восточной Азии, Индией, Ближним Востоком и Россией. Области на границах этих цивилизаций составляли переходную зону, где соотношение между пастбищным и фермерским сельским хозяйством менялось временами. Концепция этой транзитной зоны, или «границы», стала центральной в понимании Латтимором исторических процессов во Внутренней Азии, как это представлено в его плодотворном труде *Inner Asian Frontiers of China* [Lattimore 1940], и часто именно эта переходная зона, кажется, становится центром культурного и политического процесса величайшей мировой исторической целесообразности.

Китай относительно Запада. *Извержения, взрывы и прерывание* – термины, обычно используемые при описании роли кочевников в истории, что, по существу, исключает их как активных агентов. А. Пиренн в своем труде по всемирной истории также рассматривал кочевую «цивилизацию» как неизменную и разрушительную и видел *Pax Mongolica* как политический порядок, построенный на разрушении и руинах цивилизованных стран, хотя он также признал, что некоторые кочевники могли быть «затронуты» цивилизациями [Pirenne 1946, 2: 145–47].

Второй подход более широко поддерживается специалистами по всемирной истории, которые, кажется, вообще восприимчивы к пониманию того, что кочевые политии могут изменяться во времени, и признают существование различий между кочевыми народами Евразии. Как отмечал Мак-Нил, хотя «экономические, политические и военные характеристики кочевничества-коневодства изменились совсем немного», благодаря историческим сведениям о цивилизующих путях, расширению торговых контактов и другим факторам, кочевники все больше узнавали о богатстве южных цивилизаций [McNeill 1963: 486–487]. Бентли признает подобный процесс изменений на политическом уровне: «Поскольку они организовывали политическую жизнь в постоянно увеличивающихся масштабах, они образовывали мощные государства» [Bentley 1993: 136]. Все же, кажется, кочевые политии более привлекательны для специалистов по всемирной истории с точки зрения исследования общего, чем их различий. Типичные взгляды на кочевников включают, например, такие пункты, как неспособность кочевников распространить свои культурные традиции среди соседей и, напротив, их ассимиляцию культурами, с которыми они столкнулись в ходе завоеваний. Прежде всего, специалисты по всемирной истории подчеркивают роль кочевников в обеспечении связи на большие расстояния, поскольку их завоевания объективно способствовали торговле, распространению религий, накоплению географических знаний и обмену технологиями. Так называемые степные империи создавали особую среду, способствующую путешествиям и торговле, что позволяло периферийным цивилизациям вступать в контакт друг с другом. Подобно химическому раствору, кочевники способствовали протеканию «реакций» (Тойнби верил в высокую «проводимость» степи), но при этом сами не были главными агентами. Согласно этой аналитической модели, как только осядет пыль войны,

кочевники становятся пассивными «статистами» и отступают на задний план, в то время как венецианские торговцы, арабские моряки, китайские изобретатели и европейские миссионеры выступают на передний план.

Изучение «связей» в таком макроскопическом масштабе, однако, требует, чтобы специалист по всемирной истории был способен не только документировать существование трансрегиональных явлений, но также и устанавливать более глубокие «течения», которые порождают эти процессы. Периодизации являются необходимым аналитическим инструментом, который позволяет историку идентифицировать ключевые моменты перехода, значение и обоснованность которого зависят, естественно, от критериев, принятых для определения исторических изменений. Мера обоснованности любой периодизации заключается в ее способности выделять элементы, определяющие изменения: является ли субъект обществом, учреждениями, производством или культурами.

Безжалостная сила монгольских завоеваний, их коммерческое, политическое и культурное значение являются историческим феноменом, способствующим тому, что фактически все ученые соглашались с тем, что это событие было важнейшим и в мировой истории, и в истории Внутренней Азии. Для российского ориенталиста Бартольда монгольское завоевание Центральной Азии было естественным поворотным моментом, который способствовал появлению оригинального синтеза мусульманско-персидской и китайско-монгольской культур и в конечном счете привел к культурному расцвету Центральной Азии под властью Тимуридов [Barthold 1928: 494]. Разделение до-чингизидской и чингизидской политических традиций – широко принятая концепция в истории Центральной Азии [Golden 1982; Rossabi 1994]. Монголам также придается большое значение в расширяющихся дебатах историков Китая и специалистов по всемирной истории. Ж. Абу-Луход расценивает монгольские завоевания как важный элемент в мир-системе XIII в., так как они способствовали транзиту товаров и торговцев из Европы в Китай [Abu-Lughod 1989: 154]. Адшед определяет монгольское завоевание как «взрыв», который фактически прокалил «мировую историю», и сравнивает его с «сильным ударом». Столетия после монгольских завоеваний разделены на период «активности» Центральной Азии в мировой истории и

на период, в который она стала «пассивной», разделительной чертой стала середина XVII в. [Adshead 1993: 53].

Д. Кристиан обобщает наиболее новые идеи о «центрированности» Центральной Азии, заимствуя термин Франка, в отважной попытке определить Внутреннюю Азию, или Внутреннюю Евразию, как единицу всемирной истории [Christian 1994]. Кристиан находит последовательность в отличительных особенностях истории, географии и экологии Внутренней Евразии и затем предлагает периодизацию истории Внутренней Евразии согласно «пяти адаптациям», начинающимся с самых ранних гоминидов, охотников периода 40 тыс. лет назад и заканчивающимся советской командной экономикой. Согласно периодизации Кристиана, кочевые государства скотоводов появляются в третьей адаптации. Четвертая адаптация совпадает с возвышением «аграрной автократии» в России (рассматриваемой как часть Внутренней Евразии), которая в конечном счете сделала ее «доминирующим государством Внутренней Евразии» [Там же: 207]. Оценка Кристиана истории Внутренней Евразии может быть оспорена в нескольких моментах, среди которых – его определение роли России в этом регионе и излишне географическое понимание этого региона, но эти замечания не умаляют между тем значения его работы. В частности, Кристиан подчеркивает необходимость периодизации истории Внутренней Евразии, чтобы она стала частью мировой истории, и в пределах этой концепции сфокусировать внимание на формировании пасторальных кочевых государств. Он представляет это как «глубокие изменения в истории Внутренней Евразии», в результате которых «пасторальный кочевой образ жизни задает тон и определяет историю Внутренней Евразии между 1000 и 1500 годами» [Там же: 196–197]. Естественно, широкий обзор Кристиана ограждает его от фокусирования внимания на этом отдельном периоде. В результате, кажется, господство пасторальных кочевых государств является единственной фазой в границах долгосрочной эволюционной схемы. Но пришло время проанализировать этот исторический период как отличительную «единицу мировой истории».

Чтобы объяснить различные степени успеха разнообразных пасторальных кочевых государств не только понятиями временной продолжительности и территориальной экспансии, но и исследованием

путей, благодаря которым их присутствие ощущалось за пределами Внутренней Евразии, необходимо проникнуть более глубоко в процесс вызревания этого длительного и действительно заметного периода истории Внутренней Азии.

Политические образования Внутренней Азии не могут рассматриваться единообразно просто на основе общей «кочевой» природы народов Внутренней Азии, поскольку есть общие черты и институты, которые обуславливают отчетливые традиции, до тех пор, пока мы будем понимать термин «традиция» свободно и сегментарно, открытым к вариативности, до тех пор «традиционный» материал прошлого опыта используется вновь и перерабатывается в свете новых исторических обстоятельств. Например, турки-сельджуки и монголы демонстрируют как различия в форме управления вследствие влияния исламской среды, в которой действовали сельджуки, так и значительное сходство, которое в конечном счете может быть объяснено их внутреннеазиатскими корнями. Все же важно понять, что даже при том, что политическая традиция проникает в историю кочевников Внутренней Азии, поскольку они создали большие и мощные государства, не все внутреннеазиатские народы разделяли ее. Одни политические образования основывались на существующей традиции, другие – нет. Не может быть объяснено лишь сходством образа жизни и экономики то, что некоторые формы политической организации естественно обнаруживаются в регионе, где они не были исторически укоренены; это вело бы к ошибке, которую можно назвать *анатопизмом*.

Анахронизмы и анатопизмы принимают угрожающие размеры в интерпретации истории Внутренней Азии. Все же история, написанная с точки зрения мировой исторической перспективы, задача которой состоит в том, чтобы «придавать смысл» трансрегиональным и кросс-культурным явлениям, должна искать глубокие причины массовых человеческих миграций, социально-экономических оснований и политического происхождения степных империй, предпосылок их взаимодействия с другими народами и государствами. Это означало бы исследование внутренних изменений в динамике государственных образований и эволюции империй Внутренней Азии, рассматриваемых не просто как вариации темы, длящейся 2500 лет, но как политические образования, наделенные внутренней способностью сохранения, модификации и передачи исторического опыта.

Нет необходимости повторять, что изменения – это не обязательно прогресс; с другой стороны, существует стереотип по отношению к обществам кочевого типа как невосприимчивым к усовершенствованию, хотя нельзя не признать, что особенности экономического производства степняков действительно оказывали влияние на политические процессы. Государства и империи Внутренней Азии имели политические измерения и экономические основания, ни в коем случае не ограниченные тем, что могли предложить степное кочевое и полукочевое производство и социальная организация. Изменения не только происходят, но и, как мы увидим ниже, их движущая сила обнаруживается точно в тех структурных границах, которые часто приписываются пасторальному номадизму. В этом эссе я попытаюсь выделить периодизацию имперской истории Внутренней Азии, основанную на собственном историческом динамизме Внутренней Азии.

Образование «степных» империй

Государственные образования пасторальных кочевников рассматривались с точки зрения внутреннего развития и как результат контактов с внешними, уже сформированными государствами³. Уче-

---

³ Здесь термин «государство» используется для обозначения «раннего государства», исследованного антропологами. Классификация ранних государств предложена Клаесеном; он подразделяет их на три типа: *зачаточное*, *типичное* и *переходное*. Первый характеризуется доминирующей ролью в политике семьи и общинных связей; ограниченным числом специалистов, полностью работающих в своей сфере; подати четко не определены, между правителем и управляемым существует взаимный обмен услугами, что снижает социальные конфликты. В *типичных* государствах родственные связи играют меньшую роль; конкуренция между индивидуумами и прямые назначения противоречили принципу наследственности; должностные лица, не принадлежащие к семье, и титулованные чиновники играют ведущую роль в правительстве. *Переходные* государства имеют административный аппарат, состоящий по большей части из назначенных должностных лиц; родственники участвуют лишь в маргинальных сферах управления; и создаются необходимые условия для появления частной собственности на средства производства, рыночной экономики и антагонистических классов [Claessen 1978: 533–96].

ные часто объединяют эндогенный и экзогенный факторы при историческом анализе, но обычно они выделяют один из двух. Среди эндогенных факторов одним из выступающих в качестве центрального отмечается роль харизматических «строителей империи» – индивидуумов, способных к успешному маневрированию в водовороте степной политики и в военном отношении, и в дипломатии, и к созданию племенных конфедераций, возможно даже империй, с централизованной политической властью и вооруженными силами [Grousset 1970: XXVII]. Крушение этих образований в этом случае приписывалось чрезмерной персонализации власти, которая вела к разрушению всего здания после смерти основателя.

Другие «эндогенные» теории исследовали социальную структуру подобно концепции «бигмена». Владимирцов определил монгольскую социальную стратификацию эпохи Чингис-хана в терминах кочевого «феодализма». Согласно этой точке зрения, конкуренция среди различных аристократических групп должна была привести к созданию федерации под руководством наиболее успешного лидера [Vladimirtsov 1948: 195–110]. Харматта также утверждал, что подъем кочевого лидера был связан с более глубокими социальными изменениями [Harmatta 1952]. Крэдер отклонил определение кочевого «феодализма» Владимирцова, предлагая вместо этого свое объяснение, что пасторальные общества развиваются в государства благодаря внутреннему социальному динамизму, при условии, что контакты с оседлыми соседями являются существенными в такой эволюции [Kraeder 1958].

На другом конце спектра, «экзогенное» происхождение государства рассматривается в понятиях универсальной имперской власти, перешедшей к кочевникам от оседлых государств, или в гражданских институтах и бюрократическом аппарате, которые были заимствованы из Китая, Персии или России и рассматривались некоторыми учеными как основа к развитию имперских политий среди кочевников [de Rachewiltz 1973; Saunders 1977; Franke 1978]. Однако говорить, что государства Внутренней Азии не были государствами, *если* они не заимствовали определенного типа идеологии или не соответствовали данной бюрократической модели, – ложный аргумент, который зависит от определения государства больше, чем от качества кочевой по-

литии⁴. Несколько крупных политических общностей Внутренней Азии, такие как хунну, тюрки и уйгуры, показали очень высокую степень политической централизации и способность мобилизовать огромные людские и материальные ресурсы, которые бросают вызов их определению как «вожества», даже если их прямое правление ограничивалось в значительной степени кочевым и полукочевым племенным сообществом и их административные сети не могли сравниться с таковыми в Китае. Кроме того, государства Внутренней Азии часто заимствуют гражданские институты не непосредственно от доминирующих цивилизаций – типа Китая или Персии, а от более мелких или даже маргинальных политий⁵. Вообще, когда они действительно заимствовали институты у оседлого соседа, это был процесс отбора, в большой степени зависящий от состава из *уже сформированной* надплеменной структуры, он всегда заканчивался формированием «сме-

---

⁴ Ни одна кочевая полития без специальной армии и бюрократических региональных институтов координации и контроля не может быть определена как истинное государство, согласно определению А. Джонсона и Т. Эрла [Johnson, Earle 1987: 246]. Так как кочевники вследствие высокой мобильности и редкого населения не развили административной системы, если они не управляли территорией, которая включала большое количество оседлого населения, большинство кочевых политий должно было попасть в категорию простых или сложных вожеств. С другой стороны, если следовать типологии, предложенной Х. Классеном и П. Скальником, эти государства относились бы к категории «типичных» ранних государств [Claessen, Skalnik 1978: 23; Claessen 1978: 589–593]. Очевидно «вожество» первой концепции соответствует «раннему государству» второй.

⁵ Например, киданьская династия Ляо (907–1125) заимствовала некоторые существенные элементы из их администрации, такие как создание множества столиц – от завоеванного государства Бохай, чья административная традиция отличалась от китайской [Reckel 1995]. Чжурчжэньская династия Цзинь (1115–1234), безусловно, приняла много черт китайской бюрократии, но также следовала и синкретической кочевой-оседлой модели, развитой киданями. Монголы адаптировали модели управления, развитые уйгурами, киданями, чжурчженями и чиновниками Центральной Азии, сочетавшиеся с китайскими и персидскими институтами после завершения завоевания, а правительство Юань характеризовалось быстрым увеличением центральных агентств и бюро, весьма отличных от политий династий Цзинь и Сун, сменивших их [Morgan 1986: 108–111; Farquhar 1990; Langlois 1981].

шанных» институтов. И на политическом, и на экономическом уровнях внутреннее развитие и внешние силы и стимулы состояли в диалектических отношениях. Следовательно, постулат, что административные институты оседлых государств были существенным предварительным условием для появления государств Внутренней Азии, – только частично верен и потенциально способствует порождению заблуждений.

Более многообещающим, однако, можно считать то, что некоторые ученые рассмотрели взаимодействие между кочевниками и другими силами, внешними по отношению к их обществам, и предложили гипотезы, основанные на сочетании экзогенных и эндогенных факторов. Первым, кто определял взаимодействие между кочевниками и земледельцами как системные отношения, которые подвержены историческим изменениям в истории кочевников, был Оуэн Латтимор, который обосновал на таком взаимодействии свое проницательное и оказавшее влияние определение «циклов» кочевой власти [Lattimore 1940: 519–523].

Теория Крэдера об образовании государств у тюрко-монгольских народов позиционирует существование двух взаимозависимых специализированных обществ – земледельческого и кочевого – и сложение покрывших континент сетей обмена продукцией между обеими системами. Он связывает развитие классовой дифференциации у кочевников с ведущей ролью реальной аристократии по организации обмена излишков кочевого производства на земледельческую продукцию. Аристократия, в конечном счете, стала доминировать в системе обмена и в дополнение к этому взывала дань с общинников. Хотя система имела некоторые недостатки, такие как вооруженные столкновения и набеги, совершаемые время от времени, это было нетипичным условием. Государство тюрко-монгольских кочевников было, в таком случае, продуктом стратифицированного общества, в котором два основных класса находились во взаимно противоположных отношениях к средствам производства. Появление «государства» помещено Крэдером в эволюционную схему, в которой монголы занимают самый высокий уровень [Krader 1978; это повторяет мысль О. Латтимора (Lattimore 1938)]. Данная позиция базируется на тонком анализе внутреннего социального развития кочевых обществ, но его главное оперативное предположение – существование двух прочных

блоков, кочевников и оседлых, формирование единой последовательной системы обмена в Евразии – не может быть подтверждено, так как фактически мы находим многообразные формы адаптации и в кочевой экономике, и во взаимоотношениях кочевников и земледельцев. Кроме того, некоторые группы степных кочевников оставались безгосударственными, несмотря на наличие классовой стратификации [Golden 1991]. Все же, фокусируя внимание на взаимодействии между пасторальными кочевниками и другими обществами как на фундаментальной предпосылке к образованию государства у кочевников, Крэдер сочетал эндогенные и экзогенные факторы в каузальном взаимодействии – подход, который оказался чрезвычайно плодотворным при анализе государственных образований в истории Внутренней Азии.

Другая линия исследования, также основанная на взаимодействии между кочевниками и земледельцами, предлагает понимание развития государства как форму возмещения экономической неустойчивости. Базируясь на кочевой экономике, характеризующейся хронической потребностью в продуктах земледелия, кочевники организовывали набеги тогда, когда им запрещали торговать [обзор различных теорий о причинах кочевых завоеваний см.: Hsiao Ch'i-ch'ing 1972]. Противостоявшие высокоорганизованным, сильным в военном отношении аграрным государствам, кочевники должны были достигнуть более высокого уровня единства и развития армии и политических структур, что позволило бы им успешно конкурировать с земледельческим государством. Это особенно имело место, когда кочевники сталкивались с сильными оседлыми государствами, которые могли защищаться более эффективно, и поэтому кочевники вынуждены были создавать большие по размеру и более мощные военные союзы [Khazanov 1984; Barfield 1989; Golden 1987/1991].

Эта теория в ее разнообразных формулировках уходит и от статической биполярности теории «торговли или набега», и от эволюционного подхода, основывающегося на классовой стратификации и внутриплеменных конфликтах, учитывая историческую действительность широкого круга коммерческих, дипломатических и военных взаимодействий между кочевыми и оседлыми государствами. Однако все же стоит отметить ограниченность этого подхода, которая заключается в том, что экономические отношения, которые он отображает,

все еще выражаются в биполярных терминах, что не обязательно точно передает термины обмена между двумя составляющими обществами. Одни кочевники ограниченно практиковали земледелие; другие торговали с сельскохозяйственными обществами, иначе говоря, с крупными оседлыми государствами, или получали с них дань [Di Cosmo 1994]⁶.

Теория, базирующаяся на идее хронического недостатка сельскохозяйственной продукции у кочевников, согласно которой пасторальный нomaдизм непременно определялся как производящий исключительно мясную продукцию, типологически не может объяснить государства, созданные народами Внутренней Азии, которые не были исключительно или в преобладающей степени кочевыми и даже разделяли ту же политическую традицию. Фактически исследование образцов государственного строительства, имперской идеологии, системы родства и ритуальных практик этих империй не выявляет жестких разграничений между, скажем, кочевыми монголами или тюрками и «полукочевыми» киданями, чжурчжэнями или маньчжурами. Наконец, если внимательно рассмотреть представления о том, что эти государства появились одновременно с сильными сельскохозяйственными государствами, можно подвернуть сомнению это утверждение на исторических основаниях. Первый Тюркский каганат появился в середине VI в. н. э., т. е. в период, когда в Китае не было никакого единого сильного государства. Аналогично, Киданьское государство было уже сформировано между крушением династии Тан (907) и образованием династии Сун (960). Чжурчжэни (не кочевники) не имели никаких значительных экономических контактов с Сун до их завоевания северного Китая. Отнюдь не «Китай», а династия Цзинь была главным противником при возвышении монголов. Даже империя Хунну появилась в 209 г. до н. э., когда Китай был уже на грани гражданской войны, и достигла расцвета в период ранней династии Хань, когда политический базис китайской империи был все еще достаточно слаб [Yamada 1982].

---

⁶ Изучение традиционных кочевых сообществ также показывает, что не все народы, обозначаемые как «кочевники», имели одинаковый производственный базис. Сравнительный анализ халхаских, чахарских и дагурских монголов показывает экономические варьирование от чистого кочевничества до различных типов интеграции между земледелием и скотоводством [Vreeland 1957].

*Доминирующие факторы в образовании империй
Внутренней Азии*

Исключительное фокусирование на экономических процессах в отрыве от исторической ситуации, в который они возникли, и редукция политического процесса до двух жестких блоков – «кочевники» и «земледельцы» – создает статическую парадигму, которая затемняет сложность исторического процесса образования государств. По крайней мере три различные сферы политической деятельности могут быть выделены в большинстве случаев образования кочевых государств: у кочевых народов, между кочевыми народами и главными земледельческими силами и между кочевниками и мелкими независимыми земледельческими государствами. Именно характер пересечения этих сфер в конкретной исторической ситуации противоречит жестким и закрепленным системным теориям.

Я предлагаю исследовать формы образования государств не как естественную эволюцию, не как ответ на развитие государства в аграрных обществах, а скорее как социальный ответ на состояние кризиса. Покойный Дж. Флетчер-младший отметил, что надплеменная элита не была необходима для управления кочевой экономикой [Fletcher 1979/80: 237]. Фактически для кочевых и полукочевых народов Внутренней Азии, имеющих высокую подвижность и низкую плотность, была типичной организация в кровнородственные группы, где наименьшей социальной единицей была нуклеарная семья [Wason 1958: 106–119; Krader 1963: 316–372]. Подобная социальная организация породила формы политического единства – клан и племя, которые были необходимы для производства, защиты, миграций и войны и которые возглавлялись членами аристократии, занимающими привилегированное положение соответственно рождению и личным качествам. Однако все соглашаются с тем, что экономика этих обществ была хрупка и уязвима, могла быть легко разрушена изменениями климата и другими факторами [см.: Khazanov 1984: 69–84]. Относительный дефицит ресурсов был источником постоянной межклановой и межплеменной борьбы. Дворяне играли лидирующую роль в организации больших охот и набегов на соседние общины. Продукция кочевого хозяйства, дополненная охотой и ограниченным земледелием, образовывала небольшой добавочный продукт, что приводило к ограничению формирования некоего класса, не вовлеченного непо-

средственно в производство, члены аристократии, исключенные из прямого производства, при нормальных обстоятельствах были немногочисленны⁷.

Уязвимость и бедность кочевой экономики обуславливались хронической внутренней нестабильностью кочевых обществ. Жестокость была обычным делом. Мелкомасштабные набеги на соседей с целью кражи скота, рабов или женщин были обычным делом. За этим следовало возмездие, которое иногда перерастало в войну. Предшествующий появлению империй сценарий таков: увеличение насилия в ядре области могло привести к появлению государства. Подобное распространяющееся насилие, когда оно случалось, разрушало установленный социальный порядок, разделяло семьи, приводило к отказу от бедных родственников и разрушало племена; в то же самое время эти кризисы освобождали новую энергию, тесно связанную с образованием государств. Племенной порядок изменялся настолько глубоко, что стало возможным появление нового порядка и возникновение крупных политических конгломератов. Следовательно, я взял за отправную точку моего анализа понятие кризиса.

Кризис

Понятие *кризис* – это всеобщее, иногда резкое ухудшение экономических, политических и социальных условий, сопровождающееся ощущением надвигающихся перемен – является ключевым понятием, которое может точно использоваться для описания начальной стадии исторического процесса образования государств во Внутренней Азии. Кризисы могли быть различных типов. Холодная зима, засуха или эпидемия могли уменьшить размеры стад ниже уровня, достаточного для прокормления людей. Вытаптывание пастбищ могло снизить плодородие почвы и пищевую ценность травы, таким образом вынуждая людей двигаться в поиске лучших земель.

Однако экономические потребности не приводят автоматически к политическому единству. Напротив, более общим для племен и вождей Внутренней Азии накануне появления государств является со-

---

⁷ Согласно переписи, проведенной в Монголии среди традиционных скотоводов в 1918 г., только 6 из 401 исследованного семейства рассматривались как принадлежавшие к благородным, в то время как подавляющее большинство были непосредственными производителями [Vreeland 1957].

циальная дезинтеграция, когда наиболее бедные, предоставленные собственной судьбе, и более смелые члены племени объединяются в полузаконные сообщества. Вообще, сложные экономические обстоятельства разрушают социальные отношения, которые могут приближаться к состоянию краха. Все же крушение племенных связей способствовало более высокой степени социальной мобильности. Способность к лидерству предпочиталась рождению или генеалогии, и удачливые лидеры могли появиться в это время, становясь, таким образом, катализаторами новых форм политической организации. Кризис этого типа описан в *Секретной истории монголов*, где многие ключевые события, кажется, указывают на состояние экономического, социального и политического кризиса [Cleaves 1982]. Бедность семейства Темучжина, относительная свобода, с которой члены племенной аристократии могли перейти на сторону противника и потерять свой статус, и появление «сильного мужчины», чей успех базировался на стратегическом опыте и военном мастерстве, – вот те элементы, которые заметно контрастируют с общественным порядком, позже установленным Чингис-ханом, и демонстрируют глубокий кризис монгольского общества, даже если точная природа этого кризиса неизвестна [о кризисе у монголов в это время см.: Khazanov 1981: 160].

Кризис мог также быть вызван и другими причинами. Например, напряженные отношения между этническими группами или между «порабощенными» и «господствующими» племенами могли привести к непрерывным конфликтам и в конечном счете перерасти в тотальную войну, как в случае восстания тюрок против их жужаньских правителей или борьбы чжурчжэней против киданей. В обоих случаях подчиненные или зависимые народы боролись против доминирующего «племени» и становились новой властью в регионе. Неудачная политика властителей могла создать кризис власти в племенной элите зависимой группы; этот кризис мог в таком случае подтолкнуть, по крайней мере, часть аристократии к тому, чтобы бросить вызов существующей элите и сплотиться вокруг «харизматического» лидера.

Пример делегитимации традиционной элиты можно наблюдать в появлении империи Хунну. Здесь кризис был порожден вторжением на территорию кочевников династии Цинь (221–206 гг. до н. э.), чья огромная армия в течение долгого времени занимала землю. Новый лидер Маодунь (209–174 гг. до н. э.) утвердился, собрав группу сто-

ронников и убив своего отца. Этот эпизод указывает не только на факт узурпации, но и на вызов, брошенный группой молодых воинов прежней племенной элите. Только после того, как хунну смогли реорганизоваться, кризис был преодолен. Довольно интересно, даже при том, что другие кочевые группы процветали, в то время как хунну должны были принять на себя главный удар циньского вторжения, именно они, в конечном счете, победили всех противников-кочевников и создали «государство». Дело в том, что, если кризис был достаточно глубок и достаточное количество народа было им охвачено, это могло привести к созданию альтернативных центров политической власти, которые были внешними и оппозиционными по отношению к традиционной племенной аристократии и которые были представлены молодыми людьми, не относящимися к благородным слоям, и их сторонниками из числа лояльных воинов. Хотя не все кризисы вели к образованию государства, кризис часто отмечается перед его зарождением.

Милитаризация

Ключевой аспект «кризиса» – милитаризация пасторального общества, которую он порождает. Хотя справедливо то, что члены групп «кочевого типа» был приучены с детства к пользованию оружием, неверно, что они постоянно занимались войной. Вооруженные конфликты обычно ограничивались набегами на вражеский лагерь или борьбой враждующих кланов. Однако в случае кризисного сценария мобилизация для войны означала создание фактически постоянных армий и резкое увеличение военных лидеров. Каждый мужчина, способный воевать, становился солдатом и был занят в длительных кампаниях против противников-кочевников или против регулярных отрядов земледельческих государств⁸.

Было высчитано, что ко времени прихода Чингис-хана к власти общее количество взрослых мужчин, пригодных для военной службы, было не выше 50–100 тыс. человек; тем не менее размер монгольской

---

⁸ В Керейтском каганате И. Тоган идентифицирует сторонников хана (нукеров) и подданных как группы, военные обязательства которых были центральными в их взаимоотношениях с ханом. Они выполняли функции «охраны» и «рядовых воинов» как домохозяева, которые имели прямую связь с правящим семейством [Togan 1998: 111].

армии в 1206 г. превосходил 100 тыс., что означает, даже если оценки являются приблизительно правильными, что фактически каждый взрослый мужчина был вовлечен в централизованный военный аппарат [Martin 1943: 46–85; 1950: 12–15; Alekseev 1991: 191]. Создание централизованно контролируемой охраны составило другой элемент милитаризации.

Корпус телохранителей (гвардии), обычно очень большой, был предназначен для усиления личной власти хана. Согласно легенде об образовании империи Хунну (209–60 гг. до н. э.), самый ранний известный во Внутренней Азии союз телохранителей относится к корпусу сторонников правителя Маодуня [Laufer 1914: 224–227]. Уйгурский каган имел личную охрану в 1 тыс. воинов [Beckwith 1984: 35]. Абаоцзи (907–926), основатель киданьской империи, создал личную постоянную армию в 922 г. Позже она стала ядром армии *ordo* – отборного корпуса под прямым командованием императора, чьей первичной задачей была защита правителя [Wittfogel, Feng 1949: 508–517]. Среди хазар, где персона хана постепенно теряла свою политическую роль и приобретала апотропейную и церемониальную функции, фактический обладатель власти, шад, имел королевскую армию в 10 тыс. всадников [Golden 1980: 98]. Наконец, личная охрана Чингисхана, *кешик*, созданная в 1203–1204 гг., состояла первоначально из 80 дневных и 70 ночных стражников. Однако в 1206 г., после получения им сакральной инвеституры, их число возросло до 10 тыс. человек [Hsiao Ch'i-ch'ing 1978: 33–38].

Некоторые теоретики расценивают милитаризацию как один из определяющих факторов в образовании государства [Carneiro 1970]. Согласно типологии обществ, представленной Андрески на основе анализа их военной организации, общества Внутренней Азии накануне образования государства характеризовались высокой «долей военного участия», низкой степенью «подчинения» и высокой степенью «сплоченности». Интенсивная и долгая война могла привести к более высокой степени подчинения, приводящего к обществу, в котором практикуется «широко призыв в армию», характеризующегося высокой «долей военного участия», высокой степенью «подчинения» и высоким уровнем «сплоченности» [Andreski 1954: 150–151].

Это определение соответствует социальной ситуации у народов кочевого типа во Внутренней Азии накануне образования государств

ва, но оно нуждается в развитии. В ситуации «некризиса» конфликты были ограничены, хотя военное участие было высоко, так как большинство мужчин были заняты в защите, охоте и набегах. В течение периода «кризиса», однако, военные походы стали для большей части мужского населения сферой постоянной, профессиональной деятельности. Члены побежденных вражеских племен включались в племя «харизматического» хана, уровень подчинения повышался, были установлены должности и были назначены командующие⁹. Наряду с ростом степени подчинения обнаруживаются и качественные различия в типе военного участия. Более того, новая военная аристократия занимала в новом социальном порядке более высокое положение и имела соответствующие привилегии, что не только создавало более глубокий разрыв между нею и остальной частью общества, но и привело к более дорогим и возросшим нормам потребления, в то время как производство, вероятнее всего, уменьшилось. Логично предположить, что большее количество людей регулярно участвовало в военных действиях, негативно отражавшихся на производстве и оказывавших давление на приобретение внешних ресурсов¹⁰.

---

⁹ *Племя* – потенциально спорный термин, требующий объяснения. Хотя некоторые ученые в такой области, как африканские исследования, избегают использования этого термина или из-за его культурных коннотаций, или из-за его разнообразного и потому неточного и неоднозначного использования, понятия типа *племенная элита*, *племенная конфедерация* и просто *племя* обычно применяются в исторической литературе по евразийским кочевникам. Исследования политической терминологии империй Внутренней Азии еще не проводились, но обычно термин *племя* имеет одно значение: большая группа людей, определяемых одним этнонимом и, возможно, объединенных кровнородственными связями. Однако общепринято, что «племя» Внутренней Азии было преимущественно политическое образование, которое объединяло участников в общем политическом проекте фиктивным понятием общих генеалогий [см.: Lindner 1982].

¹⁰ По словам И. Тоган, политическая централизация под эгидой Чингисхана привела к детрайбализации, что означало, среди прочего, что «племенное население, которое главным образом все еще зависело от пасторального производства для жизнеобеспечения, преобразовывалось или было преобразовано в более или менее однородную армию, ориентированную на завоевания». Одна из целей детрайбализации, фактически, состояла в том, чтобы создать такую армию, которая могла быть мобилизована для выполнения

Харизматический лидер и сакральная инвеститура

В урегулировании социального и экономического кризиса военная аристократия была способна увеличивать свое социальное соответствие и политическую власть. Во время кризиса могли появиться несколько лидеров, которые стремились создать новый порядок, таким образом восстанавливая мир; они были обычно младшими членами племенной аристократии, соперничающими в борьбе за власть. Борьба велась вокруг способности лидера и его сторонников-воинов к объединению для защиты интересов племени. Успешный лидер мог бы приобрести поддержку и других племен.

Как в случае с хунну – ни в какой степени не уникальном – качества лидеров, способных создать большие конфедерации, включали в себя индивидуальные амбиции, явный военный талант, личную харизму и полное игнорирование традиционных правил старшинства. Когда в конце концов члены аристократии выдвигали победителя на позицию высшего лидера, они также формально делегировали свою власть и подчинялись ему.

Инвеститура «надплеменной» лидера была сакральной в том смысле, что это давало хану право определить себя как «находящегося под защитой Неба» или «назначенного Небом». Через подобную инвеституру власть собрания (типа монгольского *khuriltai*), выбиравшего лидера, передавалась персоне хана, который таким образом становился верховным лидером, наделенным божественной харизмой. Хотя назначение хана не было ограничено определенным периодом или преодолением кризиса, иногда принималась система, в которой просматривается попытка ограничить специальные надплеменные полномочия некоторым промежутком времени. У древних тюрков была традиция во время церемонии инвеституры подвергать

«протяженных военных действий (завоеваний)» [Togan 1998: 137–138]. Хотя Тоган не привела аргументов, мы должны предположить, что эти социальные преобразования и массовая мобилизация армии не могли не затрагивать экономического баланса по сокращению племенной экономики и, таким образом, увеличивать экономическое давление на центр для снабжения этой профессиональной армии достаточным объемом средств к существованию. Перераспределение награбленного само по себе не обязательно гарантирует регулярный поток доходов, необходимых для поддержания постоянной армии.

хана удушению до полубессознательного состояния, в котором его спрашивают, насколько долгим будет его правление. Предполагалось, что период его «диктатуры» будет длиться столько лет, какое число он «пробормотал» [Liu Mau-tsai 1958: 8]. Подобная процедура была у хазар, и если правление длилось более установленного периода (40 лет), правителя убивали [Golden 1980: 42, 99]. В большинстве случаев, однако, никаких таких ограничений не существовало, и в идеале власть правителя длилась всю его жизнь.

Сакральная инвеститура указывает на существование своеобразной «запасной идеологии» [Salzman 1980], которая актуализировалась при особых обстоятельствах. В их реальном политическом и символическом законе надплеменная идеология не развивалась *ex novo* каждый раз, когда появлялась империя во Внутренней Азии. Некоторые исследования показывают, что империи, созданные степными кочевниками, сознательно приняли институты, ритуалы и другие формы политической легитимизации, которые уже были развиты более ранними империями [Golden 1982; Allsen 1996]. *Translatio imperii*, объясняемое возобновлением идеологии имперского единства, было явлением, где доминировал прагматический выбор, посредством которого архаичные понятия суверенитета смешивались с аборигенными культурами, новыми институтами, и *ad hoc* заимствования из других политических традиций имели целью укрепление мощи центральной власти. Требуя безусловной субординации по отношению к императору и императорскому клану, эта новая идеология переориентировала социальные и политические связи с горизонтального на вертикальный уровень и с полуэгалитарного на иерархический¹¹. Активация этого понятия радикально трансформировала политическую жизнь степного общества, изменила социально-экономические отношения и глубоко повлияла на принципы военной и гражданской организации. Появление харизматического лидера подразумевало замену клановой знати на значительно более мощную, иерархическую и автократическую

---

¹¹ О биполярной оппозиции между коллегиальными отношениями, которые существовали в племенном обществе, и появлением иерархического, индивидуалистического характера классовых отношений, которые отмечаются в связи с появлением государств во Внутренней Азии см.: Krader 1978: 100–101.

форму власти, где принятие коллегиальных решений было ограничено маленькой группой людей. Все же племенная аристократия по большей части не подчинялась безоговорочно и вместо этого пыталась сохранить независимые полномочия, благодаря которым уравновешивала тенденциозно абсолютную власть хана. Конфликт между местными интересами, представленными племенной аристократией, и центральной властью является одной из важнейших тем истории Внутренней Азии. Первым шагом, предпринятым ханом, было, фактически, создание центральной структуры гражданского и военного управления.

Я не хочу сказать, что история Внутренней Азии может быть обозначена как маятниковые колебания между государством и негосударством. «Запасная идеология» для меня продуктивный термин, позволяющий предложить латентную возможность государства благодаря добровольному согласию членов племени отчуждать часть их власти для лучшего выхода из кризиса. Форма, которую принимало государство, однако, зависела от определенных обстоятельств его исторического появления. Хотя в истории Внутренней Азии появился ряд государств, все они были различны, и эта действительная дифференциация остается неясной благодаря представлению их в циклической или маятниковой схеме.

Централизованная правительственная структура

После назначения хана новый политический аппарат приобретал форму, составленную из постоянной армии, надплеменной администрации правосудия и корпуса имперски назначенных военных и гражданских должностных лиц. Хан нуждался в гарантии лояльности населения и влиятельных кругов государства без войны (*pax nomadica*), гарантом которого был бы королевский клан, но сначала он нуждался в консолидации власти. Это достигалось, прежде всего, назначением верных членов королевского клана и лояльных военных лидеров на самые высокие позиции и затем монополизацией доходов и их перераспределением среди племенной аристократии. Военная экспансия, следовавшая за образованием новой государствовидной политики, была частью самого процесса формирования государства, так как это способствовало и приобретению средств для вознаграждения военных лидеров, и организации новой иерархии на основе личных отношений

между ханом и его сторонниками. Верхняя «исполнительная» структура государства была всегда в руках клана основателя династии. Начальная коллегиальность политического процесса, поддерживавшая сакральную инвеституру, постепенно сменилась правительственным аппаратом, в верхнем слое которого преобладали члены имперского клана и клана его супруги, а в нижнем – члены аристократии. Власть последних была прямо пропорциональна дистанции между их линиджем и королевским кланом – дистанции, определяемой политическим процессом и стремлением к постоянному изменению.

Некоторые из преимуществ власти, свойственных предыдущей, акефальной системе, такие как принцип наследования и право на взимание дани, перешли на «надплеменной», государственный уровень и были востребованы харизматическим кланом. Однако как только основатель династии возвышался, трибализм восстанавливался в некоторой степени консолидацией власти и престижа основателя собственного клана. После смерти основателя *translatio* божественно данной имперской власти путем наследования, а не голосованием, могло быть расценено как узурпация политических прерогатив племенной аристократии. Члены аристократии могли высказать свое неодобрение отделением или поддержкой другого «харизматического» лидера, часто члена королевского клана. Согласно интерпретации Флетчера, сменяющие друг друга войны были необходимы как система выбора лидера [Fletcher 1979/80: 236–251]. Результат войн, сменяющих друг друга, зависел от способности лидера обеспечить постоянный приток доходов, чтобы вознаграждать аристократию и позволить ей сохранить богатство и престиж в обмен на лояльность, и поддерживать большую центральную армию. «Аборигенным» вызовам мог успешно противостоять центр, который имел доступ к достаточным экономическим ресурсам. Общеизвестный пример «аборигенного» вызова – борьба между Ариг-Бугой и Хубилаем с 1260 до 1266 г. за контроль над Монгольским улусом; Хубилай победил благодаря огромным запасам ресурсов, находящихся в его распоряжении в Китае [Rossabi 1988: 53–62].

Консолидация верховной власти хана требовала того, чтобы наследственные позиции, базировавшиеся на происхождении, все больше замещались прямым назначением, основанным на заслугах и лич-

ной лояльности, и чтобы увеличивающееся число воинов организовывалось в постоянные военные единицы и находилось под прямом контролем хана или королевского клана. Создание государства в таком случае не вело к демобилизации военной аристократии и солдат. Напротив, это увеличивало размер армии и превращало частично занятых солдат в постоянную военную силу. В дополнение к этому, так как королевский клан усиливался во власти, размер свиты, состоящей из членов высокого ранга, также имел тенденцию к росту. У членов элиты имелись дворы, известные своим «варварским блеском», содержащие огромные личные свиты, состоящие из слуг и телохранителей; постоянная борьба за наследование должна была приводить потенциальных кандидатов к сохранению контроля над возможно большим числом личных воинских подразделений. В сравнении с ресурсами, произведенными их собственной экономикой, содержание политических центров степных империй было чрезвычайно дорого¹². Первым «звуком» недавно рожденного государства Внутренней Азии был звук большого, жадного голода.

Доходы и территориальная экспансия

Согласно племенной традиции, традиционная аристократия взимала дань с общинников и с подчиненных или поработанных племен, таким образом присваивая ограниченные излишки, которые мог произвести пасторальный номадизм. Однако в «имперской» ситуации милитаризация общества и рост аристократического класса и государственного аппарата, сопровождаемые застойной или даже рецессивной экономикой, требовали ресурсов намного больше, чем могли производиться в собственной производительной сфере общества. Группы, совершавшие набеги, достигали размеров полностью сформировавшихся армий и не только грабили границы «земледельцев», но и предприняли завоевания, нацеленные на приобретение огромных внешних ресурсов. Несколько примеров: хунну начали получать из Китая почти сразу (198 г. до н. э.) шелк, одежду, зерно и другие пищевые продукты каждый год [Sima Qian 2: 139; Yu Ying-shih 1967:

---

¹² Посетив двор Сартака, сына правителя Золотой Орды Бату, В. Рубрук отметил, что каждая из его шести жен имела просторное жилье и 200 повозок [Jackson, Morgan 1990: 114].

41]; Первая Тюркская империя (552–630) под властью Мухань-хагана (553–572) получала дань в 100 тыс. кусков шелка от Северного Чжоу (557–581) [Cannata 1981: 49]; ранние монголы, выступившие в северном Китае против Цзинь, были прежде всего нацелены на приобретение добычи в виде золота, шелка и лошадей (1213) [Allsen 1994: 351]. Тип и количество ресурсов, приобретенных в каждом случае, отражают глубокие изменения в производительной и политической структуре рассматриваемых обществ Внутренней Азии. Монополизировав доходы, хан, о котором идет речь, пытался платить за поддержку наградами и выплатами государственному аппарату, аристократической элите и армии.

С тех пор как контуры нового государства стали уже менее туманными, не существовало, по крайней мере в теории, никаких пределов людям и территории, которые могли быть включены в экономику государства как зависимые единицы или данники. Первый тип «государственных» доходов состоял из дани. Дань могла быть двух видов, обозначенных как «внутренний» и «внешний». Внутренняя дань платилась подчиненными политическими союзами, которые могли быть кочевыми племенами, более мелкими княжествами или городами-государствами, признававшими верховенство хана и обычно привлекавшимися для обеспечения центра ежегодными взносами натурой и военной поддержкой. Таковое имело место у тюрков в империи жуань-жуаней (жужаней), специализировавшихся в металлургии и, вероятно, обеспечивших свое господство благодаря железным орудиям; кроме того, накануне их восстания они напали и победили телесцев, врагов жуан-жуаней. Аналогично, чжурчжэни были зависимы от киданей, которым они должны были поставлять из своей страны такие ценные изделия, как жемчуг, охотничьи сокола и мех соболя. Эти племена или общины сохраняли идентичность, отличную от таковой доминирующей политики, и занимали более низкий ранг в конфигурации государства.

Внешнюю дань получали от крупных земледельческих государств типа Византийского Рима, Персии или Китая. Отношения дани регулировались через соглашения и в период мира включали взаимное признание равного дипломатического статуса, даже когда земледельческие государства были вынуждены давать дань. В любом случае данническая система имела пределы, так как делала политиче-

скую систему чрезмерно зависящей от внешнего фактора. Учитывая хроническую нестабильность политического процесса, неуверенность в преемственности и напряженность между властью суверена и автономностью аристократии, государство, чья экономическая жизнеспособность зависела исключительно от дани, сталкивалось с немедленным кризисом, как только изменчивые доходы от дани, только косвенно контролируемые государством Внутренней Азии, уменьшались или исчезали.

Вторым источником дохода была торговля, обеспечением которой служили расширяющиеся партнерские отношения с торговыми сообществами, специализирующимися на торговле на длинные расстояния. Безусловно, торговля существовала и при отсутствии сильных политий во Внутренней Азии, в этом случае коммерческие сети только зарождались и функционировали на племенном уровне на основе собственной племенной конфигурации «иностранных дел». Тогда имеющие дело с Китаем иностранные сообщества часто принимали зависимое положение, чтобы получать выгоду от торговли. Однако на надплеменном уровне торговля принимала различные формы. Большая прибыль не могла быть получена от местной бартерной торговли; участие в межконтинентальной торговле приносило гораздо большую прибыль, и ее было легче контролировать благодаря военному участию государств Внутренней Азии. Кроме того, традиционная торговля продуктами кочевого производства стала особенно выгодной после того, как центры Внутренней Азии смогли монополизировать торговлю и спрос на продукцию Внутренней Азии – такой как лошади – стал выше, чем предложение, таким образом склоняя экономический баланс на их сторону.

Но намного более надежной формой дохода было регулярное налогообложение подданных, особенно оседлых. Династия Ляо изобрела систему, посредством которой благодаря дуальной администрации она могла извлекать доходы непосредственно от оседлого населения областей, завоеванных ею, в то же самое время сохраняя племенной и кочевой характер своего северного общества. Иначе дело обстояло у правителей Тоба династии Северная Вэй (386–534), которые отказались от своего внутринеазиатского наследия и превратили свое государство в сложившееся китайское, или киданьский эксперимент по организации правления состоял во введении нового элемента в пре-

имущественно внутринеазиатскую систему управления. Цзинь и Юань следовали за киданями и, поскольку они расселились на территориях, занятых земледельцами, приняли разнообразные формы фискальной администрации.

В государствах Внутренней Азии, возникших позже, поиск доходов от налогов происходил параллельно с процессом укрепления центральной власти, но был отличен. Одним из главных различий, наблюдаемых в четырех монгольских ханствах, сложившихся после завоевания, была различная степень интеграции доходов: от дани, торговли и полученных от прямого налогообложения городских и сельских общин. При наличии развитых бюрократических сетей и квалифицированных администраторов, которые зародились внутри побежденных государств, чтобы способствовать процессу финансовой централизации (как это имело место в Китае и Персии), фискальная политика имела тенденцию становиться менее хищнической и беспорядочной, и между правителями и управляемыми развивались непростые формы сосуществования. Все же монголы взяли от основного населения гораздо больше, чем они дали, и администрация продолжала оставаться тяжелым финансовым бременем: огромный аппарат двора; этнические, религиозные и классовые привилегии; и в значительной степени непроизводительный военный аппарат. Еще большую уверенность относительно роли налогообложения можно отметить в случаях Маньчжурской и Османской империй, которые преуспели в создании по существу устойчивого равновесия между государственным управлением и извлечением излишков между завоевателями и завоеванными.

Различные формы, в которых взаимодействовали внутринеазиатские надплеменные политики со своими соседями, часто вели к формулированию различных типологий. Формы доминирования кочевников над сельским и городским населением классифицировались согласно следующим моделям: грабеж, даннические отношения, фиксированное налогообложение, интеграция некоторых земледельческих групп в зависимое население завоеванного общества, экспроприация недвижимости и эксплуатация крестьян [Khazanov 1981: 163]. Здесь мы можем отметить несколько элементов, упомянутых выше, такие как дань и налоги, но они выглядят как разновидности основной темы, т. е. — кочевые агрессии движимы постоянной экономической по-

требностью. В исторической перспективе образование государств во Внутренней Азии (которые не были исключительно «кочевыми») показывает постепенную, но уверенную тенденцию создавать все более тонкие средства доступа к внешним ресурсам. Конечно, мы не можем говорить о линейном и непрерывном континууме, тем более что различные империи приняли различные «гражданские» традиции, но все же мы можем наблюдать, хотя бы фрагментарно и в разной степени, возрастание эффективности правительственной структуры Внутренней Азии в расширении своего ресурсного базиса.

К периодизации истории Внутренней Азии

Теперь вернемся к проблеме периодизации. Целью этого эссе является предложить новую всестороннюю теорию образования государств во Внутренней Азии. Скорее необходимо обратить внимание на факторы, наиболее часто наблюдаемые тогда, когда действительно появляются государства, как эндогенные (кризис, милитаризация и т. д.), так и экзогенные (получение внешне произведенных доходов). Это означает, что мы можем определить принцип, который позволит предложить значимую периодизацию истории Внутренней Азии или, более точно, истории империй Внутренней Азии.

Мне кажется, что такой принцип может быть найден в возрастающей способности государств получать доступ к доходам, внешним по отношению к их производственному базису. Эта способность возникла одновременно с появлением государственного аппарата и обеспечивала основу его выживания, международных отношений, распределения военной силы за пределами его политических и территориальных границ, доминирования различных этнических, лингвистических и экономических сообществ. Как государство обеспечивало получение внешних доходов, являлось, по моему мнению, действительным внутренним критерием установления предварительной периодизации истории империй Внутренней Азии. На этом основании могут быть определены четыре главных периода, характеризующиеся соответственно данью, торговым партнерством, дуальной администрацией и прямым налогообложением.

Однако следует подчеркнуть, что развитие различных стратегий доступа к ресурсам, контролируемым государством, не должно пониматься в строго эволюционистском ключе. Процесс был скорее ори-

зонтальным, чем вертикальным, и более ранние формы, используемые правителями Внутренней Азии в получении доступа к ресурсам внешних обществ, не обязательно заменялись *in toto* на следующей «стадии». Скорее, через процесс, наблюдаемый, но пока еще не полностью понятый, политики Внутренней Азии показывают способность расширять свои стратегии, не отказываясь от более ранних. Империи, занятые в международной торговле, не отказываются от даннических отношений, а те, кто завоевал и обложил налогами свое оседлое население, продолжали активно способствовать торговле и получению прибыли. Кроме того, и это наиболее важно, «прибыль» некоторых политий была полностью обратима. Политии Внутренней Азии находились всегда в состоянии опасности распада и возвращения в состояние негосударственное или возвращения к государству, которое не было способно вернуться к экономическому уровню, достигнутому прежде. Например, хотя идеал воссоздания Монгольской империи сохранялся, восточные монголы практиковали данническо-торговую экономическую стратегию в своих отношениях с династией Мин [Serguys 1910]. «Прибыль» в управлении ресурсами и применение успешных форм завоевания и господства, воплощенных в государствах чингизидов XIII в., сохранялись в «виртуальном» или зачаточном состоянии у монголов XV–XVI вв. Только когда некоторые специфические исторические условия, на которые мы сослались выше, способствовали образованию и успешной экспансии политий Внутренней Азии, «традиционный» материал, представленный более ранними опытами государственного строительства, был воспринят, стал возможен дальнейший качественный рост экономического управления. Маньчжуры периода Нурхаци и Хунтайджи сознательно обратились к традиции правления Чингис-хана (XIII в.), поскольку они начали расширять свое государство в пределы областей, заселенных китайцами. Другими словами, несмотря на то, что народы Внутренней Азии продолжали применять более ранние стратегии получения внешних ресурсов или периодически возвращались к ним, необходимо иметь в виду, что в использовании моделей управления есть диахронный компонент. Он заключается в том, что можно выделить постепенно возрастающую сложность и расширяющийся круг решения спорных вопросов управления. Это является ключом к пониманию прогрессивной адекватности кочевых империй в мировой истории и заметного успе-

ха династий внутреннеазиатского происхождения в новое время, таких как Цинская и Османская империи. Это предлагается здесь как «основная ценность» для периодизации истории Внутренней Азии¹³.

По необходимости эта периодизация базируется на макроскопическом взгляде, который не может объяснить все типы социальных, политических и культурных изменений. Разделения, обозначенные здесь, относятся исключительно к изменениям в способности политий Внутренней Азии искать и получать все большую безопасность и источники внешних доходов, поскольку такое направление было важно для стабильности правящего класса. Такие переходы обеспечивают последовательность и унифицированную структуру, но не показывают сущностную природу самих изменений, более подобных ступеням лестницы, которая остается вертикальной. Можно надеяться, что эти переходы могут использоваться как основа для дальнейшего исследования.

Даннические империи (209 г. до н. э. – 551 г. н. э.)

Расцвет исторически фиксированных степных империй происходит на востоке. Процесс образования государства в империи Хунну хорошо документирован в китайских источниках. Внешние доходы,

---

¹³ В знаменитой статье, изданной посмертно, покойный Дж. Флетчер-младший предложил понятие «интегральной горизонтальной макроистории» как наиболее удачное для исследования нового времени – раннего современного периода (1500–1800). Эта модель, ориентированная на поиск исторических связей географических областей и ряда событий, воспринимаемых как отдельные и даже изолированные друг от друга, предлагает полную адекватность места Внутренней Азии в мировой истории. Эта модель особенно подходит, как мы видим, для сочетания и разделения исторических феноменов (торговля, коммуникации, технология, финансовое управление и т. д.), ведущих к большей интеграции в глобальном масштабе. Интегративная макроистория, однако, не отрицает существования динамики *longue durée* в обществах, воспринимаемых как отдельные исторические и культурные единицы. Следовательно, призыв Флетчера, нашедший отклик в большинстве недавних научных сообществ, в верном поиске придания исторического значения межрегиональному и межцивилизационному процессам, не противоречит *per se* подходам, которые подчеркивают различный уровень анализа, основанного на региональных (но не обязательно ограниченных) рамках исторических изменений [Fletcher 1985].

доступные двору, были ограничены данью и получались от Китая или завоеванных народов, таких как ухуани или города-государства бассейна Тарима. До тех пор пока могли поступать дополнительные доходы, власть шаньюя (хуннский титул, эквивалентный китайскому императору) могла сохраняться. Китай положил конец Хуннской империи, прекратив предоставлять ежегодную дань, предпринимая длительные крупные, но редко удачные военные походы. Удачным было нанесение удара, когда китайцы смогли отрезать «правое крыло» хунну – т. е. когда они выиграли сражение с западными регионами, где мелкие земледельческие государства-оазисы платили дань кочевникам десятилетиями [Hulsewe 1974, 2: 117–135]. Полная потеря внешних ресурсов решила судьбу хунну, ограничив власть лидеров и инспирировав процесс политического распада. С этого момента узы, связывающие надплеменную элиту, были разрушены, хунну раскололись на южных и северных (60 г. до н. э.) и начался процесс трайбализации. В 53 г. до н. э. южные хунну приняли подданство Китаю, но продолжали получать доходы в обмен на мир. Они сохранили на некоторое время структуру объединенного, надплеменного государства даже в условиях военного и политического подчинения, хотя лидерство слабело и становилось все более уязвимым, чтобы сопротивляться [de Crespigny 1984: 190–191, 510–511].

Хуннская империя сменилась другими, более или менее успешными политиями Внутренней Азии, которые достигали большей или меньшей степени единства и «государствоподобной» формы. Среди них наиболее значительными были ухуани, цяны, сяньби и жуаньжуани. Крах китайских династий в северном Китае в IV в. н. э. и распад политической власти позволил некоторым кочевым народам назначить властелинов и образовать мелкие государства, обычно довольно эфемерные. Только династия Северная Вэй, просуществовавшая довольно долго, не может считаться частью внутреннеазиатской политической традиции начиная со двора: через структурный союз с китайскими землевладельцами она проводила политику, совершенно противоречащую и даже враждебную внутреннеазиатскому племенному сообществу.

Империи, получавшие доход от торговли (551–907)

Большинство государств, которые получали свои доходы от дани, были неизбежно уязвимы угрозой как внутренних восстаний, так и

внешних манипуляций. Второй период, начавшийся с основания Первой Тюркской империи (551) и закончившийся возвышением киданей (907), отличается от первого интенсивным вовлечением политий «кочевого типа» Внутренней Азии в торговлю (как в межконтинентальную на большие расстояния, так и в контролируемые государством пограничную и данническую). Наиболее значительными политиями в это время были тюрки (первая империя – 552–630 гг.; вторая империя – 682–745 гг., тибетцы – 618–842 гг., уйгуры – 744–840 гг. и на западе хазары 630–965 гг.). Международные отношения и территориальная экспансия этих государств, кажется, выявляют предпочтение сложившихся форм централизованного контроля над торговлей с Китаем, торговыми маршрутами и богатыми торговыми городами ключевого прохода бассейна Тарима. На западе хазары вступили в тесные связи с торговыми сообществами и благодаря выгодному географическому местоположению вдоль торговых маршрутов стали преуспевающим торговым государством [Golden 1980: 107–111].

Хотя эти государства тоже взимали дань, но это перестало быть единственным, и возможно, даже главным, источником доходов, получаемых извне. Специальные отношения, которые развивались между торговцами Центральной Азии, в частности согдийцами, и политиями Внутренней Азии имеют важнейшее значение для понимания этого феномена. Согдийцы были в течение столетий самыми выдающимися акторами в организации торговли на дальние расстояния. Сходство интересов тюркских правителей и согдийских торговцев коренились в зарождении тюрко-византийских отношений в 567 г. В дополнение к борьбе за контроль над трансконтинентальной торговлей политики Внутренней Азии централизовали пограничную торговлю, в особенности лошадьми, от которой Китай все больше зависел [Maskerras 1972; Moses 1976: 61–89]. Религиозное влияние, которое приобрело на уйгурскую элиту манихейское духовенство, также свидетельствует о тесных связях между уйгурами и торговым сообществом Центральной Азии. Все же эти империи оставались, по существу, слабыми политическими образованиями, в которых преимущественные позиции занимали растущие военные классы. Харизматический лидер правил государством почти так же, как это делали в прошлом лидеры хунну, его власть была стабильной до тех пор, пока государ-

ство могло получать дань и контролировать торговые пути. Обе задачи, однако, оказались трудными, и длинный список военных набегов на Китай показывает, что доходы от дани и торговли никогда реально не были достаточными для содержания государства [Hayashi Toshio 1990].

Империи дуальной администрации (907–1259)

Определяющей чертой этого периода является приобретение знаний и административных навыков для организации управления земледельческими областями. В этом процессе стали использоваться в целом новые формы, сочетавшие кочевую политическую культуру с прямым контролем над ресурсами земледельческих народов. Торговля и дань сохранили значение, но большая часть доходов поступала от прямых налогов, получаемых с земледельческих народов.

Наиболее выдающимися в этот период были киданьская династия Ляо (907–1125) и чжурчжэньская династия Цзинь (1115–1234). Обе предприняли ограниченную территориальную экспансию в земледельческие области. Преобладающий тип управления базировался на системе, посредством которой земледельческое и кочевое население управлялись отдельно, согласно принципам, укоренившимся в их собственных обществах и экономиках. Тангутское государство Си-Ся (982–1227) осталось ближе по своей модели управления к политиям предыдущего периода и опиралось на торговые налоги, предоставляемые уйгурскими торговцами, которые пересекали тангутскую территорию, хотя очевидно, что тангуты также развивали формы дуальной администрации.

Большинство концептов «дуальной» администрации было развито династией Ляо, которая успешно заняла и защищала земледельческие области, включая маньчжурско-корейское государство Бохай и «шестнадцать префектур» северного Китая [Tao Jing-shen 1988: 10–24]. После их быстрой победы Ляо чжурчжэни захватили юг и завоевали значительную часть китайской территории, которая прежде была занята киданями. На территории к югу от прежней границы Ляо и Сун китайцы составляли значительную часть населения династии Цзинь, в то время как на территории к северу население было главным образом представлено племенами киданей и чжурчжэней. Различное соотношение между завоевателями и завоеванными, конечно, определяло и

множество различий между Ляо и Цзинь. В то время как двор Ляо оставался тесно связанным с киданьским племенным военным базисом и сохранял его центры власти во Внутренней Азии, династия Цзинь более глубоко использовала возможности, предоставленные китайской административной структурой, и переместила государственные центры экономической и политической власти в земледельческие области. И Ляо, и Цзинь сочетали свои доходы от кочевых и особенно от земледельческих народов с получением дани от двора Сун и с доходами от торговли. Для чжурчжэней важнейшее значение прямых налогов с крестьян, обеспечивавших реальную стабильность и твердую финансовую поддержку династии, также требовало принятия китайских институтов и вело к тому, что было воспринято как «китаизация» чжурчжэней. Большинство чжурчжэней, однако, включая членов королевского клана, не желали отказываться от своих этнических внутреннеазиатских традиций и культуры. Осознание угрозы целостности их этнической и культурной идентичности можно видеть в мерах, предпринятых некоторыми императорами для смягчения эффекта культурных изменений среди чжурчжэньского населения [Chan Hok-lam 1984: 68–72].

Раннее Монгольское государство с правления Чингис-хана (1206–1227) до Мункэ-хагана (1251–1259) должно быть разделено на два различных периода. При Чингис-хане Монгольское государство достигло беспрецедентной степени централизации и начало завоевание Средней Азии и части северного Китая. Даже в этом случае правление Чингис-хана сильно напоминало прежнюю торгово-данническую модель управления, поскольку дань была наложена на Си-Ся и Цзинь, и монгольское правление частью земледельческих областей, завоеванных в северном Китае, оставалось чрезвычайно хищническим. Ранний интерес монголов к торговле может быть отмечен в связи с центральноазиатским государством Хорезм, который начался с инцидента, связанного с проходом через него торговых караванов, отправленных монголами.

Только при Угедее торгово-данническая модель была замещена завоеванием и прямым правлением. В этом монголам помогали множество внутреннеазиатских и китайских администраторов, которые прежде служили династии Цзинь или пришли из городов Центральной Азии и уйгурских княжеств бассейна Тарима. Среди наиболее

известных администраторов киданец Елюй Чуцай (1189–1243) и центральноазиатский Махмуд Ялавач (?–1254) отвечали за монгольскую адаптацию земледельческой системы налогообложения. Однако столица империи Каракорум выросла в середине степи, символизируя крепкую связь монголов с их кочевым наследием. Только на следующей стадии государственного строительства, базирующейся на прямом налогообложении, монгольские политики в Китае и Персии обратились к тотальной и прямой эксплуатации земледельческих ресурсов и более глубокой интеграции кочевой и земледельческой моделей управления.

Империи прямого налогообложения (1260–1796)

В этот период политики кочевого типа стали способны распространить свое правление на разные народы и страны. Главное различие, по сравнению с предыдущей стадией, заключается в том, что эти государства больше не видели своего выживания, даже частично, лишь в получении дани от крупных соседних земледельческих государств, но вместо этого были способны извлечь с завоеванных территорий напрямую все их ресурсы.

Завершение завоевания Китая при Хубилае – лучший пример уверенности, достигнутой монголами в привлечении широкого ряда политических ресурсов, происходящих из сокровищниц политических традиций Внутренней и Центральной Азии, северного Китая (Ляо и Цзинь) и Китая. Однако здание, которое они создавали, было значительно испорчено. Оно было этнически негармонично из-за институционализированных расовых разногласий. Более того, правительство метрополии страдало от быстрого роста необычно расточительной центральной администрации, состоящей главным образом из групп, обслуживающих императора и его окружение и плохо связанных с областями. Наконец, отношение монголов к управлению оставалось беспорядочным и небрежным, и часть характерных особенностей политической традиции Внутренней Азии – такие как принципы наследования, привилегии, обусловленные расовыми и линиджными связями, и партнерство секторов центрального правительства и торговыми организациями – сохраняются со всей очевидностью. Все же неважно, насколько элементарными и примитивными были некоторые из инструментов управления, принятые монголами, завершение

завоевания Китая и Персии и совмещение доходов от дани и торговли с системами прямой эксплуатации земледельческих народов поставило монголов на ступень выше прежних политий Внутренней Азии. Налогообложение, однако, не заменило торговлю, которая оставалась фундаментальным занятием правителей монголов и в Китае, и в Персии. Их интерес к доходам, приносимым международной торговлей, и к финансовым сетям привели фактически к развитию торговых сообществ и к активному включению монгольских правительств в обращение потока слитков золота [о торговых сообществах см.: Allsen 1989: 83–126; Endicott-West 1989: 127–154; об Иль-ханах и их участии в международной торговле см.: Martinez 1984: 121–173; 1995/97: 123–252]. Возвышение Тамерлана и его захватнические завоевания проводились огромной армией, поддержанной доходами, полученными из обоих секторов экономики: земледелия и животноводства. Именно налоговая система в земледельческих регионах обеспечила базу для военной экспансии. Однако успех военных кампаний не сопровождался объединением всех завоеванных территорий.

Известная политика Тамерлана состояла в том, чтобы расширить налоговый земледельческий сектор своего населения, так что земледельческие области были приведены к административному контролю и развивались экономически, в то время как степные регионы не включались, поскольку их экономическая выгода была низкой и потенциально они потребляли ресурсов больше, чем производили [Manz 1998: 21–41].

Можно отметить, что Османская империя также соответствует этой периодизационной структуре. Отстраняясь от проблемы религиозной природы Османской экспансии, очевидно, что история ранних османов аналогична процессам, типичным для империй восточной Внутренней Азии: воинственное, кочевое и трайбализованное «ядро» государства; милитаризация общества в центре политики и напряженность между центробежными (племенными и локальными) и центростремительными (государствоподобными и универсалистскими) силами. К середине XV в. Османское государство завершило переход от экономического выживания за счет военных походов и торговли к административному контролю и выкачиванию земледельческих ресурсов. Успех османов в обеспечении продуктивной администрации мог также зависеть от их знакомства с «земледельческими» практи-

ками управления и готовностью воспринять их от Ильханов и Византии [Kafadar 1995: 45]. Действительно, после завоевания Константинополя (1453) можно колебаться в рассмотрении османов как политики Внутренней или Центральной Азии.

На Востоке в XIV–XV вв. был период, когда на севере не появилось ни одно крупное имперское кочевое образование. Это может быть объяснено несколькими факторами, такими как успех династии Мин в сохранении раздробленности различных монгольских племен или изменение правил имперской легитимизации у постчинггидских монголов. После этого перерыва подобные модернизационные элементы обнаруживаются, возможно, в еще большей степени в маньчжурской династии Цин (1636–1911), учитывая многочисленные факты, которые мы имеем об их государстве и обществе до завоевания (1616–1644). Династия Цин достигла более высокого уровня социальной и политической интеграции между завоевателями и завоеванными, чем это было в ранних политиях Внутренней Азии. Маньчжуры также сохранили особенности традиции Внутренней Азии, такие как первенство харизматического клана, принципы наследования и привилегированного доступа к общественному статусу, базировавшегося на происхождении, и сохранение этнических, религиозных и лингвистических разделений. Маньчжуры, высоко милитаризованное общество, были способны применить и сохранить правление своего этнического меньшинства по отношению к самым крупным империям в истории, благодаря пристальному вниманию к условиям завоеванного общества; совершенно нехищническому отношению к управлению; менее расточительному центральному правительству и высоко развитой системе связи между центром и периферийными областями. Ключом к успеху была их способность к ограничению растущей аристократии и нейтрализации центробежных тенденций через институционализацию роли аристократии в пределах военной и бюрократической структуры, известной как знаменная система. Зависимые отношения оставались способом выстраивания международных отношений, но не соответствовали содержанию государственного аппарата. В период правления Цянлуна (1736–1795) процесс завоевания достиг максимальной экспансии, включая объединение Тибета и Восточного Туркестана и разрушение Джунгарского ханства – потенциального эпигона имперской традиции Внутренней Азии.

Цин приблизился к достижению совершенного баланса между, с одной стороны, милитаризованным обществом и расширившейся правящей элитой, созданной в период завоевания, и с другой – ресурсами, получаемыми от Китая; между властными привилегиями завоевателей и административными структурами завоеванной страны и между социальной интеграцией и сохранением культуры. Уже в XVIII в. характерные черты Внутренней Азии при маньчжурском дворе и в народной среде были редкими или просто символическими. Из-за радикальных преобразований, имевшими место в XIX в. во Внутренней Азии и за ее пределами, имперская традиция Внутренней Азии была почти утеряна. Массовое обращение монголов в буддизм привело к глубоким изменениям в социальных и политических процессах этого общества. В то же самое время объем внутринеазиатской торговли уменьшился и, поскольку большая часть степных областей находилась под прямым контролем Китая и России, у народов Внутренней Азии не было возможности проводить автономную политику. Более того, потеря военного превосходства в связи с появлением огнестрельного оружия обрекла их просто на борьбу за выживание.

Заключение

В этом эссе я попытался связать появление государства во Внутренней Азии с понятиями кризиса, милитаризации, централизации и получением внешних ресурсов. «Кризисный» сценарий был определен как разрушение производства, определяемого рядом возможных факторов, экологических и исторических, достаточно длительных и глубоких, чтобы изменить социальный порядок и привести к широкому конфликту. Рост числа военных в обществе и профессионализация солдат на службе конкурирующих лидеров сопровождалась появлением «харизматического лидера», принимаемого большинством как верховный лидер. Появление того, что я определил, вслед за Зальцманом, как имперская «запасная идеология», не было механической реакцией, а только одним из возможных вариантов. Рассеивание, переход к более сильным племенам, миграции вблизи земледельческих областей, подчинение в обмен на поддержку и даже седентеризация – исторически зарегистрированные феномены. Харизматический лидер должен был быть признан «политическим каркасом» («body politic»)

зарождающегося государства через «сакральную» инвеституру, которая давала ему верховную (хотя не абсолютную) власть над племенами. В это время и появляется новая политическая структура, которая была иерархической, вертикальной и централизованной. Старая племенная аристократия была также реорганизована в пирамидальную военную структуру. Мизерные излишки, прежде потребляемые относительно небольшой группой племенной аристократии предгосударственного общества, стали недостаточными для поддержания ханских личных слуг и клана, двора, расширяющегося аристократического класса и отрядов, несущих постоянную службу. Этот новый правящий класс был вынужден искать внешние источники доходов, если он желал сохраниться как доминирующий в пределах государства, в котором он имел особые привилегии.

С самого начала история государств кочевого типа вращалась вокруг поиска более эффективных и более сложных способов снабжения нового политически доминирующего класса достаточными средствами для его длительного существования. Появление более сложных политических образований не должно рассматриваться как «эволюционный» процесс, а скорее как постепенное открытие и увеличение вариантов опыта по управлению государством, накапливаемого со временем. Политии Внутренней Азии продолжали приспосабливаться к историческим обстоятельствам по мере возможности, характеризуясь, с одной стороны, племенной раздробленностью, с другой – централизованными государствами. Но «качество» созданных государств варьировалось и было подвержено историческим изменениям, так как из других политических культур и традиций приходили новые политические решения и успешно заимствовались институты. Благодаря опыту правления тюрков и монголов, маньчжурские и османские императоры имели в своем политическом «колчане» больший набор стрел, чем их степные предки, такие как хунну или сельджуки. Направление исторического процесса постепенного расширения политического спектра Внутренней Азии – хотя и нелинейным, фрагментарным, часто регрессивным путем – имело тенденцию к обеспечению более глубокого доступа к внешним ресурсам и их более жесткого получения. Появляется постепенное – даже неравномерное – расширение способов достижения лучшего контроля и управления доходами, чтобы стать решающим условием и главной движущей силой в

истории государств Внутренней Азии. Поэтому я предложил периодизацию, основанную на четырех преобладающих особенностях сбора внешних доходов: дань, торговая, дуальная администрация и налогообложение земледельцев. Дань была главным источником дохода для самых ранних государств (стадия 1). Это было эффективно, но уязвимо. Спротивление даннических государств и склонные к независимости племенные лидеры могли легко достичь точки, когда лидер был больше неспособен держать узды правления государством. Борьба преемников, внутренние восстания, войны против зависимых государств и прекращение уплаты дани вкупе с постоянной опасностью естественных бедствий легко могли свести на нет эти «даннические» образования.

Большим скачком вперед стало то, что государства Внутренней Азии овладели формой централизованного контроля над коммерческой деятельностью через ее монополизацию или обложение налогом (стадия 2). У тюрков, уйгуров и хазар мы видим «структурный» союз между императорами и торговыми сообществами; это партнерство способствовало также распространению западных и центральноазиатских народов, товаров и религий.

Третья стадия состоит в экспансии политий Внутренней Азии в области с оседлым населением и принятием систем прямого налогообложения земледельцев, которые добавлялись к доходам от дани и торговли. В это время политии Внутренней Азии начали завоевывать оседлое население и управлять им, и новые административные решения были восприняты от земледельческой традиции или от адаптированной кочевой традиции.

Наконец, в четвертый период обширные территориальные завоевания указывают на зрелую способность политий Внутренней Азии использовать широкий диапазон политических и административных инструментов управления, выработанных земледельческими подданными: были полностью усвоены системы прямого извлечения доходов от производителей, а доходы от дани и торговли имели небольшое значение или не имели никакого.

Взгляды на «степные империи» как на «взрывы» или «окружающую среду» демонстрируют свои пределы более ярко, когда ими пытаются объяснить различные пути, которыми сменяющие друг друга кочевые и полукочевые политии взаимодействовали с земледельче-

скими обществами. Периодизационная схема, предложенная здесь, позволяет историкам исследовать более широкую, всемирно историческую роль империй Внутренней Азии не в терминах их «воздействия» на завоеванные общества, но в терминах, совместимых с их внутренним политическим и экономическим динамизмом. Почему одни были больше заинтересованы в торговле, чем другие? Почему одни стремились к территориальным завоеваниям, в то время как другие – нет? Почему некоторые народы Внутренней Азии более легко «ассимилировались», и почему ассимиляция или аккультурация приобретает так много различных форм? Все эти вопросы в конечном счете связаны с попытками политий Внутренней Азии и их способностью превзойти свой собственный ограниченный производственный и социальный базис; эти усилия привели к созданию оригинальных и сложных форм управления

Литература

Abu-Lughod J. 1989. *Before European Hegemony: The World System A. D. 1250–1350*. – New York: Oxford University Press.

Adshhead S. A. M. 1993. *Central Asia in World History*. – New York: St. Martin's Press.

Alekseev V. P. 1991. Some Aspects of the Study of Productive Forces in the Empire of Chengiz Khan. G. Seaman and D. Marks. – Los Angeles: 186–198.

Allsen T. 1989. Mongolian Princes and Their Merchant Partners. *Asia Major* 3d ser. 2: 83–126.

Allsen T. 1994. The Rise of the Mongolian Empire and Mongolian Rule in North China. *Cambridge History of China*, vol. 6: *Alien Regimes and Border States (907–1368)* / Eds. Twitchett and Franke.

Allsen T. 1996. Spiritual Geography and Political Legitimacy in the Eastern Steppe / Ed. H. J. M. Claessen and J. G. Oosten. – Leiden: 116–135.

Andreski S. 1954. *Military Organization and Society*. – London: Routledge and Kegan Paul (Reprint, 1968).

Bacon E. 1958. *Obok: A Study of Social Structure in Eurasia*. – New York: Wenner-Gren Foundation.

Barfield T. 1981. The Hsiung-nu Imperial Confederation: Organization and Foreign Policy. *Journal of Asian Studies* 41: 45–61.

Barfield T. 1989. *The Perilous Frontier: Nomadic Empires and China*. – Oxford: Blackwel.

Barthold W. W. 1928. *Turkestan Down to the Mongol Invasion*. Reprint. – Thetford: Lowe and Brydone, 1977.

- Beckwith Ch. 1984. Aspect of the History of the Central Asian Guard Corps in Islam. *Archivum Eurasiae Medii Aevi* 4: 29–43.
- Bentley J. 1993. *Old World Encounters: Cross-Cultural Contacts and Exchanges in Pre-Modern Times*. – New York: Oxford University Press.
- Bentley J. H. 1996. Cross-Cultural Interaction and Periodization in World History. *American Historical Review* 101: 749–770.
- Braudel F. 1994. *A History of Civilizations*. – New York: Penguin Press.
- Cannata P. 1981. *Profilo storico del primo impero turco (meta VI – meta VII secolo)*. – Rome: Istituto di Studi dell'India e dell'Asia Orientale.
- Carneiro R. L. 1970. A Theory of the Origin of the State. *Science* 169: 733–738.
- Chan Hok-lam. 1984. *Legitimation in Imperial China: Discussions under the Jurchen-Jin Dynasty (1115–1234)*. – Seattle: University of Washington Press
- Christian D. 1994. Inner Eurasia as a Unit of World History. *Journal of World History* 5: 173–211.
- Claessen H. J. M. 1978. The Early State: A Structural Approach. *The Early State* / Ed. by H. J. M. Claessen and P. Skalnik. – The Hague: 533–596.
- Claessen H. J. M., Skalnik P. 1978. The Early State: Theories and Hypotheses. *The Early State* / Ed. by H. J. M. Claessen and P. Skalnik. – The Hague: 3–29.
- Cleaves F. W. 1982. *The Secret History of the Mongols*. – Cambridge, Mass.: Harvard University Press.
- Crespigny R. de. 1984. *Northern Frontier: the Policies and Strategy of the Later Han Empire*. – Canberra: Australian National University Press.
- Di Cosmo N. 1994. The Economic Basis of the Ancient Inner Asian Nomads and Its Relationship to China. *Journal of Asian Studies* 53: 1092–1126.
- Earle T., Johnson A. 1987. *The Evolution of Human Societies: From Foraging Group to Agrarian State*. – Stanford, Calif.: Stanford University Press.
- Endicott-West E. 1989. Merchant Associations in Yuan China: The «Ortogh». *Asia Major* 3d ser. 2: 127–154.
- Farquhar D. M. 1990. Introduction: From Mongolian Clan to Yuan Empire. *The Government of China under Mongolian Rule: A Reference Guide* / Ed. by D. M. Farquhar. – Stuttgart: 1–11.
- Fletcher J. Jr. 1979–1980. Turco-Mongolian Monarchic Tradition in the Ottoman Empire. – *Harvard Ukrainian Studies* 3–4 (1): 236–251.
- Fletcher J. Jr. 1985. Integrative History: Parallels and Interconnections in the Early Modern Period, 1500–1800. *Journal of Turkish Studies* 9: 37–57.
- Fletcher J. Jr. 1979–1980. Turco-Mongolian Monarchic Tradition in the Ottoman Empire. *Harvard Ukrainian Studies* 3–4 (1): 236–251.
- Frank A. Gunder. 1992. *The Centrality of Central Asia*. – Amsterdam: VU University Press (Comparative Asian Studies 8).
- Franke H. 1978. *From Tribal Chieftain to Universal Emperor and God: The Legitimation of the Yuan Dynasty*. – Munchen: Bayerische Akademie der Wissenschaften, philosophische-historische Klasse.

- Golden P. B. 1982. Imperial Ideology and the Sources of Political Unity Amongst the Pre-Cinggisid Nomads of Western Eurasia. *Archivum Eurasiae Medii Aevi* 2: 37–76.
- Golden P. 1980. *Khazar Studies*. 2 vols. – Budapest: Akademiai Kiady.
- Golden P. 1980. *Khazar Studies: An historico-philological inquiry into the origins of the Khazars*. – Budapest: Akademiai Kiady.
- Golden P. 1982. Imperial Ideology and the Sources of Political Unity amongst the Pre-Cinggisid Nomads of Western Eurasia. *Archivum Eurasiae Medii Aevi* 2: 37–76.
- Golden P. 1987/1991. Nomads and Their Sedentary Neighbors in Pre-Cinggisid Eurasia. *Archivum Eurasiae medii Aevi* 7: 41–81.
- Golden P. 1991. The Qipcaq of Medieval Eurasia: An Example of Medieval Adaptation in the Steppe. *Rulers from the Steppe* / Ed. by G. Seaman and D. Marks. – Los Angeles: 132–157.
- Green W. 1992. Periodization in European and World History. *Journal of World History* 3: 13–53.
- Green W. 1995. Periodizing World History. *History and Theory* 34: 99–111.
- Grousset R. 1970. *The Empire of the Steppes: A History of Central Asia*. – New Brunswick: Rutgers University Press.
- Hall T. 1991. The Role of Nomads in Core/Periphery Relations. *Core/Periphery Relations in Precapitalist Worlds* / Ed. by Ch. Chase-Dunn and T. D. Hall. – Boulder, CO: 212–239.
- Harmatta J. 1952. The Dissolution of the Hun Empire. *Acta Archaeologica* 2: 277–304.
- Hayashi Toshio. 1990. The Development of a Nomadic Empire: The Case of the Ancient Turks (Tujue). *Bulletin of the Ancient Orient Museum* 11: 164–184.
- Hsiao Ch'i-ch'ing, 1978. *The Military Establishment of the Yuan Dynasty*. – Cambridge, Mass.: Harvard University Press.
- Hsiao Ch'i-ch'ing. 1972. Beiya yumu minzu nanqin ge zhong yuanyin de jiantao. *Shihuo yuekan* 1: 1–11.
- Hulsewe A. F. P. 1974. Quelques considerations sur le commerce de la soie au temps de la dynastie des Han. *Mulanges de sinologie offerts a Paul Demieville*. Vol. 2. – Paris: 117–135.
- Jackson P., and Morgan D 1990. *The Mission of Friar William of Rubruck*. – London: Hakluyt Society.
- Jagchid S., Symons V. J. 1989. *Peace, War and Trade along the Great Wall*. – Bloomington: Indiana University Press.
- Johnson A. M., and Earle T. 1987. *The Evolution of Human Societies: From Foraging Groups to Agrarian State*. Stanford (Cal.): Stanford University Press.
- Kafadar C. 1995. *Between Two Worlds: The Construction of the Ottoman State*. – Berkeley: University of California Press.

- Khazanov A. M. 1981. The Early State among the Eurasian Nomads. *The Study of the State* / Ed. by H. J. M. Claessen and P. Skalnik. – The Hague: 155–175.
- Khazanov A. M. 1984. *Nomads of the Outside World*. – Cambridge: Cambridge University Press.
- Krader L. 1958. Feudalism and the Tartar Polity of the Middle Ages. *Comparative Studies in Society and History* 1: 76–88.
- Krader L. 1963. *Social Organization of the Mongol-Turkic Pastoral Nomads*. – The Hague: Mouton.
- Krader L. 1978. The Origin of the State among the Nomads of Asia. *The Early State* / Ed. by H. J. M. Claessen and P. Skalnik. – The Hague: 93–107.
- Langlois J. D. 1981. Introduction. *China under Mongol Rule* / Ed. by J. D. Langlois. – Princeton: 12–21.
- Lattimore O. 1938. The Geographical Factor in Mongol History. *Geographical Journal* 91: 1–20.
- Lattimore O. 1940. *Inner Asian Frontiers of China*. New York: American Geographical Society.
- Lattimore O. 1962. *Inner Asian Frontiers*. 2nd ed. Boston: Beacon Press (Originally [1940]). – New York: American Geographical Society.
- Laufer B. 1914. *Chinese Clay Figures: Part I: Prolegomena on the History of Defensive Armor*. – Chicago: Field Museum of Natural History (Field Museum Publication 177).
- Lindner R. 1983. *Nomads and Ottomans in Medieval Anatolia*. – Bloomington, Ind.: Research Institute for Inner Asian Studies.
- Lindner R. P. 1982. What Was a Nomadic Tribe? *Comparative Study of Society and History* 24: 689–711.
- Liu Mau-tsai. 1958. *Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-Turken (T'u-Küe)*. 2 vols. – Wiesbaden: Harrassowitz.
- Mackerras C. P. 1972. *The Uighur Empire according to the T'ang Dynastic Histories: A Study in Sino-Uighur Relations 744–840*. – Canberra: Australian National University Press.
- Mackinder H. J. 1904. The Geographical Pivot of History. *Geographical Journal* 23: 421–437.
- Manning P. 1996. The Problem of Interactions in World History. *American Historical Review* 101: 771–882.
- Manz B. 1998. Temür and the problem of a conqueror's legacy. *Journal of the Royal Asiatic Society* 3d ser. 9: 21–41.
- Martin D. 1943. The Mongol Army. *Journal of the Royal Asiatic Society*: 46–85.
- Martin D. 1950. *The Rise of Chingis Khan and His Conquest of North China*. – Baltimore: Johns Hopkins University Press.

Martinez A. P. 1984. Regional Mint Outputs and the Dynamics of Bullion Flows through the Ilkhanate. *Journal of Turkish Studies* 8: 121–173.

Martinez A. P. 1995/97. The Wealth of Ormus and of Ind: the Levant Trade in Bullion, Intragovernmental Arbitrage, and Currency Manipulations in the Il-Xanate. *Archivum Eurasiae Medii Aevi* 9: 123–252.

McNeill W. 1995. The Changing Shape of World History. *History and Theory* 34: 8–26.

McNeill W. 1963. *The Rise of the West: A History of the Human Community*. – Chicago: University of Chicago Press.

Montgomery W. 1939. Introduction: Central Asia in World History. *McGovern W. The Early Empires of Central Asia*. – Chapel Hill: 1–24.

Morgan D. 1986. *The Mongols*. – New York: Blackwell.

Moses L. 1976. T'ang Tribute Relations with the Inner Asian Barbarian. *Essays on T'ang Society* / Ed. J. C. Perry and B. L. Smith. – Leiden: 61–89.

Pirenne J. 1946. *Les grands courants de l'histoire universelle*. 3 vols. – Neichatel / Ed. de la Baconniere.

Rachewiltz I. de 1973. Some Remarks on the Ideological Foundations of Chingis Khan's Empire. *Papers on Far Eastern History* 7: 21–36.

Rachewiltz I. de 1993. *In the Service of the Khan*. – Wiesbaden: Harrassowitz.

Reckel J. 1995. *Bohai: Geschichte und Kultur eines mandschurisch-koreanischen Künigreiches der Tang-Zeit*. – Wiesbaden: Harrassowitz (Aetas Manjurica, bd. 5).

Rossabi M. 1988. *Qubilai: His Life and Times*. – Berkeley: University of California Press.

Rossabi M. 1994. The Legacy of the Mongols. *Central Asia in Historical Perspective* / Ed. B. Manz. – Boulder: 27–44.

Salzman P. C. 1980 (ed.). *When Nomads Settle*. – New York: Praeger.

Saunders J. J. 1977. The Nomad as Empire-BUILDER: A Comparison of the Arab and Mongol Conquests. *Muslims and Mongols* / Ed. by G. W. Rice. – Christchurch: 36–66.

Schurmann F. H. 1956. Mongol Tributary Practices of the Thirteenth Century. *Harvard Journal of Asiatic Studies* 19: 304–389.

Seaman G. 1991. Introduction: World Systems and State Formation on the Inner Eurasian Periphery. *Rulers from the Steppe: State Formation on the Eurasian Periphery* / Ed. by G. Seaman and D. Marks. – Los Angeles, CA: 1–20.

Serruys H. 1910. Four Documents Relating to the Sino-Mongol Peace of 1570–71. *Monumenta Serica* 19: 1–66.

Sima Qian. *Records of the Grand Historian*.

Smith J. M. 1970. Mongol and Nomadic Taxation. *Harvard Journal of Asiatic Studies* 30: 46–85.

Tao Jing-shen. 1988. *Two Sons of Heaven: Studies in Sung-Liao Relations*. – Tucson: University of Arizona Press.

Togan I. 1998. *Flexibility and Limitations in Steppe Formations*. – Leiden: Brill.

Toynbee A. 1945. *A Study of History*, 12 vols. New York: Oxford University Press.

Vladimirtsov B. 1948. *Le regime social des Mongols: Le feodalisme nomade*. – Paris: Adrien-Maisonneuve.

Vreeland H. 1957. *Mongol Community and Kinship Structure*. – New Haven: Human Relations Area Files.

Wittfogel K. A. and Feng Chia-sheng. 1949. *History of Chinese Society: Liao (907–1115)*. – Philadelphia: American Philosophical Society.

Yamada Nobuo. 1982. The Formation of the Hsiung-nu Nomadic State. *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae* 36: 575–582.

Yu Ying-shih. 1967. *Trade and Expansion in Han China*. – Berkeley: University of California Press.

ТРАДИЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ И ИСТОРИЯ КОЧЕВНИКОВ

Прежде всего, необходимо отдавать отчет в том, что понятие «цивилизация» совсем не обязательно должно сводиться к термину «урбанизация». Большинство исследователей, занимающихся теорией цивилизации, рассматривают данную форму общественной организации как последовательную стадию социальной жизни, которой присущи бюрократия, право, письменность и высокая культура, образование, развитые технологии, науки и искусства [Cultures and Civilizations 1994: 8–9]. Согласно этому определению, элементами цивилизации являются государство, управление и государственная традиция.

По этой причине нет никаких оснований, чтобы рассматривать кочевников, имевших государственность и собственную высокоразвитую доктрину государственности, как нецивилизированные, некультурные, или варварские народы. Традиция государственности монгольских кочевников имеет более чем 2000-летнюю историю; она оказала большое влияние на возникновение кочевой цивилизации, входящей в сокровищницу мировой человеческой культуры [Enkhtuvshin, Tsolmon 2000: 5–19].

Традиция государственности монгольских кочевников возникла не на пустом месте. Ее источники происходят из особенностей кочевой культуры, традиций и менталитета номадов. Кочевое общество, экономика и культура скотоводов не были недоразвитыми в сравнении с оседлыми цивилизациями. Хотелось бы подчеркнуть эту идею ссылкой на А. Тойнби, который написал в 1960-х гг.: «Номадизм был более выгоден экономически, чем земледелие. Здесь напрашивается определенная параллель с промышленным производством... Кочевники не смогли бы одержать победу над степью, выжить в столь суровом естественном окружении, если бы не развили в себе интуицию, самообладание, физическую и нравственную выносливость. Неудивительно, что христианская церковь нашла в повседневной жизни нома-

дической цивилизации символ высшего христианского идеала (образ “добрého пастыря”))» [Тоунбее 1965: 66–67].

Традиция государственности монгольских кочевников была основана на способе жизнедеятельности, традициях, религии, менталитете и ценностях степного сообщества. В то же самое время она сопровождалась всеми основными критериями классической государственности и цивилизации – наличием институтов управления, письменности, законов, роли государства в социальной жизни населения. Вместе с тем, мы не можем рассматривать традиции государственности монгольских кочевников отдельно от истории возникновения Монгольского государства. Монгольская история и исторические документы не отделяют традицию государственности монгольских степей от истории Монгольского государства. Классические традиции государственности монгольских кочевников зародились в хуннскую эпоху и продолжались до Монгольской империи. Общепринятой периодизации нет, однако четко выделяются два наиболее важных этапа в древней и средневековой истории – возникновение империи Хунну и создание объединенного Великого Монгольского государства [Sukhbaatar 1980: 204–213, 216–217; Mongol ulsyn туух 2003а: 195–233, 279–288, 313–328, 365–380]. Исходя из этого, мы последовательно рассмотрим три этапа истории государственности монгольских кочевников: древний период (III в. до н. э. – III в. н. э.), ранние государства в монгольских степях (III–IX вв.), Монгольское государство (XII–XIII вв.) и развитие классической государственной традиции монгольских номадов.

Империя Хунну и ее роль в создании классической государственной традиции

Период Хуннской империи (III в. до н. э. – III в. н. э.) и создание Великого Монгольского государства представляют особенный интерес. Этой теме было посвящено много важных работ ученых различных стран [Гумилев 1960; Barfield 1989; Крадин 2002; Di Cosmo 2002].

Это обусловлено тем, что именно тогда были созданы и впоследствии развиты классические традиции государственности монгольских кочевников. Монгольские номады сыграли большую роль в развитии мировых цивилизаций. В III в. до н. э. первобытные кровнород-

ственные общины были объединены в единое государство и нацию с признаками цивилизации. Империя Хунну была основана в 209 г. до н. э. [Sukhbaatar 1980]. Именно в это время возникла традиция государственности монгольских кочевников, основанная на культуре кочевого скотоводства и обычаях, исходивших из специфических природно-географических условий. Небо было высшим божеством религии Хуннской империи. Эта идея стала существенной духовной ценностью кочевников Центральной Азии.

Появление письменности сыграло экстраординарную роль в развитии государственности хунну [Ishjamts 1986: 47–51]. Хунну имели государственную печать и использовали ее в переписке с другими державами. Хунну поддерживали официальные отношения и заключали мирные договоры с соседними странами [Бичурин 1950: 57–58]. Сохранение территориальной целостности было основой идеи государственности. Мы полагаем, что развитие этого правила сформировало один из ключевых элементов государственности, являющейся защитой и залогом развития общества, цивилизации и культуры.

Китайские историки отмечали относительную простоту системы управления хунну в сравнении с оседлыми цивилизациями. Хунну также сформировали армию, организованную по «десятичной» системе. Страна была разделена на центральную, восточную и западную административные части. В долине Орхона, неподалеку от будущей столицы Монгольской империи Каракорума, был основан столичный город *Луут* (capital city *Luut*) и построен роскошный дворец правителя Хуннской империи [Mongol ulsyn tuukh 2003a: 195–233]. В Хуннской империи были созданы классические традиции государственности Монголии, письменности и обычаях. Хунну обеспечивали безопасность для Великого шелкового пути и способствовали развитию мировой торговой сети. Она связывала большие территории – от плоскогорья степей Центральной Азии, Западного Китая до культурных центров Месопотамии. Кроме этого, через территорию проживания кочевников был проложен торговый путь, связывающий Рим и Китай.

В целом Хуннская империя дала первый толчок государственности монгольских кочевников приблизительно 2200 лет назад и оставила неизгладимый след в истории мировых цивилизаций.

Государственность древнемонгольских и других государств на монгольской территории

Последующие монгольские государства, такие как Сяньбийский (I–III вв. н. э.), Жужаньский (Жуаньжуаньский) (IV–VI вв. н. э.), Тюркский (VI–VIII вв. н. э.) каганаты, государство киданей (VIII–XII вв.) появились в некотором роде как преемники предыдущих государств. В то же самое время они, конечно, привнесли собственные особенности государственности из-за их уникальной культуры и письменности.

Согласно данным источников, термин *каган* появился в сяньбийский период [Sukhbaatar 1971]. Этот термин и производные от него сохранились включительно до монгольского времени. Подобно Хуннской державе, государство Сяньби было разделено на центр, западную и восточную административные части, имело «десятичную» систему, государственное право [Там же]. Это была кочевая цивилизация с собственной письменностью, идеологией шаманизма, традициями и обычаями кочевника.

Жужаньское государство также унаследовало «десятичную» систему, военно-административное право. В Жужаньском государстве была введена важная государственная традиция провозглашения кагана на общем совете (курултае) знати [Mongol ulsun tuukh 2003a].

Каган Жужаньского государства как высшее должностное лицо руководил международными отношениями, отправлял послов, обменивался письмами, определял приоритеты внешней политики и использовал государственные грамоты (*Gerege*). Жужаньское государство имело собственную письменность и специального человека, ответственного за публичные дела. В ранний период в соответствии с шаманскими культами каган считался посланником Неба. Позднее буддизм стал государственной религией жужаньской элиты. Это привело к возникновению смешанных ритуалов, где шаманистские обычаи переплелись с традициями одной из мировых религий. Жужаньские каганы стали именоваться такими религиозными титулами как «Вечное спокойствие» (*Ashid amgalan*), «Постоянный мир» (*Monhod enh*).

Тюркская держава, возникшая на территории Монголии (VI в. н. э.), унаследовала много принципов от традиций Жужаньского государства.

Правитель тюркского общества имел титул *кагана*, территория была разделена на восточное и западное крылья, существовала военно-административная иерархическая система. В источниках упоминается 28 наименований военных и гражданских титулов. Все это говорит о развитой системе государственной традиции. Тюрки способствовали развитию кочевой культуры и богатой литературной и поэтической традиции. История государства была записана на тюркском языке в знаменитых Орхонских надписях. Тюрки верили в шаманизм и поклонялись Богу Неба [Гумилев 1967; Кляшторный 2003].

Уйгурский каганат существовал на территории Монголии после Тюркского государства. Уйгуры также управлялись каганом, «поставленным Небом». Они заимствовали от согдийцев манихейскую религию, создали свое письмо и перевели религиозные тексты на свой язык. Уйгуры, в отличие от других кочевников, строили города и фортификационные сооружения. В долине Орхона они построили столицу Хар Балгас. Археологические раскопки показывают, что в городе был построен Каганский дворец, вне его стен проживали ремесленники и торговцы.

Государство киданей в дополнение к скотоводству развивало различные ремесла, технологии и искусства. Уровень развития в государстве был намного выше, чем в предыдущих обществах кочевников. Кидани объединили культуру кочевых и оседлых народов. Они создали свою собственную письменность. Кидани имели две формы письма (так называемое «большое» и «малое» письмо). Была создана Академия наук, которая собирала письменные документы предшествующих государств. Было собрано много данных о государстве уйгуров. В дополнение к уйгурской библиотеке, различным текстам киданьского двора, документов и переписки, были сохранены тексты на китайском, индийском и корейском языках [Mongol ulsyn tuukh 2003a]. Государственная власть была в руках кагана, она осуществлялась с помощью многочисленных чиновников, сосредоточенных в различных министерствах и ведомствах, военных и гражданских институтах.

После распада Киданьской империи на территории Монголии расселились аборигенные монгольские народы – керейты, найманы, меркиты и др.

Развитие государственности в период Великого Монгольского государства

К началу XIII в. монгольские кочевники были объединены в государство Хамаг Монгол. После периода раздробленности и усобиц в 1206 г. было создано Великое Монгольское государство, объединившее весь монгольский народ.

Тайная история монголов – уникальный исторический и поэтический памятник, истинное зеркало тогдашней кочевой жизни монголов – отмечает, что в 1206 г. был создан большой курилтай монгольской знати. На нем было поднято белое знамя, Темучжину было дано имя Чингис-хан и провозглашено создание объединенного Монгольского государства [Mongoliin nuuts товчоо 1990: § 202]. Самой важной частью традиции государственности Великого Монгольского государства (*Ёке Монгол Улс*) стала идея государственной целостности и величия страны. Согласно мнению Ч. Далая, идея государственного единства появилась еще в хуннскую эпоху. Характерными признаками распада империи Хунну стали раздробленность и борьба племен между собой [Dalai 1994].

Данная идея относительно единства была глубоко отражена в менталитете монгольских кочевников в течение длительного исторического процесса. Восприятие этой идеи стало даже более подчеркнутым в период объединенной Монголии и стало составной частью традиции государственности в период Великого Монгольского государства Чингис-хана, согласно последнему желанию великой прародительницы Алан-гоа [Mongoliin nuuts товчоо 1990: § 19–22].

Идея Вечного Неба также являлась важной частью концепции государственности с периода империи Хунну. Она использовалась более поздними государствами кочевников и достигла максимального развития в период Великого Монгольского государства. Она стала одной из основ классической традиции государственности монгольских кочевников. Начиная с этого времени, монгольские кочевники рассматривали *хагана* как «поставленного Небом», и это также стало идеологическим компонентом традиций государственности [Bira 2001: 375–377].

Чингис-хан установил совет мудрецов (*seced-ün zöblel*) из числа умудренных жизнью и талантливых людей, которые советовали и по-

могали хану в управлении и формировании государственной политики [Mongol ulsun tuukh 2003b: 25–104]. Это было важным нововведением в концепцию монгольской государственности. Чингис-хан заимствовал уйгурское письмо и сделал его официальным. Данный алфавит сохранился до наших дней.

В период Великого Монгольского государства была создана традиционная «десятичная» система кочевников, которая для лучшего управления предполагала разделение на десятки, сотни, тысячи и тьмы (10000), выделение крупных административных подразделений – центр, левое и правое крылья. В дополнение к этому Чингис-хан создал специальный консультативный государственный орган *курултай*, на котором рассматривались многие чрезвычайно важные вопросы, такие как объявление войны, выборы нового хагана и др.

Учреждение в рамках социальной организации специального привилегированного подразделения *кешиктенов* усилило военно-административную власть хагана. Кешиктены выполняли широкий круг важных государственных обязанностей в ставке Великого Монгольского государства – исполнение судебных решений, функции мелких чиновников, администраторов, гонцов и т. д.

Одним из новшеств, введенных Чингис-ханом, стало учреждение судебных институтов (*zargachi, qauli yosu-yig keregjigüügei*) [Bira 2001: 209–216]. Способность Чингис-хана объединять основы общества путем учреждения законов стала новым явлением монгольской кочевой государственности. Принятие государственного основного закона «Великая Яса» (*Yeke Jasa*) юридически закрепило социальные отношения. Великая Яса была письменным сводом законов, суммирующим древние нормы и традиции кочевых народов. В Великой Ясе были прописаны процедуры выборов хагана и проведения *курултаев*, правила ведения международных отношений, обязанности и права населения, законы военной службы, облавных охот, финансов, налогообложения, уголовного и гражданского права, семейного права и правила наследования [Jugder 2002].

Были созданы государственные символы Великого Монгольского государства – белое и черное знамя (бунчук) Чингис-хана. Это также было развитием содержания традиций кочевой государственности. Большое белое знамя с девятью конскими хвостами развевалось при каждой церемонии провозглашения нового хагана или открытия ку-

рилтая. Эта традиция сохранилась и поддерживается как историческая память в честь великих свершений прошлого. Черное знамя Чингис-хана является символом силы и способности номадов защитить собственную страну.

Большая государственная печать была сделана после Чингис-хана. Ученые полагают, что она начала использоваться во времена Угедея. Печать известна по знаменитому письму: она скрепляла свиток с посланием хагана Гуюка, адресованным королю Франции и Римскому Папе (1248 г.), и содержала следующий текст: «Силою вечного Неба, беспредельной великой Монгольской державы хана».

Столица Великого Монгольского государства была построена в долине Орхона, где раньше располагалась столица империи Хунну. Город Каракорум (Хархорин) был основан Чингис-ханом в 1220 г.

Вклад Чингис-хана и его государства в мировую историю

Развитие классической традиции государственности монгольских кочевников внесло важный вклад в историю как монгольских народов, так и мировой цивилизации в целом. Существует много исследований, согласно которым взлет монгольского общества объясняется с точки зрения завоеваний и уничтожения других народов. С этим трудно спорить. Монгольская империя завоевала много стран. Однако последствия создания Монгольской империи были гораздо более важными, чем деятельность многих других предшествующих цивилизаций.

С объединением многочисленных монгольских племен стало невозможно управлять кочевым обществом старыми средствами. Требовались фундаментальные изменения в развитии кочевого общества и учреждения государства. Чингис-хан был первым, кто это осознал. Он начал широкомасштабные изменения в социальной, политической, военной, экономической и интеллектуальной жизни. Это привело к синтезу исконных традиций кочевой государственности и возникновению новых институтов управления. В результате было создано Великое Монгольское государство, которое заняло половину мира и полностью соответствовало всем критериям такой стадии, как «цивилизация» [Enkhtuvshin 2003]. «Цивилизация» предполагает такой уровень развития общества, в котором имеется государственность, спо-

собная поддерживать существующий в обществе порядок и права собственности, защищать население от преступников и других антиобщественных элементов, а также от внешних врагов. Государственность основывается на юридических законах и судебной власти, признании международного права, поддержания дипломатических отношений. Все эти признаки можно найти в Великом Монгольском государстве.

Стержень политики Чингис-хана состоял в том, чтобы модернизировать экономическую и политическую структуру кочевого общества, в том числе и с помощью материальных и интеллектуальных ресурсов развитых земледельческих государств. Несмотря на то, что он вырос и прожил большую часть своей жизни среди кочевников, он был способен оценить и использовать достижения соседних цивилизаций в своей деятельности. Тот факт, что он активно использовал знания и способности многих образованных и квалифицированных людей различных народов в организации государственных дел и многократно советовался с мудрецами и носителями религиозного знания из зарубежных стран, подтверждает это.

Чингис-хан связал Восток и Запад, установил прочные культурные отношения и сформулировал принципы новой философии международных отношений. Он стал движущей силой развития человечества через взаимодействие экономических систем стран Востока и Запада, технологического обмена, культурного и интеллектуального взаимодействия, религиозного плюрализма. Несмотря на то, что Чингис-хан всю свою жизнь оставался приверженцем шаманизма, он поощрял развитие самых разнообразных религий и культов – буддизма, христианства, несторианства, даосизма и др. Его преемники продолжили эту политику. Наглядным примером широкомасштабного взаимодействия культур и цивилизаций является жизнь Каракорума – столицы Монгольской империи. Здесь переплелись культурные явления, языки, нравы и обычаи самых разных народов. Каракорум стал настоящим центром мира, где интеллектуалы, представители изящных искусств, мудрецы, опытные ремесленники и изысканные мастера собрались со всех сторон света.

Монголы создали специальную сеть дорог и станций, которая стала самым быстрым и безопасным способом передвижения того времени. Гонцы, торговцы, путешественники, священнослужители,

чиновники и солдаты использовали эти коммуникации для передвижения по странам Старого Света. Контакты между Азией и Европой достигли своего максимального расцвета.

Кроме того, были открыты новые морские пути, с помощью которых европейцы стремились достичь Китая и Индии. Помимо потока товаров с Востока на Запад и обратно активизировался денежный обмен, что способствовало росту городов, находившихся на пересечении торговых путей.

В целом политика благоприятствования свободной торговле Монгольской империи оказала важное влияние на взаимодействие различных культур и способствовала развитию отношений между народами, а транспортные сети и торговые пути, расположенные на территории Монгольской империи, стали мостом между многими цивилизациями Старого Света, связали между собой главные центры Европы, Ближнего и Дальнего Востока [Abu-Luhgod 1989; Allsen 2002; Enkhtuvshin 2003; Biran 2004; Холл 2004; Крадин, Скрынникова 2006 и др.].

Политика Чингис-хана должна была радикально преобразить степное общество, обогатить монгольскую кочевую цивилизацию достижениями оседлых цивилизаций, стать открытой для остальной части мира, развивать международную торговлю, экономические и культурные отношения, создать эффективный государственный административный аппарат, умело использовать знания ученых и мудрецов, установить самую надежную и быструю транспортную систему и каналы связи. При патронаже монгольских ханов были построены новые города и обсерватории. Там представители наук из разных стран проводили свои исследования. И поныне восхищаются роскошными памятниками персидского зодчества, построенными в периоды правления ильханов Улджайту (1304–1316) и Абу Саида (1316–1335) [Enkhtuvshin 2003].

Исходя из этого, можно сказать, что Монгольская империя, основанная Чингис-ханом, сыграла существенную роль в истории мировой цивилизации и оставила неизгладимый след. Французский ориенталист Ж. Де Гинь несколько столетий назад написал: «Как можно о людях, которые так перевернули мир и создали самую большую из всех известных империй, управляя с помощью мудрых законов, сказать, что они не были цивилизованными».

Развитие демократии в мире и глобализация стали важным принципом международных отношений. Этот факт убеждает нас сохранять национальную культуру и цивилизацию в Монголии, развивать экономику, сохранять собственную независимость, строить гражданское общество. Успехи на этом пути в немалой степени зависят от умения учитывать историю собственной традиции государственности.

Литература

- Бичурин Н. Я. (перев.) 1950аб [1851]. *Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена*. Т. I–II. – М.; Л.: Изд-во АН СССР.
- Гумилев Л. Н. 1960. *Хунну. Срединная Азия в древние времена*. – М.: Изд-во вост. лит-ры
- Гумилев Л. Н. 1967. *Древние тюрки*. – М.: Наука.
- Кляшторный С. Г. 2003. *История Центральной Азии и памятники рунического письма*. – СПб.: Изд-во СПбГУ.
- Крадин Н. Н. 2002. *Империя Хунну*. 2-е изд. – М.: Логос.
- Крадин Н. Н., Скрынникова Т. Д. 2006. *Империя Чингис-хана*. – М.: Восточная литература РАН.
- Холл Т. 2004. Монголы в мир-системной истории. *Монгольская империя и кочевой мир* / Отв. ред. Б. В. Базаров, Н. Н. Крадин, Т. Д. Скрынникова. – Улан-Удэ: 136–166.
- Abu-Lughod J. 1989. *Before European hegemony: The World-System A. D. 1250–1350*. – New York: Oxford University press.
- Allsen T. 2002. *Technical Transfers in the Mongolian Empire*. – Bloomington.
- Barfield T. 1989. *The Perilous Frontier: Nomadic Empires and China, 221 BC to AD 1757*. – Cambridge: Blackwell.
- Bira Sh. 2001. *Studies in Mongolian History, Culture and Historiography*. – Ulaanbaatar.
- Biran M. 2004. The Mongol Transformation: From the Steppe to Eurasian Empire. *Eurasian Transformations, Tenth to Thirteenth Centuries* / Ed. by J. P. Ar-nason, B. Wittrock. – Leiden: 339–361.
- Cultures and Civilizations 1994: *Cultures and Civilizations*. – Paris: UNESCO Publishing.
- Dalai Ch. 1994. *Ikh Mongol uls (1206–1260)*. – Ulaanbaatar.
- Di Cosmo N. 2002. *Ancient China and Its Enemies: The Rise of Nomadic Power in East Asian History*. – Cambridge: Cambridge University Press.
- Enkhtuvshin B. 2003. Nomadic society and some aspects of civilizations studies. Chinggis khaan and contemporary era / Ed. by B. Enkhtuvshin, J. Tsolmon. – Ulaanbaatar: 65–84.

- Enkhtuvshin B., Tsolmon J. 2000 (eds.). *Nomads and use of pastures today*. – Ulaanbaatar: IISNC.
- Enkhtuvshin B., Tsolmon J. 2003 (eds.). *Harmony between nomadic and other civilizations*. – Ulaanbaatar: IISNC.
- Ishjamts N. 1986. Mongol toryosni ulamjлalyn asuudal. *Issues on Oriental Studies* 42(33): 47–51. – Ulaanbaatar.
- Mongoliin nuuts товчоо. 1990. – Ulaanbaatar.
- Mongol улсын туух 2003ab: *Mongol улсын туух*. Vol. 1–2. – Ulaanbaatar.
- Jugder Ch. 2002. *Mongold pheodalizm togtokh ueiin setgelgee*. – Ulaanbaatar.
- Sanjdorj M. 1998. *Mongol toriin туukhees*. – Ulaanbaatar.
- Sukhbaatar G. 1971. *Syanbi*. – Ulaanbaatar.
- Sukhbaatar G. 1980. *Mongolchuudyn ertnii ovog*. – Ulaanbaatar.
- Sukhbaatar G. 1992. *Mongol Nirun улс*. – Ulaanbaatar.
- Perlee H. 1959. *Hyatan guren tednii mongolchuudtai holbogdokh ni*. – Ulaanbaatar.
- Toynbee A. 1965. *A Study of History*. Vol. 1. – New York and London.

ЭТАПЫ КОЧЕВЫХ ГОСУДАРСТВ МОНГОЛЬСКИХ СТЕПЕЙ*

Была ли разница в подъеме и упадке Монгольской империи и в развитии других так называемых «кочевых государств», таких как хунну, тюрки, уйгуры и др., некогда существовавших на севере монгольской пустыни и охвативших на короткое время обширные территории? В этой работе я намерен показать в общих чертах особенности каждого из «кочевых государств».

Обычно принято считать, что следовавшие друг за другом такие «кочевые государства», как ханство хунну, а также каганаты тюрков и уйгуров, представляли собой объединения различных племен [Mogi 1967: 13; Yamada 1989: 152; Hayashi 2000: 49–50]. Монгольская империя также попадает в это число. Каков же был реальный вид подобных объединений племен? Издавна среди исследователей истории материковой Азии имела место полемика по поводу вопроса, а было ли объединение племен у «кочевых государств» после хунну одинаковым для всех. Наши академические предшественники вели по этому поводу непрекращающиеся споры и проводили всевозможные классификации [Yamada 1989: 152–154]. Например, Масао Мори назвал государства от хунну до уйгуров «древними кочевыми государствами», а Монгольскую империю – «средневековым кочевым государством» [Mogi 1967: 48–49]; Исао Савада охарактеризовал период хунну как «период формирования кочевого государства», а тюрков – как «период становления кочевого государства» [Sawada 1996: 160]. Однако до сих пор данные классификации не получили всеобщего признания.

Кроме этого существует также и вопрос: а достигло ли так называемое кочевое государство той ступени общественного развития, которую мы собственно и именуем «государством». На это существу-

---

* Перевод с японского. Работа выполнена в рамках проекта РГНФ – Мин-ОКН Монголии (№ 07-01-92002а/Г) «Кочевые империи монгольских степей: от Хунну до державы Чингис-хана».

ет достаточно сильное мнение, что, пользуясь понятиями оседлых государств Китая или Европы, мы не можем определить государство в данном случае [Hayashi 2000: 49–50]. Естественно, что облик «кочевого государства» совершенно отличается от облика государств сельскохозяйственной зоны или современных государств, поэтому мы не можем их отождествлять.

Однако развитие современной культурной антропологии и археологии привело к пересмотру теорий, с помощью которых подходили к пониманию общественного развития кочевых народов [Kristiansen 1991; Saénz 1991], поэтому сейчас возникли условия для обсуждения «кочевого государства» в общей плоскости. В соответствии с этим давайте рассмотрим здесь данный вопрос – этапы общественного развития каждого из «кочевых государств» в свете дефиниций Э. Сервиса [Service 1971], а также Ренфрю и Бана [Renfrew and Bahn 2000].

Так является ли «кочевое государство» государством? Для выяснения этого обстоятельства важной характеристикой среди археологических материалов является наличие городов. Ренфрю полагает, что возникновение города является важным фактором в деле признания существования государства. Было два периода строительства городов, например, Орду-Балык эпохи Уйгурского каганата, а также Каракорум периода Монгольской империи, тогда как у хунну и тюрков этого не наблюдалось. Таким образом, можно сделать вывод, что Уйгурский каганат и Монгольская империя находились на стадии наличия государства, тогда как хунну и тюрки находились на стадии, предшествовавшей этому.

Возможно ли определить, на каком этапе находились хунну и тюрки, в соответствии с концепцией уровней культурной интеграции Э. Сервиса (локальная группа – племя – вождество)? В отношении вождества К. Ренфрю и другими исследователями выделены такие археологические критерии, как: 1) остатки больших поселений и обрядовых центров; 2) наличие фортификационных сооружений, крепостей; 3) более или менее выраженные отличия в погребальном обряде, указывающие на наличие рангов в соответствии с генеалогической близостью к правителю (конический клан); 4) наличие ремесленных мастерских, указывающих на существование профессиональных ремесленников, а также ряд других черт [Renfrew and Bahn 2000: 179–180].

У хунну известны прямоугольные городища, окруженные земляной стеной, одна сторона которой была более 100 м в длину. Только на территории современной Монголии известно около 20 таких памятников. Внутри них были деревянные строения с черепичной крышей ханьского типа. Это – особые строения, в них почти отсутствуют предметы быта, что отличает их от обычных поселений. Наличие подобных земляных валов-укреплений, наводит на мысль о том, что это – остатки крепостей. Кроме того, в сказании о хунну в своих «Исторических записках» Сыма Цянь сообщает, что хунну собирались в Лунчэне («крепость дракона») в мае по лунному календарю и поклонялись своим предкам, окружающему миру и духам. Эгами Намио в этом видит прообраз нынешних *обо*, которые сооружались из деревьев и веток [Egami 1999: 282–283], где под словом «крепость» автор подразумевал «крепость с земляными валами». Как бы то ни было, но давайте будем считать, что пункты один и два по Ренфрю в данном случае применимы.

Что касается пункта три, то данные исследования погребальных памятников также дают основание учитывать этот признак. В раскопках в местечке Дуулга в Хэнтейском аймаке найдены остатки могильника эпохи хунну, состоящего примерно из ста могил различной величины [Bayar 1976]. В соответствии с данными автора раскопок, вокруг одной большой могилы по кругу располагался ряд могил средней величины, тогда как вокруг каждой из могил средней величины располагалось по 10 маленьких могил. Предполагается, что это был могильник родственников лидера родственной группы, которая держала в подчинении данный район, причем крупные могилы принадлежали рангу лидеров семейных групп, средние могилы – следующему по статусу рангу, то есть родственникам семейного лидера, тогда как маленькие могилы относились к следующему, на ступень ниже, рангу. Размеры могил были отражением генеалогического древа.

В отношении четвертого пункта подходящим примером можно считать Иволгинское городище в пригороде Улан-Удэ, в нижнем бассейне реки Селенги на территории России. Здесь мы видим остатки поселения, окруженного с трех сторон четырехслойным земляным укреплением, где осуществлялась плавка железа, а также производство керамики [Hayashi 2000]. Подытоживая вышесказанное, можно

сказать, что по археологическим признакам хунну вполне подходят под определение вождества по К. Ренфрю.

Касательно тюрков в отношении второго и третьего признаков нельзя сказать ничего определенного, поскольку тюркские памятники на территории Монголии изучены не настолько хорошо. Известны могильники этого времени, но пока ничего нельзя сказать о существовании оседлых поселений. Впрочем, и погребальные сооружения изучались не так основательно, как могильники хунну. Однако распороченные мемориальные комплексы в честь тюркских каганов с каменными изваяниями и храмовыми зданиями, несомненно, дают основание рассматривать тюркское общество, подобно хуннскому, никак не ниже уровня стадии вождества.

Насколько применимы к рассмотренным обществам признаки «государства»? Есть основание полагать, что хунну в достаточной мере соответствовали критериям государственности. В определении «государства» по К. Ренфрю включены следующие признаки: присутствие правителя в виде короля или императора, наличие армии, осуществление обложения данью и сбора налогов и др. [Renfrew and Bahn 2000: 179–180]. У хунну тоже был правитель в образе шаньюя, также известно о наличии повинностей по «уплате налогов» и «принесению дани» (Egami 1999). Поэтому многие исследователи, изучавшие хунну по письменным источникам, пришли к выводу о наличии государства у хунну [Hayashi 2000: 50].

В последнее время как в археологии, так и в культурной антропологии активизируются взгляды о необходимости развития классических дефиниций «вождества по Сервису с учетом особенности региональных процессов [Service 1971; Earle 1991 etc.]. В ряде работ, например, указывается на необходимость разделения вождеств по степени сложности на простые и сложные [Wright 1984: 41–42; Earle 1991: 3], а также предлагается ввести между стадией «вождества» и стадией «государства» этап «архаичного государства» [Kristiansen 1991]. Согласно К. Кристиансену, вождества могут быть двух видов: 1) вождества, основанные на производстве основных продуктов (staple finance), зависящие от земледелия и иных форм производства; 2) вождества, основывающиеся на поступлении предметов престижных богатств (wealth finance), опирающиеся на контроль торговли и ремесленного производства. Первый тип вождества приходит к ста-

дии «архаичного государства с централизованной властью» (centralized archaic state) и переходит к бюрократическому государству (древней империи). Второй тип вождества проходит стадию «децентрализованного стратифицированного общества» (decentralized stratified society) и приходит к феодальному государству. И «архаичное государство с централизованной властью», и «децентрализованное стратифицированное общество» считаются этапами «архаичного» государства, находящегося между чифдомом и государством. В развитии кочевого общества можно найти черты, напоминающие второй тип чифдома [Kristiansen 1991: 19].

В децентрализованном расслоенном обществе не было городов. При этом, однако, признается наличие небольших скоплений населения в пунктах торговли, а также местах ремесленного производства. Кроме того, признается качество системы сбора налогов и дани. Говорится также о том, что базу для поддержания такого государства составляет война с целью подчинения, грабеж, а также торговля. Считается также, что локальные лидеры, получив одобрение от центрального правителя территории, были обязаны поставлять военную силу и аммуницию [Там же]. Система, а также способ такого управления вполне соответствуют обществу хунну, как следует из письменных памятников. Важным подтверждением этого являются археологические раскопки Иволгинского могильника [Hayashi 2000]. В целом, я полагаю, что хунну находились на стадии «архаичного государства», о котором говорил Кристиансен.

Кроме того, у тюрков также наблюдалась, с одной стороны, власть одного лидера в виде кагана, но вместе с тем подчиненные племена сохраняли свою территорию и прочно удерживали свою независимость. Если подчиненные группы контролировались каганом, облагались им данью и поставляли ему военную силу, то за ними признавалось право на независимость [Mori 1967: 44–45]. Тем не менее полагаю, что это – также этап «архаичного государства».

Уйгурский каганат отличался как от предшествующих кочевых государств, так и от Монгольской империи. Их различия не являются очевидными в археологическом плане, но их можно обнаружить в отношениях правителей и подчиненных. Это – вопрос, который во многом перекликается с межтерриториальной структурой (см. далее). Уйгурский каганат в основном представлял собой племенное объеди-

нение (союз), в котором этнический костяк составляли уйгуры. Каждое племя в этой структуре значительно отличается от тюрков более раннего времени, поскольку они были лишены независимости и имели только лишь номинальный статус. Ядро власти в эпоху тюркских каганатов было узурпировано семейством родственников кагана Ашина, тогда как у уйгуров обладатели верховной власти могли происходить также и из других групп помимо самих уйгуров. Предполагается, что была установлена организация центральной власти, превосходящая отношения правителей над племенами, а также подчиненных им народов [Yamada 1989: 149]. Если даже рассматривать становление в уйгурском обществе центральной власти через призму определений Ренфрю и других дефиниций, то можно сказать, что здесь было налицо достижение этапа государства. Это считается важным фактором, чтобы полагать, что уйгуры находились на более развитой стадии, нежели хунну и тюрки. Однако древняя племенная система оставалась в нетронутом виде и за ней оставалось право контроля над территориями [Там же: 144].

В противовес этому в империи монголов во время феодального государства прежние семейные кланы и племена распались, были созданы заново, причем любое враждебное влияние начисто стиралось [Murakami 1993: 164]. Выбор управляющего для каждой из территорий производился императором по принципу «нужный человек в нужном месте» или по принципу распределения милости в соответствии с заслугами, что создавало сильные личностные отношения. Управление каждой из территорий поручалось «тысячникам», а власть смещать и назначать на должность принадлежала императору. В этом случае у монголов была даже более ясная, чем у уйгурского кагана, система центральной власти во главе с императором, и необходимо особо упомянуть тот факт, что зародилась она на севере монгольских степей.

В соответствии с этим можно сделать вывод о существовании двух этапов «государства»: 1) период незрелого уйгурского каганата в качестве государства, в котором сохранена система старых племен; 2) период Монгольской империи, достигшей этапа «государства». В последнем случае старая племенная система распалась и переформировывалась, а затем устанавливалась система центральной власти.

Какие особенности имели «архаичные государства», рассмотренные выше, с точки зрения обсуждаемых межтерриториальных структур? Согласно данным археологии, в Ноин-Уле у хунну погребались представители правящего слоя [Rudenko 1969]. Находки предметов материальной культуры указывают на наличие ханьского и западного (среднеазиатского) импорта. Считается, что многие из артефактов могут быть отнесены к символам власти правящих групп [Egami 1999: 26]. Они действительно уникальны; необходимо также упомянуть хорошую сохранность материалов вследствие мерзлоты. Так или иначе, это были захоронения представителей правящего слоя довольно высокого ранга, но нет достаточных указаний на то, что в раскопанных погребениях была могила правителя. Если оценить масштабы могильника, то количество могил в Ноин-Уле довольно велико – 212, тогда как в могильнике Дуурлиг Хэнтейского аймака – 200 могил, в Дурге того же аймака – 142, в Бор-Булаге того же аймака – 125. Во всех перечисленных случаях количество погребений превышает 100. Иными словами, это крупные могильники в различных районах предгорьев. Имеются данные и о других погребальных комплексах, подобных Ноин-Уле.

Кроме могильников известны крупномасштабные фортификационные сооружения хунну – городища прямоугольной формы в бассейне р. Керулен [Perlee 1961]. Учитывая, что в долине р. Тола, где располагается Ноин-Улинский могильник, хуннских городищ гораздо меньше, можно предположить наличие многих сегментов власти в различных территориях, причем вожди подчиненных племен, возможно, могли сохранять значительную власть даже при центральном положении хана в объединении.

Нечто подобное можно сказать и о тюрках. Тюрки считали священным местом долину Орхона, и здесь находятся могильники семьи кагана, а также монументальные памятники с обширными эпитафиями. Если исходить из размеров тюркской державы, подобные могильники представителей правящих групп должны находиться в большом количестве в других районах.

В архаичных «кочевых государствах» хунну и тюрков экономика поддерживалась за счет доходов от грабежей, обложения данью и налогом, а также от торговли. В период их господствования в зоне оазисов на Шелковом пути, а также в пригодных для земледелия зонах

внутри Монголии осуществлялось выращивание сельскохозяйственных растений, а также производство металлических изделий, но при всем при том предполагается, что основу экономики все же составлял кочевой образ жизни [Egami 1967: 63]. Особенно заметно, как была сильна эта тенденция, если посмотреть только на север монгольских степей.

Однако было бы ошибочным считать, что на севере территории Монголии кроме кочевого скотоводства не было иной деятельности. Предполагается, что захваченные группы ханьцев расселялись в различных районах пустыни для того, чтобы заниматься земледелием и производством металлических изделий [Sawada 1996: 144]. Среди раскопок времени хунну, указывающих на это обстоятельство, хорошо известны раскопки в Иволге, а также в Зуун-Байдалагиин-Дэнж (Zuun-Baidalagiin-Denj) уезда Мунгэнморит аймака Добу (Kato et al. 1991), где в земле была обнаружена печь ханьского типа для обжига керамики. Вряд ли данные поселения создавались как государственные производственные базы земледелия и ремесла. Все они отличались малыми масштабами, и работа в них велась в ограниченные периоды. Думается, что это могли быть производственные базы, которые местная элита разных территорий устраивала в пределах своих земель. У тюрков подчиненные племена также платили налоги и дань, но в остальном они сохраняли свою независимость и каждый клан или племя были независимы в экономическом отношении [Mori 1967: 44–45]. Результаты грабежа и торговли сосредотачивались в руках хана, а если возникали излишки, то они шли на расширенное воспроизводство в своих регионах, кроме того, последний ресурс являлся как бы движущей силой для вождей кланов и племен в деле их экспансии. Считается, что подобное обстоятельство оставалось неизменным до падения Второго Тюркского каганата в середине VIII в.

Межтерриториальная структура домонгольского этапа истории характеризуется не столько «децентрализацией» в сравнении с периодом Чингис-хана, сколько «независимостью», при которой обоюдные связи не являлись прочными. По этой причине при возникновении экономического кризиса или недоверия к правителю связи рушились довольно легко. В особенности у тюрков была очевидна нестабильность, когда через каждые два поколения наблюдались подъемы и падения [Egami 1967: 92]. Согласно Кристиансену, на стадии «децен-

трализованного стратифицированного общества» наблюдается разброс производственных баз внутри территорий проживания, а также в сельскохозяйственных участках. Нередко вожди, а также верховные предводители устраивали подобные производственные базы не в привязке к сельскохозяйственному населению, а в качестве опор для военных структур [Kristiansen 1991: 19].

Это соответствует децентрализованным «архаичным государствам» хунну и тюрков. И у тех и у других помимо сбора дани и налога с покоренных групп, по указаниям хана или кагана, создавались производственные базы. Впрочем, причиной дисперсного распределения поселений могли быть экологические условия, вследствие суровости которых места для занятия земледелием в Монголии были ограничены. Также были ограничены и месторождения железа и меди. По этой причине пока невозможно составить более точное мнение на этот счет на основе археологических материалов. Вопрос о том, достигли ли децентрализованной межтерриториальной структуры тюрки и хунну в своем развитии, остается пока открытым.

В Уйгурском каганате существовали города и дворцы. Были обнаружены дворцы Байбалык в бассейне Селенги и Пор-Бажын в верховьях Енисея. Судя по эпиграфическим надписям, и первый и, возможно, второй были построены по приказу кагана [Hayashi 2000]. Уйгурские города строились также как торговые фактории на транспортном пути, как пункты контроля над рудными ресурсами. Очевидно, что создание баз осуществлялось в государственных масштабах. Здесь можно увидеть пример перехода от независимой межтерриториальной структуры, существовавшей до тюрков, к децентрализованной структуре, при которой в качестве государственной политики в различных местах создавались экономические базы.

Кроме того, по приказу кагана был построен столичный Орду-Балык в качестве государственного центра, который стал крупной политической, экономической и культурной базой. Это, вероятно, служит примером эволюционирования от «децентрализованного типа» к «концентрированному». Возникновение «концентрированного типа» совершенно не отмечалось для предшествующих эпох в рассматриваемом регионе. Предполагается, таким образом, существование базы для власти более сильного правящего класса [Yamada 1989: 239]. Предполагается, что в местностях с подходящими условиями и

наличием необходимых материалов возникали производственные базы, которые находились под управлением политической власти.

Однако в таком государстве род кагана уже не был таким, каким он был раньше, его власть уже не была исключительной, например, потому, что отношения покоряемых и покоренных между племенами не были определенными [Yamada 1989: 149–150]. Чем более укреплялся «концентрированный тип», тем меньше поддерживалось сильное состояние базы власти кагана.

Ослабление власти кагана способствовало выделению сильных племен. В 840 г. кыргызы, основные земли которых находились в верховьях Енисея, сожгли дотла Орду-Балык, убили кагана, и уйгурский каганат прекратил свое существование. Верховье Енисея, как уже указывалось, было богато рудными ископаемыми. Вероятно, на фоне обладания месторождениями железа киргизы обрели силу. Одним из факторов падения уйгурского каганата следует также считать невозможность поддержания общества «концентрированного типа». У уйгуров произошел возврат к межтерриториальной структуре, характеризующейся сильной независимостью и выходом из каганата отдельных племен.

В целом, подводя некоторые итоги анализа структуры власти кочевых империй монгольских степей, необходимо отметить, что межтерриториальная структура хунну и тюрков на стадии «архаичного государства» проходила следующую трансформацию: «независимость» (→ «децентрализация» ? → «независимость»).

Межтерриториальная структура уйгурского каганата, который хоть и находился на стадии «государства», но его централизованная авторитарная власть была относительно слабее, чем в монгольской империи, проходила следующую трансформацию: («независимость» →) «децентрализация» → «концентрация» → «независимость».

Трансформация межтерриториальной структуры в Монгольской империи была следующей: («независимость» →) «децентрализация» → «концентрация» → «равенство» → «децентрализация» → «независимость».

Из этой схемы напрашивается вывод о том, что Монгольская империя совершила небывалый ранее переход от «концентрации» к «равенству». Думается, что это является особенностью, которой нужно уделить наибольшее внимание в истории Монгольской империи. Для формирования и поддержания структуры «равенства» необходима

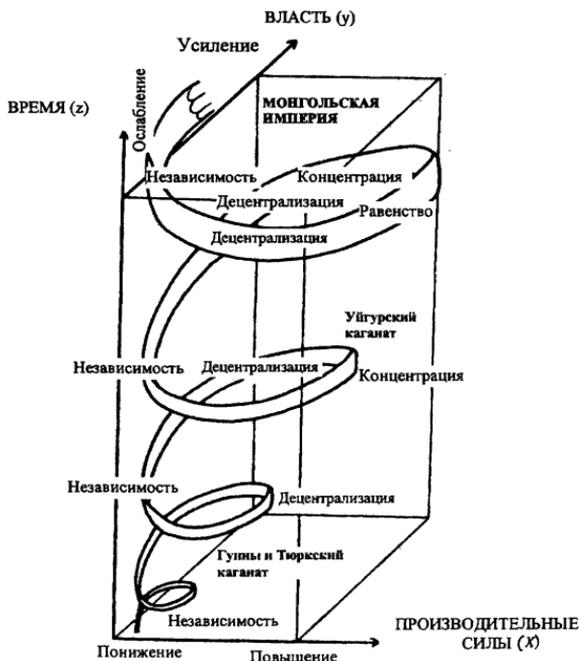
сильная власть правящего слоя. При «равенстве» правитель не монополизирует экономическую базу, а, напротив, широко распространяет ее на верхушки подчиненных групп. Если совершить ошибку, то в системе объединения племен кочевых народов, которые в потенциале своем сильно тяготеют к свободе, подобно уйгурскому каганату, это может способствовать росту покоренных племен, вследствие чего каждое племя вернется к состоянию «независимости», при котором ослабеют узы. Следовательно, это не может не вызвать раскол или развал государства. В деле поддержания межтерриториальной структуры «равенства» необходима стабильная и прочная база господства. В сущности, «независимость» и «равенство» являются двумя сторонами одной медали, зависящими от усиления или ослабления базы власти правителей.

Сам факт того, что стало очевидным наличие равенства в Монгольской империи, указывает на связь с силой власти правителей. В Монгольской империи, как мы это уже видели, создавалась система центральной авторитарной власти, на вершине которой стоял император [Murakami 1993; Sugiyama 1997]. Чингис-хан усовершенствовал систему «тысячников», унаследованную от хунну, и создал структуру, основанную на приказах, во главе которой он поставил себя, в результате чего возникла военная группа, удачно контролировавшая весь кочевой народ, находящийся в подчинении [Sugiyama 1997: 401]. Думается, что под эгидой такой сильной и организованной власти императора сформировалась межтерриториальная структура «равенства», которой не было у предшествующих «кочевых государств» хунну, тюрков и уйгуров и которая способствовала усилению Монгольской империи.

С другой стороны, в процессе упадка Монгольской державы произошли изменения от «равенства» обратно к «децентрализации», а затем к «независимости». Это предполагает ослабление власти императора, совершенно обратное тому, что наблюдалось на фоне подъема. Период упадка, подобно тому, как это было у других «кочевых государств» монгольских степей, таких как хунну, тюрки и уйгуры, привел к наиболее примитивной межтерриториальной структуре «независимости», что в конечном счете привело к расколу общества.

Подъем и упадок «кочевых государств» в любом случае начинался с выходом на арену влиятельных племен, развившихся в обстанов-

ке сумятицы «независимости», а через определенное время происходил обратно переход к «независимости» в результате внутреннего распада, затем начинали поднимать голову новые племена. Все это графически можно выразить с помощью циклов межтерриториальных структур. Здесь циклы, показывающие эволюцию обществ хунну, тюрков и других держав номадов, изображены в виде витков спирали, связанных между собой. В вертикальном направлении (ось Z) показано изменение времени, по горизонтальной оси (ось X) демонстрируется увеличение или уменьшение экономического базиса общества (производительных сил), а на оси Y отражено усиление или ослабление правящей власти. Циклы, изображенные витками, не являются закрытыми и должны рассматриваться в составе спирали. Это называется спиралью межтерриториальных структур (рис.). Размер дуги спирали в хронологическом диапазоне от хунну к уйгурам увеличивается, а вверху, в период Монгольской империи, дуга становится максимальной. Дуга охватывает длительный период истории примерно в 2000 лет и является наглядным изображением истории расцвета и подъема «кочевых государств» в монгольских степях.

Литература

Bayar D. 1976. Duulga uulsyn negen bulsh [A grave at Mt. Duulga]. *Археологийн Судлал* 7: 60–65.

Earle T. 1991 (ed.) *Chieftdoms: Power, Economy, and Ideology*. – Cambridge etc.: Cambridge University Press.

Egami N. 1967. *Kiba minzoku kokka* [The states of equestrian peoples]. – Tokyo: Chuo koron sha (in Japanese).

Egami N. 1999. *Kyodo no shakai to bunka* [The society and culture on Xiongnu]. – Tokyo: Yamakawa shuppansha (in Japanese).

Hayashi T. 2000. Sougen sekai no tenkai [The development of the steppe world]. *Chuo yurashia shi* [The history of Central Eurasia]. – Tokyo: 15–88 (in Japanese).

Kato S. et al. 1991. *Gurvan Gol (1990)*. – Tokyo: Mongolian Academy of Sciences and The Yomiuri Shimbun.

Kristiansen K. 1991. Chieftdoms, States and System of Social Evolution. *Chieftdoms: Power, Economy, and Ideology* / Ed. by T. Earle. – Cambridge etc.: 16–43.

Mori M. 1967. *Kodai toruko shi kenkyu* [The study of the ancient Turkish peoples]. Vol. 1. – Tokyo: Yamakawa shuppansha (in Japanese).

Murakami M. 1993. *Mongoru teikoku shi kenkyu* [The study of the Mongol empire]. – Tokyo: Kazamashobo (in Japanese).

Perlee H. 1961. *Mongol ard uulsyn ert, dundan гүм khog suuriny товчоон* [Short history of the ancient and mediaeval cities and settlements in Mongolian territory]. – Ulaanbaatar: Ulsyn khevleliiyn hereg hrhlekx horoo.

Renfrew C., and Bahn P. 2000. *Archaeology (3rd ed.)*. – London: Thames & Hudson.

Rudenko S. I. 1969. *Die Kultur der Hsiung-nu und die Hügelgräber von Noin Ula*. – Bonn: Rudolf Habelt Verlag.

Sugiyama M. 1997. *Mongoru teikoku no seiritsu* [Establishment of Mongol Empire]. – Tokyo: Sekai rekishi (in Japanese).

Saénz C. 1991. Lords of Waste: predation, pastoral production, and the process of stratification among the Eastern Twaregs. *Chieftdoms: Power, Economy, and Ideology* / Ed. by T. Earle. – Cambridge etc.: 100–118.

Service E. 1971. *Primitive Social Organization 2nd ed.* – New York: Random house.

Sawada I. 1996. *Kyodo* [Xiongnu]. – Tokyo: Toho shoten (in Japanese).

Yamada N. 1989. *Kita Azia yuboku minzoku shi kenkyu* [The study of the history of Nomadic peoples in North Asia]. – Tokyo: Tokyo daigaku shuppankai (in Japanese).

Wright H. 1984. Prestate political formations. *On the Evolution of Complex Societies: essays in Honor of Harry Hoijer 1982* / Ed. by T. Earle. – Malibu: 41–77.

С. В. Данилов

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ КУЛЬТУРЫ И КОЧЕВЫЕ ИМПЕРИИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ* (К постановке проблемы)

Изучение археологических памятников, оставленных кочевыми скотоводческими народами, с древности населявшими регион Центральной Азии, имеет довольно длительную историю, описанную многочисленными исследователями в соответствующих разделах монографий по истории того или иного периода определенных географических областей, что избавляет нас от необходимости приводить историографические детали.

Традиционно считается, что археологическое изучение кочевнических древностей Центральной Азии начинается с 1889 г., с монгольской экспедиции Н. М. Ядринцева, открывшей в долине Орхона целый ряд археологических памятников, в том числе остатки поминальных памятников древнетюркских каганов, давших мировой науке руническую письменность древних тюрков, развалины столиц уйгурского каганата Орду Балыка и монгольской империи Каракорума. И хотя в пределах Южной Сибири и Забайкалья археология народов, входивших в центральноазиатскую ойкумену, начала изучаться с XVIII в., со времен первых академических экспедиций Д. Г. Мессершмидта, Г. Ф. Миллера и И. Г. Гмелина, все же именно с данной экспедиции начинается отсчет истории исследования центральноазиатских древностей. Сразу же после монгольских открытий Н. М. Ядринцева в 1890 г. была подготовлена и направлена туда экспедиция под руководством В. В. Радлова, известная впоследствии как Орхонская экспедиция. В результате проведенных ею исследований на территории Северной Монголии были описаны многочисленные археоло-

---

* Работа выполнена в рамках программы Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России», направление «Археологические древности России», проект «Хунну: происхождение, культура, этническая история, политогенез».

логические памятники, ставшие сенсацией в научном мире. Начинается эпоха изучения древностей Центральной Азии.

Еще ранее ученый мир ознакомился с книгой профессора Сорбонны Ж. Де Гинь, которым в XVIII в. на основе переводов французских миссионеров древнекитайских исторических источников на европейские языки был написан обобщающий труд по истории центральноазиатских кочевников под названием *«История гуннов, тюрков, монголов и прочих восточных татар до и после рождения Христа»*. Российские читатели смогли ознакомиться с историей народов Центральной Азии после выхода в свет переводов выдающегося ученого Н. Я. Бичурина (Иакинфа), который служил в Китае главой православной миссии и почти все свое время тратил на изучение и переводы китайских исторических сочинений. Благодаря его трудам, перед россиянами открылась до тех пор мало известная картина истории народов, населявших, по выражению Н. Я. Бичурина, Среднюю Азию. Его книги стали настольными для многих ученых и послужили основой для подготовки необозримого количества статей и монографий по многим аспектам истории, археологии, этнографии, культуры народов Центральной Азии.

Последующие переводы китайских исторических сочинений, выполненные Н. В. Кюнером, В. С. Таскиным, Н. Ц. Мункуевым, Л. И. Думаном и др. исследователями, уточняли и дополняли общую картину истории древних кочевников региона, впервые воссозданную Н. Я. Бичуриным. Однако стоявшие у истоков изучения истории древних центральноазиатских народов европейские миссионеры, имевшие дело с древнекитайскими манускриптами, и не подозревали об уровне материальной и духовной культуры кочевников, о которых они писали свои сочинения, о грандиозных курганах с высокохудожественными произведениями искусства, об их умении возводить стационарные здания и фортификационные сооружения.

Почти со времени первых археологических открытий исследователями предпринимались попытки отождествления археологических памятников с древним населением, упоминаемым в письменных источниках. Причем сначала все древние могилы связывались с полумифическими народами или с татарами и монголами как хорошо известными историческими насельниками региона. Одним из первых удачных опытов интуитивного отождествления археологических па-

мятников с древними народами была попытка Ю. Д. Талько-Грынцевича связать раскопанные им погребения в 90-х гг. XIX в. в Ильмовой пади с гуннами или хунну – сюнну китайских источников. Впоследствии раскопки могильников в 20-х гг. XX в. в Ноин-Уле профессиональными археологами Г. И. Боровко и С. А. Теплоуховым [Руденко 1962] дали возможность провести их датировку эпохой железного века и связать ноинулинские погребения и захоронения в Ильмовой пади с хунну, подтвердив тем самым догадку Ю. Д. Талько-Грынцевича. Постепенно большинство археологических памятников и культур Центральной Азии получили свою этническую идентификацию. Даже памятники энеолита, ранней, средней и поздней бронзы нашли отождествление с индоевропейскими, индоиранскими и североиранскими народами.

Созданная в 20-х гг. XX в. С. А. Теплоуховым археологическая периодизация памятников Южной Сибири легла в основу постоянно уточняемой и дополняемой периодизации всей Центральной Азии, используемой большинством современных исследователей. Почти одновременно трудами Г. П. Сосновского, М. П. Грязнова, С. В. Киселева, С. И. Руденко, А. Н. Бернштама, С. П. Толстова, А. А. Гавриловой, Л. Р. Кызласова, В. В. Волкова, А. Д. Грача, Э. А. Новгородовой, Н. Л. Членовой, Д. Г. Савинова и других исследователей были выделены, описаны археологические культуры, за которыми стояло население с хозяйством, основанным, по мнению исследователей, на пастушеском, полукочевом и кочевом скотоводстве.

Скрупулезное исследование памятников, оставленных древним населением степных зон, способствовало появлению большого количества монографических исследований по различным территориям, регионам и хронологическим периодам. Появляются крупные обобщающие исследования, охватывавшие почти все периоды истории и прослеживавшие развитие материальной и духовной культуры центральноазиатских народов, их гражданскую и политическую историю, описанную в источниках.

Анализируя материалы по исследованию археологических культур, можно отметить, что в основном рассматривались погребальные памятники, представленные большими, сложенными из камней, каменно-земляными, земляными курганами, разнообразной формы каменными выкладками и каменными ящиками, грунтовыми могилами

и т. д., оставленные древним населением. Найденный при раскопках памятников погребальный инвентарь, включавший всю совокупность разнообразных по материалу и функциональному назначению сопровождающих предметов, подвергался описанию, типологическому анализу, классификации. Исследовались также остатки жертвоприношений различных видов домашних животных. Изучались остатки поселений и городищ, оставленных древними скотоводами.

На основе полученных при раскопках данных был выделен ряд археологических культур. Афанасьевская, андроновская, карасукская, скифо-сако-сибирские, хунно-сарматские, тюркские, монгольские, тунгусо-маньчжурские археологические культуры или историко-культурные общности, выделенные исследователями и имеющие уже устоявшийся характер, занимали громадные по площади территории Монголии, Синьцзяна, Саяно-Алтая, Забайкалья, АРВМ Китая.

Многими исследователями, занимавшимися проблемами истории и культуры населения Центральной Азии, предпринимались попытки реконструкции хозяйственной деятельности населения и выработки критериев, по которым можно было бы выделить начальные этапы становления скотоводства в регионе и начало формирования кочевого скотоводства.

Так, М. П. Грязновым были выделены памятники так называемых ранних кочевников, определенных эпохой поздней бронзы – раннего железа, синхронной скифскому времени. Хозяйство более ранних обитателей центральноазиатских степей и горных долин, носителей афанасьевской и андроновской культур, было определено как комплексное скотоводческо-земледельческое со значительной долей охоты и собирательства. Критериями выделения эпохи ранних кочевников послужило появление в погребениях металлических удил, костей домашних животных, захоронений коней [Грязнов 1955; Левин, Чебоксаров 1955]. Хотя, по замечанию Л. С. Клейна, жесткие металлические удила появляются с массовым использованием лошадей для военных целей [1980: 32]. Для пастьбы скота и простой верховой езды достаточно было и более мягкого управления конем. Металлические стремена, седло с жесткой конструкцией, шпоры – все эти нововведения появлялись впоследствии исключительно в связи с ведением боевых действий, когда от мобильного управления конем зависела жизнь

всадника и, следовательно, исход боевых действий, сражений, войн в целом.

Вместе с тем необходимо отметить, что основные археологические памятники, оставленные древним населением региона, не дают конкретной информации о том, что захороненные в них индивидуумы являлись скотоводами и тем более ведущими кочевой образ жизни. Такое восприятие древних насельников региона появилось, во-первых, под влиянием этнографических данных, когда европейские исследователи, появившиеся в степных, полупустынных и пустынных пространствах Азии, застали здесь население, ведущее кочевое скотоводческое хозяйство и полностью приспособленный к нему образ жизни, во-вторых, в результате изучения сведений письменных источников о европейских и азиатских народах, ведущих непривычный, с точки зрения античных, средневековых и древнекитайских авторов, кочевой образ жизни, нашедший отражение в расхожей формулировке «передвигаются вслед за скотом в поисках воды и травы», и, в-третьих, сама экология открытых пространств Центральной Азии, когда занятие кочевым скотоводством являлось едва ли не единственно возможным способом (кроме оазисов) обеспечить население пищевыми и прочими ресурсами.

Археологические погребальные комплексы древнего населения центральноазиатских степей содержат конское снаряжение и остатки жертвоприношений животных, находки, часто встречающиеся и в погребениях, оставленных оседлыми земледельцами, в особенности элиты общества, и не дают возможности однозначно определить, что население вело кочевой, скотоводческий образ жизни, тем более что для кочевника не характерны какие-то особые орудия труда, наподобие серпов, плугов, зернотерок земледельцев. То есть наши представления о скотоводческой направленности хозяйства и тем более кочевого образа жизни населения Центральной Азии сложились не только на основе археологической изученности региона, а в результате изучения гораздо более широкого круга источников.

Все более расширяющиеся масштабы археологических исследований, совершенствование методики исследований с привлечением разных, в первую очередь письменных, источников и сведений этнографии, использование методов естественных наук способствовали, во-первых, увеличению источниковой базы, во-вторых, уточнению

знаний об уровне материального развития древних скотоводов, в-третьих, давали ключ к раскрытию социальных отношений конкретного изучаемого общества и существовавшей в нем политической системы.

Наиболее раннее население, относимое к скотоводам и оставившее археологические памятники, датированные IV–III тысячелетиями до н. э. и объединенные в афанасьевскую археологическую культуру, проживало на территории Минусы, Саяно-Алтая, Синьцзяна, Западной Монголии. Основным критерием существования скотоводства у населения этого времени было наличие в погребениях костей домашних животных, выявленное в ходе археологических исследований. Археологические памятники афанасьевского населения представлены в основном курганами, поселениями, святилищами. По ним можно судить об уровне социального развития древних скотоводов только в самом общем виде. Комплекс предметов, использовавшихся в разнообразной деятельности населения афанасьевской культуры, представлен изделиями из камня, меди, кости. Бронза еще не вошла в широкое распространение. Специализации в производстве оружия, как и оскобых орудий для ведения войн, еще не было.

Говоря о социальном устройстве афанасьевского общества, трудно представить, что вся эта общность, занимавшая громадную территорию, составляла единый социально-политический организм. Скорее всего, существовали разрозненные группы, осознававшие свое единство на уровне рода, группы родов, группы племен. Однако не исключена возможность существования на основе единства происхождения, хозяйства, культуры каких-то общностей, крупных объединений, основной целью которых являлась борьба за имущественные и территориальные интересы отдельных групп населения, вторжения на соседние территории. Хотя конкретных сведений о войнах в III–IV тысячелетиях до н. э. в регионе Центральной Азии не имеется, все же данные о вторжениях носителей древнейшей культуры, современников афанасьевцев, вплоть до Балканского полуострова, позволяют предположить наличие у последних крупных объединений [Мерперт 1978].

Дальнейшая история региона связана с андроновской культурой, или андроновской историко-культурной общностью. Территория, занимаемая памятниками андроновской историко-культурной общно-

сти, простирается от Енисея на востоке до Урала на западе и от западносибирских степей на севере до казахских степей на юге. Основной ареал обитания населения в это время находился западнее центральноазиатского региона. Отличительным признаком от более раннего населения было владение андроновцами более совершенной технологией изготовления предметов из бронзы, в том числе и оружия. Более совершенная и разнообразная керамика свидетельствовала о массовом производстве и разнообразности способов ее применения. Основой хозяйственной деятельности большинства андроновского населения являлось скотоводство. Восточнее Минусинской котловины памятники андроновской культуры до настоящего времени не известны. На территории Тувы встречаются предметы, характерные для андроновцев и свидетельствующие о наличии связей между регионами, но характер контактов между населением пока не ясен. Поскольку ареал распространения андроновской культуры включает в себя значительные территории Центральной Азии, ее население оказало большое влияние на становление в регионе производящей экономики и формирование социальных отношений.

Основной, так сказать модельной, территорией, на которой исследователи рассматривали сменяемость археологических культур в хронологическом порядке, долгое время являлась Минусинская котловина. Именно здесь была выявлена хронологическая последовательность смены андроновской культуры карасукской. Однако карасукский бронзовый предметный комплекс, как постепенно выясняется, имел довольно большой ареал распространения, включая кроме Минусинской котловины территории Саяно-Алтая, Монголии, Забайкалья, Ордоса, Синьцзяна. Здесь проживало население, оставившее памятники, значительно отличавшиеся от памятников собственно карасукской культуры Минусы, но имеющие сходство с ней в бронзовом предметном комплексе, выражавшееся в общности технологии изготовления и близкой стилистике предметов вооружения, украшениях, предметах быта. По всей видимости, здесь имеет место тот же феномен, характерный для скифского времени, когда на громадной территории распространилась так называемая скифская триада: вооружение, конское снаряжение и звериный стиль. Памятники скифского времени, в основном погребальные, имеют значительное отличие,

да и сами вещи предметного комплекса различаются в зависимости от территориального и хронологического расположения.

Возвращаясь к памятникам, относящимся ко времени карасукской эпохи Центральной Азии, отмечаем, что они значительно отличаются от памятников собственно карасукской культуры Минусинской котловины. Памятники монгун тайгинского типа и керексуры Тывы, Монголии и Западного Забайкалья [Новгородова 1989; Цыбиктаров 1998б], памятники дворцового типа Восточного Забайкалья рядом исследователей отнесены к карасукскому времени [Кириллов 1979]. К этому же времени относится часть памятников культуры плиточных могил [Цыбиктаров 1998а]. В Синьцзяне выделена чемурчекская культура [Худяков, Комиссаров 2002]. В Северном Китае отмечена культура Чаодаогуо [Ковалев 2004]. Таким образом, в карасукской общности, пока подтверждаемой только находками однотипных изделий из бронзы, выделяется несколько провинций, но аргументация такого выделения пока не разработана и довольно слаба. По всей видимости, просматривавшаяся на материалах Минусинской котловины преемственность андроновской и карасукской культур на остальной территории Центральной Азии носила иной характер. Возможно, что карасукская культура, или карасукская историко-культурная общность центральноазиатского уровня, синхронна по времени алакульскому этапу андроновской культуры, причем не Минусинскому варианту, а алакульскому этапу глобальной андроновской общности [Комарова 1962]. То есть карасукская общность существовала не в послеандроновское время, а сосуществовала в одном с ней промежутке времени.

Население синкретичной карасукской общности, по-видимому, еще не представляло культурного единства, но, вероятно, это время было исходным для формирования на территории Центральной Азии автохтонных разновидностей кочевого скотоводства и, соответственно, разновидностей способов ведения хозяйства, отражавшихся в вариантах археологических культур.

Для следующей эпохи характерны культуры так называемого скифского типа, распространенные почти на всем протяжении евразийских степей. В Центральной Азии обитало в это время население, объединяемое рядом общих черт, но в то же время, по характеристикам в материальной культуре, подразделяющихся на несколько са-

мостоятельных археологических культур. В западной части региона выделены культуры саков. На Алтае памятники скифского времени объединены пазырыкской культурой [Грязнов 1950; Руденко 1960]. В Туве Л. Р. Кызласовым была выделена уюкская культура [1958]. Те же памятники А. Д. Грачом были разделены на две асинхронные культуры – алды-бельскую и саглынскую [1980]. В Западной Монголии распространены памятники чандманьской культуры, имеющей черты сходства с тувинскими памятниками и оставленные, по всей видимости, родственным населением [Цзэвэндорж 1978]. В Северном Китае выделены памятники типа Наньшаньгэнь, возможно, относящиеся к ранним этапам становления скифской культуры [Ковалев 1998]. В Синьцзяне трудами китайских археологов открыты памятники, объединенные в культуры яньблак и чауху [Худяков, Комиссаров 2002].

В Монголии и Забайкалье распространены памятники культуры плиточных могил, хотя, по мнению большинства исследователей, ранние плиточные могилы могут относиться ко времени существования карасукской культуры [Диков 1958; Цыбиктаров 1999].

Отличительными чертами этого времени становятся ряд близких признаков, характерных для традиционно выделяемых культур скифского облика. Это аналогичные в материале и манере изготовления черты уже упоминавшейся скифской триады: предметы вооружения, конское снаряжение, вещи, выполненные в зверином стиле. Для этого времени по всей территории распространения памятников выделено большое разнообразие в погребальной обрядности, выразившееся в различных по конструкции надмогильных и внутримогильных сооружениях, жертвоприношениях животных. Особо отмечается появление грандиозных по размерам и пышности погребальных сооружений-курганов, являющихся, по мнению подавляющего большинства исследователей, свидетельством имущественного и социального расслоения общества. По всей видимости, аналогичные процессы в социальном устройстве обществ ранних кочевников происходили по всей территории расселения скифского населения, свидетельством чему являются исследованные большие курганы Тывы, Алтая, Монголии, Забайкалья, Хакасии, Казахстана и территории расселения собственно скифов – Северного Причерноморья.

Население этого времени имело, судя по разным видам источников, уже сложившиеся формы подвижного скотоводческого хозяйства. Несмотря на различия, существовавшие в материальной и духовной культуре между отдельными регионами, можно отметить внутренние процессы расслоения общества по имущественному и социальному признаку, происходившие по всей территории евразийских степей, отражением чего, как уже говорилось, явилось появление больших курганов с захоронениями богатых, с высоким социальным статусом индивидуумов. Отражением высокой степени организации скотоводческих обществ могут служить и сведения источников, довольно скупо сообщающих о массовых вторжениях в V–VI вв. до н. э. жунских орд в пределы Китая. Очевидно, что для проведения подобных крупномасштабных нашествий был необходим определенный уровень организации общества.

По всей видимости, социальное развитие общества уже в древности приводило к возникновению различного уровня объединений, главы которых в мирное время контролировали распределение пастбищ и маршрутов кочевков, разрешали различные спорные вопросы, а в периоды войн осуществляли планирование военных вторжений, предусматривавших стратегическую и тактическую разведку, выбор наиболее удобных маршрутов для движения войск, конечные пункты походов и т. д. По крайней мере, масштабы вторжений в Китай, осуществлявшихся кочевниками, начиная с XII в. до н. э., предполагают существование у центральноазиатских племен довольно хорошо поставленной военной организации. Масштабы вторжений сопоставимы с киммерийскими и скифскими походами в Закавказье и Переднюю Азию. Сейчас трудно определить, из каких именно районов производились военные вторжения в Китай. Возможно, в них принимало участие не только население прилегающих к границе китайских царств областей Ордоса, Синьцзяна и восточной излучины Хуанхэ, но и представители военной элиты Монголии, Саяно-Алтая и Забайкалья. Изучение обществ скифского времени Сибири позволило поставить закономерный вопрос о наличии глубоко зашедших социальных процессов, в результате которых создавались мощные объединения, позволившие ряду исследователей выдвинуть гипотезы о возникновении в это время государственных или протогосударственных образований [Мартынов 1989].

Концом эпохи бронзы и полного преобладания железа (скифская эпоха) в изготовлении изделий считается начало великого переселения народов, вызванного формированием в центральноазиатских степях объединений хунну, завоевательные походы которых привели в движение многие народы евразийских степей. Собственно хунну, вероятно, проживавшие на территории Внутренней Монголии в Китае, Монголии, Забайкалья, имели своеобразную культуру, нашедшую отражение в археологических памятниках и предметном комплексе. Материалы раскопанных в последнее время курганов элиты хуннского общества в Цараме, Гол-Моде, Ноин-Уле подтверждают засвидетельствованную в письменных источниках глубокую имущественную и социальную дифференциацию хуннского общества. Сложную социальную структуру общества отражает и иерархия погребений, различавшихся по размерам надмогильных и внутримогильных конструкций, богатству и изысканности погребального инвентаря. В хуннскую эпоху впервые в истории региона наряду с погребальными памятниками появляются оседлые укрепленные стационарные поселения, часть из которых выполняли, возможно, функции городов. Археологические следы присутствия хунну прослеживаются на гораздо более широкой территории, нежели их исконные земли, что объясняется обычно завоевательными походами, сведения о которых содержатся в источниках.

Сложившаяся историографическая традиция считает, что именно хунну создали первое в истории Центральной Азии государство. Это признание в большей степени связано с появлением письменных источников о хунну, порой детально излагавших систему управления обществом, обрисовывавших военную организацию, внутреннюю и внешнюю политику, порядок взаимоотношений внутри общества. Из сведений источников вырисовывалась картина общества со сложившейся политико-административной системой, ранжированной социальной иерархией, милитаризованным мужским населением, экономикой, основанной на скотоводстве, земледелии, ремесленном производстве, системе военно-даннических отношений с зависимыми народами и даже с державой мирового уровня – империей Хань. Такое общество резко отличалось от обществ кочевников с экстенсивным скотоводством, родоплеменной организацией, какими привычно считались общества центральноазиатских скотоводов. Именно слова Сы-

ма Цяня о том, что «хунну небывало усилились и создали на севере государство, равное по силам Срединной империи» [Таскин 1968], дали основание многим исследователям говорить о создании хунну мощного государства.

Участившиеся в последнее время среди ряда специалистов дискуссии о характере хуннского общества завязаны, в основном, вокруг проблемы о наличии у хунну государственности. Причем термины, употребляемые как ранними, так и современными исследователями, отличаются разнообразием – государство, империя, держава, суперсложное вожжество. Отдельные исследователи считают, что в кочевых обществах отсутствовали признаки государственности, другие относят наиболее изученные образования, созданные кочевниками, к ранним государствам. За всем многообразием терминов, применяемых к характеристике хуннского общества, стоит признание факта, что хунну создали новые принципы организации общества, в отличие от более раннего населения Центральной Азии, так называемых ранних кочевников [Крадин, Данилов, Коновалов 2004].

Однако в археологическом отношении памятники хунну принципиально ничем не отличались от памятников пазырыкцев Алтая, уюкцев (или алды-бельцев и саглынцева) Тывы, плиточников Монголии и Забайкалья. Естественно, были отличия в области материальной культуры, особенно в широком применении железа при изготовлении широкого ассортимента изделий, технические отличия в предметном комплексе, в технологии изготовления отдельных категорий предметов, в оформлении погребальной обрядности. Но все же погребальные сооружения выдающихся членов общества эпохи ранних кочевников, такие как Аржан в Тыве, салбыкские курганы в Хакасии, пазырыкские некрополи на Алтае, могила Кара Баян в культуре плиточных могил, бесшатырские курганы саков в долине реки Или, вполне сопоставимы в плане изучения социальной структуры и социальной организации кочевых обществ с хуннскими курганами Ноин-Улы, Гол Мода, Царама, Ильмовой пади и др.

Однако именно хуннское общество признано большинством исследователей первым в ряду кочевых империй Центральной Азии. И в первую очередь благодаря письменным источникам, давшим пищу для дискуссий о характере социального и политического устройства не только хуннского общества, но и кочевых обществ вообще.

Анализ письменных источников о постхуннских народах – сяньби, жужанях, тюрках, уйгурах, киданях, монголах – показывает, что в созданных ими образованиях, именуемых кочевыми империями, в их политическом, социальном, военном, экономическом устройстве не было больших отличий от хунну: деление территории кочевой державы на два или три округа (крыла) с более дробным административным делением, появление института наместничества, существование народного собрания типа монгольского курултая, наличие мощной военной организации, активная внешняя политика, проводимая военными средствами, более развитые экономические отношения. То есть хуннское время явилось своеобразным рубежом в историческом развитии народов региона. Но в то же время вполне вероятно, что все отмеченные институты и явления существовали в кочевых обществах более раннего времени в эмбриональном состоянии и только стечение благоприятных факторов способствовало их развитию. То есть здесь проявляется одно из положений марксистской теории о соотношении базиса и надстройки, когда сходная экономическая база порождает становление сходных институтов в социальной структуре и организации общества.

Археология народов постхуннского времени показывает, что у них исчезают грандиозные погребальные сооружения с пышными погребальными обрядами. Их нет у жужаней (хотя их археология до сих пор практически неизвестна). У тюрков имеются только поминальные сооружения выдающихся деятелей Второго Тюркского каганата. Грандиозные погребальные сооружения времен Тюркского и Уйгурского каганатов пока неизвестны. Нет сведений и о пышных погребениях представителей правящих кругов Монгольской империи. Более того, совершенно отсутствуют погребальные и поминальные памятники правящего рода монголов Борджигин. Только в Средней Азии и Индии существуют мавзолеи принявших ислам тимуридов, приходящихся зятьями роду Чингисхана. Однако это уже иные культурные традиции, связанные с иными линиями исторического развития.

С хуннского времени появляются новые типы памятников, не характерные ранее для кочевников Центральной Азии, – это стационарные укрепленные городища. Археологически они зафиксированы кроме хунну у уйгуров, киданей, монголов. В письменных источниках упоминаются города у жужаней, тюрков. Имеются сведения, что пра-

вители последней кочевой империи Центральной Азии – Джунгарского ханства – предпринимали строительство оседлых городков [Златкин 1989]. Их появление связано со сложными экономическими, социальными и политическими процессами, происходившими в кочевых обществах и приводившими к созданию мощных объединений [Данилов 2004]. По всей видимости, появление городов и городской культуры в кочевых обществах может быть показателем уровня развития технических возможностей населения и одновременно – критерием развития его социально-политического состояния. К сказанному можно добавить, что одним из основных показателей признаков формирования государственности, а также достижения определенного уровня цивилизации в древневосточных, античных, средневековых европейских обществах, в древних государствах Центральной и Южной Америки неизменным считается появление городов.

Таким образом, степень археологической изученности территории Центральной Азии позволяет говорить о том, что здесь имеется колоссальное количество материальных остатков жизнедеятельности населения, скопившихся за несколько тысячелетий. Концентрация остатков материальной культуры происходила в определенных объектах погребального, культового, селитебного характера, которые и становятся объектами археологического изучения. Результатами исследований становятся научные характеристики разнообразных видов памятников, создание классификаций и типологий разных видов и категорий археологического материала. Выделение археологических культур, определение их хронологических рамок – чрезвычайно трудоемкая по физическому и интеллектуальному напряжению работа, выполнявшаяся и выполняемая несколькими поколениями исследователей-археологов, в результате которой проясняется общая панорама распространения и распределения по регионам всего разнообразия объектов и субъектов материальной культуры.

Говоря о формировании особенностей археологических культур, выразившихся в своеобразии артефактов, особенностях погребального и поселенческого комплексов, получивших распространение на широкой территории, можно предположить о существовании гипотетических центров, где происходила выработка технических приемов изготовления различных по материалу и функциональному назначению изделий, формирование разнообразных технологий во всех об-

ластях экономики и производства, складывание культурных традиций, нашедших отражение в этнографической самобытности. Пока сложно говорить о местах, где сложились, например, характерные черты карасукской культуры или карасукской историко-культурной общности, где проходило формирование культур скифского облика, где выработались особенности материальной культуры хунну, имевших громадную территорию распространения.

Иными словами, где произошло формирование основных черт культурного своеобразия населения, дошедшего до нас в виде археологических артефактов? Где находились центры, откуда, согласно теориям диффузионистов, происходило распространение новаций? Истоки карасукской культуры ищут и в Северном Китае, и в Иране в Луристане. Поиски происхождения скифского культурного своеобразия переместились из Передней Азии в Центральную, Среднюю и Восточную. Генезис культуры хунну связывают и с Восточной Азией, и с Синьцзяном. И это только часть общего процесса поисков истоков археологических культур. Следует отметить что территории, занимаемые кочевыми империями, по площади сопоставимы с территориями археологических культур и так называемых историко-культурных общностей.

Не менее, если не более трудно выяснение хода и путей направлений формирования социальной структуры и социальной организации в обществах древних кочевников. Анализируя письменные источники и сопоставляя их по времени с выделенными археологическими культурами, исследователи выделяют критерии, по которым можно говорить об определенных этнических общностях, и в зависимости от степени насыщенности письменного источника сведениями исторического, этнографического, социального характера воссоздать хотя бы очень приблизительную картину социальной и политической организации исчезнувших народов. В настоящее время уровень научных исследований в области археологии кочевых обществ возрос настолько, что возможно определение хотя бы приближенного к действительному уровня социальной организации скотоводческих и кочевых обществ, не имевших письменных источников, хотя исследователи совершенно справедливо оговаривают гипотетичность проводимых исторических реконструкций. При реконструкции социальной структуры исследователи используют как устоявшиеся категории,

имеющие общечеловеческое распространение, такие как семья, род, племя, так и новые, появившиеся сравнительно недавно понятия – вождество, раннее государство и др. Все же опыт исследований средневекового монгольского общества показывает, насколько сложными и местами неуловимыми оказываются социальные отношения у кочевников. Терминология социальных единиц монгольского общества, сохранившихся в памятниках монгольской письменности («обок», «омок», «ирген» «улус»), и их интерпретация Б. Я. Владимирцовым [1934] и другими исследователями [Марков, 1976; Скрынникова 1997; Крадин, Скрынникова 2006; Билегт 2007] показывают, что у монголов местами исчезает грань, отделявшая семью от рода, род от племени, племя от улуса. В реальной жизни все это существовало гораздо более аморфно и расплывчато, чем в строгих категориях академической науки.

Естественно, возникает вполне закономерный вопрос, насколько правомерно, используя данные этнографического характера, сведения письменных источников, предпринимать попытки реконструировать экономические и социальные характеристики, политические системы древнего населения эпохи энеолита, бронзы, раннего железа. Представляется, что экстраполировать наши представления о древних кочевниках на основе изученных народов постхуннского времени и этнографически изученного населения Центральной Азии следует с большой осторожностью, так как накопление ошибок эмпирического характера неизбежно приводит к неверным теоретическим построениям. Тем более, что в настоящее время только складываются новые подходы, методологические принципы и методические приемы, позволяющие полноценно проследить историю и развитие кочевых обществ Центральной Азии с древности до этнографической современности. Особенно это касается более высоких уровней социальной организации кочевых обществ.

Несомненно, что вопрос о появлении государственных институтов у кочевников является одним из основных на сегодня и именно вокруг этой проблемы идут дискуссии. Однако ее решение проводится в разных плоскостях, в зависимости от научной специальности исследователя. Историки, например, по большей части считают, что идея создания управленческой структуры и политической организации в целом была заимствована из обществ с более развитыми, чем у

кочевников, традициями. Этнографы полагают, что кочевничество как общество с экстенсивной экономикой не способно к саморазвитию. Археологи не исключают того, что достижение высокого уровня организации общества связано с внутренней эволюцией общества и развитием как отдельных социальных единиц, так и всего кочевого общества. Конечно, приведенные определения до предела утрированы и истина, возможно, находится где-то посередине. Так или иначе, по всей видимости, каждое кочевое общество, несмотря на общие закономерности развития, шло своим путем, а внешние и внутренние факторы, способствовавшие изменению организации общества, отличались большим разнообразием. Можно сказать, что процесс сложного, многолинейного развития обществ Центральной Азии нуждается еще в тщательном изучении, и это под силу объединенным усилиям ученых различных специальностей.

Литература

- Артамонов М. И. 1977. Возникновение кочевого скотоводства. *Проблемы археологии и этнографии*. Вып. 1. – Л.: 4–13.
- Билегт Л. 2007. *Раннемонгольские племена*. – Улаанбаатар.
- Бичурин Н. Я. 1950. *Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена*. Т. I–II. – М.; Л.: Изд-во АН СССР.
- Владимирцов Б. Я. 1934. *Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм*. – Л.: Изд-во АН СССР.
- Грач А. Д. 1980. *Древние кочевники в центре Азии*. – М.: Наука.
- Грязнов М. П. 1950. *Первый Пазырыкский курган*. – Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа.
- Грязнов М. П. 1955. Некоторые вопросы сложения и развития ранних кочевников Казахстана и Южной Сибири. *Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР*. Вып. 24: 19–29.
- Данилов С. В. 2004. *Города в кочевых обществах Центральной Азии*. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН.
- Диков Н. Н. 1958. *Бронзовый век Забайкалья*. – Улан-Удэ.
- Златкин И. Я. 1989. *История Джунгарского ханства. 1635–1758*. 2-е изд. – М.: Наука.
- Ковалев А. А. 1998. Древнейшие датированные памятники скифо-сибирского звериного стиля (тип Наньшаньгэнь). *Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург: Мат-лы Всерос. науч. конф-ии, посвящ. 70-летию со дня рождения А. Д. Грача*. – СПб.: 122–131.

- Ковалев А. А. 2004. Древнейшая миграция из Загроса в Китай и проблема прародины тохаров. *Археолог: детектив и мыслитель: Сб. ст., посвящ. 77-летию Л. С. Клейна.* – СПб.: 249–292.
- Комарова М. Н. 1962. Относительная хронология памятников андроновской культуры. *Археологический сборник. Памятники эпохи бронзы и раннего железа Восточной Европы, Южной Сибири и Средней Азии.* – Л.: 50–75.
- Кириллов И. И. 1979. *Восточное Забайкалье в древности и средневековье:* уч. пос. – Иркутск.
- Киселев С. В. 1951. *Древняя история Южной Сибири.* – М.: Изд-во АН СССР.
- Клейн Л. С. 1980. Возникновение кочевого скотоводства. *Скифо-сибирское культурно-историческое единство.* – Кемерово: 30–36.
- Крадин Н. Н., Данилов С. В., Коновалов П. Б. 2004. *Социальная структура хунну Забайкалья.* – Владивосток: Дальнаука.
- Крадин Н. Н., Скрынникова Т. Д. 2006. *Империя Чингис-хана.* – М.: Восточная литература.
- Кызласов Л. Р. 1958. Этапы древней истории Тувы (в кратком изложении). *Вест. МГУ. Истор.-филол. серия. № 4.* – М.: 71–99.
- Кызласов Л. Р. 1969. *История Тувы в средние века.* – М.: Изд-во МГУ.
- Кызласов Л. Р. 1979. *Древняя Тува (от палеолита до IX в.).* – М.: Изд-во МГУ.
- Кюннер Н. В. 1961. *Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока.* – М.: Изд-во вост. лит-ры.
- Левин М. Г., Чебоксаров Н. Н. 1955. Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области (к постановке вопроса). *Советская этнография. № 4:* 3–17.
- Марков Г. Е. 1976. *Кочевники Азии. Структура хозяйства и общественной организации.* – М.: Изд-во МГУ.
- Мункуев Н. Ц. 1965. *Китайский источник о первых монгольских ханах. Надгробная надпись на могиле Елюй Чу-цая.* – М.: Наука.
- Мартынов А. И. 1989. О степной скотоводческой цивилизации I тысячелетия до н. э. *Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций.* – Алма-Ата: 284–292.
- Мартынов А. И., Алексеев В. П. 1986. *История и палеоантропология скифо-сибирского мира.* – Кемерово: Изд-во Кемер. ун-та.
- Мерперт Н. Я. 1978. О племенных союзах древнейших скотоводов Восточной Европы. *Проблемы советской археологии.* – М.: Наука.
- Миняев С. С. 1985. К проблеме происхождения сюнну. *Информационный бюллетень международной ассоциации по изучению культур Центральной Азии.* Вып. 9. – М.: 70–78.
- Новгородова Э. А. 1989. *Древняя Монголия.* – М.: Наука.
- Руденко С. И. 1953. *Культура населения Горного Алтая в скифское время.* – М. – Л.: Наука.

- Руденко С. И. 1960. *Культура населения Центрального Алтая в скифское время*. – М.–Л.
- Руденко С. И. 1962. *Культура хуннов и ноинулинские курганы*. – М. – Л.: Изд-во АН СССР.
- Савинов Д. Г. 1984. *Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху*. – Л.: Изд-во ЛГУ.
- СкрЫнникова Т. Д. 1997. *Харизма и власть в эпоху Чингис-хана*. – М.: Восточная литература.
- Сосновский Г. П. 1934. Нижне-Иволгинское городище. *Проблемы истории докапиталистических обществ*. № 7–8: 150–156.
- Талько-Грынцевич Ю. Д. 1928. *Население древних могил и кладбищ забайкальских*. – Верхнеудинск.
- Таскин В. С. [пер.] 1968. *Материалы по истории сюнну по китайским источникам*. Вып. 1. – М.: Наука.
- Таскин В. С. [пер.] 1968. *Материалы по истории сюнну по китайским источникам*. Вып. 2. – М.: Наука.
- Таскин В. С. [пер.] 1984. *Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху*. – М.: Наука.
- Теплоухов С. А. 1925. Раскопка курганов в горах Ноин-Ула. *Краткие отчеты экспедиций по исследованию Северной Монголии в связи с монголо-тибетской экспедицией П. К. Козлова*. – Л.: 13–22.
- Теплоухов С. А. 1929. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края (в кратком изложении). *Материалы по этнографии*. Т. IV. Вып. 2. – Л.: 41–62.
- Худяков Ю. С., Комиссаров С. А. 2002. *Кочевая цивилизация Восточного Туркестана*. – Новосибирск: Изд-во НГУ.
- Цыбиктаров А. Д. 1998а. *Культура плиточных могил Забайкалья и Монголии*. – Улан-Удэ.
- Цыбиктаров А. Д. 1998б. К проблеме культурно-исторической ситуации в Центральной Азии в эпоху бронзы и раннего железа. *Археология и этнология Дальнего Востока и Центральной Азии*. – Владивосток: 92–99.
- Цыбиктаров А. Д. 1999. *Бурятия в древности и средневековье*. – Улан-Удэ: Изд-во БГУ.
- Цэвэндорж Д. 1978. Чандманьская культура. *Археология и этнография Монголии*. – Новосибирск: 108–117.
- Ядринцев Н. М. 1889. Предварительный отчет о поездке с археологической и этнографической целью в Северную Монголию и вершины Орхона. *Изв. ВСОРГО*, Т. XX, № 4.
- Ядринцев Н. М. 1890. Путешествие на вершины Орхона, к развалинам Каракорума. *Известия Русского географического общества*, Т. XXVI. Вып. 4.

ОБРАЗОВАНИЕ НОМАДНОГО ГОСУДАРСТВА ХУННУ*

К концу IV столетия до н. э. могущественная власть кочевников, называемых хунну, появилась на северных границах Китая. Ко 2-й половине III в. до н. э., когда Цинь Шихунди объединил Китай (221 г. до н. э.), хунну распространили свою власть, оккупировав такой район, как Ордос. Вождем хунну в то время был шаньюй Тоумань, а его сын Маодунь (Модэ) стал шаньюем около 209 г. до н. э. С этого времени хунну достигли заметного развития и стали первой могущественной номадной силой в Монголии. Ученые обычно считают, что они представляли первое крупное государство или империю кочевников в истории Азии.

Хотя Маодунь умер в 174 г. до н. э., хунну продолжали процветать до тех пор, пока трон императора в Китае в 141 г. до н. э. не занял Уди. Уди был тем, кто в конечном счете победил хунну и положил конец их экспансии. Административная организация «номадного государства» хунну в течение этой первой половины II в. до н. э. была реконструирована на основе исторических записей Сыма Цяня (135–84 г. до н. э.), содержащихся в 110-й главе *Ши цзи*, том 110¹. Там сообщается: «Во время Маодуня хунну достигли пика своей мощи, покорив все варварские племена на севере, и угрожали южным границам Китая. В это время мы регистрировали их власть, происхождение, правительственные должности и титулы». Далее Сыма Цянь описывает хунну таким образом: «Ставятся левый и правый сянь-ван (мудрый король), левый и правый лули-ван, левый и правый великий дувэй (главный командир), левый и правый данху и левый и правый гудухуо

---

* Перевод с английского: Yamada Nobuo. Formation of the Hsiung-nu nomadic state. *Acta Orientalia Hungaricae*, 1982. Т. XXXVI. F. 1–3, p. 575–582. Работа выполнена по проекту РГНФ – МинОКН Монголии (№ 07-01-92002a/G) «Кочевые империи монгольских степей: от Хунну до державы Чингис-хана».

¹ Некоторые сюжеты раздела о хунну из 94-й главы *Хань шу* отличаются. Моя интерпретация основывается на сравнительном анализе этих двух источников.

(повелитель). Хунну используют термин «тичжучи» для обозначения «мудрый». Их самые старшие сыновья ставились на должности левого туци-вана (т. е. левого мудрого короля). Начиная с левого и правого сянь-вана и до (великого) данху каждый из этих начальников командовал десятками тысячами или более всадников, а мелкие – несколькими тысячами. Однако все 24 лидера (вождя) назывались ваньци (десятитысячники). Должности всех дачэней (высших должностных лиц) передавались потомкам по наследству. Семьи Хуань, Лань, следовавшие после семей Суйбу, были тремя знатными кланами (син). Левые короли и генералы размещались все в восточной области... а правые короли и генералы в западной области... тогда как штаб-квартира шаньюя располагалась в центре... Каждый начальник имел свою собственную территорию и перемещался в поисках воды и травы. Среди них каждый левый и правый сянь-ван и левый и правый лули-ван занимали большую территорию. Левый и правый гудухоу помогали шаньюю в управлении...»

На основе этой информации из трактата *Ши цзи* хунну рассматривались как «номадное государство» с *шаньюем* в качестве верховного правителя. Считалось, что государство имело определенную феодальную систему и что эта система раскрывала политическую и административную организацию, а также общую структуру государства [Mori 1950, 1971, 1973; Pritsak 1954]. Вышеприведенное утверждение представляется слишком упрощенным. Откровенно говоря, хотелось бы знать, можем ли мы заметить какой-либо след административной системы государства какого-либо типа в вышеприведенном высказывании.

Известно, что существовали 24 лидера (начальника), причем каждый владел одним из вышеперечисленных титулов. Четыре титула – *туци*, *лули*, *гудухоу* и *данху* – имеют свои корни в языке хунну. Первые три титула присуждались только представителям царствующего дома и князьям². В случае с термином *туци*, который на китайском языке означает «мудрый», я хочу предположить, что два других титу-

---

² В англоязычном оригинале статьи автор использует для обозначения этих категорий элиты соответственно термины «kings» и «lords». Это не совсем приемлемо для русского языка. Мы будем использовать для обозначения членов правящей элиты термины «представители правящего дома», «принцы» и т. д. Для второй группы мы будем использовать термин «князья» (*прим. отв. ред.*).

ла также были какими-то понятиями, соответствующими знати, подобной членам царской семьи и князьям.

Не может быть ничего неправильного в предположении, что последний титул – *данху* является военным титулом в языке хунну, поскольку он перечисляется вместе с *цзяном* и *дುವэем* – терминами, которые имели как раз такое значение в династии Хань. По ранжиру, вероятно, *данху* должен следовать за *цзяном* и *дುವэем*. Короче говоря, я хотел бы, прежде всего, обратить внимание на тот факт, что существует два типа титулов: класс представителей правящей династии и князей и военные лидеры, отделенные от первого класса.

Предшествующие исследователи уже выяснили, что все мужчины, которые получали статус *туци-ван* или *лули-ван*, были сыновьями *шаньюя*, а те, кто имел статус *гудухоу*, как установлено ниже, являлись мужчинами из определенных кланов, которые были в особых отношениях с шаньюньским кланом Люаньди. Иными словами, эти общественные посты занимались лицами высокого происхождения [Mogí 1950: 8–11]. Что касается людей с титулами второго типа, не найдено доказательств того, что они выбирались из определенных кругов. То есть эти были люди более низкого общественного статуса и выбирались единственно для выполнения воинских обязанностей.

Далее я хотел бы отметить, что Сыма Цянь устанавливает, что всего было 24 «лидера». Большинство исследователей до сих пор игнорировало либо это количество – 24, либо, помимо установленных 12, они оставляли остальные 12 неизвестными [Pritsak 1954: 182]. Однако, как установлено выше, мы можем логически интерпретировать эту цифру, если понимаем различие между шестью принцами и князьями и другими титулами. Если мы полагаем, что все *великие цзяны*, *великие дувэй* и *великие данху* были военными лидерами, находящимися под командованием каждого из шести принцев и князей, полное количество лидеров точно равно 24. Если утверждение *Ши цзи* анализируется как показано выше, «административная система» хунну, установленная в этом произведении, могла бы быть изображена в виде нижеприведенной схемы:

Восточный регион (левое крыло)	<i>левый туци-ван</i>	великий цзянь, великий дувэй, великий данху	(4)
	<i>левый лу-ли ван</i>	великий цзянь, великий дувэй, великий данху	(4)

Центральный регион	<u>левый гудухоу</u>	великий цзянь, великий дувэй, великий данху	(4)
Шаньюй	<u>правый гудухоу</u>	великий цзянь, великий дувэй, великий данху	(4)
Западный регион (правое крыло)	<i>правый туци-ван</i>	великий цзянь, великий дувэй, великий данху	(4)
	<i>правый лули-ван</i>	великий цзянь, великий дувэй, великий данху	(4)
			Всего 24

Несомненно, что наблюдаемая здесь система оказывается самой убедительной, если она интерпретируется просто как военная система. Иными словами, хунну были разделены на три региональные силы. Левое крыло, то есть восточная региональная сила, подразделялось на два военных округа, причем левый *туци-ван* и левый *лули-ван* были ответственны за надзор за своими районами. Это же правило применяется к западным региональным силам. Центральные региональные силы содержали два военных округа и возглавлялись и поддерживались *шаньюем* как главнокомандующим над двумя *гудухоу*. Эта структура, вероятно, подразумевает тип помощи, которую два *гудухоу* оказывали *шаньюю* в управлении.

Каждый военный округ состоял из 4 подразделений. Их размер колебался от десяти или более тысяч всадников до нескольких тысяч, в соответствии с рангами и классами лидеров, причем каждое из этих подразделений являлось независимым от других. Вероятно, вследствие этой независимости все подразделения имели одинаковое обозначение – «десять тысяч всадников» (т. е. «тьма». – *Прим. отв. ред.*) независимо от их мощи.

Очевидно, что организация, интерпретированная выше, является очень хорошо организованной системой, поскольку она рассматривается именно как военная система. Распределение сил на центр, левое и правое крылья слишком искусственное. Если не считать необходимости объединения племенных структур в военную систему, я полагаю, что административная система, предназначенная для управления другими племенами, была чуждой кочевому сообществу того времени. Как было показано выше, утверждение «большой лидер командовал десятками тысячами или более всадников, а малый лидер несколькими тысячами» относилось только к военным функциям. В со-

ответствии с прошлыми теориями относительно государств кочевников вышеназванная военная система была равнозначна административной системе. Определенно, монголы во времена Чингис-хана предпринимали попытки установить систему, которая была подобна той, которую я обозначил выше как военную систему. Монгольский улус (государство) состоял из 95 основных единиц, называемых «тысячами семей» (Mingghan). Подразделения внутренней организации «тысяч» основывались на десятичной системе. Все тысячи находились под контролем трех больших региональных объединений, а именно левого, центрального и правого крыльев. Вполне обоснованно, что тысячи составляли основу как военной, так и административной систем монголов. Это следует из того, что первоначальные монгольские племена и кланы были разобщены, а тысячи были созданы Чингис-ханом для того, чтобы централизовать свою власть.

Хунну были также разделены на три региональных подразделения, но вся система могла рассматриваться только как военная. Еще одна проблема, которую я хочу поднять, – это отличие в функциях или ответственности, которые несли шаньюй и Чингис-хан. Шаньюй мог быть верховным главнокомандующим, когда проводились крупномасштабные операции. Однако его фактический статус был аналогичен статусу других военачальников. Трудно обнаружить факторы, которые могли в достаточной степени определить, что их военная система была в то же время их административной системой.

При условии, что вышеприведенное утверждение относится только к интерпретации военной системы, я хотел бы знать, можно ли найти что-либо, связанное с административной системой, из других источников. Одним возможным источником является описание легендарной религиозной церемонии хунну, которая часто цитируется и трактуется как доказательство. Эта цитата является продолжением вышеприведенного фрагмента в разделе о хунну из *Ши цзи* и *Хань шу*: «В первом месяце каждого года все лидеры приводят малое религиозное собрание в месте, находящемся поблизости от ставки шаньюя. Затем в мае они проводят большое собрание в лунчэне, чтобы вознести молитвы предкам, небу и земле, духам людей и небес. Осенью, в период когда лошади нагуливают вес, они снова проводят большое собрание и обходят вокруг деревьев. [В это же время] проводят перепись людей и скота».

Согласно детальному анализу и интерпретации вышеприведенного отрывка профессором Намио Эгами [Egami 1948: 225–279], *лунчэн* – это деревья в лесах или ветви деревьев, воткнутые в землю, нечто, подобное современному *обо*. Профессор Эгами утверждает, что это – описание религиозной церемонии, в которой люди ходили по кругу вокруг алтаря из деревьев, типичного шаманского обычая у народов Северной Азии. Месяцы май и сентябрь (осень) являются временами года, когда трава для пастбищ начинает зеленеть после зимы и когда трава вянет с приближением зимы. Это времена года, соответствующие самым важным периодам в годовом цикле производственной деятельности для кочевников азиатской степи. Вполне объяснимо, что религиозные церемонии проводились именно в эти сроки³.

На основе свидетельства о проведении лидерами подсчетов населения и скота исследователями делалась поверхностная интерпретация, что эти большие собрания были подобны курултаю монголов с функцией администрации государственного уровня, аналогичному современному парламенту. В реальности участники этих собраний, однако, в основном являлись представителями клана Люаньди, к которому принадлежали *шаньюи*. Кроме них в собраниях участвовали также члены других кланов, принадлежавших к этому же племени. Члены других племен не участвовали в данных собраниях. Это событие было частью наследственной традиции хунну и важной общественной и религиозной церемонией в племени. Ограниченный материал источника не позволяет мне принять его как событие, связанное с государственной политикой и осуществлением управления государством. Праздник, в конечном счете, имел целью служить сохранению единства племени. Он не мог быть ничем большим.

Исторические данные, используемые до сих пор как доказательство существования «государства» у хунну, относительно скудны, и я скорее мог бы интерпретировать эти ритуалы как новое подтверждение и ничего более. Далее, согласно отрывку из 97-й главы *Цзинь шу*, касающемуся южных хунну в более поздний период, существовало 19 племен, возглавляемых самым могущественным племенем, известным

---

³ Я согласен с проф. Эгами, что малое собрание в первый месяц года есть следствие влияния китайских обычаев.

как чугэ⁴. Каждое из этих племен образовывало локальное сообщество, однако жители их не перемешивались.

Короче говоря, я прихожу к заключению, что племена были четко определены и обладали своей собственной индивидуальностью еще в III в. н. э. Может оказаться неразумным связывать эти 19 племен с хунну II в. до н. э. Однако я просто хочу отметить факт, что *шаньюи*, которые правили после Маодуня, были одного происхождения, а клан Люаньди продолжал занимать положение верховного клана на протяжении четырех столетий. *Ши цзи* и *Хань шу* устанавливают, что три клана – Хуянь, Лань и Сюйбу – относились к знатым вместе с кланом Люаньди. В работе *Хоу Хань шу* к вышеуказанным добавляется клан под названием Цюлинь; там сообщается, что эти четыре клана занимали почетное положение вместе с кланом *шаньюя*.

Известно также, что несколько других кланов, кроме вышеуказанных, имели особую привилегию побочного родства с кланом Люаньди. Короче говоря, либо один из этих названных «известных кланов», либо один из «знатных кланов» хунну был кланом внутри одного племени. Должности правого и левого *сянь-вана* и *лули-вана* в хорошо организованной военной системе заполнялись, в принципе, сыновьями *шаньюя*, в то время как должности *гудухоу*, командующих войсками в центральном регионе, пополнялись из таких знатных кланов, как Хуянь или Сюйбу. Поэтому очевидно, что центральная часть военной силы впоследствии, через четыре столетия, оказалась под властью племени, которое могло называться чугэ.

Вышеприведенный анализ мог бы дать достаточно реалистичную картину общества хунну, которое имело мощную структуру, позволявшую всерьез угрожать Ханьскому Китаю в период с III в. до н. э. по II в. н. э. Становится ясно, что большинство записей, касающихся хунну того времени, показывает наличие могущественного племени, которое состояло минимум из пяти-шести высших кланов. Это племя не только отличалось сильной степенью идентичности как объединенное племенное общество, но также, с целью сохранения и разви-

---

⁴ В оригинальном тексте народ назывался *чугэ чун*. Слово *чун* означает «тип» или «вид», которое соответствовало «племеню», когда применялось к общественной группе. Эта проблема будет обсуждаться отдельно в ближайшем будущем.

тия коллективной идентичности, они учредили пост *шаньюя*, который обеспечивал силу, что позволяло ему осуществлять управление.

Согласно описанию хунну из *Ши цзи*, они имели «законы», которые выполнялись следующим образом: «За извлечение меча на один *чи* (китайский *фут*) – смертный приговор. За воровство – конфискация семьи. За мелкие преступления удары палкой по ногам, за серьезные преступления – смертный приговор. В тюрьму заключаются не более чем на 10 дней. По этой причине во всем государстве имеется лишь несколько заключенных... Человек, который отрубил голову своего врага или захватил своего врага живьем, награждается полной чашей вина. Добыча отдается человеку, который захватил ее, а пленники – ему в рабство... Когда человек выносит убитого товарища во время боя, все домашнее имущество убитого отдается ему».

Допуская некоторые моменты, предотвращающие дословное толкование этого текста, несомненно, все типы правосудия совершались под руководством племенного вождя, как можно предполагать в соответствии с теми или иными ограничениями. Существует запись [*Хоу Хань шу*, гл. 119], свидетельствующая, что определенные представители трех прежде упоминавшихся известных кланов (Хуянь, Лань и Сюйбу) специально занимались судебными разбирательствами в эпоху южных хунну. Однако окончательный вердикт выносился *шаньюем*, что подтверждает отсутствие специальной организации отправления правосудия. Подобно другим случаям, окончательная компетенция возлагалась только на *шаньюя*. Поддержание дисциплины и наказание за неправильное поведение, а также другие властные права должны были ограничиваться пределами данного племени и не распространяться на другие племена.

Шаньюй, определенно, был вождем с властью подобного типа. И он был главнокомандующим военных сил своего племени. Однако он был чем-то большим, нежели вождь племени. Другие племена хунну, которые располагались в непосредственной близости от племени *шаньюя*, должны были структурироваться аналогичным образом. Однако я полагаю, что китайские источники не дают каких-либо свидетельств кооперации между этими племенами на какой-то фазе управления. Если какая-либо кооперация некогда существовала, она могла ограничиваться принятием совместной стратегии, когда их общие враги, китайцы или другие народы, угрожали им или когда начинались военные походы. Короче говоря, совместные действия должны были

приниматься в форме военных дел. В таких случаях племя *шаньюя* с его чрезвычайно организованной военной системой, как правило, действовало как ядро операции. *Шаньюй*-вождь неизбежно должен был взять на себя функции командования над всеми силами. Однако красочная картина его как верховного военачальника совместных действий нескольких племен не должна была создавать ему ложный имидж. Подобный образ обусловлен спецификой китайских источников, которые затрагивают преимущественно военную сторону деятельности кочевых лидеров.

Еще одним моментом, заслуживающим внимания, является тот факт, что хунну собирали дань с соседних народов, таких как ухуани, «одеждой и кожами». Хунну подчинили их во время похода Маодуня, но это не означало, что ухуани были полностью покорены, и я не отваживаюсь сказать, что все население и их территория находились под властью *шаньюя* хунну. Эта ситуация должна применяться также к динлинам и другим племенам. Описание данных фактов, сделанное Сыма Цянем очевидно показывает его осторожное отношение. Он использовал термин «присоединение» (annexation) только в отношении народа лоуфань в Ордосе.

Поход против народов ухуань и дунху он охарактеризовал как «разорение» (destruction); поход против юэчжей на западе – как «бегство» (flight) последних, а военные действия против племен в Северной Монголии – как «подчинение» (submission). Мне кажется, что Сыма Цянь, несмотря на понимание сложности ситуации, в то же самое время не заметил истинной природы событий. Даже если мы предположим, что хунну создали единое образование, следует полагать, что другие племена все-таки существовали вне юрисдикции хунну.

Конечно, *шаньюй* – вождь племени предпринимал совместные военные действия с другими соседними и равными по силе племенами. Однако не более того. Невозможно, чтобы центральные племена правили северными племенами в удаленных регионах. Было бы ошибочным считать конфедерацию хунну начала II в. до н. э. номадным государством.

В предположении, что переход от объединения к реальному правительству есть система развития политической системы, признаки такого перехода наблюдались в различных аспектах. Основными факторами процесса объединения племен хунну и учреждения власти вождя было то, что они сопровождалась появлением выдающихся

вождей и их географической близостью с Китаем, которая позволяла осуществлять обмен людьми и удобные торговые отношения. Когда знатные кланы стали играть более заметную роль в племени, более значимую роль приобрел принцип наследования. В соответствии с данным обстоятельством стало возможным организовать военную систему. Наличие многочисленного населения и возможность осуществлять централизацию политической власти, согласно мнению проф. Л. Крэдера [Krader 1955], создавало условия для организации больших военных сил. Хорошо отлаженная система позволяла проводить быструю мобилизацию воинов. С моей точки зрения, значительные военные достижения Маодуня в немалой степени обязаны этим предпосылкам.

Однако я хочу повторить, что племя *шаньюя* никогда не ослабляло своих первоначальных племенных связей и, таким образом, не были созданы условия для формирования новой политической структуры. *Шаньюй* как военный главнокомандующий не имел власти как правитель над конфедерацией племен; фактически он имел статус племенного вождя. Он никогда не был правителем или королем в политической структуре, которая могла бы называться государством.

В первой половине II в. до н. э., когда считается, что было создано и достигло своего расцвета кочевое государство Хунну, мы можем определенно заметить только некоторые элементы образования государства; в реальности хунну фактически не достигли этой стадии.

Литература

Egami Namio. 1948. *Yurashiya Kodai Hoppo Bunka (kodo bunka ronko)* [The Northern Culture in Ancient Eurasia (The Essay in the Hsiung-nu culture)]. – Kyoto (in Japanese).

Krader L. 1955. Ecology of Central Asian Pastoralism. *Southwestern Journal of Anthropology* 11 (2): 301–326.

Mori Masao 1950. A Preliminary Study of the State of 'Hsiungnu'. *Shigaku-Zasshi* LIX (5): 1–21 (in Japanese).

Mori Masao 1971. On «Die 24 Ta-ch'en» of Prof. O.Pritsak. *Shigaku-Zasshi* LXXX (1): 43–60 (in Japanese).

Mori Masao 1973. Reconsideration of the Hsiung-nu state – a response to Professor O. Pritsak's criticism. *Acta Asiatica* 24: 20–34.

Pritsak O. 1954. Die 24 Ta-ch'en: Studie zur Geschichte des Verwaltungsaufbaus der Hsiung-nu Reiche. *Oriens Extremus* 1: 178–202.

**ДОНСКАЯ АЛАНИЯ КАК КОЧЕВАЯ ИМПЕРИЯ
(I в. – середина II в.)***

*А ну-ка, оглядите страну нартов издалека,
Видите ли вы там большие празднества?
Аланы, мы из похода возвращаемся,
На скаку приветствуем встречных,
В разговорах (с ними) мы доброжелательны,
Наши кони мягко ступают...
Никому не причиняем насилия...
А с врагами – ударом сбиваем их с верблюдов...
Нарты захода солнца ждут,
В нартскую страну они не спеша въезжают,
Без (благословения) тамады они о своих
подвигах не рассказывают.
(Песня нартов, возвращающихся из похода)*

Сегодня изучение общественного строя кочевых и полукочевых ранних аланов римского времени и их соседей-номадов в Восточной Европе находится еще в зачаточном состоянии и лишь намечено в ряде работ [см., прежде всего: Гутнов 1995: 25–39; 2001: 210–229; Яценко 1993а: 68; 2002; 2006 а, б: 330, 335–337, 341]. Комплексное, междисциплинарное исследование его еще предстоит. Оно отчасти будет облегчено тем, что наукой собрано немало свидетельств необычайной архаичности многих социальных институтов, ритуалов и ранних пластов «нартского» героического эпоса «этнографических» кавказских *осетин* – далеких потомков аланов, часто восходящих еще к периоду их древней кочевой жизни в степях [см., например: Миллер 1882; Ковалевский 1886; Ванеев 1959; Калоев 1959; Дюмезиль 1976: 153–234; 1990: 131–186; Грантовский 1981; Абаев 1982; Чибиров

---

* Работа выполнена по проекту РГНФ – МинОКН Монголии (№ 07-01-92002а/Г) «Кочевые империи монгольских степей: от Хунну до державы Чингис-хана».

1984; Чочиев 1985; 1996: 113–203; Дзицойты 1992; Кузнецов 1993: 155–179; Яценко 2001а: 12–22]. Можно согласиться с заключением такого выдающегося гуманитария XX в., как Ж. Дюмезиль, что осетины сохранили многие древние традиции предков лучше других индоевропейских народов [Дюмезиль 1976: 153]. Это произошло несмотря на то, что алано-осетины после XIII–XIV вв. были загнаны в горы Кавказа, оказались в политически подчиненном положении и были вынуждены заметно изменить многие черты хозяйства.

Благодаря усилиям множества археологов и историков постепенно начинает проясняться этнополитическая история европейской кочевой Степи в римское время. Но сегодня она еще выглядит сотканной сплошь из лакун и противоречивой, обрывочной, очень различно интерпретируемой информации древних авторов и современных раскопок. В последние годы стало ясно, что особую роль в судьбах местных кочевников римского времени сыграли *два* этнополитических объединения, и *оба* они именовались в источниках «Алания». Я по-прежнему придерживаюсь мнения [см.: Яценко 1997: 160, прим. 1], что «аланами» (ариями по В. И. Абаеву) иноземные авторы (да и, видимо, сами кочевники) называли *различные* ираноязычные народы, вторгавшиеся из Центральной Азии с начала I в. по середину III в. *Датировки* политических событий из-за нечеткости ряда важных сообщений и недостаточной надежности многих письменных источников (их поздней правки, включения данных фольклора) у различных современных авторов подчас сильно варьируют. Однако в нашем случае это не принципиально, и их «точности» вполне достаточно для решения поставленных в статье задач исследования общества (обоснование используемых мною дат см. подробнее: Яценко 1993б, 1997, 1998).

Первое из объединений (которому и посвящена данная статья) – это *Алания*, впервые упомянутая Лукианом [Лис. Тох., 51], иначе – *страна «аланов-скифов»* в Северном Причерноморье рядом с греческим Боспорским царством. Она была точнее локализована у устья Дона Б. А. Раевым на основе анализа хронологии обильного античного импорта в нескольких скоплениях аристократических могильников [Раев 1978: 92–93]. Действительно, здесь аланов упоминают не позже рубежа 60–70-х гг. I в. (Jos. Flav. De Bello Iud. VII. 7.4; Heges. Bell. Iud.

V. 50¹); в этом же районе известны Аланские горы (Донецкий кряж) (Ptol. Geogr. III. 5.7). Автор этих строк впервые детально обосновал центральноазиатские корни культуры аланской знати рубежа I–II вв.² и связывал их вначале, вслед за Ж. Шарпентье и И. В. Пьянковым, с усунями [Яценко 1993а: 60–69], а позже – с соседней «кочевой империей» Кангха/Канцзюй с центром на средней Сырдарье [Яценко 1993б: 83]. Нами была также впервые предложена реконструкция политической истории этого образования [Там же: 83–85], которая сегодня, по прошествии почти 20 лет, нуждается в корректировке и отчасти дополнена работами коллег.

Второе объединение – это страна *Алания в западном и центральном Предкавказье*. Достоверно она как сильная политическая единица впервые упомянута в связи с попытками распространить на ее территории развитые религиозные системы соседних держав, начиная со 2-й половины III в. В частности, она названа в надписи иранского магупата Картира, фанатично насаждавшего официальный персидский зороастризм на Кавказе около 280 г. В ней утверждается, что храмы огня были построены даже у Аланских ворот / Дар-и алан (знаменитого Дарьяльского перевала) [Луконин 1979: 19]. В 301 г. Св. Григорос Просветитель добился не только крещения царя Алании, но и разрушения там языческих капищ [Марр 1905: 135–137]. Точнее эта Алания локализована римскими географами IV в. Если данные «Певтингерových таблиц» (в основе которых лежит римская карта середины IV в.) весьма неясны, то «Космография» Равеннского анонима VII в., пользующегося более ранними данными, помещает «Отечество аланов» к северу от Абасгии, т. е. примерно в горных верховьях Кубани.

В цели данной статьи не входит специальный анализ происхождения донской Алании I–II вв., всех деталей ее политической истории и гибели³. Здесь я попытаюсь охарактеризовать лишь *два аспекта* ее

---

¹ Труд, приписываемый Гегесиппу, – латинскую версию «Иудейской войны» Флавия – иногда неверно связывают с Амвросием Медиоланским [см.: Алемань 2003: 42].

² Основная работа в этом плане была проделана нами в 1988–1989 гг.

³ Можно утверждать, что богатство и могущество донской Алании, а затем ее падение в середине II в. н. э. произвели сильное впечатление на современников. Это отразилось в сказаниях, тексты которых бытовали у различных этносов, волею судеб оказавшихся в Приазовье, в том числе – у присут-

существования – *принципы внешней политики и внутреннюю социальную организацию*, с целью найти ей место в актуальных ныне классификациях политических объединений евразийских кочевников.

Алания возникла в удобном месте и в удачное время. Во-первых, выходцы из Казахстана заняли лучшие в Евразийском степном поясе ковыльно-разнотравные пастбища на прекрасных донских и кубанских черноземах с высокой степенью увлажненности, достаточно густой речной сетью. Во-вторых, время существования Алании было одновременно периодом наибольшего расцвета международной торговли в античный период, обеспеченным хорошим состоянием и взаимодействием четырех великих империй мира – Китая, Кушании, Ирана и Рима, а в Средней Азии – кочевых империй Усунь и Канцзюй. В этой торговле Алания, видимо, смогла принять достаточно активное участие. В-третьих, по данным почвоведов, в южнорусских степях в это время очередной длительный засушливый период стал подходить к концу. В-четвертых, в отличие от империй Хунну и Канцзюя, Алания не имела близких границ ни с одной из по-настоящему крупных держав⁴. При этом владения аланов, по сравнению со среднеазиатской прародиной, оказались с *трех сторон* окружены достаточно развитыми земледельческими соседями, что, при должной военной организации, открывало большие возможности в плане данничества и набегов.

Установить границы этого политического образования (очень богатого и влиятельного, но существовавшего не более 90 лет) можно

ствовавших там позже (в середине III–V вв.) готов, связанных происхождением с Южной Скандинавией. В преданиях последних (сохранных позже в исландской Инглинг-саге) [Стурлусон 1980: 11–12] в виде борьбы двух «королевств богов» причудливо отразилась фантастически богатая страна *ванов* у Дона/Танаиса (Танаквисля), известная могущественными чародеями, прославленным святилищем и т. п. Ваны были побеждены неожиданно напавшими на них *асами*, жившими к востоку от Дона, по соседству (действительно, по Птолемею, с востока к аланам примыкало племя *асеев* (Ptol. Geogr. III. 5. 10), а позже асами/ясами в Европе называли именно аланов). Впервые эта трактовка была предложена нами в 1994 г. [Яценко 1994: 25–27] и недавно поддержана М. Б. Щукиным, Т. Н. Джаксон и др.

⁴ Важнейшим «минусом» ситуации в регионе, не позволявшим кочевым политическим образованиям Сарматии в принципе самостоятельно существовать более 2–2 с половиной веков, были в эллинистическое и римское время постоянные миграции с востока все новых волн кочевников.

лишь приблизительно. Его ядром являются 1) большие скопления богатейших могильников знати у устья Дона (от современного Новочеркасска до хут. Недвиговка, у г. Азов и при впадении Маныча в Дон) (собственно *аланы*), а также 2) чуть выше по его течению – в Волго-Донском междуречье (вероятно, эти некрополи связаны с «многочисленным народом *перьербидов*»: Ptol. Geogr. V. 8.16 [Сергацков 2000: 235]) и, наконец, 3) на Средней Кубани (т. н. Золотое кладбище, где, видимо, продолжали до начала III в. обитать более древние сарматы-*сираки*). Рядовые кочевники-сираки в I в. начинают активно оседать на землю и смешиваться с аборигенами – земледельцами-меотами, и их хоронят в грунтовых могильниках; знать же консолидируется в элитарных курганных катакомбных могильниках Золотого кладбища [Марченко 1996: 134–135, 238]. Можно предполагать, что эти три наиболее крупных центра, в соответствии с распространенной у кочевых народов схемой, образовывали тройственную *федерацию* под руководством донских аланов [см.: Яценко 1993а: 61]⁵.

К его *периферии* можно отнести небольшое скопление у устья Волги, на ее правом берегу, в районе могильника Косика. Еще одна культурная традиция, видимо, связанная с аланами, представленная погребениями «восточного облика» с основными (одиночными) погребениями в курганах, концентрируется также в Северном Приазовье, в междуречье Орели и Самары и в районе днепровских порогов; они далеко не столь богаты, как донские [ср.: Симоненко 1993: 117; 2000: 137–138; рис. 4, 1].

В западном Приазовье (район устья Днепра и степи северного Крыма) преобладают впускные захоронения в курганах эпохи бронзы. Их можно достаточно уверенно связать с непосредственными западными соседями аланов – *роксоланами*, продолжавшими обитать здесь со II в. до н. э. Культурное воздействие аланов на них оказалось небольшим [Симоненко 1993: 75, 114; рис. 22]. Можно предполагать, что в политическую орбиту Алании входили также *сарматы-конееды* верховьев Дона, граничившие с лесными племенами, поставлявшими ценные меха. Они в это время переходят к оседлости [Медведев 1990: 187, 194], берут в жены местных женщин и подчас, селясь в поселках

---

⁵ Эта традиция сохранилась, видимо, и в современном делении потомков аланов – осетин на иронцев, дигорцев и двалов.

аборигенов, быстро утрачивают свой «сарматский» облик [Медведев 2006: 35]. Предполагаемая зависимость от аланов неизбежно относится к сарматам и оседлым аборигенам Центрального Предкавказья, а также к населению верхнего Прикубанья и Пятигорья (через территорию которых проходили трассы неоднократных аланских походов на юг). Здесь в I–II вв. оформляются крупные центры городского типа (Зилги в Осетии, Татарское на Ставрополье и др.). В этих двух регионах с рубежа I–II вв. (при известном участии носителей среднесарматской культуры) начинает вызревать в двух вариантах культура будущих предкавказских аланов II–IV вв. [Малашев 2007: 493–494, 498].

В уточнении границ Алании неожиданную помощь оказывает исследование архаичных пластов осетинского нартского эпоса. Ю. А. Дзиццойты весьма тонким анализом смог убедительно показать, что в эпосе отражен период, когда владения страны нартов/аланов (*Narty bæstaæ*), т. е. Большая земля нартов (*Narty styг zæxx*) [Дзиццойты 1992: 47], располагаясь в степях, доходили до берегов таких двух крупных рек, как Днепр (в эпосе *Arfadan = Dānāpr =* глубокая река) на западе и Волга (в эпосе *Narti Ustur don –* Великая река нартов) на востоке, а на севере граничили с лесной зоной (*Xuz ædzægat*) [Дзиццойты 1992: 104–105, 118–120]. Судя по тому, что мы знаем сегодня о сарматах и аланах, такая картина может отражать лишь реалии рубежа I–II вв. При этом самая южная группа некрополей знати (по многим элементам культуры близкая донской), соседствовавшая как с политическим центром Боспорского царства, так и с беспокойными кавказскими горами, имеет погребения ярко выраженного дружинного характера, вполне канонизированного обряда, и ее уже давно воспринимают как *охраняющую южные рубежи* Аланского союза [Ждановский, Марченко 1988: 51–54].

Кроме Алании в ее предполагаемых границах, в Северном Причерноморье, сегодня известны еще два «центра силы», включающие влиятельный кочевой сарматский элемент. Это, во-первых, скопления могильников знати на Западной Украине (соответствующие *стране Аорсии* ольвийской надписи с Мангула и владениям ее «великих царей» – Умабия, позже Фарзоя и Инисмея [Виноградов 1994: 167, прим. 91–97]). Однако это уже не совсем те аорсы, которые ранее упоминались восточнее (на Нижнем Дону): их исходная территория оказалась занята аланами, а их культура получила новый, заметный,

центральноазиатский импульс. Во-вторых, это владения *тавро-скифов* Крыма, где во 2-й четверти I в. в юго-западной части полуострова – в Усть-Альме, Заветном – появляются могильники новой кочевой «сарматской» группировки [см., например: Пуздровский, 2007: 199]⁶.

Мы имеем ряд хотя и отрывочных, но прямых свидетельств о военно-политических связях Алании и этих более западных группировок. Наиболее ярким памятником регулярных совместных акций знати Алании (прежде всего ее нижнедонского «ядра», а также кубанской и североприазовской периферий) с западноукраинскими и отчасти крымскими соседями являются скопления («энциклопедии») клановых знаков-«тамг» (*nishan, gakk*), употреблявшихся, в первую очередь, знатью [Яценко 2001a: 66–78]. Они отражают совместные пиры, побратимства и другие межклановые соглашения середины I – начала II в. у региональных святилищ. На плитах наилучшей сохранности из нижнедонского Танаиса видим сочетания одного определимого на сегодня знака из Аорсии с тремя местными [Там же: рис. 21/1] либо вероятного царского знака Алании (клана Аравелианов) и «аорсского» [Там же: рис. 22, А–Б]. В североприазовском гроте 37 Каменной Могилы представлены три однотипных нижнедонских знака и по одному «аорсскому» и крымскому [Там же: 69–70].

В скоплениях на территории к западу от Днепра, контролируемой знатью Аорсии, особенно явственны следы тесных связей Аорсии и Алании. Здесь на ольвийском⁷ мраморном льве № 2 преобладают определимые нижнедонские знаки изучаемого периода, есть по одному «аорсскому» и крымскому; то же можно сказать и о льве № 1 [Там же: 67]. На плите из Кривого Рога нет донских знаков, но есть североприазовские, кубанские и крымские [Там же: 69]. Наиболее ярко боевое сотрудничество Алании и Аорсии проявилось в тамгах на ценившихся знатными воинами вещах. Так, на ножнах «аорсского» парадного меча из Рошава-Драганы пять знаков местных типов сопровождаются одним донским [Там же: 79–80], а на деревянной арфе юноши из Козырки преобладают нижнедонские тамги, при включении всего

---

⁶ К этому же культурному кругу относится знаменитый курган Ногайчик в северном степном Крыму по датировке А. В. Симоненко.

⁷ Ольвия в правление Фарзоя и Инисмея, как считается, часть времени находилась под своеобразным протекторатом Аорсии.

двух «аорсских» (в т. ч. – самого царя Фарзоя) и по одному крымскому и североприазовскому [Там же: 78]. На «нейтральной территории» (в столице Боспора Пантикапее) на знаменитой «писаной плите» среди знаков данного периода больше нижнедонских, но есть и «аорские», крымские и североприазовские. Там же на одной из плит с парой знаков один из них («аорский») больше по размеру донского (что могло означать определенную иерархию при заключении союза) [Там же: 81–82]. Женские медные котлы (бывшие, видимо, свадебным подарком невесте) отражают для рубежа I–II вв. брачные связи (перемещение невест) в направлениях из Аорсии и левобережья Днепра на Нижний Дон, с низовьев Дона – на Терек и с Кубани в Крым [Там же: 36–37; рис. 8]. Особая близость типов нижнедонских тамг из богатейших курганов в Кобяково и Царском с двумя аристократическими «аорскими» – тоже аргумент в пользу брачных связей. При этом последние (судя по выявленным механизмам сарматского тамгообразования) выглядят как *производные* от аланских форм [Яценко 1993б: 85; № 1 и 3 на с. 84]. Вместе с тем, вряд ли отношения Алании и Аорсии были *равноправны*: об этом можно судить хотя бы по тому, что аланы заняли исконные кочевья аорсов (гамакосибиев)!⁸ Аорсия как *крупная* политическая сила просуществовала недолго (к 95 г., когда Дион Хризостом произнес свою речь в Прусе, ее могущество, несомненно, было уже сломлено), но скорее всего она сохранилась и в начале II века.

Чтобы прояснить характер взаимодействия аланов с кочевыми соседями (аорсами, сираками и роксоланами), надо учесть один простой и никем всерьез сегодня не оспариваемый факт. Аланы, судя по сопоставлению этнокарт Северного Причерноморья у Страбона и Плиния, в короткий срок попросту *изгнали* с давних племенных угодий значительные группы аорсов и заняли часть их территории. На месте донских аорсов на карте фиксируется кроме аланов множество

---

⁸ Один из правителей Аорсии Фарзой (ок. 55–80) с 62 г., вероятно, тоже, как и аланы, номинально признал главенство Рима (что отразилось в характере чеканки его золотых монет, точнее – в их отсутствии в 62–68/9 гг.) [Дзиговский 2003: 89–94]. Однако вскоре римлянам, похоже, пришлось убедиться в ненадежности вынужденных клятв (недаром и много позже, у Тертуллиана, встречаем выражение «непостоянное гамакособия»: Tertul. Advers. Marcion. I. 1).

новых племен (в том числе крупных), многие из которых, видимо, пришли вместе с аланами (или чуть раньше их) и были в числе «творцов» новой среднесарматской археологической культуры. Примерно то же произошло и с сираками (часть их оказалась у устья Днепра); роксоланов аланы, видимо, разгромили в 61 г., так что выручать из плена детей их царя пришлось римскому полководцу Плавтию Сильвану. Еще недавно самое мощное в Сарматии заволжско-приуральское объединение *верхних аорсов* и такие крупные объединения Украины, как *царские сарматы и урги*, исчезли навсегда. Но и после этого уцелевшие побежденные явно действуют в русле тесных контактов с аланами. Все это не оставляет иллюзий относительно характера отношений с племенами европейских степей.

Судя по тамговому материалу, отношения донских аланов с крымскими сарматами были достаточно прохладными. Так, в скоплениях на территории крымской Малой Скифии донские знаки на сегодня не выявлены. В найденном в Керчи в 1985 г. энкомии вельможи – воспитателя Савромата I – говорится о том, что готовился союз «тавро-скифов» с аланами против Боспора, но боспорскому правительству удалось его предотвратить без большого труда [ср.: Vinogradov 1994: 73–74; № 15]. В последние годы специалисты, занимающиеся «поздними скифами», констатируют весьма незначительную роль «сарматов» в культуре Малой Скифии I–II вв. [см., например: Zajtsev 2007: 56].

В целом предполагаемая протяженность территории, контролируемой Аланией, с севера (верховья Дона) на юг (до центрального Предкавказья) составляла около 1000 км, и примерно столько же – с запада на восток (между Днепром и Волгой). Это заметно меньше знаменитой кочевой империи Хунну; однако надо учесть, что владения аланов лежали в более благоприятном климате и в ряде более населенных регионов, не включали пустыни, бесплодные нагорья и южносибирскую горную тайгу.

Как же действовали аланские цари из правящего клана Аравелианов на международной арене? Аланы, как обычно полагают, попали в Европу в результате какого-то конфликта с сюзереном – могущественной южноказахстанской империей Кангха (кит. Канцзюй) [Скрипкин 1986]. Однако возможно также, что реального конфликта при этом не было, а было лишь расширение владений Канцзюя на запад.

Из китайских источников (в частности, из «Вэй люэ», базирующегося в данном случае, видимо, на сведениях кушанского посольства 230 г.) известно, что кочевая *страна Лю*, находящаяся между Приуральем (Янь) и причерноморскими владениями Рима (Дацинь), видимо – именно донская Алания, долго признавала власть далекого Канцзюя. Она платила ему дань (скорее символическую, значение которой китайская историография обычно преувеличивала) [Зуев 1995: 39–40]. Это, видимо, отражает сохранившуюся связь с исторической казахстанской прародиной. Несомненно, в кочевой⁹ восточноприаральской стране *Яньцай* протоаланы переняли многие основы общественного устройства кочевой империи Канцзюй. Не случайно именно с появлением аланов и их союзников в степях Европы (около начала I в. н. э.) здесь распространяются золотые аксессуары костюма в «бирюзово-золотом зверином стиле» (поясные пластины, реже гривны и браслеты); в них можно видеть дары правителей Канцзюя и подражания им [см., например: Яценко 2006а: 284]. Видимо, данница Канцзюя – страна Яньцай переименовалась в Аланьялю уже после миграции части аланов в Европу¹⁰, поэтому можно полагать, что аланы были на западе своего рода посланниками канцзюйских властей. Это объясняет «непонятное» могущество донской собственно аланской знати при относительно небольшой ее численности, смущающее археологов. Похоже, она лишь *возглавила* в начале I в. [Сергацков 2006: 41] продвижение в Европу политически (но не культурно) единой группы племен – создателей т. н. среднесарматской археологической культуры (наиболее блестящей, но и самой короткой в 700-летней истории «сарматского» мира). При этом уцелевшее прежнее население сохра-

---

⁹ Некоторые авторы представляют Яньцай областью с оседлым населением. Между тем о ее жителях в «Вэй люэ» сказано: «кочуют со скотом в поисках воды и травы».

¹⁰ Перед установлением династии Младшая Хань при узурпаторе Ван Мане (8–23 гг. н. э.) связи Китая с более западными странами, как известно, совершенно прервались, и сведения хрониста не могут относиться к этому переходному периоду (посольства оттуда прекратились еще раньше, с середины I в. до н. э.). Установление торговых связей с Западом по сухопутью вновь можно связать лишь с деятельностью там полководца Бань Чао (с 70-х гг. I в. н. э.), а первое посольство с Запада (из Кушании) прибыло в Китай лишь в 87 г. н. э.

нило многие элементы своей культуры [ср., например: Скрипкин 1992: 21, 32–33].

Наилучшие характеристики донским аланам дают поэты того времени. Аней Лукан около 60 г. называет их «вечно воинственными», а Дионисий Периегет в 124 г. – «отважными», «сильными и многоконными». Не случайно они нападают на крупнейшие государства, причем находящиеся вдалеке от их новых кочевий. Первый натиск аланов на рубеже 50–60-х гг., видимо, пришелся на запад – на новые владения *Рима* у устья Дуная; они, вероятно, вторгались и за него – на Балканы (Seneca. *Thyest.* 629). Здесь аланы¹¹, похоже, действуют с кочевыми союзниками (с языгами или аорсами?). Судя по элoгию Плавтия Сильвана, этот римский администратор и полководец в 62 г. смог добиться решительной победы. Цари аланов и их союзников прибыли на территорию провинции Мезии и «почтили римские военные значки» [Кудрявцев 1957: 174; прим. 22]. Масштаб действий аланов впечатляет: в их плену оказались, например, царские сыновья или братья таких крупных народов региона, как даки, бастарны и кочевые роксоланы; на практике это означало военный разгром названных этносов; Сильвану же удалось переправить на подопечную территорию более 100 тысяч (!) вражеских семей. После победы римлян и клятвенных обещаний мира аланы, видимо, отступили с территории Украины¹² к устью Дона, ставшему их новой родиной. Но Риму пришлось для спокойствия в районе Азовского моря в последующие несколько лет разместить там части армии и флота (Ios. Flav. *De Bello Iud.* II. 16.4).

Несомненно, после этого военная активность аланов концентрируется *на южном направлении* – в сторону стран к югу от Кавказа, бывших более легкой добычей, т. к. здесь располагались не всегда единая Иберия, вечно терзаемая имперскими претензиями Рима и Ирана Армения, а также достаточно слабые северные вассалы аршакидского Ирана – Мидия-Атропатена и Адиабена. Потенциальные

---

¹¹ Подробное обоснование именно аланов как «неизвестного» римлянам народа и главных противников Плавтия Сильвана см.: [Яценко 20016].

¹² Дионисий в 124 г., видимо, использовавший более раннюю информацию, размещает их еще где-то между «неизмеримой землей даков» и «устьем Меотийского озера» (устьем Дона) (Oikum. *Perihl.* 305–307).

жертвы иногда были не против заручиться римской защитой, однако в изучаемый период она не была активной и достаточной. Уже в 68 г. Нерон перед смертью организовывал карательный поход, вероятно, в сторону Дарьяльского перевала (Plin. HN. V. 40)¹³. Поэтому аланы предпринимают около 72 г. поход на юг еще более восточным и наименее защищенным путем – вдоль Каспийского моря, через Дербентский проход в тайном союзе с царем соседней автономной приморской Гиркании (Jos. Flav. De Bello Iud. VII. 7.4; Heges. Bell. Iud. V. 50). В Мидии-Атропатене и затем – в Великой Армении добычей стало большое количество *скота и пленных*. Правителю Мидии Пакуру удалось лишь за огромную сумму (10000 талантов) выкупить у аланов свой гарем и детей, а армянский царь Тиридат чудом избежал пленения, будучи уже схваченный арканом. После этого успеха аланы в 75 г. вновь совершают успешный поход на северо-запад Ирана. Аршакидский «царь царей» Вологез I в отчаянии даже был вынужден обратиться за помощью к своему врагу – императору Домициану. Видимо, эта просьба не была выполнена (Cass. Dio. Hist. LVI. 15; Suet. Vesp. 2), но следующий император Веспасиан (который ранее просил выслать его против аланов) все же укрепил зависимую от римлян часть Грузии (Иберии) (Corpus Inscriptorum Latinorum. III. № 6052).

Вскоре после этого против нового царя Армении Санатрука (ок. 75–110) (в армянской версии это легендарный «Арташес») ¹⁴, аланские цари (братья-великаны *Базук и Амбазук*), по словам армянского хрониста, «привлекли на свою сторону» царей Картли и явились в Армению. По данным автора «Картлис цховреба» епископа Леонтия Мровели (XI в.), эти «водители всех героев» привели с собой воинственных западнокавказских зихов и каких-то кочевников (печенегов), скорее всего – подвластных сираков Кубани [см. об участии последних: Марченко 1996: 138], а также соединились по пути с войском нескольких племен Дагестана и предков чеченцев (Мровели 1979: 33–34; Мовсес Хоренаци. II. 50–52). Аланы рассыпались по Ар-

---

¹³ Терек стал уже на рубеже I–II вв. настолько обычным маршрутом аланов на пути на юг, что саму реку Птолемей (использующий данные Марина Тирского начала II в.) называет Алонта (Аланы).

¹⁴ Его мнимое царствование «покрывает» двух реальных долго правивших царей Армении и римскую оккупацию при Траяне.

мении «огромными массажи»; наиболее ценной добычей они при этом считали (по «Картлис цховреба») *«скот, золото, серебро и ткани»*; добыча делилась с грузинами в лагере, несмотря на преследование армянских войск. Однако сражение с армянами при Камбеговани привело к гибели обоих аланских правителей (перед ним аланам было предложено отпустить пленных, но оставить себе остальную добычу). Вскоре аланы и грузины нарушили унизительный для себя мир и пленили армянского царевича, охраняя его *совместно* в стратегической крепости Дариалан (загораживающей Дарьяльский перевал); аланы вначале требовали его казни в качестве кровной мести. События завершились длительным миром с Арменией, заключенным в Триалети. Вероятно, он сопровождался какими-то брачными армяно-аланскими контактами; во всяком случае, именно с I в. н. э. у армянской знати появляются имена аланского облика [Налбадян 1977: 210, 212]. Начиная с этого же времени, в грузинском языке появляются многочисленные сармато-аланские заимствования (более 100 слов) [Абаев 1949: 86–87].

Полувековое относительно мирное сосуществование аланов с сильнейшей державой тогдашнего мира – Римской империей (около 62–113 гг.) было неожиданно прервано благодаря экспансионистским планам самого могущественного ее правителя – Марка Ульпия Траяна (98–117). Вначале речь могла идти просто о несовпадении интересов. В частности, во время первой Дакийской войны с Децебалом на Балканах последний около 102 г. попытался отправить через Северное Причерноморье посольство в аршакидский Иран, минуя римские владения (это было невозможно без согласия аланов). В связи с отправкой этого посольства Плинием Младшим упоминается некий правитель с иранским именем Сусаг – видимо, из Алании (см.: Plin. Epist. X. 74).

С осени 113 г. Траян начал масштабную Парфянскую войну и в следующем году Армения стала на три года римской провинцией. Были на какое-то время резко урезаны права царя примыкающего к владениям аланов Боспора Савромата I (93–123) (Fest. Brev. Hist. XX). Можно полагать, что это в конечном счете привело к столкновению обеих стран с аланами. О характере его мы знаем крайне мало. Однако некоторые факты весьма красноречивы: около этого времени гибнут многие боспорские крепости в самом центре Азиатского Боспора, а Савромат I спешно укрепляет «окраинные» (именно непосредственно прилегающие к владениям аланов) Танаис и Горгиппию (Корпус

боспорских надписей, № 1122 и 1254). Примерно тогда же написано срочное послание Плиния Младшего Траяну о каких-то грозных событиях в этом районе (Plin. Epist. X. 63–64, 67). В осетинском нартском эпосе есть знаменитый сюжет о большом победоносном походе нартов (аланов) во главе с наиболее воинственным кланом Ахсартагата на Боспор в отместку за пленение (или унижение) одного из лидеров. Исторические реалии позволяют связать его именно с этой ситуацией. Однако после войны на Кубани и, быть может, каких-то стычек в Закавказье власть Траяна был вынужден официально признать могущественный царь «савроматов» (т. е., несомненно, аланов) (Eutop. Brev. VIII. 3). Скорее всего, это был отец царевны Сатиник, имевший персидское имя Шапур (Шапух)¹⁵ (его сохранило нам раннее «Мученичество Сукиасянов»). Однако серьезного прямого столкновения с Траяном у могущественных аланов при этом явно не было (иначе это было бы обязательно отражено в весьма обильной документации побед императора); дело, вероятно, ограничилось угрозой со стороны Рима.

Видимо, после смерти Траяна в 117 г., восстановления независимости Армении и воцарения надолго Вагарша I (117–140)¹⁶ аланский царь (Шапух) организовал новый поход на Армению в союзе с Картли и горскими племенами (причина его неясна; одна могла заключаться в новом политическом курсе армянских властей). Однако на р. Кура царевич попал в плен, и аланский царь предложил мир. В ходе переговоров о его выкупе царь Армении якобы силой захватил его сестру – красавицу Сатиник/Сатану, но решил официально на ней жениться, примирившись с аланами. В качестве брачного выкупа аланы потребовали много золота и престижной у них красной кожи тонкой выделки. Она стала царицей, и с ней в Армению переехало много аланов из царского клана Аравелианов (Мовсес Хоренаци. История Армении. II. 50, 58). Династический брак определил многое в отношениях двух стран на последующие два-три десятилетия.

---

¹⁵ Принятие иноземных имен – не редкость у сарматских и аланских правителей (видимо, в связи с браками и побратимствами). Так, около середины I в. царь аорсов имел греческое имя Эвنون, а правитель предкавказских аланов в III в. также носил имя Шапур (Шапух).

¹⁶ По хронологии Мовсеса Хоренаци, в это время, однако, продолжал править легендарный царь Арташес.

Последней крупной военной акцией донских аланов был поход в северо-западный Иран около 132–133 г. под руководством *Кизо*, описанный в местной «Хронике Адиабены» (Ассирии). В нем, как обычно, участвовали многочисленные вассалы и союзники (восставшие на Иран народы). Он проходил в непростых горных условиях – в Мидии-Атропатене, а потом в Курдистане (где аланам противостояло как местное ополчение, так и правительственные персидские войска Аршака). Победа уже клонилась на сторону аланов, когда пришло неожиданное известие о нападении на их метрополию неких других варваров. Войскам срочно пришлось вернуться на Дон, и через два месяца противник был разбит [Пигулевская 1956: 84–85]. Это хорошо согласуется с армянскими сведениями о том, что после смерти аланского Шапуха, власть его сына (брата теперь уже армянской царицы Сатиник, видимо – *Гирианоса* в житиях) попытался оспорить некий «другой» родственник, видимо, наместник какой-то территории в Предкавказье, близкой к Армении. Он занял донские земли, преследуя законного правителя (Мовсес Хоренаци. История Армении. II. 52). Последнему пришлось бежать с Дона и просить помощи у «породненной» Армении. И она последовала незамедлительно: армянский полководец вторгся во владения узурпатора, разорил их и переселил в Армению множество пленных. Нестабильная обстановка в Приазовье заставляла римского наместника Каппадокии Арриана просить императора Адриана о возможном массивированном военном десанте туда (Arrian. Peripl. 17. 3). Ответная акция побежденных обитателей Предкавказья не заставила себя ждать. Летом 135 г. некие доселе неизвестные «аланы-массагеты» вторгаются (в союзе с грузинским Фарасманом II) именно в Армению и в управляемую Аррианом Каппадокию (Dio Cass. Hist. LXIX. 15. 1; Arrian. Hist. Alan.). Последствия смуты заставили нового аланского царя Гирианоса, среди прочего, провести *перепись* боеспособных мужчин.

Особый интерес представляют взаимоотношения донских аланов со своим непосредственным соседом – греческим *Боспорским царством* – вассалом Рима, имевшим с ними протяженную границу по всем своим азиатским владениям. Здесь имеется еще немало нерешенных вопросов. В трудах современных исследователей обнаруживаем своеобразный парадокс. С одной стороны, аланы ясно предстают по письменным источникам как грозная сила, представлявшая большую

опасность для двух ведущих мировых держав. Боспорская же армия невелика, хотя поддерживалась римскими субсидиями, и лишь в редкие наиболее трудные моменты – кратковременными военными акциями. С другой стороны, боспорский город Танаис в устье Дона (Танаиса/Danu) был буквально окружен с востока и юга курганами аланских царей и князей, находившимися от города подчас всего в 8–10 км (!). Они также вплотную подступали к городищам земледельцев-меотов у современного г. Азова или даже просто стояли на некрополях этих городищ. Именно здесь, по современным представлениям, удивительным образом прямо вплотную соседствовали центр могущественной кочевой орды и владения небольшого римского вассала. И здесь нет следов серьезных разрушений (вплоть до гибели самой донской Алании к середине II в.)¹⁷. Похоже, что это сосуществование (не считая упомянутого короткого конфликта около 113–114 гг. из-за римского нажима) было чем-то вроде взаимовыгодного (хотя и вынужденного) *симбиоза*. В связи с этим заслуживает особого внимания сюжет в одной из новелл Лукиана (Luc. Tox. 51) о том, что братья-соправители Алании (явно имеются в виду Базук и Амбазук) выдали замуж свою сестру Мастиру (Гневная) за боспорского царя с вымышленным именем (Левканор). В контексте того, что нам известно сегодня, мне кажется, что сам эпизод отнюдь не выдуман и его можно отнести в конце 60-х гг. (до гибели братьев), когда на Боспоре правил Рескупорид II (68–92)¹⁸. Начало *сарматизации* культуры городов Бос-

---

¹⁷ Не столь безоблачным было утверждение власти аланов среди *кочевников* района устья Дона. Аспург Боспорский в начале I в. включает в свою титулатуру племя *танаитов*. Однако вскоре Плиний сообщает, что это племя было полностью уничтожено (Plin. NH. VI. 22). В дальнейшем танаитами называли (по проживанию на р. Танаис) *другие* этносы (в частности племя, кочевавшее в 1-й половине II в. восточнее аланов (Ptol. Geogr. III. 5. 10), эллинизированных меотов и сарматов, в правление Савромата II поселенных в г. Танаисе, а также нижнедонских аланов-танаитов III–IV вв.).

¹⁸ Помимо прочего, совпадает и то, что в «прозрачном» иносказании Лукиана следующим за Левканором боспорским царем стал Эвбиот, «призванный от савроматов, среди которых он жил». В начале его правления происходит массированное вторжение в Малую Скифию, в котором участвуют «приглашенные на помощь аланы и савроматы». Все это вполне соответствует реалиям следующего правителя Боспора – Савромата I (Лукиан намекает читателю и на его сарматское имя).

порского царства с 1-й трети I в. «подозрительно» совпадает с процессом распространения в окрестных степях среднесарматской археологической культуры (ведущим элементом которой сегодня единодушно представляют аланов и их союзников) по новейшим хронологическим штудиям И. В. Сергацкова и А. С. Скрипкина; она отражает несколько иную модель взаимоотношений с кочевниками [Яценко 2006б: 126].

Наряду с кочевыми аланами и горожанами-греками в Танаисе, у устья Дона, в начале I в. появляется довольно густая сеть поселений с преобладанием земледельцев-меотов; предполагается, что они были переселены туда с Кубани боспорским царем сарматского происхождения Аспургом (11/14–37) (который, вероятно, разместил в новой группе поселений и часть лояльных сарматов) [см., например: Глебов 2006: 20]. Рискну предположить, что дань как от донских меотов, так и от некоторых (прилегающих с юга к Золотому кладбищу) групп кубанских меотов в определенные периоды боспорские власти и аланы могли получать *совместно*. Такой опыт надежно документирован в политической практике европейских кочевников того времени (так, сарматы и германцы-квады совместно наложили дань на племя озов: Tacit. Germ. 43)¹⁹. При этом курганы высшей аланской знати находятся либо вблизи меотских городищ («Дачи» у Крепостного) или прямо на их некрополе (Кобяково, курган 10). В последнем случае знатная дама, видимо, получала дань от жителей этой крепости; для связанной с аланами Аорсии подобные ситуации надежно документированы (в 80-х гг. крепость Алектор, входившая в хору Ольвии, уплачивала дань персонально жене царя «савроматов», т. е. Инисмея: Dio Chrys. Orat. Borisph. II. 48)²⁰. Аланы, в отличие от зависимых номадов Кубани,

---

¹⁹ Меоты были «идеальными» данниками для сармато-аланов, среди прочего, и потому, что и у тех и у других одним из основных продуктов питания было просо (в частности – пшенная каша с молоком) (Plin. NH. XVIII. 100; Claud. Ael. Var. hist. III. 39).

²⁰ Еще одним примером такого рода можно считать небольшое городище при хут. Батальщиков у ст. Мигулинской на севере аланских владений, где в 1864 г. было обнаружено «тайное» царское женское погребение, впущенное в склон холма [Амфилохий 1865: 197]. Городище было осмотрено в начале 30-х гг. XX в. экспедицией ГАИМК [Археологические исследования 1941: 172], однако осмотр местности Е. И. Беспалым и Б. А. Раевым в 90-х гг. уже не обнаружил его остатков.

Верхнего Дона и Центрального Предкавказья, не оседают на землю, а лишь кочуют на границах угодий своих данников. В районе устья Дона выявлена на одном из участков сеть небольших кочевых стоянок с амфорами и иной керамикой I–II вв. с расстояниями между ними от 500 до 1000 м; над ними, у края донской пойменной террасы, находится обычно небольшой курганный могильник²¹.

Другим «парадоксом» можно считать то, что длительное прямое соседство Алании с периферией античного мира (Боспором, Ольвией, Грузией), активная торговля с Римом, частые контакты с Арменией не вызвали у аланской элиты ни особого интереса к греко-римской культуре, ни подражаний ей. Есть все основания полагать, что правители Алании *сознательно боролись* с воздействием более развитых земледельческих государств, окружавших ее с запада и юга (подобно тому, как это делала, по китайским источникам, аристократия монгольских хунну). «Античные импорты» обычно ограничивались военными трофеями и редкими случаями ремонта (копирования) собственных ювелирных реликвий, закупкой отдельных мелких аксессуаров костюма (серег или коле), бисера и бус для расшивки одежды. При наличии в распоряжении аланской знати больших ресурсов, не возникло ничего подобного высокохудожественной греко-скифской торевтике V–IV вв. до н. э.

При этом, в отличие от других кочевых группировок Сарматии, только донские аланы носили массивные золотые вещи со вставками подлинных самоцветов – реликвий восточной прародины; соседи же довольствовались более дешевыми подражаниями им со вставками стекла [см., например: Ставиский, Яценко 2002: 158, 167–168]. Дело в том, что правители аланов явно остались верны вкусам южноказахстанской (канцзюйской) прародины, бережно храня древние ювелирные изделия и позже их отчасти копируя [см., например: Яценко 2000: 178–179]. В курганах высшей знати нижнего Дона случайно подобранные партии римской серебряной художественной посуды успешно «конкурируют» с серебряными сосудами, видимо, изготовленными в мастерских автономных окраин парфянского Ирана – Мидии-Атропа-

---

²¹ Материал наших регулярных сплошных осмотров на участке Левобережья между городами Азовом и Батайском в 1978–1981 гг. в период весенних паводков. Сборы хранятся в Азовском музее [см., например: Яценко 19946].

тены и Адиабены (бывших объектами аланских походов); похоже, эти, провинциальные по манере для Ирана, изделия были ближе вкусам новых аланских хозяев.

Нетрудно заметить, что Сенека и «Гегесипп» подчеркивают *дикость* аланов (явно имея в виду при этом не военную жестокость или какие-то особо «нецивилизованные» обычаи на фоне множества иных окружающих Империю варварских племен, а что-то иное). Думаю, имеется в виду именно упорное нежелание столь влиятельного соседа входить в культурную орбиту греко-римского мира. Эта обособленность проявлялась и еще в одном важном аспекте. Если греческие купцы в IV в. до н. э. практически массово спаивали могучих скифов, то в отношении аланов мы не имеем ни археологических, ни письменных свидетельств подобного (последнее неудивительно и потому, что аланы и их потомки вплоть до позднего средневековья славились у соседей изготовлением самогона *rong* на основе проса, с добавлением меда и темным домашним пивом *æluton* [см., например: Абаев 1949: 338–353]). Правители Алании контролировали и лояльность подданных к традиционной религии. Так, последний, видимо, известный нам царь Гигианос прислал в Армению специальный отряд во главе с Барлахом казнить 15 перешедших в христианство знатных аланов во главе с Баракадом (Изобилие) «за отказ почитать богов царя»; казнь свершилась на горе Сукав (Джерабаш/Коседаг) (Антон Пустынник. Мученичество Сукиасянов). Одним из основных праздников были, вероятно, «мистерии» в честь божества р. Дон (Danu/Танаис), упоминаемые Ямблихом Драмматиком (Babylon. fr. 9)²² (важная роль поклонения речным божествам сохранялась в алано-осетинском язычестве еще в XIX в.).

Третий «парадокс» донских кочевников древнейшей Алании связан с тем, что, сравнивая данные Страбона и Плиния (ко времени установления аланской власти в степях) со сведениями Птолемея (источники новых сведений у которого в основном датируются началом

---

²² Видимо, этот праздник проходил в декабре-январе, как и (возможно – тот же самый) ежегодный День Танаиса, упоминаемый в танаисской надписи со 104 г. н. э., и как более поздний осетинский праздник Доныскæгфæн в начале января (последний сопровождался жертвоприношениями реке разных животных [Уразиати 1987: 66]). В осетинском язычестве общим богом всех крупных рыбных рек был Доффа.

II в.), обнаруживаем всего за несколько десятилетий в подвластных им степях настоящий «градостроительный бум». Как сарматологов, так и античников сведения Птолемея до сих пор шокируют, и им не дано надлежащего объяснения²³. Между тем, в истории кочевых народов античности подобные примеры надежно документированы (достаточно вспомнить основание серии городов царицей кочевых саков Заринеей по Ктесию и возникновение двух крупных городов в степях Скифии IV в. до н. э.). К сожалению, эти города специально почти не разыскивались и, следовательно, не изучены. Можно полагать, что в этих центрах концентрировалось зависимое земледельческое население и пленные мастера. Несомненно, Птолемею осталась неизвестна часть новых городских центров, т. к. он перечисляет лишь те, которые находились на основных торговых путях вдоль главных рек или на морском побережье; новшество автора – географические координаты конкретных населенных пунктов – для интересующих нас городов, увы, тоже весьма не точны. В низовьях Дона выше Танаиса Птолемей называет новые города Наварис (видимо, это самое удаленное от моря Кобяково городище с крупным ремесленным производством, определенным процентом сарматских погребений в грунтовом некрополе и курганом сарматской аристократки, клан которой, как уже отмечалось, контролировал это поселение) и Дальний город (Эксополис) выше по течению, у большой излучины Дона, в землях периербидов (район его затоплен Цимлянским водохранилищем) (Ptol. Geogr. V. 8. 16). Без учета поселений «поздних скифов» на нижнем Днепре, на северном побережье Азовского моря (вдали от границ Боспора) возникают новые города Лейан, Акра, Агар и Гигреи (этот участок побережья за последнее столетие поглощен Азовским морем; данным побережьем владели как роксоланы, так и аланы). На средней Кубани (в районе Золотого кладбища и чуть восточнее) это Корусия, Эрбиапа и Серака (Ptol. Geogr. V. 8. 18) (последняя находилась примерно в районе современного г. Армавира, где известно разрушенное роскошное княжеское погребение, т. н. «покупка Эрмитажа» 1904 г.). В результате Алания предстает как настоящая «страна городов».

---

²³ Единственным (и весьма неубедительным) объяснением является мнение, что Птолемей (живший в одном из крупнейших городов мира и бывший кабинетным ученым) якобы не осознавал четко критерии города и называл городами небольшие поселки (!). Однако терминология в «Географическом руководстве» в целом прямо этому противоречит.

«Политическая философия» ранних аланов была проста. Как представляется, ее неплохо отражают ранние тексты осетинского нартского эпоса: «нарты» постоянно озадачены тем, не осталось ли где-нибудь (вблизи или вдали) не опустошенной еще ими («не съеденной») области, «которая менее сломлена», чем остальные, и нуждается в постепенном разорении? [Дзицойты 1992: 109]. Если дальние походы протяженностью 12 и 20 лет – лишь преувеличение сказителей, то акции протяженностью 1–2 года фантазией не были. Протяженность неоднократных походов аланов впечатляет: если даже считать *по прямой и без учета переправ через реки, обхода гор и др.*, то в оба конца – до Армении не менее 1800 км, до Мидии или Адиабены – не менее 2800 км. Аланы стабильно враждебны Ирану и в основном (видимо, до конца правления Траяна) враждебны Армении. Напротив, с непосредственными соседями – Северной Иберией и Боспором их отношения выглядят вполне дружественными. Для проведения такой внешней политики была необходима активная дипломатия (главным языком международного общения в данном регионе тогда оставался греческий)²⁴. С соседними государствами – Арменией, Боспором и, возможно, Грузией²⁵ были династические браки; характерно, что Алания при этом всегда рассматривалась как *младший* партнер (т. е. давала невест).

Однако крупные дальние походы были не слишком часты. Аланская элита должна была получать все необходимое от оседлых племен – данников. Таковыми могли быть, прежде всего, некоторые племена западного и центрального Предкавказья и северные этносы лесостепи

---

²⁴ Свидетельств дипломатической переписки европейских кочевников римской эпохи сохранилось немало. Так, уже в начале I в. н. э. в Рим к императору Августу прибыли послы сарматских царей, живших в востоку от Дона (August. Res Gestae. 31.1). В Риме известно надгробие «Аспурга, переводчика сарматов» [Кулаковский 1899а: 6; прим. 3]. Сохранилось, к сожалению, лишь одно письмо царя аорсов Эвнона императору Клавдию 49 г. н. э. (Tacit. Annal. XII. 18.2). Много позже, в 301 г., царь предкавказских аланов получил письменное приглашение прибыть в столицу Армении на международное совещание [Марр 1905: 115].

²⁵ Иначе трудно объяснить наличие имени сарматского облика Ксефарнуг у домоуправителя картлийского царя Фарасмана, как и происхождение имен ряда других грузинских вельмож.

бассейна Дона и отчасти Днепра. Судя по римским источникам, от степных варваров в империю попадало в это время большое количество рабов, а также мехов, меда и т. п.; видимо, это и было частью дани. Через степи, контролируемые аланами, попадал на восток балтийский янтарь. Похоже, аланская знать, в отличие от своих предшественников аорсов, не только собственными силами организовывала караванную торговлю, но и более активно приглашала греческих и кавказских купцов. Показательно, что если донские аорсы в I в. до н. э., не желая конкуренции, не допускали греческих купцов дальше устья Дона (Strabo. Geogr. XI. 2.2), то на рубеже I–II вв. последним становятся известны уже и ее верховья [Кулаковский 1988б: 17]²⁶. Аланы, видимо, поддерживали торговлю в двух из трех крупнейших «варварских торжищ» Северного Причерноморья – в Танаисе и Диоскуридаде. Торговля обходилась не только без собственной монетной чеканки, но и вообще без использования монеты (хотя зависимая от аланов Аорсия при Фарзое чеканит в Ольвии золотую монету с экономическими целями [Карышковский 1982: 22–24]). В отличие от кочевых империй Центральной Азии, Алания не столь нуждалась в специальном поддержании дорожной сети: трассами служили крупные реки и морские побережья. Кроме них, несомненно, существовали и «варварские дороги» (упоминаемые в одной из боспорских надписей); вероятно, они были подобны «шляхам» крымских татар позднего Средневековья и шли по водоразделам степных рек, ориентируясь в пределах видимости на крупные курганы эпохи бронзы. Важной статьей дохода был также захват пленных (осетин. *wasajrag*) и последующий их выкуп²⁷. Последний происходил в определенных пограничных пунктах, и своеобразным паролем к началу переговоров было аланское слово *zirin* (золото) (см.: Лус. Тох. 39).

Как выглядит организация крупных и дальних военных акций ранними аланами в свете письменных источников? Возглавляет вой-

---

²⁶ Вместе с тем, в могилах аланской знати известны, например, античные весы (Чугуно-Крепинка, курган 2) и, видимо, гири от них (случайные находки из бывш. Романовского и Мечетинского районов Ростовской области в Ростовском областном музее).

²⁷ Ср. характерный фрагмент молитвы отправляющегося в набег рядового воина в нартском эпосе: «Боже.., устрой так, чтобы я добыл пленника или хоть немного скота» [Ванети 1935: 209].

ско царь (или два соправителя), который стремится к личному поединку с главой вражеской армии (наиболее позорным для противника было оказаться плененным с помощью аркана)²⁸. Крупные акции готовятся заранее, при участии покоренных племен и союзников (пропускающие через свою территорию горные регионы – Картли, Гиркания). Противник обычно знает о замышляемом походе, но точный маршрут ему неизвестен. Захватываются заложники из самых богатых семей и портативные дорогие предметы (драгоценности и отрезки дорогих тканей), породистый скот. В процессе грабежа войска рассыпались («огромными толпами распространились») по стране. В случае опасности аланы могли предоставлять союзникам на короткое время войска для гарнизонной службы в крепостях [Мровели 1979: 34].

Общественное устройство Алании документировано скудно (к сожалению, практически не сохранилось основное сочинение – «Аланская история» Флавия Арриана, на которое ссылаются более поздние авторы, как и ряд других важных источников). Модель общества донских аланов заметно отличается от таковой у сарматов III–I вв. до н. э. и связана, вероятно, с их канцзюйской прародиной [Яценко 2006б: 123–125]. Она представляется следующей. В Алании правили цари из рода Аравелианов, считавшегося, «потомками богов», где власть передавалась от отца к сыну (Мовсес Хоренаци. История Армении. II. 50, 52, 58) [Мовсес Хоренаци 1990: 100–101, 108]. Допускалось и *соправление двух братьев* (Базук и Амбазук; вероятно, у западных соседей – «величайшие цари Аорсии»; позже, у предкавказских аланов III в. – Пероз/Ферош и Кавтия). У осетин сохранилось древнее предание о происхождении царской власти; согласно ему, первым царем стал некий Фарнак (Фарнаг), помиривший две группы врагов на общественном пиру и завещавший делать это своему сыну [Нарты кадджиттаэ 1989: 61–62]²⁹. Насколько можно судить по нашим скуд-

---

²⁸ То же повторилось много позже, в 316 г., с армянским царем и правителем аланов-барсиллов (басилов) Гедреоном (Ованес Мамиконян. История Тарона) [Армянские источники 1985: 24].

²⁹ Возможно, прототипом этого образа был реальный царь соседнего Боспора I в. до н. э. с тем же иранским именем. Не случайно могильный склеп «легендарного» Фарнага локализуется в эпосе во владениях боспорского царя – «Владыки рыб – хозяина пролива» [Дзищойты 1992: 223].

ным и фрагментарным источникам, значительную часть «благополучной» истории Алании (примерно с конца 80-х гг. I в. до 30-х гг. II в.?) здесь правил один царь, отец легендарной Сатиник; Антон Пустынный сообщает его персидское (!) имя Шапур (Шапух). Имеется описание Псевдо-Плутархом церемонии *избрания* на царство. Оно происходило на берегу Дона. Будущий правитель якобы искал на берегу камень, похожий на горный хрусталь, после чего получал царский скипетр своего предшественника (Plut. De flav. IXV. 3). Понятно, что при таком обычае надеяться на находку подобного скипетра в царской могиле нереально³⁰. Правитель, несомненно, имел право первым вступать в бой со знатным врагом. Так, Базук (Плечистый), будучи старшим, начал поединок с армянским Смбагом раньше брата [Мровели 1979: 34]³¹. В описаниях членов царского рода у разных группировок аланов (даже женщин, как Ашхен) как армянскими, так и грузинскими хронистами подчеркивается их высокий рост и физическая мощь. Об аристократах из Аравелианов в армянском «Мученичестве Воскянов» говорится, что они «были прославлены и могучи, принадлежали к высшему сословию [Армении]³² и были первыми в сражениях» [Габриелян 1989: 49].

---

³⁰ На первый взгляд может показаться, что сведения о поисках блестящего кристалла – лишь фантазия греко-римского литератора. Однако сегодня известна серия *женских* могил на территории Алании с различными оригинальными скипетрами (с навершиями из древних «громовых» булав или подработанных топоров эпохи бронзы) или особыми ритуальными топориками-скипетрами. И именно в этих комплексах находят либо друзу кристаллов горного хрусталя (Сладковка, курган 14; Высочино V, курган 18), либо кусок опала (Чугуно-Крепинка, курган 2). Этот обычай типологически близок также поздним осетинским представлениям о необходимости чудесного обретения падающей с неба т. н. «бусины счастья», дающей ее владельцу частичку небесной благодати (*farn*). Во многих случаях такая бусина должна быть из полупрозрачного камня, светиться в темноте и т. п.

³¹ Этой привилегии представители царских родов разных группировок аланов держались твердо. Так, в 553 г., когда византийский флот Велизария готовился к десанту в Тунис против томошних вандало-аланов, выяснилось, что один из воевавших на стороне Константинополя «аланов-массагтов», происходя из царского рода, имеет наследственное право первым начинать любой бой [Прокопий Кесарийский 1891: 133].

³² В Армении родственники аланской царевны Сатиник из ее клана, бывшие в свите, были включены в высшее сословие нахараров.

Царский клан возвышался над сословием знати (искаженное *ardār* в боспорских надписях, *ældar* у осетин; сравн. «благородные» у роксоланов: Tacit. Annal. I. 79). Из высших должностей известен лишь «второй человек в стране», «возлежавший (на пирах) на втором месте после царя». Из рассказа Антона Пустынника в «Мученичестве Сукиасянов» следует, что он не принадлежал к царскому клану, а должность не была пожизненной; Барлах предлагает ему: «Возвратись к прежним почестям, воссядь на втором престоле» [см.: Памятники 1973: 179]; в этом описании традиции кочевников невольно «подгоняются» под тогдашние армянские представления. К сожалению, самые богатые (царские) могилы аланов (в курганах Хохлач, Садовый, Чалтырь, Дачи, Высочино VII, Тузлуки, в холме у Мигулинской) были разграблены или разрушены, и их материал известен лишь фрагментарно. Однако даже сегодня ясно, что у знатных женщин важным знаком ранга были диадемы. В могилах царской царского клана они из массивного золота, со вставками самоцветов и античных антропоморфных изображений (Хохлач, Мигулинская), в более скромных могилах аристократок (Кобяково, курган 10) – лишь с наклеенными полосками золотой фольги (у жен же дружинников подвластного Прикубанья, как в Усть-Лабинской, – из бронзовой фольги, обклеенной золотом).

Отряды дружинников (*æmbal*) фигурируют у более поздних групп аланов (середина II – конец IV в.). В донской же Алании, возможно, групп профессиональных дружинников не было. Так, царь Гигианос для карательной акции в Армении не отправил дружину, а «выбрал из войск своих мужей отважных и, вооружив их, послал» («Мученичество Сукиасянов»). Для походов на юг (в частности – для борьбы против персидских и армянских тяжеловооруженных катафрактариев) привлекали дружины кубанских сираков, в могилах которых подчас находят кольчужные и комбинированные доспехи, причем не только для всадников, но и для лошадей. Юные конные дружинники в панцирных рубахах и иногда штанах, с длинными копьями сражаются с боспорцами в росписи «склепа Ашика», открытого в Керчи в 1841 г. и датируемого ныне 3-й четвертью I в. [см.: Ростовцев 1913: табл. LXXXVIII, 2]. Простые воины подлежали переписи (см. выше). Рядовой, но храбрый и популярный воин мог даже назначаться послом в крупную страну (Luc. Тох. 44–49). В аланской орде, по

сравнению с предшественниками-сарматами, наблюдаем более яркие социальные контрасты. В собственном домене аланов у устья Дона явственна пропасть между простыми воинами с их нищими могилами и аристократией, буквально тонущей в золоте, самоцветах, китайских шелках, римской серебряной посуде и предметах персидской добычи. Женщины-воительницы на территории аланского объединения были, но их процент, судя по погребениям, невысок³³. В дальние набеги призывали в основном «юношей аланских» (Мовсес Хоренаци. История Армении. II. 50). В одном из самых ранних сюжетов осетинского эпоса («О происхождении пива») описаны детали организации очень дальних набегов (которые в Средневековье уже не предпринимались). В поход отправлялась большая группа юношей-сверстников сразу после заключения браков. По возвращении из балца (военного похода) воина ждал ребенок-первенец и приготовленная женой особая большая партия домашнего пива в котле [Нарты 1989: 35]. После третьего серьезного похода воин получал всю совокупность прав взрослого мужчины [Чочиев 1985: 111].

Подведем итоги нашего анализа. В сфере систематизации общественного строя кочевых группировок Степи мне наиболее импонирует то, что предлагалось в последние годы Н. Н. Крадиным. По имеющимся (хотя и весьма фрагментарным) материалам донская Алания I–II вв. предстает в его классификации как кочевая империя, по ряду важных параметров *переходная от даннического типа к завоевательному* [см., например: Крадин 2006: 493–494]. Мне кажется, что Аланию того времени еще нельзя считать раннегосударственным образованием.

Литература

- Абаев В. И. 1949. *Осетинский язык и фольклор*. Т. 1. – М.; Л.: АН СССР.
Абаев В. И. 1982. *Нартовский эпос осетин*. – Цхинвали: Иристон.
Алемань А. 2003. *Аланы в древних и средневековых письменных источниках*. – М.: Менеджер.

Амфилохий, архиманд. 1865. Находки древностей в юрту станицы Мигулинской. *Древности. Труды Московского археологического общества*. Т. 1. – М.

---

³³ В это время у кочевников Приазовья (сираков, язаматов) женщины-воительницы обычно стреляли во врагов из луков и кидали аркан (Pomr. Melae. De Chorogr. I. 114; III. 4. 35).

Армянские источники... 1985. *Армянские источники об аланах. Документы, материалы, комментарии* (Сост. Р. А. Габриелян). Вып. II. – Ереван: ИНИОН АН АрмССР.

Археологические исследования... 1941. *Археологические исследования в РСФСР 1934–1936 гг. Краткие отчеты и сведения.* – М.; Л.

Ванети З. 1935. Общество нартов (Опыт социально-исторического анализа нартовских сказаний). *Известия Юго-Осетинского НИИ.* Вып. II. – Сталинир.

Ванеев З. Н. 1959. *Средневековая Алания.* – Сталинир: Иристон.

Виноградов Ю. Г. 1994. Очерк военно-политической истории сарматов в I в. н. э. *Вестник древней истории.* – № 3: 151–170.

Габриелян Р. А. 1989. *Армяно-аланские отношения (I–X вв.).* – Ереван: АН АрмССР.

Глебов В. П. 2006. Эллинистический Танаис и варвары Нижнего Подонья. *Город и степь в контактной евро-азиатской зоне* / Отв. ред. В. В. Мурашова. – М.: Нумизматическая литература: 19–20.

Грантовский Э. А. 1981. О некоторых материалах по общественному строю скифов. «Родственники» и «друзья». *Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье.* – М.: Наука.

Гутнов Ф. Р. 1995. *Аристократия алан.* – Владикавказ: Ир.

Гутнов Ф. Р. 2001. *Ранние аланы. Проблемы этносоциальной истории.* – Владикавказ: Ир.

Дзиговский А. Н. 2003. *Очерки истории сарматов карпато-днестровских земель.* – Одесса: ОНУ.

Дзицойты Ю. А. 1992. *Нарты и их соседи. Географические и этнические названия в нартовском эпосе.* – Владикавказ: Алания.

Дюмезиль Ж. 1976. *Осетинский эпос и мифология.* – М.: Наука.

Дюмезиль Ж. 1990. *Скифы и нарты.* – М.: Наука.

Ждановский А. М., Марченко И. И. 1988. Сарматы в Прикубанье. *Проблемы сарматской археологии и истории* / Отв. ред. В. Е. Максименко. – Азов: АЗИКМ: 42–56.

Зуев Ю. А. 1995. Сармато-аланы Приаралья (Янцай-Абзойя). *Культуры кочевников на рубеже веков: проблемы генезиса и трансформации* / Отв. ред. К. Б. Кекилбаев. – Алматы: 38–45.

Калоев Б. А. 1959. Мотив амазонок в осетинском нартовском эпосе. *Краткие сообщения Института этнографии АН СССР.* Вып. XXXII. – М.: 45–51.

Карышковский П. О. 1982. Ольвия и Рим в I в. н. э. *Памятники римского и средневекового времени в северо-западном Причерноморье.* – Киев: Наукова думка: 6–28.

Ковалевский М. 1886. *Современный обычай и древний закон. Обычное право осетин в историко-сравнительном изучении*. Т. I–II. – М.

Крадин Н. Н. 2006. Кочевники, мир-империи и социальная эволюция. *Раннее государство, его альтернативы и аналоги* / Под ред. Л. Е. Гринина и др. – Волгоград: Учитель: 490–511.

Кудрявцев О. В. 1957. *Исследования по истории балкано-дунайских областей в период Римской империи и статьи по общим проблемам древней истории*. – М.: Изд-во МГУ.

Кузнецов В. А. 1899. *Алано-осетинские этюды*. – Владикавказ: СОИГИ.

Кулаковский Ю. А. 1899а. *Аланы по сведениям классических и византийских писателей*. – Киев.

Кулаковский Ю. А. 1899б. *Карта Европейской Сарматии по Птолемию*. – Киев.

Луконин В. Г. 1979. *Иран в III в. н.э. Новые материалы и опыт исторической реконструкции*. – М.: Наука.

Малашев В. Ю. 2007. Культурная ситуация в центральных районах Северного Кавказа во II–IV вв. н. э. *Три четверти века. Д. В. Деопику – друзья и ученики*. – М.: Памятники исторической мысли: 487–500.

Марр Н. Я. 1905. *Крещение армян, грузин, абхазов и аланов святителем Григорием (Арабская версия)*. – СПб.

Марченко И. И. 1996. *Сираки Кубани*. – Краснодар: Изд-во КГУ.

Медведев А. П. 1990. *Сарматы и лесостепь (по материалам Подонья)*. – Воронеж: ВГУ.

Медведев А. П. 2006. Сарматы и лесостепные городища на верхнем Дону. *Город и степь в контактной евро-азиатской зоне* / Отв. ред. В. В. Мурашова. – М.: Нумизматическая литература: 34–35.

Миллер В. Ф. 1882. Черты старины в сказаниях и быте осетин. *Журнал Министерства народного просвещения*. Т. ССХХII, август. – СПб.

Мовсес Хоренаци, 1990. *История Армении* / Пер. Г. Саркисяна. – Ереван.

Мровели Л. 1979. *Жизнь картлийских царей. Извлечение сведений об абхазах, народах Северного Кавказа и Дагестана*. – М.: Наука.

Налбадян Г. М. 1977. Армянские личные имена сармато-аланского происхождения. *Вопросы иранской и общей филологии*. – Тбилиси: Мицниереба.

Нарты кадджитгае. 1989. Т. 1. – Орджоникидзе: Ир.

Нарты... 1989. *Нарты. Осетинский героический эпос*. Кн. 2. – М.: Наука.

Памятники... 1973. *Памятники армянской агнографии*. Вып. 1 / Пер. К. С. Тер-Давтян. – Ереван.

Пигулевская Н. В. 1956. *Города Ирана в раннем Средневековье*. – М.; Л.: АН СССР.

Прокопий Кесарийский. 1891. *История войн римлян с вандалами*. Кн. I / Пер. С. Дестуниса. *Записки историко-филологического факультета СПб. университета*. Ч. XXVIII. – СПб.

Пуздровский А. Е. 2007. *Крымская Скифия II в. до н. э. – III в. н. э. Погребальные памятники*. – Симферополь: Бизнес-Информ.

Раев Б. А. 1978. Металлические сосуды кургана Хохлач. *Проблемы археологии*. Вып. 2. – Л.: 89–94.

Ростовцев М. И. 1913. *Античная декоративная живопись на юге России: Атлас*. – СПб.: ИАК.

Сергацков И. В. 2000. *Сарматские курганы на Иловле*. – Волгоград: Изд-во ВГУ.

Сергацков И. В. 2006. Проблема становления среднесарматской культуры. *Раннесарматская и среднесарматская культуры. Проблемы соотношения: Мат-лы семинара Центра изучения истории и культуры сарматов*. Вып. 1 / Отв. ред. В. М. Клепиков. – Волгоград: Изд-во ВГУ: 37–58.

Симоненко А. А. 1993. *Сарматы Таврии*. – Киев: Наукова думка.

Симоненко А. В. 2000. Могильник Днепроводострой и сарматские памятники «восточной волны» в северном Причерноморье. *Нижевоолжский археологический вестник*. Вып. 3. – Волгоград: 133–144.

Скрипкин А. С. 1986. Проблемы расселения и этнической истории сарматов Нижнего Поволжья и Дона. *Древняя и средневековая история Нижнего Поволжья*. – Саратов.

Скрипкин А. С. 1992. *Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии, периодизации и этнополитической истории. Научный доклад в качестве дис...д-ра ист. наук*. – М.

Ставиский Б. Я., Яценко С. А. 2002. *Искусство и культура древних иранцев. Великая Степь, Иранское плато, Средняя и Центральная Азия*. – М.: РГГУ.

Стурлусон, Снорри. 1980. *Круг земной* / Пер. М. И. Стеблин-Каменского и др. – М.: Наука.

Уарзиати В. С. 1987. *Народные игры и развлечения осетин*. – Орджоникидзе: Ир.

Цезарь 2007. *Записки о галльской войне*. М.: Ламиртис

Чибиров Л. А. 1984. *Древнейшие пласты духовной культуры осетин*. – Цхинвали: Ирстон.

Чочиев А. Р. 1985. *Очерки истории социальной культуры осетин (традиции кочевничества и оседлости в социальной культуре осетин)*. – Цхинвали: Ирстон.

Чочиев А. Р. 1996. *Нарты-арии и арийская идеология*. – М.: Акалис.

Яценко С. А. 1993а. Аланская проблема и центральноазиатские элементы в культуре кочевников Сарматии рубежа I–II вв. н. э. *Петербургский археологический вестник*. Вып. 3. – СПб.: 60–72.

Яценко С. А. 1993б. Аланы в Восточной Европе в середине I – середине IV в. н. э. (локализация и политическая история). *Петербургский археологический вестник*. Вып. 6. – СПб.: 83–88.

Яценко С. А. 1994а. «Сага об инглингах» о донской Алании во II в. н. э.: Тезисы докладов междунар. науч. конф-ии, посвящ. 200-летию А. М. Шегрена / Отв. ред. А. А. Магомедов. – Владикавказ: СОГУ: 25–27.

Яценко С. А. 1994б. Процесс оседания кочевых аланов в Приазовье в середине I – середине III в. н. э.: города и кочевые стоянки. *Взаимодействие древних культур и цивилизаций и ритмы культурогенеза*. – СПб.: ИИМК РАН: 69–70.

Яценко С. А. 1997. Германцы и аланы: о разрушениях в Приазовье в 236–276 гг. н. э. *Stratum + Петербургский археологический вестник* / Под ред. М. Ю. Вахтиной, Ю. Г. Виноградова. – СПб., Кишинев: 154–163.

Яценко С. А. 1998. «Бывшие массагеты» на новой родине – в Западном Прикаспии (II–IV вв. н. э.). *Историко-археологический альманах*. Вып. 4. – Армавир; М.: 86–95.

Яценко С. А. 2000. О мнимых «бактрийских» ювелирных изделиях в Сарматии I–II вв. н. э. *Нижневолжский археологический вестник*. Вып. 3. – Волгоград: 172–185.

Яценко С. А. 2001а. *Знаки-тамги ираноязычных народов древности и раннего Средневековья*. – М.: Восточная литература.

Яценко С. А. 2001б. Об этносе – противнике Плавтия Сильвана в северо-западном Причерноморье около 62 г. н. э. *Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и в средние века: Мат-лы IX Междунар. науч. конф-ии 25–30 мая 1998 г.* / Отв. ред. В. П. Копылов. – Ростов-на-Дону: РГПУ: 115–117.

Яценко С. А. 2002. Особенности общественного развития сармато-аланов и их восприятие в других культурах. *Кочевая альтернатива социальной эволюции (Цивилизационное измерение. Т. 5)* / Отв. ред. Н. Н. Крадин, Д. М. Бондаренко). – М.: 126–135.

Яценко С. А. 2006а. *Костюм древней Евразии (ираноязычные народы)*. – М.: Восточная литература.

Яценко С. А. 2006б. К дискуссии о механизмах формирования среднесарматской археологической культуры. *Раннесарматская и среднесарматская культуры. Проблемы соотношения. Материалы семинара Центра изучения истории и культуры сарматов*. Вып. 1 / Отв. ред. В. М. Клепиков. – Волгоград: ВГУ: 118–129.

Vinogradov Yu. G. 1994. Greek epigraphy of the North Black Sea coast, the Caucasus and the Central Asia (1985–1990). *Ancient Civilizations from Scythia to Siberia*. Vol. 1. – Leiden.

Zajtsev Ju. 2007. The Late Scythian Culture of the Crimea in the Context of Scythian and Sarmatian Antiquities. *International and Interdisciplinary Conference “Scythians, Sarmatians, Alans. Iranian-Speaking Nomads of the Eurasian Steppes. Abstracts* / Ed. by A. Alemany, I. Arzhantseva. – Barcelona: UAB: 55–56.

Часть IV. СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ИМПЕРИИ ВНУТРЕННЕЙ АЗИИ

С. Г. Кляшторный

ДРЕВНЕТЮРКСКИЕ РУНИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК*

Одним из важнейших компонентов духовной культуры любого народа является его историческая память. Овладение письменной культурой, как правило, влечет за собой письменную фиксацию различных проявлений исторической памяти. С известными оговорками, касающимися неполноты письменного выражения собственной истории в любом архаическом социуме, зафиксированная историческая память определяет временную глубину самой культурной традиции. Вместе с тем именно в исторической памяти социума таятся в какой-то степени стертые и мифологизированные стереотипы, определяющие пути поиска истоков культурного наследия.

Наиболее важными памятниками древнетюркской культуры являются тюркские рунические памятники Монголии, Южной Сибири и Восточного Туркестана, памятники, обладающие двумя существенными для историка и неоспоримыми достоинствами – автохтонностью и аутентичностью. Однако в какой же мере рунические тексты являются носителями исторической памяти?

Уже в конце XIX – начале XX в. выдающиеся востоковеды своего времени В. В. Бартольд и И. Маркварт первыми исследовали с этой позиции тюркские памятники, выявили содержащуюся в них значительную долю историографической информации, сопоставили с иными группами источников и очень высоко оценили памятники как носители важных сведений, касающихся истории самих тюрков и созданных ими государств [подробнее см.: Кляшторный 1964: 5–17; Кляшторный, Лившиц 1978: 37–70]. Были четко определены три ос-

---

* Работа выполнена по проекту РГНФ – МинОКН Монголии (№ 07-01-92002а/Г) «Кочевые империи монгольских степей: от Хунну до державы Чингис-хана».

новные группы эпиграфических текстов, достаточно насыщенных историографической информацией. Это, прежде всего, собственно тюркские памятники Северной Монголии (орхонские памятники), затем немногочисленные тогда, в начале XX в., памятники уйгурской эпохи, найденные там же, где и тюркские, и наконец историографически наименее информативные из-за трудностей датирования енисейские памятники древних кыргызов. Начавшиеся в 60–70-е гг. прошлого века дискуссии о жанре памятников и их ценности как исторических источников так и не смогли поколебать уже сложившуюся высокую историографическую оценку рунических текстов. Более того, новые открытия древнетюркских памятников, связанные главным образом с полевыми исследованиями Советско-Монгольской историко-культурной экспедиции (1969–1990 гг.), принесли неожиданные результаты, касающиеся письменной фиксации исторической памяти у тюркских народов древности. Немало было сделано и в изучении енисейской эпиграфики.

Успехи изучения древнетюркской письменности к 60-м гг. XX в. создали ощущение известной завершенности историографической обработки этой сравнительно небольшой группы текстов. Между тем именно сенсационные результаты начального периода выявили такие труднейшие аспекты историко-культурной оценки памятников, решение которых оказалось надолго отложенным.

Остановимся лишь на некоторых из возникших загадок и тех открытиях, которые способствовали их разрешению.

Тюркский каганат возник на территории Монголии в 551 г. и, распространившись от Хинганских гор до Керченского пролива, стал первой евразийской империей, просуществовавшей 80 лет. Каганат был разрушен в 630 г., в период максимальной экспансии Танской империи, но через 50 лет возродился и просуществовал еще 50 лет. Все обнаруженные до недавнего времени на территории каганата памятники относились ко второму периоду его существования, к 20–30-м гг. VIII в. Следовало ли, исходя из этого факта, сделать вывод, что Первый каганат не знал ни письменности, ни историографической традиции? Что обычай устанавливать в поминальных комплексах тюркской знати стелы с историко-биографическими текстами возник лишь в эпоху Второго каганата? Такой вывод делался. Приведем мнение выдающегося знатока тюркской археологии Л. Р. Кызласова,

опубликованное им в 1965 г.: «Установка вертикальных стел с надписями (у курганов в рядах и одиночно) никогда не практиковалась алтайскими тюрками-тугю и другими племенами, входившими в Первый Тюркский каганат» [Кызласов 1965: 43]. И тогда никаких прямых доказательств иной альтернативы не было. А через 3 года была обнаружена стела с согдийским текстом, которую по месту находки я назвал Бугутской, стела, оказавшаяся частью погребального комплекса Четвертого Тюркского кагана Таспара [Кляшторный, Лившиц 1969]. По своему типу и содержанию стела совершенно подобна появившимся через 150 лет орхонским памятникам, хотя была установлена в 582 г. Среди событий, датированных по двенадцатилетнему циклу, там упомянуто и об учреждении в каганате буддийской сангхи.

Теперь несомненно, что Первый каганат знал и обычай установки стел с надписями при княжеских погребениях, и календарь, и свою историографическую традицию, а идеологическая жизнь тюркского социума в VI в. отнюдь не была примитивной. Вместе с тем, употребление здесь согдийского языка и письменности указывает, по крайней мере, на то, что великолепная культура и образованность Средней Азии была для тюрков явлением достаточно обычным и привычным.

Другая историко-культурная проблема связана с ареалом распространения тюркского рунического письма. Почти все найденные памятники концентрировались в центральных районах Северной Монголии и являлись составной частью княжеских поминальных комплексов. Исходя из этого, следовало бы признать, что письменная культура в Тюркском каганате была достоянием узкой аристократической группы, а территория ее распространения была очень ограничена.

Во время полевых работ в Монголии в 70–80-х гг. автор, имея в виду необходимость поиска бесспорных материалов для решения проблемы, осуществил целенаправленные рекогносцировки в Хангайской горной стране, Хэнтэе, Монгольском и Гобийском Алтае, в котловине Больших озер и в Южной Гоби. В ходе рекогносцировок установлено, что руническая письменность была распространена и активно использовалась во всей зоне обитания древнетюркских племен. А отсутствие профессионализма в исполнении мелких наскальных надписей указывает на значительное число людей, владевших письмом и использовавших его в обыденной жизни. В сравнении с раннесредне-

вековой Европой Тюркский каганат можно считать страной сплошной грамотности.

Обратимся теперь к другой группе памятников, к памятникам Уйгурского каганата. До 60-х гг. XX в. их было известно всего два – Карабалгасунская надпись и надпись из Могон Шине усу. В ходе работ СМИКЭ были открыты еще три крупных памятника разной степени сохранности [Кляшторный, Лившиц 1971а; Klyashtornyj, Livshits 1972а; Кляшторный 1980, 1987; Klyashtornyj 1983, 1985]. Какова их историографическая составляющая?

Две стелы, открытые в Хангайской горной стране, названы мной по долинам рек, где были установлены, Терхинской и Тесинской, и были сооружены в 753 и 762 гг. Историографические разделы обеих надписей, судя по сохранившейся части, достаточно близки по содержанию, и главная идея этих разделов, казалось бы, парадоксальна – уйгурские каганы VIII в., правившие в Монголии и Туве, считали себя наследниками и преемниками древних вождей, которые возглавляли огуро-огузские племена евразийских степей за сотни лет до них. И оба уйгурских государя, Элетмиш Бильге и Бёгю, которым посвящено повествование, сочли нужным напомнить об этом своим соплеменникам и своим подданным в высеченных на камнях декларациях. Они возвеличили тех, кто возглавлял племена и создавал Эль – кочевую империю, и они осудили тех, кто разрушал Эль в междоусобных и межплеменных войнах. Память уйгурских историографов охватила несколько эпох созидания и разрушения Элей, включая события более чем двухсотлетней давности. В начальных строках их повествования история слилась с мифом о сотворении и легендами о каганах-основоположниках. Время повествования определяется упоминанием общего кагана тюрков и огузов, Бумына, т. е. серединой VI в., а пространство событий – вся евразийская степь.

Ключевое слово в Тэсинской надписи – термин *бузук*. Сохраненное позднейшей огузской традицией (легендами об Огуз-хане, предке-эпониме огузских племен) и зафиксированное мусульманской историографией (Захир ад-Дин Нишапури, Ибн ал-Асир, Рашид ад-Дин) устойчивое деление огузов на два крыла, два объединения племен – *бузуков* и *учуков*, как теперь ясно, восходит к глубокой древности (о бузуках и учуках у средневековых туркмен см.: [Агаджанов 1969: 103]). Бузуки, правое крыло, соотносимое с восточной ориентацией, в

квазиимперских и имперских структурах огузов имели преимущества старшинства. Только из их среды выдвигался великий хан (каган), номинальный глава всех огузов, а иерархическое положение аристократии бузуков, их племенных вождей было более высоким, чем статус племенных вождей учуков.

Ко времени, о котором говорится в надписях, времени Бумын-кагана и его первых наследников, в двусоставной тюрко-огузской структуре Тюркского эля, место бузуков занимали десять тюркских племен, одно из которых, Ашина, было каганским племенем [Klyashtornyj 1999]. После распада каганата на восточную и западную части деление на бузуков и учуков в Восточнотюркском, а позднее и Уйгурском каганатах сменилось делением на *тёлисов* и *тардушей*, восточное и западное крылья, которые вместе с каганским центром-ставкой (*орду*) формировали военно-административную структуру Эля. В Западнотюркском каганате, в «народе десяти стрел» (как они сами себя называли), сложилась или проявилась иная древняя структура – деление на *дулу* и *нушиби*, восточное и западное объединения племен, соперничество между которыми часто приводило к междоусобным войнам.

В повествовании автора Тэсинской надписи вся вина за раскол и распрю возлагается на бузуков – вождей собственно тюркских племен, что совпадает с реальной событийной канвой, известной по другим источникам. Более всего в этой распре пострадали западные огузы-огуры, и авторы обеих надписей сочли нужным отметить гибель двоих, назвав их имена и их племена – вождя берсиллов Беди и вождя хазар (касар) Кадыра. Оба упоминания позволяют оценить прежде всего место обоих племенных союзов в исторической памяти огузов, в той политической картине ушедшего мира, с которым было связано и имперское величие, и крушение тюрко-огузского дуумвирата в евразийской степи.

Другое, не менее интересное наблюдение – и хазары, и берсиллы косвенно причислены к учукам, т. е. к западному крылу огузо-огузских племен. Обстоятельство тем более важное, что в позднейшей огузской традиции конца I – первой половины II тысячелетий берсиллы и хазары уже не фигурируют. Так же как *сиры* (*сеяньто* китайских хроник), они выпали из огузских объединений и создали собственные имперские структуры примерно в одно и то же время (в 630–647 гг.) [Кляшторный 1986].

Основная трудность, с которой сталкивается историк, интерпретирующий енисейские надписи, – проблемы абсолютной датировки и выявления связей с историческим контекстом описываемых в надписях событий. Прорыв обозначился лишь после того, как мне удалось достаточно достоверно датировать две надписи с Алтын-кёля, доказав, что мемориант одной из них – кыргызский каган Барс-бег, погибший зимой 710–711 гг. Так же датируется вторая надпись Алтын-кёля [Кляшторный 1976]. Примерно тем же временем датируется надпись именитого военачальника Чабыш Тон-таркана, которого Барс-бег незадолго до своей гибели отправил за поддержкой к Кара-хану, т. е. к тюркешскому кагану (надпись Уйбат I).

О тех же событиях повествует еще одна енисейская эпитафия (Кызыл Чираа I). Гибель ее героя, имя которого не сохранилось, случилась в сражении с войском Бег-чора. Но Бег-чор – это «мужское (воинское) имя» (*er aty*) Капаган-катана. Китайские династийные хроники так и называют этого кагана – Мочжо, т. е. Бег-чор. А в последней строке надписи мемориант оплакивает не свою кончину, а гибель своего старшего брата, хана кыргызов, т. е. Барс-бега. Назван даже возраст Барс-бега – 42 года. Напомним, что в эпитафии самого Барс-бега (Алтын-кель I) рассказывается о четырех «высокородных братьях», которых «разлучил Эрклиг», бог подземного мира.

Другие особо значимые надписи относятся к совсем иной эпохе, к эпохе мощного взлета кыргызской государственности и доминирующей роли кыргызов в Центральной Азии. Прошло 130 лет с момента гибели Барс-бега и 100 лет со времени краха Тюркского каганата, когда окрепшее Кыргызское государство сокрушило в 840 г. прежнего гегемона степей – Уйгурский каганат. Созданная кыргызами империя простиралась тогда от Ангары и Байкала до Алтая и Семиречья, от сибирской тайги до Великой Китайской стены.

Овладев северной и северо-западной Монголией, основной территорией уйгуров, кыргызы не остановились. Их власть распространилась на Алтай – в одной из надписей (Уюк-Оорзак III) упомянут кыргызский правитель нового юрта – ябгу Алтая. Но самое интересное сообщение содержит надпись с реки Бегре, правого притока Бийхема. Ее герой, именуемый не собственным именем, а титулом – *ичреки*, т. е. «доверенное лицо» Тёр-апа, рассказывает в своем посмертном повествовании: «В мои пятнадцать лет я ходил на китайского ха-

на. Благодаря моей доблести мужа-воина, своим геройством я захватил золото и серебро, верблюдов и жен!» Умирая в возрасте 67 лет, мемориант скорбит о разлуке со своей супругой, которую взял в свои 15 лет, т. е. во время китайского похода. Это повествование осталось бы изолированным и непонятым, если бы не другие, на первый взгляд не связанные с китайским походом сообщения.

До недавнего времени единственным памятником «кыргызского великодержавия» в Центральной Азии (840–918 гг.) считалась открытая в начале века Суджинская надпись [Кляшторный 1951]. Она написана неким «сыном кыргыза» Бойла Кутлуг-ярганом, участником победы над уйгурами. В первой строке надписи упомянут Яглакар-хан, которого первоначально посчитали за хана кыргызов и прообраз Манаса. Однако же, как было установлено, Яглакары – уйгурская ханская династия и в Суджинской надписи рассказано об ее изгнании и гибели. Между тем, в 1975 г. мною была открыта и прочтена в северо-западной Монголии, на р. Тэс, наскальная надпись, принадлежащая кыргызскому военачальнику Тёпек Алп Солу [Кляшторный 1978]. Удалось установить, что Алп Сол несколько раз упоминается в синхронных китайских документах, содержащих отчет о событиях в Центральной Азии в 842 г. Именно Алп Сол руководил кыргызскими отрядами, вторгшимися в китайскую провинцию Ганьсу и в государства-оазисы восточного Притяньшанья, вел переговоры с китайским министром в пограничной крепости Тяньдэ, а в 843 г. возглавил кыргызское посольство к императорскому двору, в столицу Китая, и возвратился с богатыми дарами.

Теперь можно утверждать, что единственный за всю историю кыргызов «великий поход» в Китай состоялся в 842–843 гг., на заре «кыргызского великодержавия» и возглавлял его кыргызский военачальник Алп Сол, чьи земельные владения находились на Алтае и в Туве. Прошло много столетий, но тот поход не забылся – он наложился на многие другие события, его герой получил у алтайских кыргызов иное имя – Алп Манаш, и когда в XVI в. кыргызы с Алтая переселились на Тянь-Шань, сказание о «великом походе» и его главным героем Манасе превратилось на новой родине в грандиозный народный эпос, вобравший в себя память о многих веках нелегкой истории кыргызского племени.

Литература

Агаджанов С. Г. 1969. *Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX–XIII вв.* – Ашхабад.

Кляшторный С. Г. 1951. Историко-культурное значение Суджинской надписи. *Проблемы востоковедения.* – № 5: 162–169.

Кляшторный С. Г. 1964. *Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии.* – М.: Наука.

Кляшторный С. Г. 1978. Наскальные рунические надписи Монголии. I, Тэс, Гурвалжин-ула, Хангыты-хад, Хэнтэй. *Тюркологический сборник 1975.* – М.: 151–158.

Кляшторный С. Г. 1980. Терхинская надпись. Предварительная публикация. *Советская тюркология.* – № 3: 82–95.

Кляшторный С. Г. 1983. Тэсинская стела. Предварительная публикация. *Советская тюркология.* – № 6: 76–90.

Кляшторный С. Г. 1986. Кипчаки в рунических памятниках. *Turcologica. К 80-летию академика А. Н. Кононова.* – Л.: 153–164.

Кляшторный С. Г. 1987. Надпись уйгурского Бёгю-кагана в северо-западной Монголии. *Центральная Азия. Новые памятники письменности и искусства.* – М.: 19–37.

Кляшторный С. Г., Лившиц В. А. 1969. Новая согдийская надпись из Монголии (предварительное сообщение). *Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока.* – Л.: 51–55.

Кляшторный С. Г., Лившиц В. А. 1971. Согдийская надпись из Бугута. *Страны и народы Востока.* Т. X. – М.: 121–146.

Кляшторный С. Г., Лившиц В. А. 1971а. Сэврэйский камень. *Советская тюркология.* – № 3: 106–112.

Кляшторный С. Г., Лившиц В. А. 1976. Стелы Золотого озера. *Turcologica. К 70-летию академика А. Н. Кононова.* – Л.: 258–267.

Кляшторный С. Г., Лившиц В. А. 1978. Открытие и изучение древнетюркских и согдийских эпиграфических памятников Центральной Азии. *Археология и этнография Монголии.* – Новосибирск: 37–70.

Кызласов Л. Р. 1965. О датировке памятников енисейской письменности. *Советская археология.* – № 3.

Klyashtornyj S. 1983. The Terkhin inscription. *Acta Orientalia Hungarica* 36 (1–3): 335–366.

Klyashtornyj S. 1985. The Tes inscription of the Uigur Bögü Qaghan. *Acta Orientalia Hungarica* 39 (1): 137–156.

Klyashtornyj S. 1999. The royal clan of the Turk and the problem of its designation. *Post-Soviet Central Asia.* – London: 366–369.

Klyashtornyj S., Livshic V. 1972. The Sogdian inscription of Bugut revised. *Acta Orientalia Hungarica* 26: 63–102.

Klyashtornyj S., Livshic V. 1972a. Une inscription inédite torque et sogdienne: la stèle de Sevrey (Gobi Méridionale). *Journal Asiatique* 259: 11–20.

ДРЕВНЕТЮРКСКИЙ КУЛЬТУРНЫЙ КОМПЛЕКС И КУЛЬТУРОГЕНЕЗ*

Древнетюркский культурный комплекс – это широкое культурно-историческое понятие, определяющее круг культурных явлений, существовавших в Центральной Азии, а также на прилегающих и – отраженно – более далеких территориях, в период господства тюркоязычных правящих династий. Последнее обстоятельство может служить одним из наиболее прочных оснований для выделения определенного исторического периода – древнетюркского времени или эпохи, самым ярким выражением которого является древнетюркский культурный комплекс. В хронологическом отношении формирование и развитие древнетюркского культурного комплекса охватывает время от появления тюрков Ашина в горах Монгольского Алтая (по С. Г. Кляшторному, 460 г.) до «цепной миграции» племен в самом начале II тысячелетия (по Л. Р. Кызласову) или в 30-х гг. XI в., приведшей к гибели последнего и самого северного государства, созданного тюркоязычными кочевниками – кимако-кыпчакского объединения.

За эти 500 с лишним лет сложнейшей этнополитической истории Первого и Второго тюркского каганатов, Уйгурского каганата и государства Сеяньто, этнополитических объединений кыргызов с центром на Енисее и кимако-кыпчаков с центром на Иртыше сложился уникальный симбиоз материальной, духовной и социальной культуры, лежащий в основе всех последующих процессов тюркского культурогенеза. Естественно, культура каждого из этих народов, особенно уйгуров и кыргызов, имела свои отличительные особенности; однако

---

* Работа выполнена в рамках проекта РФГФ – МинОКН Монголии (№ 07-01-92002a/G) «Кочевые империи монгольских степей: от Хунну до державы Чингис-хана» и программы Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям».

формационная (или культурно-историческая) модель у них оказывается общей и в этом качестве заслуживает особого рассмотрения.

Основным источником изучения древнетюркского культурного комплекса являются многочисленные археологические материалы, полученные в результате многолетних исследований по всей горно-степной полосе восточных районов Евразии – в Монголии и на Алтае, в Туве и в Минусинской котловине, в горных долинах Тянь-Шаня и в казахстанских степях. Они составляют огромный вещественный фонд древнетюркского культурного комплекса, включающий предметы вооружения и снаряжения верхового коня, детали поясных наборов, различного рода украшения, предметы бытового назначения и др. Во всех случаях, когда в погребениях находятся подобные артефакты, определение их культурной атрибуции (разумеется, с различной степенью точности – в зависимости от информативных возможностей памятника) сейчас не представляет значительной сложности. Другое дело – выяснение этнических индикаторов выделенных в настоящее время групп памятников и археологических культур, пока возможное только в широких пределах содержания ЭСО (по Ю. В. Бромлею), или этносоциальной общности. Помимо вещественного фонда культуры в состав древнетюркского культурного комплекса входят ритуальные памятники – знаменитые древнетюркские каменные изваяния с оградками и рядами камней-балбалов, а также наиболее устойчивые формы погребального обряда – в первую очередь так называемые «погребения с конем», распространенные в пределах древнетюркского мира повсеместно.

Вместе они образуют своеобразную *«тюркскую триаду»* (по аналогии со «скифской триадой» предшествующего времени), наличие которой в целом определяет границы древнетюркского культурного пространства (независимо от этнической принадлежности носителей той или иной культурной традиции). Вероятно, количество ведущих компонентов древнетюркского культурного комплекса можно было бы увеличить (за счет наскальных изображений определенного стиля, памятников рунической письменности и некоторых других не менее значимых элементов), как это случилось и со «скифской триадой», но в данном случае мы ограничимся тремя выделенными доминантами – вещественный фонд культуры, ритуальные сооружения, погребения с конем.

Вещественные материалы древнетюркского культурного комплекса в основном рассматривались с точки зрения типологического развития ведущих категорий сопроводительного инвентаря, что является основой археологической периодизации, отражающей ряд последовательных этапов древнетюркского культурогенеза (работы С. И. Вайнштейна, А. А. Гавриловой, А. Д. Грача, С. В. Киселева, Г. В. Кубарева, Л. Р. Кызласова, В. А. Могильникова, Б. Б. Овчинниковой, Д. Г. Савинова, Ю. С. Худякова и др.). Вместе с тем, возможны и иные подходы к изучению вещественного фонда культуры, в первую очередь структурный и генетический, позволяющие не только фиксировать последовательность развития различных категорий предметов древнетюркского культурного комплекса, но и проследить внутреннюю динамику генезиса составляющих его компонентов.

Структурный подход. Совершенно очевидно, что в реальной жизни и культурогенезе «участие» различных блоков материальной культуры не было однозначным. В этом отношении мнение некоторых исследователей о единовременном (или разовом) появлении древнетюркской культуры (или большинства составляющих ее компонентов) представляется неоправданным. Вещи, связанные непосредственно с хозяйственной деятельностью и бытом (топоры-тесла, зернотерки, деревянная утварь, различного рода костяные поделки, ножи, пряслица и др.), мало подвержены типологическим изменениям и существовали практически в том же виде на протяжении нескольких сотен и даже более лет. Эта самая традиционная и внеэтническая сторона культуры, в значительной степени детерминированная географической средой, интерпретация которой ближе к характеристике хозяйственно-культурного типа, чем к типогенезу. Значение этих элементов культуры, с точки зрения хронологии, минимально. Если в том или ином памятнике находятся только такие вещи (из-за сильной ограбленности могил иногда приходится сталкиваться с таким явлением), определение их культурной, а тем более этнической принадлежности в лучшем случае может быть только предположительным.

Другая, наиболее динамичная и восприимчивая к различного рода инновациям сторона материальной культуры – многочисленные предметы вооружения и снаряжения верхового коня (накладки луков, определяющие конструктивные особенности основного вида оружия дальнего боя; самые разнообразные по способам оформления нако-

нечники стрел; наконечники копий и предметы защитного вооружения; комплекс предметов снаряжения верхового коня – стремяна, удила, псалии и др.). Эти элементы культуры, от эффективного использования которых в конечном счете зависели безопасность и благосостояние своего этноса, распространялись очень быстро в разнотипной среде на одном хронологическом «срезе», что создает видимость однообразия воинских и всаднических атрибутов в пределах всего кочевого тюркского мира.

Механизм передачи этих инноваций мог быть самым разнообразным: захват трофеев, копирование наиболее рациональных (или наиболее эффективных) образцов, использование пленных (иноплеменников) для изготовления подобных предметов вооружения и др. Очень интересная мысль применительно к эпохе ранних кочевников была высказана А. Д. Таировым: обмен наиболее эффективными достижениями в этой области развития культуры мог происходить во время проведения так называемых «сезонных» праздников, характерных для всех кочевнических обществ и, как правило, по составу участников «интернациональных».

Дифференциация этих элементов культуры возможна, исходя, главным образом, из деталей, «вторичного» оформления предметов (характер изгиба дужки стремени, форма срединной накладки лука, наличие и форма прорезей в лопастях наконечников стрел, декорировка косяжными пластинами низких лук седел и т. п.). Эти признаки, которые можно назвать этническими, в сочетании с особенностями погребального обряда лучше всего отражают ту или иную культурную традицию. Именно их можно назвать *этническими «индикаторами» культуры*. В настоящее время такие «индикаторы» могут быть установлены для культуры племен кимако-кыпчакского объединения (сросткинской), культуры енисейских кыргызов и, возможно, некоторых других.

Третий составляющий блок предметной части древнетюркского культурного комплекса – вещи ранжированной (по В. М. Массону – элитарной) культуры. Это – наиболее яркие украшения, богато декорированные детали поясных наборов, художественные изделия, серебряные сосуды и зеркала, иногда снабженные руническими надписями, представляющие собой «государственную» культуру в системе ценностей данного этнополитического объединения. Источником ин-

новаций в этом блоке культуры часто служили заимствования со стороны «имперской» моды соседних государств – Византии и Китая, Сасанидского Ирана и Согда. Социальная окраска этих элементов культуры выражена наиболее отчетливо, а преобладание тех или иных видов изделий и приемов их декорировки указывает на социокультурную ориентацию данного этнополитического объединения, что может быть сопоставлено со сведениями письменных источников (экзополитарная система связей по Н. Н. Крадину).

Приведенные блоки предметной части древнетюркского культурного комплекса отражают разные «уровни» развития культуры, которые условно можно определить как традиционно-хозяйственный, формационный и культурно-исторический. Теоретически если не каждый, то весьма значительное количество археологических памятников этого времени должны отражать сочетание этих трех уровней существования древнетюркской культуры, указывающих на место носителей данной культурной традиции: в определенной хозяйственно-экономической (этнографической) среде, в системе других военизированных обществ, в составе конкретного этносоциального (этнополитического) объединения. К сожалению, на практике это сделать удастся далеко не всегда. Тем не менее разные уровни развития культуры представляют объективную реальность. Каждый из них «живет своей собственной жизнью»; и это необходимо учитывать при дальнейших типологических разработках, в частности при определении длинной или короткой хронологии той или иной категории предметов. Наиболее перспективной в данном случае представляется разработка «скользящей», т. е. пространственной хронологии, что в древнетюркской археологии еще не производилось. Обычно все культурные новации рассматриваются здесь на одном хронологическом «срезе», в соответствии с общепринятой археологической периодизацией (алтайская модель).

Генетический подход. Для всех проявлений древнетюркского культурного комплекса характерна «оптимизация» предметного фонда культуры, когда постоянно действует естественный отбор, изымающий из практики все лишнее, тяжелое, не имеющее «знаковой» сущности, не приспособленное к транспортировке. Раз найденное удачное конструктивное решение того или иного предмета быстро доводится до совершенства и уж более не меняется. Примеры подоб-

ного рода достаточно многочисленны: седло с жесткой основой, лук с роговыми накладками, металлические стремена с отверстием на пластине, трехперые наконечники стрел с костяными насадами-«свистунками», кубки на коническом поддоне, поясные бляхи-оправы и др. Именно этот набор культурных элементов, появившихся в разное время и в дальнейшем адаптировавшихся в различной этнокультурной среде, является как бы «стержнем» развития древнетюркского культурного комплекса. В этом отношении существующие точки зрения о «консервативности» или «застойности» кочевых обществ, вытекающие в лучшем случае из особенностей традиционно-хозяйственного блока культуры, представляются глубоким анахронизмом. Наоборот, социокультурная динамика кочевнических обществ, поставленных в более жесткие природные условия, опережает земледельческие, развитие которых продолжается, по сути, до сих пор.

Истоки многих элементов древнетюркского предметного комплекса уходят в скифскую древность. Таковы деревянные блюда-столики, приборы для добывания огня (так называемые «огневые доски»), седла с низкими округлыми луками, эсвидная форма псалий, поясные накладки с прорезью в нижней части, некоторые мотивы «звериного» стиля и др. Обращает на себя внимание, что большинство этих предметов, образующих *«скифский пласт»* в древнетюркском предметном комплексе, выполнено из органических материалов и отражает наиболее традиционную сторону культуры, непосредственно не связанную с ведением военных действий и социальным ранжированием общества. Вероятно, число этих элементов, по нормам погребального обряда не входивших в состав сопроводительного инвентаря, могло быть значительно бóльшим, что указывает на значение «скифского пласта» в сложении традиционной культуры населения древнетюркского времени.

К периоду хуннских завоеваний в основном восходят вошедшие в состав древнетюркского культурного комплекса предметы вооружения и вещи, связанные со снаряжением воина: лук с роговыми накладками (все типологические варианты древнетюркских луков являются дальнейшей модификацией лука хуннского типа), железные трехперые наконечники стрел, панцирные пластины, прямые металлические псалии с выделенной петлей, различного рода пряжки, топоры-тесла, также иногда относящиеся к предметам вооружения

и др., т. е. главным образом железные изделия, центр распространения которых связывается с культурой центральноазиатских хунну (*хуннский пласт*). Известно, что именно хунны явились создателями центральноазиатской системы вооружения, воспринятой как наиболее эффективная «модель» на раннем этапе тюркского культурогенеза. Взаимное проникновение и адаптация элементов «скифского» и «хуннского» пластов наполнили конкретным вещественным содержанием те два уровня древнетюркской культуры: традиционно-хозяйственный и формационный, о которых говорилось выше.

Третий пласт, который условно может быть назван *восточноазиатским*, в основном завершающий начальный этап формирования древнетюркского культурного комплекса, относится уже к алтайскому периоду истории древних тюрков. Это распространение, по-видимому, из восточных районов Азии (Китай, Япония, Корея) седел с высокими арочными луками, металлических стремян с отверстиями на длинных пластинах, особого вида подпружных пружек, т. е. новой системы снаряжения верхового коня (работы А. К. Амброза, С. И. Вайнштейна и М. В. Крюкова, И. Л. Кызласова). Механизм передачи этих инноваций пока объяснить трудно; возможно, их появление связано еще с ганьсуйско-гаочанским периодом истории древних тюрков (по С. Г. Кляшторному) и появлением этих важнейших инноваций в сяньбийской этнокультурной среде (по Ю. С. Худякову), в равной степени воспринятых и государствами Дальнего Востока. Подвергшиеся незначительным типологическим изменениям, они значительно увеличили мобильность населения и тактику ведения военных действий.

Под этим же углом зрения могут быть рассмотрены и две другие составляющие «тюркской триады». Идея ограды (или оградки) как огороженной части сакрализованного пространства для совершения различного рода жертвоприношений и ритуальных действий уходит своими корнями в эпоху бронзы. Для памятников скифского времени были характерны в основном ограды округлой формы, продолжающие местные традиции. В хуннское время появляются подчетыреугольные оградки из четырех поставленных на ребро плит. Обычай изготовления и установки ряда вертикально поставленных камней, независимо от решения вопроса об их семантике, также возникает в эпоху ранних кочевников. Причем если в скифское время подобные

ряды камней-балбалов сопровождают погребальные сооружения (отдельные плиточные могилы Забайкалья, курганы пазырыкской культуры Горного Алтая), то в хуннское время они начинают устанавливаться не у погребальных комплексов, а у специально выделенных ритуальных сооружений (кокэльская культура Тувы), т. е. в том же контексте, что и древнетюркские оградки с рядами камней-балбалов.

С хуннским временем связаны и некоторые другие новинки в области духовной культуры. Так, впервые фиксируется особая роль сосуда в погребально-поминальном обряде, нашедшая потом отражение в доминирующем значении изображения сосуда на древнетюркских каменных изваяниях. Несомненно, каким-то образом связана иконография древнетюркских и скифских каменных изваяний, изображающих мужчину-воина с оружием в одной руке и сосудом в другой (изваяния с изображением сосуда в двух руках представляют иную, возможно более древнюю, традицию), хотя из-за отсутствия «переходных» памятников проследить генезис этой наиболее яркой части древнетюркского культурного комплекса пока не представляется возможным. Ясно только, что эта связь лежит в области идеологических представлений, общих для всех степных племен. Очевидно, что если мы ответим на вопрос о семантике сосуда в так называемых «поминальниках» кокэльской культуры, по отношению к которому человеческие захоронения часто имеют подчиненный (зависимый) характер, то сможем и более аргументированно определить назначение древнетюркских каменных изваяний.

Можно предполагать, что если семантическая основа отдельных элементов древнетюркских ритуальных сооружений восходит к скифскому времени, то их объединение как отдельного вида археологических памятников, регламентированное ритуалом и общей социологизацией общества, связано с периодом господства государства Хунну, а окончательное «конституирование», судя по имеющимся материалам, произошло в период господства Второго Тюркского каганата. К этому же времени относится и наибольшее распространение памятников древнетюркской рунической письменности (по С. Г. Кляшторному).

Обычай сопроводительного захоронения коня (или нескольких коней) также восходит к скифскому времени; однако отсутствие еще в недавнем прошлом подобных захоронений, относящихся к хуннскому времени, не позволяло утверждать это с достаточной степенью досто-

верности. Сейчас серия таких погребений хуннского времени открыта на территории Горного Алтая (работы В. И. Соёнова, Ю. С. Худякова и др.), что позволяет обратить особое внимание и на этот компонент «тюркской триады», хотя непосредственной преемственности здесь не наблюдается. Пазырыкские и северо-алтайские погребения с конем в целом отличаются от погребений хуннского времени, а погребения хуннского времени – от древнетюркских. Из них наиболее близки древнетюркским северо-алтайские (бийские) погребения с конем, что также еще не нашло достаточного объяснения.

Древнетюркские погребения с конем по всей территории своего распространения (от долин Тянь-Шаня и казахстанских степей до северных пределов Гоби), за исключением отдельных специфических деталей, имеющих, скорее всего, этническое значение, представляются удивительно единообразными, что свидетельствует о единой сложившейся субкультуре древнетюркских погребений с конем. В этом отношении они сопоставимы с «формационным» уровнем развития древнетюркского культурного комплекса. Отличие заключается, главным образом, в социальном положении погребенных (сопроводительные захоронения 2 или 3 коней). Именно в этих погребениях, как правило, обнаруживаются «престижные» вещи, характеризующие культурно-исторический блок предметного фонда культуры (серебряные сосуды с руническими надписями, зеркала, китайские монеты, великолепно украшенные поясные наборы). На Горном Алтае к ним относятся такие известные и «богатые» могильники, как Курай, Туэкта, Узунтал, Балык-Соок, Джолин и др., датируемые VIII–IX вв. А это значит, что в это время местное алтайское население с древнетюркской культурной традицией достигло расцвета и активно участвовало в военной и внешнеполитической жизни Уйгурского каганата. Так от выделения блоков культуры мы приходим к важным историческим выводам, которые могут быть сопоставлены со сведениями письменных источников.

Очевидно, что на разных этапах развития древнетюркского культурного комплекса и, вероятно, по-разному в различной этнической среде происходит взаимное проникновение ранее возникших культурных элементов и постоянное обогащение каждого из «уровней» древнетюркской культуры. Судя по имеющимся материалам, окончательная контаминация их относится к периоду Второго Тюркского

каганата, когда все составляющие древнетюркского культурного комплекса (погребения с конем, категории предметов сопроводительного инвентаря, каменные изваяния с оградками и рядами камней-балбалов, а также схематические рисунки горных козлов, повторяющие тамгообразные изображения на стелах тюркских каганов) оказываются наиболее унифицированными и насыщенными. По периодизации, предложенной А. А. Гавриловой и ставшей в настоящее время общепотребительной, это – катандинский этап развития древнетюркской культуры (VII–VIII вв.).

Катандинский культурный комплекс представлен многочисленными погребениями на Горном Алтае и в Туве; к нему относятся большинство погребений древнетюркского времени в Монголии и на Тянь-Шане; он же лежит в основе сложения культурных комплексов енисейских кыргызов в Минусинской котловине и кимако-кыпчаков на Иртыше. С эпохой Второго Тюркского каганата связана значительная часть центральноазиатских каменных изваяний с изображением предметов (поясных наборов, сосудов-кувшинчиков, оружия и серег) катандинского типа. Этим же временем датируются многочисленные находки металлических изделий кочевнического облика, найденных на городищах в Средней Азии и Семиречье, а также изображения соответствующих реалий в раннесредневековых росписях Согда, например, в Пенджикенте (работы В. И. Распоповой). На востоке ареал их распространения доходит до бассейна Амура, где они встречаются в памятниках мохэской культуры (работы Е. И. Деревянко). Все это вместе взятое позволяет относить время окончательного сложения и наиболее широкого распространения древнетюркского культурного комплекса к периоду господства Второго Тюркского каганата (середина VII – середина VIII в.). После этого, по-видимому, происходит ареальное «распыление» наиболее устойчивых элементов древнетюркской культурной традиции в рамках более поздних этнополитических объединений, а также, благодаря процессам тюркизации, в среде окраинных обществ-реципиентов, например в лесостепных культурах Западной Сибири.

Многие из отмеченных выше сюжетов могут стать объектом самостоятельного изучения. Однако и теперь совершенно ясно, что формирование и развитие древнетюркского культурного комплекса – это *длительный многофакторный и морфологически сложный цивили-*

лизационный процесс, который следует рассматривать в двух основных измерениях: пространственном (ареальное распространение различных элементов древнетюркского культурного комплекса) и временном (генезис того или иного элемента и его дальнейшее развитие в конкретной этнической среде). Благодаря общим глубоким истокам культуры и участию в культуругенезе родственных, социально организованных групп, древнетюркский культурный комплекс сыграл важнейшую роль в культурно-этнической интеграции всех племен и народов, обитавших в пределах древнетюркского культурного пространства. И в дальнейшем, несмотря на мощный, но в очень сильной степени нивелированный пласт культуры монгольского времени, древнетюркский культурный комплекс остается основополагающим во всех последующих процессах тюркского культуругенеза.

УРБАНИЗАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В КОЧЕВЫХ ИМПЕРИЯХ МОНГОЛЬСКИХ СТЕПЕЙ*

С точки зрения изучения динамики урбанизационных процессов и размеров империй/государств [Chase-Dunn, Hall 1997; Turchin 2003; Chase-Dunn, Niemeyer, Alvarez, Hiroko Inoue, Lawrence, Carlson 2006 etc.], немаловажное значение имела аридная зона Афро-Евразии, которая была заселена мобильными кочевниками-скотоводами. С одной стороны, номады (прямо или опосредованно) оказали большое влияние на направленность и темпы многих мир-системных процессов. С другой стороны, аридные регионы уступают в степени изученности территориям классических оседло-городских цивилизаций и нередко даже не включены в соответствующие базы данных.

Основная информация о городищах и поселениях древности и средневековья на территории монгольских степей была систематизирована известным археологом Х. Пэрлээ [1961]. Он сам открыл, картографировал и тестировал многие из археологических памятников. После него несколько раз попытки суммировать данные по поселениям и городищам предпринимались историками архитектуры [Майдар 1970 и др.]. Примерно 10 лет назад вышел свод памятников истории и культуры Монголии [Монгол нутаг 1999]. Последняя попытка систематизировать сведения о городищах на территории Монголии, Южной Сибири и Забайкалья была сделана С. В. Даниловым [2004].

Однако уже сейчас можно полагать, что это далеко не полный перечень памятников. Только более тщательное изучение в Булганском аймаке памятников киданьского времени привело к новым интересным открытиям [Очир, Энхтур, Эрдэнэболд 2005]. И с каждым годом количество открытых городищ и поселений все возрастает.

На настоящий момент отсутствует полная сводка по всем городищам на территории Монголии. К сожалению, нет планов многих

---

* Работа выполнена по проекту РГНФ – МинОКН Монголии (№ 07-01-92002а/Г) «Кочевые империи монгольских степей: от Хунну до державы Чингис-хана»

памятников, их точных географических координат, далеко не всегда точно определена их культурно-хронологическая принадлежность. Поэтому остается надеяться, что всю необходимую информацию можно будет получить в обозримом будущем. Пока же приходится довольствоваться имеющимися данными. Для задач этой работы важны три наиболее существенных показателя: 1) количество городищ в целом; 2) количество городищ площадью более 30 га (условный «город»); 3) количество поселений площадью более 30 га.

Первые оседло-земледельческие поселения и городища на территории Монголии относятся к хуннскому времени. Держава Хунну (209 г. до н. э. – 48 г. н. э.) была первой кочевой империей на территории монгольских степей. Ее возникновение опосредовано возникновением системы биполярных геополитических отношений между объединенным в единую династию Китаем и степными номадами [Barfield 1992; Крадин Н. Н. 2002]. Время существования Хуннской империи вписывается в так называемый ранний Ханьский демографический цикл [Коротаев и др. 2005: 177].

В настоящее время известно чуть более десятка городищ хунну на территории Монголии [Пэрлээ 1961; Монгол нутаг 1999], а также три городища в Бурятии и здание дворцового типа в Хакасии [Данилов 2004]. Самый изученный из памятников хуннской оседлости – Иволгинское городище, расположенное неподалеку от современного г. Улан-Удэ [Давыдова 1995]. Площадь городища примерно 7,5 га. Необходимо заметить, что ряд хуннских городищ на территории Монголии имеют гораздо большие размеры. Площадь самых больших из них – Гуа дов в Центральном аймаке и Барс хот II в Чойбалсановском аймаке составляет соответственно 13 и 11,5 га.

Большую часть жителей Иволгинского городища составляло нехуннское население. Они занимались земледелием и ремеслом и снабжали продукцией своего хозяйства кочевников хунну. Исходя из экологической продуктивности прилегающих пастбищ и площади застройки городища, было сделано предположение о том, что максимальная численность населения могла составлять 3 тыс. чел. [Крадин Н. Н. 2002: 86–94].

После гибели Хуннской державы примерно 100 лет монгольские степи не были объединены. Однако политическое лидерство перешло к сяньбийцам. Они включили в свой состав большое количество хуннских племен, подчинили другие народы. Примерно в середине

II в. н. э. под предводительством Таньшихуая они создали новую степную державу. Империя просуществовала всего четверть века. Однако и позднее существовало несколько крупных конфедераций сяньбийцев (сложных вожеств), которые составляли значительную угрозу китайским царствам. До сих пор неизвестны поселения и городища времени Сяньбийской державы на территории Монголии. Однако письменные источники определенно указывают, что, как и хунны, сяньбийцы предпочитали для получения неземледельческой продукции использовать чужие этнические группы. В китайских источниках сохранилось красочное описание сложившейся ситуации: «Численность сяньбийцев увеличивалась с каждым днем, скотоводство и охота уже не могли удовлетворить их потребностей в пище, поэтому Таньшихуай выехал осмотреть свои земли. Он увидел реку Ухоуцинь, тянувшуюся на несколько сотен ли. Там, где были заводы, встречалось много рыбы, но ловить сяньбийцы не умели. Услышав, что жители владения Вожэнь искусны в ловле рыбы сетями, Таньшихуай напал на востоке на это владение, захватил более 1000 семей и переселил их на берега Ухоуцинь, приказав ловить рыбу, чтобы восполнить недостаток в пище» [Материалы 1984: 80]. Трудно сказать, насколько китайские летописцы владели достоверной информацией касательно состояния дел сяньбийской экономики, однако такая ситуация была вполне реальной.

В следующие полтора столетия после гибели Ханьской империи, пока снова не сформировалась новая биполярная система международных отношений в регионе, народы Маньчжурии создали на границе с Китаем свои государства. Наиболее удачливым из них (мужунам, тоба) удалось подчинить земледельческие территории в Северном Китае. И только после этого кочевники в монгольских степях смогли воссоздать централизованное объединение – Жужаньский каганат (начало V в. – 555 г.). Однако жужаням не удалось достичь полного контроля над степью, поскольку тобасцы также являлись скотоводами по происхождению. Они были храбрыми воинами и, в отличие от оседлых китайцев, совершали успешные карательные рейды в жужаньские тылы. В письменных источниках сообщается, что у них была столица, обнесенная двумя валами – город Мумочен [Материалы 1984: 290]. Однако до сих пор местоположение этого города неизвестно. Исследователи высказывают на этот счет разные точки зрения [Хандсурэн 1973].

После разгрома жужаней тюрками и с образованием на юге династий Суй и позднее Тан во Внутренней Азии восстановилась bipolarная структура. Начался новый цикл истории региона. Тюркские каганаты (552–630 и 683–734 гг.) продолжили хуннскую политику дистанционной эксплуатации. Они вынуждали Китай посылать богатые подарки, открывать на границах рынки и т. д. Важное место в экономике кочевников играл контроль над трансконтинентальной торговлей шелком. Первый каганат тюрков связал торговыми путями Китай, Византию и исламский мир.

Монгольский археолог Х. Пэрлээ полагает, что тюрки также строили городища и дворцы [1974: 271]. Однако до сих пор не найдено ни одного поселения или городища, которое можно было бы связать с тюркским временем. Более того, известна тюркская доктрина антиурбанизма, которая с точки зрения Тоньюкука являлась главным стратегическим преимуществом кочевников перед китайцами: «Тем, что мы всегда могли оказывать сопротивление, мы обязаны как раз тому, что кочуем в поисках травы и воды, не имеем постоянного жительства и живем охотой. Все наши люди опытни в военном искусстве. Если мы сильны, мы снаряжаем наших воинов в набеги, если становимся слабыми, бежим в горы и леса и прячемся там. Когда мы построим замки, чтобы жить в них, и изменим наши старые привычки, тогда в один прекрасный день мы будем побеждены» [Бичурин 1950: 274].

Уйгурский (745–840 гг.) каганат возник на руинах Второго каганата восточных тюрков. Однако, в отличие от своих предшественников, уйгуры имели более разнообразные источники доходов. Они складывались из так называемых «подарков» от Танского двора, неэквивалентной торговли с китайцами, вследствие которой последние получили одни убытки, участия в антисепаратистских кампаниях на территории Китая, которые, как правило, заканчивались банальным грабежом простого населения.

Другой особенностью, отличавшей каганат уйгуров от предшествующих кочевых империй раннего Средневековья, была активная урбанизационная деятельность. Уйгуры активно возводили крепости и города [Худяков 1990]. Известен ряд городищ уйгурского времени, расположенных по долинам Селенги и Орхона – Байбалык, Тойтен-Толгой, Тайджин-Чуло, Челим балгас и др., хотя точных данных относительно общего количества городов найти не удалось. Также изучались уйгурские городища на территории Тувы.

Принципиальным новшеством уйгуров стало создание крупного столичного города. Он возник на месте перекочевавшей сюда в 751 г. ставки кагана [Пэрлээ 1961: 49–50] и с течением времени превратился в настоящий мегаполис – город Кара Балгасун (Орду Балык). Общая площадь составляла около 25 кв. км. Столица включала массивную и впечатляющую своими размерами и сегодня крепость-цитадель, многочисленные кварталы жителей города. Город был разгромлен и сожжен енисейскими кыргызами в 840 г.

После гибели Уйгурского каганата в монгольских степях не нашлось достойного претендента на лидерство. Это дало возможность поднять голову народам Внутренней Монголии и Маньчжурии. С конца IX в. значительно усилились кидани, которые подчинили несколько небольших государств, образовавшихся на обломках Танской империи. Киданьская империя Ляо открыла новый этап во взаимоотношениях между Китаем и соседними народами. Впервые под властью восточных «варваров» оказалась почти вся территория Северного Китая. В этом многонациональном государстве скотоводы-кочевники кидани («ядро-метрополия») составляли всего пятую часть населения (750 тыс. чел.). Кроме них в состав империи входили земледельцы-китайцы – более половины населения (2400 тыс. чел.), бохайцы (450 тыс. чел.), некиданьские (так называемые «варварские») скотоводческие и охотничьи (200 тыс. чел.) народы. Общая численность населения державы составляла 3 млн. 800 тыс. чел. [Wittfogel, Feng 1949: 58].

По мере включения в состав империи значительных земледельческих территорий появилась потребность создания более сложного управленческого механизма. Традиционные догосударственные институты управления конфедерации «восьми племен» киданей не были приспособлены для управления сложной экономикой земледельческой цивилизации с многочисленными городами. Это привело к созданию уже в 947 г. дуальной системы администрации, разделенной на северную и южную части. Северная администрация считалась по рангу выше Южной, хотя как по численности аппарата, так и по квалификации бюрократии, уступала последней.

Северная администрация возглавлялась «северным канцлером», который, как правило, назначался из представителей кланов Елюй и Сяо. В его компетенцию входил контроль за киданями – титульным

этносом многонационального государства. Южная администрация структурно копировала бюрократическую систему империи Тан и состояла из чиновников-китайцев. Однако все высшие должности были в руках завоевателей – киданей. Среди важнейших составных частей Южной администрации упоминаются институты «трех наставников», «трех князей-советников», различные советники с починенными им департаментами, цензорат, академия наук, департамент государственной историографии, а также 6 важнейших министерств: 1) чинов; 2) наказаний; 3) налогов; 4) религиозных церемоний; 5) общественных работ; 6) военных дел. Территория южной части страны была разделена на округа (*дао*), префектуры (*фу*), области (*чжоу*), уезды (*сянь*). На каждом уровне иерархии существовал свой управленческий аппарат. Кроме центральных, региональных и местных органов власти имелись административные органы 5 столиц империи [Wittfogel, Feng 1949: 434–450].

Кидани возводили крупные города, в которых строились пышные дворцы и храмы, селился императорский двор и чиновники. Они все больше и больше отрывались от степных традиций. На территории Внутренней Монголии, других провинций Китая и собственно Монголии известно 36 киданьских городищ [Ивлиев 1986: 266–275]. Из них 9 городищ были расположены на территории Монголии в долинах Керулена и Толы. Они были предназначены сдерживать местных кочевников, а также, по всей видимости, обеспечивать прямые контакты Ляо с тантугами и государствами Средней Азии, минуя Сун. Из вышеуказанной общей совокупности 17 городищ (три в Монголии – Чинтолгой балгас, Барун-хэрэм, Барс-хот-1) имели площадь более 30 га. Налицо качественный рост урбанизационных процессов.

Археологические исследования городов киданей на территории Китая, Монголии и Забайкалья дают сведения о социально-экономической жизни в империи Ляо. Новые данные были получены в процессе исследования городища Чинтолгой балгас. Памятник расположен в центре Монголии, примерно в 200 км к западу от Улан-Батора. Городище представляет собой почти правильный прямоугольник со сторонами 1,2 км и 0,6 км, ориентированный почти по сторонам света. Городище окружено двумя валами. На основном вале 35 башен, 5 ворот с г-образным захабом*. Городище разделено внутренним ва-

---

* Захаб – фортификационное сооружение в средневековых крепостях, укрепление, защищавшее крепостные ворота

лом на северную (административную, элитную) и южную (жилую) части. Прослеживаются следы 3 улиц киданьского времени. Начиная с 2004 г. на городище ведутся стационарные раскопки международной российско-монгольской экспедицией. Исследования проводились за счет средств грантов РГНФ (№ 02-01-00176а, 06-01-91915е/Г, 07-01-92002а/Г, 07-01-92071е/Г, 08-01-00265а, 08-01-92072е/Г). В последние годы они ведутся также при финансовой поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям».

Данное городище обычно связывается с киданьским городом Чжэньчжоу. Согласно «Истории династии Ляо», в рамках усиления своего влияния на монгольские племена кидани построили на Керулени и Толе целую сеть пограничных крепостей. В 1004 г. на месте старого города Кэдунь был построен город-крепость Чжэньчжоу – самый северо-западный рубеж Киданьской империи. Сюда было отправлено для несения воинской службы две «тьмы» – 20000 киданьских воинов [Ляо ши 1958, гл. 37: 14а]. Гарнизоны и население пограничных городов-крепостей занимались сельским хозяйством, чтобы обеспечить себя провизией. По всей видимости, в конце 20-х гг. XI в. киданям удалось добиться серьезных успехов в борьбе с племенами шивэй и юйцзюе, так как в дальнейшем количество приграничных конфликтов с кочевниками монгольских степей резко сократилось.

В процессе раскопок было обнаружено большое число керамики и черепицы, предметов материальной культуры, фаунистических остатков, предметов искусства. Керамика представляет наиболее массовый материал. В центральной части раскопа, в его наиболее возвышенной части, в 2004–2005 гг. были обнаружены остатки глинобитного здания квадратной формы. В западной части раскопа было вскрыто несколько хозяйственных ям, насыщенных горелостями, золой, костями животных и рыб, чешуей, обгорелыми зернами. К северу и северо-западу от этого здания, в верхнем горизонте, были найдены остатки отопительных сооружений (т. н. *канов*), типичных для бохайской и чжурчжэньской археологических культур.

Помимо канов в процессе раскопок были найдены многочисленные категории артефактов, имеющие аналогии в культуре Бохая. В первую очередь это так называемые «фишки» – кружки диаметром от 1 до 7 см, сделанные из стенок глиняных, глазурованных и фарфоро-

вых сосудов, фрагментов черепицы и камня. Подобные «фишки» не-редко фиксируются на бохайских памятниках Приморья. Другая важ-ная черта – типичные бохайские горизонтальные ленточные ручки. Наряду с ними на круговой керамике Чинтолгой балагаса встречается и другая разновидность горизонтальных ручек – козырьковые. По-добные ручки найдены на самом изученном бохайском памятнике в Приморском крае – Краскинском городище. Среди найденных в ходе раскопок городища Чинтолгой балгас костяных изделий обращает на себя внимание вырезанный из рога игральный кубик с нанесенными на грани числами от 1 до 6. Аналогичный по размерам и исполнению кубик найден в 2007 г. на бохайском Абрикосовском селище в Уссу-рийском районе Приморского края.

Данные находки позволили предположить, что в число жителей городища входили бохайцы, которых кидани начали депортировать со своей родины вскоре после завоевания государства Бохай в 926 г. [Kradin, Ivliev 2008]. При тщательном исследовании китайских пись-менных источников А. Л. Ивлиевым удалось найти данные, согласно которым при создании киданьских пограничных крепостей в долине р. Толы для обеспечения воинов продовольствием было переселено 700 семей бохайцев, чжурчжэней и ханьцев, которые были расселены в Чжэньчжоу (т. е. на территории городища Чинтолгой балгас) и под-чиненных ему городах Фанчжоу и Вэйчжоу [Ляо ши 1958, гл. 37: 14а].

В результате исследований 2004–2005 гг. в северо-западном углу раскопа были найдены остатки наземного жилища с каном. Трехка-нальный кан был ориентирован по линии С–Ю. В его южной части находился очаг. С восточной стороны от кана было зафиксировано скопление игральных альчиков. С севера за пределами жилища рас-полагались 3 больших сосуда (*хума*), врытых в землю. Еще чуть даль-ше к северу была зафиксирована кирпичная стенка, идущая по линии 3–В. По всей видимости, она отделяла жилище (и/или квартал) от улицы.

В 2006–2007 гг. исследования велись на другом раскопе, пло-щадью 180 кв. м, расположенном к западу от раскопа первых двух лет. Здесь были найдены остатки еще 2 жилищ верхнего строительно-го горизонта с г-образными канами в каждом из них. Граница между жилищами была определена по кладке черепицы, расположенной на уровне пола. Основания южных стенок обоих жилищ были укреплены

крупными камнями. Кроме того, с этой стороны были зафиксированы большие плоские камни, являвшиеся основанием для столбовых конструкций.

Исследования показали, что город имел компактную квартальную застройку. Жилые районы города состояли из кварталов, которые должны были делиться улицами и переулками. Внутри кварталов достаточно скученно располагались жилища. Именно такую ситуацию нам удалось выяснить в процессе исследований последнего года. После выборки дымоходов и разборки канов обоих жилищ были найдены следы еще одного кана, относящегося к нижнему строительному горизонту. Также были зафиксированы вертикально поставленные плоские камни, которые, вероятно, укрепляли северную стенку одного из жилищ более раннего строительного горизонта в этом же секторе. Под полом того же жилища найдены три большие хозяйственные ямы. В одной из ям был вырыт большой хум. На данном уровне раскоп был законсервирован до следующего года. Однако уже сейчас можно сказать, что жилища перестраивались внутри кварталов, по всей видимости, примерно на том же месте, где стояли более ранние жилые строения.

Чем интенсивнее шли процессы аккультурации в киданьском обществе, тем труднее им приходилось противостоять набегам шивэйских кочевников с севера. Если раньше они решали эти проблемы посредством активных военных походов, то с течением времени под воздействием аккультурационных процессов они переняли от китайцев пассивную стратегию обороны. Именно тогда был сооружен так называемый вал Чингис-хана. Вал проходит по Восточной Монголии, пересекая границы Китая и России. Его протяженность более 400 км, в том числе около 100 км по территории нашей страны, вдоль Аргуни, неподалеку от российско-китайской границы. Автору этих строк довелось наблюдать данный вал в Монголии примерно в месте его начала – около небольшого городка Наровлин. Вал сильно заплыл. Его ширина вверху 5,5–6 м, у основания – 11–12 м. Высота вала с внешней стороны из рва – 0,6–0,7 м, с внутренней стороны – 0,4 м. Ширина рва – 2,5 м. В валу были обнаружены ворота шириной 8,5 м. Примерно в 0,4 км к югу от вала было найдено городище квадратной формы, ориентированное по сторонам света, размером 50×50 м.

На территории Забайкалья высота вала 1–1,5 м, ширина – 9–15 м. Вал также сильно обвалился. С северной стороны просматривается нечеткий ров. Через промежутки в 10–15 м на валу видны небольшие возвышения, возможно остатки баз или фундаментов столбовых конструкций для крепления стен. В нескольких километрах к югу от вала на расстоянии около 20 км друг от друга расположено 8 городищ округлой и прямоугольной формы. Одни из них небольших размеров (например, малый Кактуйский городок имел длину валов всего 26 м). Большой Кактуйский городок имел квадратную форму. Длина сторон равнялась 106 м. В середине каждого вала (кроме южного, где посередине находились ворота) была расположена башня. Кроме того, имелось еще 7 угловых башен. Городок дополнительно защищал ров, в который, вероятно, поступала вода из ручья [Кириллов, Ковычев 2002].

Создание империи Чингис-хана и монгольские завоевания в XIII в. совпали с новым периодом влажности в степях Внутренней Азии и Восточной Европы, а также с демографическим и экономическим подъемом во всех частях Старого света. Монголы замкнули цепь международной торговли в единый комплекс сухопутных и морских путей. Впервые все крупные региональные ядра (Европа, исламский мир, Индия, Китай, Золотая Орда) оказались объединенными в единую цепь [Abu-Lughod 1989]. С этого времени границы Ойкумены значительно раздвинулись, политические и экономические изменения в одних частях света стали играть гораздо большую роль в истории других регионов мира [Крадин, Скрынникова 2006].

На территории Монголии имеется более 2 десятков городищ, относящихся ко времени Монгольской империи [Майдар 1970], не считая оседлых поселений, не имевших фортификационных сооружений. Возможно, один из наиболее ранних памятников – поселение Аврага, расположенное в излучине Керулена. В этом месте расположены следы порядка 30 подквадратных насыпей, вытянутых в линию с запада на восток примерно на 1200 м. Возможно, это следы фундаментов жилых усадеб, ремесленных мастерских и иных сооружений, над которыми возвышались юртообразные конструкции. Примерно по центру расположено главное сооружение – так называемая «платформа № 1». С севера все поселение отгорожено еле прослеживающимся дугообразным валом [Shiraishi 2005]. Японские археологи полагают, что здесь располагалась ранняя ставка Чингис-хана.

Создание империи и начало военных походов требовало переноса ставки из Восточной Монголии в новое место. В источниках сообщается, что уже в 1220 г. было принято решение о переносе ставки в исторический центр Монголии. Однако реальное строительство Каракорума (монг. Хархорин) началось в 1235 г., когда были воздвигнуты ханский дворец, городские стены и начато строительство дворцов и жилищ для представителей монгольской элиты. Местоположение будущей столицы было обусловлено, в первую очередь, геополитическими преимуществами. Из долины Орхона гораздо удобнее контролировать и Китай, и торговые пути через Ганьсу и совершать походы на Джунгарию и Восточный Туркестан. Возможно, что это было также связано с особой сакральной привлекательностью этих мест, обусловленной тем, что здесь располагался исторический центр более ранних степных империй.

Важную роль в создании столицы сыграла необходимость концентрации в одном месте ремесленников из завоеванных стран. Монголы очень скоро осознали нехватку подготовленных кадров в различных областях деятельности, но еще быстрее поняли, что квалифицированный специалист является таким же ресурсом, как скот или материальные ресурсы. В течение уже первых десятилетий существования империи они провели масштабную мобилизацию человеческих ресурсов. Только после захвата Хорезма в Монголию было угнано, по данным *Сборника Рашид ад-Дина* [1952: 217], 100 тыс. ремесленников – фантастическая цифра, которая явно преувеличена. Однако масштабы все равно выглядят впечатляюще. Очевидно, что одной из важнейших функций города являлось обеспечение монгольской армии металлическим вооружением и транспортными средствами.

Город имел форму, близкую к прямоугольнику (в южной части – к равнобедренной трапеции). Длинные стороны (около 2,5 км) ориентированы по линии северо-восток – юго-запад. С северной стороны длина вала равнялась 1,6 км, с южной – около 1,3 км. Площадь Каракорума внутри городских стен была не менее 360 га. Эти размеры не произвели впечатления на Г. Рубрука, и он разочарованно писал в своем донесении: «О городе Каракаруме, да будет вашему величеству известно, что, за исключением дворца, он уступает даже (*non ita bona*) пригороду святого Дионисия, а монастырь святого Дионисия стоит вдесятеро больше, чем этот дворец» [Рубрук 1957: 165]. Однако Руб-

рук видел столицу Монгольской империи глазами средневекового европейца. Он понимал город только как пространство, огороженное стенами, а окрестности территории, занятые юртами и палаточными лагерями, оказались вне его восприятия городского пространства. Именно поэтому, с его точки зрения, размеры монгольской столицы оказались не более аббатства Сен-Дени из парижского предместья [Ткачев 1986б: 223]. В реальности ставка монгольского хана никогда не находилась на одном месте и по мере ее перекочевки вместе с ней перемещались и значительные группы людей. Во времена Угедея весной хаган путешествовал на север от Каракорума, где в окрестностях Дойтын балгаса развлекался соколиной охотой. С началом лета он переезжал к югу от столицы под защиту прохлады Хангайских гор. С наступлением зимних холодов Угедей переезжал на юг, ближе к Гоби. Ранней весной он возвращался в Каракорум для решения государственных дел. Общая протяженность маршрута составляла около 450 км [Shiraishi 2004].

На территории Забайкалья известны 2 наиболее изученных археологических памятника времени Монгольской империи: Хирхириинское городище и Кондуйский городок. Первый памятник находится на юге Читинской области. Он расположен на низкой надпойменной террасе между двумя высохшими сегодня ручьями (в сезон дождей такие русла быстро превращаются в бурные, непроходимые реки). Это целый комплекс усадеб (более 30) и отдельных жилищ (не менее 100), протянувшийся по линии запад – восток почти на 2 километра и примерно на 700 м по линии север – юг. В 350 м к западу от края террасы располагалась самая большая цитадель (110–100 м), которая была окружена валом и рвом. Внутри находилось здание дворцового типа (15×30 м) и несколько других строений. Предполагается, что главное здание было одноярусным и покрыто сверху черепичной крышей [Киселев 1965: 23–58]. Вокруг цитадели расположены усадьбы. Одни из них были расположены отдельно друг от друга, другие – объединялись в сложную систему кварталов, улиц и проулков. К западу от главной цитадели располагалось еще несколько крупных комплексов.

Считается, что городище было ставкой Исунке – сына родного брата Чигис-хана Хасара. Основанием для этого является надпись на найденном неподалеку знаменитой каменной стеле (Чингисов ка-

мень), которая сейчас хранится в Эрмитаже: «Когда Чингис-хан после нашествия на народ Сартаул (хивинцев) возвратился, и люди всех монгольских поколений собрались в Буга-Чучигае, то Исунке получил в удел триста тридцать пять воинов хондогорских». Эта надпись датируется 1225 г. [Банзаров 1955: 200].

Другой известный памятник этого же времени – Кондуйский дворец – находится примерно в 50 км к северу от Хирхирина городского округа. Свое название памятник получил от р. Кондуй. Он также исследовался С. В. Киселевым [1965: 323–369]. Дворцовое здание располагалось на двухметровой глиняной платформе, имевшей форму креста. Платформа была выстлана кирпичным полом. К платформе вели 5 кирпичных пандусов – по 2 с востока и запада и главный вход с юга. С северной стороны пандуса не имелось. Подобная планиграфическая структура сочетает в себе принципы организации пространства китайских (и опосредованно чжурчжэньских) зодчих и традиции организации пространства монголоязычных кочевников (выход из юрты на юг, северная сторона – *хоймор* – самая почетная, запретная). «Террасы Кондуйского дворца украшала покрытая красным лаком деревянная балюстрада, столбики которой были укреплены в квадратных пазах специальных гранитных плит. Кроме того, по нижней террасе, выступая личинами наружу, были вставлены гранитные изваяния, изображающие морды драконов, кабановидных и с рогами лани» [Киселев 1958: 115].

Внутри здания было расположено 37 каменных баз, которые являлись фундаментами деревянных колонн. Здание, видимо, состояло из нескольких частей – аванзала, проходных коридоров, зала для приемов, жилых покоев или вспомогательных помещений. Сверху дворец был покрыт зеленой поливной черепицей, украшен изображениями драконов. Стены дворца также были украшены изображениями животных и фантастических существ. Нет смысла подробно пересказывать описание Кондуйского дворцового комплекса. Тем более, что существует несколько подробных версий его архитектурных реконструкций. Неоднократно также подчеркивалось типологическое сходство с дворцом хагана Угэдэя в Каракоруме. При этом Кондуйский комплекс выглядит даже более роскошно [Минерт 1985; Ткачев 1986а и др.].

К северу, западу и востоку от главного дворца находились другие здания. В 1 км к северо-западу, вероятно, располагались жилища лиц,

обеспечивавших потребности местной элиты. В 3 км к востоку от дворца располагались остатки черепичных печей. Там же располагались холмы, которые можно связывать с жилищами ремесленников, гончаров [Киселев 1965: 327–328]. Подобная организация пространства по сути полностью копировала принципы расстановки юрт монгольской ставки.

Кондуйский комплекс был не единственным дворцом на территории северных провинций Монгольской империи. Еще одно дворцовое здание было раскопано С. В. Даниловым на территории Бурятии, в с. Нарсатуй. Здание также было сооружено на глинобитной платформе, укрепленной кирпичной стеной. Внутренняя площадь здания равнялась 16×19 м. Пол был выложен из обожженных кирпичей. В качестве фундамента деревянных колонн использованы гранитные базы. Здание было покрыто черепичной крышей [Данилов 2004: 83–84].

Общее количество памятников монгольско-юаньского времени, имеющих размеры более 30 га, в настоящее время неизвестно, хотя площадь ряда городищ (например, Шаазан хот – 38 га) явно превышала этот показатель. Кроме городищ существовали неукрепленные поселения ремесленников и земледельцев, которые имели четкое деление на кварталы и улицы. Пока удалось найти сведения о 2 таких археологических памятниках – поселении Тахилын Ус (150 га) и поселении Дуудий Тээгийн (24 га) [Монгол нутаг 1999: 185].

Однако средневековая глобализация оказалась недолговечной. Чума, быстро распространившаяся по Старому свету благодаря развившейся системе торговых коммуникаций, а также изгнание монголов из Китая, упадок Золотой Орды явились наиболее важными звеньями в цепи событий, приведших к ее гибели. Как только изменилось соотношение сил, монголы были изгнаны в степь, пропала и необходимость в дворцах и крупных оседло-земледельческих поселениях. В год Куликовской битвы минскими войсками был сожжен Каракорум, который после этой трагедии так и не смог восстановиться. Та же участь ждала и пышные дворцы, воздвигнутые юаньской элитой в забайкальских степях. Они сгорели в пожаре междоусобных конфликтов наследников Чингис-хана. Память о них была забыта и только на рубеже XVIII–XIX вв. остатки Кондуйского дворца были переоткрыты и использованы при строительстве православной церкви Рождества Богородицы в селе Кондуй [Крадин Н. П. 2002].

С XVII в. складывается новая, объединившая уже весь земной шар капиталистическая мир-система. В это же время существенные геополитические изменения произошли и на территории Восточной Азии. Очередная волна завоевателей из Маньчжурии привела к созданию на территории Китая новой династии – Цин (1644–1911 гг.). Маньчжуры, подобно их предкам чжурчжэням, были хорошими воинами и существенно расширили территорию Среднего государства. Были завоеваны и включены в состав империи на правах вассалов монгольские кочевники. Победители взяли курс на умиротворение агрессивной природы степняков посредством активного внедрения в общество завоеванных буддизма. На территории Монголии начинается строительство буддийских монастырей, что придало новый импульс развитию седентеризации и урбанизации.

Подводя итоги предварительного рассмотрения урбанизационной динамики на территории Монголии в период древности и средневековья, следует отметить следующее.

1. Можно проследить постепенное кумулятивное увеличение количества оседлых поселений и городищ на территории Монголии, начиная с эпохи древности.

2. Первые поселения и городища на территории Монголии были созданы в период существования Хуннской державы (рубеж III–II вв. до н. э. – I–II вв. н. э.)

3. В настоящее время нет археологических свидетельств о существовании поселений и городищ в сяньбийско-жужаньско-тюркское время (II–VIII вв., хотя данные письменных источников позволяют усомниться в этом).

4. Для уйгурско-киданьского времени (VIII–XI вв.) характерен кумулятивный рост градостроительства на территории Монголии. Возникают крупные столичные города.

5. Эти тенденции получают свое развитие в период существования Монгольской империи. Каракорум становится настоящим мегаполисом – городом, где происходило соединение различных культурных традиций Востока и Запада.

6. Пик урбанизационных процессов связан с включением территории Монголии в состав Цинской империи.

7. В целом можно констатировать, что седентеризационные процессы были вызваны потребностями экономики кочевых империй

дополнить внешние источники поступления прибавочного продукта внутренними ресурсами (земледелие и ремесло).

Литература

Банзаров Д. 1955. *Собрание сочинений*. – М.: Наука.

Бичурин Н. Я. (пер.) 1950. *Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена*. Т. I. – М.; Л.: Изд-во АН СССР.

Давыдова А. В. 1995. *Иволгинский археологический комплекс*. Т. I. *Иволгинское городище*. – СПб.: Центр «Петербургское востоковедение» (Археологические памятники солнну. Вып. 1.).

Данилов С. В. 2004. *Города в кочевых обществах Центральной Азии*. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН.

Ивлиев А. Л. 1986. *Хозяйство и материальная культура киданей времени империи Ляо (по материалам археологических исследований)*: Дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск.

Киселев С. В. 1958. Древние города Забайкалья. *Советская археология*. – № 4: 91–101.

Киселев С. В. 1965 (отв. ред.). *Древнемонгольские города*. – М.: Наука.

Кириллов И. И., Ковычев Е. В. 2002. Киданьские древности Приангарья. *Археология и культурная антропология Дальнего Востока и Центральной Азии*. – Владивосток: 245–252.

Коротаяев А. В., Малков А. Д., Халтурина Д. А. 2005. *Законы истории*. – М.: Едиториал УРСС.

Крадин Н. Н. 2002. *Империя Хунну*. 2-е изд. – М.: Логос.

Крадин Н. Н., Скрынникова Т. Д. 2006. Теорема Чингис-хана. Опыт средневековой глобализации. *Родина*. – № 9: 23–30; № 10: 47–56.

Крадин Н. П. 2002. Архитектурные памятники Кондуя. *Археология и культурная антропология Дальнего Востока*. – Владивосток: 233–244.

Ляо ши (История династии Ляо) / Сост. Токто и др. – Пекин: Изд-во Шанью, 1958 (на кит. яз.).

Майдар Д. 1970. *Три карты городов и поселений Монголии*. – Улан-Батор: Изд-во АН МНР.

Материалы 1984: *Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху* / Введ., пер. и коммент. В. С. Таскина. – М.: Наука.

Минерт Л. К. 1985. Древнейшие памятники монгольского монументального зодчества. *Древние культуры Монголии*. – Новосибирск: 184–209.

Монгол нутаг 1999: *Монгол нутаг дахь туух соёлын дурсгал*. – Улаанбаатар.

Очир А., Энхтур А., Эрдэнэболд Л. 2005. *Хар бух балгас ба туул голын сав дахь Хятаны уеийн хот, суурингууд*. – Улаанбаатар (на монг. яз.).

- Пэрлээ Х. 1961. *Монгол ард улсын эрт, дундан уеийн хог суурины товчоон*. – Улаанбаатар: Улсын Хэвлэлийн хэрэг хрхлэх хороо (на монг. яз.).
- Пэрлээ Х. 1974. К вопросу о древней оседлости в Монгольской Народной Республике. *Древняя Сибирь*. Вып. 4. *Бронзовый и железный век Сибири* / Отв. ред. В. Е. Ларичев. – Новосибирск: 271–274.
- Рашид ад-Дин. 1952. *Сборник летописей*. Т. 1. Кн. 2. – М.; Л.: Изд-во АН СССР.
- Рубрук Г. 1957. Путешествие в восточные страны. *Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука* / Ред. Н. П. Шастина. – М.: 85–194.
- Ткачев В. Н. 1986а. *История монгольской архитектуры*. Кн. 1–2. – М.: Рукопись деп. в ИНИОН АН СССР № 27614 от 10.12.86.
- Ткачев В. Н. 1986б. Каракорум в XIII веке. *Mongolica: Памяти академика Б. Я. Владимирцова (1884–1931)*. – М.: 219–231.
- Хандсурэн Ц. 1973. К вопросу о происхождении жужаней и их столицы Мумо-чэн. *Олон Улсын Монголч Эрдэмтний II их Хурал*. Б. 2. – Уланбаатар: 203–207.
- Худяков Ю. С. 1990. Памятники уйгурской культуры в Монголии. *Центральная Азия и соседние территории в средние века*. – Новосибирск: 84–89.
- Abu-Lughod J. 1989. *Before European Hegemony: The World-System A. D. 1250–1350*. – New York, NY: Oxford University Press.
- Barfield T. 1992. *The Perilous Frontier: Nomadic Empires and China, 221 BC to AD 1757*. – Cambridge: Blackwell (First published in 1989).
- Chase-Dunn C., and T. Hall. 1997. *Rise and Demise: Comparing World-Systems*. – Boulder, CO: Westview Press.
- Chase-Dunn C., Niemeyer R., Alvarez A., Hiroko Inoue, Lawrence K. and Carlson A. 2006. When North-South Relations Were East-West: Urban and Empire Synchrony (500 BCE – 1500 CE). <http://www.irows.ucr.edu/papers/irows16/irows16.htm> (версия 19.03.2006).
- Kradin N. N., Ivliev A. L. 2008. Deported Nation: the fate of Bohai peoples of Mongolia. *Antiquity* 82: 438–495.
- Shiraishi N. 2004. Seasonal Migrations of the Mongol Emperors and the Peri-Urban Area of Kharakorum. *International Journal of Asian Studies* 1(1): 105–119.
- Shiraishi N. 2005. Results of Excavations by the New Century Project at Avraga Site. *The Avraga Site. Preliminary Report of the Excavations of the Palace of Genghis Khan in Mongolia 2001–2004*. – Niigata: 7–14.
- Turchin P. 2003. *Historical Dynamics: Why States Rise and Fall*. – Princeton and Oxford: Princeton University Press.
- Wittfogel K. A., Feng Chia-Sheng 1949. *History of Chinese Society. Liao (907–1125)*. – Philadelphia (Transactions of the American Philosophical Society, new series, 36).

Г. Франке

**РОЛЬ ГОСУДАРСТВА КАК СТРУКТУРНОГО ЭЛЕМЕНТА
В ПОЛИЭТНИЧЕСКИХ ОБЩЕСТВАХ***

1. Вводные замечания

Государства, основанные не китайцами на китайской территории, привлекают внимание исследователей, поскольку в них соединились китайские и иностранные элементы, что может обеспечить понимание тех характеристик государства, которые мы привыкли рассматривать как типично китайские. Части северного Китая находились под властью иностранцев на протяжении столетий в эпоху Шести Династий. Еще один период, когда значительные территории Китая или даже вся страна были под иностранным правлением, пришелся на X–XIV века. Киданьская династия Ляо (916–1125), чжурчжэньская – Цзинь (1115–1234) и монгольская – Юань (1206–1368) оставили свои следы в китайской истории. В этой работе я хочу сконцентрировать внимание на этих трех государствах по той простой причине, что сохранившиеся до настоящего времени источники относительно подробны и позволяют нам описать переход от племенного общества к государству, моделируемый на основе китайских прецедентов. Из этих трех государств особое внимание будет уделено монголам и их китайскому государству. Это делается не только потому, что автор прежде с достаточной детальностью изучал определенные свойства монгольского государства Юань. Еще одной причиной является тот факт, что, в отличие от всех других «варварских» государств в Китае, существовав-

---

* Перевод с английского: Franke H. The Role of the state as a structural element in polyethnic societies. *Foundation and Limits of State Power in China* / Ed. by S. R. Schram. – London, 1987, p. 1987. 87–112. Статья печатается с некоторыми сокращениями. Работа выполнена по проекту РГНФ – МинОКН Монголии (№ 07-01-92002а/Г) «Кочевые империи монгольских степей: от Хунну до державы Чингис-хана».

ших до монголов, в нашем распоряжении оказались не только китайские источники, которые, вполне понятно, написаны с точки зрения китайцев, как все китайские династические истории, но и дополнительные не китайские источники, позволяющие нам взглянуть на Монгольское государство, так сказать, извне.

Я упомянул выше три государства, которые сосуществовали с династией Сун. В действительности, конечно, можно говорить о четырех государствах, причем четвертым было тангутское государство Си Ся. К сожалению, в то время как мы имеем тексты, охватывающие истории династии Ляо, Цзинь, Юань на китайском языке, династической истории Си Ся нет. Имеются сводные работы, составленные в XIX–XX вв., в которых систематизированы выдержки из историй Сун и Цзинь. Кроме того, существуют разнообразные рукописи на тангутском языке, относительно недавно началось их глубокое исследование. Однако, поскольку основные глубокие исследования по тангутской истории должны все еще основываться, главным образом, на выдержках из китайских источников, в этой работе рассматривается государство Си Ся [о тангутах см.: Кычанов 1968; Okazaki 1972; Wu Tainchei 1980].

Династические истории Ляо, Цзинь и Юань написаны китайскими или китаизированными иностранцами, точка зрения китайского лидера раскрасила картину завоевателей. Было бы трюизмом сказать, что нередко чужие народы и государства всегда описываются носителями определенной цивилизации в терминах культурных ценностей этой определенной цивилизации [Fincher 1972; Langlois 1980; Cartier 1981]. Для образованных китайцев культура всегда означала китайскую культуру, а роль «варваров» в истории обычно измерялась степенью, в которой иностранцы заимствовали китайские политические учреждения и идеалы. Кажется, что среди китайских историков вплоть до XIX столетия бытовало убеждение, что только китайские политические традиции следует воспринимать серьезно и что только административная система китайского типа могла считаться пригодной для работы. Постепенная трансформация политических учреждений соседей Китая от трайбализма к развитому имперскому государству рассматривалась и как неизбежная, и как желательная.

Эта тенденция, которая кажется общей для всех китайских источников, должна в какой-то мере затемнять не китайские элементы в

государствах Ляо, Цзинь и Юань. Кроме того, терминология, например, номенклатуры должностных лиц и учреждений оказывается китайской, даже если содержание и реальность не являются китайскими. Часто додинастические структуры киданьской, чжурчжэньской или монгольской политической культуры выжили, облаченные в китайский наряд. Например, монгольская дворовая служба *баурчи* (поваров) сохранялась в течение нескольких поколений вплоть до XIV столетия потомками карлукского принца, который вступил в союз с монголами. Иногда эти *баурчи* получали китайские титулы параллельной китайской кухонной администрации, которая поставляла продукты на императорский стол и стол его свиты [Frankе 1981]. Но важный момент заключается в том, что *баурчи* был, по определению, приближенным слугой и советником хана, а не только функционером неопределенного типа в администрации. Подобные примеры можно приводить в большом количестве. Государства, создаваемые киданями, чжурчжэнями и монголами, не были поэтому нормальным развитием или заимствованием прежде существующего китайского династического государства, которое они вытеснили, но несколько отличались от него. Ляо и Цзинь, которые властвовали только над частью Китая, были, тем не менее, после некоторого времени (при монгольском дворе в 1340-х гг.) включены в законную последовательность китайских династий в соответствии с их собственной династической историей вместо информации о них в главе о варварах в китайской истории, такой как «История Сун» [Hokalm Chan 1981, 1985]. Это признание их «китаизированности» не должно, однако, маскировать их не китайские элементы.

2. Привлекательность китайской модели

Хотя я и подчеркивал до сих пор сохранение иностранных элементов – и я еще скажу об этом позднее, – мы должны с другой стороны, иметь в виду тот факт, что китайское государство как таковое имело значительную привлекательность для аутсайдеров, в том числе северных «варваров». Многие из них пытались именовать своих правителей как китайских императоров (*хуанди*) и некоторые преуспели в этом. Мы можем только предполагать, почему племенной вождь хотел стать китайским императором. Теоретически он мог быть также

чрезвычайно могущественным в своей родной стране без поддерживающих институтов имперского государства, моделируемого по образцу китайской династии. Действительно, некоторые потомки Чингис-хана предпочитали сохранить основу своей власти в степях и отказывались подчиняться Великому Хаану, например, брат Хубилая Ариг-Буга или Хайду (1230–1301), внук Угедая. Одной из причин устремлений степных лидеров могла быть привлекательность пышности китайского императорского двора, с которой они определенно познакомились с течением времени. Вероятно, идеология управления всем миром, всей Поднебесной также распространилась к степным правителям из Китая. В этом контексте можно упомянуть, что «номадные» общества характеризовались как «инклюзивные», а оседлые – как «эксклюзивные» [Ecsedy 1981]. Политическая динамика правления Чингис-хана, в частности, описывалась по-разному многими учеными. Чингис-хан считал себя правомочным править всем миром, и теория, согласно которой он, как и другие номадные правители, находился под влиянием китайской императорской идеологии, была лишь одной среди множества других [Dardess 1972/1973; Franke 1978]. Однако хорошо известен факт, что историческая фигура Тайцзуна в династии Тан оставила глубокий след в политическом мышлении императоров Ляо, Цзинь и Юань. Не случайно, что единственным текстом, который был переведен на 4 иностранных языка (киданьский, чжурчжэнский, монгольский и тангутский), был *Чжэньгуань чжэнь* (*Важные государственные принципы периода Чжэньгуань*) – сборник Тан по искусству управлять государством, который уделяет особое внимание отношениям Тайцзуна с его министрами [Franke 1974]. Этот текст считался руководством для любого правителя, который хотел превзойти танского императора Тайцзуна. В некоторых случаях мы видим, что не китайские императоры явно считали его моделью, например правитель Цзинь Шицзун [Jin shi 6.150; 8.196; 83.1866].

Если мы хотим сравнить местные политические традиции с традициями китайскими, мы должны сначала попытаться определить, что понимается под «китайским государством». Государство Тан было, как мы видели, чем-то вроде модели для «варваров», тогда как государство Сун определенно таковым не было. Некоторые характеристики государства, которые были более или менее общими для обоих, можно суммировать следующим образом.

Император, личность которого в идеале сосредоточивала максимальную власть, полагался на бюрократический аппарат, должностные лица которого могли переводиться с поста на пост, поощряться и понижаться в должности. Обычно местные должности ограничивались сроком службы, не превышающим 3 года. Идеологической основой для подбора персонала было конфуцианство и, в частности, конфуцианские классики, однако с сильными примесями идеологии, главным образом в правовой системе. Закон кодифицировался и был универсальным. Самоуправление и самоопределение социальных групп или этнических единиц практически отсутствовали и допускались как исключение в пограничных районах. Степень милитаризации была более высокой при династии Тан и гораздо более низкой – при Сун. Преемственность в целом регулировалась; назначение бесспорного наследника было обязанностью царствующего императора, так что могла поддерживаться преемственность императорского правления. Она редко оспаривалась. Это противоречит тому, что мы должны проектировать политические традиции иностранных правителей и их местную политическую систему для того, чтобы определить трансформацию китайского государства при иностранных династиях.

Мы говорим о номадах. Но было бы неверно приписывать номадное происхождение одинаково киданям, чжурчжэням и монголам. Кидани были подлинными кочевниками, скотоводами и пастухами; лошади играли заметную роль в их экономике [Wittfogel, Feng 1949: 115–120, 126–134]. Монголы имели подобные условия существования; они также были в основном кочевниками. Эта ситуация, однако, несколько отлична для чжурчжэней. Последние первоначально были лесными жителями, рыбаками и охотниками с зачатками сельского хозяйства и жили в укрепленных поселениях в северно-восточной Маньчжурии. Их экономика не основывалась на огромных стадах скота, хотя он играл в ней заметную роль. У них были лошади, и они действительно были прекрасными наездниками. Мы обнаруживаем позднее, в государстве Цзинь [о чжурчжэнях см.: Воробьев 1975; Тао Jing-shen 1976; переводы источников ранней истории: Franke 1975], также сильный кочевой элемент, но эти народы были иной этнической природы, в отличие от таких обществ, как покоренные кидани, си или другие подобные племена. Важно помнить, что название «кидань», «чжурчжэнь» и «монгол» всегда означает федерацию, в кото-

рой каждый из них составляет политический ведущий элемент. Такие федерации являются полиэтническими по определению, так что смешанный характер имперских государств, созданных такими федерациями, предшествует во всех трех случаях (а также в тангутском государстве Си Ся) многонациональности имперских государств Ляо, Цзинь и Юань. Взаимодействие между местным трайбализмом и политическими традициями оседлых китайцев и есть тема настоящей статьи.

3. Ранние китайские влияния

Степень китаизации и не китаизации иностранцев в рамках государства нельзя определить без учета исторического элемента, который часто пропускается. никоим образом нельзя предполагать, что различные завоеватели появились, так сказать, из ниоткуда и начали с нуля, когда они учредили свое династическое государство. В течение столетий китайское государство и его институты оказывали влияние на местные государства за пределами Китая и не только в отношении идеологических элементов, которые мы описали ранее. Это четко отражается в терминологии институтов и должностных лиц. Уже тюрки имели учреждения, названия которых являются словами, заимствованными у китайцев, например, *тудунь*, которое, по всей вероятности, является заимствованием от китайского *дутун* [этимологию см.: Doerfer 1967: 207–210 note 1194]. Киданьский титул *синьгунь* уходит корнями к китайскому *цзянун* (генерал). Титул, транскрибированный по-разному как *сянвань*, *чангунь* и *ганвань*, происходит от китайского *сянун*, почетного обозначения канцлера или министра [Wittfogel, Feng 434]. Уже перед провозглашением Чингис-хана в качестве верховного правителя (1206) монголы приняли китайское слово *ван* (король, царь) в свою политическую номенклатуру (монгольское *онг*). Еще одно слово, для которого имеется ранее свидетельство, – *тайши* (принц) [Secret History, § 53], от китайского *тайцзы*, хотя понятие бесспорного наследника в китайском смысле было чуждым для монголов. Такие слова-заимствования могут показывать влияние китайской бюрократической терминологии на иностранцев прежде установления государства китайского типа. Для китайских наблюдателей и историков эти местные слова не означали ничего большего, кроме того что они имеют китайские корни. Среди китайских писателей все-

гда существовала тенденция говорить, что «варвары» не имели учреждений [см.: *Мэн-да бэй-лу*; на рус. яз. Мункуев 1975: 50–52 и прим. на с. 121–125]. При этом мы должны читать – «китайских учреждений».

Еще одним аспектом взаимодействия между иностранными народами и китайским государством являются отношения между ними и собственно Китаем. Ни одна из этнических групп, которые позднее образовали свои государства китайского типа, не была в отношениях данников с китайскими дворами. В китайской политической терминологии они назывались «внешними вассалами» (*вайчэнь*). Кидани были более или менее регулярными плательщиками дани и присутствовали на императорских аудиенциях с V века. Часто племенные лидеры киданей получали китайские почетные назначения и награды от императоров Тан. В 734 г. киданьскому сановнику был пожалован титул короля (*вана*). Его фамилия Ли свидетельствовала о том, что он был награжден правом носить фамилию правящего дома Тан. Уже в 648 г. киданьское племя было организовано как администрация *дудуфу* (генерал-губернаторство) в регионе Сун-мо в Маньчжурии. Следовательно, кидани входили в китайскую политическую орбиту в очень раннее время. Это может объяснить их желание стать императорами в своем собственном правительстве, передавая должности вместо их получения. Присваивание китайских титулов лидерам «варваров» не означало, конечно, обязательно, что они были истинными подданными Китая. Их включение в китайскую иерархию было, в большинстве случаев, чисто номинальным.

Ситуация чжурчжэней в отношении их верховных правителей, киданьских императоров, была аналогичной. Поколения предков династического родоначальника чжурчжэней Агуды (позднее император Цзинь Тайцзу) были командующими префектами (*цзедуши*) в иерархии Ляо. Когда Агуда провозгласил себя императором в 1115 г., как первый правитель династии Цзинь, он следовал древним китайским прецедентам, поскольку пытался иметь свое новое государство, узаконенное императором Ляо через добровольную передачу и формальное введение в должность. Один лишь факт провозглашения себя императором был явно недостаточным сам по себе, чтобы получить императорский престиж Цзинь. Политическим организатором возведения Агуды на трон как императора был выходец из Южной Маньчжурии бохаец Ян Пу. Он сообщил Агуде, что тот, чтобы быть признан-

ным, должен получить от правителя Ляо императорские титулы, название для нового государства, соответствующие регалии и ордена, регулярную дипломатическую связь между почти равными (старшим и младшим братом), платежи дани, подобные тем, которые Ляо получал от Сун (но только в размере 50 % от платежей Сун), а также уступить две пограничные провинции. Двор Ляо после некоторого обдумывания действительно отправил посольство к Агуде с документом о формальном введении в должность, но текст документа рассердил Ян Пу и Агуду, так что вся акция в конечном счете потерпела неудачу, и Агуда возобновил войну [Franke 1975: 158–165]. Дело, однако, в том, что он пытался стать императором с помощью общепринятых китайских процедур. Попытки Ян Пу и Агуды показывают, что они пытались получить императорскую законность таким же образом, как узурпаторы и мятежники в собственно Китае, которые хотели стать императорами. В этом случае не существует фундаментальной разницы в постепенном процессе создания императорского государства между чжурчжэньскими и китайскими претендентами на императорскую корону. Возвышение Агуды от командующего префекта до императора соответствует многим случаям, в которых китайские военачальники поднимались в иерархии и в конечном счете вымогали признание как императоры от бессильного правителя. Иначе говоря, возвышение Агуды имело место внутри китайской политической системы (если мы считаем государство Ляо китайским), а не извне.

Мы должны поставить вопрос, а найдем ли мы подобную постепенность в возвышении монголов. Некоторые авторы, в том числе и я, рассматривали возвышение Чингис-хана до власти хана, как происходящее вне орбиты китайского имперского государства [Franke 1978: 8–10]. Но, на иной взгляд, это нельзя поддержать. Монголия не появилась из ниоткуда или из полностью первобытного общества. В действительности, в середине XII в. уже существовало Монгольское государство (*мэнгу*), которое имело политические связи с государством Цзинь и которое неоднократно воевало с армиями чжурчжэней — Цзинь. Китайский источник сообщает, что в 1147 г. монгольское государство было усмирено и что «его вождь *аоло боцзиле* был назначен правителем государства Мэн. Только после этого были установлены мирные отношения и (Цзинь) ежегодно преподносил очень щедрые дары (монголам). После этого *аоло боцзиле* назвал себя наследствен-

ным и порождающим императором (*цзуюань хуанди*) и провозгласил эру *Тяньсин* (небесного происхождения). Империя Цзинь использовала вооруженные силы, но в конечном счете не смогла покорить их и только после использования элитных войск заняла некоторые стратегические пункты, после чего воины вернулись» [Dajin guozhi 12.99–100].

Неясно, к кому среди монгольских вождей относится титул *аоло боцзиле*. Тамура Дзицуцзо [Tamura 1973: 12] предположил, что монгольским лидером, назначенным и признанным двором Цзинь, был дед Чингис-хана Хабул-хан, который действительно, согласно параграфу 52 «*Тайной истории монголов*», «правил всеми монголами». Это никоим образом не является невероятным. Мы не должны также удивляться тому, что источники времен Юань не упоминают зависимость одного из предков Чингиса в XII веке. «*Тайная история*» также опускает все ссылки на раннюю монгольскую государственность. «*История Цзинь*» (*Цзинь ши*) также обходит молчанием этот эпизод, вероятно потому, что этот текст был составлен при монголах и, следовательно, имел тенденцию пропускать все, что могло бы указывать на подчиненный статус монголов до возвышения Чингис-хана. Вся наша информация о ранних отношениях «Цзинь – монголы», которая трактует монголов как «внешних вассалов» государства Цзинь, происходит из сунских источников [Peterson 1975: 248].

Иначе говоря, Чингис-хан не был простым искателем приключений с темным прошлым, который в конечном счете возвысился до верховной власти. Он вышел из царской семьи и его предки получили признание и должности (и дорогие подарки) от императорского двора Цзинь. Верно то, что описание юности Чингис-хана или, если называть его первоначальным именем, Темучжина, в «*Тайной истории*» создает представление о жизни, проходящей с его овдовевшей матерью в примитивной бедности. Но характер «*Тайной истории*» – это характер ностальгического и поэтического эпоса, подчеркивающий тему юности, который попал «из грязи в князи» и, как мы могли бы добавить, из мрака к верховной власти [Ratchnevsky 1983]. Во всяком случае, возвышение монголов также, очевидно, должно происходить не вне китайской политической системы, а внутри нее. Чингис-хан, подобно его предкам, был знаком с убранством двора китайского типа. Он даже некогда прибыл для аудиенции к командующему Вань-

яню Юньци, который правил с 1208 по 1213 г. как *Вэй-шао-ван* в государстве Цзинь, но рассердил его своим «высокомерным поведением». Это должно было случиться незадолго до того, как он был провозглашен Великим Ханом в 1206 г.

При попытке описать политический механизм иностранцев, достигающих китайской государственности посредством формирования династического государства, мы не должны забывать о роли их политических консультантов. Многие из них были китайского происхождения или, подобно Ян Пу, вышли из китаизированной среды. Роль Елюй Чуцая как советника Чингис-хана хорошо известна [Rachewiltz 1962]. Также при Ляо мы обнаруживаем на стадии формирования их государства некоторых должностных лиц, не являвшихся киданями, но бывших специалистами по обеспечению своих повелителей некоторыми китайскими традиционными политическими формальностями и ритуалами. Ряд этих китайских советников или обученных китайцами должностных лиц по собственной воле перешли на сторону «варваров»; другие были принуждены или подкуплены, чтобы признать положение с новыми хозяевами. Эта проблема китайских «ренегатов», как помощников правителей «варваров», могла быть прослежена через все отношения «Китай – иностранцы». Она всплывает уже во времена Хань с китайцами, которые служили кланам хунну. Эта тема заслуживает более тщательного изучения, но для целей настоящей статьи достаточно упомянуть ее мимоходом.

4. Общий элемент: трайбализм в сравнении с централизацией

Переход от племенной федерации к государственной организации, моделируемой на основании китайских прецедентов или, скорее, смеси обеих составляющих, был длительным процессом. С риском преувеличения мы могли бы сказать, что ни одна из династий завоевателей не развилась в государство, которое можно считать полностью китайским по структуре и содержанию. Одним из основных антагонизмов в этом процессе был антагонизм между наследственностью, с одной стороны, и временными назначениями – с другой. В широком смысле мы могли, вероятно, интерпретировать первый принцип как в большей степени иностранный, а последний – как более китайский. Но внутри племен или племенных федераций уже су-

ществовал другой антагонизм, а именно – между наследственными вождями и избранными лидерами. Ситуация становится даже более сложной, если мы учитываем потенциальные тенденции, разрушающие племенные связи, которые можно обнаружить даже исключительно в племенных обществах. Эти тенденции имеют свою основу в личных отношениях между лидером и последователем. Мы достаточно хорошо информированы об этом персонализированном элементе относительно монголов. Правитель мог выбрать своих близких компаньонов (монгольское слово *нукер*) на племенной или этнической основе, какая ему больше нравилась. С другой стороны, *нукер* мог искать харизматического лидера, к которому он мог бы присоединиться. Ранняя история монголов и до, и после вступления на трон Чингис-хана полна примеров. Особый случай – это случай названного брата или кровного брата *анда*. Их связь с правителем была даже теснее, чем связь *нукера*. Китайские политические традиции с их особым вниманием к иерархии не имели параллелей с данными персонализированными отношениями. Иногда нукерские связи становились формальными вследствие присвоения титулов, порожденных китайскими институтами, но эти титулы во многих случаях не представляли ничего большего, чем пустое слово. Елюй Чуцай, например, хотя он появляется в китайских источниках как должностное лицо с китайским названием, был на самом деле больше нукером Чингис-хана (который удостоил его прозвища *урту сакал* – «длинная борода»), чем канцлером в китайском смысле.

Еще одним социальным механизмом, который имел тенденцию разрушить племенные связи, было установление телохранителей для правителей. Эта охрана состояла из отборных элитных солдат и доверенных последователей независимо от их первоначальной племенной принадлежности. Они были не только показателем силы самих правителей, но и основой военной мощи государства. Царевичи и императрицы также имели своих собственных телохранителей. Этот основной принцип можно найти у киданей, чжурчжэней и монголов. Киданьский император окружил себя охраной, которая, согласно «Истории Ляо», также включала китайцев [Wittfogel, Feng 1949: 521, 549]. Это были, следовательно, надплеменные вооруженные силы.

Чжурчжэньские правители и царевичи императорского дома также имели свои собственные военные подразделения или группы мо-

укэ. Организация *мэньань моукэ*¹ была основным структурным элементом чжурчжэней и существовала до конца династии. Ее можно, в определенных отношениях, сравнить с военными колониями китайской военной системы, поскольку *мэньань моукэ* были одновременно военными и хозяйственными подразделениями, расселяющимися вместе на землях, выделенных правительством. Первоначально, однако, они состояли из чжурчжэней, живущих в том же регионе или деревне на своих родных землях [подробнее см.: Tao Jing-shen 1976: 46–51]. Когда эти подразделения были переселены в Китай в процессе завоеваний, они сохранили свои начальные наименования, производные от названий рек или гор на родине чжурчжэней. Охрана императора и царевичей назывались *хэчжа моукэ*; слово *хэчжа* интерпретировалось некоторыми учеными как родственное маньчжурскому *ханси* (близкий к правителю), но кажется вполне вероятным, что оно родственно маньчжурскому «*хаса*» – «защищать, закрывать». Мы не знаем, в какой степени подразделения императора и царевичей были надплеменными или многонациональными, но можно сделать осторожное предположение, что выбор делался на основе личных доблестей и заслуг, а не на основе клановой принадлежности. Действительно, когда в 1166 г. кто-то предложил удалить из охраны всех сыновей и младших братьев бунтовщиков, император решил, что только те, кто лично участвовал в бунте, должны быть распущены [Jin shi 133.2860]. Все другие не должны преследоваться.

Монгольская система гвардии уходит корнями к временам Чингис-хана, который задолго до своего восхождения на трон, примерно в 1189 г., создал ядро личной охраны [Hsiao Ch'i-ch'ing 1978: 37–48]. К 1206 г., когда он объявил себя ханом, охрана насчитывала приблизительно 10000 человек. Эти воины (монг. *кешиктены* от *кешик* «охрана, смена») не только выполняли роль ударных групп в сражениях, но также различные обязательства в домашнем хозяйстве правителя. Но

---

¹ *Мэньань* – китайская транскрипция чжурчжэньского слова *minggan*, обозначающего «тысячу дворов», которое в свою очередь заимствовано от монгольского *minggan*. *Моукэ* в свою очередь переводится в китайских источниках как «группа в сто дворов», однако не кажется, что *моукэ* это числительное. Возможно, это связано с маньчжурским словом *tukun* – семья, клан, деревня.

вобранцы приходили, в основном, из ведущих семей монголов, но во многих случаях включали также заложников из других племен (кланов) или из семей китайских должностных лиц. Подведем итог: телохранители и члены императорской семьи в эпоху Юань формировали многонациональное подразделение под личным командованием хана, превосходящее бывшую племенную принадлежность.

5. Этнические особенности как руководящий принцип

Пока я описал некоторую социальную и политическую динамику, которая стремилась к разрушению племенных и этнических особенностей. Этот вывод можно считать совпадающим с китайским политическим мнением, в котором основным теоретическим предположением было почти равенство в отношении регионального или местного происхождения должностных лиц, пока они были китайцами. Но в то же самое время мы обнаруживаем другой механизм в династиях завоеваний, который действовал иным образом, а именно в направлении сохранения существующих национальностей и организаций правительства в соответствии с этничностью. Эта тенденция становится довольно ясной после подчинения миллионов оседлых китайцев иностранному правлению. К племенам и народам, которые составили завоеванную федерацию, сейчас добавлен еще один национальный элемент, китайский. Хотя правительственные системы династий Ляо, Цзинь и Юань были достаточно различны между собой, они обладали некоторыми общими элементами, и одним из них была дифференциация в соответствии с национальностью. Верно, что национальные меньшинства в китайских государствах иногда рассматривались отдельно от обычного населения, которое платит налоги. Это справедливо, например, в отношении ряда национальных меньшинств в приграничных районах юго-западного Китая, которые, как правило, не включались в систему префектуры, но управлялись косвенно, через «местные органы» (*туши*). Но обычно этничность или племенная идентичность не играли заметной роли в китайской политической идеологии. Как только этническая группа насильно либо убеждением склонялась к тому, чтобы стать частью китайской культуры и политического мира, они трактовались единообразно вместе с другими китайцами. Это также отражается в традиционной китайской правовой

системе. Со всеми поступают в соответствии с китайским законом; единственным исключением в кодексе Тан была статья 48, которая обуславливала, что разбирательства между неокультурными иностранцами (*хуавай рен*, т. е. «лицами вне цивилизации») должны проводиться в соответствии с их исконным обычным правом. Кроме того, каждый, в том числе «неокультурные» лица, кто совершил незаконное действие против представителя другой нации, осуждался в соответствии с китайским статусным правом [Johnson 1979: 252]. Все это было другим в эпоху династий завоевателей, где мы обнаруживаем заметную тенденцию к принципу личности (*ius sanguinis*), разные законы использовались для различных этнических групп. В эпоху Ляо это подразумевало закон Тан для китайцев и бохайского населения (но с некоторыми существенными изменениями в наказаниях относительно *Кодекса Тан*), в то время как племенное обычное право применялось к киданям и другим племенам [Wittfogel, Feng 1949: 465–467; Niida Noboru 1959: 431–434].

Правовая история династии Цзинь также характеризуется антагонизмом между китайским законом, который идеально представлялся как однородный, и исконными традициями чжурчжэней. Даже после того, как Цзинь ввел свой собственный кодекс – *Кодекс Тайхэ*, провозглашенный в 1201 г., право оставалось смесью традиционного китайского и обычного права некитайских элементов населения. Это наиболее четко видно в семейном праве и праве наследования. Постепенная трансформация законодательства Цзинь может рассматриваться как естественное следствие эволюции чжурчжэньского общества от относительно неструктурированного кланового общества с «военной демократией» [Воробьев 1975: 364] к частично централизованному государству и от него к многонациональному государству китайского типа. Исконные чжурчжэньские правовые традиции существовали с модифицированным правом Тан [Ye Qianzhao 1972; Franke 1981a].

Дифференциация закона при монгольском правлении была даже еще больше, чем в эпоху предшествующих династий завоевателей [Ratchnevsky 1937]. Монголы также следовали принципу личности в своем правовом мышлении. После того, как они утвердились в северном Китае, причем завоевание Пекина в 1214–1215 гг. было поворотным моментом в этом отношении, они властвовали над значительным

китайским населением. В более поздние годы, после уничтожения государства Цзинь (1234 г.) и завоевания столицы Сун Ханьчжоу, (1276 г.) этнический состав населения стал еще более разнообразным. Правительство Юань проводило грань различия между монголами, центральноазиатами (*сэму*), ханьцами (*хань жень*) – термин, который включал не только северных китайцев, но и чжурчженей, киданей, бохайцев и других, короче говоря, все группы населения в бывшем государстве Цзинь) – а также южными китайцами, называемыми *маньцзы*, т. е. жителями аннексированного бывшего государства Сун. Китайское право, как правило, использовалось для китайцев, тогда как к монголам и центральноазиатам применялись их собственные правовые традиции. Кодекс *Тайхэ* Цзинь оставался в силе до его официальной отмены в 1271 г. Как и во времена предыдущих династий завоеваний, судопроизводство было разным в зависимости от национальности. Левират – обычай, согласно которому вдова умершего брата могла (и должна была) выйти замуж за живого брата, был, в принципе, противозаконным для китайца, но обычным для монгола [Ratchnevsky 1968: 45–62]. Разнообразии правовых положений отражалось во множестве специальных судов противоположных китайской правовой системе, которая включала все и обнаруживала тенденцию к однородности и для всего населения независимо от происхождения. Например, Главное бюро по делам императорского клана (*да цзэнчжэн фу*) после 1272 г. имело юрисдикцию только над монголами. Дела, касающиеся центральноазиатов, решались на высшем уровне, в Бюро по опеке (*духу фу*).

Существовало несколько исключений из принципа этничности. Одним из них было регулирование смешанных браков. Даже если только один супруг был монголом, муж или жена, применялся монгольский закон. Интересным свойством законов Юань были смешанные суды. Если в судебный процесс вовлекались члены различных этнических принадлежностей, суд мог включать представителей от каждой группы. Это применялось, например, во всех судебных делах между уйгурами, подчиняющимися уйгурскому правителю – *идикуту*, и китайцами. Они судились смешанным судом (такого не происходило, однако, если уйгур не был подданным идикута).

Другой важной характеристикой законов Юань было учреждение специальных смешанных судов для профессиональных групп, в том

числе военных. На местном уровне дела, вовлекающие представителей буддистского или даоистского духовенства, сначала рассматривались главным монахом, если правонарушителем был младший монах. Более серьезные правонарушения (грабеж, мошенничество, убийства, сексуальные преступления) подпадали под юрисдикцию гражданских властей (указ 1313 г.). Менее серьезные разногласия между мирянами и монахами должны были разрешаться главным монахом и гражданским мандарином в совместном суде. Аналогично, в разбирательствах между мирянами и членами определенных профессиональных групп применялся принцип смешанных судов. Судебные дела между доктором и пациентом должны были разрешаться совместно представителем медиков и местным мандарином (указ 1295 г.); и тот же самый принцип применялся в судебных разбирательствах между членом гильдии музыкантов и мирянами (указ 1299 г.) [Heng-chao Ch'en 1979: 82–88].

Короче говоря, принцип личности или этническая и профессиональная принадлежность охватывал всю правовую систему. Право и суд были фрагментарны. Верно и то, что в государстве Юань существовала политическая, социальная и экономическая дискриминация, но были также «различия в обращении, которые являлись отражением политики раздельной юрисдикции, а не умышленной дискриминации» [Heng-chao Ch'en 1979: 88]. Было бы полностью неправильным считать монгольское государство Юань монолитным деспотизмом; намного более реалистичной характеристикой был бы взгляд на монгольское правление как на правление колониальной власти. Если поискать исторические сравнения, мы могли бы привести в качестве примера Британское владычество в Индии (или предшественника Британии – Могольское государство), где местные, региональные и этнические традиции перекрывались свободной системой надзора, полагающейся, главным образом, на военный контроль.

6. Двойная и множественная система управления

Более детальное исследование правительственной системы династий завоевателей, вообще говоря, могло бы также показать относительно низкую степень централизации. Хорошо известно, что династия Ляо имела двойную систему управления [Wittfogel, Feng 1949: 428–450] – одну для киданей и других племен, другую – для китай-

ского населения (Северный и Южный дворы). Но уже во времена династии Цзинь, которая, по общему мнению современных историков, была намного более китаизирована, чем государство Ляо, мы находим элементы дуализма. В начале XII в. политическая система чжурчжэней основывалась на институте *боцзинь*, или *боцзиле*² (которых свободно можно рассматривать как назначаемых вождей), и на системе *мэнъянь моукэ*. *Мэнъянь* и *моукэ* были основными социально-культурными и военными единицами, как мы видели выше. Их можно сравнивать со «знаменами» маньчжур, которые были прямыми потомками чжурчжэней. Эти единицы функционировали как военные гарнизоны для контроля местного населения или как охрана стратегических участков. На них также возлагалась задача обработки полей, которые выделялись им центральным правительством. Интересной особенностью раннего правления Цзинь является то, что не чжурчжэни также могли назначаться начальниками подразделений *мэнъянь* или *моукэ*. Это происходило, когда китайские и другие вожди объединялись с чжурчжэньскими войсками. Источники упоминают китайских, киданьских, бохайских и кумосиских вождей, свидетельствуя, таким образом, о том, что первоначальная чжурчжэньская система была наднациональной и распространялась также на другие нации. Это явление можно характеризовать как форму рефеодализации; во всяком случае, она полностью не свойственна китайской административной мысли и противоположна централизации. Последняя, по крайней мере теоретически, была основой для типично китайских региональной и местной администраций [Tao Jing-shen 1976: 25–37]. Но территории были, в лучшем случае, только островками иностранной системы в океане оседлого китайского населения, поскольку они сосуществовали с традиционной китайской региональной и местной префектуральной системой.

Подобный дуализм можно наблюдать в должностных лицах *боцзиле* и их назначениях. Сначала, во времена основателя династий Агуды, *боцзиле* занимались в основном управлением чжурчжэньского

---

² *Боцзиле* – господин, вождь, аналогично маньчжурскому *бешле*. Об этом чжурчжэньском термине и его алтайских однокоренных словах см.: [Menges 1961]. Это может быть восстановлено как *богиле*. *Боцзин* может быть реконструировано как богин; также связано и может означать «вождь».

населения. В 1126 г. была принята китайская бюрократическая система, но только для подданных-китайцев. В других отношениях правительственная структура раннего периода Цзинь оказывается имитацией дуализма Ляо, однако с важным отличием, согласно которому территориальные сферы юрисдикции и управления не были четко определены. История правительственной структуры начального периода Цзинь своеобразно усложняется и закручивается, но дуализм, несомненно, был ее главной характеристикой.

Определенная попытка перестроить правительство Цзинь имела место во времена Хайлин-вана (1150–1161). Он попытался отделаться от чжурчжэньской аристократической оппозиции и сделать свое государство более китайским, т. е. более централизованным [Тао Jing-shen 1976: 42–51]. Эта попытка сопровождалась кровавыми чистками, в процессе которых в 1149 г. был убит Цзинь Сицзун, его предшественник. Хайлин-ван также упразднил наследственный характер многих *мэньань* и *моукэ*. Но введение китайской бюрократической системы, имитирующей модели Тан и Сун, при Хайлин-ване было лишь частичным и по духу она оказалась деспотизмом в китайской маске. Правитель был весьма искусен в манипулировании китайскими традициями в пользу своей личной власти. Однако, очевидно, он понимал, что полное принятие китайских правительственных ценностей могло, несмотря на их потенциальный централизм, привести к сокращению его личной власти или контролю над ней.

Монгольское государство в XIII в. также сохраняло многие элементы неполного централизма. Племенные подразделения, руководимые признанными наследственными вождями, продолжали играть заметную роль и осуществляли строгий персональный контроль за своими подданными. Функциональная бюрократия китайского типа стала действовать только после того, как монголы аннексировали китайскую (т. е. Цзинь) территорию в 1214–1215 гг. Не китайская природа многих учреждений монголов и государства Юань иногда маскируется использованием китайской терминологии в источниках, написанных китайцами. Говорилось с достаточным основанием, например, что провинций государства Юань (*синшэн*) были вполне отличны по характеру от провинции в государстве Сун; они были более подобны правительствам внешних территорий или отдельных вассальных государств, окружающих столичную область [Farquhar 1981: 52–53].

Эти институты были внутренне централизованы, но весьма слабо связаны с императорской областью вокруг столицы Даду (Пекина). Поэтому Китай в эпоху Юань оказывается конгломератом регионов, находящихся под управлением сильного регионального правительства, факт, который, несомненно, способствовал распаду государства в 1340–1350-е гг. Даже военная система государства Юань не была строго централизованной. Управление по военным делам (*шуми юань*) установило нормы для военных подразделений на территории всего Китая и за его пределами, но мы обнаруживаем прямое подчинение этому органу только в случае императорской охраны и нескольких других военных частей в северном Китае [Farquhar 1981: 49–50; Hsiao Ch'i-ch'ing 1978]. Другой особенностью правительства Юань, которая не имеет аналогов в китайских государствах, была администрация, одновременно ответственная за буддистское духовенство во всей империи и за управление Тибетом (*синшэн юаньши*). Повидимому, это вполне согласуется с тем, что мы говорили ранее об учреждении специальных судов для социальных и профессиональных групп. Монгольское государство Юань было всем чем угодно, но монопольным.

7. Коллективное и совещательное принятие решений

Отсутствие учрежденческого централизма не означает, конечно, что правители были менее могущественны, чем «обычные» китайские императоры. Это касается также династий Ляо, Цзинь и Юань. Но императорскую власть было труднее получить среди «варварских» династий, чем в собственно Китае. Основной причиной было отсутствие универсально принятых правил для императорской преемственности. Концепция бесспорного наследника была, как установлено ранее, чужда для киданей, чжурчжэней и монголов. Каждый мужчина, принадлежащий к правящему клану, считался потенциальным ханом или императором и по обычаю претендовал на трон. Процесс возведения на престол при ранних монголах, несомненно, был избирательным. Генеральное собрание (монгольский *курултай*) племенных вождей могло провозгласить *каана*. Это не означает большинства голосов; в действительности претенденты на трон появлялись на курултае со своими вооруженными приверженцами, и соображения силы, престижа и харизмы могли повлиять на окончательный консенсус. Такие

консенсусы не могли, однако, препятствовать проигравшим претендентам созвать свой собственный *курултай*. Царствованию Хубилай-хана всегда угрожали такие претенденты, будь они из его собственной семьи, подобно его младшему брату Ариг-Буге, или из линии еще одного потомка Чингис-хана, подобно его сопернику Хайду. Все это добавляется к определенной ненадежности императорской власти и ее передачи. Тот факт, что во времена государств Ляо, Цзинь и Юань так много правителей устранили своих предшественников посредством убийства или изгнания, есть прямое следствие отсутствия фиксированных правил наследования³. Его нельзя приписать типично «варварской» кровожадности или дикости.

Избирательный процесс назначения вождя в военное время можно показать также для ранних додинастических чжурчжэней. Перед основной кампанией происходило общее собрание старших и младших вождей, где обсуждалась стратегия, которую следовало принять [Franke 1975: 145]. Интересную живучесть совещательного метода и «военной демократии» можно видеть в принятии системы голосования в 1197 г. во дворе чжурчжэней Цзинь. Вопрос: оборонительной или наступательной политики придерживаться, был предложен министром должностным лицам двора без учета их соответствующих рангов. Хотя участие в этом приняли 84 чиновника, 46 из них голосовали за оборону, 5 – в пользу нападения, а 33 отстаивали стратегию одновременных нападения и обороны [Jin shi 10.242]. Оказалось, что такие коллективные элементы в процессе принятия решения были редки, а может, и вовсе не существовали в китайских императорских дворах.

Коллективное и совещательное принятие решения также встречается в административных процедурах государства Юань. Управление с использованием советов было нормальным свойством администрации Юань на всех уровнях. Требовалось ежедневное участие в управ-

---

³ Дж. Флетчер описал последовательность управления у монголов как «убийственную танистри» (bloody tanistry) в его лекции «Политическая динамика монгольской экспансии» 11 октября 1982 г. в университете Канзаса Лоуренс. Танистри являлось древним ирландским способом выбора преемника из нескольких возможных кандидатов. Часто это вело к кровной вражде. По этой причине обычай танистри был запрещен королем Джемсом I (Речь идет о порядке наследования, который в отечественной традиции называется лестницей. – Прим. отв. ред.).

лении местных чиновников всех рангов. Неучастие в этих совещаниях наказывалось. Такие собрания проходили каждое утро в управлениях столицы, префектурах, субпрефектурах и местных советах, а отдельные чиновники должны записывать свои фамилии в журналах канцелярий [Yuan dianzhang 12.2a; Ratchnevsky 1937:36]. Китайским названием этих совещаний было *юаньцзо*, буквально «сидеть в круге» – действительно, совещание за круглым столом. Этот термин часто упоминается в юаньских источниках [Yuan dianzhang 11.4a, 40.7b] со своим синонимом *яньни* (совещание [сидение] в круге) [Yuan dianzhang 22.72a, 57.20a]. Название этого пленарного заседания – *юаньшу*. Все это противоположно китайскому бюрократическому обычаю, где ответственность была индивидуальной и оставалась за главным чиновником [Endicott-West 1991]. Следовательно, коллективное обсуждение и принятие решений были фундаментальным элементом в Монгольском государстве, на высшем уровне, как в *курултае*, который провозглашал и объявлял нового *каана*, и на местном уровне в китайской администрации. Короче говоря, политическая власть и административная процедура были разорваны, а вовсе не следовали монархической цепочке власти.

С другой стороны, некоторые императоры династий завоеваний действовали как реальные деспоты. Очевидно, что внутренняя бюрократическая система контроля и баланса, которая развивалась в Китае столетиями, была менее эффективна при чужестранных правителях, чем при китайских повелителях. Но их деспотизм оказывается более или менее ограничен двором и внутренними кругами; на более низких уровнях государственной администрации бюрократическая машина оказывается довольно беспорядочной и не очень эффективной. Воля императора была, очевидно, более трудной для исполнения в нижних эшелонах бюрократии. Определенно деспотическим элементом при иностранном правлении были «дворцовые порки»: высокий сановник мог получить формальную порку в присутствии императора. Это означает, что старая китайская привилегия, которая освобождала сановников от телесного наказания, игнорировалась. Даже государственный министр или канцлер мог наказываться поркой – мы должны добавить – подобно простолюдинам. В периоды всех трех династий, Ляо, Цзинь и Юань, мы обнаруживаем этот тип наказания для чиновников, который доходит от отрицания фундаментального обществен-

ного барьера, который разделял в Китае членов бюрократии (*гуань*) и простых масс людей (*минь*) [Franke 1981a: 231–232].

8. Императорское семейство как государство в государстве

Еще одним не китайским элементом в государственной структуре иностранных династий была организация императорской власти, которая, как правило, основывалась не на службах, созданных по китайским моделям, а на семейной организации правителя и охраняющих его и родственников дружинников. Алтайский термин для многочисленных домоладцев и лагеря правителя – *ордо*, или *орду* (тюркское), или *орда* (монгольское). *Ордо* при Ляо была одновременно главной опорой военной мощи правителя и организацией хозяйства его клана, которая включала все типы слуг, вассалов, высших и низших сановников. Она была в большинстве случаев освобождена от следования общим административным законам и, вообще говоря, составляла государство в государстве [Wittfogel, Feng 1949: 508–517]. Не только императоры династии Ляо имели свои личные *ордо*, но также принцы и императрицы. Китайский термин для этого иностранного института – *ванфу*, царственная администрация. Такие администрации существовали, например, во времена государства Сун и являлись, следовательно, китайскими, но функционально «варварские» *ванфу* должны рассматриваться как отличные от параллельного китайского учреждения.

Во время Цзинь роль киданьских *ордо* выполнялась *моукэ* императора и его родственников. Они также были инструментом личной власти императора и принцев, вместе с императорской охраной. Эти подразделения состояли, главным образом, из чжурчжэнских семей, но включали очень большое количество рабов [Jin shi 46.1034]. Администрация *ванфу* китайского типа была установлена относительно поздно, в 1191 г., при императоре Чжанцзуне [Jin shi 9.57], но старший писец (*чжаниши*) администрации принца упоминается уже в 1172 г. [Jin shi 7.155]; это свидетельствует о том, что уже при Шицзуне (1161–1189 гг. правления) подобные учреждения должны были существовать.

В монгольской традиции были возрождены киданьские прецеденты. Центром могущества императора были его личные телохранители (*кешик*, см. выше) вместе с императорским двором (*ордо*), но эти

два института разделить было трудно. Во многих случаях должностные лица личной охраны или *ордо* носили дополнительные китайские титулы, те, что назывались «второстепенная администрация», указывая снова на структурный дуализм [Buell 1976]. Члены личной охраны также нередко отправлялись в качестве администраторов на местном уровне; *кешик*, *ордо*, следовательно, служили в качестве личного резерва для правителя. Мы обнаруживаем во времена правления монголов сосуществование *ордо* или домохозяйства хана с администрацией *ванфу* китайского типа, которое даже было принято монгольскими ханами вне собственно Китая. Распространение титулов *ванфу* подтверждается для региона Центральной Азии в 1350-е гг. [Franke 1965: 125–127]. Функция личной охраны (*кешика*) как личного резерва продолжалась на протяжении всей эпохи Юань; еще в 1346 г. члены охраны (*кешиктены*) посылались в провинции как надзирающие правители (*даругачи*) [Yuan shi 41.875]. Взятые вместе, наши источники, прежде всего «Юань ши» (*История династии Юань*), позволяют нам описать с большой детальностью роль и функции *кешика*. Обязанность действовать как личная охрана императора была только одной из них. Они также несли ответственность за домашнее обслуживание императора, и поэтому мы находим на ранних фазах монгольского государства множество таких домашних функций, как повара (*баурчи*), конюхи (*агтачи*) и т. п. [The Secret History § 192, 229]. Их число даже возрастало в более поздние периоды. Третья и, возможно, самая важная функция *кешика* – это функция центрального административного органа во времена ранних ханов. При Хубилае *кешик* утратил часть своего политического значения вследствие учреждения параллельных китайских администраций, но структурный дуализм сохранялся, в принципе, до конца династии Юань [Hsiao Ch'i-ch'ing 1978: 33–47].

9. Возвеличение правителя посредством китайского церемониала

Необходимо также сказать несколько слов о влиянии ритуала китайского двора на положение императоров. В китайской политической идеологии понятие императора как человека, возвеличенного над всеми сановниками и простыми людьми, всегда сопровождалось с самых ранних времен предположением, что свита императора и его бюрократия должны быть иерархизированы. Это было, очевидно, не-

что, первоначально чуждое племенным обществам, которые позднее захватили Китай и основали государства. Отсутствие дворцовых ритуалов описывается китайским источником у ранних додинастических чжурчжэней следующими словами: «Правил церемониала не существует. Правитель и его подданные купаются вместе в одной и той же реке и толкаются на улицах. Если человек из народа резал всего-навсего курицу, он мог пригласить правителя на обед» [цит. по: Franke 1975: 130]. Даже после того, как Агуда был возведен на трон как император династии Цзинь (1115 г.), не существовало формальностей для получения аудиенции у императора. Когда Сагай, министр, который умер в 1121 г., представил императору записку, он и другие встали на колени перед Агудой. Это очень удивило императора. «Он встал, заплакал и остановил их, говоря: “Наш нынешний успех обусловлен вашей помощью. Хотя я и занимаю самое высокое положение, старые обычаи нельзя просто так изменить”. Сагай и другие поднялись и дважды поклонились, чтобы выразить свою благодарность». Тот же текст говорит, что император посещал банкеты среди придворных; когда гость кланялся, император также отвечал поклоном. Только после правления Тяньфу (1117–1123 гг.) этот «ритуал между правителем и придворным был исправлен в первый раз» [Jin shi 10.1614]. «Исправлен», конечно, относится к тщательно разработанным церемониям китайского двора, которые направлены на то, чтобы отделить персону правителя от его подданных посредством ритуальных барьеров.

Ту же самую тенденцию можно наблюдать в отношении ранних монгольских ханов. До Хубилая правители «не имели свободного времени, чтобы построить дворец. Всякий раз, когда существовала возможность для поздравлений, толпа сановников собиралась перед шатром, и здесь не было разницы между высокопоставленными сановниками и нижестоящими, между знатным и простым человеком из народа. Если чиновники в соответствии с правилами уставали от шума и гвалта, они прогоняли их палками, но после того, как те уходили, толпа возвращалась снова, и это происходило неоднократно. Канцлер Ван Вэньчжэн-гун⁴ возглавлял в это время церемонии жертвенного

---

⁴ Это конфуцианский мыслитель Ван Пан (1202–1293). Он получил степень цзиньши при чжурчжэнях в 1227 г. Эта биография содержится в «Юань ши» [Yuan shi 160.3751–3756]. События, о которых идет речь в цитате, произошли вскоре после 1260 г.

культы и боялся, что это могло вызвать смех среди иностранных народов. Поэтому он попросил учредить дворцовый церемониал, а потом выслушивались его слова» [Yuan shi 160.3753]. Явным мотивом Вана была, очевидно, респектабельность в глазах посторонних людей, которые могли неблагоприятно сравнивать отсутствие церемонии в ханском дворе с более структурированными, торжественными и иерархическими аудиенциями во дворах китайцев.

10. Многоязычие при чужестранных режимах

Наконец, следует упомянуть характеристику, общую для всех трех средневековых династий завоеваний. Многонациональность этих государств, как мы видели, отражалась в дифференцированном правовом режиме для разных наций на основе принципа *ius sanguinis*. Она также выражается многоязычием в государственной администрации. Кидани, чжурчжэни и монголы имели свои национальные письменности, которые использовались вместе с китайской в государственной администрации. Киданьская письменность в виде больших букв (иероглифов) была изобретена в 920 г., малое письмо – в 925 г. Последнее могло быть типом алфавитного письма, моделируемого по уйгурскому алфавиту. Чжурчжэни также разработали свои собственные письма: «большое письмо» в 1119 г., а «малый шрифт» в 1138 г. Некоторое время в государстве Цзинь использовались три разных письма, а именно, китайский для киданей и чжурчжэньский (большое и малое) для чжурчжэньских частей государственной администрации. Только в 1191–1192 гг. правительство Цзинь попыталось упразднить киданьское письмо, ограничившись письменностью для китайцев и чжурчжэней [Wittfogel, Feng 1949: 240–253]. Монголы, которые первоначально были неграмотными, приняли уже при правлении Чингис-хана уйгурское письмо для своих возникающих секретариатов, и оно продолжало использоваться в Китае до конца династии. Это письмо еще и сейчас является официальным письмом монгольского меньшинства в Монгольском автономном округе. Дополнительный алфавит для монголов создавался по образцу тибетского алфавита и был объявлен официальным национальным письмом в 1269 г. Он изобретен тибетским священником Пагбой (1235–1280 гг.). Как и во времена предшествующих династий, язык и письменность завоевателей использовались вместе с китайскими. Многие

документы в административных руководствах Юань (*законы государства Юань*) и *Тунчжи тяоге* (*Кодекс всесторонних учреждений*) были написаны на разговорном китайском языке, но в монгольском порядке слов, который получается из китайских подстрочных (междустрочных) версий монгольского оригинала. Эта двуязычность вновь возникает в более поздней китайской истории во времена династий завоевателей и оказывает важное влияние на внутреннюю структуру государства. Знание нескольких языков становится мощным фактором в подборе персонала. Немало должностных лиц и сановников обязаны своим возвышением в государственной иерархии своей лингвистической компетенции. Этот дополнительный критерий имел тенденцию вытеснять традиционную китайскую систему литературного освидетельствования или, по меньшей мере, отталкивал ее временно на задний план.

11. Выводы

В попытке обобщить то, что было сказано выше, я, вероятно, мог попытаться сформулировать следующие замечания. Очевидно, что в организацию и механизмы традиционного китайского государства был внесен мощный плюралистический компонент. Пропать, которая стремилась разделить различные этнические элементы, была, по крайней мере, частично ликвидирована некоторыми надплеменными и наднациональными составляющими. Но ясно также, что объединение племенных традиций с китайским искусством управления государством было, в лучшем случае, довольно непрочным. Единство и однородность китайской системы пронизывались чужестранными элементами, которые, в отличие от того, что обычно предполагалось, имели тенденцию уменьшать ее связанность и увеличивать цепочки власти. В частности, во времена династии Юань мы обнаруживаем сосуществование методов монгольского управления с китайскими традициями и учреждениями. Можно было даже сказать, что учреждения государства Юань, которые были заимствованы из традиционных китайских систем, были иногда не более чем малопригодное одеяние для монгольской реальности. Много было написано относительно китаизации иностранных режимов, и это вполне естественно, ввиду того что наши источники были созданы, как правило, членами конфуцианской китайской элиты. Но иностранные элиты, несмотря на

то что были открыты китайским влиянием, никогда полностью не ассимилировались. Следует добавить также, что угасание иностранных династий в 1125 г. (Ляо), 1234 г. (Цзинь) и 1368 г. (Юань) ни в одном из трех случаев не привело к исключению «варварских» народов из истории. Значительная часть киданей мигрировала во Внутреннюю Азию, где они создали государство кара-киданей [Wittfogel, Feng 1949: 619–674]. Чжурчжэни, которые остались в Маньчжурии, сохраняли полунезависимое существование и позднее стали прародителями маньчжуров [Serгуус 1955]. Монголы даже после 1368 г. оставались политическим фактором первого порядка в степях и неоднократно угрожали китайскому государству Мин. Все это свидетельствует о жизнеспособности исконных политических традиций иностранцев, которые перенесли воздействие китайских идей относительно государства и его функционирования.

Еще одно наблюдение состоит в том, что определенное совещательное и ориентированное на консенсус принятие решений, унаследованное из племенного прошлого, продолжало практиковаться даже после установления династического государства. Результатом была определенная дестабилизация на всех уровнях и административный беспорядок и неэффективность, которые должны были шокировать китайских наблюдателей и советников. Даже государство Юань не характеризовалось монолитным деспотизмом. Предполагалось, что деспотические элементы при правлении Тайцзу в династии Мин были наследством жестокого режима Юань. Это вполне может быть так, но мы должны также допускать интерпретацию, согласно которой деспотические особенности его правления были попыткой уйти от относительно неструктурированной и свободной правительственной системы Юань [Mote 1961]. Действительно, император Мин объяснял падение своих противников именно этими причинами. Он полагал, что крах государства Юань произошел вследствие того, что его система правления была слишком беспечной, слишком вялой и слишком терпимой [Dardess 1979: 9; Langlois 1981: 12–20]. Поэтому он принял меры, чтобы предотвратить подобные тенденции в своем собственном государстве. Вероятно, мы могли даже сказать, что китайское государство раннего периода династии Мин должно было сделаться сильным, поскольку оно было ослаблено последовательными чужестранными режимами.

Литература

- Воробьев М. В. 1975. *Чжурчжэни и государство Цзинь (X в. – 1234 г.). Исторический очерк.* – М.: Наука.
- Кычанов Е. И. 1968. *Очерк истории тангутского государства.* – М.: Наука.
- Мункуев Н. Ц. 1975. *Мэн-да бэй-лу («Полное описание монголо-татар»)* / Пер., коммент. Н. Ц. Мункуева. – М.: Наука.
- Buell P. 1976. *Tribe, Qan and Ulus in early Mongol China: Some prolegomena to early Yuan history.* – Unpublished Ph. D. Diss. University of Washington.
- Cartier M. 1981. Barbarians through Chinese Eyes: The Emergence of an Anthropological Approach to Ethnic Differences. *Comparative Civilizations Review* 6: 1–14.
- Dajin guozhi* [Records of the Great Jin State]. – Shanghai: Commercial Press, 1936.
- Dardess J. W. 1972/1973. From Mongol Empire to Yüan Dynasty: Changing forms of imperial rule in Mongolia and Central Asia. *Monumenta Seria* 30. 117–165.
- Dardess J. W. 1979. Ming T'ai-tsu on the Yuan: An Autocrat's Assessment of the Mongol Dynasty. *The Bulletin of Sung and Yuan Studies.* № 14.
- Doerfer G. 1967. *Türkische und Mongolische Elemente im Neupersischen.* – Wiesbaden: Franz Steiner Verlag.
- Ecsedy I. 1981. Nomads in History and Historical Research. *Acta Orientalia Hungaricae* XXXV (2–3): 201–227.
- Endicott-West E. 1991. Aspects of Khitan Liao and Mongolian Yuan Imperial Rule: A Comparative perspective. *Rulers from the Steppe: State Formation on the Eurasian Periphery* / Ed. by D. Seaman. Vol. 2. – Los-Angeles: 199–216.
- Farquhar D. 1981. Structure and function in the Yuan Imperial Government. *China under Mongol Rule* / Ed. by J. Langlois. – Princeton: 25–55.
- Fincher J. 1972. China as a Race, Culture, and Nation: Notes on Fang Hsiao-ju's Discussion of Dynastic Legitimacy. *Transition and Permanence: Chinese History and culture. A Festschrift in Honour of Dr. Hsiao Kung-ch'uan* / Ed. by D. C. Buxbaum and F. W. Mote. – Hong Kong: 59–70.
- Franke H. 1974. Chinese Historiography under Mongol Rule: The role of History in Acculturation. *Mongolian Studies, Journal of the Mongolian Society* I: 15–26.
- Franke H. 1975. Chinese texts on the Jurchen: A translation of the Jurchen monograph in the «San ch'ao pei meng hui pien». *Zentralasiatische studien* 9: 119–186.
- Franke H. 1978. *From Tribal Chieftain to Universal Emperor and God. The Legitimation of the Yuan Dynasty.* – Munchen: Bayerische Akademie der Wissenschaften.

Franke H. 1981. Eine qarluq-türkische Familie im Dienste der Mongolischen Grosskhane. *Scholia. Beträge zur Turkologie und Zentralasienkunde. Annemarie von Gabain zum 80. Geburtstag am 4. Juli 1981 dargebracht von Kollegen, Freunden und Schülern* / Ed. by K. Rohrborn and H. W. Brands. – Wiesbaden: 64–79.

Franke H. 1981a. Jurchen Customary Law and the Chinese Law of the Chin Dynasty. *State and Law in East Asia* / Ed. by H. Franke and D. Eikemeier. – Wiesbaden: 215–233.

Heng-chao Ch'en P. 1979. *Chinese Legal Tradition under the Mongols. The Code of 1291 as Reconstructed*. – Princeton: Princeton University Press.

Hokalm Chan. 1981. Chinese Official Historiography at the Yuan Court: The Composition of the Liao, Chin, and Sung Histories. *China under Mongol Rule* / Ed. by J. Langlois. – Princeton: 56–106.

Hokalm Chan. 1985. *Legitimation in Imperial China. Discussions under the Jurchen-Chin Dynasty (1115–1234)*. – Seattle and London: University of Washington Press.

Hsiao Ch'i-ch'ing. 1978. *The Military Establishment of the Yüan Dynasty*. – Cambridge, Mass. And London: Harvard University Press.

Jin shi [History of Jin Dynasty]. Beijing: Zhonghua shuju, 1975 (in Chinese).

Johnson W. 1979. *The T'ang Code. Vol. I. General Principles*. – Princeton: Princeton University Press.

Langlois J. 1980. Chinese Culturalism and the Yuan Analogy: Seventeenth Century Perspectives. *Harvard Journal of Asiatic Studies* 40: 355–398.

Langlois J. 1981 (eds.). *China Under Mongol Rule*. – Princeton, N. J: Princeton University Press.

Mote F. 1961. The Growth of Chinese Despotism: A Critique of Wittfogel's Theory of Oriental Despotism as Applied to China. *Oriens Extremus. № 8*: 1–41.

Niida Noboru. 1959. *Chugoku hoseishi kenkyo. Keiho* [Studies in Chinese Legal History. Criminal Law]. – Tokyo: Tokyo Daigaku (in Japanese).

Okazaki Serio. 1972. *A Study of the Ancient History of Tanguts*. – Kyoto: Toyoshi Kenkyukai (in Japanese).

Peterson C.A. 1975. First Sung Reactions to the Mongol Invasion of the North, 1211–1217. *Crisis and Prosperity in Sung China* / Ed. by J. W. Haeger. – Tucson: The University of Arizona Press.

Rachewiltz I. de 1962. Yeh-lu Ch'u-ts'ai (1189–1243): Buddhist Idealist and Confucian Statesman. *Confucian Personalities* / Ed. by A. Wright and D. Twitchett. – Stanford: 189–216.

Ratchnevsky P. 1937. *Un code des Yuan*. – Paris: Ernest Leroux.

Ratchnevsky P. 1968. The Literate in the Legislation of the Yuan Dynasty. *Collected articles on Far Eastern History in honour of the birthday of Dr. Tamura*. – Kyoto: 45–62.

Ratchnevsky P. 1983. *Cinggis-khan: Sein Leben und Wirken*. – Wiesbaden: Franz Steiner.

Serruys H. 1955. *Sino-Jurchen Relations during the Yung-lo Period (1403–1424)*. – Wiesbaden: Otto Harrassowitz.

Tao Jing-shen. 1976. *The Jurchen in the Twelfth-Century China. A Study in Sinicization*. – Seattle and London: University of Washington Press.

The Secret History of the Mongols / Cleaves F. (transl.). – Cambridge, Mass., 1982

Tamura J. Jitsuzo. 1973. The Legend of the Origin of the Mongols and Problems concerning Their Migration. *Acta Asiatica*. Vol. 24.

Wittfogel K. A., Feng Chia-Sheng. 1949. *History of Chinese Society. Liao (907–1125)*. – Philadelphia: Transactions of the American Philosophical Society, new series, 36.

Wu Tainchei. 1980. *A Draft History of Xixa*. – Chengdu: Sichuan renmin chubanshe (in Chinese).

Ye Qianzhao. 1972. *Jinlu zhi yanjiu* [Studies of the Jin Code]. – Taipei: Commercial Press (in Chinese).

Yuan dianzhang. Reprint of original Yuan edition. – Taipei: Gugong bowuyuan, 1976 (in Chinese).

Yuan shi [History of Yuan Dynasty]. – Beijing: Bonaben edition (in Chinese).

**РАССЕЛЕНИЕ И ПЛЕМЕННОЙ СОСТАВ НОМАДОВ
ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В ПРЕДЧИНГИСОВСКОЕ
И ЧИНГИСОВСКОЕ ВРЕМЯ
(по данным летописей Рашид-ад-Дина)**

Основным направлением данной статьи является попытка выявления и реконструкции ареалов расселения кочевых племен Центральной Азии в предчингисовский и чингисовский периоды.

Вопросы расселения монгольских племен в период становления империи так или иначе поднимались неоднократно. Однако проблема реконструкции в ракурсе исторической географии и картографии все еще остается спорной и малоизученной. Особенностью предпринятого нами исследования является использование в качестве базового источника летописи Рашид-ад-Дина, одного из наиболее полных собраний хроник и преданий по истории монголов чингисовского времени.

Прежние попытки этнического и политического картографирования этого региона в исследуемый период, в которых на карту одновременно наносились государства, народы, племена, ограничивали восприятие реального расселения, так как в большинстве своем были ареальными, т. е. не позволяли одновременного присутствия государств на одной территории. В данном же регионе явно обнаруживаются народы-государства, для которых анклавное и рассеченное расселение не являлось исключением. В связи с этим методы и подходы, применяемые в данном исследовании, представляются наиболее продуктивными для решения обозначенных проблем.

Целью данного исследования является сбор и классификация сведений о местах расселения центральноазиатских племен и их ветвей. Основными задачами являются выявление ареалов расселения отдельно взятых племен и фиксирование родственных и территориальных связей населения Центральной Азии.

Таблица 1 «Общие упоминания»

Упоминания этнонимов в тексте книги I, части I, начинаются буквально с первых страниц. Во вводной части упоминаются практически все племена, данные о которых в дальнейшем будут рассмотрены, поэтому в целях сокращения количества упоминаний нами представлены данные таблицы 1 «Общие упоминания». В представленных текстах есть географические маркеры, которые в общем обрисовывают регион исследований. Для нас особенно важным является выделение Рашид-ад-Дином областей Могулистана, земель найманов и кераитов. В плане исследования племенного состава очевидным становится разделение народов Центральной Азии на три крупные группы, такие как собственно монголы, которые, в свою очередь, делятся на дарлекинов и нирунов, народы, которые имели своего государя и вождя, и племена, которые стали называться монголами впоследствии.

№	Стр.	Текст
I	73–74	...народы, которых с древнейших времен и до наших дней называли и называют тюрками, обитали в степных пространствах, в горах и лесах областей Дешт-и-Кипчака, русов, черкесов, башкиров, Таласа и Сайрама, Ибира и Сибира, Булара и реки Анкары, в пределах областей, которые известны [под названиями] Туркестана и Уйгуристана; по рекам и горам в [областях] народа найман , как, например, Кок-Ирдыш [Синий Иртыш], [гора] Каракорум, горы Алтая, река Орган, в области киргизов и кэм-кэмджиутов , в местностях с многочисленными летовками и зимовками, известных под именем Могулистана и принадлежащих народу кераит , как-то: [по рекам и озерам] Онон, Кэлурэн, Талан-Балджиус, Буркан-Калдун, Кукананаур, Буир-наур, Каркаб, Куйин, Эргунэ-кун, Калайр, Селенга, Баргуджин-Токум, Калаалджин-Элэт и Ут-кух, кои смежны с Китайской стеной.
II	75	...народы, которые в данное время славны под именем монголов, как джалаиры, татары, ойраты, меркиты и прочие, [равно] подобно некоторым другим народам, которые были похожи на монголов и из которых каждый имел [свое] государство, как кераиты, найманы, онгуты и [другие] подобные им, вроде

		народов, которые с давних времен до настоящего времени известны под именами: кунгират, куралас, икирас, элджигин, урянкат, килингут и других, которых всех называют монголами-дарлекинами, [или вроде] народа нирунов, кои суть настоящие монголы...
III	77	<p><i>Первое подразделение.</i> Народности, которых в настоящее время называют монголами, однако вначале их название не было таковым, потому что это название появилось спустя некоторое время после них. Каждое ответвление этих народов [разделилось] на множество ветвей и каждое [из них] получило определенное название: джалаир, суннит, татар, меркит, курлаут, тулас, тумат, булагачин, кэрэмучин, урасут, тамгалык, таргут, ойрат, баргут, кори, теленгут, кесутами, урянка, куркан и сукаит.</p> <p><i>Второе подразделение.</i> Народы же обитатели равнины подобны [выше]упомянутым народам, которые не столь давно получили имя монголов. Это собрание народов многочисленно, племена их бесчисленны; названия некоторых из таких племен и их ветвей, поскольку они стали известны, приводятся полностью, [в дальнейшем] будут объяснены и обстоятельства их жизни, это: кераиты, найманы, онгуты, тангуты, бекрины, киргизы.</p>
IV	78–79	<p><i>Первое подразделение.</i> [Составляет ту] ветвь, которая произошла от тех настоящих монгольских народов, кои были на Эргунэ-куне и [где] каждый получил [свое] специальное имя и прозвище. [Впоследствии] они удалились оттуда. [Это были племена]: нукуз, урянкат, кунгират, икирас, олкунут, куралас, элджигин, кункулают, ортаут, конкотан, арулат, килингут, кунджин, ушин, сулдус, илдуркин, баяут и кингит.</p> <p><i>Второе подразделение.</i> Народы, которые произошли от трех сыновей, появившихся на свет у жены</p>

Добун-баяна, по имени Алан-Гоа, [уже] после смерти ее мужа. Добун-Баян же был из коренных монголов, что не забыто; Алан-Гоа же происходила из племени куралас.

Эти народности также состоят из двух подразделений: нируны в собственном смысле; их шестнадцать родов: **катакин, салджиут, тайджиут, хартакан, сиджиут, чинос, который называют также нукуз, нуякин, урут, мангут, дурбан, баарин, барулас, хадаркин, джурьят, будат, дуклат, йисут, сукан и кингият.**

Второе подразделение – нируны, которых также называют киятами; они разделяются на две ветви; кияты вообще и в этом смысле [они объединяют роды]: **юркин, чаншиут, кият-ясар и кият-бурджигин**, что означает – синеокие; их ветвь произошла от отца Чингиз-хана и имеет [поэтому] родственное отношение [к роду Чингиз-хана и его отца].

Таблица 2 «Кияты»

Генеалогические связи. Материалы позволяют представить генеалогические корни древа кият и связи киятов с другими монгольскими племенами. Так как Чингис-хан происходил из племени киятов-борджигинов, в тексте представлены генеалогические связи киятов-борджигинов с другими киятами, а также связи киятов с нирунами, частью которых они являлись. Упоминается эргунэунский период истории монголов.

Ветви. Также на основе данных становятся ясными ветви древа кият: юркин, чаншиут, кият-ясар, кият-бурджигин.

Персоналии. Кабул-хан, Бартан-бахадур, Есугэй-бахадур, Чингиз-хан.

Территориальные маркеры. Прямых данных, указывающих на расселение киятов в исследуемый период, нет.

№	Стр.	Текст
1	79	IV ... <i>Второе подразделение</i> – нируны, которых также называют киятами; они разделяются на две ветви; кияты вообще и в этом смысле [они объединяют роды]: юркин, чаншиут, кият-ясар и кият-бурджигин , что означает – синеокие; их ветвь произошла от отца Чин-

		гиз-хана и имеет [поэтому] родственное отношение [к роду Чингиз-хана и его отца].
2	103	...во времена Кабул-хана, бывшего монгольским ханом, из рода которого происходит большинство племени кият ...
3	152	<p>Значение [слова] нирун есть чресла. Указание на эти чистые чресла в том, что они [сыновья] произошли от [сверхъестественного] света.</p> <p>Первая [часть] – те, которые происходят из рода Алан-Гоа до шестого ее поколения, в котором был Кабул-хан. Всех этих людей из [числа] сыновей, племянников и их рода [уруг], независимо называют нирун. Точно так же нирунами называют братьев Кабул-хана и их род.</p> <p>Вторая [часть] – те, которых, хотя они нируны, но называют кият. Они суть колено [таифэ], которое ведет свой род от шестого поколения Алан-Гоа, от рода Кабул-хана.</p>
4	152– 153	Третья [часть] – те, которых, хотя они происходят от племени нирун-кият и чистого рода Алан-Гоа и появились на свет от прямого ее потомка в шестом [колене], Кабул-хана, называют кият-бурджигин . Их происхождение таково: они народились от внука Кабул-хана Есугэй-бахадур, отца Чингиз-хана.
5	154	Так как кияны были отважны, храбры и крайне мужественны, то это слово положили их именем. Кият – множественное число от киян ; тех из этого рода, которые ближе к его началу, называли в древности кият .
6	155	...в древние времена это племя называли кият , однако после Добун-Баяна, поскольку от него появились многочисленные племена, ветви и колена [кабилэ], то каждое колено было отмечено каким-нибудь [особым] именем и прозвищем, а прозвание кият исчезло. После того потомок в шестом колене Алан-Гоа, по имени Кабул-хан, породил шесть сыновей. Так как они все были богатырями, великими и пользующимися уважением

		<p>людьми и царевичами, то кият стало вновь их прозвищем. С той поры некоторых детей [Кабул-хана] и его род называют кият, и в частности называют кият детей одного из его сыновей, Бартан-бахадур, бывшего дедом Чингиз-хана...</p> <p>... Несмотря на то, что Чингиз-хан, его предки и братья принадлежат, согласно вышеупомянутому [своему] авторитету, к племени кият, однако прозвищем детей Есугэй-бахадур, который был отцом Чингиз-хана, стало кият-бурджигин; они – и кият, и бурджигины. Бурджигин же по-тюркски [значит] человек, глаза которого синие.</p>
7	156	<p>Так как оба племени, нукуз и кият, ответвились от них после истребления монгольского племени, то их жизненные обстоятельства, [каждого] в отдельности являются истоком [особой] летописи...</p>

Таблица 3 «Урянкаты»

Генеалогические связи. Племя урянкат входит в группу дарлекинов. Упоминается эргунэунский период. Обнаруживаются связи с дарлекинами и нирунами: «племя пошло от Кияна и Нукуза». Отмечено отсутствие родственных связей с лесными урянкатами.

Персоналии. Субэдай-бахадур, Джэлмэ-Ухэ, Джаурга-Илгана.

Территориальные маркеры. Прямых данных нет, по косвенным можно заключить, что урянкаты не были расселены в Баргуджин-Токуме, где расселены лесные урянкаты.

№	Стр.	Текст
1	75	II
2	78	IV
3	154	Точно так же раздувало [мехи] и то племя, которое известно под именем нукуз, и племя урянкат , принадлежащее к их ветвям.
4	156	Племя урянкат . Это племя пошло от рода вышеупомянутых Кияна и Нукуза; имеется другая группа, которую называют «лесные урянкаты», но эти [последние] отличаются от них. Это лесное племя [находится] в пределах Баргуджин-Токума, там, где обитают племена:

		кори, баргут и тумат; они близки друг к другу. Их племена и [племенные] ветви, – как то было упомянуто в предшествующем разделе, – не есть коренные монголы. Урянкаты притязают на то, что они помогали и принимали участие в разжигании семидесяти очагов Эргунэ-Куна.
5	157	В эпоху Чингиз-хана из этого племени урянкат из старших эмиров был Джэлмэ-Ухэ.
6	159	Эмир Субэдай-бахадур, который прибыл в Иран вместе с Джэбэ-нойоном, был также из [племени] урянкат .
7	160	Рассказы об этих племенах урянкатов и их эмирах многочисленны; теперь же написано это [небольшое] количество.
8	192	...и Джаурга-Илгана из племени урянкат , которого также называли Джаур...

Таблица 4 «Кунгираты»

Генеалогические связи. Дважды упоминается в негативном ключе эргункунский период: «без совета и обсуждения, вышли [из ущелья], потоптав ногами очаги других племен». Являются дарлекинами. Упоминаются имена персонифицированных генеалогических предков: Алан-Гоа, Кубай-Ширэ, Инкирас, Олкунут, Тусубу-Дауд, Каранут, Кунклиут, Мисар-Улук, Куралас.

Связи с другими племенами. Обнаруживаются родственные связи с племенами курлаут, элджигин и баргут. Упоминаются устоявшиеся брачные связи между племенами, и то, что они пользуются единой тамгой. Также упоминаются в связи с союзничеством с Джамукэ и другими оппозиционными Чингис-хану племенами.

Ветви. Упоминаются такие кунгиратские ветви, как: олкунут, инкирас, каранут, кунклиут, куралас, элджигин.

Персоналии. Каракэ-эмэл, Дай-нойон, Бяудай, Джарука, Экэ-Есур.

Территориальные маркеры. Упоминается местность Караун-Джудун и соседство в этой местности с племенами инкирас и куралас, также говорится что кунгираты занимают местность в пределах страны Уткух, тянущейся наподобие стены Александра между областями Китая и Монголией, т. е. Великой китайской стены, а конкретно расселены в местности Утаджиз.

№	Стр.	Текст
1	75	II
2	78	IV
3	104	...брат Кара-Лику из племени кунгират ...

4	117	<p>Это племя [курлаут] с племенами кунгират, эджигин и баргут близки и соединены друг с другом; их тамга у всех одна; они выполняют требования родства и сохраняют между собой [взятие] зятьев и невесток.</p>
5	154	<p>...племя кунгират, состоящее из стольких [отдельных] ветвей, подробности о котором приведутся ниже, а равно и то [племя, что] появилось от этих Нукуза и Кияна на Эргунэ-Куне, прежде других без совета и обсуждения, вышли [из ущелья], потоптав ногами очаги других племен.</p>
6	160	<p>Племя кунгират. Это племя пошло от рода тех двух людей, которые ушли в Эргунэ-кун. Как уже было упомянуто, передают, что это племя кунгират прежде других, без совета, внезапно вышло [из ущелья] так, что потоптало очаги других племен... Прочие племена монголов в далеком прошлом рассердились на кунгиратов за то, что те вышли прежде, и стали их противниками.</p> <p>От племени кунгират ответвились [другие] племена, и каждое в отдельности получило определенное название и прозвище. Так как в основном они все являются ветвями этого племени и их юрты были по ту сторону Караун-Джудуна вместе с племенами инкирас и куралас...</p>
7	161	<p>Местность, [занимаемая] племенем кунгират, — пределы стены Уткух, тянущейся наподобие стены Александра между областями Китая и Монголией — [именно] то место, которое называют Утаджиэ, и они там сидят. Из этих кунгиратов во все времена было много эмиров и знатных женщин.</p> <p>В эпоху Чингиз-хана из числа старших эмиров из племени кунгират был некий Каракэ-эмэл...</p>
8	162	<p>Была еще другая воинская часть из кунгиратов, начальником и предводителем ее [был] Дай-нойон.</p> <p>Чингиз-хан выделил четыре тысячи мужей из других племен кунгират и пожаловал ему...</p>

		<p>Баяудай из [племени] олкунут, которое является ветвью кунгиратов.</p>
9	164	<p>Второй сын – Кубай-Ширэ. У него было два сына: Инкирас и Олкунут.</p> <p>Инкирас. Все племена инкирас происходят из его рода и потомства.</p> <p>Олкунут. Племена олкунут все суть от его кости.</p> <p>Третий сын – Тусубу-Дауд. У него было два сына: Каранут и Кунклиут. Этот Кунклиут взял жену отца, и она от него принесла сына по имени Мисар-Улук. Он также взял [еще] жену отца, и она принесла от него сына, по имени Куралас, из рода которого происходят все племена куралас. Он взял [еще] хитайку, и она принесла от него сына, по имени Элджигин. Все [элд-жигины] – от его кости. Объяснение о каждом будет подробно изложено следом за этим.</p> <p>Каранут. Все то племя, которое называют каранут, ведет от него происхождение.</p> <p>Кунклиут. Этот Кунклиут имел сына по имени Мисар-Улук... Этот Мисар-Улук взял [за себя] жену отца, которая принесла от него сына по имени Куралас, из рода которого происходят все племена куралас.</p>
10	165	<p>В то время, когда Чингиз-хан был в Балджунэ, кураласы [напали] и обратили в бегство инкирасов, предводителем которых был Бутук-хан; инкирасы, убежав от них, ушли к Чингиз-хану в Балджунэ и присоединились к нему. Из этих кураласов было три тысячи у Утуджи-нойона.</p> <p>Джарука, предводитель племени куралас, был в союзе с Чингиз-ханом в войне с [племенем] тайджиут.</p> <p>Был один эмир из племени куралас, по имени Мергитай.</p> <p>В то время, когда племена кунгиратов из-за того, что Джочи-Касар, послушавшись Джэбэ, обратил их в бегство, а Чингиз-хан привлек [за это брата] к ответу,</p>

		рассердились на него и ушли к Джамукэ, племена же инкирас , куралас , татар, катакин и салджиут, объединившись, избрали Джамукэ гур-ханом...
11	166	Мисар-Улук взял за себя хитайку... Имя ее было Даукай-Ябудак... Мисар-Улук имел от нее сына, которого он назвал Элджигин по той причине, что осла называют «элджигэн», а та женщина прибыла на осле. Все племена элджигин суть из рода этого сына.
12	179	...многие племена, как-то кунгират , татар и дарлекин...
13	99	Из [числа] эмиров-темников был другой эмир [по имени] Экэ-Есур из племени куралас .
14	152	Алан-Гоа принадлежала к племени куралас , являющегося одной из отраслей монгол-дарлекинов.
15	154	...а Алан-Гоа из племени куралас ...
	178	... Алан-Гоа была из племени куралас , а племя куралас есть ветвь монгол-дарлекинов.
	183	В разное время Джамукэ объединялся с [ними – племена нирун, тайджиут, урут, мангут, джурьят] и снова отпадал. А [еще] племя инкирас , племя нуякин, племя куралас , племя баарин, племя катакин и племя салджиут.

Таблица 5 «Уряуты»

Генеалогические связи. Упоминаются генеалогические предки: Арулат и Уряут-Килингут. Являются дарлекинами.

Ветви. Упоминаются такие уряутские ветви, как: конкотан, арулат, килингут, курчин. Причем курчин – ответвление килингутов.

Персоналии. Тэб-Тэнгри, Богорчи-нойон.

Территориальные маркеры. Вероятно, кочевья уряутов, а именно конкотов, находились в области междуречья Онона и Керулена, на которую косвенно указывает фрагмент текста о Тэб-Тэнгри.

№	Стр.	Текст
1	166	Племя уряут . От этого племени уряут отделились три ветви: конкотан , арулат и уряут-килингут .
2	167	У Тэб-Тэнгри [из племени <i>конкотан</i>] вошло в привычку в [самое] сердце зимы, в местности Онон-

		Кэрулэн , одной из самых холодных [местностей] тех областей, садиться голым на лед...
3	169	Все племя арулат принадлежит к роду этого сына [Арулата]. Во времена Чингиз-хана из этого рода был Богорчи-нойон.
4	171	Все племена и ветви килингутов – из его рода [уряут-килингут]. Племя курчин – одна из ветвей племени килингут .

Таблица 6 «Хушины»

Ветви. Племя хушин в тексте упоминается дважды. Оба раза в связи с Борагул-нойоном, телохранителем Чингиз-хана. Очевидно, хушины являются ветвью дарлекинов, так как параграф о хушинах помещен в раздел «О монгольских племенах, называемых дарлекин». В тексте IV вместо «ушин», очевидно, следует читать «хушин». Племя хушин было союзником Чингиз-хана.

Территориальные маркеры. Прямых или косвенных упоминаний, связанных с расселением, нет.

№	Стр.	Текст
1	122	Этот рассказ изложен [там, где говорится] о племени [х]ушин, в середине повествования о Борагул-нойоне.
2	171	Племя хушин . Из числа старших эмиров этого племени во время Чингиз-хана был Борагул-нойон...

Таблица 7 «Сулдусы»

Генеалогические связи. Являются дарлекинами.

Ветви. Упоминается одна ветвь племени сулдус – илдуркин.

Персоналии. Соркан-Ширэ, Судун-нойон.

Территориальные маркеры. В первом упоминании сулдусы географически связаны с племенем лесных урянкатов, т. е. в районе Восточного Саяна – Прихубсугулья. Во втором упоминании сулдусы расселены где-то в районе удаленных притоков реки Селенги, очевидно район, тяготеющий к Прихубсугулю. В третьем случае косвенно упоминается, что представитель сулдусов кочевал среди тайджиутов, но так как упоминаются не сулдусы вообще, а лишь один из них, категорически утверждать о совместном кочевании тайджиутов и сулдусов нельзя.

№	Стр.	Текст
1	78	IV
2	125	Тот упомянутый народ [лесные урянкаты] твердо и

		непоколебимо [стоит] на том правиле и обычае и постоянно пребывает в лесах. Однако в августейшую эпоху Чингиз-хана и его великого рода те пределы стали юртом других монгольских племен и они [урянкаты] смешались с другими монголами. В настоящее время юрт племени сулдуc – в окрестностях тех лесов.
3	172	Племя сулдуc . Хотя из этого племени было много эмиров, однако мы поставили первыми тех лиц, которые известны и уважаемы...
4	173	Соркан-Ширэ из племени сулдуc ... был среди того племени [тайджиут], и кибитка его также была поблизости...
5	175	Племя илдуркин . Это племя – одна из ветвей племени сулдуc .
6	176	Юрты их [баяутов] по реке Селенге . Два ее истока [сар]: Курбан-Кахт и Бурэ-ундур , являющиеся Великим гуруком. В этих пределах имеется одна местность и [притом] наиболее отдаленная, где эта река разделяется на три русла, ее дали в качестве юрта Судун-нойону. В настоящее время там также сидят племена сулдуc ; они находятся в зависимости от них [баяутов].
7	181	... отец Судун-нойона из [племени] сулдуc и Джэбэ из [племени] йисут...

Таблица 8 «Баяуты»

Генеалогические связи. Являются одним из племен дарлекинов.

Ветви. Упомянуты две ветви племени баяут: джадай и кэхэрин.

Персоналии. Нокай-судья, Баяучин.

Связи. Союзники Чингис-хана.

Территориальные маркеры. В первом упоминании говорится, что баяуты вместе с баргу, туматами и кори расселены в Баргуджин-Токуме. Во втором упоминании присутствуют такие географические названия, как Джадай, Селенга и ее притоки, вытекающие из местности Бурэ-ундур: Ширэ-Шибату, Кибин, Тэлэду, Энкэ, Джубукра, Буран-Курки, Самр, Кубкату и Туай. Термин «джадай» у Березина читается как «Джида», вероятно, имеется в виду один из притоков реки Селенга – река Джида¹. По нашему мнению, два истока Селен-

¹ Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. Кн. 1. Ч. 1. – М.-Л., 1952. – С. 175, прим.

ги (Курбан-Кахт и Бурэ-ундур), которые могут находиться недалеко от Баргуджин-Токума находятся где-то в районе Дархатской котловины и Прихубсугуля, так как местность Бурэ-ундур, очевидно, имеет значение «очень высокое место» от монг. *бур* – усилительная частица и *үндүр/өндөр* – «высокий», либо «высокое складчатое место» от тюрк. *bür* – «стягивать, затягивать» и монг. *үндүр*. Значение Курбан-Кахт, очевидно, восходит к монг. *гурбан* – «три» и *хагд* – «прошлогодня высохшая трава», возможно в данном случае имелся в виду ягель. К сожалению, идентифицировать названия рек, данных у Рашид-ад-Дина, с современными не удастся. Таким образом, по нашему мнению, племена баяутов, очевидно, ошибочно были помещены в Баргуджин-Токум, а скорее всего были расселены в районах северных истоков реки Селенги и по реке Джида, что было недалеко от границ этой области.

№	Стр.	Текст
1	78	IV
2	150	Племена кори, баргу, тумат и байаут , из коих некоторые суть монголы и обитают в местности Баргуджин-Токум , также близки этой области [Кэм-Кэмджиут].
3	175– 176	Племя баяут . Это племя имеет несколько ветвей, но [из них] известны две ветви: одну [называют] джадай , ее [же] называют [и] баяут , а другую – кэхэрин-баяут . Джадай – речная долина в Монголии. Так как стойбище их было там, то они и относятся к этой местности и [ее название] стало их собственным именем. А тех, кто сидят в степи, называют кэхэрин-баяут. Юрты их по реке Селенге . Два ее истока [сар]: Курбан-Кахт и Бурэ-ундур , являющиеся Великим гуруком. В этих пределах имеется одна местность и [притом] наиболее отдаленная, где эта река разделяется на три русла, ее дали в качестве юрта Судун-нойону. В настоящее время там также сидят племена сулдус; они находятся в зависимости от них [баяутов]... Реки, которые вытекают из Бурэ-ундур, суть в таком распределении: по эту сторону гор: Ширэ-Шибату , Кибин , Тэлэду ; по ту сторону гор: Энкэ , Джубукра , Буран-Курки , Самр , Кубкату и Туай . Эти девять рек впадают в Селенгу . Там обитает тысяча ойратов из рода Укай-Караджу и охраняют это стойбище [макам].

		<p>В начальную пору молодости Чингиз-хана, когда у него началась война с племенем тайджиут и он собирал войско, большинство племен байаут было с ним союзниками.</p> <p>Нокай-судья [йаргучи], его предки и родичи суть из племени джадай этих баяутов.</p>
4	177	Кубилай-каан имел супругу по имени Баяучин. Она была из этого племени [баяут].

Таблица 9 «Кингиты»

Генеалогические связи. Принадлежат к племенам дарлекинов.

Персоналии. Кутан и Хуран.

Территориальные маркеры. Данных, связанных с расселением, не имеется.

№	Стр.	Текст
1	77	II
2	178	Кингит. Из этого племени не вышли очень известные эмиры и люди...

Таблица 10 «Катакины, салджиуты»

Генеалогические связи. Принадлежат к племенам нирунов. Упоминаются генеалогические предки: Алан-Гоа, Букун-Катаки, Букату-Салджи.

Связи. Семь упоминаний, связанных с союзничеством с тайджиутами, Джамукэ и противодействием Чингис-хану.

Территориальные маркеры. Упоминаются в связи с их возможным проживанием в верховьях реки Анкара-мурэн, очевидно, это современная Ангара. По всей видимости, имеются в виду юго-западные притоки реки Ангары, возможно, катакины и салджиуты были расселены в районе рек Иркут, Китой, Белая, где до сих пор сохранились хатагины и салджиуты в составе китайских бурят.

№	Стр.	Текст
1	78	
2	101	Говорят, [что] когда племена татар, дурбан, салджиут [в тексте салджиун] и катакин объединились вместе, они все проживали по низовьям рек. По слиянии этих рек образуется река Анкара-мурэн . Река эта чрезвычайно большая; на ней живет одно монгольское племя, которое называют усугу-мангун...

3	106	Когда всевышняя истина сделала Чингиз-хана могущественным и он победил имевшихся у него врагов вроде племен катакин , салджиут , тайджиут и дурбан, государя керейтов Он-хана [т. е. Ван-хана], Таян-хана, государя [племени] найман, Кушлук-хана, государя [племени] меркит, Токта-беки и других враждовавших с ним...
4	127	Во время войны [Чингиз-хана] с племенами тайджиут, катакин и салджиут ...
5	138	...племени катакин ...рода салджиутов ...
6	165	...племена же инкирас, куралас, татар, катакин и салджиут , объединившись, избрали Джамукэ гурханом...
7	178	Племя катакин . Это племя – из нирунов. Оно отделилось от старшего сына Алан-Гоа, имя которого Букун-Катаки. Племя салджиут . Это племя отделилось от среднего сына Алан-Гоа, имя которого было Букату-Салджи.
8	179	...он послал посла к племенам катакин и салджиут ...
9	183	В разное время Джамукэ объединялся с [ними – племена <i>нирун</i> , <i>тайджиут</i> , <i>урут</i> , <i>мангут</i> , <i>джурьят</i>] и снова отпадал. А [еще] племя инкирас, племя нуякин, племя куралас, племя баарин, племя катакин и племя салджиут .

Таблица 11 «Тайджиуты»

Генеалогические связи. Принадлежат к племенам нирунов. Упоминаются генеалогические предки: Кайду-хан, Чаракэ-лингум, Дутум-Мэнэн, Начин.

Ветви. Как ветвь тайджиутов упоминается племя чинос.

Связи. Зачастую упоминаются в числе соперников Чингис-хана, а также как союзники соперников, племен катакин, салджиут, дурбан, нуякин, урут, мангут, джурьят, Джамукэ. Многократно упоминаются случаи войны тайджиутов с Чингис-ханом.

Персоналии. Хамбакай-хан, Кадан-тайши.

Территориальные маркеры. Имеется два упоминания о расселении тайджиутов. В общем характеризуется как лесная зона между землями монголов,

киргизов и баргутов. В данном случае под монголами скорее всего подразумеваются собственно монголы в лице дарлекинов и нирунов, как их представляет Рашид-ад-Дин. В частности, есть упоминание, где племена тайджиутов расселены по реке Селенге и соседничают с областью Кэм-Кэмджиут. Вполне вероятно, что есть связь средневековых тайджиутов с бурятскими тайшутами, живущими на реке Голоусной, впадающей в Байкал на юге западного берега. Возможно, это осколок некогда большого племенного объединения, попавшего в соседнюю область Баргуджин-Токум.

№	Стр.	Текст
1	78	
2	93	...из-за них между Чингиз-ханом и тайджиутами случилась война...
3	104	Хамбакай-хан же был из числа государей и вождей народа тайджиут , а происхождение [урук] последнего ведется от племянников Кабул-хана.
4	106	Когда всевышняя истина сделала Чингиз-хана могущественным и он победил имевшихся у него врагов вроде племен катакин, салджиут, тайджиут и дурбан, государя керейтов Он-хана [т. е. Ван-хана], Таян-хана, государя [племени] найман, Кушлук-хана, государя [племени] меркит, Токта-беки и других враждовавших с ним...
5	108	Один конный грабитель, враг из племени тайджиут , проезжал [мимо]; младший сын Чингиз-хана, [по имени Тулуй], был пятилетний мальчик, он бегал вне дома и играл. Тот тайджиут , [нагнувшись] со спины лошади, схватил его, чтобы увезти...
6	123	Монголы из лесного племени многочисленны, и людей [посторонних] они [своим разнообразием] вводили в заблуждение, потому что всякое племя, у которого юрты были [расположены] по лесистым местам, называли лесным племенем. Таким образом, племя тайджиут было лесным вследствие того, что их стоянки были между страной монголов, киргизов и баргутов.
7	125	Ранее этого, [а именно] в то время, как у Чингиз-хана была война с племенем тайджиут и он собирал войска, это племя [куркан] присоединилось к Чингиз-хану.

8	127	Во время войны [Чингиз-хана] с племенами тайджиут , катакин и салджиут...
9	150	Кэм-кэмджиут – большая река, одною стороною она соприкасается с областью монголов [Могулистан] и одна [ее] граница – с рекой Селенгой , где сидят племена тайджиутов .
10	156	Эти нукузы происходят от детей Гэнду-Чинэ и Улугчин-Чинэ, другие же суть род Чаракэ-линкума, происшедший от других жен. Они все предки племен тайджиут ...
11	165	Джарука, предводитель племени куралас, был в союзе с Чингиз-ханом в войне с [племенем] тайджиут .
12	169	...в то время, когда Чингиз-хан был в юношеском возрасте, он отправился на войну с некоторыми тайджиутами ...
13	172	...племя тайджиут восстало против него [Чингиз-хана]...
14	173	Отряд тайджиутов пустился его [Чингиз-хана] преследовать...
15	174	...он [Соркан-Ширэ] счел необходимым уйти из среды племени тайджиутов ...
	176	В начальную пору молодости Чингиз-хана, когда у него началась война с племенем тайджиут и он собирал войско, большинство племен байаут было с ним союзниками.
	180	<p>Племя тайджиут. В некоторых списках летописей монголов рассказывают следующее: племя тайджиут произошло от второго сына Дутум-Мэнэна, по имени Начин, и разветвилось.</p> <p>В «Золотом свитке» [Алтан-дафтар], который всегда хранился в сокровищнице ханов великими эмирами, прочитано, [будучи] ясно и определенно написано, что тайджиуты произошли от Чаракэ-линкума, сына Кайду-хана, и нигде не упоминается о происхождении [их] от Начина... Так как племена тайджиут были многочисленны, то возможно, что дети Начина</p>

		<p>смешались с ними и получили это имя...</p> <p>Этот народ тайджиут разделился на многочисленные ветви и племена...</p>
181		<p>Впоследствии, до времени Есугэй-бахадур [включительно], эти племена тайджиутов... все были заодно, в союзе и друзьями с Есугэй-бахадуром...</p> <p>Рассказывают, что во времена Есугэй-бахадур они однажды пошли на войну против тайджиутов, пригласив [с собою] племя конкотан; те прежде их вступили в бой [с тайджиутами], и племя тайджиут перебило огромное их количество. Внезапно подоспел Есугэй-бахадур и спас племя конкотан от племени тайджиут. Тайджиуты столько перебили [людей] из того племени, что нагрузили семьдесят повозок их костями и привезли...</p>
182		<p>Племена тайджиутов до конца эпохи Кадан-тайши всегда имели пользующегося авторитетом [своего] государя и вождя; все повиновались ему и были заодно...</p> <p>Племена нирун и прочие, которые были в союзе с тайджиутами, следующие: часть племен урут, мангут, предводитель их Удут-Бурдут, часть племени джурьят...</p>
183		<p>Они [племена хартакан и сиджиут] произошли от Джаучина, который был младшим сыном Кайду-хана, младшего брата Байсонкура и Чаракэ-лингума, как это частично изложено в [разделе] о родословной ветви тайджиутов.</p> <p>Хотя они [племя чинос] – из племени тайджиут, однако во время войны Чингиз-хана с тайджиутами они были в союзе с Чингиз-ханом.</p>
184		<p>Во времена Чингиз-хана племена нуюкин и урут были заодно с племенами тайджиутов и много враждовали и сопротивлялись Чингиз-хану...</p> <p>Большинство племен урутов склонилось на сторону [племени] тайджиутов.</p>

		В то время было три брата из племени мангут; двое [из них] решили присоединиться к племени тайджиут .
185		Спустя несколько лет, когда всевышняя истина даровала Чингиз-хану силу обессилить племя тайджиут и другие племена, которые были подчинены и послушны им...
187		Это племя [дурбан] – из нирунов, близко к племени баарин: они разветвились из одного корня. В эпоху Чингиз-хана они объединились с племенами тайджиутов и оказали ему большое сопротивление...
192		В то время, когда было начало распри Чингиз-хана с племенем тайджиутов , некий человек, по имени Такудачар, из родственников Джамукэ-сэчэна, отправился грабить дом Джочи-Тармалэ, который был из племени джалаир и рабом Чингиз-хана. Джочи-Тармалэ поразил его стрелой и убил. По этой причине Джамукэ вместе с племенем джаджират присоединился к тайджиутам и к другим племенам и начал войну с Чингиз-ханом...
193		В то время, когда Чингиз-хан воевал с тайджиутами , они [будаты] были [с ним] в союзе и присоединились к его войску.
196		...в то время когда они были вместе с племенем тайджиут , [тайджиуты] убили их отца и старших и младших родственников...
197		В первое время, когда Чингиз-хан сражался с племенами тайджиутов и собирал войска, это племя [сукан], так как принадлежало к его родичам, было с ним в союзе... В то время, когда Чингиз-хан положил начало войне и сражениям с племенами тайджиутов , это племя [кунгият] из-за родственных отношений, которое оно имело [с ним], явилось к нему и примкнуло к его войску.

Таблица 12 «Хартаканы, сиджиуты»

Генеалогические связи. Принадлежат к племенам нирунов. Упоминаются генеалогические предки: Джаучин, Кайду-хан, Байсонкур, Чаракэ-Лингум.

Ветви. Из текста ясно, что два племени являются близкородственными ветвями, без указания более крупного объединения, но из контекста можно предположить, что ветвями тайджиутов.

Территориальные маркеры. Данных, связанных с расселением, не имеется.

№	Стр.	Текст
1	78	IV
2	180	... третьего [сына Кайду-хана] звали Джаучин, от рода которого произошли два племени: артакан и сиджиут .
3	183	Племена хартакан и сиджиут . Суть два племени. Они произошли от Джаучина, который был младшим сыном Кайду-хана, младшего брата Байсонкура и Чаракэ-лингума. Первая ветвь – племя хартакан . Вторая ветвь – племя сиджиут .

Таблица 13 «Чиносы»

Генеалогические связи. Принадлежат к племенам нирунов. Упоминаются генеалогические предки Чаракэ-лингум, Гэнду-Чинэ, Улукчин. Упоминается эргунэунский период (потомки тех, кто расплавил гору).

Ветви. Являются одним из племен тайджиутов. Имеют вариант этнонима – нукуз. Кроме них есть другие нукузы – из дарлекинов.

Связи. Были союзниками Чингис-хана.

Территориальные маркеры. Данных, связанных с расселением, не имеется.

№	Стр.	Текст
	183	Племя чинос . Хотя они – из племени тайджиут , однако во время войны Чингиз-хана с тайджиутами они были в союзе с Чингиз-ханом. Эта ветвь идет от двух сыновей Чаракэ-лингума... она родила ему двух сыновей, одного назвали Гэнду-Чинэ, а другого – Улукчин. Чинос будет множественным числом от чинэ... Людей, которые принадлежат к ветви этих детей, называют чинос ; часть же этого племени, кроме того, называют нукуз ; нукузами также называют другое

	племя – дарлекин, принадлежащее к собственно монголам [могул-и хасс]. Это племя есть ветвь тех, которые вышли из Эргунэ-куна...
--	---

Таблица 14 «Нуякины, уруты и мангуты»

Генеалогические связи. Принадлежат к племенам нирунов. Упоминаются имена генеалогических предков: Тумбинэ-хан и Джаксу.

Ветви. Три близкородственных племени. В тексте упоминаются как три ветви. Очевидно, упоминается ветвь племени мангут – усуту-мангун.

Персоналии. Удуг-Бурдуг, Куилдар-сэчэн.

Территориальные маркеры. Имеются два косвенных упоминания. Оба упоминания касаются племени мангут. В первом упоминании говорится, что усуту-мангуны живут по реке Ангаре. В другом случае упоминаются соседи – баргуты, областью расселения которых был Баргуджин-Токум, т. е. мангуты жили по соседству с Баргуджин-Токумом, что никак не опровергает варианта расселения по реке Ангаре. По нашему мнению, возможна связь этнонима «мангут» с названием реки Мангутай, впадающей в Байкал в его южной оконечности.

№	Стр.	Текст
1	78	IV
2	102	По слиянии этих рек образуется река Анкара-мурэн . Река эта чрезвычайно большая; на ней живет одно монгольское племя, которое называют усуту-мангун . Границы [его расселения] в настоящее время соприкасаются с [пропущено название страны]. Та река [Анкара] находится вблизи города Кикас и в том месте, где она и река Кэм . Город тот принадлежит к области киргизов.
3	182–183	Племена нирун и прочие, которые были в союзе с тайджиутами, следующие: часть племен урут , мангут , предводитель их Удуг-Бурдуг, часть племени джурьят, предводители их: Улуг-бахадур, Тагай-Далу и Магуй-Ядакай. В разное время Джамукэ также объединялся с [ними] и снова отпадал. А [еще] племя инкирас, племя нуякин , племя куралас, племя баарин, племя катакин и племя салджиут.
4	184	Племена: нуякин, урут и мангут.

Имя старшего из девяти сыновей Тумбинэ-хана было Джаксу. От его сыновей происходят три ветви: одну называют племенем **нуякин**, другую – племенем **урут**, а третью – племенем **мангут**. Во времена Чингиз-хана племена **нуякин** и **урут** были заодно с племенами тайджиутов и много враждовали и сопротивлялись Чингиз-хану...

В эпоху Чингиз-хана предводителем племени **урут**, насколько известно, был Удут-Бурдут, который был противником Чингиз-хана. На основании одного рассказа говорят так, что племена, кои издревле являются родственными друг другу и [происходят] от одного корня, – это те, которые подробно перечисляются так: конкотан, суннит, каркас, барулас, бааринилингут, илджит, кекуман, **урут**, **мангут**, урнаут, арулат, йисут. Из [числа] уважаемых эмиров, бывших на службе у Чингиз-хана, есть Джэдай-нойон. Его историю мы расскажем в этом разделе, а из [таких же эмиров] племени **нуякин** неизвестно [кто был], также и из племени **мангут**.

Большинство племен **урутов** склонилось на сторону [племени] тайджиутов, кроме Куилдар-сэчэна, который со своими подчиненными и сторонниками примкнул к Чингиз-хану и оказал [ему] много содействия... В то время было три брата из племени **мангут**; двое [из них] решили присоединиться к племени тайджиут; младший брат им сказал: «Что плохого мы видели от Чингиз-хана, что [дало бы повод нам] отдалиться от него и присоединиться к его врагам?!» Они [его братья] ушли от него возбужденными. Старший брат, рассердившись, пронзил его чресла широкой стрелой. Другой брат и все его нукеры [тоже] поразили его стрелами и убили. [Все] его имущество, детей, домочадцев и скот полностью разграбили. [Этот убитый] младший брат имел грудного младенца от жены, которую он взял из племени **баргут**; это племя было поблизости к тем пределам, и родичи этой жены увезли мальчика к себе...

5	185	<p>Спустя несколько лет, когда всевышняя истина даровала Чингиз-хану силу обессилить племя тайджиут и другие племена, которые были подчинены и послушны им, – племя баргут, которое уберегло этого мальчика и назвало его Джэдай, привезло [его] к Чингиз-хану. Когда Чингиз-хан совершенно покорил племя тайджиут, а племена урут и мангут из-за [своего] бессилия и безвыходного положения смирились [перед ним], большинство их перебили, а оставшихся полностью отдали в порабощение [бандаги] Джэдай-нойону [и], хотя они были его родичами, но в силу приказа [Чингиз-хана] стали его рабами, и до настоящего времени войско урут [и] мангут по-прежнему рабы рода Джэдай-нойона...</p> <p>В этой стране [т. е. Иране] из его рода Мангудай, отца Кутлуг-шах-нойона, был эмиром тысяцким племени мангут...</p> <p>В эпоху Хулагу-хана Кудусун-нойон из этого племени мангут был старшим из эмиров кезика...</p> <p>В то время когда он [Куилдар-сэчэн], вернувшись после войны с Он-ханом, уходил в Балджунэ и вышел оттуда, его войска было четыре тысячи шестьсот человек. Образовав отдельную войсковую часть [булук], они выступили в путь. Из того числа [было] две тысячи триста человек Чингиз-хана, [считая] с другими и с теми, [что были] из войска [племени] урут и мангут. У всех, бывших урутами, был эмиром Кэхтэй-нойон, а у всех тех, что [были] мангутами, – Куилдар-сэчэн.</p>
6	186	<p>Во времена Чингиз-хана из племени урут был некий, пользующийся значением эмир Кэхтэй-нойон.</p>

Таблица 15 «Дурбаны»

Генеалогические связи. Принадлежат к племенам нирунов.

Ветви. Есть упоминание, что дурбаны и баарины разветвились из одного корня. Упоминается еще одно племя дурбан – ойратское, очевидно, упоминаются предки дэрбэтов, не родственные нирунам.

Связи. Трижды упоминаются как противники Чингис-хана.

Территориальные маркеры. Имеется одно упоминание, указывающее на расселение дурбанов. Так же, как и в случае с катакинами и салджиутами, очевидно, имеются в виду такие притоки Ангары, как Иркут, Китой, Белая. Кроме того, среди бурят сохранились дурбэнгуты по Китую и Иркуту.

№	Стр.	Текст
1	78	IV
2	101	Говорят, [что] когда племена татар, дурбан , салджиут [в тексте салджиун] и катакин объединились вместе, они все проживали по низовьям рек. По слиянии этих рек образуется река Анкара-мурэн . Река эта чрезвычайно большая; на ней живет одно монгольское племя, которое называют усуту-мангун. Границы [его расселения] в настоящее время соприкасаются с [пропущено название страны]. Та река [Анкара] находится вблизи города Кикас и в том месте, где она и река Кэм . Город тот принадлежит к области киргизов.
3	106	Когда всевышняя истина сделала Чингиз-хана могущественным и он победил имевшихся у него врагов вроде племен катакин, салджиут, тайджиут и дурбан , государя керейтов Он-хана [т. е. Ван-хана], Таян-хана, государя [племени] найман, Кушлук-хана, государя [племени] меркит, Токта-беки и других враждовавших с ним...
4	138	Кутука-беки, царь ойратов , [из] племени дурбан...
5	187	Племя дурбан . Это племя – из нирунов, близко к племени баарин : они разветвились из одного корня. В эпоху Чингиз-хана они объединились с племенами тайджиутов и оказали ему большое сопротивление... Это племя баарин близко к племени дурбан и ответвилось от их корня.

Таблица 16 «Баарины»

Генеалогические связи. Принадлежат к племенам нирунов.

Ветви. Упоминаются две ветви племени баарин: илингут (баарин-илингут) и суканут.

Связи. Упоминаются как противники Чингис-хана.

Персоналии. Ная-нойон, Наяка-нойон, Алак-нойон.

Территориальные маркеры. Данных, связанных с расселением, не имеется.

№	Стр.	Текст
1	78	IV
2	122	Чингиз-хан приказал отправиться [туда] Ная-нойону из племени баарин ...
3	175	...внук по сыну Алак-нойона, из племени баарин , который был здесь и зависел от Кубилай-каана...
4	182- 183	Племена нирун и прочие, которые были в союзе с тайджиутами, следующие: часть племен урут, мангут, предводитель их Удут-Бурдут, часть племени джурьят, предводители их: Улуг-бахадур, Тагай-Далу и Магуй-Ядакай. В разное время Джамукэ также объединялся с [ними] и снова отпадал. А [еще] племя инкирас, племя нуякин, племя куралас, племя баарин , племя катакин и племя салджиут.
5	184	На основании одного рассказа говорят так, что племена, кои издревле являются родственными друг другу и [происходят] от одного корня, – это те, которые подробно перечисляются так: конкотан, сунит, каркас, барулас, баарин-илингут , илджит, кекуман, урут, мангут, урнаут, арулат, йисут.
6	187	Племя баарин . Это племя баарин близко к племени дурбан и ответвилось от их корня. Племя суканут также ответвилось от племени баарин ... Из известных крупных эмиров, принадлежащих к племени баарин , в эпоху Чингиз-хана был эмир, имя его – Наяка-нойон... У племени баарин в обычае устраивать грубые и глупые игры, и они лишены стыда и страха.
7	188	Во времена Чингиз-хана также из племени баарин был один из эмиров-тысяцких правого крыла, по имени Монгол-Таркан. Племя суканут , ответвившееся от них [бааринов]... Впоследствии детей, которые появились от

	<p>этого сына, хотя они и баарины, называют по имени ветви – суканут...</p> <p>Говорят, что Чингиз-хан сделал онгоном одного человека из племени баарин...</p> <p>По этой причине племя суканут называют «конюхом Янги»...</p>
--	--

Таблица 17 «Баруласы»

Генеалогические связи. Принадлежат к племенам нирунов.

Связи. Упоминаются близкие родственные связи с племенами конкотан, сунит, каркас, баарин-илингут, илджит, кекуман, урут, мангут, урнаут, арулат, йисут.

Персоналии. Кубилай-нойон, Кутилэ.

Территориальные маркеры. Данных, связанных с расселением, не имеется.

№	Стр.	Текст
1	78	IV
2	151	...Когда Чингиз-хан послал в те пределы Кубилай-нойона из племени барулас , Арслан-хан подчинился и явился к Чингиз-хану.
3	184	На основании одного рассказа говорят так, что племена, кои издревле являются родственными друг другу и [происходят] от одного корня, – это те, которые подробно перечисляются так: конкотан, суннит, каркас, барулас , баарин-илингут, илджит, кекуман, урут, мангут, урнаут, арулат, йисут.
4	189	Племя барулас . В эпоху Чингиз-хана из этого племени был Кубилай-нойон.
5	196	...в передовом отряде Кутилэ из племени барулас ...

Таблица 18 «Хадаркины»

Генеалогические связи. Принадлежат к племенам нирунов.

Персоналии. Мукур-Куран.

Территориальные маркеры. Данных, связанных с расселением, не имеется.

№	Стр.	Текст
1	78	IV
2	190	Племя хадаркин . Во времена Чингиз-хана главою

	их был Мукур-Куран... Тысячей племени хадаркин начальствовал он.
--	---

Таблица 19 «Джуръяты»

Генеалогические связи. Принадлежат к племенам нирунов. Упоминаются генеалогические предки: Тумбинэ, Дурбая.

Ветви. Вторым вариантом этнонима «джуръят» является этноним «джаджират».

Связи. Упоминаются многочисленные переходы от союзничества с Чингис-ханом к союзничеству с тайджиутами, очевидно, в связи с тем, что предводителем племени был Джамукэ, анда Чингис-хана, отметившийся политическим непостоянством.

Персоналии. Джамукэ-сэчэн, Тагай-Далу, Элдэкэ, Улуг-бахадур, Магуй-Ядакай.

Территориальные маркеры. Данных, связанных с расселением, не имеется.

№	Стр.	Текст
1	78	IV
2	117	В то время предводители племени джуръят покорились Чингиз-хану, а [затем] снова стали во враждебные отношения и бежали, в их числе был Тагай-Далу, старший из всех эмиров. В пути на него напал некий эмир из племени меркит, по имени Кудун-Орчан; он убил его, а племя его разорил. По этой причине у племени джуръят не осталось более силы.
3	160	В эпоху Чингиз-хана из этого племени был некий человек, состоявший при Джочи-Касаре, брате Чингиз-хана, имя его Джаурга-Илаган. Он тот, которого Чингиз-хан послал вместе с Калиударом из племени джуръят , от лица Джочи-Касара, с посольством к Он-хану...
4	172	...[Хушидай-Байку] привел [одного человека] по имени Элдэкэ из племени джуръят , на матери которого он некогда женился, и сделал его своим помощником...
5	182–183	Племена нирун и прочие, которые были в союзе с тайджиутами, следующие: часть племен урут, мангут, предводитель их Удут-Бурдут, часть племени джуръ-

		ят, предводители их: Улуг-бахадур, Тагай-Далу и Магуй-Ядакай.
6	190	Племя джурьят . Это племя из рода седьмого сына Тумбинэ-каана, по имени Дурбая, их также называют джаджират . Во времена Чингиз-хана они много восставали и выступали против него, несколько раз становились покорны [ему] и снова объединялись с [его] врагами. В то время из числа известных людей этого племени был Джамукэ-сэчэн.
7	192	<p>В то время, когда было начало распри Чингиз-хана с племенем тайджиутов, некий человек, по имени Такудачар, из родственников Джамукэ-сэчэна, отправился грабить дом Джочи-Тармалэ, который был из племени джалаир и рабом Чингиз-хана. Джочи-Тармалэ поразил его стрелой и убил. По этой причине Джамукэ вместе с племенем джаджират присоединился к таджиутам и к другим племенам и начал войну с Чингиз-ханом...</p> <p>Чингиз-хан, желая усыпить бдительность Он-хана, достойным доверия образом отправил от имени Джочи-Касара сообщение Он-хану, через Калиудара из племени джурьят и Джаурга-Илагана из племени урянкат...</p>

Таблица 20 «Будаты»

Генеалогические связи. Принадлежат к племенам нирунов. Упоминаются генеалогические предки: Тумбинэ-хан, Бат-Кулка.

Связи. Союзники Чингис-хана.

Персоналии. Уридай.

Территориальные маркеры. Данных, связанных с расселением, не имеется.

№	Стр.	Текст
1	78	IV
2	193	Племя будат . Это племя ответвилось от потомков Бат-Кулки, пятого сына Тумбинэ-хана. Во времена Чингиз-хана их главою был Уридай. В то время, когда Чингиз-хан воевал с тайджиутами, они [будаты] были [с ним] в союзе и присоединились к его войску.

Таблица 21 «Дуклаты»

Генеалогические связи. Принадлежат к племенам нирунов. Упоминаются генеалогические предки: Тумбинэ-хан, Булджар.

Связи. Союзники Чингис-хана.

Территориальные маркеры. Данных, связанных с расселением, не имеется.

№	Стр.	Текст
1	78	
2	193	Племя дуклат . Оно ответвилось от восьмого сына Тумбинэ-хана, по имени Булджар. В то время, когда Чингиз-хан воевал с тайджиутами, это племя было в союзе с Чингиз-ханом и присоединено к его войску...

Таблица 22 «Йисуты»

Генеалогические связи. Принадлежат к племенам нирунов. Упоминаются генеалогические предки: Тумбинэ-хан, Хитатай.

Связи. Сначала были противниками, затем союзниками Чингис-хана. Упоминаются близкие родственные связи с племенами конкотан, сунит, каркас, баарин-илингут, илджит, кекуман, урут, мангут, урнаут, арулат, барулас.

Персоналии. Джэбэ, Байджу-нойон, Кеюка, Кадан, Нокай.

Территориальные маркеры. Данных, связанных с расселением, не имеется.

№	Стр.	Текст
1	78	IV
2	99	Из этого войска был один эмир-темник, родственник Джэбэ, [по имени] Байджу-нойон, из племени йисут ... Байджу проявил особое рвение при завоевании Багдада; Хулагу-хан дал [ему] хорошие кочевья и утвердил [его] эмиром-темником.
3	108	Кучукур-нойон из племени йисут начальствовал над ордами...
4	127	У Муйнука был один сын, по имени Мункэ, и Дузфан ибн Букуз-Бука ибн Мункэ ибн Муйнук; он вместе с Кеюки по имени, [человеком] из племени йисут ...
5	176	...отведывателем ханской пищи [букаул] был и стольником [баурчи] был Кучур-нойон из племени йисут ...
6	181	... отец Судун-нойона из [племени] сулдус и Джэбэ из [племени] йисут ...

7	184	На основании одного рассказа говорят так, что племена, кои издревле являются родственными друг другу и [происходят] от одного корня, – это те, которые подробно перечисляются так: конкотан, суннит, каркас, барулас, барин-илингут, илджит, кекуман, урут, мангут, урнаут, арулат, йисут .
8	193	Племя йисут . Эта ветвь появилась от девятого сына Тумбинэ-хана, по имени Хитатай, который был младшим из всех братьев... В первое время они сопротивлялись Чингиз-хану, а впоследствии часть их подчинилась [ему] и оказывала услуги.
9	195	Кадан, который был старшим эмиром и правителем области [хаким], Нокай, который был старейшиною секретарей [битикчийан], и Байджу-нойон также принадлежат к [племени] йисут .

Таблица 23 «Суканы»

Генеалогические связи. Принадлежат к племенам нирунов.

Связи. Союзники Чингис-хана.

Территориальные маркеры. Данных, связанных с расселением, не имеется.

№	Стр.	Текст
1	78	IV
2	197	Племя сукан . Они также принадлежат к числу племен нирун. В первое время, когда Чингиз-хан сражался с племенами тайджиутов и собирал войска, это племя, так как принадлежало к его родичам, было с ним в союзе, однако имя их предводителя неизвестно.

Таблица 24 «Кунгияты»

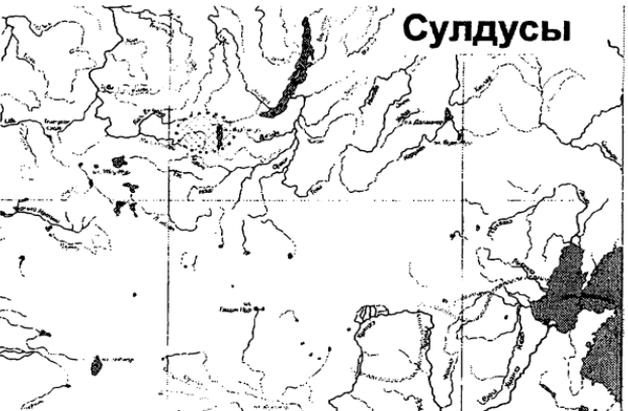
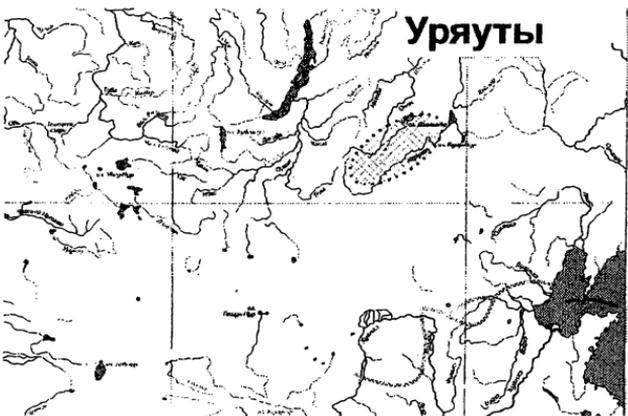
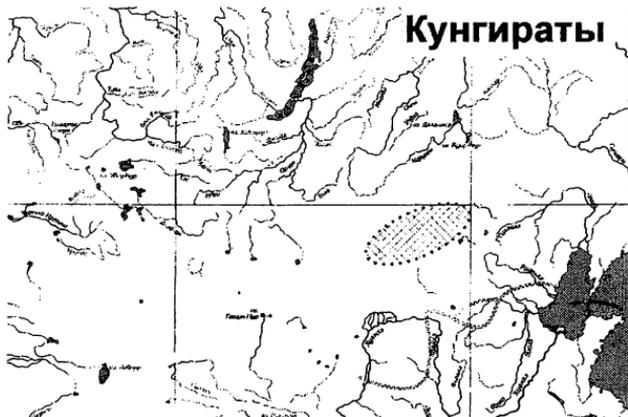
Генеалогические связи. Принадлежат к племенам нирунов.

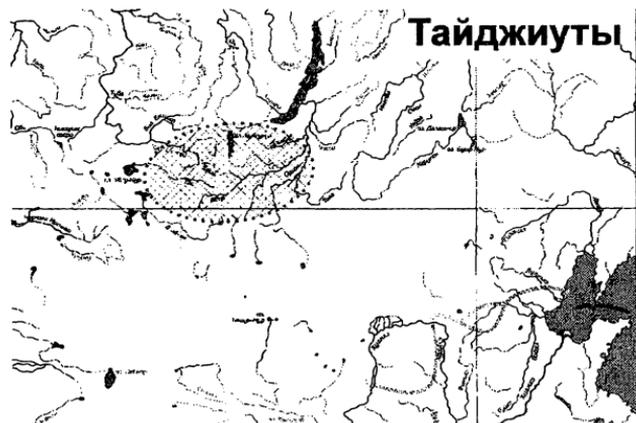
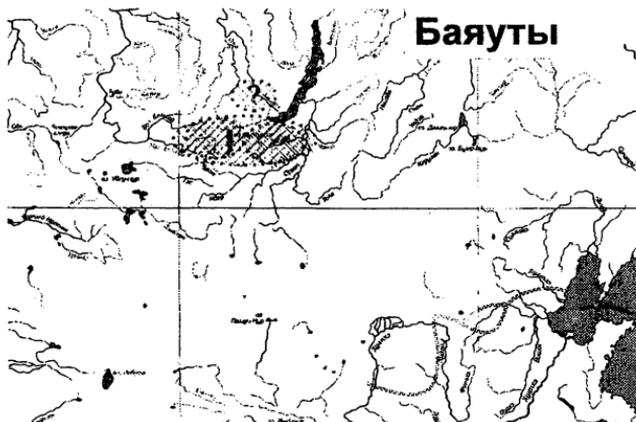
Связи. Союзники Чингис-хана.

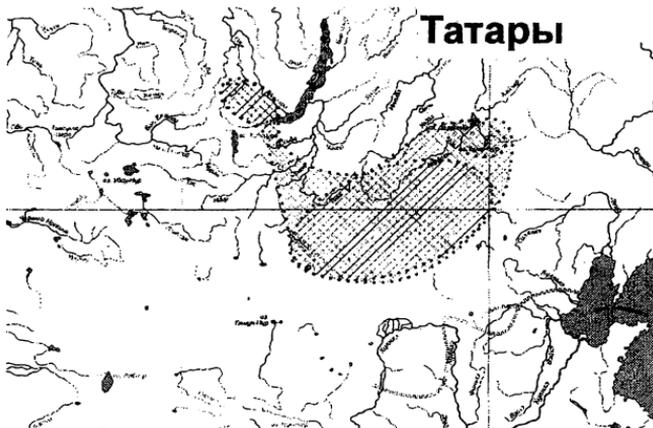
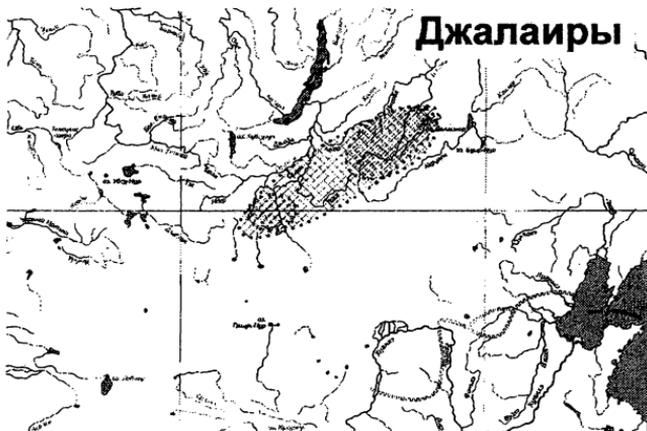
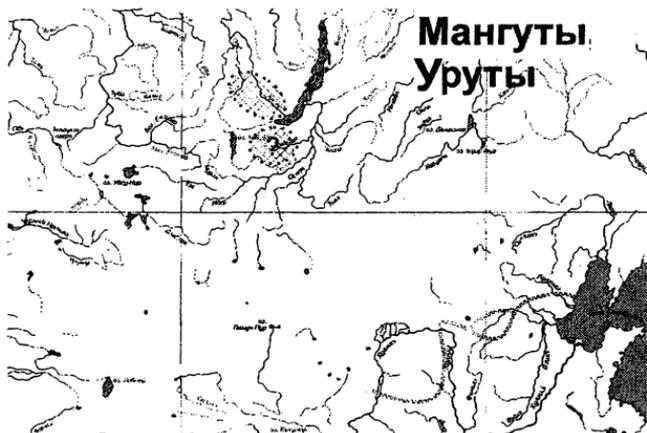
Персоналии. Даки-бахадур – предводитель.

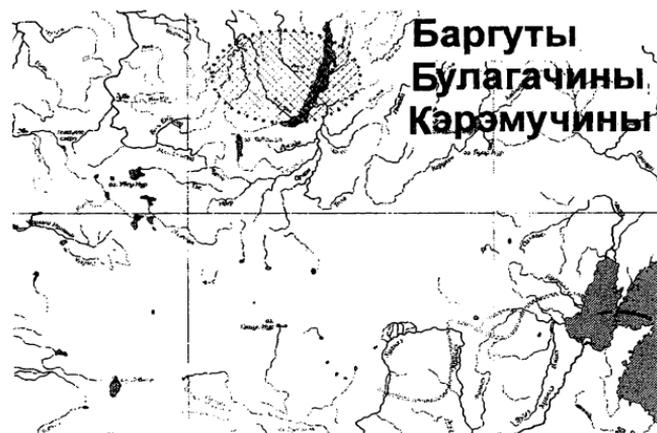
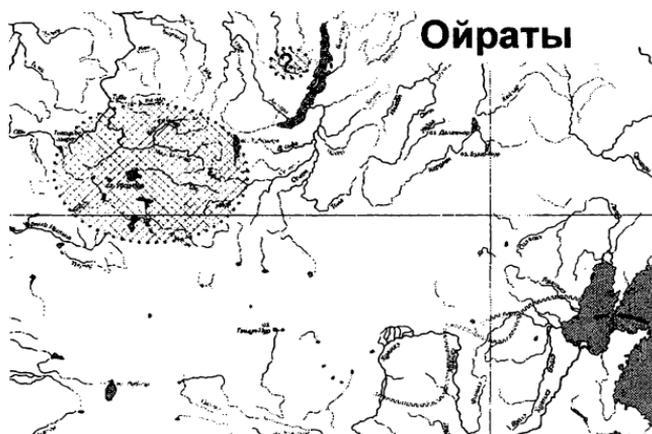
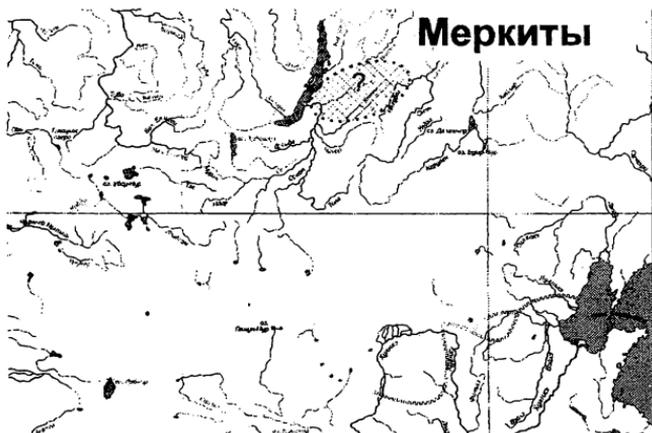
Территориальные маркеры. Данных, связанных с расселением, не имеется.

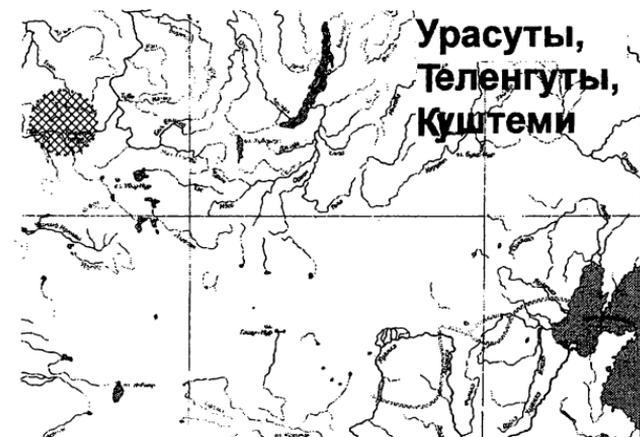
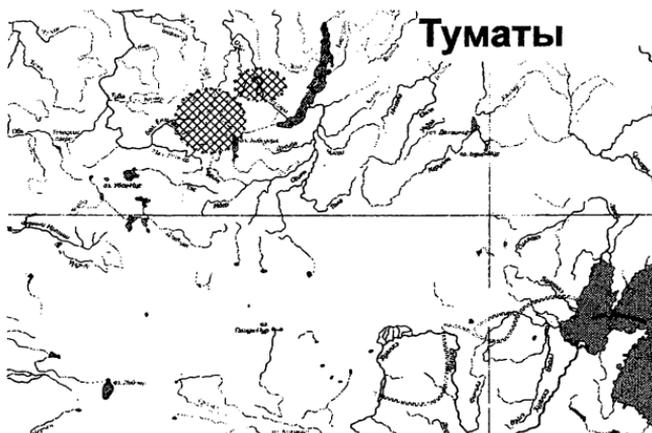
№	Стр.	Текст
1	197	Племя кунгият . Они также принадлежат к числу племен нирун. В то время, когда Чингиз-хан положил начало войне и сражениям с племенами тайджиутов, это племя из-за родственных отношений, которое оно имело [с ним], явилось к нему и примкнуло к его войску. Имя их предводителя было Даки-бахадур.

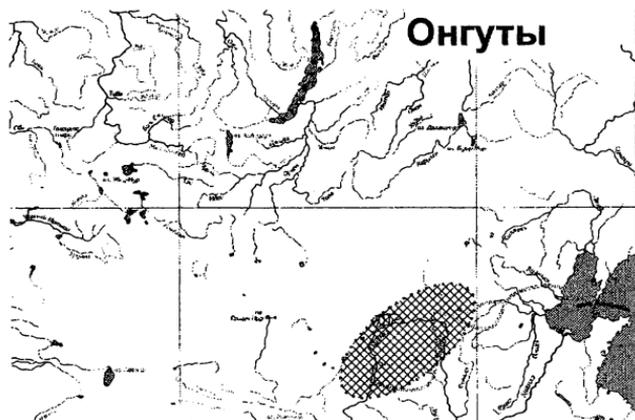
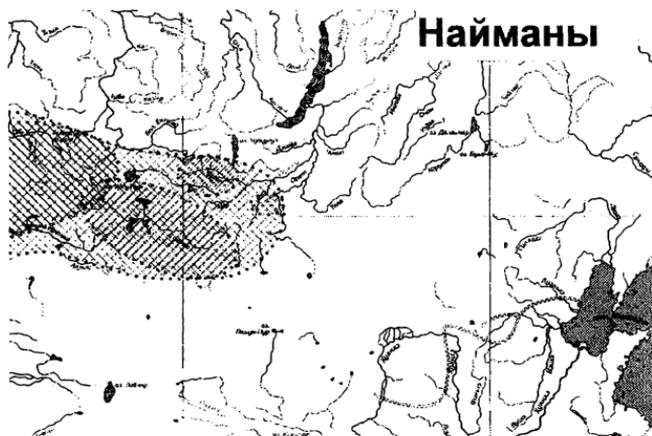
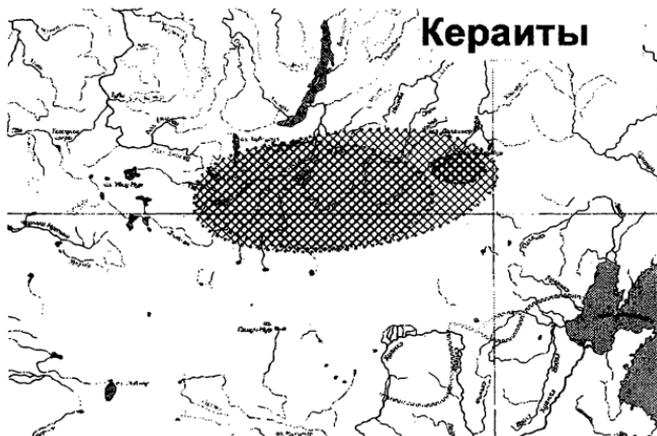

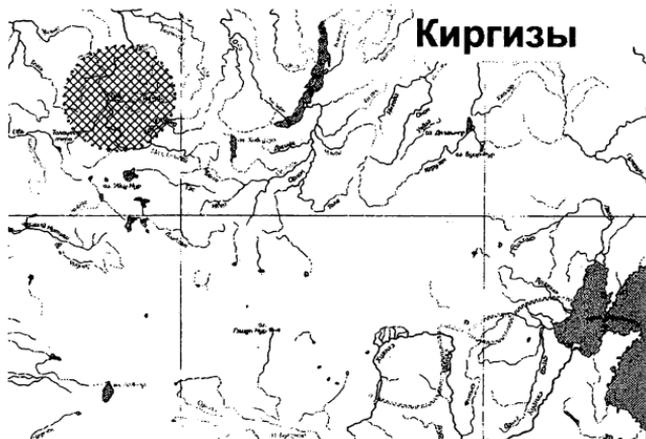

Таблица 25 «Джалаиры»

Ветви. Упомянуты десять больших ветвей джалаиры: джат, тукараун, кунксаут, кумсаут, уят, нилкан, куркин, тулангит, тури, шанкут.

Территориальные маркеры. В тексте дважды упоминаются прежние места расселения джалаиры. По данным Рашид-ад-Дина становится известно, что ранее часть племен джалаиры была расселена в долине Онона, а во время Чингис-хана они кочевали в местности Кима в районе Каракорума.

№	Стр.	Текст
1	77	III
2	92	Это племя [джалаир] в давние дни было многочисленно; каждое его ответвление имело эмира и

		предводителя. Часть их становищ была в местности Онон . Рассказывают, что в древние времена хитайские войска устроили такую бойню этой части джалаирав, что лишь немногие могли убежать...
3	93	<p>Говорят, что их юртом была [местность] Кима в Каракоруме; у них [столь] слепая преданность, что они давали масло [в пищу] самцам-верблюдам гурхана, который был государем уйгуров. По этой причине их называли белаягэ. Это племя джалаир состоит из десяти больших ветвей, из которых каждая в отдельности стала многочисленным народом; они следуют в таком распределении и порядке: джат, тукараун, кунксаут, кумсаут, уят, нилкан, куркин, тулангит, тури, шанкут.</p> <p>В эпоху Чингиз-хана среди всех джалаирских племен известнее и старше [всех] был [некто] Мукали-гойон [го-ван] из народа джат.</p>
4	93–98	Многочисленные упоминания персоналий.
5	99	...Газану из племени джалаир ...
6	102	... поскольку они суть монголы, – [разные] тюркские племена, подобно джалаирам , татарам, ойратам, онгутам, кераитам, найманам, тангутам и прочим, из которых каждое имело определенное имя и специальное прозвище, – все они из-за самовосхваления называют себя [тоже] монголами, несмотря на то, что в древности они не признавали этого имени.
7	120	Оба они пребывали в улусе Кунджи и начальствовали над четырьмя тысячами войска джалаирав .
8	155	...ведал Джаукур из племени джалаир , бывший из рода Мукали-гойона...
9	170	Богорчин-нойон, Борагул-нойон и Ути-Курчу из ветви джалаир были старые нукеры Чингиз-хана и постоянно находились при нем.
10	180	...он уберег от [племени] джалаир своего племянника по брату Кайду...

11	192	...отправился грабить дом Джочи-Тармалэ, который был из племени джалаир и рабом Чингиз-хана.
12	194	Когда Чингиз-хан был в области Балха и Таликана, он послал его с Субэдэем и Нуркэ, которые были из [племени] джалаир , вместе с войском в те пределы.

Таблица 26 «Суниты»

Ветви. Ветвью племени сунит являются кабтаруны.

Генеалогические связи. Отмечаются родственные связи с такими племенами, как конкотан, каркас, баарин-илингут, илджит, кекуман, урут, мангут, урнаут, арулат, барулас, йисут. Вероятно, суниты имеют родственные связи с нирунами.

Персоналии. Джармагун, Чагатай-младший (Сунитай), Тимур, Ил-Тимур-Баурчи.

Территориальные маркеры. Данных, связанных с расселением, не имеется.

№	Стр.	Текст
1	77	III
2	98	Племя сунит , и народ, который называют кабтарун , является отделившимся от сунитов . Из народа кабтарун в этом государстве [т. е. в Иране] мало людей. Однако из слуг монголов, которых приводили из улусов каана, Кайду и Токта, имеется несколько из этого народа. Из племени сунит было много эмиров. Во времена Чингиз-хана его оруженосцем [курчи] был Джармагун.
3	100	Другой эмир был Чагатай-младший; так как в то время не стало Чагатая [сына Чингиз-хана], то его имя стало запретным, и после этого [Чагатая младшего] стали называть Сунитай, так как он [происходил] из племени сунит .
4	101	Много было и других эмиров из племени сунит . Так, например, в эпоху Чингиз-хана был эмир по имени Тимур; у него был брат по имени Ил-Тимур-Баурчи, из ставки старшей жены Чингиз-хана, матери [его] четырех сыновей, Бортэ-фуджин, он ведал одной сотней воинов из личной [государевой] тысячи...

		...Илукан-джасаул, который жил во время Абага-хана, был из племени сунит .
5	184	На основании одного рассказа говорят так, что племена, кои издревле являются родственными друг другу и [происходят] от одного корня, – это те, которые подробно перечисляются так: конкотан, сунит , каркас, барулас, барин-илингут, илджит, кекуман, урут, мангут, урнаут, арулат, йисут.

Таблица 27 «Татары»

Ветви. Упомянуты шесть татарских племен, имеющих свое войско: татары-тутукулуйт, татары-алчи, татары-чаган, татары-куин, татары-терат, татары-баркуй.

Связи. Косвенно упоминается, что Токта – царь меркитов из племени татар. Т. е. можно предполагать и родственные связи меркитов с татарами. Упомянуты как противники Чингис-хана.

Персоналии. Нор-Буюрук-хан, Улак-Удур и др.

Территориальные маркеры. В тексте имеется два упоминания, связанных с территорией расселения татар. Места расселения татар локализируются в местности Буир-наур, очевидно, район современного озера Буир-нур, вблизи границ областей Хитая, т. е. в восточных и южных районах современной Монголии. Во втором упоминании татары наряду с кататкинами, салджиутами и дурбанами размещены в районе низовьев правых притоков Анкары, т. е., очевидно, в районе рек Иркут, Китой, Белая Унга. По нашему мнению, возможна связь со средневековыми татарами бурятских племен тэртэ, расселенных по Иркуту, Джиде, Унге, и саганов, расселенных по Иркуту и Китую, шошлоков, расселенных по Китую, Иркуту и Джиде.

№	Стр.	Текст
1	75	II
2	77	III
3	101–102	Места их кочевий, стоянок и юртов были [точно] определены в отдельности по родам и ветвям вблизи границ областей Хитая . Их же основное обитание [юрт] есть местность, называемая Буир-наур . Большую часть времени они были народом, повинующимся и платящим дань хитайским императорам... Они также враждовали и ссорились друг с другом, и долгие годы длилась война между этими племенами

		<p>и происходили битвы. Говорят, [что] когда племена татар, дурбан, салджиут [в тексте салджиун] и катакин объединились вместе, они все проживали по низовьям рек. По слиянии этих рек образуется река Анкара-мурэн. Река эта чрезвычайно большая; на ней живет одно монгольское племя, которое называют усутумангун. Границы [его расселения] в настоящее время соприкасаются с [пропущено название страны]. Та река [Анкара] находится вблизи города Кикас и в том месте, где она и река Кэм. Город тот принадлежит к области киргизов.</p> <p>... поскольку они суть монголы, – [разные] тюркские племена, подобно джалаирам, татарам, ойратам, онгутам, кераитам, найманам, тангутам и прочим, из которых каждое имело определенное имя и специальное прозвище, – все они из-за самовосхваления называют себя [тоже] монголами...</p>
4	103	<p>...вследствие силы и могущества татар, был такой же случай и по этой причине еще [поньше] в областях Хитая, Хинда и Синда, в Чине и Мачине, в стране киргизов, келаров и башкир, в Дешт-и-Кипчаке, в северных [от него] районах, у арабских племен, в Сирии, Египте и Марокко [Магрибе] все тюркские племена называют татарами. Тех татарских племен, что известны и славны и каждое в отдельности имеет свое войско и [своего] государя, – шесть, идущих в таком порядке: татары-тутукулуйт, татары-алчи, татары-чаган, татары-куин, татары-терат, татары-баркуй. Племя тутукулуйт – самое уважаемое из [всех] татарских племен.</p> <p>Есть такой обычай, что всякий человек, который происходит из этого племени, если он будет мужчина, его называют – тутукулитай, если же он будет женского пола, то называется – тутукуличин. [Происходящие] из [племени] алчи-татар [называются] алчитай и алчин; из племени куин-татар, – куитай и куичин, [из] племени терат – терати и тераучин.</p>

		Старые кровь и вражда между [татарами и монголами] произошли по следующей причине...
5	105	С каждой стороны выходили на другую, убивали и грабили [один другого], [пока] в конце концов, как это рассказывается в повествовании о Чингизхане и его роде, Чингиз-хан не сделал кормом [своего] меча все племена татар и хитайских императоров, всех сделал [их] слабыми и своими пленниками и всех их и ту сторону привел под свою власть и повиновение, как это видим воочию на сей день.
	101–114	Множкратно.
6	129	В то время татарские племена были весьма многочисленны и могущественны, однако постоянно выказывали покорность государям Хитая и Джурджэ. В ту эпоху главой татарских князей был некто, называвшийся Нор-Буюрук-хан. Юрт он имел в местности, называемой Буир-наур .
7	135	Кутуку из племени [татар].
8	137	Токта, царь меркитов , [из] племени татар ...
9	165	...племена же инкирас, куралас, татар , катакин и салджиут, объединившись, избрали Джамукэ гурханом и замыслили войну с Чингиз-ханом.
10	177	...Лица, которые стремятся к государевой власти: один – Улак-Удур из племени татар , другой Сэчэбеки из племени кият-юркин и [третий] – Джамукэ-сэчэн из племени джаджират...
11	179	...многие племена, как-то: кунгират, татар и дарлекин...
12	181	...племя татар было в подчинении государю Хитая...

Таблица 28 «Меркиты»

Генеалогические связи. Другое произношение этнонима меркит – мекрит, возможен вариант удунт-меркит.

Ветви. Ветвями племени удунт-меркитов являются племена: уйкур, мудар, тудаклин и джиюн.

Связи. Возможна связь меркитов с татарами, как было указано в разделе о татарах.

Персоналии. Токтай-беки, Тайр-Усун, Кучур.

Территориальные маркеры. Прямых данных, связанных с расселением, не имеется, однако, судя по текстам, меркиты были расселены недалеко от мест событий, связанных с восхождением Чингиз-хана. Возможно лишь косвенное сопоставление, по аналогии с джадай-баяутами, что удуит-меркиты были расселены по реке Уде.

№	Стр.	Текст
1	75	II
2	77	III
3	97–98	...в то время, как племя меркит , воспользовавшись удобным случаем, разграбило дом Чингиз-хана, меркиты отослали его жену, которая была беременна Джочием, к [Он]-хану, по той причине, что тогда между меркитами и Он-ханом установился мир.
4	106	...государя [племени] меркит , Токта-беки и других враждовавших с ним...
5	114	Племя меркит . Их также называют удуит , хотя некоторая часть монголов называет меркитов мекритами , [но] смысл обоих [названий] один и тот же. Таким же образом [племя] бекрин называют мекрин . Их происхождение и ветви также будут сообщены. Это племя удуит-меркиты имеет четыре ветви в таком разделении: уйкур , мудан , тудаclin и джиюн . Это племя имело многочисленное, чрезвычайно воинственное и сильное войско. [Меркиты] – это часть монгольского [племени]. Они сражались и воевали с Чингиз-ханом и Он-ханом.
6	115	...и хотя племя меркит перед тем много раз враждовало с Чингиз-ханом и Он-ханом и воевало [с ними], а один раз Он-хан их ограбил, – однако в то время, когда между Чингиз-ханом и Он-ханом произошла размолвка, [меркиты] объединились и подружились с Он-ханом и его братом Джаканбу. Случайно в то время они одержали победу [над Чингиз-ханом] и разграбили его дом и стан, и так, что [даже] увели его старшую жену Бортэ-фуджин и отослали Он-хану.

		В эпоху Чингиз-хана государем и вождем удуит-меркитов был Токта-беки.
7	116	<p>Много раз [меркиты] сражались с Чингиз-ханом, как об этом будет подробно изложено в [дальнейших] повествованиях. В последней войне младший сын Токтай-беки Култукан-мэргэн, который чрезвычайно хорошо и метко пускал стрелы, убежав, ушел к кипчакам. Джочи-хан послал отряд для его преследования, и он его схватил...</p> <p>...Чингиз-хан не одобрил [это] и сказал: «нет ни одного племени хуже племени меркитов: сколько раз мы воевали с ними; много беспокойств и затруднений видели от них, – каким же образом возможно оставить его в живых, чтобы он опять возбудил мятеж?!»</p> <p>Другой эмир из племени меркитов был Тайр-Усун; он также был предводителем меркитов.</p> <p>Чингиз-хан постановил, чтобы никого из [меркитов] не оставляли в живых, а [всех] убивали, так как племя меркит было мятежное и воинственное и множество раз воевало с ним.</p>
8	117	...эмир из племени меркит , по имени Кудун-Орчан.
9	134	...он был из тысячи Кучура из рода тудаклин , принадлежащего к родам меркитов .
10	137	Токта, царь меркитов , из племени татар .
11	143	В первый раз, когда Чингиз-хан захватил большую часть племен меркитов , он направился войной на ту страну [тангутов] в год быка...
12	173	...муж у нее был из племени меркит , имя его неизвестно...
13	190	Токтай-беки, который был государем меркитов , пограбил этого Джамукэ и увез все его достояние...

Таблица 29 «Курлауты»

Ветви. Упоминаются две ветви племени курлаут: джунгуркин и уймакут.

Связи. В тексте есть упоминание о связи с племенами кунгират, элджигин и баргут.

Персоналии. Эбугэн-нойон, Шикики-нойон.

Территориальные маркеры. Данных, связанных с расселением, не имеется.

№	Стр.	Текст
1	77	III
2	117	<p>Племя курлаут. Это племя с племенами кунгират, элджигин и баргут близки и соединены друг с другом; их тамга у всех одна; они выполняют требования родства и сохраняют между собой [взятие] зятьев и невесток.</p> <p>В эпоху Чингиз-хана из племени курлаут-уймакут был старший эмир Эбугэн-нойон...</p>
3	118	<p>У каждого рода этого племени было и есть особое прозвище; [они] следуют в таком распределении и порядке: джунгуркин и уймакут.</p> <p>Шикики-нойон, который в эпоху Хулагу-хана был судьей [йаргучи] и вместе с Гараки отправился в Хорасан, – был из племени курлаут.</p>

Таблица 30 «Таргуты»

Связи. По нашему мнению, возможна связь тарнутов с ойратскими торгоутами.

Персоналии. Таргудай. Также упоминается Сунигул-фуджин, однако судя по примечаниям, этноним *таргуд* может читаться как баргут, в связи с которыми и в разделе, посвященном им, упоминается Сунигул-фуджин.

Территориальные маркеры. Данных, связанных с расселением, не имеется.

№	Стр.	Текст
1	77	III
2	118	<p>Племя таргут. В эту страну [Иран] от каана приходил некто по имени Таргудай; он происходил из этого племени. Имена и положение других эмиров, которые были [из племени таргут], неизвестны. Однако из старших жен от этой кости [происходит] наиболее почтенная госпожа, дочь Бартан-бахадур, мать четырех сыновей, ее имя – Сунигул-фуджин.</p>

Таблица 31 «Ойраты»

Ветви. Упомянется одна из ветвей ойратов – дурбан. В тексте также упоминается, что племена ойратов разветвлялись на несколько отраслей, однако далее в тексте пропуск.

Персоналии. Кутука-беки, Тенгиз-гургэн, Тарки-гургэн, Ил-Сукурчи, Туган.

Территориальные маркеры. Имеются два прямых и одно косвенное указание на места расселения ойратов. Становится очевидным место расселения ойратских племен в Восьмиречье, т. е. в области истоков реки Кэм – современного Енисея, т. е. в районе современной Тувы и Северной Монголии в районах озера Хубсугул и отрогов Хингана. В косвенном указании упоминается, что в пределах Баргуджин-Токума наряду с другими племенами расселены ойраты. По нашему мнению, в данном случае возможна связь с бурятскими олетами – сэгэнутами, расселенными в верховьях Лены.

№	Стр.	Текст
1	75	II
2	77	III
3	92	...вроде народов: джалаиры, ойраты , татары и другие...
4	95	Рассказ об этом будет сообщен в главе об ойратах .
5	102	... поскольку они суть монголы, – [разные] тюркские племена, подобно джалаирам, татарам, ойратам , онгутам, кераитам, найманам, тангутам и прочим, из которых каждое имело определенное имя и специальное прозвище, – все они из-за самовосхваления называют себя [тоже] монголами, несмотря на то, что в древности они не признавали этого имени.
6	118	Племя ойрат . Юртом и местопребыванием этих ойратских племен было Восьмиречье [Секиз-мурэн] . В древности по течению этих рек сидело племя тумат. Из этого места вытекают реки, [потом] все вместе соединяются и становятся рекой, которую называют Кэм ; последняя впадает в реку Анкара-мурэн . Имена этих рек таковы: Кок-мурэн, Он-мурэн, Кара-усун, Санби-тун, Укри-мурэн, Акар-мурэн, Джурчэ-мурэн и Чаган-мурэн . Эти племена еще издревле были многочисленны и разветвлялись на несколько отраслей, у каждой в

		отдельности было определенное название с таким распределением... [*в тексте пропуск] [Ойраты] всегда имели государя и вождя.
7	120	Из числа эмиров-гургэнов, которые имели родство с Кутука-беки, предводителем племени ойратов был некто Тенгиз-гургэн, которому Гуюк-хан дал [в жены] дочь, и он стал [ему] зятем. Он и его сын Тарки-гургэн были эмирами тысяч ойратов . В Иране и Туране было и есть множество [людей] из числа эмиров ойратского племени...
8	121	Из племени ойрат также происходят Ил-Сукурчи и его сын Туган. В тех пределах [в Баргуджин-Токуме] сидело множество [других] племен: ойрат , булагачин, кэрэмучин и другое племя, которое они называют хойинурянка, – также было близко к этим границам; каждое в отдельности имело начальника и предводителя.
9	138	Кутука-беки, царь ойратов , [из] племени дурбан .
10	176	По ту сторону гор: Энкэ, Джубукра, Буран-Курки, Самр, Кубкату и Туай . Эти девять рек впадают в Селенгу . Там обитает тысяча ойратов из рода Укай-Караджу и охраняют это стойбище [макам].

Таблица 32 «Баргуты, кори, туласы»

Генеалогические связи. «Они тоже суть монголы».

Ветви. Упомянуты такие ветви баргутов, как туласы, туматы.

Связи. Упомянуты брачные связи с племенами элджигин, кунгират и курлаут. В связи с баргутами упоминаются булагачины и кэрэмучины.

Персоналии. Джурджаган.

Территориальные маркеры. Имеется несколько прямых и косвенных упоминаний, связанных с расселением баргутов и других племен в связи с соседством с последними. Исходя из текста, область Баргуджин-Токум, в которой расселены баргуты, кори и туласы, располагается севернее Селенги, по соседству с рекой Ангарой. А также известно, что поблизости с Баргуджин-Токумом расселены лесные урянкаты, хойин-урянка, баяуты, тайджиуты, уруты, киргизы и кэм-кэмджиуты.

№	Стр.	Текст
1	77	III
2	117	<p>Это племя [курлаут] с племенами кунгират, элджигин и баргут близки и соединены друг с другом; их тамга у всех одна; они выполняют требования родства и сохраняют между собой [взятие] зятьев и невесток.</p>
3	121	<p>Племена: баргут, кори и тулас; племя тумат также ответвилось от них. Эти племена близки друг с другом. Их называют баргутами вследствие того, что их стойбища и жилища [находятся] на той стороне реки Селенги, на самом краю местностей и земель, которые населяли монголы и которые называют Баргуджин-Токум.</p> <p>В тех пределах сидело множество [других] племен: ойрат, булагачин, кэрэмучин и другое племя, которое они называют хойин-урянка, – также было близко к этим границам; каждое в отдельности имело начальника и предводителя.</p> <p>Из племени баргут в этом государстве [т. е. в Иране] был Джурджаган...</p> <p>...По той причине, что в давнее время из племени баргут высватали мать Джэдай-нойона...</p>
4	122	<p>У племени баргут также была и есть дружба с племенем элджигин; они притязают на родство и единство [с ними], несмотря на то, что они не от их кости и не от их ветви. По этой причине они берут [в жены] друг у друга девушек и дают [их].</p> <p>У Арик-Бука была одна наложница; от нее родились Найра и Бука; она была из племени тулас, которое [является] ветвью баргутов. <i>Старшая жена Бартан-бахадур, по имени Сунигул-фуджин, мать [его] сыновей, также происходит из племени баргут.</i></p> <p>Оно [племя тумат] также ответвилось [от] родственников и ветви баргутов.</p>
5	123	<p>Таким образом, племя тайджиут было лесным вследствие того, что их стоянки были между страною монголов, киргизов и баргутов.</p>

6	124	Чанэ знают в большинстве областей Туркестана и Могулистана. Особенно же о них имеют понятие в областях Баргуджин-Токум , [у племен:] кори , киргиз, урасут, теленгут и тумат, потому что в этих областях [особенно] употребляют этот способ [передвижения].
7	150	Племена кори , баргу , тумат и байаут, из коих некоторые суть монголы и обитают в местности Баргуджин-Токум , также близки этой области.
8	156	Это лесное племя [находится] в пределах Баргуджин-Токум , там, где обитают племена: кори , баргут и тумат...
9	166	В силу ярлыка они отправились и подчинили племя баргут , главу которого называли Кадан-Айин.
10	184	[Этот убитый [из племени урут]] младший брат имел грудного младенца от жены, которую он взял из племени баргут ; это племя было поблизости к тем пределам.
11	185	Племя баргут , которое уберегло этого мальчика и назвало [его] Джэдай, привезло [его] к Чингиз-хану.

Таблица 33 «Туматы»

Генеалогические связи. Являются ветвью баргутов.

Ветви. В тексте есть упоминание о делении туматов на ветви, однако отсутствуют названия ветвей.

Территориальные маркеры. Имеется несколько упоминаний, связанных с расселением туматов в разные периоды. В связи с «прежним» расселением туматов упоминается Восьмиречье, а в связи с «нынешним» упоминаются области Баргуджин-Токума и Байлука, страна киргизов и соседство с областью Кэм-Кэмджиут. По нашему мнению, туматы были дисперсно расселены в Баргуджин-Токуме, т. е. в Прибайкалье, а также, вероятно, где-то в районе Восточного Саяна, на территории, соседствующей с областью расселения киргизов.

№	Стр.	Текст
1	77	III
2	118	Юртом и местопребыванием этих ойратских племен было Восьмиречье [Секиз-мурен] . В древности по течению этих рек сидело племя тумат. Из этого

		места вытекают реки, [потом] все вместе соединяются и становятся рекой, которую называют Кэм ; последняя впадает в реку Анкара-мурэн . Имена этих рек таковы: Кок-мурэн, Он-мурэн, Кара-усун, Санбигун, Укри-мурэн, Акар-мурэн, Джурчэ-мурэн и Чаган-мурэн .
3	121	Племена: баргут, кори и тулас; племя тумат также ответвилось от них. Эти племена близки друг с другом.
4	122	<p>Племя тумат. Местопребывание этого племени было поблизости вышепоименованной [местности] Баргуджин-Токум. Оно также ответвилось [от] родственников и ветви баргутов. [Туматы] жили в пределах страны киргизов и были чрезвычайно воинственным племенем и войском.</p> <p>... [племя] тумат вторично восстало...</p> <p>... они [монголы] дали большие сражения и покорили племя тумат. Однако на войне Борагул-нойон был убит. Так как туматы были злокозненным и недоброжелательным племенем, то [монголы] множество из них перебили.</p>
5	124	Чанэ знают в большинстве областей Туркестана и Могулистана . Особенно же о них имеют понятие в областях Баргуджин-Токум , [у племен:] кори, киргиз, урасут, теленгут и тумат , потому что в этих областях [особенно] употребляют этот способ [передвижения].
6	150	Племена кори, баргу, тумат и байаут, из коих некоторые суть монголы и обитают в местности Баргуджин-Токум , также близки этой области [Кэм-Кэмджиуг].
7	151	Спустя двенадцать лет, в год барса, когда восстало одно [из] племен тумат , сидевшие в Баргуджин-Токуме и Байлуке , для его покорения [монголы], из-за того, что оно было поблизости от киргизов , требовали от киргизов войско [чарик]; те не дали и восстали.

8	156	Это лесное племя [лесные урянкаты] [находится] в пределах Баргуджин-Токума , там, где обитают племена: кори, баргут и тумат ; они близки друг к другу.
9	171	Он же [Борагул] был убит в войне с [племенем] тумат , одним из монгольских племен, хотя и победил его.

Таблица 34 «Булагачины и кэрэмучины»

Связи. Очевидна связь с баргутами.

Территориальные маркеры. Имеется два упоминания, связанных с расселением булагачинов и кэрэмучинов. В качестве мест расселения этих племен можно рассматривать западное Прибайкалье, Баргуджин-Токум и у самого края страны киргизов».

№	Стр.	Текст
1	77	III
2	121	Их называют баргутами вследствие того, что их стойбища и жилища [находятся] на той стороне реки Селенги , на самом краю местностей и земель, которые населяли монголы и которые называют Баргуджин-Токум . В тех пределах сидело множество [других] племен: ойрат, булагачин , кэрэмучин и другое племя, которое они называют хойин-урянка, – также было близко к этим границам; каждое в отдельности имело начальника и предводителя.
3	122	[Оба] они [булагачины и кэрэмучины] обитали в пределах [той же местности] Баргуджин-Токум и у самого края страны киргизов . Они близки друг к другу.

Таблица 35 «Урасуты, теленгуты, куштеми»

Территориальные маркеры. Очевидно, имеются в виду племена Алтая, среди которых до наших дней сохранились теленгиты, под термином куштеми, по-видимому, скрывается не этноним, а соционим, т. е. куштеми – кыштымы.

№	Стр.	Текст
1	77	III

2	122– 123	<p>Урасут, теленгут и куштеми. Эти племена подобны монголам; известно, что они хорошо знают монгольские лекарства и хорошо лечат монгольскими [способами]. Их также называют лесным племенем, потому что они обитают по лесам в пределах страны киргизов и кэм-кэмджнутов.</p> <p>У этих племен [урасут, теленгут, куштеми] страна была расположена по ту сторону киргизов, [на расстоянии] около одного месяца пути.</p> <p>После того как киргизы выразили покорность, а [потом] восстали, Чингиз-хан послал к этим вышеупомянутым племенам своего сына Джочи-хана. Он прошел по льду через Селенгу и другие реки, которые замерзли, и захватил область киргизов. Во время [этого] похода и возвращения он также захватил и те племена.</p>
---	-------------	--

Таблица 36 «Лесные урянкаты»

Генеалогические связи. Как упоминалось выше, родственных связей с урянкатами из дарлекинов не имеют.

Связи. Географически связаны с племенами Баргуджин-Токума, сулду-сами.

Персоналии. Удачи.

Территориальные маркеры. Почти все сведения, касающиеся племени лесных урянкатов, так или иначе указывают на конкретную географическую локализацию. Территория расселения лесных урянкатов локализуется либо в пределах Баргуджин-Токума, либо по соседству с ним. В тексте также даны четкие данные позволяющие охарактеризовать регион с ландшафтной и климатической точки зрения: этот регион находится высоко в горах, так как в той местности выпадает много снега, а место расселения лесистое, хотя и имеются остепненные участки. По нашему мнению, этот регион может находиться ориентировочно в районе Присаянья-Прихубсугулья, скорее всего либо Окинское плато, либо Дархатская котловина, возможно, часть урянкатов была расселена где-то в еще более близких к Баргуджин-Токуму местах, таких как долина Иркута, верховья Джиды, т. е. в местах, где есть узкие горные долины и высокие плато. Возможна связь лесных урянкатов с бурятскими урянхайцами, ныне расселенными в долине Джиды. Кроме того, в тексте упоминается местность Буркан-Калдун, где находится гурук Чингис-хана, и, как мы уже

отмечали, он располагается приблизительно в районе северо-восточных истоков Селенги, которые берут начало в районе Дархатской котловины и Прихубсугуля. По нашему мнению, вполне вероятной может оказаться семантическая связь местности Буркан-Калдун с рекой Тэнгэрийн-гол, текущей в Дархатской котловине.

№	Стр.	Текст
1	123	<p>Это племя не принадлежит к другим урянкатам: они получили это имя потому, что их юрты были в лесах. Они никогда не имели ни палаток, ни шатров; их одежда была из кожи животных; у них не было быков и баранов; вместо них они выращивали горных быков [и коров], горных баранов [и овец] и джейрана, который похож на горную овцу; они ловили их [и приручали], доили молоко и ели.</p>
2	124	<p>Во времена перекочевков они грузили поклажу на горных быков и никогда не выходили из лесов.</p> <p>Так как в их стране очень много гор и лесов, а снег выпадает в большом количестве, то зимой по снежному покрову они бьют массу дичи. Они делают особые доски, которые называют чанэ, и на них становятся... Они так гоняются на чанэ [льжах] по степи и равнине, по спускам и подъемам, что настигают горного быка и других животных и убивают [их].</p>
3	125	<p>Тот упомянутый народ твердо и непоколебимо [стоит] на том правиле и обычае и постоянно пребывает в лесах. Однако в августейшую эпоху Чингиз-хана и его великого рода те пределы стали юртом других монгольских племен и они [урянкаты] смешались с другими монголами. В настоящее время юрт племени сулдус – в окрестностях тех лесов.</p> <p>Однако во время Чингиз-хана из этого племени был эмир, по имени Удачи, из [числа] эмиров тысяч левого крыла. Впоследствии его вместе с его тысячей назначили охранять великий гурук Чингиз-хана, который [находится] в местности Буркан-Калдун. Они [поэтому] никогда не ходят в ханскую страну.</p>

		Тулуй-хан и его род, Кубилай-каан, Менгу-каан и их роды – все погребены в том гуруке. У других родов Чингиз-хана гуруки находятся в другом месте .
4	156	Это лесное племя [лесные урянкаты] [находится] в пределах Баргуджин-Токума , там, где обитают племена: кори, баргут и тумат; они близки друг к другу.
5	158	В эпоху Чингиз-хана из племени лесных урянкатов был некий эмир тысячи; [один] из эмиров левого крыла, имя его – Удачи.

Таблица 37 «Курканы»

Связи. Племя куркан упоминается лишь в связи с союзничеством с Чингиз-ханом в период войн с тайджигунами.

Территориальные маркеры. Данных, связанных с расселением, не имеется. Однако, в связи с расположением главы о курканах в непосредственной близости от группы племен, расселенных в Баргуджин-Токуме, по нашему мнению, возможна связь с этнонимом курыкан, также фиксируемым в этом регионе, но несколько раньше. К тому же, среди бурят до наших дней сохранились племена куркутов/хурхадов, которые, по нашему мнению, в периферийных районах Баргуджин-Токума сохранили древний этноним. Как уже отмечалось нами, куркаты в начале XVII в. фиксировались, по крайней мере в Прибайкалье, в четырех местах: по реке Ангаре, в районе впадения в нее Оки, т. е. в районе современного Братска, по течению Белой – юго-западного притока Ангары, в долине Куды – юго-восточного притока Ангары и в долине Иркуты – юго-западного притока Ангары. Таким образом, регион расселения куркатов непосредственно связан с такими племенами, как баргу, кори, тулас, тумат, лесные урянкаты, о которых говорилось в предыдущих параграфах.

№	Стр.	Текст
1	77	III
2	125	Племя куркан . Ранее этого, [а именно] в то время, как у Чингиз-хана была война с племенем тайджиут и он собирал войска, это племя присоединилось к Чингиз-хану.

Таблица 38 «Сакаиты»

Связи. Упоминаются в связи с союзничеством с Чингиз-ханом.

Территориальные маркеры. Данных, связанных с расселением, не имеется. Однако, по нашему мнению, возможна связь с этнонимом саха (jaqa/saqa), который принадлежит современным якутам. Возможно, часть носителей этого этнонима высоко поднялась по реке Лене и оказалась в пределах или по соседству с Баргуджин-Токумом.

№	Стр.	Текст
1	125	Племя сакаит . В то время, когда у Чингиз-хана были усобица и распря с племенами тайджиутов, это племя присоединилось к Чингиз-хану, и [тем] прибавилось его войско.
2	128	Сакаит . Они также суть племя.

Таблица 39 «Кераиты»

Ветви. В тексте упоминается несколько ветвей племени кераит: джиркин, конкаит, сакаит, тумант, албат, хиркун.

Связи. Вероятна связь племени кераитов с неким племенем тункаитов либо на уровне брачных связей, либо на уровне ветви кераитов. Упоминаются как противники Чингиз-хана, татар, найманов, т. е. как очень крупное и политическое важное образование Центральной Азии того времени.

Персоналии. Он-хан (Ван-хан), Гурхан, Тай-Тимур-тайши, Юла-Магус, Сары(к)-хан, Нор-Буюрук-хан, Маркуз-Буюрук, Кеюк-бахадур, Ноджуд-Саруджир-Кудай, Бенсил-нойон, Туглук-кушчи, Алинак-бахадур, Алчитугаул, Саты, Илангиз, Сакаит.

Территориальные маркеры. По временным рамкам в первом сообщении о расселении кераитов до прихода к власти Он-хана говорится, что кераиты, по крайней мере в тот период, владели такими территориями, как Орта-Балагасун, Яг-Ябган, Карагас-Буругус. Далее следуют упоминания, связанные с расселением кераитов во времена Он-хана: Талан-Гусзур, Дабан, Наур, Тулсутан и Джалсутан, Илат, Тарат, Айджиэ, Кутукэн, Урут, Укурут, Йилет [?] и Тертит [?], Утекин-мурэн, Орон-Куркин, Тош, Барау, Ширэ, Кулусун, Отку-Кулан, Джелаур-Кулан. Имеется одно косвенное упоминание, из которого можно заключить, что место юрта Маркуз-Буюрука, одного из кераитских ханов, было недалеко от кочевий татар в районе Биур-нура. Кроме того, во вводной части текста упоминаются огромные территории, обозначенные как земли, принадлежащие монголам и народу кераит, что, очевидно, указывает на дисперсное расселение кераитов на большой территории в пределах Центральной Азии.

№	Стр.	Текст
1	74	I ...[в местностях], принадлежащих народу кера-

		ит, как-то: [по рекам и озерам] Онон, Кэлурэн, Талан-Балджиус, Буркан-Калдун, Кукана-наур, Буирнаур, Каркаб, Куйин, Эргунэ-кун, Калайр, Селенга, Баргуджин-Тукум, Калалджин-Элэт и Уткух , кои смежны с Китайской стеной .
2	75	II
3	77	III
4	102	Кераиты тоже называют себя монголами, хотя в древности не признавали этого имени.
5	106	Когда всевышняя истина сделала Чингиз-хана могущественным и он победил имевшихся у него врагов вроде племен катакин, салджиут, тайджиут и дурбан, государя керейтов Он-хана [т. е. Ван-хана], Таян-хана, государя [племени] найман, Кушлук-хана, государя [племени] меркит, Токта-беки и других враждовавших с ним...
6	111	Отправились [татары] на войну с Сарык-ханом, государем кераитов ...
7	112	Подданные Сарык-хана [кераиты]...
8	113	Освободили для Сары-хана улус Керайчин .
9	126	Племя кераит , их колена и ветви... Личные летовки Он-хана: Талан-Гусэур, Дабан и Наур ; юрт правого крыла его войска: Тулеутан и Джалсутан ; левого крыла Илат, Тарат, Айджиэ, Кутукэн, Урут, Укурут, Йилет [?] и Тертит [?] .
10	127	Зимние стойбища: Утекин-мурэн, Орон-Куркин, Тош, Барау, Ширэ, Кулусун, Отку-Кулан, Джелаур-Кулан . ...В то время в тех пределах они имели больше силы и могущества, чем другие племена... Они [кераиты] [представляют] собою род монголов; их обиталище есть [по рекам] Онону и Кэрулэну , земля монголов. Те округа близки к границам хитайской страны . [Кераиты] много враждовали с многочисленными племенами, особенно с племенами найманов .

		<p>...[будучи побеждены], они [кераиты] стали пленниками и рабами Чингиз-хана...</p> <p>Во время Он-хана главою племени харакин был [некто] по имени Кеюк-бахадур, правитель Курани, одного тумана; его юрт [находился] в местности Караун-Джидун и Чикир-Джугур.</p> <p>...Эти кераиты имеют множество племени колен.</p>
128		<p>Все они были подданными Он-хана. Разделение [их таково]:</p> <p>Кераит. Рассказывают, что в древние времена был один царь; он имел семь [восемь] сыновей, и все они были смуглые. По этой причине их называли кераитами.</p> <p>Джиркин. Они были уважаемым и геройским племенем из племен Он-хана. Ноджуд-Саруджир-Кудай был начальником [шихнэ] Шираза...</p> <p>Конкаит. От этой кости был Бенсил-нойон и его сын Туглук-сокольничий [кушчи]...</p> <p>Сакаит. Они также суть племя.</p> <p>Тумаут. Алинак-бахадур, Алчи-тутгаул и его сын Саты были из этого племени...</p> <p>Албат. Из этого племени [происходил] Илангиз – отведыватель ханских блюд, [бывший] из ев-угланов жены Чингиз-хана, Бортэ-фуджин; он был эмиром сотни из числа тысячи Чингиз-хана.</p>
129		<p>...В ту эпоху главой татарских князей был некто, называвшийся Нор-Буюрук-хан. Юрт он имел в местности, называемой Буир-наур. Как-то воспользовался удобным случаем, захватил [в плен] царя кераитов, Маркуз-Буюрука, и отправил его к государю Джурджэ. Последний, пригвоздив его к «деревянному ослу», умертвил. Когда прошел некоторый промежуток времени, жена Маркуз-Буюрука..., так как их юрт близок к татарским племенам...</p> <p>[В других монгольских книгах] такое нашлось, что Курджауз-Буюрук-хан имел [свой] юрт в местности Орта-Балагасун; он дал Гурхану и Он-хану юрты</p>

		в Яг-Ябгане , а Тай-Тимуру-тайши и Юла-Магусу – в местности Карагас-Буругус . [Курджауз] говорил: «Если они будут вместе, то не [будет] мира; после же моей смерти они не оставят улуса кераитов ни с ночи до утра, ни с утра до ночи!» По этой причине он держал их порознь друг от друга.
15	132	Девушку по имени Кадан-бахадур из племени хиркун , ответвления кераитов...
16	134	[Чингис-хан] приказал, чтобы он [Куйду] собрал свое племя кераитов и тункуитов .
17	135	Сакаит , из племени кераитов .
18	137	<i>Захватили Он-хана в местности Некун-усун.</i>
19	140	И других царей кераитов... ...от племен: монголов, кераитов , найманов и кочевников тех окрестных местностей...
20	141	... от кости [племени] тумаут , которое есть отрасль кераитов .
21	163	...из племен монгол, кераит...
22	186	Разбил войско кераитов...

Таблица 40 «Найманы»

Ветви. В тексте о найманах говорится как о множестве племен, но названия ветвей не даны.

Связи. Упоминается племя тикин, как близкое найманам и имеющее юрт поблизости. Найманы в тексте Рашид-ад-Дина упоминаются как сильные и могущественные соперники Чингис-хана, которых он победил лишь после покорения татар и кераитов.

Персоналии. Кушлук-хан, Таян-хан, Наркыш-Таян, Эниат-каан, Кори-Субэчу, Тин-Шал.

Территориальные маркеры. Есть два прямых и одно косвенное указание о расселении найманов. Общая зона расселения найманов характеризуется такими районами, как Кок-Ирдыш, Ирдыш, Каракорум, горы Алтая, река Орган, а в частности такими местностями, как Талак, Джаджиэ-наур, гора Адари-Эбкэ, Бакрас-олум; Ачирик-наур и река Ала-Етрин, горы Элуй-Сирас. В общем эта территория тянется от современного Восточного Казахстана до Западной Монголии, вплоть до границ области Кэм-Кэмджиут.

№	Стр.	Текст
1	73	I ...по рекам и горам в [областях] народа найман ,

		как, например: Кок-Ирдыш, Ирдыш, [гора] Каракорум, горы Алтая, река Орган...
2	75	II
3	77	III
4	102	... поскольку они суть монголы, – [разные] тюркские племена, подобно джалаирам, татарам, ойратам, онгутам, кераитам, найманам , тангутам и прочим, из которых каждое имело определенное имя и специальное прозвище, – все они из-за самовосхваления называют себя [тоже] монголами, несмотря на то, что в древности они не признавали этого имени. Их теперешние потомки, таким образом, воображают, что они уже издревле относятся к племени монголов и именуются [этим именем], – а это не так, ибо в древности монголы были [лишь] одним племенем из всей совокупности тюркских степных племен.
5	106	Когда всевышняя истина сделала Чингиз-хана могущественным и он победил имевшихся у него врагов вроде племени катакин, салджиут, тайджиут и дурбан, государя кераитов Он-хана [т. е. Ван-хана], Таян-хана, государя [племени] найман , Кушлук-хана, государя [племени] меркит, Токта-беки и других враждовавших с ним...
6	116	В последней войне Таян-хана, государя племени найманов , с Чингиз-ханом с ним вместе был Токтай-беки; он упорно сражался. Когда Таян-хан был убит, Токтай-беки с одним своим сыном бежал к Буюрук-хану, найману .
7	127	[Кераиты] много враждовали с многочисленными племенами, особенно с племенами найманов .
8	131	Эркэ-кара убежал и искал защиты у племени найманов ; племя найманов оказало ему помощь: отобрало страну [у Он-хана] и отдало ему, а Он-хана прогнали.
9	135	Племя найман , которого имеется несколько ветвей.

		Ранее эпохи Чингиз-хана государями найманов были Наркыш-Таян и Эниат-каан.
10	136	<p>Распределение юртов найманов таково: Летние кочевья: Талак – юрт их государя; Джаджизэ-наур – место его ставки [орда]. Зимовки: гора Адари-Эбкэ, Бакрас-олум; Ачирик-наур и река Ала-Етрин.</p> <p>Эти племена [найманов] были кочевыми, некоторые обитали в сильно гористых местах, а некоторые – в равнинах. Места, на которых они сидели, как упомянуто [?], таковы: Большой [Екэ] Алтай, Каракорум, где Угедэй-каан, в тамошней равнине, построил величественный дворец, горы Элуй-Сирас и Кок-Ирдыш [Синий Иртыш], – в этих пределах обитало также племя канлы, – Ирдыш-мурэн, который есть река Иртыш...</p>
11	137	<p>горы, лежащие между той рекой и областью киргизов и соприкасающиеся с пределами той страны, до местностей Могулистана, до области, в которой живал Он-хан, – по этой причине у найманов с Он-ханом постоянно была распря и вражда, – до области киргизов и до границ пустынь, соприкасающихся со страной уйгуров. Эти племена найманов и их государи были уважаемыми и сильными; они имели большое и хорошее войско; их обычаи и привычки были подобны монгольским.</p> <p>...[Два] эмира Таян-хана из племени найман именовались – Кори-Субэчу и Тин-Шал, они в то время, как Он-хан бежал от Чингиз-хана, захватили Он-хана в местности Некун-усун, убили [его] и голову его принесли Таян-хану...</p>
12	138	<p>В той войне было то, что войско найманов скатилось с гор Наку-кун.</p> <p>...Когда Чингиз-хан разбил найманов и убил Таян-хана, он в год барса, в пределах течения реки Онон, водрузил девятиконечный белый бунчук[туг], устроил</p>

		<p>великое собрание и великий пир; и [там] дали ему имя Чингиз-хан.</p> <p>...[Тулуй-хан] имел наложницу по имени Бексарак, из племени найман...</p>
13	139	<p>Царя найманов, бывшего у них до вражды Чингиз-хана с найманами, Инанч-Билгэ Буку-хан...</p> <p>...Они хотя и вели войны с найманами, не могли покорить их. После же того, как Чингиз-хан покончил с Он-ханом, он вступил в войну с Таяном.</p> <p>Из племен, близких к найманам и юрты коих соприкасались с ними, было племя тикин.</p>
14	140	<p>...от племен: монголов, кераитов, найманов и кочевников тех окрестных местностей...</p>
15	142	<p>...Кул-Палад из племени найман...</p>
16	150	<p>Одна сторона Кэм-Кэмджиуга соприкасается с местностями и горами, где сидят племена найманов.</p>
17	163	<p>Из опасения племен монгол, кераит, найман и прочих...</p>
18	176	<p>Его называют Унгуз-кысат, ибо на языке найманов бука-ула называют кысат, что значит насыщение...</p>
19	178	<p>...Укуджу-бахадур, эмир и предводитель, который стал заодно с Буюру-ханом, найманом.</p>
20	194	<p>Кушлук-хан, сын Таян-хана, после того как они воевали с Чингиз-ханом, убежал и направился к Гурхану, государю кара-хитаев, в области Туркестана и Маверанахра. [Там] он взял [за себя] его дочь, вторично явился в область найманов и, собрав войска, задумал против гур-хана измену, повел на него войско, обратил его в бегство и убил, а [сам] сел на его место.</p>

Таблица 41 «Онгуты»

Персоналии. Алакуш-тегин.

Территориальные маркеры. Есть одно упоминание, указывающее на место расселения онгутов. Очевидно, что в тексте рассказывается о Великой китайской стене, которую построили для защиты от северных соседей, эту

стену и охраняли онгуты. В одном месте упоминается, что онгуты пропустили Чингис-хана через стену в месте, где они ее охраняли, а также упоминается деревня Кендук, к сожалению, ее идентификация с современными топонимами невозможна. А места расселения онгутов, по нашему мнению, располагались, скорее всего, в центральной части этой стены.

№	Стр.	Текст
1	77	III
2	102	... поскольку они суть монголы, – [разные] тюркские племена, подобно джалаирам, татарам, ойратам, онгутам , кераитам, найманам, тангутам и прочим, из которых каждое имело определенное имя и специальное прозвище, – все они из-за самовосхваления называют себя [тоже] монголами.
3	131	[Последнюю] дочь [Джакамбу] отдал [в жены] сыну государя онгутов . Рассказывают, что когда Чингиз-хан захватил онгутов и они покорились, он хотел захватить эту дочь [Джакамбу] и завладеть ею...
4	137	...Таян-хан послал царю онгутов , Алакуштегину, известие [о том], чтобы он присоединился к нему и они бы воевали с Чингиз-ханом. Алакуштегин отправил к Чингиз-хану извещение [об этом] в словесной форме через посла...
5	140	Во время Чингиз-хана и ранее этого эти племена онгутов были в числе войск и приверженцев хитайского государя Алтан-хана. Народ [этот] – особый и [только] похож на монгол; их было четыре тысячи кибиток. Хитайские государи, которых титуловали Алтан-хан, [в целях] охраны своего государства от племен: монголов, кераитов, найманов и кочевников тех окрестных местностей, построили стену, которую по-монгольски называют – утку, а по-тюркски – буркур. [Эта стена тянется] от берегов моря Джурджэ по побережью реки Кара-мурэн, между Хитаем, Чинном и Мачином; истоки же ее – в областях тангутов и Тибета. Ни в одном месте [стена] не дает прохода. В начале эту стену препоручили этому племени онгутов и дали ему совет и обязательство охранять ее.

		<p>Во время Чингиз-хана предводителем и эмиром онгутов был некий человек, которого называли Алакуш-тегин-кури.</p> <p>После того, когда Чингиз-хан напал на области Китая, Алакуш был в обиде на Алтан-хана и по этой причине он передал Чингиз-хану [охраняемый им] проход [через Хитайскую стену]...</p>
6	141	<p>Алакуш-тегин тайно послал [известие] к племяннику, чтобы он прибыл. [Шенгуй] явился, и когда достиг деревни Кендук, которая поблизости тому [месту]...</p> <p>...«Все онгуты, посоветовавшись друг с другом, убили его. Если всех их убить, какую это принесет [вам] пользу?»</p> <p>... Из этой истории видно, что из рода Чингиз-хана дают девушек племени онгут и берут от них. Вследствие этого мать Аргун-хана, Каймыш-хатун, была из племени онгут.</p>

Таблица 42 «Уйгуры»

В текстах Рашид-ад-Дина племени уйгуров упоминаются неоднократно, однако исходя из целей исследования расселения именно кочевников Центральной Азии, сведения об огузах нами опущены и в данных об уйгурах представлены лишь материалы, связанные с расселением этих племен.

Генеалогические связи. Одно из племен огузов.

Территориальные маркеры. В тексте имеется подробное описание расселения уйгурских племен, но лишь по периоду Уйгурского каганата.

№	Стр.	Текст
1	146	<p>Рассказывают, что в стране Уйгуристан имеются две чрезвычайно большие горы; имя одной – Букрату-Бозлук, а другой – Ушкун-Лук-Тенгри; между этими двумя горами находится гора Каракорум. Город, который построил Угэдэй-каан, также называется по имени той горы. Подле тех двух гор есть гора, называемая Кут-даг. В районах тех гор в одной местности существует десять рек, в другой местности – девять</p>

		<p>рек. В древние времена местопребывание уйгурских племен было по течениям этих рек, в [этих] горах и равнинах. Тех [из уйгуров], которые [обитали] по течениям десяти рек, называли он-уйгур, а [живших] в [местности] девяти рек – токуз-уйгур. Те десять рек называют Он-Орхон, и имена их [следуют] в таком порядке: Ишлик, Утингерю Букыз, Узкундур, Тулар, Тардар, Адар, Уч-Табин, Камланджу и Утикан.</p> <p>На первых трех реках обитали девять племен, на [следующих] четырех – пять племен; [племена], обитавшие по Камланджу, которая есть девятая, называют народом лун; тех же, которые [жили] по [реке] Утикан, десятой [по счету], называли народом кумукатъкуз. Вне [обитания] этих племен, сидевших по течениям [указанных] рек, в той же окружности было [еще] сто двадцать два племени, но их имена неизвестны.</p>
--	--	---

Таблица 43 «Бекрины»

Генеалогические связи. Имеется другой фонетический вариант этнонима: *мекрин*, но связей с *меркитами*//*мекритами* не отмечается.

Связи. Повиновались Чингис-хану.

Персоналии. Сипкинэ.

Территориальные маркеры. Племя бекринов было расселено в горных районах Уйгуристана, причем где-то в скалистой местности. По нашему мнению, этим местом вполне может оказаться Тянь-Шань, так как горы Монгольского Алтая в то время были заселены найманами.

№	Стр.	Текст
1	77	III
2	114	Таким же образом [племя] бекрин называют мекрин . Их происхождение и ветви также будут общены.
3	149	Племя бекрин . Их также называют мекрин . Стойбище их находится в области уйгуров [Уйгуристан] в труднодоступных горах. Они не монголы и

		не уйгуры. Из-за того, что они живут в [местности] чрезвычайно гористой, они хорошо ходят по горам и все они ходоки по скалам [киачи]. [Это племя] составляло одну войсковую тысячу [хазарэ]. Они подчинились Чингиз-хану и выказывали [ему] повиновение, а их эмир и глава пребывал на службе у Чингиз-хана. Так как область их близка к пределам улуса Кайду , то Кайду их захватил и присоединил к себе.
4	150	Жена [его] Кашин, которая была матерью Кайду, была из племени бекрин . Имя ее – Сипкинэ. Одно из колен [таифэ] этого племени пришло [некогда] с Хулагу-ханом [в Иран], и в этом государстве они отнеслись к ходокам по скалам и горам.

Таблица 44 «Киргизы»

Связи. Упоминаются как восставшие против Чингис-хана.

Территориальные маркеры. В тексте имеются два упоминания, в которых указывается место расположения области Киргиз и расселения киргизов. Племена киргизов упоминаются как соседствующие с областью Кэм-Кэмджиут и ее народом, а также как соседи туматов.

№	Стр.	Текст
1		
2	150	Киргиз и Кэм-кэмджиут две области смежные друг с другом; обе они составляют одно владение [мамлакат]. Кэм-кэмджиут – большая река, одною стороною она соприкасается с областью монголов [Могулистан] и одна [ее] граница – с рекой Селенгой , где сидят племена тайджиутов; одна сторона соприкасается с [бассейном] большой реки, которую называют Анкара-мурэн , доходя до пределов области Ибир-Сибир . Одна сторона Кэм-Кэмджиута соприкасается с местностями и горами, где сидят племена наяманов . Племена кори, баргу, тумат и байаут, из коих некоторые суть монголы и обитают в местности Баргуджин-Токум , также близки к этой области... Название другой области Еди-Орун ...

3	151	<p>Спустя двенадцать лет, в год барса, когда восстало одно [из] племен тумат, сидевшие в Баргуджин-Токуме и Байлуке, для его покорения [монголы], из-за того, что оно было поблизости от киргизов, потребовал от киргизов войско [чарик]; те не дали и восстали. Чингиз-хан послал к ним своего сына Джочи с войском. Курлун [был] их [киргизов] предводитель; [у монголов эмир], по имени Нока отправился в передовом отряде; он обратил в бегство киргизов и вернулся назад от восьмой реки. Когда подоспел Джочи, лед уже сковал реку Кэм-кэмджиут. Он прошел по льду и, покорив и подчинив киргизов, вернулся назад.</p>
---	-----	--

* * *

В рамках исследования расселения и племенного состава кочевых племен Центральной Азии был проведен текстологический анализ сборника летописей Рашид-ад-Дина (т. 1, ч. 1.). В работе использованы сравнительно-исторический и картографический методы исследования. В частности, поставленные в исследовании задачи были решены посредством сопоставления древних топонимов, их фонетических вариантов на современных картах.

Были реконструированы двадцать карт расселения кочевых племен Центральной Азии. В картах на основе упоминаний из текста были выявлены различные ареалы расселения: летники, зимники, основной юрт, юрты отдельных ветвей племенных объединений – и на их основе выделялись общие ареалы расселения. В некоторых картах одновременно наносились по нескольку племен, так как в тексте их упоминание постоянно было связанным.

Составленные карты позволяют представить наиболее полную картину расселения крупнейших племенных объединений и небольших племен в регионе в предчингисовское и чингисовское время. Наглядные данные позволяют утверждать, что такие крупные племенные объединения, как кераиты, найманы, татары, родственные группы дарлекинов и нирунов, были практически представлены на обширных территориях, где помимо них присутствовало множество малых пле-

мен, не входящих в эти объединения. Кроме того, значительные зоны расселения оказывались одновременно в ареалах нескольких из этих объединений, что позволяет утверждать о не типичных для оседлого населения понятиях государственности в мировоззрении тюрко-монгольских кочевников того времени. Судя по данным Рашид-ад-Дина, район горы Каракорум одновременно заселяли кераиты, найманы и несколько малых племен, причем и кераиты, и найманы в исследуемый период представляли собственные государства. Территория расселения татар одновременно являлась зоной кочевий нирунов, дарлекинов и других племен. Судя по текстам Рашид-ад-Дина, подобная практика расселения являлась нормой для этого региона.

ТЕРМИНЫ РОДСТВА У СРЕДНЕВЕКОВЫХ МОНГОЛОВ*

Отношение системы родства к социальной организации гомологично отношению грамматической системы к языку: как без детального анализа грамматики невозможно адекватное описание языка, так изучение структурных принципов системы родства необходимо для полноценной характеристики социальной организации. Между тем, несмотря на давние традиции изучения социальной организации средневековых монголов, системе родства (СР) и ее отражению в языке в виде терминологии родства (ТР) до сих пор не уделялось должного внимания. В работах Б. Я. Владимирцова, Э. Э. Бэкон, Калужинского затрагиваются отдельные аспекты и фрагменты средневековой монгольской ТР, однако их рассмотрение не носит системного характера и к тому же содержит ряд ошибок и неточностей, обусловленных, главным образом, неполнотой источниковой базы [см.: Владимирцов 1934; Васон 1958: 47–65; Kałużyński 1970; Калужинский 1972]. В монографии Л. Крэдера дается подробная характеристика СР современных монгольских народов (ордосцев, бурят, калмыков и монголов), но без учета средневековых материалов [Kradler 1963]. В результате может сложиться впечатление, что система родства монголов эпохи империи и последующего периода будто бы не имеет никакого значения для целей социального анализа. Однако это вовсе не так. Конечно, в какой-то степени мы можем рассуждать о языке, не касаясь его грамматической системы (например, в исследованиях по социалингвистике, экспериментальной фонетике или – в меньшей степени – лексической семантике), но если наше описание языка претендует на обобщающий характер и стремится к полноте, мы просто не имеем права игнорировать грамматику. В противном случае такое описание лишается смысла и едва ли может считаться удовлетворительным.

---

* Работа выполнена по проекту РГНФ – МинОКН Монголии (№ 07-01-92002a/G) «Кочевые империи монгольских степей: от Хунну до державы Чингис-хана».

С учетом сказанного задача структурного описания ТР средневековых монголов сохраняет свою актуальность; более того, ее решение имеет неоспоримую значимость как для социальной истории номадов, так и для исторической лексикологии монгольских языков. Настоящая статья призвана отчасти восполнить существующий пробел на основе анализа всех известных и доступных нам письменных памятников XIII – начала XVII в. на среднемонгольском языке (далее ср.-м.). Теоретические основы нашего подхода были сформулированы в докладе на IX Международном конгрессе монголоведов в Улан-Баторе, где мы изложили свой вариант модели семантического описания социальной лексики [Рыкин 2006]. Материал, который предлагается вниманию читателя, был получен путем применения базовых принципов этой модели. Они предполагают два этапа описания СР: на первом этапе анализируется ее языковое выражение, т. е. ТР, тогда как второй этап должна составлять социологическая интерпретация языковых данных. Предмет настоящей работы соответствует первому этапу описания, т. е. преимущественно ограничен рамками лингвистического анализа. Оговоримся, что вне нашего рассмотрения остались термины супружества (*ere, eme(n), gergei, qatun ~ qadun, berigen ~ bergen ~ beriken, abu'a berigen ~ abuqa beriken, beri, de'ü beri, güregen ~ küregen ~ kürigen ~ küreken, kürigen aqa ~ kürigen aqai, kürigen de'ü, aqa 3, aġin*), свойства (*qadun ~ qadum ~ qadam, quda ~ yuda, baġa, törgüt*) и десцента (*uruq, yasun, (h)uġa'ur ~ huġawur ~ hiġa'ür, (h)üre*), которые будут исследованы отдельно.

Использованные нами ср.-м. памятники делятся на две основные группы: лексикографические [КГ¹, МУу, ЗУу, ИМ, АЛ, RH, НуG, МА, VdI, Уу, Yb, BLk] и нарративные [ТИМ, Ph, НуГ]. Особую группу составляют ср.-м. лексические заимствования в других языках, в частности в новоперсидском, где имеется значительный пласт заимствований из ср.-м. ТР [МП]. Как правило, источники обеих групп (заимствования в силу их специфического статуса мы не берем) взаимно верифицируют друг друга: термин, засвидетельствованный в словарях, имеет реальные употребления в текстах – и наоборот. Впрочем, есть и исключения. Термин *qaya* встречается в нарративных ис-

---

¹ Список сокращений см. в конце работы.

точниках [ТИМ, § 18], но отсутствует в словарях; напротив, некоторые термины (*yolinmuŋu[q]*, *yeke eŋege*, *eŋgeyin dei*, *naqaŋu egeçi* и др.) известны только по словарям и не употребляются в текстах. Однако по причине ограниченности числа ср.-м. нарративных памятников такая избирательность употреблений ТР едва ли может служить основанием для каких-либо выводов. Мы в равной мере фиксировали как термины, встречающиеся во всех группах источников, так и термины, связанные с какой-либо одной из них. Подчеркнем, что фиксации подвергались не просто лексические единицы, а их сочетания с определенными значениями, т. е. лексико-семантические варианты (ЛСВ). Это было обусловлено полисемией терминов, благодаря которой одна и та же форма могла выражать сразу несколько значений, причем не обязательно относящихся к сфере родства. Так, у целой группы членов СТР наблюдается регулярная полисемия по типу 'термин родства' – 'возрастная группа' и/или 'социальный статус', отмеченная в другой нашей работе [Рыкин 2006: 334]. Эти дополнительные (возрастные и статусные) значения здесь не учитываются, а реализующие их ЛСВ исключаются из рассмотрения. Однако даже среди ЛСВ с семантикой родства мы встречаем немало примеров полисемии, когда термин обладает несколькими взаимосвязанными, но различающимися значениями. Такие формы для наглядности помечаются нами числовыми индексами (напр., *abaqa 1* 'младший брат отца', *abaqa 2* 'брат отца' и т. п.).

Проанализировав перечисленные выше группы ср.-м. памятников, мы выделили 48 лексических единиц (точнее – ЛСВ), образующих СТР². По своей морфологической структуре они подразделяются на три категории – *элементарные* (не разложимые на значимые компоненты), *составные* (представляющие собой основу в сочетании с каким-либо детерминативом) и *описательные* (образованные комбинацией нескольких элементарных или составных лексем)³. Состав этих категорий следующий:

---

² В работе [Рыкин 2006] выделялось 37 ср.-м. терминов родства, но расширение источниковой базы (в частности, привлечение данных КГ, МҮу, Үу, Үб, ВЛк) дало возможность увеличить состав членов СТР и уточнить некоторые дефиниции.

³ Термины предложены М. В. Крюковым и Н. В. Бикбулатовым [Крюков 1972: 33–34; Бикбулатов 1981: 20–21].

1) элементарные термины: *boroqai*, *γolinmüču[q]*, *elinčük*, *ebüge(n)*, *emege(n)*, *ečige*, *eke*, *ebin*, *abaqa 1*, *abaqa 2*, *naqaču*, *abaqa 3*, *aqai 1*, *de'ü 1*, *aqai 2*, *egeči 1*, *döyi*, **de'ü 2*, *egeči 2*, **de'ü 3*, *üye*, *qaya*, *ke'üken 1*, *köbe'ün 1*, *kö'ü(n) 1*, *nu'u(n)*, *ke'üken 2*, **köbe'ün 2*, *kö'ü(n) 2*, *öki(n)*, *yin*, *(h)aci*, *je'e 1*, *je'e 2*;

2) составные термины: *yeke ečege*, *yeke eke*, *aya ečē*, *aqai egeči*, *dewü ečē*, *aya eke*, *naqaču egeči*;

3) описательные термины: *ečē ečē⁴*, *yeke ečge ekīn*, *yeke ekeyin eke*, *ečgeyin deü*, *ekeyin ökin digü*, **kūni kü'ün*, **(h)aci-yin kö'ün⁵*.

---

⁴ Именную группу *ečē ečē* мы относим не к составным, а к описательным терминам на том основании, что ее семантика предполагает в оригинале скорее конструкцию типа **ečēyin ečē* или **ečēyi ečē*, в которой падежный аффикс был опущен по ошибке переписчика.

⁵ По сведениям Рашид ад-Дина, у древних монголов, возможно, имелось еще несколько терминов родства, обозначавших родственников поколения +5 и выше. Эти сведения приводятся в начале первой части повествования о Чингиз-хане в связи с установлением его генеалогии. Цитируем в русском переводе О. И. Смирновой: «Дед Чингиз-хана – Бартан-бахадур, а по-монгольски его называют эбугэ. Прадед Чингиз-хана – Кабул-хан, а по-монгольски его называют элинчиг. Прапрадед Чингиз-хана – Тумбинэ-каан, а по-монгольски его называют будутуу (?). Пятый предок Чингиз-хана – Байсонкур, а по-монгольски его называют буда-укур. Шестой предок Чингиз-хана – Кайду-хан, а по-монгольски его называют юрки (?). Седьмой предок Чингиз-хана – Дутум-Мэнэн, а по-монгольски его называют дутакун.

Восьмой предок Чингиз-хана – Чинкиз-хан Боданчар, дальше чем до седьмого [колена] специальных терминов нет, всех же [вместе] называют эчигин-эбугэн» [РСБ 1/2: 64]. Встречающиеся здесь названия отдаленных предков Чингисхана, начиная с Тумбинэ-каана, представляют большие сложности для интерпретации. Г. Дерфер дает следующие формы: ? *bōdātū* (вместо будутуу), ? *bōdā kūr* (вместо буда-укур) и *bōraqai* (вместо юрки), справедливо отмечая, что *дутакун* представляет собой форму мн. ч. *nomen futuri* от глагола *duta* = 'недоставать', 'отсутствовать', т. е. буквально означает 'те, которые [уже] отсутствуют [в генеалогии]', 'те, для кого нет [особого термина]' [Doerfer 1963: 47–48, 217–219]. Из этих трех форм только *bōraqai* определенно соответствует ср.-м. *boroqai* ~ *borqai*, аналогов двум остальным не находится ни в других ср.-м. памятниках, ни в современных монгольских языках. Их этимология также довольно туманна; возможно, речь идет вообще об одном термине в двух разных фонетических вариантах или с двумя разными аффиксами. Учитывая сказанное, мы воздержались от включения этих форм в СПТР и от их толкования на метаязыке компонентного анализа.

С целью дефиниции членов ср.-м. СТР помимо использования традиционного для отечественной этнологии родства «кода Левина» [см.: Левин 1970] нами был разработан вариант метаязыка компонентного анализа, позволивший представить план содержания каждого термина в виде набора значений нескольких переменных, или дифференциальных признаков (ДП). Всего было введено 7 таких переменных:

- бинарные признаки
  - *пол альтера* (значения ‘мужской’ [М] и ‘женский’ [Ж]);
  - *пол коннектора* (значения ‘мужской’ [кМ] и ‘женский’ [кЖ]);
  - *латеральность* (значения ‘патрилатеральный’ [р] и ‘матрилатеральный’ [м]);
  - *линейность* (значения ‘прямой’ [d] и ‘боковой’ [с]),
- градуальный признак
  - *поколение* (значения от ‘+4’ до ‘-3’),
- реляционный признак
  - *относительный возраст альтера* (значение записывается как ‘↑X’, ‘↓X’ или ‘↑X & ↓Y’, где ↑ читается ‘старше чем’, ↓ – ‘младше чем’, а X и Y являются референтами соответствующих членов СТР),
- а также связанный признак
  - *генеалогическое расстояние (степень)* (значения ‘первой степени’ [1s] и ‘второй степени’ [2s]), который реализуется только при значении ‘с’ признака «линейность».

В приведенной ниже таблице для каждого ЛСВ даются оба типа толкований: и с помощью «кода Левина», и на метаязыке семантических компонентов. В первой графе таблицы указаны наиболее частотные, базовые формы терминов, во второй – их фонетические варианты, а также те именные группы, в состав которых они входят без изменения своих значений (напр., *diyü keün* для *de'ü 1*, *kö'ün šibawun* для *kö'ü(n) 1*). В третьей, четвертой и пятой графах приводятся, соответственно, описательные дефиниции (русские переводы терминов), компонентные дефиниции и дефиниции по «коду Левина», шестая содержит список памятников, в которых встречается тот или иной ЛСВ.

Термины родства в среднемонгольском языке

Форма	Варианты	Описательная дефиниция	Компонентная дефиниция	Дефиниция по «коду Левина»	Памятники
1	2	3	4	5	6
<i>boroqai</i>	<i>borqai</i>	прапрадед	М; d; +4	РмРРР	ТИМ, МП, НуГ, Уб
<i>γolinmuč u[q]</i>		прапрадед	М; d; +4	РмРРР	Уу, ВLk
<i>elinčük</i>	<i>elenčik, elinčik, elin-müčü[k]</i>	прадед	М; d; +3	РмРР	ТИМ, МП, НуГ, Уу, Уб, ВLk
<i>ebüge(n)</i>	<i>öbüge(n)</i>	дед по линии отца	М; d; p; +2	РмРм	ТИМ, МУу, ЗУу, МП, НуГ, Уу, Уб, ВLk
<i>yeke ečege</i>		дед по линии отца	М; d; p; +2	РмРм	AL
<i>ečē ečē</i>	<i>ačā ačā</i>	дед по линии отца	М; d; p; +2	РмРм	ИМ
<i>emege(n)</i>	<i>emügen, ömege eke</i>	бабка по линии отца	Ж; d; p; +2	РжРм	ТИМ, МУу, ЗУу, НуГ, Уу, Уб, ВLk
<i>yeke eke</i>		бабка по линии отца	Ж; d; p; +2	РжРм	МА
<i>yeke ečge ekīn</i>		дед по линии матери	М; d; m; +2	РмРж	AL
<i>yeke ekeyin eke</i>		бабка по линии матери	Ж; d; m; +2	РжРж	AL
<i>ečiḡe</i>	<i>ečge, ečke, ečiḡe, ečē, e□ḡe, ö□ḡe</i>	отец	М; d; +1	Рм	ТИМ, КG, МУу, ЗУу, МП, ИМ, AL, RH, НуГ, НуТ, МА, VdI, Уу, Уб, ВLk

Продолжение таблицы

1	2	3	4	5	6
<i>eke</i>	<i>ege, öke</i>	мать	Ж; d; +1	Рж	ТИМ, КG, MҮу, ZҮу, МП, ИМ, AL, RH, HyG, HyT, MA, VdI, Yy, Yb, BLk
<i>ebin</i>		старший брат отца	М; с; p; +1; ↑ <i>eçige</i>	↑ДмРРм	ТИМ, MҮу, ZҮу, HyG, Yy, Yb, BLk
<i>abaqa 1</i>	<i>abuqa, abu'a</i>	младший брат отца	М; с; p; +1; ↓ <i>eçige</i>	↓ДмРРм	ТИМ, MҮу, ZҮу, HyG, Yy, Yb, BLk
<i>abaqa 2</i>	<i>abaya</i>	брат отца	М; с; p; +1	ДмРРм	RH, МП, MA
<i>eçgeyin deü</i>		брат отца ⁶	М; с; p; +1	ДмРРм	AL
<i>aya eçē</i>	<i>aya açā</i>	брат отца	М; с; p; +1	ДмРРм	ИМ
<i>aqai egeçi</i>		сестра от- ца	Ж; с; p; +1	ДжРРм	HyG, Yb
<i>dewü eçē</i>	<i>dü eçē</i>	сестра отца	Ж; с; p; +1	ДжРРм	ИМ
<i>naqaçu</i>	<i>naqaçu, naqa□u</i>	брат ма- тери	М; с; m; +1	ДмРРж	ТИМ, MҮу, ZҮу, МП, RH, HyG, MA, Yy, Yb, BLk
<i>aya eke</i>		брат ма- тери	М; с; m; +1	ДмРРж	ИМ
<i>abaqa 3</i>		брат ма- тери	М; с; m; +1	ДмРРж	AL
<i>naqaçu egeçi</i>		сестра ма- тери	Ж; с; m; +1	ДжРРж	HyG, Yb

⁶ Исходя из значений составных частей этого описательного термина, скорее можно предполагать у него значение 'младший брат отца', однако в AL он четко противопоставлен термину *abaqa* как обозначение дяди по отцу названию брата матери.

1	2	3	4	5	6
<i>ekeyin ökin digü</i>		сестра матери	Ж; с; m; +1	ДжРРЖ	AL
<i>aqa 1</i>	<i>aqa, aqai</i>	родственник старшего его, младше его родителей	M; ↑ эго & ↓ <i>ečige eke</i>	↑ДмР, ↓ДмРР, ↑ДмДРР, ↑ДмДДРР Р... ↑ДмД ⁿ Р ⁿ⁺¹	ТИМ, МҮу, ZYу, Ph, МП, ИМ, AL, RH, HyG, MA, Yy, Yb, BLk
<i>de'ü 1</i>	<i>deün, dewü, de'ü, diyü keün, dū, deü'ü</i>	родственник младшего его, старше его детей	M; ↓ эго & ↑ <i>ke'üken</i>	↓ДмР, Дм↑ДмР, ↓ДмДРР, ↓ДмДДРР Р... ↓ДмД ⁿ Р ⁿ⁺¹	ТИМ, МҮу, ZYу, Ph, ИМ, AL, RH, HyG, HyT, MA, Yy, Yb, BLk
<i>*aqa 2⁷</i>	<i>aqa</i>	брат	M; d; 0	ДмР	KG
<i>egeči 1</i>	<i>ekeči, eke□i, ökeči</i>	старшая сестра	Ж; d; 0; ↑ эго	↑ДжР	ТИМ, МҮу, ZYу, AL, HyG, MA, Yy, Yb, BLk
<i>döyi</i>	<i>düi</i>	младшая сестра	Ж; d; 0; ↓ эго	↓ДжР	ТИМ, МҮу, ZYу, HyG, Yb
<i>*de'ü 2⁸</i>	<i>de'ü, dū, diyü ökün, ökin deü'ü</i>	младшая сестра	Ж; d; 0; ↓ эго	↓ДжР	AL, MA, Yy, Yb, BLk
<i>egeči 2</i>	<i>ekeči</i>	сестра	Ж; d; 0	ДжР	KG, RH

⁷ Собственно термин *aqa* в значении 'брат' (без указания на относительный возраст) в ср.-м. памятниках не встречается, однако зафиксированный в KG фонетический вариант явно предполагает ту же базовую форму, что и у вариантов лексемы *aqa 1*.

⁸ Собственно термин *de'ü* в значении 'младшая сестра' в ср.-м. памятниках не встречается, однако приведенные в таблице фонетические варианты явно подразумевают ту же базовую форму, что и у вариантов лексемы *de'ü 1*.

1	2	3	4	5	6
<i>*de'ü 3⁹</i>	<i>dū, ökin de'ü</i>	сестра	Ж; d; 0	ДжР	ИМ, AL
<i>üye</i>		двоюрод- ный брат по линии отца	М; с; p; 0; 1s	ДмДРРм	ТИМ, МУу, ZYу
<i>qaya</i>		троюрод- ный брат по линии отца	М; с; p; 0; 2s	ДмДДРРР м	ТИМ
<i>ke'üken 1</i>	<i>kö'üken, küken</i>	ребенок эго	d; -1	Д	ТИМ, RH, HyG, HyT, MA, Yb
<i>köbe'ün 1</i>		ребенок эго	d; -1	Д	Yy, BLk
<i>kö'ü(n) 1</i>	<i>kü'ün, kö'ün ši- bawun</i>	ребенок эго	d; -1	Д	ТИМ, HyT, MA
<i>nu'u(n)</i>		ребенок эго	d; -1	Д	МУу, ZYу, HyG, Yb
<i>ke'üken 2</i>	<i>kö'üken, küken</i>	сын	М; d; -1	Дм	ТИМ, AL, MA
<i>*köbe'ün 2¹⁰</i>	<i>köbewün, köbe'ün, kübe'ün</i>	сын	М; d; -1	Дм	Ph, AL, Yb
<i>kö'ü(n) 2</i>	<i>ke'ün, kü'n, kü'ün, kewün, keü'ü</i>	сын	М; d; -1	Дм	ТИМ, Ph, МП, ИМ, RH, HyG, HyT, VdI, Yy, BLk

⁹ Собственно термин *de'ü* в значении 'сестра' в ср-м. памятниках не встречается, однако зафиксированный в ИМ фонетический вариант явно предполагает ту же базовую форму, что и у вариантов лексемы *de'ü 1*.

¹⁰ Собственно термин *köbe'ün* в значении 'сын' в ср-м. памятниках не встречается, однако приведенные в таблице фонетические варианты явно подразумевают именно такую базовую форму (ср. лексику *köbe'ün 1*).

Продолжение таблицы

1	2	3	4	5	6
<i>öki(n)</i>	<i>ökün,</i> <i>ökin</i> <i>kūken,</i> <i>*ökin</i> <i>kö'üken</i> ¹¹ , <i>*ökin</i> <i>kö'ün</i> ¹² , <i>öken</i> <i>k□gen</i>	дочь	Ж; d; -1	Дж	ТИМ, МҮу, ZYу, ИМ, AL, RH, HyG, HyT, MA, VdI, Yy, Yb, BLk
<i>yin</i>		ребенок брата	с; кМ; -1	ДДМР	МҮу, ZYу, HyG, Yb
<i>(h)aci</i>	<i>ači keü,</i> <i>hači</i> <i>kö'ün</i>	внук по линии сы- на	М; d; кМ; -2	ДмДм	HyG, HyT, MҮу, ZYу, Yy, Yb, BLk
<i>*kūni</i> <i>kū'ün</i> ¹³		внук по линии сы- на	М; d; кМ; -2	ДмДм	MA
<i>je'e 1</i>	<i>jeye,</i> □ē <i>keü'ü</i>	ребенок сестры	с; кЖ; -1	ДДжР	HyG, Yy, Yb, BLk
<i>je'e 2</i>	□ē	ребенок дочери	d; кЖ; -2	ДДж	ТИМ, Yb
<i>*(h)aci-</i> <i>yin</i> <i>kö'ün</i> ¹⁴		правнук по линии сы- на	М; d; кМ; -3	ДмДмДм	Tch

Таким образом, нами получено максимально полное и экономное описание ср.-м. СТР с использованием значений всего лишь семи ДП. Оно позволяет без труда выявить черты симметричности в структуре

¹¹ Восстановлено по форме мн. ч. *ökin kö'üket* в [HyT, 3: 18a4].

¹² Восстановлено по форме мн. ч. *ökin kö'üt* в [HyT, 3: 18b1–2].

¹³ Восстановлено по форме мн. ч. *kūni kū'üt* в [MA, 231б].

¹⁴ Собственно термин *(h)aci-yin kö'ün* в ср.-м. памятниках не встречается. Он восстановлен нами по форме *ači-yin köbegün*, которая зафиксирована в доклассической монгольской письменности [Tch, 13].

СТР: практически все термины (точнее, кластеры синонимичных терминов) образуют эквиолентные оппозиции по какому-либо одному ДП, а именно:

boroqai / *γolinṭiṣu[q]* противопоставляются *elinčūik* по признаку «поколение» ('+4' vs. '+3');

ebüge(n) / *yeke ečege* / *ečē ečē* противопоставляются *emege(n)* / *yeke eke* по признаку «пол альтера» ('М' vs. 'Ж');

yeke ečege ekīn противопоставляется *yeke ekeyin eke* по признаку «пол альтера» ('М' vs. 'Ж');

ečiḡe противопоставляется *eke* по признаку «пол альтера» ('М' vs. 'Ж');

ebin / *aya ečē* противопоставляются *abaqa 1* по признаку «относительный возраст альтера» ('↑ *ečiḡe*' vs. '↓ *ečiḡe*');

abaqa 2 / *ečgeyin deü* / *aya ečē* противопоставляются *aqai egeči* / *dewü ečē* по признаку «пол альтера» ('М' vs. 'Ж');

naqači / *aya eke* / *abaqa 3* противопоставляются *naqači egeči* / *ekeyin ökin digü* по признаку «пол альтера» ('М' vs. 'Ж');

aqā 1 противопоставляется *de'ü 1* по признаку «относительный возраст альтера» ('↑ эго & ↓ *ečiḡe eke*' vs. '↓ эго & ↑ *ke'üken*');

*aqā 2 противопоставляется *egeči 2* / **de'ü 3* по признаку «пол альтера» ('М' vs. 'Ж');

egeči 1 противопоставляется *döyi* / **de'ü 2* по признаку «относительный возраст альтера» ('↑ эго' vs. '↓ эго');

üye противопоставляется *qaya* по признаку «степень» ('1s' vs. '2s');

ke'üken 2 / **köbe'ün 2* / *kö'ü(n) 2* противопоставляются *öki(n)* по признаку «пол альтера» ('М' vs. 'Ж');

yin противопоставляется *ǰ'e 1* по признаку «пол связующего родственника» ('кМ' vs. 'кЖ');

(h)ači / **küni kü'ün* противопоставляются **(h)ači-yin kö'ün* по признаку «поколение» ('-2' vs. '-3').

Исключение составляют только термины с семантикой 'ребенок эго' – *ke'üken 1*, *köbe'ün 1*, *kö'ü(n) 1* и *nu'u(n)*, которые выступают гиперонимами для *ke'üken 2*, **köbe'ün 2*, *kö'ü(n) 2* и *öki(n)*¹⁵, а также

---

¹⁵ Можно утверждать также, что любой из этих терминов образует с *ke'üken 2*, **köbe'ün 2*, *kö'ü(n) 2* и *öki(n)* привативную оппозицию по признаку «пол альтера», являясь ее немаркированным членом.

ЛСВ *ǰ'e 2*, для которого вообще нет коррелятивной пары (в силу отсутствия в ср.-м. лексемы со значением *‘ребенок сына’). Мы видим, что наибольшей смысловозначительной силой в рамках ср.-м. СТР обладают ДП «пол альтера» (образует 7 оппозиций) и «относительный возраст альтера» (образует 3 оппозиции), ключевая роль которых обусловлена внеязыковой значимостью половозрастных классификаций в социальной системе средневековых монголов. Напротив, ДП «латеральность» и «линейность» самостоятельно не способны порождать семантические оппозиции, выполняя смысловозначительную функцию сугубо в комбинации с другими, структурно более релевантными ДП.

Обращает на себя внимание, что многие из членов СТР являются полностью синонимичными, т. е. содержат в своих толкованиях одинаковый набор ДП (напр., *naqaǰu, aya eke* и *abaqa 3; abaqa 2, eǰgeyin dei* и *aya eǰē; ebüge(n), yeke eǰege* и *eǰē eǰē*). Иногда при этом речь действительно идет о свободном варьировании соответствующих терминов в тех или иных ср.-м. памятниках. Так, в значении ‘ребенок эго’ в ТИМ, НуТ и МА полностью взаимозаменяют друг друга ЛСВ *ke'üken 1* и *kö'ü(n) 1*, а в НуГ и Ыб – ЛСВ *ke'üken 1* и *nu'u(n)*. Одно и то же значение ‘сын’ реализуют в АЛ – ЛСВ *ke'üken 2* и **köbe'ün 2*, в ТИМ и МА – ЛСВ *ke'üken 2* и *kö'ü(n) 2*. Однако в большинстве случаев синонимичные формы оказываются дополнительно распределенными между собой. Как правило, это вполне можно объяснить диалектным членением ср.-м. текстов¹⁶. К примеру, термины *γolin-*

---

¹⁶ О диалектных различиях в ср.-м. языке можно судить на основе анализа текстов, существующих в транскрипциях китайскими иероглифами или арабским письмом, а также записанных квадратной письменностью, которая отличалась чрезвычайной точностью в отображении ср.-м. фонетики. При этом число ср.-м. диалектов и их отношение к живым монгольским языкам является предметом дискуссий. Н. Н. Поппе писал о трех диалектах: южно-среднемонгольском, восточносреднемонгольском и западносреднемонгольском. По его мнению, южносреднемонгольский был предком современных монгорского, баоаньского и дагурского языков, восточносреднемонгольский – предком бурятского и халха-монгольского, а от западносреднемонгольского якобы происходят могольский и ойратский [Рорре 1965: 21–24]. Существование трех ср.-м. диалектов признает и Е. А. Кузьменков, с тем отличием, что южносреднемонгольский (или сяньбийско-киданьскую ветвь) он считает

miču[q], emege(n), ebin, abaqa 1, aqai egeči, naqači egeči; döyi, üye, qaya, köbe'ün 1, nu'u(n), yin, (h)ači, ĵ'e 1, ĵ'e 2 встречаются только в памятниках восточнoсреднемонгольских диалектов [ТИМ, МҮу, ЗҮу, Ph, HyG, HyT, Yu, Yb, BLk]. Напротив, только в текстах, отражающих западнoсреднемонгольские диалекты [KG, TMEN, ИМ¹⁷, AL, RH, MA, VdI], зафиксированы ЛСВ *yeke ečege, ečē ečē, yeke eke, yeke ečege ekīn, yeke ekeyin eke, abaqa 2, ečgeyin deiü, aya ečē, dewü ečē, aya eke, abaqa 3, ekeyin ökin digü, *aqa 2, egeči 2, *de'ü 3, *küni kü'ün*). Наряду с этим мы имеем и целый ряд бесспорно общеср.-м. терминов (*boroqai, elinčük, ebüge(n), ečige, eke, naqači, aqa 1, de'ü 1, egeči 1, *de'ü 2, ke'üken 1, kö'ü(n) 1, ke'üken 2, *köbe'ün 2, öki(n), kö'ü(n) 2*). Примечательно, что если специфичная для вост. ср.-м. лексика представлена в основном элементарными терминами, то специфику зап. ср.-м. образуют по преимуществу составные или описательные термины. В плане терминологии родства это может свидетельствовать о большем архаизме

прототипом старописьменного монгольского языка [Кузьменков 1993: 324]. Напротив, Озава отмечал, что имеющийся материал позволяет четко выделять лишь два ср.-м. диалекта – восточный и западный [Озава 1995]. Эту точку зрения разделяет и И. А. Грунтов, который на основе анализа изоглосс ср.-м. падежных маркеров приходит к выводу о том, что все современные монгольские языки являются потомками западнoсреднемонгольского диалекта, за исключением письменномонгольского, по-видимому, созданного на базе восточнoсреднемонгольского диалекта, но подвергшегося сильному влиянию разговорного языка [Грунтов 2002: 13–18]. Оставляя в стороне вопрос о соотношении ср.-м. диалектов и живых монгольских языков, мы безусловно присоединяемся к мнению о наличии в ср.-м. двух, а не трех диалектов или диалектных зон. Данное мнение представляется нам тем более оправданным, что даже Н. Н. Поппе не мог не констатировать отсутствие релевантного лингвистического материала по южнoсреднемонгольскому [Рорре 1965: 21], выделение которого в силу этого не имеет под собой надежных оснований.

¹⁷ И. А. Грунтов относит язык ИМ к восточнoсреднемонгольскому диалекту [Грунтов 2002: 14], однако особенности морфологической структуры зафиксированных в этом памятнике терминов родства скорее подтверждают его традиционное включение в западнoсреднемонгольскую диалектную зону: замена элементарных терминов для патрилатеральных родственников поколения +2 составными или описательными является отличительной чертой памятников зап. ср.-м. диалектов [AL, MA].

вост. ср.-м. диалектов по сравнению с зап. ср.-м. Именно диалектными различиями в значительной мере обусловлена отмеченная выше синонимия терминов: так, вост. ср.-м. *egege(n)* соответствует зап. ср.-м. *yeke eke*, вост. ср.-м. *aqai egeči* – зап. ср.-м. *dewü ečē*, вост. ср.-м. *naqači egeči* – зап. ср.-м. *ekeyin ökin digü*, вост. ср.-м. *(h)ači* – зап. ср.-м. **kūni kü'ün*.

Следует также отметить, что ЛСВ большинства полисемичных терминов в ср.-м. СТР связаны друг с другом отношением регулярной метонимии (точнее, синекдохи как вида метонимии). т. е. взаимно соотносятся по принципу ‘часть’ vs. ‘целое’. Метонимически мотивированы отношения ЛСВ *abaqa 1* vs. *abaqa 2*, *aqā 1* vs. **aqā 2*, *egeči 1* vs. *egeči 2*, **de'ü 2* vs. **de'ü 3*, *ke'üken 2* vs. *ke'üken 1*, **köbe'ün 2* vs. *köbe'ün 1*, *kö'ü(n) 2* vs. *kö'ü(n) 1*. Вместе с тем для некоторых фонетически тождественных форм непосредственная производность не может быть установлена. Так, *abaqa 3* метонимически невыводимо из семантики *abaqa 1* и *abaqa 2*, а *ǰ'e 1* – из семантики *ǰ'e 2*; еще более ощутимы различия между *de'ü 1*, с одной стороны, и **de'ü 2* vs. **de'ü 3* – с другой. Это можно объяснить двояким образом: и как омонимию соответствующих ЛСВ, и как особые типы многозначности: радиальную полисемию (*abaqa 3* связан с *abaqa 1* и *abaqa 2* через компоненты ‘М; с; +1’; *ǰ'e 1* и *ǰ'e 2* связаны через компонент ‘кЖ’) и цепочечную полисемию (*de'ü 1* связан с **de'ü 2* через компонент ‘↓ эго’, а **de'ü 2* с **de'ü 3* – через компоненты ‘Ж; d; 0’)¹⁸. Однозначно классифицировать эти случаи затруднительно ввиду операциональности и градуальности противопоставления между омонимией и полисемией в лингвистике (см., напр. [Кронгауз 2001: 151]).

Представленные нами материалы позволяют сделать выводы о типологической принадлежности ср.-м. СР. Подробнее на характеристике этой системы мы планируем остановиться в другом месте, сейчас же ограничимся самыми общими наблюдениями. По всей вероятности, СР средневековых монголов относится к бифуркативно-коллатеральному (по Р. Лоуи), или арабскому (по М. В. Крюкову)¹⁹ типу,

¹⁸ О понятиях радиальной и цепочечной полисемии см.: [Апресян 1995: 182–183].

¹⁹ См.: [Крюков 1972: 27–43].

характерному для тюрко-монгольских народов. Черты линейного (английского) типа прослеживаются в терминологическом отождествлении ДмРРм и ДмРРж (ЛСВ *abaqa 2* и *abaqa 3*), если только употребление лексемы *abaqa* в значении 'брат матери' в АЛ не является ошибочным. Отсутствие наименований для кросс-кузенов по обеим линиям, а также одинаковое обозначение ДДжР и ДДж (ЛСВ *je'e 1* и *je'e 2*)²⁰, может свидетельствовать о наличии у ср.-м. СР черт омаха, тем более что употребление терминов *йуе* и *qaua* носит ограниченный характер, и чаще всего обозначение патрилатеральных параллельных кузенов, как и сиблингов эго, осуществляют ЛСВ *aqqa 1* и *de'ü 1* (см.: [Рыкин 2005: 33–34]). Более определенные выводы на этот счет мешают сделать недостаточный объем языкового материала. Очень любопытным является тот факт, что в поколениях +1, 0 и -1 ср.-м. СР отражает свойственный многим народам урало-алтайского языкового ареала т. н. скользящий счет поколений, при котором в одну категорию родства объединяются представители двух смежных поколений: старшие члены одного с младшими членами другого (см.: [Бикбулатов 1981: 63–70; Бикбулатов 1983]). «Скользющей» семантикой обладают ЛСВ *aqqa 1* и *de'ü 1*, которые в силу этого представляют известные трудности для толкования как на метаязыке компонентного анализа, так и в терминах «кода Левина». Вообще говоря, критерий относительного возраста имеет силу для целого ряда ср.-м. имен родства, но большей частью он действует в рамках отдельных поколений (ЛСВ *ebin*, *abaqa 1*, *egeči 1*, *döyi*, **de'ü 2*); лишь два указанных термина в своей референции явственно выходят за эти рамки. В дальнейшем роль половозрастных классификаций в социальной структуре средневековых монголов будет охарактеризована более детально. Пока же, в качестве заключения, следует отметить, что анализ ср.-м. СТР является важным этапом в изучении эволюции систем родства монгольских народов и подводит надежную основу под исследования по их социальной истории.

---

²⁰ Это явление относится к тому, что в этнологии родства известно под наименованием «генерационного скашивания» (см.: [Дзибель 1995]).

Список сокращений

ИМ – арабско-монгольский словарь *Kitāb Хилйат ал-Инсāн ва Халбат ал Лисāн* Джамал ад-Дина Ибн ал-Муханны (нач. XIV в.) [Мелиоранский 1904; Поппе 1938: 432–451; Weiers 1972; Төмөртоого 2002б].

МА – арабско-персидско-тюркско-монгольский словарь *Мукаддимат ал-Адаб* (XIV в.) [Поппе 1938; Төмөртоого 2002б].

МП – монгольский язык в персидских средневековых памятниках [Doerfer 1963].

РСб – Рашид-ад-дин. Сборник летописей. – М.; Л., 1952. Т. 1, кн. 1–2; М.; Л., 1960. Т. 2; М.; Л., 1946. Т. 3.

ТИМ – *Тайная история монголов* (сер. XIII в.) [Haenisch 1962; Rachewiltz 1972].

AL – монгольско-персидский и арабско-монгольский словарь *Kitāb Madjмӯ' Тарджумāн Туркй ва 'Аджамй ва Муғ, алий ва Фāрсй* Халила б. Мухаммада б. Йусуфа ал-Кунави (1343 г.) [Porre 1927–1928; Төмөртоого 2002б; Saitō 2006].

BLk – китайско-монгольский словарь *Бэйлу као* из сочинения Мао Юаньни *У бэй чжи* (1621 г.) [Manduqu 1995, 599–691 tal-a]. По-видимому, одна из копий Yu.

HuG – китайско-монгольский словарь *Хуаи иуй* Хо Юаньцзе и Машаихэй (1389 г.): глоссарий [Manduqu 1995: 151–275 tal-a; Kuribayashi 2003: 3–63; Жанчив, Бямбацэнд 2003: 23–47 т.].

HuT – китайско-монгольский словарь *Хуаи иуй* Хо Юаньцзе и Машаихэй (1389 г.): тексты [Ligeti 1972b: 135–163; Manduqu 1998; Kuribayashi 2003: 64–116; Жанчив, Бямбацэнд 2003, 49–78 т.].

KG – армянско-монгольский глоссарий из сочинения Киракоса Гандзакеци *История Армении* (1241 г.) [Ligeti 1965].

MYu – китайско-монгольский словарь *Мэнгу иуй* из сочинения Чэнь Юаньляна *Шилинь гуанцзи* (1264 г.) [Manduqu 1995: 35–149 tal-a].

Ph – монгольские тексты на квадратном письме (XIII–XIV вв.) [Жанчив 2002; Төмөртоого 2002а; Хугжилту, Сажула 2004].

RH – арабско-персидско-тюркско-греческо-армянско-монгольский словарь *Rasūlid Hexaglot* ал-Малик ал-Афдала ал-'Аббаса б. 'Али (между 1363 и 1377 гг.) [Golden 2000].

Tch – китайско-монгольская билингва в честь Чжан Инжуя (1335 г.) [Cleaves 1950; Ligeti 1972a: 36–50].

Vdl – арабско-персидско-турецко-монгольский словарь *Шамиль үл-Луғ, ат* (кон. XV – нач. XVI в.) [Ligeti 1962; 1963]. По мнению А. К. Боровкова, сокращенный список одной из редакций МА [Боровков 1965].

Үб – китайско-монгольский словарь *Ибу* из сочинения *Лулун сайлюе* Го Цзаоцина (1610 г.) [Manduqu 1995: 379–598 tal-a].

Үу – китайско-монгольский словарь *Июй* из сочинения Ван Минхэ *Дэнтань бицзю* (1598 г.) [Manduqu 1995: 277–377 tal-a].

ЗҮу – китайско-монгольский словарь *Чжююань июй* (2-я пол. XIII в.) [Ligeti 1990; Kara 1990]. Один из списков МҮу.

Литература

Апресян Ю. Д. 1995. *Избранные труды. Т. 1: Лексическая семантика*. 2-е изд., испр. и доп. – М.

Бикбулатов Н. В. 1981. *Башкирская система родства*. – М.: Наука.

Бикбулатов Н. В. 1983. Скользящий счет поколений в урало-алтайских системах родства (по данным ареальных наблюдений). *Ареальные исследования в языкознании и этнографии (язык и этнос)*. – Л.

Боровков А. К. 1965. К истории словаря «Мукаддимат ал-адаб» Замашари. *Вопросы языкознания*. – № 2.

Владимирцов Б. Я. 1934. *Общественный строй монголов: Монгольский кочевой феодализм*. – Л.: Изд-во АН СССР.

Грунтов И. А. 2002. *Реконструкция надежной системы праалтайского языка. Надежные системы алтайских языков: опыт диахронической интерпретации*: Дис. ... канд. филол. наук.

Дзибель Г. В. 1995. Феномен генерационного скашивания в системах родства. *Алгебра родства*. Вып. 1. – СПб.

Жанчив Ё. 2002. *Дөрвөлжин үсгийн монгол дурсгал (Эх, үсгийн галиг, хөрвүүлэг, үгийн хэлхээ, номзүй)* (= Монгольские памятники квадратной письменности [Тексты, транслитерация, перевод, глоссарий, библиография]). Т. 3. – Улаанбаатар: National University of Mongolia; Centre for Mongol Studies. Monumenta Mongolica.

Жанчив Ё., Бямбацэнд Ц. 2003. *Нангиад монгол «Хуа-и И-юй» толь «華夷譯語»* (= Китайско-монгольский словарь Хуаи июй). – Улаанбаатар.

Калужински С. 1972. Некоторые вопросы монгольской терминологии родства. *Олон улсын монголч эрдэмтний II их хурал*. – Улаанбаатар. Б. 1.

Кронгауз М. А. 2001. *Семантика*. – М.

Крюков М. В. 1972. *Система родства китайцев (эволюция и закономерности)*. – М.: Наука.

Кузьменков Е. А. 1993. Фонетическая реконструкция монгольского текста «Юань-чао би-ши». *Mongolica: К 750-летию «Сокровенного сказания»*. – М.: 294–327.

Левин Ю. И. 1970. Об описании системы терминов родства. *Советская этнография*. – № 4.

- Мелиоранский П. 1904. Араб филолог о монгольском языке. *Записки Восточного отделения Императорского археологического общества*. Т. 15. Вып. 2/3.
- Поппе Н. Н. 1938. *Монгольский словарь Мукаддимат ал-Адаб*. Ч. 1–3. Ин-т востоковедения АН СССР. Т. 14. – М.; Л.
- Озава Ш. 1995. Дундад зууны монгол хэлний нутгийн аялгууны тухай (= О диалектах среднемонгольского языка). *Mongolica*. Vol. 6 (27).
- Рыкин П. О. 2005. Семантический анализ термина ага в среднемонгольском языке (к проблеме реконструкции ностратической терминологии родства и свойства). *Алгебра родства*. Вып. 9. – СПб.: 32–44.
- Рыкин П. О. 2006. Методы и принципы семантического описания социальной лексики в среднемонгольском языке (на материале терминов родства). *IX Международный конгресс монголоведов (Улан-Батор, 8–12 августа 2006 г.): Доклады российских ученых*. – М.
- Төмөртоого Д. 2002а. *Монгол дөрвөлжин үсэгийн дураасхалын судалгаа: Удирдхал, эх бичиг, үгсийн хэлхээ, ном зүй* (= Исследование монгольских памятников квадратной письменности: Введение, тексты, индекс, библиография). – Улаанбаатар (Monuments in Mongolian Language: The International Association for Mongol Studies. Vol. 2).
- Төмөртоого Д. 2002б. *Араб үсэгийн монгол дураасхалын судалгаа: Удирдхал, үгсийн харьцуулсан толь, ном зүй* (= Исследование монгольских памятников арабской письменности: Введение, сравнительный индекс, библиография). – Улаанбаатар (Monuments in Mongolian Language: The International Association for Mongol Studies. Vol. 3).
- Хугжилту, Сажула 2004. *Басыбацзы мэнгуюй вэньсянь хуйбянь* (= Сборник памятников монгольского языка на квадратном письме). – Хухэ-Хаотэ. (A Series of Books for Altaic Studies).
- Bacon E. E. 1958. *Obok: A Study of Social Structure in Eurasia*. – N. Y. (Viking Fund Publications in Anthropology. № 25).
- Cleaves F. W. 1950. The Sino-Mongolian Inscription of 1335 in Memory of Chang Ying-juí. *Harvard Journal of Asiatic Studies*. Vol. 13. № 1/2.
- Doerfer G. 1963 *Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen. Unter besonderer Berücksichtigung älterer neupersischer Geschichtsquellen, vor allem der Mongolen- und Timuridenzeit. Bd. 1: Mongolische Elemente im Neupersischen*. – Wiesbaden.
- Golden P. 2000 (ed.). *The King's Dictionary: The Rasūlid Hexaglot: Fourteenth Century Vocabularies in Arabic, Persian, Turkic, Greek, Armenian and Mongol* / Transl. by T. Halasi-Kun et al.; With introductory essays by P. B. Golden and Th. T. Allsen; Ed. with notes and commentary by P. B. Golden. – Leiden; Boston; Köln. (Handbuch der Orientalistik; Abt. 8: Zentralasien. Bd. 4).

Haenisch E. 1962. *Wörterbuch zu Manghol un Niuca Tobca'an (Yüan-ch'ao pi-shi), Geheime Geschichte der Mongolen.* – Wiesbaden.

Kalużyński S. 1970. Terminologia pokrewieństwa u ludów mongolskich. *Et-nografia Polska*. Vol. 14, fasc. 1.

Kara G. 1990. Zhiyuan yiyu: Index alphabétique des mots Mongols. *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. T. 44, fasc. 3.

Krader L. 1963. *Social Organization of the Mongol-Turkic Pastoral Nomads*. The Hague (Indiana University publications: Uralic and Altaic Series. Vol. 20).

Kuribayashi H. 2003. *Word- and Suffix-Index to Hua-yi Yi-yü, based on the Romanized Transcription of L. Ligeti.* – Sendai. (CNEAS Monograph Series. № 10).

Ligeti L. 1962. Un vocabulaire mongol d'Istanboul. *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. T. 14, fasc. 1.

Ligeti L. 1963. Notes sur le vocabulaire mongol d'Istanboul. *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. T. 16, fasc. 2.

Ligeti L. 1965. Le lexique mongol de Kirakos de Gandzak. *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. T. 18, fasc. 3.

Ligeti L. 1972a. *Monuments préclassiques: 1. XIIIe et XIVe siècles.* – Budapest (Monumenta linguae mongolicae collecta; 2).

Ligeti L. 1972b. *Monuments en écriture 'phags-pa. Pièces de chancellerie en transcription chinoise.* – Budapest (Monumenta linguae mongolicae collecta; 3).

Ligeti L. 1990. Un vocabulaire sino-mongol des Yuan: Le Tche-yuan yi-yu / Éd. par G. Kara. *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. T. 44, fasc. 3.

Manduqu Ö. 1995. *Mongyol I iui toli bičig* (= Монгольские словари Иуй). Begeĵing. (Mongyol tulyur bičig-un čubural).

Manduqu Ö. 1998. *Quva i I iui 華夷譯語* (= Хуаи иуй). Qayilar.

Poppe N. 1927–1928. Das mongolische Sprachmaterial einer Leidener Handschrift. *Известия Академии наук СССР*.

Poppe N. 1965. *Introduction to Altaic Linguistics.* – Wiesbaden (Ural-Altaische Bibliothek).

Rachewiltz I. de 1972. *Index To The Secret History of the Mongols.* – Bloomington. (Indiana University publications: Uralic and Altaic Series. Vol. 121).

Saitô Y. 2006. *The Mongolian Words in Kitâb Majmû' Turjumân Turkî wa-'ajamî wa-Muğalî: Text and Index.* – Kyôto.

Weiers M. 1972. Ein arabisch-mongolischer Wörterspiegel aus der Bibliotheca Corsini in Rom. *Zentral-Asiatische Studien*. Bd. 6.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ХАЛХИ XVI–XVII вв.*

Целью данного исследования является определение характера политической культуры и, может быть, точнее, традиционной политической культуры и общества, в которой она сложилась и функционировала, т. е. Монголии конца XVI–XVII вв. Если после распада Монгольской империи для монгольского общества была характерна борьба центростремительных и центробежных тенденций, причем последние преобладали, то в XV в., благодаря победе Бату-Мунке (род. 1460, правил 1479–1543) над соперниками, феодальные междоусобицы временно прекратились. В 1488 г. в грамоте, направленной минскому императору, он назвал себя Да-юань-хаганом – «Великим юаньским хаганом» [История МНР 1983: 183], восстановив титул, актуальный во времена величия монголов. Это обозначение закрепилось за ним впоследствии как имя – Даян-хан. Расширение внутреннего рынка, активизация торгового диалога с Китаем требовали сохранения целостности и после смерти Даян-хана и раздела созданной им политики между его потомками.

Титул «хаган» как маркер верховной власти наследовали: Боди-Алаг (1504–1547, хан с 1544), Дарайсун (1520–1557, хан с 1548), Тумэн Дзасакту-хан (1539–1593, хан с 1558), Буян-Тайджи, известный как Сэцэн-хан (1555–1603, хан с 1594), Лигдэн-хан (1592–1634, хан с 1604) [Erdeni-yin tobči 1990: 134]. Как и во времена Монгольской империи, всемонгольский трон находился в левом крыле, поэтому, являясь главой всех монголов, хаган ведал своим улусом и возглавлял левое крыло. Причем тумэны обозначались как принадлежащие роду борджигин: «Левыми тумэнами в равной степени владели Улус-Байху-Удэбэлэд, Эл-Бугура, Гэгэн-Монгхэ, Гэрэсэндэ¹ (младший сын

---

* Работа выполнена по проекту РГНФ – МинОКН Монголии (№ 07-01-92002а/Г) «Кочевые империи монгольских степей: от Хунну до державы Чингис-хана»

¹ Следует заметить, что «двенадцать отоков Халхи» были разделены между Внутренней Монголией, где было пять отоков, и Внешней, где Гэрэсэндэ получил семь отоков: «Алчуболад возглавлял пять внутренних отоков

Даян-хана, получивший во владение Халху. – Т. С.), Убасандза. Без сомнения, род борджигин левых тумэнов (jэгүн түмэн-и боржигин-у игуу) состоял из шести частей. Барсубалад Сайн-Алаг, Арсубалад и Ал Бугура – эти трое представляли род борджигин трех правых тумэнов (бараяун үрбан түмэн-и боржигин-у игуу)» [Kollmar-Paulenz 2001: 153–154].

Хотя, как известно, монголы проиграли маньчжурам в борьбе за власть в регионе в XVI–XVII вв., были периоды в их истории, когда попытки всемонгольского хагана распространить свое влияние и власть на все монгольские земли имели успех. Наиболее полно это проявилось в деятельности Тумэн Дзасакту-хана и Лигдэн-хана, о чем свидетельствуют монгольские хроники. Деятельность Тумэн Дзасакту-хана была направлена на пресечение сепаратизма монгольских правителей, он предпринял попытку усилить центральную власть и восстановить единство монгольских улусов: «Собрав шесть тумэнов, использовал “Великий закон”, [выбрав] от левого тумэна чахарского Амудай-хунтайджи, халхаского Уйцзен Субухай, от правого тумэна – ордосского Хутухтай Сэцэн-хунтайджи, создал из них правительство, стал известен как Дзасакту-хан» [Erdeni-yin tobči 1990: 133].

Последним всемонгольским ханом, пытавшимся возродить единство монголов, был Лигдэн-хан. Свое правление он начал с назначения глав крыльев: Чойрос-табунанга в западном крыле и Сархунг Дурэна в восточном, где находились и его наследственные чахарские владения. Дела правления решались мудрецами под руководством Номун Арсалана, а судебные решения выносились группой знатоков во главе с Идэр Арсланом и Толон Чидагчи. Лигдэн-хан назначил также двух цзянцзюней [Heissig 1979: 15]. Но, как отмечает монгольская хроника, «у ханов и простого народа шести тумэнов увеличилось стремление к неподчинению. Не сумел Лигдэн-хан уговорить их мирным путем. Тогда силою собрав шесть великих народов, тридцать и один год на ханском престоле сидел» [ШТ 1957: 150].

Халжи, Гэрэболад возглавлял семь северных отоков Халхи, ...Гэрэсэндзэ возглавил восемь чахарских [отоков]» (пер. мой. – Т. С.) [Erdeni-yin tobči 1990: 135]. В данном случае нам важно подчеркнуть, что Халха была разделена между двумя крыльями, хотя персональные уделы указаны неточно. Известно, что семь северных отоков или хошунов получил Гэрэсэндзэ. А Алчу Болод получил пять внутренних хошунов, где проживали джарууд и баарин.

Этот период в истории Монголии отличает то, что после трех веков забвения монголы проявляются на политической арене как активные акторы, что актуализировало манифестность коллективной (национальной) идентичности и, соответственно, ревитализацию тех констант политической культуры, способствовавших институционализации социальных и политических структур. Говоря о политической культуре, я имею в виду совокупность определенных практик, благодаря которым сообщество идентифицирует себя как целостную общность, ориентированную на поддержание порядка и сохранение стабильности.

Благодаря дошедшим до нас источникам (историческим хроникам и сводам законов), мы можем реконструировать регулярно воспроизводимые практики, включающие в себя как символическое поле культуры, так и действия, что определяет политическую реальность. Эти тексты, воспроизводящие типичные ситуации эпохи, являются отражением официального дискурса политической культуры. Они позволяют реконструировать культурные коды и символические модели (язык дискурса), определяющие характер политических структур и практик, т. е. реальность, которая «доступна нам (наблюдателю, как и, вероятно, деятелю) сквозь призму знаковых конструкций, в которых эта реальность моделируется и посредством которых она, собственно, конструируется» [Щепанская 2006: 70]. Исследование будет строиться на анализе конкретных практик и знаковых систем (разделяемых символов и норм, на которые ориентируются политические акторы), выработанных традиционной политической культурой.

Какие символические маркеры актуализировались в этот период?

1. Прежде всего, стоит обратить внимание на титул, принятый Бату-Мунке, – «Да-юань-хаган». Следует заметить, что впоследствии этот маркер не встречается. Возможно, его использование Бату-Мунке было обусловлено тем, что он, соотнося свое правление с Юань, таким образом маркировал в письме минскому императору свой более высокий по сравнению с ним статус. Первая часть титула связывает его со славной страницей монгольской истории – с династией Юань, монгольской правящей династией в Китае. Традиция приписывает это действие жене Бату-Мунке – Мандухай Эцэн-хатун, которая сказала, совершая моление Эши-хатун (Алан-гоа): «Пусть [Бату-Мунке] владеет государством Да-Юань и зовется Даян-хаганом.

И перед Эши-хатун [его] посадили на ханский трон» (пер. мой. – Т. С.) (монг. *dayan ulus-i ejelekü boltuγai kemejü: Dayan qaγan kemen pereyidün: esi qatun-u emüne: qan oron-a sayuγayad [Erdeni-yin tobci 1990: 123]*). Это событие произошло, когда Бату-Мунке исполнилось семь лет, нойон юрты провел обряд мэнгэ, и он стал мужем Мандухай Сэцэн-хатун [*Ibid.*: 122]. Бату-Мунке стал называться «Владыка государства Даян-хаган» (монг. *ulus-un ejen Dayan qaγan [Ibid.: 123]*.)

В другом источнике («Шара туджи»), составленном в Халхе, сообщается: «Бату-Мунке было семь лет, Мандухай-хатун тридцать три, когда она, став его женой, говорила: “Да станет владычествовать надо всеми в год тигра” и, нарекиши Бату Мунке Даян-хаганом, перед белою юртою Эдзена на ханский престол возвела» [ШТ 1957: 148]. В отличие от предыдущего источника, где подчеркивается приоритет культа Алан-гоа в комплексе восьми белых юрт (*ejen boγda[-yin] naiman saγan ger [Erdeni-yin tobci 1990: 124]*), в «Шара туджи» отмечается, что возведение на престол проходило перед юртой Чингис-хана, обозначенного как «Владыка» (Эдзен).

Даян-хаган подтверждает легитимность своей власти как преемника Чингис-хана, получившего титул перед комплексом восьми белых юрт, изрекает: «Есть (был) народ, определенный великой судьбой, который охранял в Ордосе восемь белых юрт. Вместе с ним урянхайцы – еще один народ, определенный великой судьбой, который охранял золотые закрома истинного Владыки. Пусть [продолжают эту традицию] с помощью хорчинского Абага!» (монг. *Ordos ejen-ü naiman saγan ger-i qadayalaysan yeke jayay-a-tu ulus бүлүге: tegün-lүге Uriyangqan mön ejen-ü altan kömörgei-gi sakiγsan basa yeke jayayatu ulus: Qoorcin Abay-a-tai tuslatuγai [Erdeni-yin tobci 1990: 128]*).

2. Престол/трон является одним из самых значимых символов власти, именно с ним связывалось получение титула «хаган». В монгольских хрониках XVII в. нет сообщений о выборах или об обсуждении претендента на ханский престол, фраза хроник всегда стандартна: «получил титул хана перед белыми юртами» (монг. *Ўаγан ger-үн emüne qaγan čola-yi abun [Erdeni-yin tobci 1960: 219]*, «на великий престол воссел» [Лубсан Данзан 1973: 289], «сидел он на ханском престоле» [Лубсан Данзан 1973: 290], «сел на ханский престол» (монг. *Qaγan oron-a sayuγad [Erdeni-yin tobci 1960: 221]*, «сел ханом» (монг. *qaγan sayuju [Erdeni-yin tobci 1960: 221]*).

3. Таким образом, титул «хаган» можно считать не менее значимым символом власти, чем трон. После смерти Чингис-хана и распада созданной им империи именно в титуле «хаган» воплощалась идея политического единства монголов. Авторы в XIII–XIV вв. строго учитывали значение формальных маркеров власти: титулом «хан» называли глав отдельных частей Монгольской империи, а титулом «хаган» – всемонгольского правителя. Правда, позже, в летописях XVII в., этот принцип часто нарушался, как правило, в целях повышения авторитета отдельных правителей². Это определялось ориентацией средневекового сознания на прошлое, когда современную историю координировали по какому-либо историческому событию (монголы прежде всего по Чингис-хану и созданной им империи). Счет велся на поколения, причем в каждом из них отмечался законный носитель верховной власти – наследник Чингис-хана. Например, в летописи «Erdeni tunumal» о периоде от Тогон Тэмура, последнего монгольского императора династии Юань, принадлежавшего Золотому роду сына Неба Чингис-хана, до Болху-джинона, отца Даян-хагана, говорится: «С тех пор и до сегодняшнего дня было несколько поколений ханов» (монг. *Tegün-ese inaysida kedün kedün üy-e boltal-a* [Kollmar-Paulenz 2001: 152]). Такой счет летописцы соблюдали даже в том случае, когда примогенитурный принцип передачи власти нарушался, реконструируя генеалогию. Так, эту летопись включает генеалогия, в которой Даян-хаган является потомком Чингис-хана в тринадцатом поколении, третьим после Тогон Тэмура был Аджай-тайджи [Kollmar-Paulenz 2001: 216]. Тогда как, согласно «Шара туджи», Адай-хаган (= Аджай-тайджи?) был седьмым после Тогон Тэмура. Причем, его генеалогия неизвестна, поэтому в источнике сообщается, что «потомок Эдзэна Адай-тайджи начальствовал над остальными монголами» [ШТ: 144], т. е. механизмом легитимизации его прихода к власти стало соотнесение его с Чингис-ханом в качестве потомка. Отец же Бату-Мунке (Баян Мунке) был сыном Хангауг-тайджи – правнука Тогон-Тэмура, согласно «Шара туджи», как и «Erdeni tunumal», которая вы-

---

² Например, Алтан-хан, который никогда не был всемонгольским правителем, но благодаря которому появился институт Далай-лам, назывался в источнике, посвященном его деятельности, Алтан-хаганом [Kollmar-Paulenz 2001: 161 etc.].

страивала лишь линию прямых потомков Чингис-хана на хаганском престоле. Правда, согласно этому тексту, правнуком Тогон-Тэмура был Аджай-тайджи, внуком которого был Болху-джинон.

Для выявления идентификационных практик можно не принимать во внимание эти разночтения, поскольку феноменологической реальностью является тот факт, что несмотря ни на что, авторы хроник возвращались постоянно к одной теме – манифестации принадлежности верховного правителя к Золотому роду Чингис-хана в наследовании власти. Например, к Мандухай-хатун обращаются монгольские князья с такими словами:

Если пойдешь за потомка хагана,
Под защитой Неба-владыки ты будешь,
Править станешь всем своим народом...
[Лубсан Данзан 1973: 278].

В данном случае речь идет о Бату-Мунке (будущем Даян-хане), отцом которого был Болху-джинон, никогда не носивший титула «хаган». Наименование же Бату-Мунке «потомком хагана» – характерная для традиционного монгольского сознания ретроспекция. Возможно, к этому относится и обозначение Бату-Мунке как потомка Владыки – «Бату-Мунке – правнук (т. е. потомок. – Т. С.) владыки» (монг. emüg-ün ejen-ü ayul aci Batu Möngke [Erdeni-yin tobci 1990: 121]). Именно Чингис-хан мог обозначаться в текстах без имени через маркеры власти – «хаган» или «владыка»: например, его черное знамя у восьми белых юрт в Ордосе называется «qayun ejen-ü qara süldе» [Erdeni-yin tobci 1990: 129] – «черное знамя хагана-владыки».

Возрождение Монголии как активного актора на политической арене Восточной и Центральной Азии ревитализовало и титул, связанный с исторической традицией славных страниц истории империи. Присвоение титула «хаган» легитимировало претензии на верховную власть старших потомков Чингис-хана, что согласовывалось с монгольской политической традицией, выработанной уже в XIII в. восстановленный Даян-ханом титул «хагана» – главы всех монголов – сохранялось за его старшими потомками до смерти последнего из них – Лигдэн-хана.

4. Еще одним важным маркером идентичности властвующей элиты, претендующей на владение всеми монголами, был этноним

«борджигин», которым обозначались потомки Чингис-хана: «потомки хагана назывались как “род Борджигин”» (пер. мой. – Т. С.) (монг. *qaγan-u ür-e Borjigin-u uruγ nereyidbei* [Erdeni-yin tobci 1990: 122]). Необходимым условием сохранения монгольской идентичности было продолжение рода Борджигин: «Пусть живет семья потомков Борджигин» (монг. *Borjigin-u ür-e-yin könörge boltuyai* [Erdeni-yin tobci 1990: 119]). И Саган-Сэцэн неоднократно вопрошает: «Если совершить что-либо плохое борджигинам, чем это закончится?» (монг. *Borjigin-a maγui kigsen-ü genüger buyu* [Erdeni-yin tobci 1990: 117]; *Borjigin-a maγu kibesü genüger bolomu* [Erdeni-yin tobci 1990: 110]).

Как мы видим, идентификация властвующей элиты через этноним «борджигин» становится приоритетной, в отличие от эпохи Чингис-хана, когда манифестировалась принадлежность к роду кият. Примером смены идентификационных маркеров может служить эпизод приезда Есугей-багатура, ехавшего с Темучжином для сватовства к хонгиратскому Дай-сэцэну. Последний, рассказывая свой сон о белом соколе (шонхор), севшем ему на руку, отмечает, что сокол – это символ рода, к которому принадлежал Есугей. Но если в «Сокровенном сказании» фиксируется принадлежность Есугея к роду кият («Что привиделось во сне? [Это] было указанием на то, что приедете Вы (Есугей. – Т. С.) – сульдэ народа кият» (*ya'un jewüdün aqu ta kiyat irgen-ü sülдер irejü ja'aqaqsan aju'u* [Rachewiltz 1972: 25]), то Саган-Сэцэн называет белого сокола гением-хранителем (сульдэ) рода Борджигин: «*Borjigin tan-u sülде аγсан ажуγу*» [Erdeni-yin tobci 1990: 51] («Ваш, борджигинов сульдэ»), поскольку «Борджигин – небесные потомки» (монг. *tenggerlig-ün ür-e Borjigin* [Erdeni-yin tobci 1990: 54])). А этноним «кият» в тексте встречается лишь дважды, когда упоминается происхождение Есугея («*Kiyod yasutu. Borjigin oboγtu*» [Ibid.]) и Темучжина («*Kiyod yasutu. Borjigin oboγtu qan köbegün ci*» [Erdeni-yin tobci 1990: 55]).

Отмечалось, что в эпоху Чингис-хана был выработан и закреплён примогенитурный принцип передачи права верховной власти, когда ее наследовал старший из потомков Золотого рода Чингис-хана. Формирование полиэтничной Монгольской империи привело к расширению значения этнонима *монгол*, который стал передавать не только значение этнофора (этнофании), но и обозначать более крупные постарно-политические единицы и территорию их проживания, что

привело к необходимости терминологического выделения в политике властвующей элиты, также имевшей этническую окраску. Это, соответственно, актуализировало термины, данную элиту обозначавшие, *кият-борджигин*, для противопоставления ее группам, не принадлежавшим к *Золотому роду*. Этническое содержание терминов *кият* (= *монгол*) и *борджигин* (= *тайджиут*) совмещается с социальным, указывающим, что они образовали тот слой военной аристократии, который пришел к власти в воинском союзе. Но если в XIII в. прежде всего через этноним *кият* (= *монгол*) манифестировалась монгольская идентичность (матрилатеральное родство), а *борджигин* (= *тайджиут*) были их брачными партнерами, выстраивавшими генеалогию по патрилинейному родству, то в XVI–XVII вв. патрилинейное родство уже фиксировало борджигин как Золотой род Чингис-хана (монг. *singgis qaγan-u altan uruγ* [Kollmar-Paulenz 2001: 152]), что свидетельствует о полной и окончательной монголизации тайджиутов. Так, в летописи «*Erdeni tunumal neretü sudur*» при описании прихода Бату-Мунке к власти говорится: «В то время, когда Золотой род борджигин пришел в упадок, у Болху-джинона родился сын по имени Бату-Мунке» (монг. *Tere say-tur borjigin-u altan uruγ cölüyidegsen-dür. Bolqu jinong-aca batu möngke neretü köbegün töröjü* [Ibid.]). Возрождению Золотого рода борджигин (*borjigin-u altan uruγ*) способствовала Мандахай Сэцэн-хатун, которая послушала советы министров, защитила Даян-хана, «зажгла огонь всемогущих борджигинов» (*erketü borjigin-u γal sitaγaysan*) [Kollmar-Paulenz 2001: 152].

Выявление феномена, обозначаемого как «политическая элита» и выступающего в качестве ведущей моделирующей структуры власти, представляет большой интерес в контексте политической антропологии. Нельзя не согласиться с Парсонсом в том, что «власть не ограничивается несколькими специфическими отношениями; она представляет собой генерализованную (обобщенную) способность социальной системы реализовать интересы системы в отношении широкого спектра проблем..., власть существует в контексте социальных норм, которые разделяются и субъектами и объектами и как бы приводятся в действие в процессе осуществления власти» [Ледяев 2006: 90].

Имеющиеся в распоряжении исследователя источники позволяют реконструировать структуру социальной системы и социальные нормы, разделяемые субъектами и объектами власти в процессе ее осу-

шествления, в Халхе конца XVI – начала XVII в. Следует отметить амбивалентность статуса Халхи этого периода. С одной стороны, как упоминалось выше, согласно «Erdeni-yin tobci», Халха была одним из принадлежавших борджигинам тумэнов левого крыла, которое получил во владение Гэрэсэндзэ – младший сын Даян-хагана. А Тумэн Дзасакту-хан включил халхаского Уйцзан Субудан в сформированное им правительство. Этот статус Халхи, как части Монголии, регистрируется не только внешним источником, но и летописью, составленной в самой Халхе («Шара туджи»). «Шара туджи» содержит сведения не только обо всех общемонгольских хаганах, от Бату-Мунке Даян-хагана до Лигдэн-хагана, часто с уточнением, что они получили свой титул перед белою юртой [ШТ: 148, 149], среди которых выделяются более подробные сведения о Тумэн Дзасакту-хагане, который «поручил правление из трех восточных тумэнов Намутай хун-тайджи, халхаскому³ Субугай Уйдзэну, из трех западных тумэнов ордосскому Хугугтай Сэцэн-хун-тайджи, асутскому Ном Дара Холочи-нояну, тумэтскому Намутай Цурухэ-хун-тайджи» [ШТ: 149], и о Лигдэн-хагане, который, «силою собрав шесть великих народов, тридцать один год на ханском престоле сидел» [ШТ: 150]. Кроме преемственности верховной власти хаганов в летописи перечисляются все сыновья Даян-хана и их потомки [ШТ: 150–153], что, безусловно, моделирует границы общемонгольской идентичности. В составе левого крыла Халха была подчинена всемонгольскому хану. Но в какой зависимости от центральной власти находилась Халха, как осуществлялись связи, из-за отсутствия сведений сказать трудно. В источниках есть только редкие упоминания о существовавших торговых отношениях между Южной Монголией и Халхой, о военной помощи тумэтского Алтан-хана халхасам в борьбе против ойратов.

---

³ Уйцзан/уйцзен – титул, известный уже по «Белой истории». Значение его неизвестно [Kollmar-Paulenz 2001: 252]. В данном случае речь идет о представителе «внутренних» хошунов Халхи, имя которого обнаруживается в сочинении Гомбоджава «Потоки Ганга» (1725): «происхождение джаротских князей: шестой сын [Даян-хана], Алчу Болот, стал во главе “пяти халхаских поколений”; его сын, князь Хурхачи Хасар, его сын, князь Убаши-уйджун... Происхождение баринских князей: сын князя Субухай-дархана, младшего брата князя Убаши-уйджуна, князь Ёбдэй...» [Владимирцов 2002а: 287].

С другой стороны, Халха выступала и как субъект, манифестирующий свою самостоятельность через выработанные традиционной политической культурой маркеры. Халха была одним из шести монгольских тумэнов и называлась «аглагийн арван хоер халх» (двенадцать дальних халха[ских] отоков) или «арван хоер халх» (двенадцать [отоков] Халхи) [Нацагдорж 1963: 25].

Специальных работ о внутренней организации Халхи XVI–XVII вв. нет, ее характер лишь в некоторой степени фиксировался в общих трудах, посвященных монгольской истории. При этом давалась характеристика, относящаяся вообще к Монголии, а следовательно, и к Халхе: «...единое Монгольское государство начинает дробиться на более или менее значительное число местных феодальных владений, стремящихся к политической самостоятельности» [История МРН 1983: 169]. Такую же точку зрения, которая подчеркивает феодальную раздробленность в Халхе, независимость и самостоятельность халхаских ханов, высказала и Г. С. Горохова [1980].

Прежде всего, следует вспомнить о позиционировании идентичности всей Монголии. Отмечается связь возрожденной Монголии с империей Чингис-хана: «Нынешний шеститумэнный улус, сохранившийся от древнего Монгольского улуса сорока тумэнов» (пер. мой. – Т. С., монг. Erten-ü döcin түмен Mongyol ulus-i ülegsen: eneküken jiryууан түмен улус [Erdeni-yin tobci 1990: 131]). Потомкам Чингис-хана приписывается сохранение великого улуса: «Благодаря потомкам Владыки-хагана Великая империя была счастлива, [расположив] руки на земле, ноги на почве» (пер. мой. – Т. С., монг. teyin kü ejen қауан-и аси-бар. күр yeke улус. үар үажар-а: көл көсер-е күсүг-ийер jiryабай [Ibid.: 191]). Благодаря приезду Далай-ламы Лобсан Джамцо «Великая империя жила в мире» (монг. күр yeke улус-и энгкеjигүлүн [Ibid.: 189–190]). Монголия Шести тумэнов обозначается в этом источнике как «любезный [сердцу] Великий улус, установленный твоим замечательным предком» (пер. мой. – Т. С., монг. sayin ebüge-yin cinu тоүтауауасан yeke улус [Ibid.: 132]), или просто «Великий улус» [Ibid.: 162, 180]. В «Erdeni tunumal» Монголия, возглавляемая всемонгольским хаганом, также называется «Великим улусом», или «Великим улусом шести [тумэнов]», центром которого являются белые юрты Чингис-хана («монг. Boyda ejen-ü сауан гер-үн емүн-е jiryууан yeke улус ciуuluусан» [Kollmar-Paulenz 2001: 161]).

Можно предположить, что для Халхи были актуальными как принадлежность к Великому улусу, так и действие установленных в нем законов. Обращает на себя внимание дважды упомянутая фраза в первом, недатированном законе шести халхаских хошунов (пункт 85) и в законе 1620 г.: «*yeke ulus jarliḡ bolju*» [BCЗ: 25, 38], имеющая отношение к статусу элчи. На мой взгляд, это выражение имеет следующий смысл: «Великий улус постановил [следующее]»⁴. Тогда пункт первого сборника законов будет таким: «Великий улус постановил: кто не даст лошадь элчи, с того [взять] девяток (пер. мой. – Т. С.) (монг. «85. *yeke ulus jarliḡ bolju elči mori /a10/ (eči)gsen-i ese ögbesü nigen yisütü*» [BCЗ: 25]). А в 1620 г. это право элчи, связанного с центральной властью, было подтверждено: «Великий улус постановил: давать подводу элчи» (монг. «75. *yeke ulus jarliḡ bolju elči-dü /ö46/ mori ög*» [BCЗ: 38]).

Одновременно, как уже говорилось выше, просматривается тенденция самостоятельности Халхи. Д. Гонгор и другие монгольские исследователи придерживаются мнения о создании в Халхе государства (одна из глав его книги называется «Образование Халхаского государства во главе с хаганом. Абатай». – Т. С., монг. «Халхын хаант улс буй болсон нь. Абтай») [Гонгор 1970: 185] и связывают это с возросшим авторитетом Абатая, который даже стал управлять Халхой [Нацагдорж 1963: 16; Нацагдорж 1978: 162–163]. Монгольские ученые также считают, что Халху возглавлял и его сын – Эрэхэй Мэргэнхан [Гонгор 1970: 203]. Особо отмечаются усилия тушэту-хана Гомбодоржи (1594–1655) по укреплению единства Халхи [Гонгор 1970: 203; Нацагдорж 1963: 34–35]. А тушэту-хан Чихундорджи (1634–1699) называется ханом, в ведении которого находилась вся Халха [Нацагдорж 1963: 57]. Можно говорить о точке зрения монгольских историков, согласно которой Абатай-хан и его потомки – тушэту-ханы – управляли Халхой. Однако одновременно Д. Гонгор высказывает мысль о том, что в конце XVI в. Ашихай Дархан-хунтайджи подчинил себе другие хошуны и стремился владеть всей Халхой по праву старшего [Гонгор 1970: 182].

---

⁴ А. Д. Насилов отнес это выражение к элчи, «имеющему повеление Великого улуса (*yeke ulus*)» [BCЗ: 58] при переводе закона 1620 г. А пункт первого закона он перевел так: «65. Если [кто] не даст лошадь для элчи с княжеским поручением, [с того] взять один девяток» [BCЗ: 43], где, как мы видим, отсутствует упоминание Великого улуса.

Справедливость последней точки зрения подкрепляется характером традиционного механизма трансляции власти в монгольском обществе. Название «Халха» закрепилось за наследственным владением Гэрэсэндэ (младший сын Даян-хана), которое около середины XVI в. включало 7 из 12 халхаских отоков. После смерти Гэрэсэндэ Джалаир-хунтайджи Халха была поделена между его 7 сыновьями, что, однако, не означало политического дробления на абсолютно изолированные уделы. Наследовал ему его старший сын Ашихай: к нему перешли титул «хунтайджи», вся военная, административная и судебная власть. Поскольку Гэрэсэндэ владел всей Халхой, то и Ашихай Дархан-хунтайджи получил власть над этими семью халхаскими хошунами. Свидетельством значения политического объединения «Семь халхаских хошунов» (монг. «долоон хошуун») могут служить данные русских архивов, где содержатся сведения от 1687 г. о том, что «на Селенгинск и Удинск идет войско семи тайшей долонкошуевщины» [Шастина 1958: 62]. Китайские источники также называют дзасактухана, потомка Ашихай Дархан-хунтайчи, номинальным главой Халхи даже в конце века [Ермаченко 1974: 148].

О реальном значении халхаской общности свидетельствуют и эксплицитные данные «18 законов». В тексте первого закона (1603 г.) в пункте 17 упоминаются Семь хошунов [BC3: 40], актуальность которых отмечается в 1611 г. (V) [с. 46], затем в 1614 г. [BC3: 49], в 1617 г., когда перед кумирней Сайн Вачир-хана, т. е. в восточном крыле Халхи, был принят закон о ламах, нарушение которого наказывалось по «[Закону] Семи хошунов» (XIV) [BC3: 52] и дважды в 1620 г. (XVI). Одновременно в упомянутом выше тексте закона 1603 г. неоднократно (п. 25, 55, 59) эта общность обозначается как Шесть хошунов [Там же: 41–43].

Семь хошунов Халхи были образованы благодаря тому, что «после смерти Гэрэсэндэ старшая царица-мать своим семерым сыновьям дала уделы: Ашихаю – Ушин и Джалаир, Нойантаю – Бэсут и Энджигэн, Нухунуху Уйдзену – Хэрут и Горлос, Амину – Хоргу, Хуриэ, Цогохор, Дараю – Хухэйт и Хатагин, Далдану – Тангут и Сартагул, Саму – один Урянхай» [ШТ 1957: 163]. Так же как владения всемонгольского хана, Халха разделялась на два крыла: западное (правое), состоявшее из четырех хошунов (Ашихай Дархан-хунтайджи, Ноентай Хатан-багатур, Далдан-хундулэн, Саму) и возглавляемое Ашихай Дар-

хан-хунтайджи – старшим потомком Гэрэсэндзэ, и восточное (левое), состоявшее из трех хошунов (Нунуху Уйцзан-нойон, Амин Дурал и Дари, который потомства не имел и владения которого перешли после его смерти Амин Дуралу, чем объясняется то, что Семь хошунов обозначаются как Шесть) и возглавляемое, вероятно, старшим этого крыла Нунуху Уйцзан-нойоном. Представляется, что Халху отличало не формальное, а фактическое единство, которое подтверждается настоятельной необходимостью регулирования взаимоотношений между хошунами, что реализовалось в сохранившихся «18 законах», собранных в одной книге.

Следует обратить внимание на 2 пункта закона 1620 г. В первом говорится: «5. Если несколько великих и малых нойонов, имеющих отоки на левом и правом крыльях [владений] Хана-ахая (точнее: Хаган-ахай – монг. *qaγan aqai* [BC3: 34]. – Т. С.), переменят место кочевья, взять [с них] пятьдесят лошадей и пять верблюдов. Если *табунаг* или *шигэчин* откочет, взять [с него] три девятка» [Там же: 54]. В другом пункте записано: «7. Если во время сражения кто-нибудь спасет человека ханского происхождения, того объявить *дарханом* в Семи хошунах» [Там же]. В этих пунктах закона манифестируется единство Халхи, правое и левое крылья которой управляются Хаган-ахаем, чья власть распространяется на все Семь хошунов, поскольку все должны признавать заслуженное дархатство. Это декларация, принятая всеми участниками собрания – с одной стороны. Но с другой стороны, необходимость принятия п. 5 свидетельствует и о центробежных тенденциях, которые следовало пресечь. Законы Семи хошунов имели целью закрепить целостность Халхи и препятствовать внутренним конфликтам: «19. Если поссорятся между собой лица ханского происхождения, взять [с них] сто лошадей и десять верблюдов» [BC3: 40]. Можно предположить, исходя из размера штрафа, что и следующие пункты закона относятся к людям ханского достоинства, когда возникает внешняя опасность: «48. Если придут на войну одним хошуном, взять десять верблюдов и сто лошадей. 49. Если [кто] не дает подводы для важных дел нойонов или для военных целей, взять [с того] сто голов скота и десять ценных вещей [*berke*]» [BC3: 42]. В законе 1611 г., принятом на берегу р. Орхон, устанавливается: «1. Если кто опоздает на съезд больше чем на трое суток, с того взять десять лошадей и одного верблюда. Если совсем не приедет, взять сто

лошадей и десять верблюдов» [ВСЗ: 46]. «2. Если кто опоздает на военные сборы больше чем на трое суток, взять с того личные доспехи нойона и оседланную лошадь. Если совсем не придет, [с тем] поступить по закону Семи хошунов» [ВСЗ: 46]. Интересным представляется последний пункт этого закона: «10. Все нойоны согласились с этим. Если кто не присоединится, пусть пребудет отдельно» [ВСЗ: 47].

Необходимо учитывать, что «18 законов» в качестве официально-го документа отражают номинальное положение дел в Халхе, а именно то, что старшими потомками в общности были потомки Ашихая. Особенно ярко это проявилось в соблюдении этикетных формальностей при перечислении участников съездов, когда первым назывался потомок Ашихая Дархан-хунтайджи. Представленные ниже перечни, составленные по данным «Шара туджи», сменявших друг друга правителей уделов содержат эксплицитные данные властной иерархии в Халхе с середины XVI (смерть Гэрэсэндзэ) до середины XVII в.

Дзасакту-ханы: Гэрэсэндзэ Джалаир-хунтайджи (1513–1549) – его старший сын Ашихай (1530–?) – его старший сын Баяндар-хунтайджи (1547–?) – его второй сын Лайхор-хаган⁵ (1562–?) (старший потомства не имел) – его старший сын Субантай Дзасакту-хаган⁶. Сыном Субантай Дзасакту-хагана был Норбо Бишэрэлту-хаган, его сыновьями Ванчок Мэргэн-хаган, Цамбун Дзасакту Сэцэн-хаган и др.

Тушету-ханы: Гэрэсэндзэ Джалаир-хунтайджи – третий сын Нунуху (или Нунуху) Уйцэн-нойон (1534–?) – старший сын Абатайхан (1553–1586) – второй сын Эрэхэй-хан⁷ (1578–?) – старший сын

---

⁵ Именно так он обозначен в «Шара туджи» [ШТ 1957: 153].

⁶ «Субуди стал первым Дзасакту-ханом. Он и принял участие в халхаджунгарском съезде» [Их цааз 1981: 33]. На самом деле он именовался не ханом, а хаганом. Титул Субантай Дзасакту-хагана – Хаган-ахай. Именно он возглавлял принятие законов в 1617, 1620 и 1639 гг. Принимал участие в халхаджунгарском съезде 1640 г.

⁷ «Эрэхэй-хан – второй сын Абатай Сайн-хана. ...Ни одна из известных нам летописей не говорит, когда Эрэхэй-хан занял отцовский трон и когда скончался. В конце XVI в. Эрэхэй-хан вместе с Эрдэни-хунтайджи составил закон о воровстве. Так как имя Эрэхэй-хана в дальнейшем не встречается среди составителей законов и участников съездов, можно предположить, что он умер до 1603 г.» [ВСЗ: 60–61]. Старший сын Абатай-хана Сабугатай Улдэй-хунтайджи правил ойратами, завоеванными отцом.

Гомбодоржи⁸ (1594–1655) – старший сын Вачир Сайн-хан, или Чихундорджи (?–1699).

Сайн-нойоны: Нухунуху (или Нунуху) Уйцэн-нойон (1534–?) – четвертый сын Тумэнкин Хундэлэн Сайн-нойон (1588–1640) – десятый сын Синарагсад Хун-нойон, ездивший в 1617 г. паломником в Лхасу и за большие пожертвования получивший от Далай-ламы еще титул Сайн-нойон.

Сэцэн-ханы: Гэрэсэндээ Джалаир-хунтайджи – четвертый сын Амин Дурал-нойон (1536–?) – младший сын Муру Буйма (1562–?) – Далай Сэцэн-хунтайджи будущий Сэцэн-хан Шолой (1577–1652). Далай Сэцэн-хунтайджи принимал участие в принятии законов 1614 г. (дважды) и 1616 г. Причем один раз в 1614 г. и в 1616 г. съезды проходили перед его кумирней.

С появлением носителей титула «хан/хаган» Халха стала обозначаться как «семь хошунов, три великих хана», о чем, со ссылкой на биографию Зая Пандиты, писал Б. Я. Владимирцов (монг. *doloon xoshuun gurban yеke хан* [Владимирцов 2002б: 428]). Только потомки Ашихая, старшего сына Гэрэсэндээ, именуются хаганами, т. е. титулом, маркировавшим верховное лидерство. Манифестируется верховный статус старших потомков Гэрэсэндээ как глав Халхи и через маркер «Хаган-ахай» (Старший хан) в законе 1617 г. [BC3: 52], или «Хаган-ахай Золотого Рода» в законе 1620 г. [Там же: 53], который зафиксирован в «18 законах» как титул Субантай Дзасакту-хана. Его имя упоминается первым в числе участников по принятию законов в 1617, 1620 и 1639 гг., что, безусловно, указывает на его лидерство в иерархии в Халхе. Он также участвовал в халха-джунгарском съезде 1640 г. Причем в законах 1617 и 1620 гг. вслед за старшим ханом упоминается его брат Хатан-батар [Там же: 52], или правитель Хатан Батар-нойон⁹ [Там же: 53] (монг. *Jasaγ bariγsan qatun bayatur noyan*

---

⁸ «Тушэту-хан – старший сын Эрэхэй-хана Тушэту-хан Гомбодорджи. ...Возглавлял принятие законов дважды в 1614 г., в 20-х гг. XVII в. и в 1639 г. Принимал участие в халха-джунгарском съезде 1640 г. Характерно, что практически все законодательные съезды в начале XVII в. состоялись на территории владений Тушэту-хана» [BC3: 64].

⁹ «Джиргаланг Сахигчи Хатан-Батар-нойон – сын Ноянтай Хатан-батара, второго сына Гэрэсэндээ Джалаир-хунтайджи, – Тубэт Хатан-Батар. По данному «Шара туджи», родился в 1551 г. ...На протяжении ряда лет Хатан-батар, носивший также титул Джаргалан Сахигчи, был правителем западного крыла Халхи. Возглавлял принятие закона 1604 г.» [BC3: 62].

[BC3: 34]), маркируя тем самым лидерство старших потомков Гэрэсэндзэ, возглавлявших правое крыло. Безусловно, как генеалогия, представленная в халхаской летописи «Шара туджи», так и перечень участников съездов, на которых принимались 18 законов, маркировали границы общности.

В законе 1620 г. содержатся довольно точные характеристики «хаган ахай». Прежде всего, сообщается, что в его ведении находились правое и левое крылья [Там же: 54], что, согласно монгольской традиции, являлось компетенцией Ашихая и его потомков. Так, например, перечисление участников составления этого закона начинается так: «Хан-ахай Золотого Рода, правитель Хатун-Батар-нойон, правитель Дархан Тушэту-нойон...» [BC3: 53]. Как видим, перечисление жестко ранжировано: сначала упоминаются статусно старшие родичи правого крыла, затем левого. Кроме того, здесь отмечается, что Дзасакту-хан, возглавлявший Халху, пытался реально управлять ею и установил кроме правителей восточного крыла Хатун Багатура и западного – Дархан Тушэту-нойона¹⁰ чиновников, осуществлявших правление в семи хошунах [Там же: 55].

Старшими потомками Гэрэсэндзэ – «старшими хаганами», получившими впоследствии имя дзасакту-ханов – постоянно предпринимались попытки регламентировать жизнь халхаских хошунов законами, которые принимались халхаскими князьями на съездах. Границы кочевий обоих крыльев были четко определены, и за их нарушение налагался штраф: 50 верблюдов с нойона и три девятка с табунанга и шигэчина (1620 г.) [Там же].

Меняется титулатура правителей Халхи. Если Гэрэсэндзэ, получивший в удел Халху, носил титул «хунтайджи»¹¹, который наследо-

---

¹⁰ «Тушэту-нойон – второй сын Эрэхэй-хана» [BC3: 66].

¹¹ «...получил распространение титул хонг-тайји, который в эпоху Юаньской династии носили только наследники престола (от кит. хуан-тай цзы – “царевич-наследник, старший сын императора, императорский принц”). После возвращения в “степь” титул этот стали носить многие царевичи, отличавшиеся или значительными размерами своих уделов, или знатностью» [Владимирцов 2002б: 437].

В Монголии XVI–XVII вв. титул «хунтайджи» присваивался как старшим, так и младшим сыновьям. Так, в Халхе первым правителем, обозначенным титулом «хунтайджи», был Гэрэсэндзэ, младший сын Даян-хана, получивший ее во владение. Четвертым сыном Гэрэсэндзэ Джалаир-хунтайджи

вал его старший сын Ашихай и внук по праву старшего, а другие властные лидеры обозначались титулами «нойон», «тайджи», «багатур», «хундулэн», то, как видно из перечня, с третьего поколения картина стала меняться. Если за Баяндаром – главой левого крыла и наследником Ашихая – сохранился титул «хунтайджи», то потомок Нунуху Уйцзан-нойона (третьего сына Гэрэсэндзэ) – Абатай – приобретает более высокий статус в иерархии титулов – «хамуг эхи тушэту хаган»¹². Получение Абатаем титула привело к аналогичному шагу глав

был Амин Дурал-нойон, внук которого – Далай Сэцэн-хунтайджи (от младшего сына Муру Буймы) стал впоследствии Сэцэн-ханом Шолоем (1577–1652). Далай Сэцэн, будучи хунтайджи, дважды участвовал в принятии законов 1614 г. Причем один раз в 1614 г. и в 1616 г. съезды проходили перед кумирней, носящей его имя [ВСЗ: 64]. Когда Шолой стал ханом, его шестой сын назывался Эрдэни-хунтайджи, он присутствовал на халха-джунгарском съезде 1640 г. Также младшим сыном, получившим титул «хунтайджи», был Хунтайджи – десятый сын Хундулэн Цужэра Санарагсад Сайн-нойона [ВСЗ: 65].

Более традиционно обозначение титулом «хунтайджи» старшего сына. Например, Олдзий-хунтайджи (1573–?) – старший сын Абатай-хана в течение нескольких лет управлял ойратами. Считается, что он был убит ойратами вскоре после смерти Абатай-хана [Гонгор 1970: 203]. Однако его имя зафиксировано среди участников съезда 1614 г. К. Ф. Голстунский считал, что Олдзий-хунтайджи был жив во время халха-ойратского кризиса 1617–1628 гг. [МОЗ: 104]. Шолой-хунтайджи, или Шолой Сайн Убаши-хунтайджи (1567–1627) [АНТ: 74], был старшим сыном Тумэн Дара Дайчина, внука Ашихай Дархан-хунтайджи. Известен в русских архивных документах под именем «Алтын-хан» [Шастина 1958].

Дайчин-хунтайджи, или Сону Дайчин-хунтайджи, – сын Ангахай Мэргэн-нойона, внука Нунуху Уйцэн-нойона [АНТ: 80]. Дайчин-хунтайджи упоминается также среди участников халха-джунгарского съезда в 1640 г.» [ВСЗ: 64].

В законе Четырех хошунов 1616 г. (XI) хунтайджи упоминаются в следующем контексте: «Если будут переговоры, касающиеся хана, [следует] выделить двух хунтайджи» [ВСЗ: 50].

¹² Этому способствовала его деятельность: с 13 лет он воевал с ойратами, подчинил часть их себе и посадил там править своего старшего сына; поддерживал торговые отношения с Южной Монголией. «Врагов привел к своей власти, опекал братьев старших и младших без различия, [ему] был поднесен титул “хамуг эхи тушэту хаган”» [Asarayıci 1960: 77]. Он проявил интерес к буддизму, с которым познакомился через плененного Давачи-бакши [Пэрлээ 1974: 18, 81] и хухэхотоских торговцев, и пожелал встретиться с Далай-ламой [Asarayıci 1960: 77].

двух крыльев Халхи – левого и правого. И в третьем поколении сын Баяндара-хунтайджи (запад Халхи) – общехалхаский лидер – уже известен под именем Лайхор-хагана, тогда как их титул «хунтайджи» переходит к его двоюродному брату – Шолой-убаши-хунтайджи (впоследствии Алтын-ханы Западной Монголии). После смерти Абатай-хана второй его сын правит землями по р. Толе под именем Эрэхэй Мэргэн-хана.

В четвертом поколении (1630-е гг.) титулы закрепляются окончательно. Потомки Ашихая получают титул «дзасаку-хаганов», который переносится на их владения; кочевья Абатай-хана по р. Толе называются «тушэтухановскими», а восточная часть Халхи по титулу их правителя – Сэцэн-хановским аймаком. Как и для всей Монголии, верховный правитель обозначается титулом «хаган», тогда как другие титулом «хан» или «нойон».

Властвующую элиту Халхи можно разделить на две части: правящая аристократия и чиновничество. Попытаемся реконструировать структуру правящей аристократии по тексту «18 законов». Выявляется иерархическая однородность трех групп: ханов, борджигинов и табунангов¹³, что нашло отражение в Великом законе 1620 г. (XVI): «1. Если человек ханского происхождения этот закон нарушит, с него следует взять тысячу лошадей, сто панцирей, сто верблюдов. Если владетельный¹⁴ *борджигин* нарушит, с ним поступить так же. Если невладетельный¹⁵ *борджигин* [нарушит], взять с него три девятка... 6. Если человек ханского происхождения во время сражения сбежит, взять [с него] тысячу лошадей, сто верблюдов и сто панцирей. Если сбежит *борджигин* – наказание такое же. Если сбежит *табунанг* или *шигэчин*¹⁶ – наказание такое же» [BC3: 53–54]. Равенство зятьев пред-

---

¹³ Табунанг – зять императора или князя [Ковалевский 1601].

¹⁴ *Ulus-tu burjigin* [BC3, 2002: 34], т. е. владеющий людьми.

¹⁵ *Ulus-ügei burjigin* [BC3: 34], т. е. не владеющий людьми.

¹⁶ Н. П. Шастина [ШТ: 194] и А. Д. Насилов [BC3 2002] писали о том, что значение термина «шигэчин» неизвестно. Но на основании данных из «*Erdeni-yin tobci*» можно сделать некоторые выводы о статусе шигэчина. Если в «18 законах» шигэчин приравнивается к аристократической элите Халхи, то во Внутренней Монголии они тоже занимают лидирующие позиции, хотя и отмечается их зависимость от лидера: «южночороский Бечирэ шигэчин Тубдан-хана» (монг. *Tubdan-qan-u ebüre Соогуяс-un Becire sigecin terig-*

ставителями «Золотого рода» подтверждается и другими параграфами этого закона 1620 г. (XVI): «85. Если простолюдин (*isele kömün*) ударит *табунанга*, то наказание будет как за *борджигина*. 86. Если потомки *табунанга* станут *табунангами*, подчиняются закону *табунангов*. Если не станут *табунангами*, подчиняются закону *борджигинов*» [BC3: 59]. Люди ханского происхождения находятся под особой защитой, что отмечается в этом же законе: «8. Если простолюдин (*qaraşı kömün* [BC3: 34]) [проявит] недоброжелательность к человеку ханского происхождения, то его убить. Движимое и недвижимое имущество конфисковать» [BC3: 54].

Как и во владениях всемонгольского хагана, в Халхе представители Золотого рода выделяются маркером «борджигин», причем, как мы видим, они разделяются по их месту во власти на тех, кто ею обладает, управляя принадлежащими им людьми, и на тех, у которых подданных нет. Последние, как видно из Великого закона 1620 г. (XVI), приравниваются к чиновникам: «80. Если простолюдин (*isele*

ülen [Erdeni-yin tobci 1990: 143]). Упоминаются Угцадба Уран Тангариг табунанг и Тангуд Гуянг шигэчин, которые, представляя Дарджия-хунтайджи (монг. *Darjij-a qong tayiji-yin Uγcadba uran tangyariγ tabunung: Tangyud güyang sigecin*), в числе других возглавляли посольство [р. 180]. Например, Хутухтай Сэцэн-хунтайджи отправил посольство, которое, наряду с ламами, возглавляли Усундар шигэчин и Алтан шигэчин (*Usungdar sigecin: Altan sigecin terigüten[-e] elci ilegejü* [Erdeni-yin tobci 1990: 139]. Эшигэ, дочь халхаского чжалаирского Эсэн шигэчина, была второй женой Гун Билиг Мэргэн-джинона, старшего брата Алтан-хана, которая называлась *abay-a bergen qatun* [Erdeni-yin tobci 1990: 136], где слово «абага» означает «тетка, жена младшего отцова брата» [Ковалевский 1844: 41]. Хотя в одном из законов шигэчин приравнивался к табунангу, скорее всего титул можно отнести не к родовой аристократии, а к чиновничьей элите. В «Шара туджи» упоминается халхаский Уд Болот, который был подданным (албату) Даян-хана и доставлял ему «в сушеном виде убитых диких лошадей, куланов и во время его отсутствия харачу находились в ведении шикчинов джалаирских, им было велено ведать юртами» [ШТ 1957: 162]. К тому же в Великом законе 1620 г. (XVI) они перечисляются в ряду чиновников: «59. Если шигэчин (*šigečün*), полководцы (*örlög*), знаменосцы (*tuyči*), трубачи (*büregeči*), *тайши* (*tayiši*), дарханы (*darqad*), хорчин (*qorčün*), птичники (*šibayučün*), шабинеры (*šabi-nar*) или телохранители (*kiy-a*) совершат кражу, то наказание для всех одно: женщина [штрафуется] десятью девятками, мужчина – восемью» [BC3: 57].

kömün) делает замечание невладетельному борджигину, полководцу (örlög) или телохранителю (kiy-a), [взять с него] пяток. Если ударит – [взять] два девятка» [BC3: 59]. Возможно, именно о невладетельных борджигинах идет речь и в законе шести хошунов («14. Кто оскорбит *борджигина*, с того взять пяток. Если кто оскорбит действием, то наказание будет больше, чем [за оскорбление] простолоюдина (монг. *isele kömün* [BC3: 22].) [BC3: 40]), поскольку штраф ниже, чем при подобном действии по отношению к элчи: «15. Кто оскорбит *элчи*, с того взять один девяток. Кроме того, взять лошадь» [BC3: 40].

Можно говорить о том, что на этих трех группах лежит наибольшая ответственность за сохранение стабильности в Халхе¹⁷: ханы, борджигины и табунанги наказываются больше других за нарушение принятых законов (XVI – 1), о чем говорилось выше, за пренебрежение своими обязанностями перед сообществом. Но если в предыдущем пункте наказание ханов, табунангов и шигэчинов было одинаковым, что позволяло предполагать равенство их статусов, то в следующих пунктах картина иная: «4. Если человек ханского происхождения не приедет на съезд, взять [с него] сто лошадей и десять верблюдов. Если *табунанг* или *шигэчин* не приедут, взять [с них] пятьдесят лошадей и пять верблюдов.

5. Если несколько великих и малых нойонов, имеющих отоки на левом и правом крыльях [владений] Хана-ахая (точнее Хаган-ахая. – *Т. С.*) переменяют место кочевья, взять [с них] пятьдесят лошадей и пять верблюдов. Если табунанг или шигэчин откочует, взять [с него] три девятка» [BC3: 53–54]. К этому можно добавить и упомянутый выше пункт о поведении на поле боя (XVI – 6).

---

¹⁷ В законе 1616 г. (XI): «2. Если от чужеземцев пришло срочное известие, то в пограничном хошуне следует без спешки, тщательно провести съезд. Если [кто] не приедет, [с тем] поступить в соответствии с Великим уложением. Если с какой-нибудь стороны придет срочное известие, срочно передать его убасандзе этого хошуна. Если случится государственное дело, то хан (хаган. – *Т. С.*), тайху и нойон должны собраться в центре Великого отока. Великие нойоны должны иметь с собой четырех людей, малые – двух. [Следует] собраться без промедления. [Кто] на сколько дней задержится, [с того] взять столько лошадей. Если [кто] вообще не приедет, [с тем] поступить в соответствии с Великим уложением (с того взять штраф в больших размерах. – Пер. мой. – *Т. С.*). Если будет приказ о выступлении, всем собраться под черным знаменем» [BC3: 50].

В последнем пункте обращает на себя внимание обозначение группы, из которой исключены табунанги и шигэчины-нойоны: «несколько великих и малых нойонов, имеющих отоки на левом и правом крыльях Хаган-ахая», т. е. Халхи (монг. *qayan aqai-yin jegün barayun jigür bolju otuylaysan kedün yeke baγa nouad* [BC3: 53–54]). На основании этого текста можно предположить, что титулом «нойон» обозначалась та часть элиты, во владении которой были отоки. Можно предположить, что титул «нойон» присваивался представителям ханского рода, исходя из размера штрафа закона 1614 г. (IX) «5. Если нойон даст *табунангу* еще одну жену, то прежнюю жену с приданным следует вернуть ее отцу. Новой жене приданого не давать. Если дать, то следует забрать сто лошадей и десять верблюдов» [BC3: 49]. Здесь можно отметить также то, что нойон – это человек княжеского рода, поскольку его зять носит титул «табунанг».

О том, что люди (улус) были наибольшей ценностью, которой владели нойоны, свидетельствуют пункты закона 1614 г. (IX) «1. Если один нойон убьет другого, то его выгнать. Улус его разделить. Половину отдать [родственникам] убитого. 2. Если нойон возьмет в [жены] свою родственницу, их следует разлучить и взять сто семей. Если ста семей не будет, следует взять половину» [BC3: 49]. Как видим, размер владения может быть и меньше ста семей. Вероятно, именно поэтому нойоны разделялись на больших и малых: «Если случится государственное дело, то хан (хаган. – *T. C.*), тайху и нойон должны собраться в центре Великого отока. Великие нойоны должны иметь с собой четырех людей, малые – двух» [BC3: 50].

Кроме того, можно предположить, что нойонам выделялся скот на кормление, что следует из закона 1614 г. (VIII) «1. Если все эти нойоны и тайджи, зная вину подданного, не выдадут его, пусть пять суток кормятся за свой счет. На пятые сутки попросить у нойона корову. Если [нойон] не даст, то корову забрать» [BC3: 48].

Был ли титул «нойон» обобщающим или он маркировал персональный статус, что можно предположить, исходя из того, что тайджи и нойоны позиционируются как разные категории? Следует обратить внимание на участников съездов по принятию «18 законов», носивших титул «нойон». Среди исследователей утвердилось мнение, что этот титул имеет обобщающее значение и используется для обозначения всех правителей, облеченных властью. Так, Б. Я. Владимирцов

писал: «Титул этот (нойон. – Т. С.) начинает обозначать, почти исключительно, настоящих феодальных сеньоров, т. е. тайджи, хонтайджи, джинонгов и ханов» [Владимирцов, 2002б: 449]. Эта многозначность термина закрепилась и в словарях: «князь, владыка, повелитель, господин, глава, начальник, предводитель» [Ковалевский 1844: 694]. Посмотрим, так ли было во второй половине XVI – первой половине XVII в.

Если старший сын Гэрэсэндзэ Джалаир-хунтайджи назывался Ашихай Дархан-хунтайджи, наследуя титул отца, то третий сын¹⁸, возглавлявший левое крыло, именовался нойоном – Нунуху Уйцзэн-нойон, как и четвертый – Амин Дурал-нойон.

В следующем поколении, как уже упоминалось, появляются носители титула «хан/хаган» и происходит перераспределение титулов: титул «хаган/хан» передается старшему сыну, тогда как последующие получали титул «нойон»: так именовался второй сын Лайхор-хагана Убандай Дармашири – Убандай-нойон и второй сын Эрэхэй-хана Тушэту-нойон и его четвертый сын Доржи-абай, или Дорджи Тэгурхэчи-нойон¹⁹. Титулом нойон также маркируются: Джиргаланг Сахигчи Хатан-Батар-нойон, или Тубэт Хатан-Батар – сын Ноянтай Хатан-батара, второго сына Гэрэсэндзэ Джалаир-хунтайджи²⁰; Абугу Мэргэн-нойон (1556–?) – второй сын²¹ Нунуху Уйцзэн-нойона, Хундулэн Цухэр-нойон, или Тумэнкин Хундулэн Цухэр-нойон²² (1561–1640) – его

---

¹⁸ Второго сына Гэрэсэндзэ звали Ноянтай Хатан-багатур.

¹⁹ Участвовал в составлении закона 1603 г. и одного из законов 1614 г. [ВСЗ: 62].

²⁰ По данным «Шара туджи», родился в 1551 г. [ШТ: 164]. Он возглавлял принятие закона 1604 г. Его имя упоминается вслед за Дзасакту-ханом среди участников съездов 1617 и 1620 гг.

²¹ Первый сын получил титул «хан» – Абатай Сайн-хан. Третьим сыном Нунуху Уйцзэн-нойона был Хитад Йэлдэнг-хошигучи, или Великий Хитад-тайджи [ВСЗ: 63].

²² «Так как Тумэнкин, находясь во главе желтошапочников, укреплял желтую веру, тангудский Далай-лама поблагодарил его, пожаловав титул ‘сайн-нойон’, и заставил уважать его наравне с тремя ханами аймаков» [ВСЗ: 119]. ...Один из съездов 1616 г. состоялся перед кумирней, носящей его имя» [ВСС: 50]. Его старший сын Дзодба-Сэцэн-тайджи, или Дзодба-сэцэн-нойон (1588–?), Цоу-тайджи – один из его десяти сыновей [ВСЗ: 61]. Цэрэн-тайджи – его третий сын, Лояг-тайджи – четвертый, Батар-тайджи – девятый, Хун-тайджи, или Синарагсад Хун-нойон, – десятый сын Хундулэн Цухэра.

четвертый сын, Бахарай-хошигучи-нойон – пятый сын. Стали именоваться нойонами и сыновья Саму Буймы, седьмого сына Гэрэсэндзэ Джалаир-хунтайджи: Дзоргул-нойон (1562–?), или Хонгор Дзоргал – старший сын и Хулан-абай-нойон (1579–?), или Хулан Уйдзэн-нойон – его второй сын [BC3: 66].

Сыновьями Абугу Мэргэн-нойона были Ангахай Мэргэн-нойон, сыновьями которого были Бингту-тайджи, или Дугэржав Бингту-тайджи, и Сону Дайчин-хунтайджи²³, и Рахули Далай-нойон, или Раху-тайджи²⁴ [ШТ 1957: 155]²⁵.

Мы видим, что титул «нойон» использовался в титулатуре аристократии Халхи наряду с титулами «тайджи» и «хунтайджи», что не позволяет полностью согласиться с Б. Я. Владимирцовым и А. Д. Насиловым, утверждавшим, что «обладатели перечисленных выше титулов входили в сословие нойонов» [BC3: 71]. Достаточно посмотреть родословные халхаских правителей в «Шара туджи», чтобы увидеть, что титул «нойон» является таким же маркером статуса, как и упомянутые выше. Например, сыновьями Гэрэсэндзэ были «Ашихай Дархан-хунтайджи, Ноянтай Хатан Багатур, Нухунуху Уйцэн-нойон, Амин Дурал-нойон, Дарни-тайджи, Далдан Хундулэн и младший Саму» [ШТ 1957: 153]²⁶.

Можно говорить о том, что титул «нойон» служил для обозначения специального статуса, как свидетельствует вышеизложенный материал. Иногда он даже дублировал другой, используемый и во вре-

---

²³ Сону Дайчин-хунтайджи упоминается также среди участников халхаджунгарского съезда в 1640 г.» [BC3: 64].

²⁴ Раха-тайджи, или Рахули Далай-нойон, – один из крупнейших князей Тушетухановского аймака, который участвовал в съездах 1614 и 1620 гг. [BC3: 65].

²⁵ Остались невыясненными имена нойонов, упоминаемых в «Великом законе» 1620 г. (XVI): Хошууч-нойон (можно предположить, что это Бахарай-хошигучи-нойон – пятый сын Нунуху Уйцэн-нойона) Цокту-[нойон], Йелдэнг-нойон (возможно, он же Йелдэнг-тайджи), Олдзийту-нойон (возможно, это Олдзийту-тайджи – старший сын Абатай-хана).

²⁶ Хотя, возможно, что титул приобретает и общее значение: «47. Если простолюдин (qara terigütü), не спросясь у нойона, уйдет, [взять у него] алданги: панцирь, четыре лошади, одного верблюда» [BC3, 2002: 42].

мена Чингис-хана – багатур. Так, например, Хатан-батар назывался одновременно Хатан-батар-нойон, а Дай-батар – Дайчин Батар-нойоном²⁷. Но у него есть и более общее значение, когда он маркировал представителей Золотого рода. В преамбуле закона 1603 г. (III) сообщается, что в его принятии участвовали во главе с Хундулэн-Цухэр-нойоном хунтайджи, тайджи, абай²⁸ и кроме них «другие крупные и малые нойоны» [BC3: 45], что позволяет включить в число нойонов и перечисленные группы.

В Великом законе 1620 г. (XVI) нойонами обозначаются младшие братья хана: «12. Если хан оскорбит своих младших братьев, взять с него девяток: восемь лошадей и одного верблюда. Если младшие братья – нойоны оскорбят своего старшего брата (хана. – *Т. С.*), взять с них три девятка во главе с тремя [верблюдами]» (Пер. мой. – *Т. С.*) (монг. *qan kömün degü-degen dongyud-basu nayman mori ab. degü noyad aqa-dayan dongyudbasu yurban (temege?) terigüleji yurban yisü ab.* [BC3: 35]). В этом же законе штрафы за нойонов выше, чем за старейшину и табунанга, что позволяет говорить об их более высоком статусе: «82. Если [кто] прекратит поставку довольствия нойонам, взять с того три девятка» [BC3: 59]. Тогда как за недоставку продовольствия старейшине взимается штраф девяток, а табунангу – пяток [Там же].

Представленный материал позволяет говорить о том, что титул «нойон» маркировал представителей аристократической элиты – потомков Гэрэсэндзэ Джалаир-хунтайджи, т. е. Золотого рода Чингис-хана. Исходя из того, что у некоторых из них этот титул сменял титул «тайджи»²⁹, можно предполагать, что титул «нойон» в этот период был рангом выше.

Титулом «тайджи» обозначались потомки правителей или, как их называет Б. Я. Владимирцов, «владельцы царевичи»: «Они еще во время Юаньской династии стали именоваться уже не *köbegü*, а *taiiji*,

---

²⁷ В законах 1617 г. (XIV) Дай-батар, а в законе 1620 г. (XVI) Дайчин Батар-нойон упоминается на третьем месте после Хаган-ахая и Хатан-батара, а вслед за ним следует Хундулулэн Цухэр-нойон [BC3: 52, 53].

²⁸ Ламаскиб, Ламадар и Дорджи, которые в 1614 г. (VIII) уже носят титул «тайджи» [BC3: 48].

²⁹ Например, Раху-тайджи стал именоваться Рахули-нойон и Дзодба-эцэн-нойон, или Дзодба-тайджи, как мы видели выше.

словом, взятым из китайского (тай-цзы – “царевич”)... Только потомки Йёсугей-багатура и Чинигс-хана, настоящие члены altan urug – Золотого рода называются тайджиями и никто другой ни в каком случае не имеет права на этот титул» [Владимирцов 2002б: 437]. И на самом деле мы обнаруживаем многочисленных потомков семи сыновей Гэрэсэндээ – тайджи, участвовавших в принятии восемнадцати законов Семи хошунов.

Среди потомков Абатай-хана отмечаются Олдзийту-тайджи – его старший сын, носивший титул «шувуутай», и Баранг-тайджи – внук Эрэхэй-хана. Дайчин-тайджи был сыном Абаху Мэргэн-нойона, младшего брата Абатай-хана.

Из потомков Нунуху Уйцзан-нойона: Великий Хитад-тайджи – третий сын Нунуху Уйцэн-нойона Хитад Йэлдэнг-хошигучи; его внук Цокту-тайджи³⁰ – сын Бахарай-хошучи, пятого сына Нунуху-Уйцана; Бингту-тайджи – сын Ангахай Мэргэн-нойона, внука Нунуху Уйцэн-нойона Дугэржав Бингту-тайджи. Раха-тайджи – младший сын Абугу Мэргэн-нойона, второго сына Нунуху Уйцэн-нойона – Рахули Далай-нойон. Один из крупнейших князей Тушетухановского аймака. Участвовал в съездах 1614 и 1620 гг.

Сыновья Тумэнкин Хундулэн Цухэр-нойона: Дзодба Сэцэн-тайджи (1588), Цэрэн-тайджи, Лояг-тайджи, Батар-тайджи. Сыновья Дзодба Сэцэн-тайджи или Дзодба-сэцэн-нойона: Цолум-тайджи Цоу-тайджи, Цэмбум-тайджи.

Сыновьями Сэцэн-хана Шолоя были: Мацари-тайджи, или Мацари Йэлдэн, – старший сын, потомки которого были правителями двух хошунов Сэцэнхановского аймака; Лабари-тайджи, или Лабари Эрхэ-тайджи, – второй сын; Цабари-тайджи, или Цабари Эрдэни-убаши, – третий сын; Баба-тайджи – четвертый сын, унаследовавший титул отца, став правителем Сэцэнхановского аймака. В «Истории Асарагчи» упоминается как Баба Сэцэн-хан [АНТ, св. 86].

Холчи-тайджи – сын Шолой-хунтайджи, или Шолой Сайн Убаши-хунтайджи (1567–1627), будущего Алтын-хана.

---

³⁰ «...родился в 1581 г. ...В результате разногласий с халхаскими нойонами, в основном на религиозной почве, и из-за участия в халха-ойратском конфликте около 1630 г. был вынужден покинуть Халху. Участвовал в принятии закона 1603 г., трех законов 1614 г., одного из законов 1616 г. и закона 1620 г. ...Погиб в районе озера Кукунор в 1636 г.» [ВСЗ: 61].

Сэцэн-тайджи – вероятно, Ангату Сэцэн-тайджи, внук Галдан Хундулэна, шестого сына Гэрэсэндзэ Джалаир-хунтайджи. В «Шара туджи» говорится, что Ангату Сэцэн-тайджи родился от жены Дзокту Дайчин-батара в 1573 г. [ШТ: 166]. Видимо, он и участвовал в принятии законов 1603, 1604, 1614, 1616 и 1620 гг.» [ВСЗ: 61].

«Тарба-Даши-тайджи – племянник Олдзий-хунтайджи» [ВСЗ: 64]. Гунгу Скиба-тайджи, который был сыном Эрдэни-хунтайджи» [ВСЗ: 65].

Можно говорить о том, что по сравнению с Монгольской империей Чингис-хана структура властвующей элиты – Золотого рода – усложнилась, точнее, иерархически стратифицировалась, что маркировалось употреблением заимствованных китайских терминов. Некоторый свет на иерархию может пролить обзор участников съездов по принятию восемнадцати законов, их места в списке. Прежде всех, как уже говорилось, упоминается хаган, а за ним следуют нойоны, хунтайджи и тайджи. Единожды упоминается Дай-батор (впоследствии Дайчин Батор-нойон) и два табунанга – Хардигичи и Билэгту-Дзайсан, завершающие список. При этом необходимо отметить, что наряду с иерархическим перечнем (правящие тайджи – *jasay-un taujinar* [ВСЗ: 31], хунтайджи, тайджи, табунанг [ВСЗ: 50]), хунтайджи может упоминаться после тайджи [ВСЗ: 45], причем и те и другие могут называться крупными и малыми нойонами. Если в принятии закона принимали участие представители разных рангов, то иерархия выстраивается следующим образом: в законе 1617 г. – хаган, нойон, «великие и малые тайджи» [ВСЗ: 52], в законе 1614 г. (X) – Тушету-хан, нойон, хунтайджи, тайджи и другие «великие и малые тайджи» [ВСЗ: 65].

Если в китайской традиции хунтайджи – это наследственные царевичи, то в монгольской среде этот титул носили необязательно старшие сыновья правителя.

Чиновники

В отличие от Монгольской империи эпохи Чингис-хана, можно говорить и о появлении управленческих институтов разного уровня. Прежде всего, стоит заметить, что сохранились некоторые титулы, которые мною интерпретировались как обозначение придворных чинов, но появились и новые, что свидетельствует об усложнении социальной структуры монгольского общества и появлении новых функций.

Особого внимания заслуживают элчи, о статусе которых говорилось выше. То, что права элчи на получение подвод утверждались Великим улусом [BC3: 25, 38], и лица, занимающие эту должность, часто возглавляли посольства [Erdeni-yin tobci 1990: 139, 180], можно говорить о том, что как в Монголии, возглавляемой великими хаганами, так и в Халхе складывалась административная структура, аналогичная Посольскому приказу в России. К тому же, как мы видели, элчи носили титул «шигэчин», сравнимый с аристократической элитой. Можно предположить, что элчи Великого улуса называются *törü-yin elçi* – элчи закона или правления, что зафиксировано в законе 1603 г.: «12. Государственного элчи (*törü-yin elçi* [BC3: 27]. – *Т. С.*) не задерживать. Если кто задержит, с того взять лук. Другим элчи, кроме [следующих] по трем государственным [делам] («*törü-yin yurban elçi*». – *Т. С.*), обеда не давать. Если кто накормит, с того взять лук» [BC3: 45]. Вероятнее всего, выражение «*törü-yin yurban elçi*» означает «три элчи закона». Исключительность элитной группы элчи подчеркивается их связью с верховной властью в законе Шести хошунов: «65. Если [кто] не даст лошадь для элчи с княжеским поручением, [с того] взять один девяток» [BC3: 43]. На самом деле речь здесь идет не о княжеском поручении, а о законе или приказе Великого улуса, согласно которому едет элчи: «Приказ Великого улуса: кто не даст лошадь элчи, с того [взять] девяток (пер. мой. – *Т. С.*, монг. «65. *yeke ulus jarliy bolju elçi (unuq)u mori /a10/ (eçi)gsen-i ese ögbesü nigen yisütü*)» [BC3: 25]). Причем получение лошади – это привилегия элчи при исполнении служебных обязанностей, тогда как в качестве частного лица он должен путешествовать на своих: «13. Элчи, следующий по добровольным делам, должен иметь свою лошадь. В хошунах, встречаемых по пути, ему лошадь не меняют. В конечный хошун он прибывает на своей лошади» [BC3: 45].

Элчи находится в непосредственном подчинении хана/хагана и выполняет его поручения. Так, согласно закону Четырех хошунов 1614 г.: «1. Если дважды виновный не сознается, взять три овцы. Если после этого не сознается, следует спросить у хана. Хан, послав элчи, берет одну лошадь. Если этому будут чиниться препятствия, взять эту лошадь с привязью. Если после этого не сознается, то, послав по одному элчи из каждого из Четырех хошунов, взять четыре лошади. Если и после этого не сознается, то, послав восемь элчи, взять восемь

лошадей. Если и после этого не сознается, то [следует поступать] таким же образом. Увеличивая [число] *элчи*, брать [скот]» [ВСЗ: 48]. В этом законе реконструируется структура политики «Четыре хошуна», в котором безусловное лидерство приписывается хану и фиксируется паритет хошунов в общности и их несомненная роль в решении проблем. А согласно закону Четырех хошунов 1616 г. (XI): «Любой долг или штраф Четырех хошунов взимать, послав ханских *элчи*» [ВСЗ: 50]. Причем в некотором роде *элчи* может выступать и в качестве высшего советника, согласно закону 1611 г. «3. Правильные дела не оставляйте! Неправильный поступок обсуждайте с *элчи*!» [ВСЗ: 46].

Кроме того, что *элчи* может выступать посланником верховной власти, в его функции входило извещение о предстоящих событиях. «50. Если не дать подводу для *элчи*, объявляющего о собрании, облавной охоте или для обряда *хойлаган*, взять одну лошадь. Если подводу займет любой другой *элчи*, взять [с него] пяток» [ВСЗ: 42].

Одной из важнейших обязанностей *элчи* было исполнение наказания в хошунах, например, возвращение беглецов в границах Шести хошунов: «56. За беглецом, отправившимся в другой хошун, послать *элчи* из каждого хошуна. Если [какой-нибудь] хошун не пошлет, взять двух лошадей» [ВСЗ: 42]. Причем это касается не только отдельных людей, но и крупных объединений, что отразилось в законе 1603 г.: «1. Если какой-нибудь оток, не согласовав, отделится, его вернуть [с помощью] двух хошунных гонцов (*элчи*. – Т. С.). Каждому гонцу дать по две лошади. Если не дадут, взять пять верблюдов и пятьдесят лошадей» [ВСЗ: 45]. Т. е. кроме высших *элчи* государственного уровня существовали еще и *элчи* хошуна, которые, вероятно, тоже относились к присутственному месту своего хошуна.

В функции *элчи* входило также сопровождать виновных на суд правителя: «52. Если случится какой долг или проступок, то, доставив [виновного] с *элчи* к нойону...» [ВСЗ: 42]. Например, если при ссоре двоих один из них не является на рассмотрение дела после трех вызовов, «послав *элчи*, взять лошадь» [ВСЗ: 43]. Из Великого закона 1620 г. (XVI): «88. Виновного человека отправлять с *элчи*. Если отправить без *элчи*, то дела не разбирать» [ВСЗ: 59].

Можно предположить, что *элчи*, забирая у виновного штраф (девяти, пяток), выполняет функцию экзекутора: «13. *Элчи* берет еще

полдевятка» [BC3: 40] или «6. Элчи, задержавший виновного, берет каждого скота по одной паре лучших» [BCC: 44]. С одной стороны, можно предположить, что скот, взятый элчи за выполнение этой функции, выступает в качестве платы за службу. Но, с другой стороны, согласно закону 1604 г., элчи обязан выдавать подводы, что может свидетельствовать о том, что они, как и шулэнги отвечают за содержание уртонной службы: «5. Приглашенный лама должен иметь с элчи три подводы» [BC3: 46] и «6. Приглашенный банди должен иметь с элчи две подводы. В сутки [получает] одно довольствие. Обедом не кормить» [BC3: 46].

Чиновники составляют аппарат, который организован в специальный институт – ям (yamu), что эксплицитно представлено в следующем пункте Великого закона 1620 г. (XVI): «81. Если простолюдин (isele kömün) ударит острием (колющим предметом) чиновного человека (ede yamutan nar. – Т. С.), [взять с него] пяток. Если ударит чем другим [взять с него] лошадь» [BC3: 59]. Соответственно, люди, служащие в этом аппарате, называются должностными или чиновными: «9. Если чиновный человек (монг. yamutu kömün [BC3: 26]) воспользуется потерявшейся лошастью, пусть отдаст ее, прибавив к ней корову. У нечиновного человека (монг. yamu ügei kömün [BC3: 26]) взять лошадь» [BC3: 44].

Чиновники (yamutan) защищаются законом, как и аристократия халхаского общества: «7. Если кто оскорбит привилегированного (монг. edüi bügüde yamutan-i [BC3: 28]), с того взять один девяток и одного верблюда с лишком» [BC3: 47]. Точнее приведенное монгольское словосочетание следует переводить как «всех этих чиновников». «Все эти чиновники» перечисляются в предыдущем пункте закона 1613 г. (VI) Четырех хошунов, принятого недалеко от кумирни Вчирай Сайн-хана. Там упоминаются следующие ламы и чиновники, жены которых имеют те же привилегии, что и их мужья: учителя [göüši], хонджин [qonjin], сэнджин [senjen], настоятель [širege-tü], полководец [örlög], гухултон [gökeltен], телохранитель [kiy-a], знаменосец [tuүci], трубач [büregeči], начальник [darуа], дарханы с особыми правами [jouqu-tu darqad] [BC3: 47]. Как и в этом законе, во всех других должностях, как правило, выступают в группе. Так, согласно Великому закону 1620 г. (XVI): «14. Если наставник [bayši], телохранитель [kiy-a],

знаменосец [туҗи], трубач [бүрегеҗи] или полководец [өрлөг] будут убиты, то возместить пятью пятками. Считать [этот штраф] *андза* [BC3: 54].

Аналогичность наказания за сходные поступки позволяет предполагать некоторое социальное равенство как предыдущих, так и следующих социальных групп: «Если [кто из] *шигэчинов*, полководцев (өрлөг), знаменосцев (туҗи), трубачей (бүрегеҗин), *дарханов*, *шабинаров* или *тайши* украдет, взять с того два неполных девятка» [BC3: 41]. В отличие от этого закона, датируемого предположительно концом XVI в., в Великом законе 1620 г. размер наказания для чиновников, совершивших кражу, значительно возрастает: «59. Если шигэчин (šigečĭn), полководцы (өрлөг), знаменосцы (туҗи), трубачи (бүрегеҗи), *тайши* (тайиши), дарханы (darqad), хорчин (qorčĭn), птичники (šibaуүčĭn), шабинары (šabi-nar) или телохранители (kiу-a) совершат кражу, то наказание для всех одно: женщина [штрафуется] десятью девятками, мужчина – восемью» [BC3: 57]. Можно говорить о возрастающей ответственности чиновников за сохранение стабильности халхаского общества, которая соотносима с ответственностью правителя. Это зафиксировано в Великом законе 1620 г., когда шигэчин приравнивался человеку ханского происхождения, к владетельным и невладетельным борджигинам, табунангам (пункт 1) [BC3: 53], а полководец (өрлөг) и телохранитель (kiу-a) – к невладетельному борджигину (пункт 80) [BC3: 59].

С одной стороны, как мы видели, чиновники называются «уауи-тап», что дословно означает «те, кто служит в присутственном месте». С другой стороны, чиновники как социальная группа выделяются специальным термином *тушимел*, который впервые встречается уже в законе Шести хошунов [BC3: 43]. Прежде всего, в функции тушимелов входило решение частных проблем в своем хошуне, являясь чиновниками, служащими своему правителю (нойону). Для этого специальным параграфом Великого закона 1620 г. (XVI) конкретные люди, имена которых называются, были утверждены на должность тушимелов: «Тушимэлы Семи хошунов. У Хана-ахая: Хошууч Дэлгэр-дзанги, Дзобалга Абахай Магу-хэхун. У Хатан-батара: Гуши-хонджи, Хури Дайсан Бугур-орлуб. У Хонджин-тайджи: Чанмай-тобчиту. У Оннигуд-тайджи: Унагай-дзаягачи. У Тугуху Дайчин-батара: Эсэй-сартай.

У Хундулэн Мухэра: Хонджин Хулчэнгуй-байгаджуни, Сагарал-дзаягачи, Хусэнту Дзаягачи-дзогсуга. У Хошууч-нойона: Чугучугэр-мундуй. У Цокту-[нойона]: Магагчин-шигэчин, Богучи-шулэнг. У Хулан-нойона: Бэлгэту Бунгуй-Йэлдэнгхэй, Тугудэр-гушиэту, Шигухир-бигинту. У Бингту-тайджи: Эрхэ Батучин-багш, Ахаблаху-дзаягачи, Багадзай-хиа. У Убандай-тайджи: Ахухай Илчу-саргача Ухумай-багш. У Мэргэн-тайджи: Ширэмун-орлог, Бурэй-турудэг. У Хунтайджи: Эрхэ-тудухэй, Адай-дзаягачи, Багаджин Дзаягачи-мэдэгэчи, Баяджих-батар, Гэгэн-мэдэгэчи. У Цокту-тайджи: Ахачин-шигэчин, Эрхэ-абудай, Сэнгэй-дзаягачи, Чурху-орлог. У Рахули-тайджи: Шигуха Гэгэ-хэй-шулэнг» [BC3: 55].

Наряду с упоминаемыми в цитируемых выше законах должностными титулами (хонджи[н], шигэчин, багш, хиа, орлог), с уверенностью можно говорить о том, что маркерами титулов являются и следующие обозначения – дзанги, дзаягачи, шулэнг³¹, мэдэгэчи. В качестве возможных, но вызывающих большое сомнение могут выступать обозначением титулов такие слова в именах как тобчиту, дзаягачи-дзогсуга, бигинту, турудэг, тудухэй, батар.

Статьи Великого закона 1620 г. (XVI) подтверждают несение службы чиновниками у нойонов: «89. Подводы для жертвоприношений и для судебных дел брать у нойона. Если в это время предназначенные для этого лошади отправятся [по другим делам], то спросить с *тушимэлов*, поддерживающих закон. Если не дадут, взять этих лошадей в качестве *алданги*» [BC3: 59]. Можно предположить, что специальные лошади, ответственность за распределение которых несли чиновники, для посланников держались у нойона постоянно, исходя из

---

³¹ А. Д. Насилов пишет, что «шулэнг – чиновник местной администрации; староста двадцати семей» [BC3: 61]. Согласно текстам восемнадцати законов функции шулэнга восстанавливаются совершенно определенно – ответственность за скот: «12. О скоте нойона следует заботиться *шулэнгэ*» [BC3: 44]. Закон 1616 г. (XIII): «Шуленга подвергается присяге при обнаружении бесхозного скота [BC3, 2002: 51]. Закон 1614 г. (X): «1. Относительно кражи лошадей привести к присяге *даргу*. Если больше пяти лошадей, привести *даргу*. Если меньше четырех – *шулэнга*. 2. Если *дарга*, зная, убежит, взять у него *алданги* одного верблюда и четырех лошадей. Если *шулэнг*, зная, [убежит], взять с него одного верблюда и двух лошадей» [BC3: 49].

значения монгольского текста: «Если в это время две лошади, предназначенные посланникам (элчи) отсутствуют (*tere jaγura tere qoyar elči-yin morin ešebesü* [BC3: 38])». Чиновники же называются «чиновниками, поддерживающими закон нойонов (*noyad-yin yosun bariγan tüšimed* [BC3: 39])»

Должностные лица были обязаны исполнять предписанные им функции, что уже отмечалось в законе Шести хошунов (конец XVI в.): «61. Если *тушимэл* решит тяжбу неправильно³², взять с него пяток во главе с верблюдом» [BC3: 43]. Ответственность чиновников за выполнение своих обязанностей подтверждается и Великим законом 1620 г. (XVI): «91. Если *тушимэлы*, поддерживающие закон, будучи пьяными, неправильно разберут дело, взять с них *алданги*. [Виновных] уволить. 92. Если *тушимэлы*, поддерживающие закон в хошуне, между собой поссорятся, будут заниматься рукоприкладством, взять [с них] пяток. За оскорбление словом следует взять лошадь» [BC3: 59]. Как видим, чиновники, отличающиеся неправильным поведением, т. е. нарушающие стабильность в хошуне, наказываются. Закон 1603 г.: «Если *тушимэл* будет своекорыстничать в своем хошуне, пусть об этом узнает нойон. Если в другом хошуне – взять *алданги*: половину всего [имущества]» [BC3: 45].

Выше упоминалось, что закон определял чиновника как лицо, исполняющее законы правителя – нойона (*noyad-yin yosun bariγan tüšimed*). Исходя из статьи второй, где чиновники, начиная с хонджина и гуши, называются *jaγaγ bariγsan darqad* («дархаты, осуществляющие управление» или досл. «дархаты, держащие правление»), можно утверждать, что в их функции входило осуществление управления в хошуне, за что они пользовались льготами. Это постулируется в Великом законе 1620 г. (XVI): «2. Чиновные *дарханы* Семи хошунов, начиная с *хонджин* и *гуши*, не предоставляют подвод, кроме как [посланцам, едущим] по трем делам. Если не предоставят подвод и довольствие по трем делам, то взять [с виновного] тридцать *бодо*» [BC3: 53]. Причем, властные полномочия чиновников могли выходить и за пределы своего хошуна. Так, в законе Четырех хошунов 1616 г. (XI)

---

³² Единственный раз упоминается специальный термин, маркирующий судебную функцию, во втором законе: «7. Судья (*jaγuči* [BC3: 26]) получает одну голову скота [за разбор дела]» [BC3: 44].

сообщается: «3. Если какой-нибудь хошун будет [вести] трудные переговоры, то пригласить на них по одному *тушимелу* от каждого из четырех хошунов» [BC3: 50]. В данном пункте позиционируется довольно высокий статус тушимелов, когда они являются полноправными представителями правителей, делегируемыми обществом для решения сложных вопросов даже за пределами территории своего хошуна.

Содержание нижеследующих статей позволяет предполагать, что наряду с элитными чиновниками существовали группы чиновников местного уровня. Например, дарга, который, как и шулэнг, отвечал за скот [BC3: 49], как уже упоминалось. Но в небольшом законе осени 1616 г. (XII) содержатся данные о том, что дарга несет ответственность и за членов сообщества: «1. Если вор полностью не выплатит *андзу*, его лишить жизни, если после этого [*андза*] не будет выплачена и не будет выплачена в течение трех поколений, следует взять у *дарги* пять лошадей. ...3. Если жена вора скажет, что нойон ушел... привести к присяге ее *даргу*» [BC3: 51].

Вероятно, самым мелким представителем местной администрации был сайд: «8. Если [кто-нибудь] скажет чиновнику (*said* [BC3: 26]), что нет скота для оплаты за проступок, а потом окажется, что скот есть, взять [с того] три девятка» [BC3: 44], поскольку он называется десятником: «13. Провинившегося простолюдина (*qaraču kömün*) следует доставить к десятнику (*arban-i said*)» [BC3: 45]. Все это свидетельствует о многоступенчатой административной структуре халхаского общества XVI–XVII вв.

Как и в период Монгольской империи, власть в Халхе принадлежала потомкам Чингис-хана, составлявшим властвующую элиту, обозначаемую как общим маркером (борджигины), так и иерархически стратифицируемыми – хаган (хаган-ахай), хан, нойон, хунтайджи, тайджи. Можно говорить о том, что Халха представляла собой комплексную целостность (Семь или Шесть хошунов), на что указывают принятые всеми хошунами условия: главенство хаган-ахая, установление границ территорий, нарушение которых каралось; стремление к нерушимости этой целостности, имплицитно манифестируемое через наказание эскапистов; создание административного аппарата, исполняющего установленные законы и взимающего штрафы за их нарушение в пользу властвующей элиты. Все это свидетельствует в пользу

существования в Халхе ряда государственных институтов, с одной стороны. С другой стороны, постоянно повторяемые статьи о наказании за действия, направленные против центральной власти (хаган-ахая), появление правителей, использующих маркеры верховной власти и объявляющих себя ханами, в нескольких частях Халхи свидетельствуют о слабости центральной власти, что не позволяет считать Халху сложившимся государством.

Литература

АНТ: Жамба. *Асрагч нэртийн туух* [История Асрагчи]. Изд. Х. Пэрлээ. – Улаанбаатар, 1960.

Владимирцов Б. Я. 2002а. Где «пять халхаских поколений» – Табуун отоу Халха. *Владимирцов Б. Я. Работы по истории и этнографии монгольских народов*. – М.: 285–288.

Владимирцов Б. Я. 2002б. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. *Владимирцов Б. Я. Работы по истории и этнографии монгольских народов*. 295–488.

ВСЗ: *Восемнадцать степных законов. Памятник монгольского права XVI–XVII вв.* / Пер. с монг., коммент. и исслед. А. Д. Насилова. – СПб.: Петербургское востоковедение, 2002.

Горохова Г. С. Очерки по истории Монголии в эпоху маньжурского господства. М., 1980.

Гонгор Д. 1970. *Халх товчоон. Халх монголчуудын өвөг дээдэс ба халхын хаант улс. XIII–XVII зүүн* [Краткая история Халхи. Халха-монгольские племена и халхаское ханство. XIII–XVII вв.]. – Улаанбаатар.

Ермаченко И. С. 1974. *Политика маньжурской династии Цин в Южной и Северной Монголии в XVII в.* – М.: Наука.

История МНР 1983: *История Монгольской Народной Республики*. 3-е изд., переработ. и допол. – М.: Наука.

Их цааз 1981: *Их Цааз («Великое уложение»)*. *Памятник монгольского феодального права XVII в.* Ойратский текст / Транслитерация сводного ойратского текста, реконструированный монгольский текст и его транслитерация, перевод, введение и комментарий С. Д. Дылыкова. – М.: Наука.

Ковалевский О. М. 1844–1849. Монгольско-русско-французский словарь. Казань.

Ледяев В. Г. 2006. Концепции власти: аналитический обзор. *Антропология власти. Хрестоматия по политической антропологии. Т. 1. Власть в антропологическом дискурсе*. – СПб.: 82–102.

Лубсан Данзан 1973. *Алтан Тобчи (Золотое сказание)* / Пер. с монг., введение, коммент. и прил. Н. П. Шастиной. – М.: Наука.

МОЗ: Голстунский К. Ф. *Монголо-ойратские законы 1640 г., дополнительные указы Галдан-хунтайджи и законы, составленные для волжских калмыков при калмыцком Ане Дондук-даши.* – СПб., 1880.

Нацагдорж Ш. 1963. *Халхын түүх. Манжийн эрхшээлд байсан өөийн хураангуй түүх. 1691–1911* [Краткая история Халхи в период маньчжурского господства. 1691–1911]. – Улаанбаатар.

Нацагдорж Ш. 1978. *Монголын феодализмын Үндсэн замнал* [Основной путь монгольского феодализма]. – Улаанбаатар.

Пэрлээ Х. 1974. *Халхын шинэ ролсре цааз эрхэмжийн дурсгалт бичиг [Вновь найденный свод законов Халхи]. Монгол ба Төв Азийн орнуудын соёлын түүхэнд холбогдох хоёр ховор сурвалж бичиг* [Два редких источника по истории культуры Монголии и стран Центральной Азии]. – Улаанбаатар.

ШТ: *Шара туджи. Монгольская летопись XVII / Сводный текст, пер., введение и примеч.* Н. П. Шастиной. – М.; Л., 1957.

Шастина Н. П. 1958. Русско-монгольские посольские отношения XVII в. – М.

Щепанская Т. Б. 2006. Этнография политики как проблема. *Антропология власти. Хрестоматия по политической антропологии. Т. 1. Власть в антропологическом дискурсе.* – СПб.: 61–71.

Asarayči 1960: Asarayči neretü yin teüke. *Monumenta Historica* 2 (4). – Ulaanbaatar.

Erdeni-yin tobči 1960: Sanang Sečen. *Erdeni-yin tobči.* Monumenta Historica. – Ulaanbaatar.

Erdeni-yin tobči 1990: Sarang Secen. *Erdeni-yin tobči ('Precious Summary'). A Mongolian Chronicle of 1662.* The Urga text transcribed and edited by M. Goo, I. de Rachewiltz, J. R. Krueger and B. Ulaan. – Canberra: The Australian National University, Faculty of Asian Studies Monographs: New Series. № 15.

Heissig W. 1979. Die Zeit des letzten Mongolischen Grosskhans Ligdan (1604–1634). *Vortrage* 235. – Westdeutsche Verlag.

Kollmar-Paulenz K. 2001. *Erdeni tunumal neretü sudur. Die Biographie des Altan qayan der Tümed-Mongolen. Ein Beitrag zur Geschichte der religionspolitischen Beziehungen zwischen der Mongolei und Tibet im ausgehenden 16. Jahrhundert.* – Wiesbaden: Harrassowitz Verlag.

Rachewiltz I. de 1972. *Index to the Secret History of the Mongols.* – Bloomington (Indiana University Publications. Uralic and Altaic Series. Vol. 121).

Коллектив авторов

МОНГОЛЬСКАЯ ИМПЕРИЯ И КОЧЕВОЙ МИР

Утверждено к печати учеными советами
Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
и Института истории, археологии и этнографии
народов Дальнего Востока ДВО РАН

Редактор Е. И. Борисова
Художник Д. Т. Олоев
Корректор Э. Ц. Цыбенова
Верстка и макет
Н. Д. Жамбаева, А. М. Цыдендамбаева

Подписано в печать 08.06.2009. Формат 60×84 1/16.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс.
Усл. печ. л. 29, 1. Уч.-изд. л. 28,7. Тираж 300. Заказ № 6.

Редакционно-издательский отдел Изд-ва БНЦ СО РАН
670047 г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 8.

Отпечатано в типографии Изд-ва БНЦ СО РАН
670047 г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6.

Обложка отпечатана и брошюровочно-переплетные
процессы произведены в ОАО «Республиканская типография»
670000 г. Улан-Удэ, ул. Борсоева, 13.

